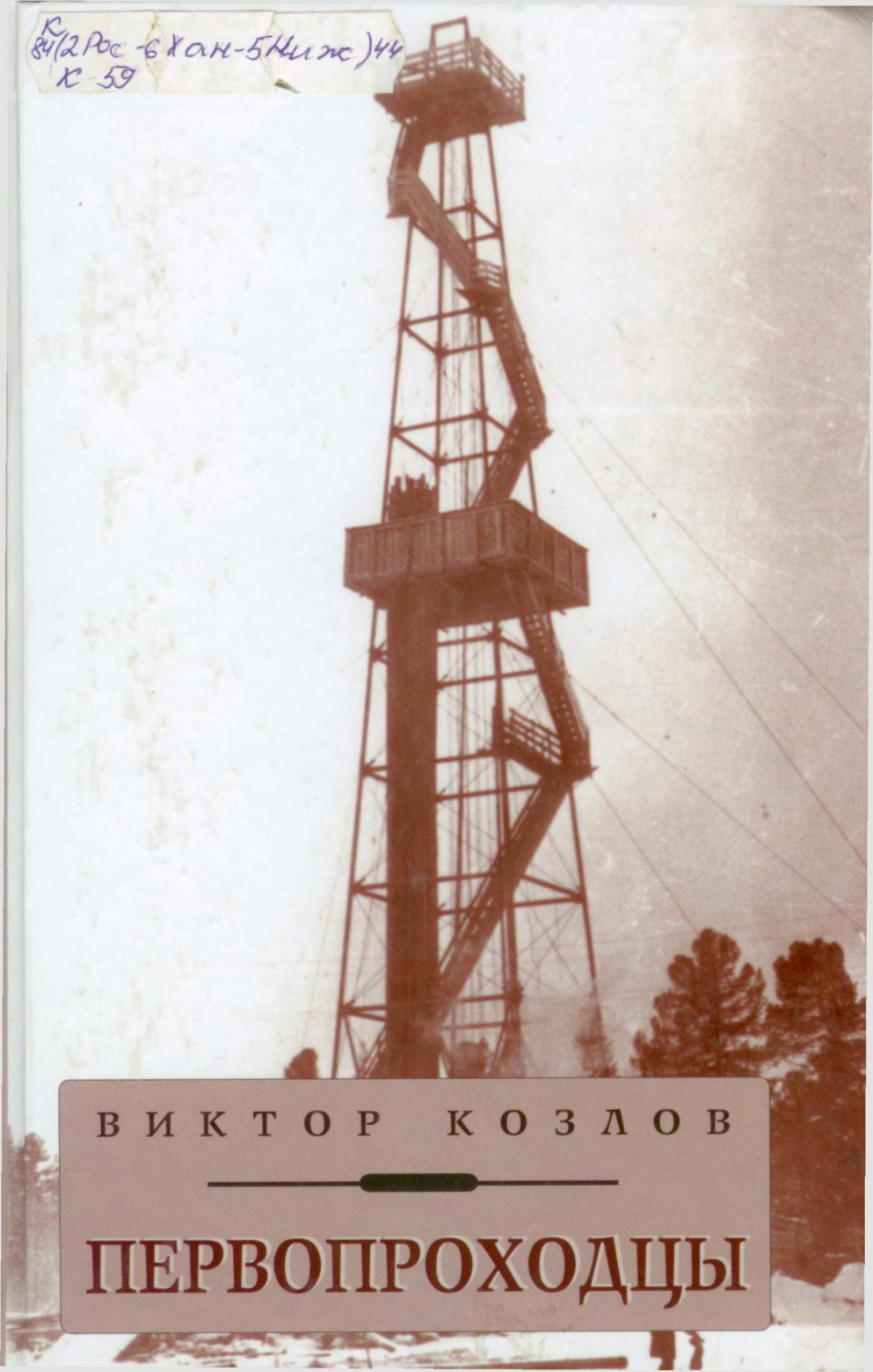
К
84(2Рос-6Хан-5Ниж)44
К-59



ВИКТОР КОЗЛОВ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

11

Мариинская ЦБС
060127001

84(2Рос-6Хан-5Нижн)44
К-59

20.06.03

ВИКТОР КОЗЛОВ

б-г. Окунев

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Очерки истории разведочных работ на нефть и газ в Нижневартовском районе в лицах

Книга первая

МУ "Централизованная библиотечная система"
Инв. № 601277

Посвящается 75-летию Нижневартовского района

Банк культурной информации
Екатеринбург
2003

ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К59

Козлов В.
К59 Первопроходцы: Очерки истории разведочных работ на нефть и газ в Нижневартовском районе в лицах. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. — 540 стр.
ISBN 5-7851-0441-5

О судьбах людей, посвятивших свою жизнь разведке уникальных нефтяных месторождений Среднего Приобья, размышляет автор — непосредственный участник легендарного открытия отечественных запасов «черного золота».

Для широкого круга читателей.

Автор выражает искреннюю признательность работникам администрации муниципального образования Нижневартовский район и его главе Б.С.Хохрякову за всестороннюю помощь и поддержку в создании этой книги.

ISBN 5-7851-0441-5

© В.Козлов, 2003

Об освоении богатств Западной Сибири написано много. В те далекие 60-десятые, когда газетные заголовки запестрели незнакомыми названиями — Шаим, Мегион, Сургут, Аган, Варьеган, Нижневартовск, профессия геолога воспринималась широкими слоями населения как некая смесь героизма и романтики. Но это был еще и тяжелейший повседневный труд, благодаря которому открыты богатейшие месторождения нефти и газа, построены светлые благоустроенные города и поселки, широкие удобные дороги.

Книга В.Козлова о первопроходцах-геологах — это дань памяти людям, стоявшим у истоков нефтяных рек, чьи имена навечно останутся в памяти потомков.

Низко кланяюсь и приношу огромную благодарность учителям, друзьям и коллегам, с которыми довелось работать в то трудное, но счастливое время — время становления характеров, бесконечной работы, мечтаний, поисков и замечательных находок.

Глава муниципального образования
Нижневартовский район Б.С.Хохряков

РАЗВЕДЧИКИ

Зимой суровая и летом
однообразна и сера,
как первобытная планета,
Сибирь встречала нас вчера.
Среди холодного безмолвья
земли, продрогшей до костей,
лишь одинокие зимовья
нас привечали, как гостей.
Безрезультатную разведку
вели не год мы и не два,
и от сомнения нередко
ходила кругом голова.
Но не напрасно словом ратным
«разведка» называют нас:
не повернули мы обратно —
нашли в Сибири нефть и газ.
Нашли! Коварному неверью,
пурге, болотам — им назло.
Кто с нами тяготы не мерил,
пусть говорит, что повезло.
И пусть все меньше помнят
первых —
нас заслонила та весна,
когда стремительным маневром
на Север двинулась страна
за черным золотом... Она
не всем давала ордена.

ИЗ ИСТОРИИ НЕФТЕРАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ В НИЖНЕВАРТОВСКОМ РАЙОНЕ

Историю разведочных работ на нефть и газ в Нижневартовском районе нельзя рассматривать в отрыве от истории поисков нефти в Тюменской области и, более того, — в Западной Сибири, так как они звенья одной цепи. Поэтому, прежде, чем перейти непосредственно к истории нефтеразведки на территории района, остановимся, в общих чертах, на истории геологических поисков в регионе.

«Каменное» масло

Маслянистые, радужные разводы на поверхности водоемов Сибири, всплывающие из родников и живунов капли «каменного» масла с незапамятных времен обращали на себя внимание и коренных сибиряков и путешественников.

Во время своего путешествия по Сибири шведский капитан Табберт (1721-22 гг.) обнаружил в Приобье выходы черной горючей жидкости, как он полагал, «нафты», т.е. нефти. Образец ее он преподнес Петру I.

Геологический материал, собранный к началу XX века был невелик, но он показывал, что крупнейшая низменность планеты является крупнейшим осадконакопительным бассейном, с возможной нефтеносностью.

Несмотря на скудость геологических данных о перспективах нефтеносности, российские промышленники уже в самом начале XX века подавали заявки на разведку нефти в Западной Сибири. Горный департамент, например, установил для Тобольской губернии «подесятинную плату на 1903 г. за разведки на нефть... в размере одного рубля». В 1911 году товариществу «Пономаренко и Ко» выдано свидетельство на право производства разведок нефти в районе Тобольского уезда в течение двух лет на площади 37 1/2 десятин. В 1913 году в районе юрт Цынгалинских велось мелкое бурение до глубины 33 аршин (около 24 метров). Из скважины был получен приток воды с маслянистой пленкой.

Следы нефти есть. Но она ведь не соболь, и ученые спорят: где ее искать?..

В конце 1932 г. на Урало-Кузбасской сессии АН СССР академик И.М.Губкин выдвинул идею поисков нефти на восточном склоне Урала: «Пора начать систематические поиски на восточном склоне Урала...Угольная фация юры по направлению к востоку, т.е., немного дальше от береговой линии, где происходило накопление осадков, где отложились угленосные свиты, — угольная фация заменится нефтяной...»

Идея Губкина нашла не только горячих приверженцев, но и солидных и влиятельных противников.

Поиски нефти и газа предполагалось вести на окраинах Западно-Сибирской низменности (ЗСН) в платформенном осадочном чехле (Кузбасс, Минусинская впадина). Палеозойский фундамент либо вообще не рассматривался, либо оценивался отрицательно. Суровая природа, удаленность от путей сообщения также способствовали тому, что разведка откладывалась до лучших времен.

Однако поиски сибирской нефти волновали многих людей. В наркомат нефти, в геологические организации, в редакции газет поступали сотни писем-заявок (типа сообщения Косолапова о том, что «у селения Юган в Сургутском районе каждые 5-15 минут со дна реки выбрасывается клубок темной жидкости, принимавшей в первые мгновения форму выпуклого кверху полушария, затем расплывавшегося по поверхности») с просьбой проверить тот или иной район на нефтеносность.

И, как следствие, начинаются геологические исследования нефтегазоносности в районе Кузбасса в 1933 г., в 1934 г. — на Иртыше, Оби, Югане, Тавде...Экспедиция НИГРИ открыла выходы газа в низовьях Енисея, а группа геолога В. Г. Васильева из «Востокнефти» (г. Уфа) подтвердила естественные выходы нефти на территории Остяко-Вогульского округа. Наличие явных признаков нефтеносности требовали расширения поисков нефти.

В 1939 г. наркомат топливной промышленности СССР принимает решение «О расширении разведочных работ на нефть в Сибири». Главгеология организует геофизическую экспедицию, чтобы подготовить точки для глубокого бурения. В 1940 г. комиссия по нефти и газу при Президиуме АН СССР обсудила

и обобщила результаты всех исследований (пробурено 15 скважин глубиной от 350 до 1850 м. И несколько десятков скважин глубиной от 100 до 300 м; проведены значительные геофизические работы) и выдала рекомендации провести комплексные геофизические исследования на всей территории низменности, в районе железной дороги и к северу от нее и бурение нескольких опорных скважин.

В канун 1948 г. министр геологии СССР И. И. Малышев утвердил решение технического совета министерства о направлении геологопоисковых работ на нефть и газ в восточных районах страны. В решении первоочередной задачей было определено бурение опорных скважин прежде всего в районах Тюмени, Колпашево, Тавды, Тобольска, Тары и др. В январе 1948 г. была организована Тюменская нефтеразведочная экспедиция (см. приложение № 40), и геология прописалась в Тюменской области на постоянное жительство. На окраине тогдашней Тюмени (почти в центре нынешнего города!) выросла буровая вышка, ставшая ныне своеобразным тотемным знаком Тюменской земли.

Ко времени создания в Тюмени нефтеразведочной и геофизической экспедиций представление о строении ЗСН по-прежнему базировались на догадках авторов тех или иных тектонических схем. И большинство из них перспективы открытия нефтяных и газовых месторождений связывали с южными районами. Работы на Севере велись разрознено и не обобщались.

Опорные скважины располагались по системе широтных региональных профилей через всю ЗСН. В каждом профиле было по 3-4 скважины. Главной задачей опорных скважин было изучение стартиграфического разреза, мощности, возраста осадочного чехла и верхней части фундамента.

На территории Нижневартовского района в 1951 году была начата бурением Покурская и в 1952 году Ларьянская опорные скважины. Из-за плохого материально-технического обеспечения, несовершенства трудового и технологического оборудования, бурильного инструмента и каротажных приборов бурение шло тяжело, с простоями и осложнениями; сказывалось также отсутствие опыта бурения глубоких скважин. Вынос керна также был проблемой; впрочем, и керн, и пробы пластового флюида должным образом не были исследованы. Скважины был доведены до глубины 2600 и 2802,5 м. соответственно. На

Покурской скважине (ее бурила Колпашевская экспедиция Новосибирского геологоразведочного треста во главе с И. А. Ефремовым; буровая бригада В. П. Лагутина) произошла затяжная авария, и она была ликвидирована, не дойдя до продуктивного горизонта 300 метров. Ларьянская опорная скважина вскрыла породы с признаками нефтеносности. В 1952 году начальник Северной геологической экспедиции ЗСФ АН СССР В. А. Николаев, анализируя материалы бурения возле Ларьяка и Покура, писал о вероятности открытия тут нефтяных и газовых месторождений. И другие геологи высказывались за продолжение работ в этом районе, но поисково-разведочные работы в этом районе свернули, перебросив нефтеразведчиков в Кузбасс. Миннефтепром в 1953 году принял решение о ликвидации геологоразведочных работ в северных широтах.

Решение это уже начало осуществляться на бюрократическом уровне (пошли приказы по инстанциям), когда из Березово в Тюмень поступила телеграмма начальника Березовской буровой партии Г. Д. Суркова об аварии на опорной скважине — аварии, которая открыла березовский газ, первый в Сибири. Произошло это в 21 час 30 минут 21 сентября 1953 года.

Через две недели после известия об этом фонтане в Березово образуется комплексная геофизическая партия, в Тюмени создается Западно-Сибирский геофизический трест, а в Салехарде нефтегазоразведочная экспедиция ВНИГРИ...

Первый газовый фонтан утвердительно ответил на вопрос: «искать или не искать?» Но задал много новых: как искать и где? какими методами? и каково же все-таки геологическое строение Тюменского региона? Стало ясным, что успешные поиски вести без широкого внедрения геофизических исследований.

Геологи практики начинают разведку боем

Александр Григорьевич Быстрицкий, назначенный в 1952 году в Березово начальником и старшим геологом партии опорного бурения, выбрал место заложения скважины не там, где оно намечалось, — а на западной окраине поселка, на берегу речки Вогулки, левого притока Северной Сосьвы, исходя из удобства разгрузки тяжелого оборудования и наличия транспортных средств. (За что ему был потом объявлен выговор).

Если бы опорная скважина была пробурена в первоначальном месте, то она дала бы только воду. Это подтвердила разведочная скважина №3, пробуренная в 1956 году на месте, где намечалась опорная. Короче говоря, не предвидение ученых-геологов, а простой случай привел к открытию Березовского месторождения газа. Достаточно было Быстрицкому точно выполнить указание, и открытия бы не произошло.

От Ханты-Мансийска повернули обратно вывозимые из Березово геофизические партии...

Юрий Георгиевич Эрвье, организатор и начальник Тюменского территориального геологического управления, затем Главтюменьгеологии, был назначен в Сибирь в сентябре 1952 года. Вот что он рассказывает о своих первых сибирских впечатлениях.

«Карты того времени, нарисованные геологами, были крайне схематичны, вызывали сомнения. Об их недостоверности свидетельствовали данные, полученные в процессе бурения в Ханты-Мансийске и Малом Атлыме. Предполагаемые здесь поднятия оказались на деле отторженцами, передвинутыми в эти места древним ледником.

Север области представлялся как огромная Ханты-Мансийская впадина, обрамленная с запада Уралом, с востока Сибирской платформой.

Где и как искать нефть, повторяю, никто не знал. Предложенный Советом по опорному бурению план носил чисто познавательный, геологический характер. Скважины, задаваемые по этому плану, были ничем иным, как «дикими кошками» — скважинами, которые бурились без геолого-геофизических обоснований. Пробуренные по нему на Севере Тюменской области Уватская, Ханты-Мансийская, Леушинская, Ларьякская и Покурская опорные скважины дали лишь общее предоставление о разрезе и составе слагающих ЗСН пород... Малоатлымская дала небольшой — сорок литров — приток нефти. Вообще опорные скважины стоили дорого. Но Малоатлымская обошлась государству дороже других. Получение нефти привело к постановке в этом районе площадной сейсморазведки. Она выявила здесь какое-то подобие локальной структуры, на которой с тем же успехом по притоку нефти было пробурено еще две скважины. В Томской области, в Колпашево и Назино, после получения в опорных скважинах нескольких

литров нефти было пробурено еще больше очень дорогих скважин.

В последующие годы без геофизической подготовки (гравиа-, магнито-, электро-, сейсморазведки: площадной, речной, аэрозондирований) управление забурило лишь одну скважину...

Тазовская опорная скважина по требованию одной части Совета по опорному бурению задавалась в поселке Тазовском, по требованию другой — в Самбурге. Тюменское управление добилось переноса места заложения скважины на 18 км к югу от Тазовского, где, по предварительным данным сейсморазведки, наметилась большая структура. Скважина открыла большое месторождение газа и, по сути, являлась не опорной, а поисковой. Если бы она была заложена в Тазовском или в Самбурге, открытия не последовало бы. Обе рекомендованные точки попадали не на поднятие, а в глубокие депрессии — ямы.

Так произошло в ряде мест. Например, рядом с опорной Покурской скважиной, в тридцати километрах от нее, открыто крупное Северно-Покурское нефтяное месторождение, в трех километрах от Нижнемысовской — Локосовское, в девяти километрах от Сургутской — Западно-Сургутское.

Покурская опорная скважина была пробурена в 1953 году. Если бы она задавалась по данным геофизики, то, безусловно, открыла бы нефть за семь лет до получения ее в Мегионе.

Переоценка опорного бурения и недооценка предварительного изучения территории региональными геофизическими методами принесли государству не пользу, а огромный вред.

Если бы стоимость одной трети опорных скважин была направлена на региональные геофизические исследования, то в ЗСН уже в 1955 году были бы открыты нефтяные месторождения.

Все это стало ясно... значительно позже, а тогда, в пору объединения геологических и геофизических организаций, в пору создания Тюменского геологического управления, все наши думы были заняты проблемами выработки методов поисков, а усилия направлены на лучшую организацию геологоразведочных работ, укрепление материальной базы, на изучение в живом деле, на местах, кадров...

...По установленному еще в 1955 году Министерством делению к востоку от 72-го градуса восточной долготы, на отрезке широтного течения Оби, в Тюменской области, геологоразве-

дочные работы на нефть и газ вело Новосибирское геологическое управление...

...Обеспечивались нефтеразведки очень плохо, работы велись медленно... В Тюменский обком партии непрерывным потоком шли жалобы.... Обком партии добился решения о передаче. Это произошло осенью 1959 года, перед концом навигации.

Управление сразу же организовало в Сургуте нефтеразведочную экспедицию, на которую возлагалось руководство всеми геологоразведочными работами в Нижнем Приобье. После зимнего сезона в нее вошли и геофизические партии. Начальником экспедиции назначили Ф. К. Саламанова.»

А главным геофизиком Сургутской комплексной экспедиции был назначен Виктор Петрович Федоров.

Виктор Петрович работал в Центральном геофизическом тресте, за открытие саратовского газа стал лауреатом Сталинской премии, а в 1952 году был направлен в Сибирь. В Колпашевской геофизической экспедиции он работал начальником ПТО, затем главным инженером, его жена Надежда Афанасьевна — старшим инженером-интерпретатором. Комплексом геофизических исследований был выявлен большой по площади Нижневартовский свод и на его окраине более мелкие структурные поднятия. Началось детальное изучение и поиск структур 3-го порядка.

Алексей Гаврилович Бояр приехал в Колпашевскую геофизическую экспедицию в 1954 году после окончания Львовского политехнического института. Федоров назначил его в наземную партию сейсмической разведки оператором. Работали они на спаренных станциях: на параллельной оператором был Козлов, помощником у него Сергей Кокуркин, интерпретатором работала жена Бояра — Вера Ивановна. Начальником партии был Кочнев И.Н. В Колпашевской экспедиции работали они до сентября 1959 года. Условия работы, что полевиков, что камеральщиков, были, что называется, приближенные к боевым. На всю партию — один буровой станок и два «Нати», трактора такие были — без кабин. Взрывные скважины бурились вручную, на одну сейсмостанцию — что биндюжники: все снаряжение свое от скважины к скважине таскали на своем горбу. Сейсмокосы — такие кабели, сплетенные вроде девичьей косы из провода ПВР, — сейсмобригады таскали вроде бурлацкой бечевы. Сейсмоприемники были не нынешним чета — по три с половиной

килограмма каждый! В морозы с ними — маята! Подвесную систему приемника, погруженную в масло, прихватывало, приемники «дубили». Группирования приборов не применяли: сколько каналов у станции, столько и приборов. Вроде бы элементарное дело — балки из бруса, а ведь пришли к ним не сразу! Не только камералка и контора, но и бригады размещались по ближайшим населенным пунктам, причем, каждый устраивался на постой как мог. На работу собирались затемно. Но пока раскочегарят «Натик», на профиль приедут — день уже в разгаре. Вот встали в пикет, сейсмобригада — в основном местные девчата — потащили косы в одну и в другую стороны, крокодильчиками к отводам косы присоединяют сейсмоприемники. Буровики расставили треноги, бур начали крутить. Взрывники тоже своим делом заняты: вяжут заряды к шестам...Вроде, все готово...Бояр проверяет «каналы»: в одном «утечка»...Кто ставил?.. Девчата переглядываются, хихикают: если последний канал, то почти версту бежать. Старшая рабочая — обычно из кадровых рабочих она, — препирательство прекращает, виновница на лыжах бежит исправлять огрех. Остальные забираются в крытый санный шарабан «кучей-малой...Наконец команда: « Ти-ихо!..» Глушатся трактора. Все затихает.

....Внимание-е...

...Запись-взрыв!

...Смот-ка! — если все нормально. А иной раз и повтор: станции в разных санных будках из фанеры; один оператор принял, а другой замешкался: лентопротяжку поздно включил или еще что. Этот тоже сказывалось на производительности труда: две-три стоянки в день. Хотя и работали допоздна, возвращались в темноте.

При перебазировках, бывало, что не каждая деревня принимала на постой. Край этот, хотя и обжитой, но по-сибирски: селение от селения не близко! Пропитание, гужевой транспорт промышляли также по деревням. Завхоз разворотливый, впрочем, мог всем обеспечить: и мясом, и рыбой, и овощами ягодами, только денежки платите. Оператором Бояр получал полторы тысячи рублей, говорил, что хватало на жизнь (я с ним разговаривал, когда он был управляющим Ханты-Мансийским геофизическим трестом).

Впереди сейсмологов шли топографы — «топиками» их звали ласково. Вот они действительно были полевиками! Василий

Чудаев, Юрий Безруков, Василий Евсин, Александр Гомберг, Николай Куреной, Василий Кайдалов, Афанасий Бондарь и другие, — это они «протопали» по каждому профилю, сеткой которых ныне покрыто все широтное Приобье.

Следом шли сейсмоотряды Николая Бехтина, Владимира Кочнева, Юрия Гирявенко (его партия, кстати, выявила и подготовила под разведочное бурение Мегионскую площадь), Эмика Лихтерова, Владимира Шагандина, Виталия Шевченко, Леонида Кабаева, Александра Баянова, Анатолия Малыка, Олега Климова и др. Не могли обойтись без «топиков» и партии аэросейсмозондирований Юрия Щербакова и Вадима Воронина и речной сейсморазведки Геннадия Шаталова (по реке Аган), Нури Нуруллаева и Олега Климова (по реке Вах). Точно так же, как и буровики при заложении скважин».

Детальной сеткой профилей
мы «пятна белые» покроем:
сейсмический отряд показывает класс!
Сейсмический отряд ведет разведку боем
там, где «Макар телят не пас»!
В болотах тонут трактора,
пурга пугает диким воем.
Но движется вперед
и день за днем подряд
сейсмический отряд ведет разведку боем,
и взрывы мирные гремят!!
Мы верим, что наверняка
здесь встанут вышки скоро строем.
И недра о себе
победно затрубят,
и город будет здесь,
где вел разведку боем
и шел сейсмический отряд!

Самотлор начинался с Баграса

По установившемуся еще в 1955 году Министерством делению, к востоку от 72-го градуса восточной долготы, на отрезке широтного течения Оби, в Тюменской области, геологоразведочные работы на нефть и газ вело Новосибирское геологическое управление.

Здесь, как когда-то в Тюменском геологическом управлении в самом начале поисковых работ, бурились опорные скважины.

Все скважины, кроме Нижневартовской, были заложены вне структуры, без надежной геофизической основы.

После первых неудач, они уже сворачивали разведочные работы на Тюменском севере. Но многотрудные безрезультатные работы в Кузбассе и на юге ЗСН вынудили их снова возвратиться в Тюменское Приобье. В частности, расширить свое пр[illegible]тствие в районе села Нижневартовское и высадиться в [illegible]ке Охтеурье. Еще ранее структу[illegible]ковая партия Ф.К. Салманова перебазировалась в Сургут

Руководство партий и нефтеразведок, оторванное от баз снабжения новосибирцев, стало проситься под юрисдикцию тюменских властных структур. Их стремление поддерживали советские и партийные местные функционеры, районного и областного масштаба. И это им, забегая вперед, вскоре удалось: сначала Сургутская экспедиция была присоединена к Тюменскому геологоуправлению, а позднее к ней — и Нижневартовская, и Охтеурская нефтеразведки. (См. соответствующие приказы в приложении)

Так, 7 сентября 1958 года Ефим Иванович Хромов в селе Охтеурье издал приказ по кадрам №1 по Ново-Логиновской нефтеразведке, по Охтеурьевскому буровому участку: «Сего числа прибыл на постоянное место работы и приступил к исполнению своих обязанностей» (приложение №1). Вместе с ним прибыло еще сорок три человека самых разных специальностей (но большей частью — не буровики, а строители) (см. приложение №2). Другие (см. очерк «Халинские университеты») готовили к перебазировке на новое место оборудование и базу партии...

Нефтеразведчики не первые переезжали, они знали, что взять с собой! Многих из них лет за двадцать пять до этого отправляли в эту самую Сибирь вообще безо всего! А тут — и корову можно с собой взять, и камелек-буржуйку! Поэтому они быстро обустраивались на новом м[illegible] вольные и свободные! Для них это была — жизнь! Жизнь, дарованная Создателем! Об этом свидетельствуют приказы по Охтеурскому участку глубокого бурения от 11 и 24 октября 1958 года о предоставлении отпусков без содержания Ковалеву Ю.А. и Чистоусову В.Д. (жаль, имена невест не удалось установить) «в связи с сочетанием в браке» (см. приложение № 4,5)

Как и все советские в то время, отметили вновь прибывшие нефтеразведчики 41-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции (по нефтеразведке был издан приказ соответствующий: приложение №3. Передовикам соцсоревно-

вания были объявлены — кому благодарность, а кому и выданы премии от 50 до 75 рублей. Для сведения: бутылка водки тогда стоила 21 руб. 20 коп.).

И, хотя в то время формировался «Моральный кодекс строителей Коммунизма», не все в СССР, в том числе и в Охтеурском участке глубокого бурения следовали ему. Об этом свидетельствуют приказы от 5 и 24 ноября 1958 года: бригадиру плотников Бирюкову С..И. и фельдшеру Столетову И.Я. объявлены строгие предупреждения за то, что они «в рабочее время допускают пьянство», а Столетов — «всевозможную болтовню не входящую ни в какие рамки поведения, как медицинского работника, так и гражданина» (не диссидентом ли был т. Столетов?).

...Должен заметить, что трудовое законодательство того времен было очень жестокое. За несколько лет до этого, моя сестра за опоздание на работу в ночь на Уфимском хлопчатобумажном комбинате получила «принудиловку»: 25% в доход государству платила в течение года. Но ведь известно, что в России — «закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло!» По приказам видно, что Ефим Иванович Хромов был «либералом» — работники пилорамы «в составе т.т. Евсеева, Ерахтина, Ковалева, Тумгусова окончили свой рабочий день в 16 час. 35 мин., т.е. ранее требуемого времени на 25 минут. Учитывая существующее законоположение о режиме рабочего времени» он объявил бригадиру выговор, а всем этот день посчитал прогулом...(см. приложение №8).

Находясь на больничном, нельзя было работать даже дома! (И это — при острейшей нехватке жилья!). Рабочий Евтин М.Е. за то, что, болея, обустраивал тамбур будущей квартиры своей, был лишен оплаты за бюллетень. (Приложение №9). А вот больной Стариков Ю.В., которому также не был оплачен больничный лист, уже может вызвать не сочувствие, а улыбку: больной Стариков Ю.В. каждый день уходил в поселковый клуб на танцы, за что и поплатился...(см. приложение №11).

Охтеурские нефтеразведки обустраивались и в месте высадки, и в районе строящейся буровой.

Ведь многие были с семьями! И, севши на землю, стали, как говорится «мохом обрастать». И тогда в приказном порядке им предписывалось переезжать туда, где было целесообразнее начальнику и производству. Так появлялись приказы подоб-

МУ "Централизованная библиотечная система"
Инв. № 60127/1-13

ные №14 от 17 сентября 1959 года, подписанные и.о. начальника Салимовым (см. приложение №13).

Среди первых новоохтеурцев были в полном комплекте дизелисты. И не удивительно: нефтеразведка принесла с собой свет! Электростанции буровиков давали в поселок электроэнергию! Обслуживание их и было заботой дизелистов. С наступлением весны они работали с 8 утра до пяти вечера, затем с 8 вечера до полуночи. (За одну лампочку и одну розетку взимали плату 5 рублей).

Общая беда разведчиков: разгрузка в затопляемых в максимально паводковые годы местах...Это — на моих глазах — сургутская «чабановка»! Но это — гораздо позднее. А тогда — Хромов вынужден был создать «комиссию по подсчету ущерба от наводнения»...(приложение №14,17).

В то время районный центр располагался в селе Ларьяк и, соответственно, район назывался Ларьякским. Райком партии интересовался делами нефтеразведчиков, ход работ не однажды рассматривался на бюро и партийных конференциях.

В 1959 году тюменские недра были возвращены тюменским геологам.

Согласно приказу №25 от 3 ноября 1959 г., в связи с передачей Сургутской экспедиции Тюменского геологоуправления, Охтеурская разведка преобразуется в Охтеурскую партию глубокого бурения...(см. приложение №18).

Весной 1960 года Охтеурская ПГБ обустроилась и смонтировала бурильную установку (как производится монтаж см. очерк «Халинские университеты»). И, в связи с этим, Л. Кузютин (Хромова Е.И. с подачи Ларьяксконо райкома сняли с должности приказом «тюменского» начальства), издал приказ об организации буровой бригады (приложение №19).*

В конце 1961 начале 62-го года Хромов был начальником РКТБ Сургутской экспедиции. Меня в конце декабря главный инженер Горский Александр Тихонович вызвал из Усть-Балыка в Сургут. Следом, вдогонку, начальник Усть-Балыкской партии В.Т.Бочаров «обязал» меня сдать Хромову буровую установку, замерзшую возле Сургута на лихтере, которая была вывезена с

---

*Примечание. Личного дела Е.И. Хромова мне найти не удалось. Но с ним, живым, мне довелось в молодости несколько раз встретиться. Об этом см. мои книги «Навстречу притяжению. Записки нефтеразведчика». Сборник «Под северным небом».

Ярсомовского участка. Я с этой радиограммой явился перед «светлые» очи — зеленоватые, навыкате, на полном розовом лице с яркими, сочными губами, — Ефима Ивановича. «Ты че?! — уставился он на меня в упор (этот взгляд так и стоит у меня перед внутренним взором до сих пор!), — Тебе че? — за девками поударять не охота? Рюмку выпить — ежели захочется, — то ж не хочется? В тюрягу захотелось? С «молодых юных лет»? Ну-ну! Давай! Александр Сергеевич! — окликнул он механика Сидорова, в редких оспинках, с живыми коричневыми глазами молодого мужчину, — покажи-ка молодому специалисту приемочную ведомость... — Эх, Витя! — вдруг запросто назвал он меня, — там уж и после этой ведомости — хрен да маленько осталось! Так что, давай: я тебя — не видел, и ты у меня — не был! А Виктор Тимофеевич — сам пусть хлебает! Лады?

Нижневартовская нефтеразведка Новосибирского геологоуправления располагалась недалеко от поселка Нижне-Вартовска. Прежде это была база разведки, занимавшейся бурением опорной скважины.

Район Среднего Приобья к концу 50-х годов со стороны Колпашево был довольно плотно (по тем временам) покрыт полевой геофизикой. Поэтому поисковые скважины закладывались уже на выявленных структурах.

В 1958 году в составе Нижневартовской нефтеразведки был организован Мегионский буровой участок, для проведения поисково-разведочных работ на Мегионской структуре. Начальником разведки в то время был Л.И. Кузютин; 20 февраля 1959 года его сменил Павлищев, а Кузютин назначен начальником Мегионского бурового участка.

Летом 1959 года Нарымская нефтеразведка Новосибирского геологоуправления была ликвидирована, а большинство ее работников переведено в Нижневартовскую нефтеразведку, среди них и будущий первооткрыватель Мегионской нефти и Самотлора Григорий Иванович Норкин (приложение №22). Бывший начальник Нарымской нефтеразведки Василий Тихонович Подшибякин. Бурильщики Липковский Евстигней Федорович, Павлюченко Михаил Петрович, Хафизов Фаат Закиевич, старший дизелист Тонких Николай Степанович и др. (приложения №34-36).

Начальником Нижневартовской нефтеразведки (затем ПГБ — партии глубокого бурения) был назначен Василий Тихонович Подшибякин в июле 1959 года.

Присоединив к себе «восток», Тюменское геологоуправление, тем не менее, основные силы бросало на север — в район Березово! Присоединенным же структурным подразделениям оказывало, в основном, лишь моральную поддержку, да учило своему стилю работы. Что касается Нижневартовской партии глубокого бурения, то она была даже ослаблена в кадровом отношении: руководство геологоуправления, несмотря на возвращение партии и начальника Сургутской экспедиции забрало к себе на «север» опытного, энергичного и грамотного инженера — В.Т. Подшибякина (в дальнейшем — Лауреат Ленинской премии, Герой труда, начальник треста, затем генеральный директор «Ямалнефтегазгеологии»).

Вместо В.Т. Подшибякина начальником Нижневартовской партии глубокого бурения с окладом 2100 рублей был назначен Высочинский Иван Яковлевич, техник-нефтяник, инвалид ВОВ, имевший десятилетний опыт руководства партиями и нефтегазоразведками в Новосибирском геологоуправлении. В бытность его начальником Нижневартовской партии глубокого бурения и произошло историческое событие — открытие Мегионского нефтяного месторождения в марте 1961 года.

25 декабря 1961 года приказом №502 по Главгеологии РСФСР образована Мегионская нефтерзведочная экспедиция в «связи с увеличением объемов работ в районе Мегионского нефтяного месторождения, а также необходимостью приближения материальной и технической баз» в поселке Мегион Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа (см. приложение №38).

Первоначально Охтеурская партия глубокого бурения входила состав Мегионской экспедиции, но после открытия Охтеурского и Ваховского нефтяных месторождений на ее базе приказом по Госгеолокому РСФСР №63 от 17 сентября 1964 года была организована Вахская нефтеразведочная экспедиция с местом базирования — поселок Ваховск на реке Вах Нижневартовского района (б. Ларьякский район) Тюменской области (приложение №39).

Первыми начальниками Мегионской экспедиции были В.А. Абазаров (1962-67; 1970-71 г.г.); С.Л. Каталкин (1967-70 г.г.); В.А. Гавриков (1974-76 г.г.); С.В. Бурдин (1976-78 г.г.); Б.С. Хохряков (1978-82 г.г.). Вахскую НРЭ возглавляли П.С. Поздняков (1964-65 г.г.); Н.М. Морозов (1965-69 г.г.); Г.И. Ере-

меев (1969-70 г.г.); В.М. Сапожников (1970-74 г.г.); А.Я. Вырвикишко (1974-79; 1981-84 г.г.).

Объемы поискового и разведочного бурения на территории Нижневартовского района (районный центр был перенесен из Ларьяка в поселок Нижневартовский благодаря открытию мегионской нефти) начали стремительно расти. Так, если в 1961 году у Нижневартовской ПГБ план был 6350 метров, то Мегионской НРЭ в 1962 году планировалось пробурить 15500 метров поисковых и разведочных скважин...

Одновременно расширялись и объемы сейсморазведочных работ на территории Нижневартовского района.

В навигацию 1962 года из района Березово в Сургутскую экспедицию было перебазировано 5 наземных сейсмопартий и одна партия авиасейсмозондирования. В зимний полевой сезон 1962-62 г.г. на территорию Нижневартовского Приобья (на Нижневартовском валу) работали Нижневартовская сейсмопартия №25/62-63 (начальник партии Л.Н. Кабаев, будущий открыватель Самотлорской структуры и Лауреат Ленинской премии) Северо-Ватинская с/п № 28/62-63 (начальник партии В.А. Кочнев, ныне доктор технических наук); Охтеурская сейсмопартия (начальник партии А. Баянов); в Ларьяке базировались площадная сейсмопартия (начальник А.Р. Малык) и партия аэросейсмозондирования (начальник В.И. Воронин). На северо-западе района отрабатывали сейсмопрофиля Северо-Аганская партия № 26/62-63 (начальник партии Э. Лихтеров) и Тром-Аганская сейсмопартия № 24/62-63 (начальник партии В.Н. Багаев). Эти сейсмопартии работали и в последующие сезоны на «белых (перспективных) пятнах», и занимаясь детализацией выявленных структурных поднятий.

В результате форсированного ведения геофизических работ было выявлено много перспективных структур, в Новоаганск передислоцировалась из Нефтеюганска Усть-Балыкская НРЭ, переименованная в Аганскую нефтеразведочную экспедицию (территории Аганского и Новоаганского сельсоветов были выделены из Сургутского района и присоединены к Нижневартовскому району с 01.01.77г.). Первыми начальниками Аганской НРЭ стали М.П. Палашкин; В.М. Пархамович; Н.М. Кирьянов; М.С. Халецкий; В.Н. Габриэлян; Б.С. Хохряков.

29 сентября 1964 года решением Тюменского облисполкома Мегион и Нижневартовск получили категорию рабочих посел-

ков, а спустя восемь, и соответственно, шестнадцать лет и тот и другой заслужили статус города.

25 марта 1964 года от причала Баграса отошла первая баржа с мегионской нефтью, а через десять лет на месторождениях, открытых мегионскими геологами, в т.ч. на Самотлоре (первый фонтан получен 29 мая 1965 года), было добыто более 200 млн тн нефти.

Широкому развороту работ по разведке и разработке открытых месторождений способствовало постановление Совета Министров СССР от 19 мая 1962 года «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири». Выход этого постановления был инициирован нефтяными фонтанами в Шаиме, Мегионе и Усть-Балыке. В дальнейшем были вынесены аналогичные Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР, направленные на интенсификацию работ по созданию Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса.

В Нижневартовском Приобье все начиналось с фонтана на Баграсе...

Вот что говорит об этом Ю.Г. Эрвье: «К весне /1960 г./ закончили бурение Нижневартовской скважины, заданной на контуре структуры. Салманов, не видя на каротажной диаграмме нефтяных объектов, не дожидаясь распутицы, снял со скважины буровую установку и перевез ее на подготовленную сейсморазведчиками Мегионскую площадь. Установку смонтировали на скважине Р-1 на Баграсской протоке. Скважину медленно и долго бурила бригада мастера Г.И. Норкина.

Наконец бурение закончили и перешли к испытаниям. В юрских отложениях получили из двух горизонтов небольшие притоки нефти. Остальные дали воду. Наметили к испытанию еще один, нижнемеловой, горизонт с очень неясным, как тогда думали, нехарактерным электрическим сопротивлением. Многие вообще сомневались, нужно ли испытывать этот горизонт, тратить время. Простреляли — и получили фонтан нефти с суточным дебитом двести сорок тонн! Так на востоке области, в семистах километрах от Шаима, было открыто Мегионское месторождение нефти.

Важность этого открытия заключалась в том, что впервые в Сибири доказывалось наличие промышленных скоплений нефти в меловых отложениях, широко распространенных в За-

падно-Сибирской низменности...Расширились возможности открытия крупных месторождений нефти и газа в более молодых отложениях...»

Ф.К. Салманов, в то время начальник Сургутской экспедиции, пишет: «...на Мегионской скважине в ноябре при испытании первого же объекта были получены притоки нефти. Второй объект дал около пяти тонн. Правда, на фоне шаимского фонтана это мизер... Мы все изо дня в день жили в ожидании нефти из Мегионской скважины. Для ускорения работ решили направить в Мегион старшего геолога экспедиции Евграфа Теплякова...

10 мата 1961 года. Хорошо запомнил тот день...

С Мегионской скважиной, где шла подготовка к опробованию, мы связывались каждый час, контролирую ход работ...Все, кто мог, специально собрались на радиостанции у Владимира Жданова и напряженно вслушивались в стук морзянки...

Встаю за спиной радиста, читаю: «Салманову. Произвели перфорацию. Подготавливаем спуск. Высочинский. Тепляков».

...Поздней ночью, когда, устав от ожидания, собрался лечь спать, раздался сильный стук в дверь. Открываю, входит запыхавшийся Жданов. От волнения не может говорить и протягивает радиограмму: «Салманову. Скважина фонтанирует чистой нефтью дебитом 200 тонн в сутки. Высочинский. Тепляков».

Не помню, как оделся... Мчусь на радиостанцию...Поздравляю и обнимаю всех подряд...Позвонил Эрвье на квартиру и сообщил об открытии месторождения.

— Фарман, поздравляю тебя и весь ваш коллектив, — сказал Юрий Георгиевич по телефону...

И вот мы с Горским, Савельевым и Мищенко (соответственно, гл. инженер, гл. геолог, гл. механик) летим на АН-2 в Мегион... Не успел еще винт остановиться, как примчались буровики... Посмотрел на Теплякова. Было заметно, что старший геолог много времени провел без сна. Такое же состояние и у Ивана Яковлевича Высочинского. У него и седины на висках вроде прибавилось. Возбужденные, как и все, Липковский и Норкин настаивали, чтобы все вымазались нефтью. Таков обычай: появилась нефть — всем мазать лица. Не обошли и пилота Медведева...

В то время в поселке Баграс жили человек пятьсот. Сейчас все столпились у скважины и с нетерпением ждали ее открытия. В толпе много детей и женщин.

Высочинский доложил, что давление на буфере растет и уже перевалило за пятьдесят атмосфер. Липковский подошел к фонтанной арматуре и стал постепенно открывать задвижку. Сначала вырвался газ, а затем скважина перешла на фонтанирование нефтью. Гул фонтана перерос в сплошной рев. Земля тряслась у нас под ногами, казалось, будто стонет она под напором сил стихии. Даже в ста шагах от буровой трудно было расслышать собеседника.

Многие вообще впервые видели фонтан. Не выдержав, некоторые геологи плакали от счастья. Обнимая Высочинского, чувствовал, что у меня рябило в глазах. Долгожданная победа!

«Ура-а-а, ура-а-а» — неслось над буровой».

«Радости было! — вспоминает В.М. Литвиненко. — У меня отец бурильщиком столько лет работал, а нефть только здесь впервые увидал. Я — школу заканчивал, а тоже причастным себя к открытию чувствовал: все летние каникулы на строительстве этой буровой отмантулил...»

«Мне двенадцать лет было, но все помню: и как Салманов приезжал, и другое начальство — каждый раз задвижку открывали и фонтан демонстрировали, — рассказывает Н.В. Геничев. — Только и разговору: нефть, нефть. Александр Петрович Петров, потом главным механиком МНРЭ работал, женился когда, ему на свадьбу с Баграса нефти привезли и в тазике подожгли. Лучше всякого фейерверка зрелище было!»

А потом издал свой лебединый клик Самотлор...

Впервые о Самотлоре как о гигантской перспективной структуре заговорили, анализируя результаты зимнего сезона 62-63 г.г. Нижневартовской сейсмопартии, которой руководил Л.Н. Кабаев, а материалы интерпретировала С.В. Бурдина под методическим руководством Н.А. Ильиной и В.П. Федорова. С предварительными материалами, до защиты на техсовете ТТГУ, были ознакомлены начальник Мегионской НРЭ В.А. Абазаров и главный геолог экспедиции М.Ф. Синютин; Самотлорская структура их заинтересовала. Выход на Самотлор был включен в проект плана на 1964 год, геологоуправление план утвердило.

Однако построить в 1964 году буровую установку на Самотлоре не смогли. И только в начале 1965 года это, с невероятными трудностями, удалось. За пять недель караван с оборудованием и материалами во главе с главным механиком экспедиции Абраевым пробился на выданную топографами точку Р-1

Самотлорская. В марте вышкомонтажная бригада Кузякова завершила строительство, а бригада Норкина в начале апреля приступила к бурению первой самотлорской.

Лаборантом-коллектором значился несовершеннолетний Николай Геничев: ему пришлось описывать и парафинировать первый самотлоорский керн.

«А я тогда че — какой специалист был? — с улыбкой говорит буровой ас, мастер нынешний, — но керн знал как укладывать в ящики. А тут — ну сочащийся прямо такой керн...Турбодолотами тогда отбирали... Никак, КТД-2, кажись... Ну — бензиновый дых был от керна, будто — от карбюратора! Парафинировать как — мне по рации передавали: так-то и так-то! Все по уму сделал! Этот керн потом по разным институтам-лабораториям растащили. Знал бы, себе столбик оставил...»

Господи! Ведь совсем недавно, кажется, в декабре 1961 года, третий день ожидая самолет, я услыхал от Александра Халина вполне серьезный сожаления: «Эх, в корень, по «веревочке» давно уж были бы в Сургуте!» То есть, ведь совсем рядышком существовала ямская гоньба! Просматривая приказы по Охтеурской или Нижневартовской разведкам, волей неволей обращал внимание на такие «кадровые» приказы о приеме на работу — «печников», «конюхов-возчиков» и т.п. (см. приложение №20).

«Приказы-рассказы», прилагаемые к этой книге — это не повод для усмешек, а повод — для размышлений.

Для тех — кто сегодня катит по асфальтированным бетонкам на иномарках и заправляется бензином на АЗС с иностранным смешанным капиталом...

И я говорю: а лучше ли мы тех, кто когда-то ходил здесь пешком?

У ИСТОКОВ ТЮМЕНСКОЙ НЕФТИ

ПАПА ЮРА

ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ЭРВЬЕ
штрихи к портрету с дальним планом

Из молодых специалистов, получивших в 1961-м году направление — на работу в Тюменское территориальное геологическое управление Министерства геологии РСФСР, я приехал первым: 27 июля.

Начальник управления Юрий Георгиевич Эрвье был в командировке и собеседование со мной провел главный инженер управления Николай Михайлович Морозов.

Как у первого, у меня было преимущество в выборе места работы, и я его использовал: выбрал Сургут («зер гут» прозвучало для меня — как для иного «Мыс Доброй Надежды»). Зато приехавшие поздно и кучно, имели возможность познакомиться друг с другом в Тюмени по-студенчески запросто. Но они гордились предо мною не этим, а тем, что напутствовал их в трудовую жизнь сам «папа Юра» — Юрий Георгиевич Эрвье. И многие сохранили эту горделивость по сию пору!

Впервые я увидел «папу Юру» через год работы в Сургутской экспедиции в июле 62-го года.

За прошедший год я успел поработать в Пиму, Ярсомово и Усть-Балыке (поселок геологов мы назвали Нефтеюганском). И в Сургуте уже полностью освоился, даже оброс общественными нагрузками: избран председателем Совета молодых специалистов, секретарем первичной организации НТО-горное. К тому времени я сделал два доклада: о крупноблочном монтаже буровых и о пескоструйной перфорации и гидроразрыве пласта с целью интенсификации притока (по спецтеме своего дипломного проекта). Было на моем счету также несколько рацпредложений.

Видимо из-за общественных нагрузок и сподобился я познакомиться со знаменитым «папой Юрой».

В тот день я с утра был в РКТБ в мехмастерских: проталкивал свои заказы. В контору возвращался напрямки, через лес и край взлетной полосы. Погода была отличная. Сами собой сочинялись стихи про геодезистов-топиков, к которым у меня приязнь с давних лет:

Болота топки,
тайга густа.
Идут топики,
чертовски устав...

Едва я появился в конторе, секретарша на меня зашипела: «Где тебя носит?! Эрвье тебя уже второй раз спрашивает. Заходи давай!»

В притененном кабинете начальника экспедиции я увидел поджарого пожилого мужчину с аскетически смуглым лицом. Его широкоплечая фигура четко вырисовывалась на фоне большой — во всю стену — геологической карты.

Не ответив на мое приветствие, он вышел из-за стола начальника, какой-то особой, подумалось мне, — походкой-поступью (этой поступи, как я замечал позже, подражали практически все, выросшие при нем командиры производства, так сказать, «птенцы гнезда «Папыюриного»). Кивком величественной головы и жестом руки он указал мне на стул за разнорядочным столом и сам сел напротив.

Лицо его было сурово; глубокие морщины от крыльев толстоватого, не идеальной формы носа, шедшие к уголкам твердого рта; губы красивого рисунка, имевшие сизоватый, осенней черемухи оттенок, и крепко сжатые меж бровями пролегали две вертикальные складки, — все это усиливалось притягательно-тяжелым взглядом темных, с обжигом, небольших глаз из-под угольно-черных длинных бровей.

Поймав мой взгляд, после томительной паузы (я отметил, что белки глаз его — цвета слоновой кости, а под ними — мешки), он заговорил низким, с грудной скрипучестью, голосом, заговорил как бы с надсадой, — но и в его тяжелом взгляде, и в этом необычном, с гиперзвуковыми, за пределами слышимости, грозными составляющими голосе, чувствовались доброжелательность и заинтересованность. И в этой невидимой ауре «папы Юры» я, безотцовщина, почувствовал вдруг себя по-сыновьи защищено и комфортно!

— Мне с вами, Виктор Николаевич, не удалось сразу побеседовать. Хочу этот восполнить сейчас, — сказал он. — Расскажите немного о себе. И — как вписываетесь в жизнь экспедиции.

Я был чрезвычайно польщен тем, что меня по имени-отчеству назвал САМ «папа Юра»!

«И откуда только имя-отчество узнал?» — подивился я. (Впоследствии я и сам, перед знакомством с кем-либо из новых сотрудников, смотрел его личное дело. Но запоминал навсегда далеко не всех. О феноменальной памяти Эрвье на лица и фамилии уже тогда ходили легенды).

По наводящим вопросам я понял, что у него уже был предварительный разговор обо мне с кем-то из руководства экспедиции, скорее всего с главным инженером Горским Александром Тихоновичем, и Юрий Георгиевич в курсе работы Совета молодых специалистов, и нашей организации НТО-горное. Выслушав меня, он похвалил нас за то, что мы занимаемся рационализацией производства, делаем доклады по научно-техническим достижениям и в геофизике, и в бурении; выписываем технические журналы, новинки технической литературы, ведем техучебу в бригадах...

— Вы, молодые специалисты, пришли на производство со свежими знаниями и нетрадиционным мышлением. И должны внести свежую струю в техническую и технологическую жизнь нефтеразведки. Но вы обязаны пытливо — и критически! — перенимать организационную — практическую! — сторону дела у старших товарищей. Не бояться трудностей, умело их преодолевать. Только так вы через три-пять лет станете грамотными командирами производства!

Узнав, что я и еще с добрый десяток молодых специалистов ютимся по углам у сургутян, а другие, в том числе «женатики», по разным общагам, он насупился и сказал:

— С Салмановым договорились, что новое общежитие, на берегу, будет итээровским. И будет сдано к седьмому ноября. Надеюсь, что так будет правильнее. И заключил неожиданно: — Все! Иди! Если будут серьезные вопросы или предложения, обращайтесь ко мне. Желаю успехов!

Встал и, не ответив на мое «до свидания», пошел на прежнее место такой же значительной, неповторимой походкой-поступью

«Неужели я только что с самим «папой Юрой» беседовал?» — я тормознулся и чуть было не заглянул в только что закрытую дверь — чтобы убедиться...

— О чем-эт так долго говорили? — поинтересовалась секретарь.

— В Тюмень уговаривал, — пошутил я, — в управление приглашал, да я отказался! У нас лучше!..

На совете я рассказал о встрече с «папой Юрой».

— Эх, ты! — укорили меня одни. — Денег бы на кинокамеру попросил: такие исторические кадры уходят в прошлое бесследно.

— Командировку бы по обмену опытом! В НИИ, в ОКБ... Он же не знают производства, его требований: выдают вчерашний день!

— Давайте предложения! — ответил я им. — Только серьезные.

В конце апреля следующего года я-таки съездил в объединение «Башнефть» и в Ухтинское геологоуправление, старейшее в СССР, и собрал много интересных материалов и по крупноблочному монтажу, и по мягким буровым укрытиям, и по другим проблемам. В Ухтинском ТГУ, в тресте «Войвожнефтеразведка», работала опытно-конструкторская группа, по чертежам которой было организовано централизованное изготовление блочных оснований, других конструкций и вспомогательных средств механизации.

О своей командировке я отчитывался на техсовете управления и экспедиции и горячо рекомендовал создать подобную конструкторскую группу при управлении. «Не рационально в каждой экспедиции, как Бог на душу положит, «велосипед» изобретать! И не по образцам, не по принципу: «тут отрежь, там привари», а по расчетам, по чертежам надо «приспосабливать» оборудование к нашим северным условиям!» — доказывал я техсовету. Морозов сказал, что вопрос стоит шире: надо создавать свой НИИ! Отчет мой утвердили.

В те времена северяне выписывали много газет и журналов, и хотя почта приходила с задержками и получали мы подписку пачками, все же были в курсе — чем дышит региональная и центральная пресса.

Об Эрвье и вообще об «открытии века» публиковалось много материалов и часто. Но все они были информационного, производственного характера, часто дублировали друг друга — они не давали общего видения на процесса, ни руководителей его — как живых людей, которым «ничто человеческое не чуждо», так — механические силуэты какие-то...

Подробности частной жизни известных людей всегда являются темой обсуждения. Чего только не говорили и про Эрвье! Где правда, где выдумка, а то и самая настоящая ахинея?.. Как узнать?

И вдруг...

Мой сургутский друг, заместитель редактора районки «К победе коммунизма», Николай Иванович Ездаков, выписывал газету «Нойес Дейчланд». И вот однажды показывает он мне толстый номер этой газеты, где на двух — правдинского формата — страницах подробно рассказывается и об истории нашего края, и об «открытии века», и о наших руководителях, с фотографиями, живо, ново, информативно, интересно. Николай Иванович оперативно перевел статью и опубликовал в нескольких номерах своей районной газеты... Я привожу часть отрывков из материала Эберхарда Кела «У шефа разведчиков», касающихся биографии Ю.Г. Эрвье.

В газетной врезке сказано: «... Репортеры газеты «Нойес Дейчланд» — первые немецкие журналисты, беседующие с ответственными людьми одного из самых больших хозяйственных замыслов в мире.

Уже обнаруживаются огромные запасы солнечной энергии, которые скопились в земных недрах между Уральскими горами и Енисеем миллионы лет назад. Это неприятно для нефтяных заправил Запада.

Мы представим вам Юрия Эрвье, который руководит работой 12 тысяч разведчиков недр...» (немецкие репортеры были у нас летом 1964 г.).

Дорога молодым.

«Юрий Георгиевич Эрвье, шеф геологического управления, производит впечатление энергичного человека. Седоволосый, с черными густыми бровями, он кажется необычайно живым, несмотря на свои пятьдесят лет.

Мы делимся неизгладимыми впечатлениями, которые остались у нас после пребывания в Нефтеюганске, где битву за нефть ведет преимущественно молодежь.

Товарищ Эрвье добавляет, что подавляющее большинство его товарищей по работе — сотрудников аппарата управления — также люди в возрасте 25-35 лет.

Геологи и геофизики, которые работают за тысячи километров от Тюмени, пришли в управление несколько лет назад, непосредственно со студенческой скамьи, окончив учебу в университетах и институтах Москвы, Томска, Грозного, Свердловска и Баку. Для очень многих из них работа между Уралом и Енисеем — первое жизненное испытание.

Молодые геологи и геофизики находят в лице Юрия Георгиевича Эрвье опытного наставника, который совсем недавно вместе с 14 другими учеными и геологами Тюменской области за выдающиеся работы удостоен Ленинской премии.

Юрий Эрвье, не колеблясь, назначает выпускников институтов на ответственные посты — начальниками или главными геологами экспедиции и руководящими сотрудниками управления и за короткий срок выявляет и способности.

Многим молодым специалистам он проложил дорогу в науку и практику. Пример тому — главный геолог Фарман Салманов, которого мы встречали в Усть-Балыке, в среднем течении Оби».

Он начинал мыловаром...

«Способности Юрия Эрвье развивались не так гладко, как у многих его молодых коллег.

Еще будучи мальчиком, лазая по горам в окрестностях своего родного города Тбилиси, Юрий Эрвье заинтересовался камнями. Но то этой склонности до шефа геологического управления был длинный тяжелый путь.

Первое рабочее место Юрия Эрвье было на мыловаренном заводе. Тогда он поступил на рабфак и мечтал стать горным инженером. Однако сначала из этого ничего не получилось.

Потом он работал портовым грузчиком в Батуми, а позже уехал в Среднюю Азию.

Он не расстался со своей мечтой учиться и был принят в Ленинградский горный институт, но тропическая лихорадка, которой Юрий Эрвье заразился в Средней Азии, опрокинула его расчеты. Когда он приехал в Ленинград, то учебный год уже начался...

Раздумывать было некогда. И Эрвье устроился рабочим в Государственный трест бурения. Молодой способный парень скоро вырос до мастера.

В 1931 году ему поручили первое ответственное задание и назначили в город Кременчуг начальником группы по разведке железорудных месторождений. Задание было выполнено досрочно.

Наконец, Юрию Эрвье удается устроиться на учебу в Киевскую высшую инженерную школу геологической разведки. Однако началась война и Эрвье становится военным инженером. В 1942 году он вступает в партию.

В начале 50-х годов Эрвье работает в Молдавии начальником одной из экспедиций и впервые имеет дело с нефтью. Оттуда в 1952 году уезжает в Тюмень, где становится главным инженером.

До этого времени геологи, геофизики и буровики работали разобщенно и признавали лишь собственное начальство. Эрвье потребовал коренного изменения организационных форм и добился своего. В 1957 году все геологические, геофизические службы и буровики были объединены в единый мощный кулак в новом геологическом управлении, которое возглавил Юрий Эрвье.»

Невежество и успех.

«Это не обошлось без осложнений. Геофизики, которые были в меньшинстве, начали опасаться, что они в своей работе будут поставлены в невыгодное положение.

Нашлись люди в некоторых вышестоящих организациях, которые не хотели мириться с новыми порядками и продолжали посылать корреспонденцию на имя руководства геофизического управления, даже уже не существующего.

Однако и геофизики вскоре заметили, что их сомнения необоснованны. В новом управлении их роль усилилась.

Вот один из самых молодых лауреатов Ленинской премии Лев Григорьевич Цибулин, недавно получивший эту награду. Он — заместитель Эрвье по геофизическим работам.

Товарищ Цибулин, который сидит рядом у стола Юрия Эрвье, замечает, что с помощью геофизической разведки сравнительно быстро получают точные данные, где залегает нефть...

«...Мы очень довольны нашими геофизиками, — замечает Эрвье... — Но чудеса совершают и наши геологи. При проходке скважин весьма редко совершаются ошибки...»

«...Мы заботимся о хорошей организации труда, о «боевой» готовности. Я могу с уверенностью сказать, что воодушевление наших людей, слаженность в работе сближает и как бы роднит их» — поясняет товарищ Эрвье».

Таким образом, через немецких журналистов, я познакомился с некоторыми интересными подробностями из жизни «папы Юры», и отношение мое к нему стало более теплым — как к живому человеку, а не легенде. Позднее я узнал, что жена его, Оксана Васильевна, работает в геологическом отделе управле-

ния, что у них два сына и дочь (хоть мельком, со всеми членами его семьи мне довелось встречаться).

В последующих встречах с Эрвье открывались для меня его новые черты руководителя и человека.

Зимой 1965 года Лев Григорьевич Цибулин спросил: не хочу ли я заняться тем, чем занимаюсь в экспедиции, но — в пределах всего управления. И пояснил: «Все прорабы буровых работ да и механики у нас — практики. Нужен специалист для координации технического перевооружения сейсмопартий буровым оборудованием, средствами погружения зарядов и многого другого. Короче, нужен думающий инженер-технарь».

А.Т. Горский (бывший гл. инженер СКГРЭ) почти два года работал в Тюмени и в филиале СНИИГИМСа и уже приглашал меня к себе, но на маленький оклад и — без жилья. Цибулин же, когда я заикнулся о квартире и о работе для жены, небрежно заметил, что — «нет проблем!».

В.П. Федорову явно было жаль отпускать от себя «мужичка», как он меня иногда называл, но он великодушно советовал: «Поезжайте, по крайней мере, кругозор расширите, а это — полезно. Да и при возвращении из отпуска будет у кого запросто остановиться...» — улыбнулся он.

И я дал устное согласие.

Вскоре меня вызвали радиограммой в Тюмень

С заявлением о переводе пошли к Эрвье — Цибулин решил представить меня ему.

— Я его и без тебя знаю! — сказал Юрий Георгиевич и отпустил: — Иди, а мы поговорим...

И он кратко, в своей манере, четко обрисовал круг будущих моих обязанностей.

— Должностную инструкцию составишь исходя из сказанного...С правилами внутреннего распорядка ознакомишься в АХО. В командировках — везде! — вести себя твердо и достойно. Теперь иди в терком, к Малиновской, за ордером. С ордером в ЖКО к Голованову — он выдаст ключи.

Так началась многолетняя (девять лет с лишком) моя работа в аппарате Тюменского геологоуправления (с декабря 66-го года «Главтюменьгеологии») с командировками на север и даже за Полярный круг до пяти месяцев в год и одной-двумя — короткими — по Союзу... Дважды я безуспешно просил отпустить меня на север, считая, что свои обязательства я выполнил.

Но каждый раз «папа Юра» обрезал мои мотивировки: «Не за тем я приглашал тебя на работу в управление (в Главк), чтобы тут же отпускать!». И только на третий раз отпустил (и то с подачи Г.А. Махалина, в то время главного инженера Главка).

Летом 64-го года в Сургуте работали составители документальной книги о тюменских разведчиках недр Вячеслав Николаев и Григорий Бабаков. Мои стихи в то время печатались не только в районке, но и в областных газетах, читались по радио, я принимал участие в каких-то конкурсах, занимал призовые места. Составители отобрали несколько стихотворений для книги и предложили попытать себя в прозе. И за два вечера при них накатал о первых днях пребывания на севере — главу «Необыкновенное лето», которую со стихами они взяли с собой; другую главку «Кресты» на профилях» я им выслал по почте.

Вскоре после моего перевода в управление, мне позвонила редактор филиала Средне-Уральского книжного издательства Зоя Игнатьевна Михеева и попросила подписать гранки моих материалов. «Книга называется «Разбудившие землю». Все готово, кроме самого главного: первой главы! То есть, воспоминаний вашего начальника. С другими — ребята поговорили, даже в командировки съездили, и — материал готов! Эрвье — нет! Сразу сказал: сам писать буду! И пишет... Ведь страшно занятый человек, ни секунды свободной, а — все сам! Попросит разве кого — справку дать или уточнить что-нибудь... Всю книгу — все материалы просмотрел! Я, говорит, ее редактор, хоть и общественный. Кстати, ваши стихи и очерки хвалил... Слава Богу, обещал вот-вот окончить...Не человек, глыба! Монолит! — восхищалась Зоя Игнатьевна и добавляла со смехом: — Хоть и план выхода книги срывает!».

Книга получилась интересной, разноплановой. И открывалась она моим стихотворением. Первая глава «Сибирские горизонты», написанная Юрием Георгиевичем Эрвье, сжатая, густая, хотя и имела большой объем — 34 страницы, была разбита на семь подзаголовков, и читалась легко, с интересом, несмотря на обилие цифр, фамилий, названий.

В праздничные и выходные дни начальники отделов и старшие специалисты дежурят по управлению по графику.

Одно из воскресных дежурств. С утра забрал на радиостанции эрдэ, подсчитал суточную, сначала месяца, квартала, года, проходку, занес данные в «портянку» (складную, на ватмане)

сводку, переговорил по неясным вопросам с теми, с кем есть телефонная связь и ли дал радиограмму и — дежурь!

Около одиннадцати пришел Эрвье. Быстро ознакомился и отпустил. Не успел выйти из «предбанника» его кабинета — звонок: прерывисто, резко. Возвращаюсь.

— Быстрицкого и Шаповалова! Побыстрее!

Ни того, ни другого: и служебные, и домашние телефоны молчат.

«Быстрицкий — зам по общим вопросам, — рассуждаю. — Он может быть в РЭБ-флота, в ЭКБ, в стройтресте...» Звоню дежурным, прошу: «Если Александр Григорьевич появиться, пусть немедленно едет в Главк к Эрвье».

Не успел я всех обзвонить — он тут как тут: в тренировочном костюме, тугой и круглый, как мяч.

Весело блестя серыми навыкате глазами, движением бровей, седой головой показывает на кабинет Эрвье, спрашивает: «Здесь? Как? В духе?...».

Да, говорю, вроде в духе. Вас спрашивал и Шаповалова...Вы не подскажите, где его искать? Его телефоны не отвечают.

Быстрицкий хохотнул, сверкнув озорно золотой коронкой, посоветовал позвонить по «секретному» номеру и попросил взглянуть сводку.

Я принял его совет. Сначала ответил заспанный женский голос, потом сам Иван Григорьевич.

— Через четверть часа буду! — заверил он.

В это время из кабинета вышел Эрвье.

— Саша! — не отвечая на приветствие, но все же пожав, хоть и без сердечности, протянутую руку друга и соратника. — Саша! Совесть есть?! Или нет?! Ты в каком виде?!

Быстрицкий, смутясь, стал отбрехиваться:

— Тренировался я... А этот хрен, кивок на меня (мы не обижались на его показную грубость: все северяне поиздерживались в Тюмени, шли к нему подписывать ордер на аванс — и он никогда не отказывал, хоть и крыл по-черному), — этот хрен поднял панику: срочно! Ну я и рванул, в чем был, не переодеваясь...

Эрвье, словно не слыша его, повторял:

— Саша! Почему ты в таком виде являешься в Главк?!

(Вот они, гиперзвуковые волны! У меня мурашки побежали по коже. Подействовали, видимо, и на Быстрицкого: он как-то сразу подобрался).

— Юрий Георгиевич, я ж объясняю: дежурный сказал, что срочно! До галстука ли? Кстати, у тебя и дежурный без галстука! — нашелся он и, хохотнув, ткнул пальцем в мою сторону: — Видишь, в водолазке?

— Саша! Он — ведущий специалист. А ты — мой заместитель!

В приемную заглянул Иван Григорьевич. Был в пиджаке и при галстуке он, но лицо со следами гусарского перепоя...

Взглянув на него, Эрвье круто повернулся.

— Все! — сказал через плечо. — Увидимся завтра! — и скрылся в своем кабинете. И мне стало жалко его и грустно. Домой он ушел в самом конце моего дежурства.

Очередное дежурство по Главку.

На гостевом журнальном столике в приемной обнаружил несколько бюллетеней ЮНЕСКО, невиданных прежде. Пронумерованы. Для служебного пользования? Полистаем...

Выполнив рутинную работу, принялся за бюллетени.

Эрвье пробыл недолго. Уходя, предупредил: «С севера спецрейсом АН-2 летит академик А-н. Вот номер борта. Позванивай в аэропорт Плеханово и обязательно встреть. Отвезешь в малую гостиницу».

Как только Юрий Георгиевич ушел, звоню в аэропорт, интересуюсь. Отвечают, что недавно вылетел из Тарко-Сале... Значит, времени уйма!

...По данным ЮНЕСКО к концу века самым дефицитным минеральным сырьем (минералом) станет экологически чистая вода... Вот это да!

Звоню часа через два...Диспетчер сообщает: там-то...потом — там-то: дозаправляется...

...По данным ЮНЕСКО СССР по удовлетворению своих потребностей в продуктах питания находится... в одной группе с Китаем, Индией... Вот это да!

А борт вдруг потерялся! Звоню тому, другому... Наконец, самому... Телефоны не отвечают: воскресенье же! Хоть дежурство закончилось, еду в аэропорт — разбираться с диспетчерами.

В АДП говорят, что рейс задерживается из-за академика: с местными властями общается. Когда вылетит, неизвестно. Водитель дежурной «Волги» матюкается открытым текстом: «Тринадцать часов за баранкой! Собрался в кои веки в театр с

женой! Сейчас, поди, костерит меня на чем свет стоит...». Отпустил его: в случае чего, такси возьму. Жду. В АДП диспетчеры сменились. Надоел я им, что ли: отбой, говорят, борт ночевку дает.

Со спокойной совестью уехал домой на автобусе. «Академик не разорится, если такси возьмет!» — подумалось вскользь.

Утром только пришел на работу (пораньше пришел — как знал!) — селектор трезвонит. «Зайди!» — слышу голос начальника Главка. Захожу. «В чем дело?» Объясняю ситуацию. Эрвье морщится. «Звони в обком. Вот телефон. Объясняйся! Я уже объяснился!».

Пришлось звонить.

А с академиком мне очень хотелось пообщаться!

А-н был директором института экономики СО АН СССР, редактором популярного в Главке журнала. Мне довелось даже слушать его яркое выступление в доме политпросвета по линии общества «Знание» — оно, с учетом времени на ответы, в частности, о причине фактической девальвации рубля, инфляции: основной причиной этого процесса он назвал...приписки! — они стали системой, прежде всего — в строительстве и сельском хозяйстве. И другие — очевидные, лежащие на виду, и глубинные...

Юрий Георгиевич вернулся с нефтяного конгресса, который проходил в Мехико. Загорел: вылитый мексиканец! «Я кавказскую кухню люблю, но мексиканская... В советской делегации были грузины — и они не выдерживали! Огненные блюда!».

В эти дни я по какому-то вопросу зашел к нему в кабинет. И он угостил американской сигаретой с темным — угольным — фильтром.

— Куришь? На вот, попробуй американские. Фильтр не только никотин задерживает, но и все канцерогены...

В отделе сигарету «продегустировали»: ничего особенного.

Изредка Эрвье обедал в буфете, думаю, случайно, не с тем — чтобы «пообщаться» с народом. Как-то он подсел за наш столик. «Пиво — за обедом?...Не-ет лучше рюмку хорошего коньяка...» — заметил вполне серьезно.

Мы с Геной переглянулись озадаченно: может, шутит, «папа Юра»? Скользкий вопрос решили не обсуждать и, пожелав приятного аппетита, ретировались...

Осенью 1965-го года в областной больнице от рака скончался Виктор Петрович Федоров, главный геофизик Сургутской КГРЭ, лауреат Сталинской премии за Ставропольский газ, мой душевный «папа»... Приехал из отпуска, узнал, что он — в онкологии. Сразу не пошел: думал, как себя вести? Решился. Прихожу, а Виктор Петрович предвосхитил удивление: «Что ж ты, «мужичок», на север в отпуск подался? Совсем не загорел! (Он откуда-то узнал, что мы с женой, оставив дочку в Уфе у моей матушки, рванули в Ленинград, а когда нас выставили из гостиницы — в Ригу?). Получилось, что не я его, а он меня — утешает...

(Лет через пятнадцать я написал о Викторе Петровиче Федорове поэму «Вторая жизнь» — имея в виду, что его именем названо одно из крупнейших месторождений, и, следовательно, он в его «названии живет!»).

И вот: он — умер!

Похоронили Виктора Петровича на закрытом незадолго до того Парфеновском кладбище. Тризну мы, сургутяне, предлагали справить в каком-нибудь ресторане или кафе, но тюменцы (их было большинство) решили отметить по русскому обычаю его уход из жизни в пятикомнатной квартире Александра Ксенофонтовича Шмелева — геофизика не менее значительного.

...Я делаю такие житейский отступления, чтобы читатель понял: когда в каких условиях проявлялись те или иные черты характера «героя», — так нас учили по литературе и русскому языку школьные и иные наставники! А ведь мой «герой» и без кавычек имел звание — Герой Социалистического Труда!

На той тризне Лев Григорьевич Цибулин сказал мне: «Витя мы потеряли че-ло-ве-ка! Напиши о нем, если ты можешь сказать больше: мы по-те-ря-ли че-ло-ве-ка!». И я в тот же вечер написал начало поэмы...

Себе, быть может, в укоризну
Цибулин говорил на тризне:
«Мы потеряли Человека!
И человек ведь был не стар.
Прожив чуть более полвека,
он боли века испытал.
Познал он торжество Победы.
Открытий счастие изведал.

Месторождение, с которым
он связан больше был всего, —
пускай теперь идет в историю
под светлым именем его...

Юрий Георгиевич пил со всеми наравне. Но, заметив наше минорное настроение, потребовал тишины и сказал:

— Нечего сопли распускать! Виктор Петрович был фронтовиком. Жизнь он видел во всех ее проявлениях. В последнее время мы, возможно, были не совсем справедливы к нему. Но он не жаловался! Переживал это мужественно. Я твердо знаю, что, увидев ваши раскисшие лица, он был бы недоволен! Все! Земля ему пухом и — наша память!

...На этой тризне я нечаянно заметил, как Юрий Георгиевич, явно не «отечески», гладил колено молодой соседки.

Первым моим желанием было, несмотря на ситуацию, расхохотаться: «Ай да «папа Юра»! Подтверждает байки про него!».

Потом возмущение: «Как можно! Поминки же!».

И тут он со своим: «Федоров бы сказал: живое — живым!...».

Тюменские «сургутяне» бережно ухаживают за могилой В.П.Федорова (там и урна с прахом его жены Надежды Афанасьевны). Иногда бываем и мы. И я почему-то всегда вспоминаю слова Юрия Георгиевича и его руку на коленке молоденькой девушки ...

И все так естественно! Без пошлости.

Живое — живым!

Многие работники Главка стали улучшать жилищные условия: появилась такая возможность. У меня ожидалось прибавление в семействе, подал заявление и я на трехкомнатную квартиру. По совету друзей, записался у помощницы начальника Главка на прием. Юрий Георгиевич квартиру выделить пообещал в первой же башенной 9-этажке. Прошло время, эта самая помощница предлагает на выбор: первый или девятый этаж... Первый мне сразу отсоветовали: в подвале работает центробежный насос для подкачки воды, который по ночам назойливо шумит. Девятый этаж — высоко: на лифт мало надежды! И я отказался ... Жене вечером сказал, она поддержала: «Подождем, не каплет же!».

— В Москве министры ниже восьмого этажа не берут, а тут — девятый! Свежий воздух... Обзор! До чего, наконец, дожили,

а? — Юрий Георгиевич обратился как бы за поддержкой к В.Т.Подшибякину и В.А.Абазарову, сидевшим за маленьким столиком в креслах.

— В Москве, Юрий Георгиевич, и я, может, от 18-го даже не отказался, а в Тюмени — 9-го боюсь. И потом. Я же улучшаю свои жилищные условия, так? Так уж и хотелось бы — улучшить!

Над моим ответом — насчет Москвы — управляющие поржали:

— Губа не дура у твоих специалистов, Юрий Георгиевич!

— Насчет улучшения условий — это логично, — сказал Эрвье. — Сейчас на каком этаже живешь? На четвертом? В следующем доме тогда на четвертом и получишь — скажи Вале!

Перед Валей все, имевшие интерес, лебезили, при удобном случае поздравляли и одаривали, я же к ней относился как и к любой женщине — работнице Главка. Поэтому в следующем доме, хоть и получил квартиру на обещанном этаже, зато под номером... тринадцать! «Хоть этим, но — достала!» — казалось говорили смешинки в ее черных глазах, когда она сообщала мне об этом. Отлично понимала — не пойду же я вновь к Эрвье по такому поводу.

В начале лета 1967 года мы со Львом Григорьевичем Цибулиным улетали в Москву из только что открывшегося аэропорта Рощино. Впереди было десять дней командировки, а мы уже о многом переговорили «под крылом самолета». Если соберусь писать о Цибулине, то воспроизведу многие тогдашние его вдохновенные рассказы. А пока — один из них, касающийся Юрия Георгиевича...

« На Север же на ощупь выходили: данных практически не было. Наш шеф — мужик крутой, решительный, но — прежде всего себе доверял. Поэтому базы для всех экспедиций обязательно сам обследовал. Как возьмет с собой — налетаешься до тошноты. С местными властями встретится. С аборигенами пообщается. Орогидрографию района поселка, работ в натуре, так сказать, сопоставлял с геологическими картами: откуда выгоднее, главное, быстрее сделать очередной бросок для расширения границ «открытия века».

В этих поездках всякое случалось — трагическое и курьезное.

Заночевали как-то на недавно выбранной базе новой экспедиции: рядом стойбище ненцев-оленеводов, в километре — райцентр. «Заезжая» — комната в свежесрубленном бараке. Удобства во дворе. Печка-плита. Освещение — от передвижки: до двенадцати. И напряжение дергается: бритва толком не работает. Заехали в райком, на бурящуюся скважину — керн посмотрели, возвращаемся домой — шеф мне: «Где мои тренировочные брюки?» А мне откуда знать? Он расшумелся: «Лев! Мне переодеваться надо — куда дел? Не до шуток. Найди!». Пришлось звонить начальнику экспедиции. Подняли бедную горничную, местных «пинкертонов»... Нашли: пьяный ненец гулял в штанах с лампасами по местному Бродвею. Горничная тут же выстирала их, выгладила... Нет — сам, с лица и изнанки, прожарил их — и все же не надел! Выбросил! «Сегрегацией это пахнет, сэ-эр» — подначиваю его. А он мне: «Не обижайся, но и после тебя не надел бы!».

Хоть стой, хоть падай! Одним словом: шеф!».

Обычно мы обедали в буфете всем отделом — из тех кто не ездил домой: три-четыре человека. В том числе Виктор Владимирович Рождественский, начальник техотдела Главка, яркоглазый блондин, склонный к полноте, пермяк и ярый болельщик «Звезды», мгновенно и к месту выдававший цитаты из Ильфа и Петрова, Омара Хайяма и ЕТП* и т.п... В перерыве устраивались шахматные блиц-турниры. Нас обычно представлял Рождественский. В Главке было много талантливых шахматистов-практиков, но наш — был еще и теоретически подкован. По той или по другой причине, «сервировать» стол он обычно в буфет не ходил — садился на все готовое.

Мы же, «негры», так унизительно звали мы себя (как, впрочем, и в других отделах) по очереди, за несколько минут до звонка, бежали в буфет и занимали очередь...

К нам, производственникам, проводившим в северных компаниях до полугода, АХО относилось лояльно. И если «негры» разных отделов, стараясь обставить друг друга, начинали очередь занимать чуть не за полчаса до перерыва, Иван Павлович Мащенко жаловался сначала Шаповалову, и он грозил пожаловаться «папе Юре», мы начинали караулить звонок...

Однажды дежурным был я. Все поели, а Рождественского не было, и я остался «сторожить» его порцию. («Деньги-то заплачены! Если что, съем! Пусть брюхо лопнет, чем добро пропа-

дет!»). Только я взял пиво, Рождественский появился, да не один — с Эрвье. Буфетчица подала Юрию Георгиевичу его заказ, и они приступили к трапезе.

Уже съели первое, когда пришел Салманов. Буфетчица подала ему тоже, причем — два вторых.

Пиво я пил по-западному, не спеша...

— Смотри, Витя! — сказал Эрвье Рождественскому. — Салманов пришел позже нас, взял больше, а уже минералку пьет! И худой! А ты первое не доел, второе одно съел, а распирает тебя! У Фармана кожа да кости. Ты — северный человек, а он — южный. Оба не в своих климатических зонах живете, так получается? Видишь? Обмен веществ вроде, а и характер определяется: он скажет не думая, ты — подумаешь, потом скажешь. Есть тема для размышлений?...

— Зато у него руки потные и холодные, как сосиски! Как у Гитлера! — сказал Рождественский.

— А от тебя — хоть прикуривай! Съезди-ка в Тазовск, растрясись? Охладись!

Зоя Игнатьевна Михеева, редактор книги «Разбудившие землю», говорила мне, что Юрий Георгиевич тепло отзывался о моих стихах и прозе. Но лично с ним у нас как-то разговора об этом не случалось.

Поначалу я отдавал в печать или на радио все, что появлялось у меня из-под пера, и все проходило. Но постепенно я стал более требователен к себе и понял, что первые опусы проходили за счет актуальности темы, ее своеобразия, новизны. И стихи я стал сочинять не только во время поездок на автобусе, в очередях, в самолете, вертолете, но и работать над ними. И вот это — «работа», когда требовалось по какой-либо причине заменить всего одно слово, а рассыпалось все стихотворение, показало, что поэзия — дело серьезное! И нужно было выбирать: работа или поэзия, литература... Я общался с тюменским литературным миром, и он меня не восхищал в большинстве своем, за некоторыми исключениями — в сравнении с миром «горных инженеров» он был мелочно пошл. Честно говоря, я переживал тогда духовный кризис. Те стихи, над которыми я работал, отвергались или требовали сглаживания. Не говоря о рассказах — там, не дай бог упомянуть о гибели человека! Да еще не в связи со «спасением социалистического имущества или его идей», а — по житейской, человеческой причине! И я посте-

пенно стал печататься все меньше... (Хотя стихи периодически издавались в коллективных сборниках «Молодой гвардией», «Советской Россией»). Исключения я делал для газеты «Тюменский геолог», нашей многотиражки. Если Фатеев или Корчемкин просили, я писал им стихи «по случаю», иногда — с «полным нашим удовольствием» даже!

И вот на таком фоне приглашает меня по селектору Юрий Георгиевич к себе.

— Садись! — кивнул на кресло у приставного столика. И без всяких вводных. — Стихи мне твои, Витя, нравятся. В них, помимо точных, характерных примет нашей жизни, ее невидимых никем, кроме тебя, тончайших нюансов, искренний, светлый лиризм присутствует!...И мысли хорошие стали появляться. Жаль, печатаешься редко. В стол стал писать?...

Я поделился своими сомнениями.

— Ну-ну! — остановил меня, — хочу заинтересовать тебя таким предложением. Мне многие известные композиторы... не бесплатно, конечно,... предлагают услуги по созданию песен на подходящие тексты на наши, геологические, темы. Попробуй, Витя, написать несколько стихотворений. Или, как композиторы говорят, текстов. Считай это производственным заданием! Можешь в рабочее время...

Я промямлил что-то про вдохновение, что стихи, мол, у меня сами приходят и чаще всего по дороге на работу...

Юрий Георгиевич прервал мои сентенции шутливо, но резко:

— Вдохновение — это труд! Кто сказал? Не важно. Иди работай!

Я сел за рабочий стол (точно такой же, кстати, что и в Сургуте — однотумбовый, с потертым коричневым дерматином, но со стеклом и переходным календарем, а в верхнем ящике счетная машинка — «Быстрица», которой я пользовался достаточно редко, и только в первом квартале, когда подсчитывал экономический эффект внедрения новой техники), и попытался настроиться на «поэтическую волну». Ничего не получалось! Груз ответственности (сам «папа Юра» попросил!) давил вдохновение.

По дороге домой я решил снять напряжение — «остаканиться», как говорили тогда, и в первых же «Соках-вино-водах» выпил стакан болгарского «рислинга». В следующих — тоже! И заметно повеселел, что не преминула отметить дочь, за которой я, как обычно, зашел в детсад.

— Мама, папа «ист люстиг»! — первым делом сообщила малышка матери, едва переступила порог дома. Я объяснил жене — по какому поводу «ихь ист люстиг», и она доводы признала убедительными и не стала, как мы тогда выражались, «вытряхивать из меня пыль», т.е., читать мораль.

За несколько вечеров я написал стихотворения-поэмы «Разведчики», «Балок», «Новая песня», и еще время потребовалось мне, чтобы «ужать» их в два-три раза... «Выжимки» я аккуратно переписал и стал ждать, когда «заказчик» вспомнит о них, и текстами больше не занимался.

И вдруг через неделю, перед самым звонком на обед — был мой черед накрывать на стол, и я уже собирался идти занимать очередь, зазвонил селектор, и Эрвье пригласил меня к себе: «Зайди!». Ясно было, что надо нести с собой «тексты»...

Читал он внимательно, не скорочтением, а — с внутренним звуком: губы его едва заметно шевелились, но лицо было невозмутимо.

— Хорошие стихи! — сказал он после паузы. — Еще экземпляр есть? Отдай Корчемкину: пусть напечатает. А этот оставь мне. Все. Иди.

Стихи я Корчемкину, (в то время редактор «Тюменского геолога») отдал. Напечатал их и в «Тюменской правде». И в первую поэтическую книгу «Теплынь» включил. И видел их напечатанными без моего ведома в разных богато иллюстрированных сборниках, но как «тексты» не слышал ни разу: поэта-песенника из меня не получилось...

Мы получили путевку ВДНХ на интересный семинар, который проводился в павильоне «Нефтяная промышленность». Я заблаговременно оформил путевку и купил билет. И вдруг мне приносят уже подписанную Эрвье еще одну командировку: в Ухту, на выездное заседание Экспертно-геологического Совета Мингео РСФСР; выезжать нужно завтра в составе группы наших специалистов; билеты уже заказаны! Сравнил сроки: в Москву, получается, нужно лететь из Ухты, а прямой билет сдавать. Решил все-таки отбоярится от ухтинской командировки: пошел к Эрвье с объяснениями...

— Я в курсе! — сразу же прервал меня. — Но я своих решений, дабы Вам было известно, товарищ Козлов, не отменяю. — И вдогонку уже бросил: — Потом спасибо скажешь за эту командировку!

Командировка в самом деле оказалась весьма занимательной: мы поняли, что ухтинцы сначала бы построили дороги и города и лишь затем сделали «открытие века»!... И, может, так и нам надо было.

К тому времени, когда Главк наградили орденом Ленина, у нас был построен конференц-зал мест на четыреста. Основное его назначение — проведение партхозактивов, профсоюзных конференций и т.п...

Прежде на встречи с «мастерами советского искусства» нам давали в филармонию пригласительные билеты. Иногда из-за этих билетов были настоящие «местечковые» бои, а иногда, наоборот, все — «ну очень заняты»! А платил Главк за все билеты или нет, им было «до лампочки»!

Другое дело — когда у нас появился конференц-зал!

Иван Павлович Мащенко в эти дни закрывал парадный выход. Все, кто оканчивал свою работу «со звонком» спускаясь с четырех этажей по двум широким лестницам, должны были или вливаться в два широкие входа в конференц-зал (оттуда можно «исчезнуть» только через узкую — на одного — дверь) или пытаться выйти во двор через дверь черного входа... Если ты был «на заметке», могли засечь элементарно...

Мы с Мащенко не раз вместе дежурили, (он — бывший начальник окротдела, подполковник милиции в отставке) сошлись как-то по-человечески с ним. Поэтому я иногда исчезал и через парадный вход, избегая некоторых форм «советского искусства».

А в этот раз стоп: «О! Витя! Тебя-то мне и надо! После концерта на сцену! Понял? Витя, без подписки, — доверяю! Не подведи».

Иван Павлович для нас, «негров», был важной фигурой: в командировку у него можно было взять унты, куртку или меховые штаны... (дома, свои, как правило, моль съедала!).

Ну и ... Мало ли что по молодости бывало! А у него — связи милицейские на этот счет. Так что — Иван Палыч — Иван Палыч!

До конференц-зала — отдел перед отделом выпендривался: что на День Геолога, на 8-е Марта или Новый год... И случалось, что Юрий Георгиевич в сопровождении парткома и теркома и нашего — Главковского! — месткома обходили отделы и служ-бы...

Геологи (там было много женщин, в том числе и жена Юрия Георгиевича) всегда заслуженно побеждали — декорациями и закусками, а насчет выпивки — тут надо было побороться с отделами чисто мужскими, но — без «негров». Заходя к нам, он советовал: «Кооперируйтесь!».

С открытием конференц-зала «местечковые» посиделки ушли в прошлое, теперь уже здесь стали отмечаться все официальные праздники. «Сбрасывались», насколько помню, поровну, а вот «предбанкетная» сторона явно разнилась и по стоимости, и по «идейно-художественной» наполненности! Вот, в один из таких концертов и приловил меня Иван Павлович...

Выждав встречный поток, иду на сцену, за занавес...

Кулуаров, за двумя портьерами, по сути и не было: какие-то матерчатые разгородки.

Захожу, путаясь, будто под юбку лезу, в пыльных подолах... И вдруг — как в театре: картина! Седоватый с голубизной, в темном костюме, «черный лебедь» руками-крыльями прижимает к себе «молодую лебедь белую»...

В глаза бросилось: рядом — такая же лебедушка!

— Папа, папочка! — говорит та, которую «папа Юра» обнимает отнюдь не по-родственному, — я сегодня ужасно пела.

— Ты пела сегодня — как никогда, Аллочка!

И — в глаза — движение темной руки по всей девичьей «орогидрографии»...

Разворачиваюсь, чтобы уйти. Не тут-то было!

— Вот, Аллочка — это наш поэт! Чистый, девственный!

— Юрий Георгиевич! Обо мне могут плохо подумать: я женат, у меня дочь...

Обе «дочери», сложившись пополам, хохочут.

— Папочка! С таким — и не поехать можно!

«Папочке» это не нравится. Он оставляет на чье-то попечение «дочерей» и говорит мне:

— Витя! Ты завтра (командировки-то он подписывал!) в агентство поедешь с Сашкой (его личный шофер). А по пути завернешь в «Колос» — обязательно заберешь Аллу. Вот ее коллега — Вера Малышева, редактор радиостанции «Юность». Я в Москву позвонил — обещали встретить. Но! Для подстраховки: если, что развези их из аэропорта по квартирам. Это — просьба!

Алла Пугачева тогда была «шептуньей» и очень «стройной», не в моем вкусе. А Машу, дочь Эрвье, с ней роднила и

«близняшила» — молодость и одновозврастность. И — любовь отца...

Командировка у меня была обязательная.

Не дожидаясь Сашки, я к семи утра подошел к агентству Аэрофлота, сдал чемоданчик, зарегистрировавшись, и в ожидании «Экспресса» вышел покурить...

Тут меня Мащенко и приловил:

— Айда! Ну хоть ты подействуй! — уже в салоне Сашкиной «Волги» начал он меня улещать.

— Да че случилось-то? Объясни? — спросил я .

— Счас, приедем — увидишь! Только подтверди!

...Гостиница «Колос»...

Даже гостиницы ВДНХ в сравнении с тобой — три «звезды» фору!

И в тебе останавливалась на заре своей блистательной карьеры Алла Пугачева! Несравненная Алла Пугачева — до «Арлекино», когда — она шептала в микрофон и потом припадала к широкой груди нашего «папы Юры»...

В вестибюле гостиницы нас ждала скромная молодая женщина.

Увидев Мащенко, она пошла к выходу:

— Иван Павлович! Поехали! Алла остается!

Тот чуть не заплакал:

— Верочка! Я ж три раза вам билеты переделывал. Каждый раз — 25 процентов! Мне ж за это не платят! А сейчас, если не поедет 50! Верочка, сходи!

Я взглянул на часы: опоздаем! Спросил Сашку: сколько у нас в запасе минут? Он шутит: в туалет, мол, успеваешь, а руки помыть — вряд ли!

Вышли с Верой из машины, зашли в вестибюль...

За стойкой портье две фигуры: девичья, в байковом домашнем халате и — худощавая, но по-армейски строгая в зимней куртке.

Окликаем их.

— Алла! Иван Палыч! — И стучу по циферблату своих часов.

Иван Павлович обреченно машет рукой, и мы — жмем в Рощино.

...В Москве, как меня и просил Эрвье, я на такси (не зря Юрий Георгиевич беспокоился!) отвез Веру Малышеву до дому.

На чай (она сказала, что муж должен быть дома) я по северной привычке отказался. «На рюмку кофе» — я б еще подумал...В-м, кофе с утра не пью. Спасибо! Она написала мне в ...ной книжке помадой свой рабочий и домашний телефоны, — мне по этому поводу чуть ли не через год пришлось ясняться с женой...

Командировка в Москву. В семь утра вылетаю, а все еще на работе: материалы готовлю. Опять черный телефон...Беру трубку:

— Зайди, пожалуйста!

«Что-то не то-о...» — думаю.

И — точно! Голос какой-то просительный, не присущий «папе Юре».

— У тебя груза не много?

— Да-к портфель...Как обычно...

— Вот тебе адрес: Маше, дочери, передай! Там в проходной общежития МГУ могут не пропустить...Вот внутренний телефон: позвонишь!

— Юрий Георгиевич! Плохо о своих работниках думаете! Были ж мы студентами!

— Ладно, на!

...Штуки три тома, весом каждый как энциклопедия! Нет, чтобы — коробку зефира или конфет!

Ленинский субботник...Веселое мероприятие! А я — на рабочем месте: считаю экономический эффект от внедрения ССовмещения разведки с пробно-промышленной разработкой месторождений нефти и газа»...

С утра Эрвье озадачил:

— Вот тебе «труд» ученых мужей из ЗапСибНИГНИ. Вводную часть оставь, а сам расчет сделай —как от внедрения новой техники делаете!

Ознакомился с материалами институтскими: многие расчетные показатели взяты с потолка! И эффект выглядит дутым, гипотетическим. Иду советоваться к Эрвье:

— А ты возьми еще прибавь «пол» и раздели пополам. Не знаешь разве этого метода? Два «пэ» — пол плюс потолок — пополам? В госплане им пользуются, — шутит Юрий Георгиевич.

— Пол и потолок, как нехарактерные, при обработке данных статистически, отбрасываются!

— Не умничай! — одергивает он меня. — Делай, как считаешь правильным, но чтобы к концу дня расчеты были вот тут! — он похлопал по зеленому сукну стола, за пределами стекла.

Мне пришлось попыхтеть, но расчет технического эффекта по методике ВНИИБТ, с достаточно достоверными данными, я принес Юрию Георгиевичу на стол без напоминания. Величина его была чуть не кратно ниже первоначальной, но все еще внушительной.

— Если нам премию от этого эффекта даже по минимуму начислят, то она будет все равно больше, чем за все мероприятия внедрения новой техники! — подсластил скукожившийся экономический эффект.

Начальник Главка оставил мою реплику без ответа, внимательно посмотрел расчет и затем, где было нужно, подписал. После этого отпустил меня домой.

Субботник давно закончился. В городе было чисто.

Несколько лет Главк не выполнял план по проходке скважин, перекрывая однако задания по приросту запасов нефти и газа, по вводу в разведку и поиск новых структур, а также по отработке сейсмопрофилей и выявлению и подготовке к бурению новых структур.

Главк наш производственный, и из-за невыполнения плана проходки производственные премии мы не получали. В этих условиях начальник Главка изыскивал возможность хоть как-то стимулировать работу аппарата.

Мы, «негры», в курилке часто обсуждали ситуацию. Нам было ясно, что планы, устанавливаемые Главку, завышены. Что мы, в течение длительного времени, работаем на пределе возможностей, без резервов на маневр. Это было очевидно в сравнении с соседями: при практически равных геолого-технических условиях плановые скорости у них были существенно ниже, чем у нас (соответственно и проходка на станко-месяц, на буровую бригаду и т.п. показатели). У нас каждые добавки к плану на «ура» встречались, у них (у ухтинцев, например) — в «штыки»! Но «папу Юру» мы особенно не винили: понимали, что он стал заложником системы, заложником «открытия века». «Рыпнется» он, не посмотрят на заслуги, заберут в Москву, а вместо него — та-акого кадра посадят, что лучше не покажется!» — заключал кто-нибудь из «старичков», и мы расходились по рабочим местам.

Наш отдел, в числе прочих вопросов, ведал внедрением и разработкой новой техники, изобретательством и рационализацией, готовил материалы доля участия подразделений Главка во всевозможных всесоюзных, республиканских, отраслевых смотрах, конкурсах. И, как правило, получал за эту работу премии, иной раз и приличные. И приказы о премировании Юрий Георгиевич всегда корректировал, внося кого-нибудь из «забытых» сотрудников. Точно так же как и в приказ о премировании за внедрение новой техники.

— Юрий Георгиевич! — не выдерживал как-то Рождественский. — Ну какое отношение к этому имеет, например, А.М.? Она же ни об одном мероприятии плана и представления не имеет!

Эрвье укорил его:

— Витя! Не всегда надо думать головой, иногда — сердцем!

Точно так же подходил он к другой премии — вознаграждению за участие в открытии месторождений.

— По большому счету, — приватно, в праздник, сказал он, — каждый работник Главка — участник открытия. И, хоть раз в жизни вправе рассчитывать на вознаграждение за открытие. Это — как участник войны...

В Горноправдинске Всероссийский слет молодых геологов. Слет проводится под эгидой ЦК ВЛКСМ. Не знаю, как на счет всероссийскости, но то, что слет всеглавковский, — точно! На вертолетах, на катерах, на теплоходах речфлота, — со всех экспедиций наехало молодежи; есть и знакомые. Разместились кто где: в каютах, в поселковой школе, у знакомых правдинцев, в общежитиях, в гостинице...

Прибыл Эрвье, первый замминистра Мингео СССР Игревский, партийные, комсомольские чины...

На стареньком двух палубном пароходике приплыла концертная бригада радиостанции «Юность»; о себе она заявила издалека, едва нарисовавшись на траверзе поселка, веселыми, озорными, какофонистыми звуками — отрывистые, словно золотистые солнечные блики, они казалось отражались от Оби и наполняли собой веселый мреющий воздух...

Вечером в ДК поселка торжественное собрание с выносом знамени Главка (Н.Мелик-Карамов — знаменосец, я с А. Пугач — ассистенты). Были речи, выступления, награждения и большой веселый концерт. На следующий день — выезд на природу: на уху рыбацкую.

После короткой официальной части начинается дегустация ухи...Юрий Георгиевич пригласил меня за свой «стол» — там уже находились и Алла Пугачева, и Алла Пугач, Ян Френкель и Геннадий Шмаль и другие интересные люди. Юрий Георгиевич был весел, шутил, произносил тосты... После веселого концерта, когда порой трудно было разобрать, где зритель, а где — артист, Юрий Георгиевич пригласил нас к себе на выездной катер — пообщаться. Был он оживлен, выглядел молодо и элегантно. В салоне катера тесновато. Говорили о музыке, точнее, о последних шлягерах, об эпатажной поэзии — больше Дима Диомидов и Алла Пугачева. Ян Френкель подремывал, мягким басом излагая свое авторитетное мнение — если Алла его донимала. Эрвье, к моему удивлению, достаточно свободно ориентировался в теме, вокруг которой вертелся разговор. Мимоходом, он попросил прочесть меня несколько стихотворений, но я понял, что они моим слушателям не пришлись по вкусу... Юрий Георгиевич ушел в радиорубку — посмотреть почту. Я себя почувствовал среди москвичей неуютно и вскоре ушел... За что потом он меня укорил: негоже, дескать, бросать гостей на произвол судьбы (в шутку, я думаю).

Этот слет был единственным в своем роде, и при встрече со многими своими сверстниками-нефтеразведчиками обязательно вспоминается он каким-нибудь забавным эпизодом, и мы на минуту молодеем...

В «Известиях» в списке кандидатов в членкоры АЕ СССР увидели фамилию своего начальника Главка. В курилке только эта новость и обсуждается среди «негров». Мнение единогласно: «Давно пора!» А вот пройдет ли? — мнения разделились. «Не-а! — безапелляционно заявляет Кулявцев, — забаллотируют! На что угодно спорю. Ему надо было, как его друзья, эволюционно: кандидатскую, потом докторскую... «Остепениться» надо было! Тогда бы... А так: нет! Почитайте его: он же академических ученых в хвост и гриву разносит везде! Покатят они его. Зря он дал согласие на участие в этом цирке...». Другие возражают: «У него столько печатных работ! Прогнозных геологических карт за его подписью! И все — подтвердилось!». « За это он Героя получил, лауреатом Ленинской премии стал в числе первых! За заслуги получил сполна», — парирует Кулявцев. «Я-то — «за»! — говорит он в затишье, — а вот «они» — черных шаров накатают...». И он как в оду смотрел: в списке

избранных членкоров его не оказалось. Мы искренне переживали эту, на наш взгляд, несправедливость.

(Сейчас глянешь, что ни «генерал», мэр или губернатор, — уже кандидат или доктор каких-нибудь наук, а то и мантией уже обзавелся... И вспомнишь обязательно «папу Юру» и оценишь его мужественную скромность.)

Праздновали шестидесятилетний юбилей начальника нашего орденоносного производственного Главка.

Юбиляр был заслуженным человеком, слава и награды не обошли его. Герой, лауреат, многоорденоносец...Мелочиться он не любил. Минуя все промежуточные степени и звания, решительно рискнул баллотироваться сразу в Членкоры Академии СССР. После неудачи «эволюционировать», для повторной попытки, не стал. Он был элегантно, по-мужски, грубоват, говорил медленно, весомо: «...слово каждое по весу, что червонец золотой!» — словно про него поэтом сказано. Походка — соответствующая: командорская. Не походка даже — поступь! Он упрям, раб своего слова: сказал — так и будет! Бывал сентиментален. Меценат. Книги пишет сам. Любит молодых женщин и хороший коньяк. Старых сотрудников ценит, прощает человеческие слабости. Раболепие пресекал не всегда, в душе презирая. Память, особенно зрительная, феноменальна, о ней ходили легенды.

Каких только подарков не навезли — от коллективов и «от себя лично» — из разных городов и весей! Словно королю — от вассалов, царю — от подданных: и электроника импортная, и рухлядь мягкая...Один друг преданный, лис хитрый, шкуру белого медведя приволок, — знает ведь, что зверь в «Красной книге», а сочинил «историю» о нападении, рискнул: перестарался, друг ситный, перестарался, да что теперь с ним поделаешь?

В конференц-зале — как на всесоюзном совещании! В президиуме: первый заместитель министра Мингео СССР (академик, кстати) и первый секретарь обкома, просто академики, известный композитор, писатель...ближайшие соратники...Авансцена — в цветах утопает.

Торжество открыл первый замминистра, академик. Он пространно и изящно осветил жизненный путь, пройденный юбиляром, зачитал поздравление Коллегии. Потом виртуозно говорил главный областной партайгенноссе. Выступали соратники. Некоторые, уже «принявшие» за здоровье юбиляра, чуть

ке со слезами в голосе. Остальные просто зачитывали адреса. А более мелкие сошки — вручали сафьяновые, с золотом, папки с короткой абзацем, словесной сопроводиловкой. Горка адресов росла, грозя превратиться в неустойчивый штабель.

Юбиляр приглушенно-доверительно беседовал со своими соседями, иногда прерывался и пристально, по орлиному вглядывался в зал, как бы изучая его по «квадратам». Время от времени он улыбался знаменитой скупой усмешкой, медленно подымал руку и помахивал ею, кивнув величественной седогривой головой.

Многие, очень многие в зале, словно на захватывающем матче, в экстазе, ничего не видя другого, кроме своего «нападающего», тянулись на встречу его благосклонному кивку: «Узнал!.. Заметил!.. Не забыл!..».

Наконец, ведущий, зам-академик, довольно нетактично прервал поток «адресантов», намекнув, в духе некрасовского «Парадного подъезда», на холопский недуг: кто, мол, не успел вручить свой адрес, вручите завтра, в рабочем порядке, секретарю... И предоставил слово юбиляру.

Юбиляр выступал в своем стиле: лаконично, с долженствующими пузами — а паузы он, как большой актер, умел держать! но — с заметной грустинкой, растрогавшей всех.

После минутного перерыва, пока президиум двумя ручейками — в зал и за кулисы — растекался и пока убрали столы со сцены, начался концерт.

Концерт начался «Величальной» в честь юбиляра.

Исполнял «Величальную» артист местной филармонии, полный, лысоватый крепыш во фраке, при «бабочке».

Аккомпанировал автор. Он уже занес было растопыренные пальцы над клавиатурой, но раздумал: вскочил, снял крышку с инструмента и только потом обрушил на слушателей шквал звуков, долженствующих характеризовать бурное время, в котором пришлось родиться, жить и работать юбиляру.

Баритон вступил в тему резко и неожиданно. Так, помню, Василий Смыслов, став чемпионом мира, на радостях рванул: «Что мо-жет сравниться с Матильдой моей!...». Только дикция у баритона была совсем плохая: слов не разобрать, как в «Чио-Чио-Сан» на японском языке.

И, наконец, апофеоз «Величальной».

Напрягая яремные жилы до предела, модулирую свой небогатый баритон, артист в разных тональностях повторял, как заевшая пластинка, фамилию, имя и отчество юбиляра...

Вот певец на высокой ноте оборвал величание, резко склонил голову в ожидании аплодисментов... Вот и сопревший автор подошел к нему, взял за руку и тоже склонил голову.

Зал ошарашенно молчал! Пауза затягивалась... Потом, видимо, до кого-то дошло: обидится же юбиляр! Неудобно ведь! — и захлопал... Вослед ему покатился вал оглушительных аплодисментов.

Лица композитора и артиста порозовели, ожили и стали симпатичные и даже одухотворенными, как у тех пророков, чей глас все же дошел до сердец народных.

Я не мог поднять глаз, было стыдно за всех: автора, исполнителя, юбиляра — ведь наверняка же подслушивал и дал добро, а если сюрприз — за то, что не остановил. А больше всего было стыдно за себя: не ушел, ведь, остался и, может, как многие, тянул шею: «Вот он я! Папа Юра, узнайте меня!.. Улыбнитесь мне!».

Юрий Георгиевич жил недалеко. На работу и обратно ходил пешком. Обедал он, как я уже отмечал, дома часов с двух до трех. Что он предпочитает выпить за обедом, я уже говорил (т.к. слышал от него). Об остальных гастрономических пристрастиях умолчу, ибо они — через жену моего коллеги, которая была чуть ли не доверенным лицом Ксении Васильевны. Зато книжные пристрастия — знал!

У нас в вестибюле стоял большой книжный киоск. Заведовала им хитроглазая Зоя... «Юрий Георгищ-щ» — останавливала она Эрвье. Он иногда проходил, но и тормозился весьма недовольно: «Что там у тебя?!». Круглолицая, зеленоглазая дочь «Кучума» змеей вытягивалась из-за широкого прилавка и, чуть не в ухо «папе Юре» докладывала о книжных новинках. Иногда он движением плеча как бы отбрасывал руку, но часто лез в карман за деньгами...

В 1978 году «Главтюменьгеология» впервые не выполнила план по приросту запасов...

А уже реял призыв: «Млн тн нефти, млрд кубов газа — в сутки!».

И обком КПСС решил «посоветоваться» на бюро с геологами: были приглашены «тройки» (начальник, секретарь партбюро, главный инженер) всех подразделений Главка.

— Решили послушать глас народа! — съязвил наш шеф, знавший кандидата в члены ЦК, первого секретаря обкома, еще по «тем» временам, когда был главным инженером геологоуправления, а тот — научным сотрудником филиала новосибирского института.

В президиуме — секретари обкома, Эрвье, первый замминистра Мингео СССР Игревский, главный геолог Главка Салманов, начальник объединения «Ямалнефтегазгеология» («генералами» они стали позднее). Подшибякин... Наш — начальник «Обьнефтегазгеологии» — в зале...

— Расклад — понятен! — сипло шепчет мне на ухо Коломасов, главный инженер, — нас будут «сношать»!

Только первый секретарь обкома Г.П. Богомяков, открыв совещание, объяснил причины, побудившие областной комитет партии озаботиться ситуацией в ордена Ленина «Главтюменьгеологии» (мы смотрели сквозь пальцы, когда вы не выполняли планы по проходке — главную задачу вы решали: приращивали запасы, на вашей стороне, будем считать, было геологическое счастье. Почему сейчас вам оно «изменило»? У нас разговор дружеский, почти семейный. Почему оно стало вам «изменять», геологическое счастье?)... А объяснив, сделал паузу... В абсолютной тишине ржаво заскрипела самая дальняя дверь зала.

Геннадий Павлович, — словно все шло по сценарию! — было талантливо отрежиссировано, — мгновенно кинул руку перстоуказующую, как монумент на площади перед обкомом, и загромыхал:

— Вот в чем причина ваших нынешних неуспехов, Юрий Георгиевич! Не в так называемом «геологическом» счастье! Нет, оно — в отсутствии дисциплины! В отсутствии порядка! Если уж ваши люди на бюро обкома партии опаздывают, о чем можно вести речь? Представьтесь: кто вы? И объясните причину опоздания! — обратился он к вошедшему.

Худощавый, серый, вконец стушевавшийся человек объяснил, что он забыл партбилет и поэтому пришлось оформлять пропуск, а бюро пропусков — аж во дворе, едва нашел, а он — на протезе, инвалид войны...

— В любом случае, надо планировать свою работу даже с учетом своих физических недостатков! — не смутившись, осадил его Богомяков.

(Недавно он в одной из публикаций вроде покаялся в своих делах от КПСС, — и я оценил его мужество. Но никогда не прощу Геннадию Павловичу этот упрек фронтовику-инвалиду — в «физических недостатках»! У меня до сих пор в памяти испуганное лицо инвалида-фронтовика: такое ли оно было на фронте или — воодушевленнее?!)

...Нашего шефа, как школьника, поставили за маленькую трибуну-полупарту в центре зала, и, не давая ему закончить ни одну свою мысль или обосновать ответ, начали натурально клевать, как стервятники!

(И ведь мы сами, в ущерб себе, давали им эти данные для «пристрастного» анализа! «Бросай все, готовь справку для райкома! А для обкома — и ночь не спи, а утром — вот сюда! И за десять лет, и за двадцать...И до 2-х тысячного года, и до Коммунизма...»).

Я почувствовал, что откровенность тут не в почете да и не к чему: «действо» шло по намеченному сценарию, перестал волноваться и стал наблюдать за действующими лицами...

По ходу ведения «семейного совета», по выступлениям, я понял — нашему «папе Юре» отведена сегодня роль киплингского Акелы...

(У нас, большинства «негров», лета были в одной возрастной вилке, и мы запросто пользовались именами героев популярных в то время детских книжек или мультфильмов. А Юрий Георгиевич, седогривый, темнолицый, с невозмутимым выражением слушал и своих, и чужих... И сравнение его с Акелой появилось, как позже выяснилось, не только у меня. Но, увы! Маугли ни из кого не получилось...)

А тут еще «жару поддал» В.Т. Подшибякин, начальник «Ямалнефтегазгеологии». Своей репликой из президиума, он огонь обкомовской рати с нашего шефа перенес на Главк и, в конечном счете, на Эрвье...

— Геннадий Павлыч! — обратился он сиповато, тревожным паровозным гудком, к Богомякову, — Геннадий Павлович! Может вопрос-то надо рассмотреть под другим освещением? А есть ли оно — невыполнение плана?! Не знаю, как у приобского объединения, а у нас, мы считали, с планом по всем категориям полный порядок. Так мы и отчитались. И вдруг узнаем: партия подсчета запасов Главка похерила наши расчеты, пересчитала по-своему и... результат: невыполнение плана! С Сал-

мановым, который курирует свой ППЗ, мы не смогли найти общего языка... Вот так...

Произошла перепалка — не дискуссия, а именно: перепалка! — между Салмановым и Подшибякиным с участием Нестерова...

Богомяков прервал ее эмоциональным обращением к Эрвье:

— Что же получается, Юрий Георгиевич! Выходит, у Подшибякина работают простые выпускники наших вузов, наших университетов вроде саратовских, московских или киевских... А у ВАС — выпускники ОКСФОРДОВ, КЕМБРИДЖЕИ?.. НАШИ пользуются — одними формулами, а ВАШИ — другими?!!

— И в таком духе еще минут десять...

Эрвье всегда выступал самокритично. И каждый работник Главка, слушая его, отмеченные недоработки принимал и на свой счет.

Однако на этот раз его слова о наших недостатках, «недоработках», как моих личных, мною не воспринимались: я работал тогда как проклятый! Наша экспедиция находилась рядом с эксплуатационниками из соседней области, начавшими разрабатывать наши месторождения. И люди видели: за один и тот же труд — платят по-разному! И начали уходить. Слышу: «Платишь выше — а из чего? Из чего? Из — чего!.. Нет, из «приписок» не буду! Принцип!!!».

Что такое наши прогнозы? Забуришь в начале месяца «нулевку» — выполнишь и «график» и «план»!.. Конец месяца. У других взглянешь на сводки — ну, не «горные породы» везде, а — масло! Долото, словно горячий нож, само лезет в них! Потом начинаются «ремонты», «геологические осложнения» и т.п. А я этого не допускал: сводки у меня шли настоящие. Поэтому и ежесуточные графики летели. Но у меня были свои секреты: я создал подготовительную вахту, которая готовила буровые станки, после передвижки, на лето, и бурила не только направления, но и под кондуктор, и спускала его! То есть нечто противоположное припискам: «недописка». Задел на осень! И осенью когда все держится на авиации, а та — на погоде! Какой тут график! Плечи — километров по 400-600, световое время уменьшается не по дням, а по часам. Загрузились, полетели, почти у буровой, а тут — «перекрытие по квадратам: нелетная погода», и борты возвращаются, а то и на запасные аэродромы идут...

Поэтому наши «прогнозы», естественно, были на уровне на уровне прогноза погоды... И мне, начальнику и главному инженеру «вшивой» экспедиции было смешно слушать обвинения в свой адрес о «неритмичности выполнения графика»! «А я там сопли при минус 55 морозил, когда ты — с аэрокондишенем сидел и следил за графиком!» — возражал я своему однокашнику, окопавшемуся в аппарате обкома.

Приписки... Снова академик А-н, которого я не встретил когда-то, вспомнился, — в связи с этими самыми приписками.

Мы, «негры», знали, что по «северам» в конце года бывают приписки. Но также понимали: в январе они отбурятся! Пойдут как обычно: ремонты, осложнения, даже «таянье снега»! И все как-то сходило с рук...

(Один министр даже сказал про некоего начальника северной экспедиции: «Мы спасибо должны ему сказать за то, что он там живет!». А дело было в том, что этот начальник чуть не пол-Москвы снабжал муксуном и прочей деликатесной рыбкой.)

Лечу из Салехарда в Тюмень. АН-24. По тем временам — лайнер! В Тарко-Сале рядом плюхается Владимир Алексеевич Кулявцев. Мы с ним, при случае, «остаканиваемся», говорим «за жизнь»: хоть и «негры», но дураками себя не считаем. (кстати, все его прогнозы, как правило, сбывались: касались ли они внутриглавковской жизни, или внутрисоюзной). Поздоровался и молчит: весь из себя! Перед Сургутом говорю: «Дозаправка будет, выйдем? Вдруг пиво будет?». После паузы: «А! Хрен с ним, пошли!». Чувствую, что его распирает желание секретом поделиться, но решаю «дожать»: рассказываю о своей командировке, а к нему — ноль интереса!

Прилетели в Тюмень. Вещи с нами: можно сразу на экспресс. И тут Володя тормозит меня:

— Пошли по «сотке» вмажем! Ресторан еще работает...

Поднимаемся на второй этаж.

— Я угощаю! — у Кулявцева богатый баритон и широкие жесты. Он заказывает по сто пятьдесят водки, по салату, сыру и — задушевно! — «Арзни» у вас не бывает? Две «Арзни».

Обслужили нас моментом. Чокнулись. Закусили.

— Расколол я тезку! — отставив фужер с «Арзни», сказал мой коллега.

— Вот смотри! — он вынул из внутреннего кармана пиджака фирменный бланк той экспедиции, где он только что был. —

С таким мандатом, — сделал он мне снисхождение, хоть ты, хоть кто другой — раскололи бы! — и он показал мне... по сути обычное приложение к командировочному удостоверению, но... подписанное самим «папой Юрой»...

Обычно задания подписывали начальники служб, мы к авансовым отчетам прилагали служебные записки о выполнении этих заданий с визой «Выполнено». А тут — действительно «мандат»!

Владимир Алексеевич рассказал мне, как он «приловил» приписчиков... Для меня, впрочем, это не было уж очень большим открытием. Беспокоило лишь: что теперь станется с Володей Березовским? Он был мне симпатичен.

— Да ниче! — успокоил меня Кулявцев. — Отсидится у нас в отделе на бумагах... Без выезда... А там... Не потеряется!

И он, как обычно: как в воду глядел! Через полгода Березовского от нас «забрали» на повышение. «Папа Юра» своих не сдавал.

Дочь с похвальной грамотой окончила поселковую школу-восьмилетку, и нужно было решать: уезжать всей семьей или отправить ее одну — для получения обязательного образования; у нас вариант был единственный: к бабке в Уфу...

И вдруг — посылают в длительную командировку в Москву...

Сам-то я в Москве побывал уже после института, но — еще молодым специалистом. Но ведь я — безотцовщина! А у дочери — отец! То есть я (дочь, конечно, бывала и в Сургуте, и в Уфе, и в Перми, и в Сочи, Батуми, Алуште... Даже в Уйске, Кочневке, на Ирындыке! А в Москве — нет!).

— Поедешь? — предлагаю.

— Конечно!

Мать ворчала, но добавила командировочных. И — мы отбыли...

Москва! Столица! «Моя Москва»!..

Объехали все гостиницы: по «нулям»!

Дай, думаю, знакомому позвоню!

Старшая дочь «знакомого» окончила МГИМО, в Париже, младшая — студентка МГУ, — в Измайлово: олимпийскую деревню строит!

— Леночка! Тебе повезло! — говорит хозяйка. — Вот комната со всеми аудио — и видео — новинками! Мои дочки — меломанки!

День — хорошо, два — отлично! Через несколько дней дочь, когда мы остались наедине, просит:

— Пап! Давай в гостиницу!

Удивлен. В чем дело? Юрий Николаевич тебя по Москве возит! (гараж у хозяина квартиры — под домом!). Я — все свободное время с тобой. Почти центр Москвы. Что еще желать?

Говорит: собака «задолбала»!..

(У нас дома — три собаки. Покормить их — удовольствие и обязанность. А тут — наоборот! Хозяйка предупредила: собака попрошайка! Но ей нельзя давать пищу — чтобы она не пожирнела! А та, почуяв нашу слабость к собакам, в самом деле третировала нас своим попрошайничеством!)

Допекла! Дочь просит: Иди, говорит, к своему любимому Эрвье. Замминистра геологии СССР — не поможет? Не может быть!

Помощник Эрвье предупредил:

— У Юрия Георгиевича только полчаса. Да. Между коллегией и Совмином. Просьба: не озадачивать!

— Здравствуй, Козлов!

Руки не подал. Дистанция метров десять. Навстречу вышел.

Дистанция сократилась: красного дерева, с зеленым, биллиардного качества, сукном стол разделяет.

— Садись! Рассказывай! Как там без меня? Какие личные проблемы?

В зеркале вижу помощника: он по часам пальцем тюкает! Коротко рассказываю.

— Ви-итя! — протяжно сказал Юрий Георгиевич. — Думать же надо! Ну! Это же тебе не Тюмень! Сейчас — Спартакиада народов СССР. Завтра — Всемирный фестиваль или Олимпийские игры... Ладно!

Он вызвал помощника и сказал: «Сделай, что можешь!».

Помощник, как я понял, сделал все, что мог: мне дали два места в гостиницу «Алтай»!

Когда я получал бронь в «Экспедиции по связям с гостиницами» (мне было так смешно: может, подумал я, они и «полевые» получают, работники этой «экспедиции»?), я понял, что в самом деле получил «бронь»: начальника экспедиции, амбала моих лет, уговаривали два «старпера». «Ниче! — сказал мне лукаво начальник экспедиции, — не заявил вовремя, пусть у

себя расположит! У него дача — что гостиница! А у института — заезжая есть человек на «тцадь»! Не жалей их! Вижу: жалеешь! Вот тебе — «Алтай!».

...Через несколько лет Махалин во главе комиссии был в Мегионе. После официальной части я ему сказал, что был у Эрвье... Узнав обстоятельства он почти застонал:

— Витя! Ты м-...к! Надо же было сказать, что после него — все рушится! ЧТО, не так?! Если и не так, трудно ли было сказать?!

Сказано: «Можешь не писать, не пиши». И еще сказано: «Пиши, но не публикуй».

Писать я почти не писал: так, на клочках, на разнорядочных талмудах — по-арабски, т.е. справа налево.

С публикациями было хуже: шлейф тащился лет семь...

Вроде бы иссяк и он. Но...

30 декабря 1984 года ко мне в номер гостиницы «Сибирь» Аганской НГРЭ в Новоаганск пришел писатель Александр Мищенко.

— Ты не тот Козлов, который: «Кресты на профилях», «Весеннее», «Новая планета» и т.д.? — Слышал, слышал! И от Тингаева, и от Зайцева: «инженер первой десятки»! И все же: таких, как ты, прости, горных инженеров на северах, тысячи, а вот авторов... Ты ценен для севера — как его певец! Как автор!

У меня была тяжелая командировка, и не только в инженерном, технологическом плане или физическом, — было психологически тяжело: меня обманывали люди, которых считал друзьями и которым всячески старался помочь... И все же слова Саши Мищенко мне не показались убедительными. Сославшись на усталость и на то, что в ночь я уезжал на вахтовке в Мегион, я сухо с ним распрощался, даже не угостив его, как обычно.

Может, и все бы ничего. А тут приезжает дочь на каникулы.

— Пап! — говорит, пап! Ты — народный поэт, прям! Твои стихи в Индусе, на «Клавишах весны» читают и даже автора не называют!

Это очень тронуло. Решил «возвращаться на круги своя»: «разрабатывать — что открыл!».

Дал несколько подборок в «Тюменскую правду», в другие СМИ...

В апреле 86-го года получаю приглашение от Тюменской организации СП СССР принять участие в «Днях Тюменской литера-

туры» в Москве (раньше было наоборот, и когда-то я принимал в Сургуте участие в первой неделе Дней советской литературы в Тюменской области). Даю согласие. Однако меня писатель Евгений Шерман через некоторое время ошарашивает:

— Витенька! Тебя Салманов (он тогда сменил Эрвье) не отпускает! Но мы через обком...

— Женя! — говорю ему, — Женя! Не надо никакого обкома: у меня не использован отпуск за три года! Беру в счет отпуска полмесяца и — нет проблем! До встречи!

В фойе знаменитого Центрального Дома Литераторов я стоял с поэтом Иваном Лысцовым и поджидал тюменцев, с которыми приехал. Вместо них увидел Эрвье и Богомякова в окружении свиты.

— Вот, Геннадий Павлович, поэты-геологи! — представил нас «папа Юра» Богомякову. Тот добродушно пожал нам руки, что-то одобрительно сказал и тут же повернул свою грузную фигуру в сторону до боли знакомого человека — генерала от литературы.

Наши «генералы» ушли с литературными «генералами»...

Организаторы вечера нас «сгруппировали», провели за кулисы... Там, за многочисленными портьерами, занавесями, перегородками, столики с кофе, чаем, прохладительными напитками. Суеты сверх меры.

— Иди вон — займись молодым! — отважил от себя, будто надоедливую муху, верткого радиожурналиста Эрвье. — Талантливый поэт, главный инженер экспедиции!

— И тот, что называется, «сел» на меня: когда вы стали нефтяником? а когда решили? а первое стихотворение? где учились? каковы планы? и т.п...

... Для меня было оставлено крайнее левое место в третьем ряду. И он оказалось самым интересным! Большинство знаменитых актеров, которых «абонировали» на этот вечер были — моими любимыми! И они выступали на расстоянии вытянутой руки.

Михаил Евдокимов... Еще тоненький, кудреватый... Пародирует изумительно. Делится впечатлениями от «Тюмени». «Люди там, правда, почему-то «азербайджанского» вида...».

Эвелина Быстрицкая — истовая актриса! — восьмеркой обходит президиум: пусть мужики полюбуются! — и, обдав душистым флером: будто донника и амшана, у микрофона уже волшебствует своим неповторимым голосом... Молода? Моло-

ха! Подтягивала кожу или нет, — не важно: по-прежнему женственна, волнующая, возвышающая!

Наблюдаю за Эрвье... Богомяков что-то пишет ему. Тот, прочтя, накрывает ладонью. Лицо совершенно бесстрастно. Такое впечатление, что — сотня томагавков пролети, впейся: обозначая его профиль, — он и тут не дрогнет... Вождь! — мысль. Вожак! Акела! — другая... А «стаи» — нету... Даже «Маугли» — и того нет. Одни «ширханы»...

Мы с Ваней Лысцовым пошли было в знаменитый «дубовый» зал, но я уговорил его:

— Закажи там ужин, я — с Эрвье попрощаюсь!

Подождал в вестибюле и дождался: он вышел — одетый — в сопровождении тюменцев. Со всеми тепло и общо попрощался и, заметив меня, пожелал:

— Ты, Козлов, давай: осваивайся здесь! Помни: ты — нефтеразведчик!

Это была моя последняя встреча с «папой Юрой» — с Юрием Георгиевичем Эрвье.

Начиналась перестройка...

На 60-летие Ю.Г. Эрвье буровики Главка подарили ему карандашницу, основанием которой было самое маленькое трехшарошечное долото... Карандашницу и долото Н.И. Григорьев на каком-то заводе хромировал. Текст гравировки подготовить тогдашний главный инженер В.В. Соболевский поручил мне. Я сделал несколько вариантов, но они годились для адреса, а не для стального клинка-языка пламени! Там я предлагал короткое пожелание (после поздравления с юбилеем) «...увидеть третье тысячелетие!».

А сейчас думаю, что — Судьба (или Ангел-хранитель?) — вовремя дали уйти Юрию Георгиевичу в «мир иной», ибо видеть разрушение дела всей своей жизни для него было бы едва ли выносимо!

То, что сейчас, на первой волне всероссийской забывчивости, память о нем как и о многих других захлестнула мутная пена, очевидно. Но пройдет время, пена осядет, водоросли будут выброшены за прибойную линию, а крутая волна — прозрачная и чистая омоет крутые утесы.

P.S.

... Глянул в Энциклопедический словарь — нету нашего Эрвье! Зато других... Один — Гюстав — социалист. Другой — композитор и дирижер

(автор оперетты «Мадмуазель Нитуш»). Оба давно почили в бозе. А о нашем — ни словечка!

... Мне везло: я попадал к доброму и радушному (может, он таким и был в душе?) «папе Юре». Поэтому — что бы ни говорили худого про него, — он, по душе, был мне пригож... Таким и запомнился: могучим, вечно зеленым кедром на юру!

Виктор Астафьев писал про Николая Алексеевича Некрасова: «Вальцовщик говорит: «Да мне хоть сам Некрасов справку с печатью принеси, что он картежник, бабник, а я ему не поверю, потому что во мне живет МОЙ НЕКРАСОВ. С детства живет! И он лучше всех людей на свете, может, лучше того, какой был на самом деле»...

У меня такое же отношение — к Эрвье, «папе Юре»! Но «штрихи» к портрету с дальним планом — правдивы, ибо были сделаны в свое время. И я вспоминаю Ю.Г. Эрвье добрым словом! И — прошу его не забывать! Всех! На Югре! На Тюменьщине!

ПАТРИАРХ СИБИРСКОГО «ПОЛЯ»

/штрихи к портрету/

Познакомился я с Виктором Петровичем в конце декабря 1961 года, и потом, до апреля 65-го, «квартировал» в его кабинете: мой ладненький, с коричневым дерматином, письменный стол располагался справа от входа перпендикулярно к массивному, на двух тумбах, столу Федорова, покрытому зеленым сукном под толстым, огромным — предметом моей зависти — стеклом.

Рядом с письменным прибором — аккуратные стопки РД (радиограмм) от «полевиков», слева, за пепельницей, на самом краю стола, подколотые огромной — сувенирной — скрепкой ЦУ (ценные указания: РД и письма управления, Главка и пр.).

— Пусть вылежатся! — с веселыми глазами, щурясь от дыма, говорил он. — Большинство таких «бумаг» пишутся от нечего делать. А дела появятся — забудут.

Нередко так и происходило. Если же вторично «требовали» ответа или «напоминали», он с усмешкой говорил: «На «того» еще бюрократа попали: придется писать. Но мы тоже не лыком шиты: дадим ему «уклончивый» ответ!». (К деловым «бумагам», разумеется, относился он серьезно: писал сам.) Сидел он за столом лицом к двери. За спиной висела — во всю стену — геологическая карта СССР: слева, у окна, стояла тумбочка с книгами, справа — шкаф с техпроектами, сметами и сейф; рядком стояло штук шесть стульев с мягкими сиденьями.

Вместе мы проводили не так уж много времени, особенно зимой: мотались по профилям.

К нему постоянно приходили люди: под его «рукой» было больше двадцати полевых отрядов и партий.

Но изредка выдавались спокойные вечера, и мы тогда разговаривали «за жизнь». Этому способствовало частое отключение электроэнергии.

За окном синие сумерки. Виктор Петрович со смаком покуривает, далеко отставляя, после затяжки, сигарету и выпуская сквозь губы трубочкой длинную струйку дыма. Курит он очень много, в основном сигареты. Курево везде: в столе, в тумбочке, в карманах. Уходя, первым делом проверяет, прохлопывая: спички, табак — на месте ли? У него все безбожно «стреляют» (кроме меня). Когда я долго не закуриваю, он, подтрунивая, вежливо осведомляется:

— Что, Виктор Николаевич, бросаете курить?... В таком случае угощу-ка я вас сигаретами с фильтром. Хорошая вещь! Попробуйте напоследок...

Пошутить он любил и умел, за словом в карман, как говорится, не лез.

Молодой, по второму году, геофизик с большим опозданием, уже сезон полевой начался! — вернулся из отпуска. Федоров не стал читать ему мораль, сухо сообщил, куда тот назначен, и продолжил разговор с двумя начальниками партий, прибывшими летом из Нарыкар. Парень, рассчитывавший на головомойку, не врубившись, куда его направили, обрадовано выскочил из кабинета.

Группа партий, с центром в Тайлаково, звалась у нас «ОАР» (на устах у всех тогда была Объединенная Арабская Республика, где творилось, как нам это преподносилось, «Бог знает что»).

В нашей «ОАР» было нечто аналогичное: у черта на куличках — а коэффициент 1,3 против 1,5 в самом Сургуте!

Когда до парня дошло он метнулся назад:

— Виктор Петрович! — обратился он к Федорову, — я согласен при условии...

— Никаких условий, молодой человек! — мгновенно среагировал Федоров. — Условия только Гитлер ставил Франции. В Тайлаково АН-2 идет, не опоздайте. Иначе я без всяких условий отправлю вас к маме. Желаю успеха и счастливого пути!

Летом, по окончании зимнего сезона, в экспедиции становилось многолюдно: съезжались специалисты из полевых партий, базы которых потом становились городами. Шла приемка полевых материалов. Писались отчеты, проходили предварительную, на техсовете экспедиции, защиту. Составлялись проекты и сметы на будущий год.

В это время Виктор Петрович и его жена Надежда Афанасьевна, руководившая камералкой (среди молодежи — «бабка»), были загружены по макушку.

Постепенно, получив «добро», авторы отчетов, смет, проектов, уезжали в Тюмень, в геологоуправление, для окончательной защиты отчетов и сдачи их в геологические фонды СССР, утверждения проектно-сметной документации — для открытия грядущих тогда «Самотлоров»...

В Тюмени в это время собиралась веселая компания молодых северян и «северных волков»; вкупе с командированными

«толкачами» и «технарями» геофизики-интеллектуалы вносили живую струю в вечернюю жизнь тюменских ресторанов.

До начальника, естественно, доходили агентурные данные о его подопечных и он «принимал» меры по-федоровски. Помню, Виталий Петров, внешне и «по натуре», — вылитый песенный «геолог», с которым я сдружился в первой своей командировке в Тюмени, показывал мне телеграмму: «Предлагаю прекратить дирижирование оркестром «Заре» тчк Федоров».

— Неужели отпускники донесли? — скалился Виталий. — Нее... Скорее всего — эти из управления, — с которыми Салманов кандидатский минимум «сдавал», они накапали. А! Главное, защитить на «хор». «Отл» — безнадюга. «Оркестр» — дело личное! — хорохорился он. — Мы, питерцы, все делаем на «ять».

Если дело делалось на «ять», замечал я, Виктор Петрович человека не попрекал. «Слаб человек, — говорил он. А кто не слаб?». Прорабатывая и выговаривая дерзким, шебутным, срывающимся с «привязи», внутренне, мне казалось, он сочувствовал им: в уголках крупных губ, в прозрачных голубых глазах его таилась при этом лукавая усмешка.

Более того. Как-то у нас зашел разговор о слабостях и достоинствах человека. И он открытым текстом сказал:

— Хлюпиков вот не люблю. Да! Даже самых положительных. Разумом понимаю, а сердцем принять не могу. Вот N, — назвал он топографа, — и пьянчуга и бабник, — при красавице-то жене! — и приврать может... Но ведь какой мужик! Что специалист классный — про то не говорю. Оптимист, рыбак, охотник, ходок! Мастер на все руки. В общении легок. Что-то в нем от казака-землепроходца! Ермака, не Ермака, но — Ерофеича, точно! Ты, Виктор Николаевич, мужиков по женам суди: них нюх на настоящих мужиков! Н-да... Не то я говорю. Но... Вот того же NN взять? Ну, что скажешь? Милый, грамотный, вежливый, умница, красавчик... Но не здесь! В Питере, в Москве... Может быть. А здесь — не смотрится. Боюсь за таких: хилы духом и телом для Сибири. Для нашей работы. Может, и их время придет. Попозже. Вот так, такой я консерватор. Боюсь я за вас.

... Самому Виктору Петровичу хлебнуть жизни пришлось большой ложкой. Родился он за пять лет до Октябрьского переворота в трудовой семье; помнил и военный коммунизм, и НЭП, и индустриализацию.

Работать начал с семнадцати лет, получил специальность слесаря-инструментальщика. На курсах при знаменитом тогда институте Труда! Был такой — во главе с поэтом А. Гастевым. Днем — рейсмус, шабер, лерка, метчик, тисы, зубило, серп и молот, — вечером конспект на рабфаке! После рабфака — тоже вечером, — Московский геологоразведочный институт имени Серго Орджоникидзе...

— Великое дело — молодежь! — говорит Виктор Петрович. — Вы Гете «Фауста» читали? Может, смотрели? Не для экзамена — для себя, — прочтите! И я вам — завидую! Потому что: и прочел, и — убедился. Тра-ге-ди-я! Там. А у нас — каждый день! Сказать только об этом некому.

В кабинете совсем темно. Мерцает сигарета. Выражения лица не видно. Вздохи сожаления. В голосе скорее торжественность, чем грусть.

— Сам был молод. Дух — тоже. — Он усмехается, замолкает.

— Но сам был — здо-ров! Хоть и тетеристый. В спор. В драку. Не-е! Не лез. В каком же году? В МГРИ? В вечернем учился? Может быть. Иду, короче, с занятий. Заполночь. Народу мало. Обгоняют. Двое. Замандражил: приблатненные. Точно! Пошушукались — куртку сняли. С меня! Кожаную! Ладно. Иду. Но — зло разбирает: а в чем буду дальше-то учиться?! Ну! И так меня зло разобрало — обратно вернулся, отнял у них свое обратно! А потом иду и смеюсь: «если погодя, так и их раздел бы! Под горячую руку ежели бы...». Вот она — «расейская» черта!

... Начало лета. Душно. Жарко. Мы с Бехтиным обливаемся потом. Виктор Петрович — хоть бы хны, смеется:

— Похмелье у вас, сеньоры, выходит... У Николая Михайловича — точно! А Виктор Николаевич — водохлеб. В организме, как в природе, — круговорот воды. Я — почему не потею? Потому что мало пью воды. Привычка! Я как институт закончил в 30-м, сразу в армию: в Среднюю Азию. Новыми — геофизическими методами — стратегическое сырье искали. Жара! Водичку так бы хлебал и хлебал, да ведь с собой в маршрут много не возьмешь. Вот и ищешь золотую середину: чтоб и не тяжело, и жажду можно было утолить. Так вот и втягивался. Потом, в войну, привычка эта ой как пригодилась! Оказался под Кронштадтом на дальнебойной батарее: островок, орудия и при-

слуга в казематах, в скале, — ни бомбежки, ни артналеты не страшны, даже десант, — все веселее. А вот когда тишина... О! Тягостно и морочно: только о воде и еде думаешь. Да... Покушать вот люблю, винца хорошего — не откажусь, а вот воду — до сих пор экономно потребляю.

... Ждем АН-2. И не холодно вроде: градусов 25-30 мороза. Я свою «радикулитку» застегнул доверху, воротник поднял, попрыгиваю, — Федоров сигаретой попыхивает; руки в карманах коротенькой дубленой куртки, расстегнутой к тому же: жарко, мол! В глазах веселые искорки. Висловатый нос, правда, баклажанно лиловеет, но он не запахивается и уши меховой, под куртку, шапки не распускает. Да еще и пошучивает.

Прилетает, наконец, АН-2; а в нем дюралевые сидения — как раскаленные сковороды, пока долетишь до Сургута — извертишься. Как тут откажешься, когда Федоров пригласит:

— Ну что? Может к нам: щец похлебаем? А? У Надежды Афанасьевны, может, и рюмочка найдется. Зябко?

Жили они рядом с конторой экспедиции, в небольшом деревянном домике — «скворешнике»: сенцы, прихожая, кухонька, крохотная, но уютная гостиная, в которой когда «гуляли», размещалось в «елочку» человек пятнадцать, и еще поменьше — спаленка. Жили вчетвером: с двумя послевоенными сыновьями: Сергеем и Ильей. (Когда я женился, Федоровы были в отпуске; до их приезда мы с Галей жили в этом «скворешнике» почти месяц).

У «Надюши» (на работе, точнее, уже за оградой, они звали друг друга по имени-отчеству, а дома даже и при посторонних: «Надюша», «Витюша»), как всегда, только что приготовленные «щецы», «борщецы», «грибные супчики», а к ним и «рюмашка» и закусочка, да другой раз что-нибудь в Сургуте и невиданное — из московских еще «гостинчиков».

«Скворешник» был теплый. От плиты с духовкой шел благостный жар. Когда после «щец», перед растворимым кофе (тоже диковинкой по тем временам), мы курили в раскрытую вьюшку, Виктор Петрович смахивал с залысин пот и иронизировал: «Лишку жидкости потребил: просится наружу...».

Чувствовал я себя у них раскованно, как у родных, хотя обычно в гостях я веду себя «как в гостях». И хозяева меня не стесняются, ведут обычные житейские разговоры, меня особо не

пытают и сами не вдаются в воспоминания или в высокие материи, а если что и выскакивает, то так: к слову.

Вот и сейчас «к слову» вспомнил.

С детства я не был приважен к колбасе. Позже, в Уфе, если приходилось баловаться, то больше дешевенькими сардельками (студентами потребляли мы еще «кавалерийскую» полукопченую колбасу из конины). Короче, когда Федоров угощал московской твердокопченой колбасой, я был к ней равнодушен и вежливо, чтоб не обидеть хозяина, съедал ломтик-другой. Уговаривая меня, он «к слову» как-то и сказал:

— Угощайтесь, а то не дай Бог, пожалеете когда-нибудь... Во время войны, на батарее, между бомбежками, артиллерийскими дуэлями или отражением десанта я только и думал о еде: вот такие тарелочки с недоеденной колбаской, сыром, селедочкой, хлебцем вспоминались. Рюмашки недопитые. И до чего все это явственно виделось — до судорог в желудке. Так что ешьте, ешьте!

Честно сказать, я хоть и голодал после войны и знаю голодные спазмы не понаслышке, рассказ его произвел на меня сильное впечатление.

... Секретаря парткома — «комиссара» на сленге его окружения — назначили начальником отдела кадров экспедиции, хотя он, как обычно, занимался привычным делом: «вдохновлял» и «направлял». Во время очередного отключения света, я посетовал на это:

— Интересно получается: в партии мы живем или в государстве?

— Ну, это что! — добродушно откликнулся Федоров. — Сейчас жить можно. Хрущев, конечно, много дров наломал, но ему можно в ножки поклониться только за то, что институт замполитов отменил. После демобилизации мы с Надеждой Афанасьевной в системе Центрального геофизического института работали. Время послевоенное, замполитов принимали, как неизбежное. Но там попадали мне в этих должностях специалисты или около того хотя бы. А вот когда в 52-ом в Сибирь направили, что ни «комиссар» — дундук настоящий. Не мне, правда, где сел, там и слезешь: в партию даже на фронте не вступил, а как к специалисту — «нос» надо было подточить, не каждому «комару» поддавался. Хотя пытались... И в «органы» капали: со взрывчаткой ведь дело имеем, а случались и недостачи и прочее. Нервов, конечно, потрепали! Как сейчас вот за

травматизм — со всех сторон обложили: не принимаю, де, мер, троблю рабочий класс. Говорю и пишу: надо «зрить в корень», в масштабах отрасли меры принимать, если не страны, — это и профессиональная, не для отвода глав подготовка кадров, специальная техника, а не то барахло, что получаем, наконец, спецовежда, походное жилье, питание, медобслуживание, летний отдых, и только потом — инструктажи, политбеседы и повышение идейного уровня. На фронте ведь гибли в первую очередь новобранцы, голодные, холодные, необученные, а за сытым, обмундированным, обученным солдатом и пуле-дуре надо было погоняться. А наш «комиссар» что? По мне — безобидный...

И напрасно, кстати, недооценивал он «комиссара». На собрании по выдвижению кандидатов в лауреаты Ленинской премии за открытие нефти и газа, которое вели «комиссар» и представитель «сверху», Федорова не включили в список: вспомнили, что он лауреат Сталинской премии первой степени (ее стыдливо переименовали в Государственную) за ставропольский газ и что, де, лауреатом двух премий не положено. Как ни горячились выступавшие геологи и геофизики, В.П. Федоров даже посмертно остался за бортом многочисленной лауреатской флотилии, хотя и отдал открытию и разведке тюменского нефтяного моря-океана с 1952 года по 1965 год все: звания, интуицию, здоровье — жизнь!

Летом 65-го в «скворешне» на отвальной (одни переезжали в Тюмень, другие в отпуск) договаривались: как только к Сургуту «железка» подойдет, съедемся со всего Союза и прокатимся на первом поезде, вспомним, как мы прокладывали и вели свои профиля... Жаль, немногим удалось это сделать. Чьи-то «профиля», пересекшись, разошлись, другие, упершись в «крест», закончились. Но сетка «профилей» осталась, в ней — Сибирь.

Заросли березовым подростом
профиля, которые на глаз
он чертил на карте-пятиверстке,
а потом ходил по ним не раз:
по кипрейно-красным, кудреватым,
по сквозисто-стылым, продувным, —
под Сургутом, Покуром и Ватой, —
и по многим профилям иным.
Верил он в Сибирь и, как апостол,
в свою веру обращал друзей. .
...«Федоровкой» называют просто
жизнь его вторую средь людей.

БАГРЯНЫЙ ГЕОРГИН

Ивана Яковлевича Высочинского я впервые увидел в конце 1961 года в Усть-Балыке (будущем Нефтеюганске).

На базе Пимского и Ярсомовского участков была организована Усть-Балыкская партия глубокого бурения Сургутской НРЭ. Пимские остались в Пиму, а мы, ярсомовцы, перебрались в Усть-Балык. До морозов успели собрать рубленные в чашку дома, даже клуб (правда, без пола) и несколько полученных перед самым ледоставом финских коттеджей. Эти коттеджи, а также несколько балков, тягач АТЛ и другое добро шло на лихтере-тысячнике в Березово, но после фонтана на Р-62 Усть-Балыкской площади было оперативно переадресовано нам.

Теснотища — жуткая. Продуктов не хватало. Под берегом, на мысу, на рыбоприемном пункте, была мыр-лавка и пекарня — все, даже слипшийся с чуть не довоенных времен марципан съели: хлеба, черного, тяжелого, будто блокадного, тоже не хватало. Про баню и прочий соцкультбыт говорить нечего. Более того, даже обратного адреса не было: писали на Чеускино. И... месяцев пять люди не получали зарплату!

Вот в такой ситуации и появился Иван Яковлевич Высочинс-кий, как нам было объявлено, в ранге зама. Прежний начальник уволился, а нового еще не назначили. Мы занимались монтажом. Старшим был буровой мастер Женя Иглин Потом — прилетевший с монтажниками из Ярсомово старший инженер партии Петр Егоров.

Новый зам, поскрипывая протезом и опираясь на деревянную трость, обошел поселок, заглядывая в каждую квартиру балок, самодельную жилую нору, выслушивая справедливые претензии, сочувственно кивая крупной головой и тяжело вздыхая вместе с хозяевами.

Был он выше среднего, начальственно грузен, голос широкого диапазона: от руководящего баритона до доверительного, мягкого, отечески-журящего — голосом он владел артистично. Мимика его была под стать голосу. От крыльев крупного, чуть вислого носа, огибая твердый мужской рот, шли глубокие складки, высокий лоб изрезан тремя-четырьмя морщинами, складка и на переносье. Привычное выражение лица его и светлых прозрачных глаз в прищуре было сочувственно-снисходительное, хотя по случаю оно выражало всю разнообразную гамму чувств:

сочувствие, даже как бы виноватость всегда присутствовали при этом.

Иван Яковлевич родился в мае 1922 года на хуторе Прыдки Царицынской губернии, ныне Волгоградской области. В семье было три брата и три сестры. В 30-х годах Высочинских раскулачили и выслали: отца в Казахстан, мать с Иваном и старшим сыном Михаилом — в Коми АССР. Мать умерла в 33-м, отец — в 32 году. После смерти матери пути братьев разошлись: Иван некоторое время беспризорничал, затем был определен в детский дом, где он пробыл до 1937 года.Учился он хорошо и после окончания семилетки без труда поступил в Ухто-Печорский горно-нефтяной техникум. В 41-м, после завершения учебы был направлен на работу в комбинат «Ухтанефть», но уже в декабре был призван в армию и воевал на фронте рядовым, старшим сержантом, младшим лейтенантом.

В 44-м он был тяжело ранен и целый год находился в госпиталях на излечении. В результате ему отняли ногу. Да и другие раны заживали с трудом, к примеру, часы не мог надеть на голую руку — только на обшлаг, иначе раны кровоточили.

В 45-м году после выписки из госпиталя как инвалиду пришлось некоторое время работать шорником. Затем, с учетом специальности, предложили ему поехать горным техником на Сахалин — разведке и добыче сахалинской нефти после войны придавалось большое значение.

Иван Яковлевич принял предложение и с женой Антониной Владимировной (она родом из Новосибирска) стали сахалинскими нефтеразведчиками. На Сахалине родились у них двое сына: в 46-м Борис, через год — Владимир.

С работой и заработками дела обстояли хорошо, но младший сын стал прибаливать, с лекарствами на острове были проблемы, и врачи посоветовали перебраться на материк. Что Высочинские и сделали: перевелись в Новосибирское геологоуправление. И началась скитальческая жизнь нефтеразведчика. Старший сын, Борис, как-то говорил, что он, пока закончил одиннадцать классов, успел поучиться в восьми школах.

Свой первый приезд в Мегион он помнит отлично. Из старинного города Тары, что в Омской области, где они жили тогда, улетали они на самолете АН-2 всей семьей, с привычным комплектом вещей и домашнего скарба. 22 февраля 1960 года отца назначили начальником Нижневартовской партии глубокого бу-

рения Сургутской комплексной геологоразведочной экспедиции. Борис в это время учился в седьмом классе. Поселились они не в самом Мегионе, а чуть в стороне, километра три в сторону Баграса,

Борис Иванович сейчас похож на отца той поры, только он посуше, прогонистей и резче в движениях.

«Места тогда мегионские были поглуше, — с суховатой усмешкой вспоминает он. — Рейсовые и центрозаводские автобусы, такси — тем более! не ходили. Зато «веревочка» существовала. Как в пушкинские времена: почтовая гоньба! А что? Почту получали, пожалуй, регулярнее, чем сейчас... У отца был персональный транспорт: разъездной конь с кошевкой. Гнедой такой конь...»

В марте 61-го года была получена мегионская нефть, первая нефть Приобья, и стало ясно, что здесь будут разворачиваться большие дела. Иван Яковлевич согласился на переезд в Сургут для работы в аппарате экспедиции: нужно было доучивать детей в хорошей школе, в спокойной обстановке. В Сургуте такие возможности были.

И уже по шуге, на катере, переехали Высочинские в старинный город Сургут, пребывавший в то время в ранге поселка, райцентра. Было это 17 октября 1961 года.

В Сургуте остановились они на квартире Тереховых, знакомых по прежним нефтеразведкам. Жили Тереховы в поселке разведчиков, в школу приходилось ходить в Сургут, за Сайму. Но парни не роптали: расстояние в пару километров не считалось тогда большим, как, кстати, и многие другие, невероятные с позиций сегодняшнего дня, трудности.

И так же, видимо, спокойно выехал Иван Яковлевич в Усть-Балык в длительную командировку.

Я в это время помбурил в отряде Иглина и был в курсе всех составляющих поселкового общественного мнения. Так оно было или нет, но общественное это мнение именно с Высочинским связывало такие маленькие радости и перемены, как выдачу сначала аванса, а вскоре и всех долгов по зарплате (я, помню, тут же выслал из Чеускино матери перевод из своей первой северной получки); завоз самолетами продуктов, в основном, правда, склянок с борщами и солянками, свекольниками, рыбных консервов, тушенки и овощей (их делили между семейными), а также спецодежды... В партии было много вновь принятых, приехавших по лету, без теплой одежды: они радовались,

получив зимний комплект спецовки. Я, например, заимев черный полушубок и валенки, был как кум королю!

Вскоре на базе партий глубокого бурения были организованы нефтеразведочные экспедиции, и они отпочковались от праматери своей — Сургутской комплексной, стали самостоятельными: Усть-Ба-лыкская НРЭ — в Нефтеюганске, Мегионская — в Мегионе.

Иван Яковлевич вернулся в Сургут и стал работать в экспедиции начальником планового отдела, затем треста «Обьнефтегазразведка».

Меня тоже перевели в Сургут, но по службе я сносился с ним редко. При случайных встречах, если давно не виделись, он обычно участливо спрашивал: «Ну, молодежь, как дела? Как живется? Активнее надо жить! В производство вникать, в экономику. Сейчас вон как дела разворачиваются. Через три-четыре года многие из вас станут руководителями. Учитесь у старших, вникайте в тонкости, не бойтесь спрашивать!» — и светлые его глаза утопали в лучистых морщинках.

Жили они тогда на улице Центральной, недалеко от конторы экспедиции, занимали половину большого бревенчатого дома; в палисаднике у них что-то зеленело, но я как-то не обращал на это внимания — до поры. И она пришла — в свое время!

В начале июля 63-го года белой ночью, обмахиваясь березовыми веточками, шли мы с будущей супругой по улице Центральной и «чушь прекрасную несли». Было свежо, тихо и светло как днем, но словно через дымчатый светофильтр. И тут я обратил внимание на палисадник, мимо которого мы проходили, — там что-то рубиново рдело... В порыве, без зазрения совести, я перемахнул через штакетник и удивленно рассматривал цветок: это был огромный кроваво-красный георгин! Было чему дивоваться: такие экземпляры не всегда попадались мне и в Уфе, столице солнечной Башкирии! Меня окликнула будущая моя жена, и я сорвал это чудо природы, чтобы подарить его своей избраннице... Она была в восторге.

Не помню, долго ли стоял он в графине, да это и неважно, так как я сделал несколько снимков, на которых моя жена с этим георгином. Жаль, в то время цветной снимок был проблемой!

Через некоторое время я краем уха услыхал, что Иван Яковлевич — а это был его палисадник! — очень убивался о сорванном георгине и призывал все возможные кары на голову

его похитителя. Я тогда уже был женат и жил в четвертинке такого же дома, как у него, только на противоположной стороне, наискосок. При удобном случае я повинился, рассказав про обстоятельства, при которых он был сорван. Обида хоть и притушилась, но все равно корил он меня обстоятельно.

Как инвалид войны и ветеран разведки, он одним из первых северян получил квартиру в Тюмени, в которой жили сыновья с бабушкой.

Когда меня переводили в Тюмень, в геологоуправление, он сам предложил на первых порах, до получения квартиры, пожить с ними, и я до сих пор им всем благодарен.

При втором своем явлении на мегионском небосводе он предстает главным экономистом экспедиции, затем объединения.

Так получилось, что первую половину 90-х годов нам пришлось работать в одном объединении — «Мегионнефтегазгеологии». На этот раз по службе приходилось иметь с ним дело довольно часто.

То, что он опытный экономист, — собаку в своем деле съел — мне было очевидно. Да и уважительное отношение к нему главного экономиста Главка А.А.Генюша, представителей министерства и ученых мужей из московских институтов говорило само за себя. Помимо этого, Иван Яковлевич был прямым и принципиальным человеком. Оппонентом он бывал очень тяжелым, «вязким»: переубедить его очень трудно, а уж навязать свое мнение — тем более.

Еще до перехода в объединение, будучи главным инженером экспедиции, я несколько раз сталкивался с ним, считая, что некоторые показатели устанавливались нашей экспедиции несправедливо, наравне с другими экспедициями, не обремененными вспомогательным производством и службами, связанными с жизнедеятельностью экспедиционного поселка и пр. После обмена мнениями доказательные доводы он принимал и, оперируя ими, пробивал, в свою очередь, решение наших вопросов «наверху».

Вплотную пришлось поработать нам, технарям, с главным экономистом и его службами в объединении и в экспедициях в 83-84 годах, когда министерство, с подачи высокопоставленных диссертантов, решило перейти на новую систему проектирования и финансирования разведочных и поисковых работ на нефть и газ. Буквально в авральные сроки нам предписывалось пересоставить технические проекты и сметы на строительство скважин.

Были установлены жесткие графики составления проектно-технической и сметной документации, экспертизы и утверждения ее. И сроки в основном выдерживались. А ведь вся эта работа выполнялась на фоне обычной текущей: план-то с нас требовали! Компьютеров у нас тогда не было, и выполнялось все за счет уплотнения рабочего дня, использования каждой минуты и, конечно, за счет вечеров и выходных. Я тогда был на пике своих возможностей, и то уставал чертовски, удивлялся Ивану Яковлевичу, ему все это — вроде хоть бы хны! Свежевыбрит, бодр, доброжелателен и, как всегда, непреклонно настойчив. И только временами лицо выдавало его: привычное сочувственно-снисходительное выражение сменялось натуральной гримасой боли. Тогда только до меня доходило: ему шестьдесят, он инвалид Великой Отечественной войны и беспокоят его, может быть, ужасные фантомные или реальные боли...

Сейчас Иван Яковлевич живет в Тюмени, активно работает в Совете ветеранов Главтюменьгеологии.

Сыновья его в Мегионе с начала своей трудовой биографии: Борис Иванович — в геофизике, Владимир Иванович — в бурении.

Борис Иванович, как и отец, большой любитель цветов. У себя на даче он уже семь лет, к примеру, разводит розы и пионы.

— Цветут? — интересуюсь я и добавляю со смехом:

— Рвать не буду, не бойся! — намекая на случай с рубиново — рдяным георгином, о котором я рассказывал ему на каротаже на далекой буровой.

— А куда им деваться? — спокойно, с хитринкой в глазах говорит он. — Цвету-ут.., как миленькие. А чего бы им и не цвесть, когда они, можно сказать, у меня вот здесь посажены! — Он коснулся груди. — Без сердца и черенку, и луковице не подняться, и бутону не раскрыться...

...Цветы меня всегда волновали: и маленькие незабудки, и огромные, с медный таз, подсолнухи, и тревожные лиловые колокольчики, и медово-дурманящие, словно из свежевзбитого сливочного масла, тыквенные бокалы, открытые в раннем детстве; подростком, увидев впервые, как сказочным аленьким цветочком, я восхищался и касмеей, и георгином, пионом и нарциссом и многими, многими другими, был покорен мощью гладиолуса, трубящего во все свои многоцветные раковины гимн во славу жизни. И дай Бог, чтоб цветы не уходили из нашей жизни.

ХАЛИНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

— Про работу-то мою — трудовые заслуги-то, — много чего уж, Николаич, написано. А ты вот поспрашай меня про ранние-то мои годочки, про первые мои университеты: интересно, может, кому будет, внукам моим хотя бы или правнукам, — сказал мне при встрече А.А. Халин, знатный буровой мастер, фронтовик, орденоносец, лауреат Государственной премии.

С Александром Андреевичем Халиным я познакомился поздней осенью 1961 года в Усть-Балыке (будущем городе Нефтеюганске); он работал бурильщиком, а я — помбуром в его вахте. Следующая наша встреча состоялась в 1965 в Тюмени в отделе бурения геологоуправления, куда я перешел. Он приехал на курсы бурмастеров, что были организованы при ГПТУ №7, и я ему, как бывшему «шефу», подарил справочник бурового мастера. Еще долгие годы мы встречались мельком: на различных совещаниях и активах. Летом 1981 года, когда я уже работал в ПГО «Мегионнефтегазгеология» начальником техотдела, мне пришлось проводить с ним школу передового опыта (по плану Мингео СССР) на базе его бригады; к этому времени он был уже многоорденоносец и лауреат Государственной премии. Мне пришлось курировать Аганскую экспедицию, и до его отъезда в Тюмень мы часть встречались. Но разговоры у нас, как обычно, вились вокруг работы.

И вот июль 2001 года. Я в гостях у Юрия Андреевича и его, можно сказать, родовом гнезде на улице Геологоразведчиков в Тюмени. Он, как патриарху и положено, в окружении детей, внуков и правнуков: кто-то с ним живет, другие пришли проведать, узнать как здоровье...

Выглядит Александр Андреевич для своих семидесяти пяти великолепно. Я даже пошутил: эликсиром, мол, каким-то волшебным пользуетесь!

Когда я объяснил цель своего прихода, он и сказал мне:

— Про работу спрашивают да про войну... Ну, разведчик я, сплошной разведчик: и на фронте, и потом — всю жизнь! И — на Геологоразведчиков! — живу. Все так. А вот то, что ты пишешь про родословную... Про «генезис»... Это геологи так говорят, а не мы, буровики... Но — все равно: родословную надо вспоминать! Не-ет! Помнить надо! Не знаю, кто как, а я — все помню! Спрашивай, Николаич, если что, наводящие вопросы, как на экзамене, задавай.

И я их задавал в процессе долгого разговора с чаепитием. Свои вопросы я не буду воспроизводить, а только лишь ответы за них в виде сплошного монолога. Итак...

«Отец мой, Халин Андрей Михайлович. Сибиряк. 1901 года рождения. Мама — Глушкова Матрена Титовна. Родилась в Башкирии. Уфимская губерния, Бирский уезд, деревня Горный Ключ.

Отец участвовал в гражданской. Получил ранение. Попал в город Томск, в госпиталь. А Колчак, когда отступал... Помнишь, как Чапаев в Башкирии их лупанул было, а потом?.. Все равно белые отступали. А молодых парней — мобилизовали в строй, а девчонок — в санитарки! И попала моя мама в госпиталь — где лежал мой будущий отец, и увез ее в Квашнино...

Выдали ему, в чем попал в госпиталь: шинелишку равную и сапоги — каши просят... Ага. А мать — когда в госпитале работала — там и кормилась! А паек-то который получала, меняла, на всяк случай, на шмотки. И, когда сошлась с отцом-то, она его обула-одела. А от родителей им тогда досталась — натурально! — дохлая кобылка: шкура хоть от нее досталась... Молодые были, как-то выкрутились...

Потом отец рыбачил у Шохина. Тот — зажиточный мужик. Кулак, можно сказать. Классовый враг народа! А по-нынешнему — средний класс... Ну! Село стояло на берегу озера Чаны! Большое озеро! Оно — на всех картах мира означено. Могу с любым спорить: точно!

Отец — мужик хваткий! Наверно... Работал он на этого Шохина, и был там бышлыком! Вроде бригадира, как сейчас. Старшим был! И мать с ним работала: рыбачила... Ну и «нарыбачила»!

Были они посреди самого озера Чаны. А у матери возьмись — схватки! Павел Сухинин, с кем они рыбачили, отвез мать на берег, а там...

Перевернули лодку, под нее роженицу...

Один остался возле лодки, другой побежал за лошадью...

Вот так родился я, «знатный буровой мастер» и т.д. и т.п... Меня привезли и зарегистрировали как гражданина уже СССР!

С отцом были связаны первые сознательные годы: то он — председатель коммуны, то — председатель колхоза... А мать — как правило, доярка!..

Позже направили его в село Зюзя, недалеко: в семи километрах, завмагом «Аккорда»... В нем — что хощь: от спичек до лобогреек-сенокосилок!

Мать положили в больницу с язвой желудка. Отец и стрекнулся: поймал Маруську, и женился фактически. Мне было семь лет, я — с 26-го. И два брата: с 28-го и с 30-го другой.

Было это в самом голодном году: в 1933! Не воевали, а — сколько ж людей сгинуло! О, о... Раз мать в больнице, нас и отсудили отцу... Он и забрал нас...

До четвертого класса я жил с отцом и мачехой. А как 4-й окончил, и — сбежал...

Мать нашел аж в Барабинске! Тогда — Новосибирской области. Работала она тогда у Масловой Зои Ивановны, врача.

Приняла она нас, а через год — я брата младшего, съездил, украл... В 39-ом — и последнего, Леонида, притаранил...

Мама работала сначала прислугой, а потом... Нас же — орава!.. Попробуй, уследи! Это же всем ясно... Отношения стали с Зоей Ивановной... Что делать? Матери пришлось снять квартиру, устроиться в больницу сиделкой, ночной сестрой... оклад — 90 рублей в месяц... Отец, кстати, ни копейки матери не платил: выкручивайся, мол, сама. Мать — не пыталась даже!

В 1938 году маму отправили в Томск: на повторную операцию желудка.

В Томске она попала к врачу-хирургу, с которым когда-то, участвовала в операциях: ждала команды с зажимом и ватой...

Знакомый хирург вырезал маме три четверти желудка...

Мама в больнице, мы втроем дома. Во время болезни платили ей одну треть зарплаты, т.е., 30 рублей. Оставила она доверенность на их получение сторожу больницы Шуляеву и наказала — выдавать нам по рублю на день. А хлеб тогда стоил 95 копеек килограмм, сахар — три шестьдесят. На рубль — что можно было купить? Только кило хлеба. Вот и крутись.

Из Кузбасса, мимо нас, товарники с углем ходили. Километра за четыре, «на выемке», место так называлось, поезда ход замедляли... Мы, пацанва, там их и встречали: заскакивали на ходу и уголь сбрасывали на обочину... Товарники тогда сопровождали вооруженные охранники, они нас и шугали, как зайцев!

В сумерки мы шли собирать уголь: каждый знал, где его кусок антрацита упал. Взять чужой кусок — такого не бывало! На это и жили: и себя углем обеспечивали, м продавали — 30 копеек ведро. Уголь — товар ходовой: Барабинские ж степи кругом.

Я еще и курил... Тоже расход: пачка папирос «Ракета» стоила 35 копеек!

Стоим как-то с пацанами, я — курю... Директором школы был Агафон Иванович. Мы его звали Култын Иванович: у него с гражданской одного глаза не было, и одна нога была короче другой: при ходьбе шлепала, вот и прозвали его Култыном...

Стою я, курю... Он увидел — папиросу вырвал, пачку вытащил и стал ее рвать...

Уж так мне обидно стало: Култын ты Иваныч, говорю, что рвешь-то? ты их мне покупал? папиросы-то эти?

А он мне: «Без родителей в школу не приходи!»

Ладно, говорю, не приду...

День не иду, другой, третий... И четвертый, и пятый...

Сидим вечером. Я картошку с Леонидом чищу. Женька на горшке сидит. Два друга закадычных, Гера Чуркин и Вася Беленок, сидят в очко режутся: по носам друг друга хлещут. Дверь отворяется, и заходят... Сергей Васильевич Салов, завуч, и классная руководительница Александра Петровна Тверетина... Немая сцена! Мы сидим, молчим...

— Может быть, хоть поздороваетесь? — Александра Петровна говорит.

— Было бы с кем — здороваться-то, кто мы для них? — насмешничает Сергей Васильевич и строго спрашивает: — Родители где?

Мать, говорю, в больнице. А отец,? Не знаю, может, в Квашнино, может еще где, отвечаю.

— С кем же вы живете?

— Втроем и живем! — показываю на братьев.

— Чем же питаетесь?

— Вот: картошкой... да хлебом...

— Берете где?

— Покупаем...

— На что? На какие шиши?

— Мать оставила: на день по рублю...

Покачали они головой, повздыхали и говорят: давай, мол, приходи завтра в школу; Агафон Иванович, мол, мужик доходчивый: простит, хоть и оскорбил ты его очень сильно.

Прихожу назавтра в школу. Александра Петровна, она русский язык и литературу вела, говорит: к директору зайди. Пошел. Насупленный, как бык... Директор говорит: проходи, про-

ходи. Усадил перед собой. Закуривай, говорит. Вот: кури при мне. Шутит, думаю? Нет: серьезно говорит! Меня не будет: вот папиросы где лежат. Только уговор: на улице — не курить! Ты же дурной пример подаешь, вот что плохо!

Вроде добро он сделал, а я курить еще больше стал: и у него покурю, да и в уборной, как раньше, курну...

Потом мама приехала... работать ей было нельзя, стали продавать: швейную машину и все более-менее ценное.

А как чуть оклемалась мама, устроили ее в лоток от ресторана... Поторговала она полмесяца с лотка, перевели ее в ларек. В ларьке работала до самой войны.

Война началась — торговля свернулась: торговать стало нечем! Ресторан стал кормить проходящие воинские эшелоны. Мама устроилась на нефтебазу охранником, а я пошел учиться в железнодорожное училище на слесаря-паровозника. В классе три часа занимаемся теорией, обедаем и — в депо, в дышловую бригаду на практику. Механизации никакой: ни талей, ни тельфера — никакой такой холеры не было! Все — вручную! А дышла... С одной стороны мы, 3-4 пацана, с другой — столько же дедов и — упираемся...

В 43-м прихожу я в военкомат, спрашиваю: чего меня на фронт не берут? Придет, говорят, твое время, — пойдешь. А пока — учись и работай! Сверстники, говорю, мои пошли, а я, мол, чем хуже их? Каки-таки, сверстники? А — с кем учился, мол (а там ребята малость постарше были!). Слово за слово: покажешь, говорят, метрики! А нету: подевались куда-то! Меня на медкомиссию...

— С какого года? — врач это.

— С 1-го июня 1925 года! — рапортую! — год прибавил, я-то — с 26-го!

Так вот и попал на фронт...

Леонид, братишка с 28-го, тоже на железную дорогу попал — так на всю жизнь и остался железнодорожником. В конце войны тоже на фронт попал: бендеровцев гонял. При Кремле служил: были тогда спецчасти, вроде нынешних спецназовцев. Потом помощником машиниста работал, слесарил. Попадал в переделки, но обходилось: врачи «склеивали»... Почетный железнодорожник! С 76-го на пенсии.

А братишка, Женя, служил в Германии. Я его потом с собой в Кузбасс в нефтеразведку забрал. Но он столяр отменный, и

ушел на мебелбную фабрику, столяром по ликвидации брака. Это — кто-то напортачит, а он брак исправляет, до ума вещь доводит. Нету его уже...

Отец умер в 49-м, мама — в 61-м году. На похоронах отца не был (да и не собирался!), а на мамины — вылететь не смог: нелетная погода была. Да мы ж, никак, Николаич, тогда вместе в Усть-Балыке несколько дней на сору кострили: самолет ждали? Ну да: потом еще в Сургуте у Александра Власова, бурильщика, ночевали? Вот, из Сургута так и не удалось вылететь, пришлось возвращаться в Усть-Балык...

Армия, фронт, ранение... Но об этом не буду.

Вернулся из армии в 48-м году в Барабинск. И военкомат — они тогда помогали трудоустраиваться — направил меня в буровую партию. Да, военком так и написал: «Товарищу Сергееву. Принять Халина на работу в буровую партию».

В партии встретил одноклассницу Улю Удалову: она и за секретаря, и за нормировщика, и за бухгалтера, и за кадровичку. Василий Лазаревич Столяров — буровой мастер. И буровики из Черногорки, Грозного... Из техники в партии один колесный тракторишка да одна машина ЗИС-5...

Вот с такой техникой разгружали и перевозили трубы, буровую установку.... А трубы-то тогда — не то что сейчас — 18! Ломами да веревками укладывали на поката.

Перетащили установку. Только начали монтировать, меня на курсы бурильщиков направили в Минусинск.

Отучился там, практику прошел на Быстрянской структуре: до 2070 метров пробурили и — экзамен. Выпустили нас помбурами. Приезжаю в Барабинск: бригада почти укомплектована, и я попадаю помбуром к бурильщику Волкову; он, бывший летчик, контуженный да к тому же и любитель выпить. Работали во вторую смену. Спустили на 16 метров направление. Наворачиваем долото лопастное, «РХ» (рыбий хвост) диаметром 21 3/4. Затащили его легостью под буровую, поставили на брус, взяли на пеньковые растяжки. Бурильщик майнает, чуть придавил — долото и кувыркнись...

Ловили-ловили! А оно чуть наклонясь стоит — резьба и не наворачивается, что хочешь, делай!

Ночь уже! Днем-то Василий что и придумал бы, а тут — ночь! А что делать? Меня на легость и — туда! Наворачиваю предохранительный колпак на долото, тросик цепляю за кермак и — вира!

Тащат меня грязного, чумазого — как черта из преисподней! — из направления, и в это время появляются замполит Конечников и старший инженер Посова... Я был пеньковым канатом обвязан: ничего страшного вроде, а нас, всю вахту, раз! — и в контору. И расформировали! Кого куда направили, а меня — в Тару, есть такой городок.

В Таре пришлось строить буровую. Вышку собирали с помощью деревянных стрел: 6-метровые; хомуты, блочки — самодельные. Двое наверху, остальные внизу: раз-два, взяли! И так — пояс за поясом собирали. Построили буровую, начал бурить... А нас, бурильщиков, пятеро. Но все — опытные бурильщики, семейные, а я — холостой, меня — раз: в Борисовскую разведку, в Кузбасс...

Приехал в Кемеровскую разведку, в буровую бригаду Хмелевского Сергея Денисовича, с которым вместе учились (впоследствии — известный мастер по испытанию скважин). Начали бурить под кондуктор. Спустили кондуктор и стали цементировать: затворяли вручную, закачивали своими насосами. На устье цемент не подняли...

Вместо Хмелевского прислали Кашпару Ивана Ивановича. Он — мадьяр, в гражданскую, в 19-м году со своим взводом перешел на сторону красных. Ростом — метр с шапкой, но — боевой! Как у буровика, пальца на руке нету: на опасной катушке потеря.

Бурильный инструмент тогда был неважнецкий: замки на буровой наворачивали, резьбы часто промывало... И вот придумали тогда горячий наворот замков. Печи нагревательные ставили. Термометры — свинцовые вставки: как только расплавились, вытаскивай и наворачивай! Клали по 6 муфт и 6 ниппелей. Пока одну наворачиваешь, другие стынут. Собрали инструмент, начали из-под кондуктора бурить — то конус останется, то муфта... За вахту 3-4 раза ловильными работами приходилось заниматься. С навеса — еще ничего, нагрузку чуть дал — слом... Морочное было бурение!

Там я, в ноябре 50-го года женился. В начале 52-го года жена родила дочку. А 26 февраля того же года произошла трагедия: зарезали какие-то изверги жену и ее 12-летнюю сестренку Марусю и подожгли; ребенок сгорел заживо... Во время следствия меня задержали, хотя я был на вахте. Но сыщики разные версии отрабатывали. Преступников так и не нашли. Тяжко мне было!

В ноябре 1952 года не выдержал, прихожу к начальнику разведки Сторожеву, прошу:

— Увольте, Юрий Васильевич, не могу: на работу иду мимо трех крестов, с работы — тоже...

Он мне советует:

— Бери отпуск! Найдешь работу, дам перевод... Надумаешь обратно — приезжай: примем!

Приехал я в Барабинск — к матери...

Утром приехал.

— Один все? — спрашивает. — Жениться тебе надо. Пошли, — говорит, — посмотрим девчонку одну...

Пришли. Смотрю: даже ничего себе девушка!

Я сразу быка за рога: я такой-то и такой... 27 лет. Воевал. Был женат. Жену зарезали. Сейчас холост. Специальность имею. Если пожелаешь, выходи за меня замуж. Обещаю, что тебя не обижу, голоса на тебя не подниму... Все! Решай. Она: подумать, мол, надо. Да мне и на работу, грит, к шести... Я: где работаешь? Она: в цехе, в депо... — Мастер, кто? — Иванов... — Бригадир? — Федюкин... А я с ним и в школе вместе учился, и в железнодорожном училище! Все, говорю! Пошли в контору!

Пришли в контору. Я написал за нее заявление и — к начальнику депо сразу. Мне говорят: надо у мастера, у начальника цеха завизировать... А я начальнику депо объяснил: завтра, мол, надо уезжать, он и подписал! Приходим в бухгалтерию, я говорю: все, эту работницу я забираю, а что ей причитается на расчет — все вам на конфеты! Сослуживцам ее говорю: после работы приходите на свадьбу и проводы! И веду ее сразу к нам домой.

По дороге встречается братишка, Евгений, что с 30-го года. Говорю ему: беги к брату Леониду, забирай его и — в ресторан: берешь ящик водки, закуски закажешь всякой и везешь домой. Даю ему пачку десяток, а по тем временам тысяча — это тысяча была! Он — хвост трубой! — побежал... Мы пока то-се, формальности разные, приготовления — Евгений на повозке ресторанной с ездовыми притаранил гуляш, котлеты, рыбу жаренную, гарнир, винегрет, селедочку, ящик водки и пива... Вот вся скатерть-самобранка свадебная у нас и раскинулась!

Утром просыпаюсь и говорю:

— Давайте собираться в дорогу! По принципу: куй железо, пока горячо!

И братишку — он только из армии, и маму забрал!

Приехали в Борисово через трое суток. Утром. И я вышел на вахту. А после вахты к начальнику с просьбой: — Переведите в Плотниково! — там от нашей разведки был участок. Начальник разрешил.

Само село — в 12 км от станции Плотниково. Приехали ночью. Маму оставили с вещами — чемоданы да постель — на станции, сами пораньше в село. Заходим в первый же дом, спрашиваем: где квартиру снять? Мы бы пустили, говорят, да не топим ту комнату. Ну, и сговорились: пускают за отопление. Комната, печка... Кобылу бы какую с телегой найти, говорю Евгению, да маму с вещами с вокзала привезти. Хозяйкина дочь и говорит, что она пойдет запряжет да съездит. Побежала на конный двор да и запрягла. Привез мать. А где ж разведка, спрашиваю? Да, говорят, в Сырмолу переехала... Еще десять километров! Вот неладно получилось... Да ничего, говорят, отсюда рабочих машина возит. Хозяйкина дочь и показала, где шофер живет.

Утром с Евгением и Лизой — женой — на вахтовой машине приехали на участок. Контора участка из досок собрана. Начальник участка Кречетов Павел Ильич. Меня он оформил бурильщиком, Евгения — верховым рабочим, Лизу — кочегаром. В отношении Лизы я сразу оговорил — чтобы только в мою вахту направляли! Все, говорит, сегодня выходите в ночь на вахту... Вот, радуемся, ладно как получилось: вместе все трое будем работать! Да не долго радовались: в два часа приходит посыльный с запиской: «Халиной надо выйти с 4-х...». Я не пустил, и она тотчас уволилась...

Там с нами ребята-западэнцы работали. После ремеслухи: тогда с отработкой было строго! Работай там, куда пошлют. По-русски говорили плохо. Мерзли очень, с ними от этого разные происшествия случались.

У нас ведь тогда желобная система очистки раствора была. Желоба постоянно приходилось конопатить, чтоб не протекали, и чистить. Вот. Вахта кончилась, в вагончик приходим — одного нету. Оббег всю буровую — нету! Сменную вахту спрашиваю — не видели! Куда мог деться? Мерник баграми прошарили — нету! Бурмастер Рубелькришек. Ну, говорю, Матвей Яковлевич, докоопатились! А тут пропащий этот вваливается: весь в куржаке, роба колом! Градусов 35 мороза было. — Где

ж ты был?! — Та у колодци... А у нас паровая, топливная и водяная линии в одной связке от котельной. В снегу — как тоннель, вот и забрался туда да видно и дремануп...

В Плотниково поработали — нас потом в Ново-Логинскую разведку, что в Омской области.

Пробурили в Омской области одну скважину, и в 1958 году Хромов Ефим Иванович забрал людей в Охтеурье. А мы остались в зиму в Ново-Логиново: демонтировали, готовили к переезду. Я был за старшего. Весной пришли две баржи. Загрузились и — в Охтеурье!

Приплыли мы в Охтеурье... Все жилье занято. А у меня трое детей! Ефим Иванович говорит: поселок будет строиться в Максимкино, там и буровая будет.

Дали мне людей, 40-местную палатку поставили. Стали ставить буровую. До 4-х — ей занимаемся, после 4-х топоры, пилы в руки и поперли жилье строить! Построили: и буровую, и жилье мало-мальское. Бурить начали. Хромова в Сургут перевели, вместо него начальником назначили Кузютина Леонида Ивановича (было это уже в феврале 60-го). Тогда нас уже передали в Сургутскую экспедицию.

Пробурили мы Охтеурскую скважину, Кузютин сообщает в экспедицию: буровики болтаются без дела. Ему и дают команду: направляйте в Усть-Балык. Кузютин нам дает расчет, а транспорт выделить отказал.

Ходил тогда по Ваху до Ларьяка старенький пароход «5-е декабря», в честь сталинской конституции прозванный. Сговорились мы с капитаном: не только вещи, но и всю живность наличную — коров, свиней, кур — загрузили и поплыли мы вниз по Ваху... Доплыли до впадения Ваха в Обь, капитан и говорит: — Все, мужики, выгружайтесь! Дальше не повезу: с работы снимут!

Куда деваться? Выгружается. Август месяц, пока тепло. Рыбу ловим, уху варим. Ребятишки носятся: им весело! Наутро просыпаемся и — чудо: недалеко катер стоит с баржонкой! Пошли с Толей Брагиным... Я, это, свистнул. Выходит мужчина из рубки. — Куда плывешь? — спрашиваю. — В Сургут...

— Возьми нас! Мы тебе заплатим...

— Сколько?

— А ты — сколь запросишь?

— Рублей пятнадцать с носа, пойдет?

— И с детей?

— Нет, со взрослых.

— По рукам!

Подогнал он баржонку к нашему барахлу, загрузились мы и поплыли в Сургут... Радуемся: как по заказу получилось!

В Сургуте он нам: — Разгружайтесь! — а я ему: — Давай, в экспедицию сходим, как там решат насчет нас, так и сделаем.

Приходим в контору экспедиции, Салманов, как на грех, на райпартконференции. Потащился я в райком. Дождался его, обсказал обстановку. Он пишет распоряжение: груз и людей отправить в Усть-Балыкскую ПГБ к Бочарову. Прибыли в Пим. Дали мне полбалка. А через неделю Бочаров говорит: «Собирайся на буровую!» Я условие: только с семьей! Он: «Грузись!» Дает людей в помощь: грузимся. Поспали на полу. Утро раненько подымаю ребятишек — поплыли! А в дороге приключенье случилось...

У меня нога была травмирована. Гипс-то снят был, лангета оставалась. А костылями еще пользоваться приходилось.

Вот, я потихоньку с коровой вожусь: прибираю за ней. А дети — мои и дяди Пети Назаренко, — в догонялки или прятки играют. И вдруг средняя моя дочь, Валя, падает за борт в Обь... Меня как дернуло: — Где Валя?! — Тама! — показывают за борт. Подскочил — она вдоль борта плывет? Капюшончик у нее пузырем надулся и держит ее... Подскочил я к корме и поймал ее!.. А не то бы... На буксире были две 25-кубиковые емкости, затащило бы под них — и ищи-свищи потом ребенка...

Приплываем на 62-й номер. Буровой мастер Женя Войцехович, встречает: — О, товарищ Халин! Я вас хотел с 4-х на вахту поставить, а вы — на костылях... — Ну и че? — говорю, — и заступлю! Ничего особенного!

Одеваю робу и заступаю на вахту. До 24-х отработал, а у сменного бурильщика радикулит... Пришлось 16 часов стоять до 8 утра. И еще две недели с костылями работал, потом бросил.

15 октября на Р-62 Усть-Балыкской ударил фонтан. А 16-го Салманов прилетел. Фонтан обмывали. Поинтересовался: как живу? И говорит Бочарову: — Бурильщика просил? Я тебе прислал. Ты его не устроил, и его сейчас увезу вместе с сеном и коровой. Бочаров в ответ пообещал: — Фарман Курбанович,

слово даю: к 7 ноября будет квартира! Улетел Салманов, я к Бочарову: — Виктор Тимофеевич, где же квартира? Идем, говорит, покажу. — Вот: улица Культурная, номер 2. А там — лес, мох... — Руби, — говорит, — лес, строй стайку для коровы. Дом дадим.

Освободили меня от работы. Трактором помогали лес трелевать. Самому пришлось, конечно, покрутиться. Но опыт был.

Жили в бане на берегу Юганской Оби с семьей помбура Ярославцева: нас пятеро и их столько же! А уже морозы. Буровой мастер Женя Иглин — его вместо Войцеховича поставили — зовет: хоть ночуйте у меня, морозы ведь!

А с Войцеховичем вот что получилось.

Доставали НКТ из-под берега. Войцехович со своей — поварихой она была на буровой — собрался съездить в Чеускино в баню. Горский, главный инженер, говорит ему: — Не поедешь! Работа срочная, а он — в баню... Войцехович не послушал, сел в лодку и уехал. Часа в четыре возвращается, а Горский его от работы отстранил и вызвал Иглина. Вот так Женя и выпал из первооткрывателей: будто и не бурил скавжину-первооткрывательницу Усть-Балыкской нефти. Неправильно это!

Что с первых дней в Усть-Балыке понравилось? Ребята! Такие замечательные мужики!.. Юра Ярославцев. Ваня Рябов (с ним из Охтеурья приехали, потом в Новоаганске работали, он и сейчас там). Ваня Томашук. Петя Рудаков. Петя Ивченко. Витя Анищенко. Васька Гурьев. Кривошеев... Замечательнейшие ребята! В бригаде Карамова с ними работал. Потом, когда мастером стал, тоже с ними работал. Филипп Хохлов, у меня потом бурильщиком работал. Саша Кусков... Вася Голик... Михаил Иванович — вечный слесарь... С такими ребятами — что не работать? И мы работали: из передовиков не выходили! И заработки были хорошие.

В 1968 году экспедиция переехала из Нефтеюганска в Новоаганск. Наша бригада еще кое-какое время вахтовым методом бурила на Вынга-Пуре. Потом и мы переехали. Чего греха таить, в Нефтеюганске хорошо уже жилось. И нефтяники меня сватали: предлагали перейти всей бригадой, обещали все уладить, златые горы обещали! Филимонов и Савва приглашали! Но я уперся: как же я свою родную геологию брошу? И поехал: как всегда, баржонка уж дожидалась... Некоторые, правда, остались в УБР-1. Но я их не осуждаю.

Наша бригада, помню, 32-й Вынга-Пур глубиной 3422 метра, со спуском промежуточной колонны на 1200 метров, и секционной эксплутационной колонной, пробурила за 65 дней, по тем временам — очень даже отличный результат. И таких скважин много было. Бурильщиками у меня долгое время работали Колосов, Шафиков, Ярославцев...

Раз в передовиках числились, приходилось на всякие пархозактивы, слеты, конференции ездить в Мегион, Ханты-Мансийск, в Тюмень и даже в Москву. Не обходилось и без казусов. Приехали в Тюмень, еще в старый Главк, на партхозактив. Стоим в вестибюле с Подшибякиным Василием Тихоновичем и базарим. Эрвье спускается, подзывает: — Идите-ка сюда! Здороваемся. — Вы куда приехали? — На партхозактив! — А какой вид у вас? До начала еще 25 минут: чтобы на активе были в галстуках и белых рубашках!

Актив начинается в 10-ять, а магазины открываются в 11-ать! Где взять? Сашку, шофера Эрвье, спрашиваем. — Есть у меня блат, — говорит он, — в магазине «Великан». Попробуем! Подъезжаем — а там одна уборщица. Стучим, выглядывает она — мы ей 200 рублей в руки: — Две белых рубашки с галстуками! Она выносит, и мы прямо на улице переодеваемся. Мне 52-й размер воротник попал, а шея у меня жилистая, тонкая — болтается. Смех и грех! У Василия Тихоновича, хоть он и высокий, дела не лучше. Главное — успели! Хотя уже люди в зале сидели. Юрий Георгиевич увидел нас, но виду не подал... Хоть в душе, может, и усмехнулся.

Или еще. Тоже партхозактив по итогам года. Палашкин, я , Багров... Вечером немного поддали. В «Востоке» жили. Написали они мне выступление. Мне выступать после Подшибякина. Дают мне слово. Иду, тетрадку щупаю: не забыл ли ненароком?

Читаю: набурили столько-то... показатели такие-то... Могли бы набурить и больше, если бы ВМК... да техники бы да спецтехники...

Эрвье останавливает: — Товарищ Халин, с какого это времени вы заменяете Палашкина? Что тебе о своей бригаде сказать нечего?

Я не растерялся и попер рассказывать о делах и нуждах бригады!

Эрвье смеется: — Вот теперь узнаю бурового мастера Халина!

Коротко моя трудовая деятельность отражена вот в этой справке...».

В справке указаны номера скважин-первооткрывательниц нефтяных месторождений, которые бурил Александр Андреевич в качестве бурильщика и бурового мастера. Их двенадцать: Р-62 (Усть-Балыкское), Р-240 (Мамонтовское), Р-253 (Очимкинское), Р-92 (Средне-Балыкское), Р-3 (Мало-Балыкское), Р-10 (Северо-Пимское), Р-7 (Повховское), Р-59 (Нонг-Еганское), Р-78 (Карамовское), Р-31 (Коллективное), Р-10 (Курраганское), Р-101 (Северо-Покачевское). А рядовых скважин более двухсот.

А также — что он два года работал мастером по сложным работам Аганской экспедиции, затем перешел на работу в Тюмень в институт ЗапСибНиПИ...

Пока я изучал справку, Александр Андреевич решал с домашними какие-то срочные дела, а затем занялся заваркой чая.

— По буровицки или по «купецки»? — спросил меня и принялся угощать. — Спиртного не держу, уж извини, Николаич... Я и раньше-то этим делом не увлекался, но за компанию всегда мог выпить. А сейчас уж и совсем воздерживаюсь. Хотя, может, за встречу-то и надо бы... Давай уж чайком отметим!

За чаем только о семейных делах и говорить! И я узнал, что старшая дочь, когда еще жили в Нефтеюганске, окончила Тобольский педтехникум и до сих пор, в ставшем ей родным городе, работает заведующей детсадом. Средняя и младшая в свое время окончили Тюменский машиностроительный техникум, работали по специальности, но вынуждены были заняться более подходящими для рыночных отношений делами. У Александра Андреевича семь внуков и внучек, некоторые уже определились в жизни, другие еще учатся. И он уже прадед: у него две правнучки-малышки. Так что, есть ему с кем делиться житейской мудростью! Есть кого обучать в «халинских университетах»

НА ПОКУРСКИХ ПРОФИЛЯХ

С начальником Северо-Ватинской сейсмопартии в Покуре мы разминулись, я выехал в сторону поселка Вата, где работал второй отряд — Беляева.

Вездеход вел механик партии Александр Мациевский, с кирпично-красным, в мужественных складках лицом, синеглазый крепыш.

Конец февраля. Дело к весне: на сорах глаза ломит простором, голубизной. В лесу, в кедровых космах, на еловых лапах снежная навесь. Под деревьями, у оподолий, погрызь от шишек — остатки беличьего пиршества. Солнце глазирует снега, и они зеркально отсвечивают. Под их корочкой, — еще не настом, — текучие скользкие крупинки: по свежему гусеничному следу идти невозможно, опора ускользает, словно ртутная, из-под ноги. Башмаки, траки отполированы, словно хромированы, позвякивают весело, ксилофонисто.

Пойма — по местному «сора» — пересечена ложбинами, гривками, тальниковыми куртинами. На схеме профиль ровный, прямой. А мы, при переезде с одного пикета на другой пункт взрыва, кружим, как в лабиринте. Буровой станок УШБТ-М буксирует сани с инструментом и жилой балок буровиков.

Балок из соснового бруса-сотки; стены по диагоналям укреплены металлическими полосами; сани — из толстых, необработанных лиственниц с металлическим же подполозками (листвянке износу нету, говорят сейсмики).

Отряд без котлопункта: готовят побригадно. У каждого балка спереди ларь для продуктов и сухие дрова. В меню — рассольники и борщи из консервов, супы, сушеная картошка, яичный порошок, мороженый хлеб, тушенка, масло, сгущенка; иногда перепадает дичь и рыба.

В балке буровиков грязно, пол замазучен, на двухярусных нарах скатанные спальные мешки. На круглой буржуйке закопченный чайник, на полу — ведерная кастрюля с мясным бульоном. Дверь в балок сбоку, запирается на вертушок. Слева, при входе, умывальник, ведро с водой, канистра с бензином для пускателя; трехлитровый стеклянный баллон с ручкой из синего провода — солярка для растопки буржуйки. Под маленьким, с форточку, окошком такого же размера столик. Запах в балке не жилой — гаражный!

— Точно! — самокритично смеется сменный мастер Николай Килунов, немногословный рязанец, недавний колхозный тракторист. — Точна-точна! — с улицы аднова нюхнешь, час отпыхиваешь! — щерит стальные фиксы.

Витек, первый помбур, в два раза шире Николая, чернобров, густоволос, подвижен, разговорчив и вспыльчив. Я со своим погружателем для них — лишняя обуза; их дело — пробурить скважину, а заряд опускать — заботы взрывников; теперь же — и скважину пробури, и заряд опусти. А это в напорных плывунах — то же бурение по сути! А тут еще и буррабочий заболел, на базе сейчас, а вдвоем — тяжеловато. Витек ворчит, а Николай невозмутим: подшучивает над собой, над Витьком:

— Чей-та у тя, Витек, радиатор запарил? И много вас, таких заводных, на Вятке? Без пускача заводитесь!

— Хватает! — в тон ему отвечает Витек, споро отгребая от устья скважины, пухлый, как опара, плывун. — «Такех», как я, хоть поленницы клади!

«Торпеду» — так окрестили погружатель взрывники — снаряжаем на взрывпункте. Старший взрывник, худощавый, в элегантно подогнанной энцефалитке, с аккуратными усиками над презрительно-смешливыми губами, небрежно бросает тротиловые крошки в печку: жарко, но копотно горит взрывчатка.

Снаряженную «дуру» — еще один синоним погружателю — подносим к скважине. Пока буровики поднимают инструмент, присаживаемся на погружатель. Правила безопасности я прочитал, но, видимо, не прочувствовал: сижу на пяти килограммах тротила, курю и — хоть бы что, ни капли страха.

Погружатель опускаем до плывуна, плывун проходим с вращением, а в плотных глинах открываем вращением в обратную сторону и начинаем подъем.

«Сработал? Не сработал?» — гадаю я. Идут томительные и волнующие минуты ожидания. Приятная радость наполняет грудь — когда из полости погружателя тянется боевая магистраль, и хочется провалиться в землю от стыда — когда поднимается нераскрывшийся снаряд. Иногда тротиловые шашки так запрессовываются в корпусе мелкозернистым плывунным песком, что — хоть репку пой или кувалдой выколачивай! — с трудом горячей водой удалось их вымыть... Бывали другие неполадки. Вот тогда даже невозмутимый Шлепенков поигрывал желваками, и у меня в области желудка начиналось неприятное жжение...

— Какие вступления! — начальник отряда Исай Анисимович Беляев щелкает пальцем по непросохшей сейсмограмме. — Саша! глянь! — обращает он к своему помощнику широкое улыбистое лицо, — глянь: вступления четкие. А какие отражения!.. А?.. Картинки! Ну, Николаич, ты — молоток! — хвалил он меня: — Вместо брака — картинка!

— Да, материальчик — что надо! — гулким нутряным басом подтверждает Александр Михайлович Калинин. — Ну, Николаич, извини! Мы ведь приняли тебя за диверсанта: не иначе как ЦРУ, мол, подослало — чтобы сорвать работу передового отряда Беляева сейсмопартии номер 28 дробь 61 тире 62.

— ... где оператором английский шпион с легендой Александра Калинина, который гонит сплошной брак, чтобы увести русских парней от открытия крупной ловушки углеводородов...

Беляев заливисто-мелко смеется, обнажая плотный ряд чуть подъеденных зубов, щуря светлые твердые глаза.

— Здорово я его уел, Николаич, а? — посмеиваясь, подмигивает он мне и напутствует:

— Давай, дерзай! Чтоб и дальше — в таком же духе. А в камералке будешь, передай Свете мой приказ: расцеловать тебя.

В итээровском балке нас четверо: на нижних «плацкартах» Беляев и Калинин, наверху — мы с Иваном Ивановичем Платоновым, техником по бурению. Иван Иванович — плотный, средних лет многодетный мужик, в редких оспинах, с удивительными, цвета красного дерева, яркими глазами, такими же под цвет глаз, мягкими каштановыми волосами, ломким, с соловьиными коленцами, голосом. У него плавные движения, он все делает неспешно, основательно: даже дверь прикрывает осторожно, словно страницу редкой книги переворачивает.

— Иваныч! — рычит Беляев, — зима ведь! Только ухитился потеплей, стужи напустил. Ну, троглодит, доберусь до тебя!

— Махнемся местами не глядя, а? — предлагает ему Платонов, мелодично, с коленцами, хохоча: — У нас с Николаичем — Ташкент!

Тесно в балке, как в кубрике. Освещается он от аккумулятора, но есть и аварийное: напомнившая мне деревенское детство керосиновая лампа-молния. Есть и батарейный приемник «Родина», но он не работает: кто-то подключил его к трактор-

ному аккумулятору... Беляев грешит на Платонова. Но тот открещивается:

— Категорически не причастен! И под денежный начет прошу не подводить: мне и собственных блох кормить нечем.

Вечера, а то и ночи, Беляев по очереди с Калининым проводили в сейсмостанции: настраивали аппаратуру, ремонтировали блоки. За день все выматывались, и трепотню на сон грядущий Беляев решительно пресекал. Он широко, до хруста зевал, напоминая в этот момент благодушного бульдога, и, клацнув зубами, рявкал:

— Спать! Завтра в семь на работу всем. Как штык! — и щелкал тумблером в изголовье.

На четвертый день, по непонятной причине, все потроха погружателя остались в скважине, и я собрался уезжать.

Удивительное дело: не хотелось расставаться с этими, по сути — незнакомыми людьми, но такими близкими по духу! И случай помог: в отряд снова приехал механик Александр Мациевский.

— Что за вопрос! — сиповато воскликнул он, узнав в чем дело. — Сгоняем в Вартовск, на рыбозавод. Там механик — мой кореш! И пружину навьем. И катушку выточим. И всю прочую шулупень.

Беляев ухватился за его идею:

— Николаич, будь ласка, поезжай! Нам еще пару гнилых профилей отшлепать, и — гуляй! Дальше гривы пойдут, там и без тебя на «троечку» материал всегда вытянем. — И Мациевскму сказал:

— На счет икорки, Брониславыч, попутно спроворь. Сегодня АН-2 со спецматериалом должон быть. Ну и... Сам знаешь: икорка в самый раз будет! — и плутовски подмигнул ему.

День был ветреный. Ослепительно яркий, пронзительно синий. С резким, до слезы, морозцем.

Мациевский вел вездеход виртуозно, вдохновенно, мы, казалось, летели: снежная пудра с гусениц вилась шлейфом, как от винта самолета на взлете.

В мастерских рыбозавода, по набросанным тут же эскизам, изготовили нам все необходимое: быстрее и в Сургуте бы не сделали!

Пока я занимался заказами, Мациевский с главным механиком рыбозавода, таким же голубоглазым, краснощеким крепышом, занимались какими-то делами в приземистом, похожем на

лабаз, длинном строении. И только в отряде, когда Мациевский извлек из кузова ГАЗ-47 пятилитровую кастрюлю с икрой и плетенку лука, я смикитил, что ездили мы на рыбозавод не только по «производственной необходимости»...

Без нас в отряд привозили «спецматериал» — так шифруется взрывчатка. «Летуны» — для Беляева свои ребята; для «горла» тоже «спецматериал» привезли.

— Вот он, спецматериальчик! — просвещает меня Беляев, с храпом всхохатывая и пощелкивая по бледной этикетке на бутылке с питьевым спиртом.

И спирт, и икра — для меня в диковинку!

— Ешь, Николаич, ешь! Когда еще доведется черную икру — вот так: деревянной ложкой рубать? — прозрачные глаза Исая Анисимовича начинают лукаво поблескивать. — Помирать будешь, так будет хоть что вспомнить! Да не брезуй, пленка это — ешь с пленкой! Толще будешь!

Калинин инструктирует — как пить чистый спирт, чтобы не обжечь горло:

— Выдохни, глотни воды и сразу же пей спирт. Как выпьешь, не переводя дыхания, запивай водой. Главное — чтобы процесс был непрерывным. И все будет о'кей!

Доброму делу учиться — мучиться, а такое — само идет!

После спирта огонь пошел по жилам, и икра была очень вкусна. Да и разговор пошел интересный: праздничный какой-то! На высокие — не будничные темы: о природных загадках, освоении космоса, космических пришельцах... В институте меня увлекала эта тема: я читал доступную литературу, журналы. Беляев, оказывается, тоже был озабочен космическим одиночеством землян!

— Ну, сошлись — два сапога пара! — презрительно забасил Александр Михайлыч. — Вмазали по сто пятьдесят — само то — входить в контакт с внеземной цивилизацией!

— Николаич! — обратился он ко мне — не общайся ты с ним, он на этом деле — совсем чокнулся! Жена собирается от него уходить: пусть, говорит, Аэлиту себе ищет! Счас он тебе начнет картинки, статейки про космических пришельцев показывать... «Завтра в семь на работу всем!» — передразнил Беляева и грозно приказал: — прекратить внеземные контакты!

— От зверь... От зверь! С хорошим человеком пообщаться не даст — сердито заворчал Исай Анисимыч. — Ладно, Нико-

ну давай спать... — сиповатым шепотом сказал он мне с сожалением и скрытою лаской и мечтательно добавил: — Вот отработаем эти гнилые профиля, поедем в Покур на отгулы — тогда уж у меня наговоримся. — И уже совсем сонным голосом, на автопилоте, добавил: — Завтра в семь на работу всем...

Отработали «гнилые» профиля. Я за это время обучил обращаться с погружателем Платонова и приехавшего в отряд старшего техника-взрывника Василия Ивановича Омельчука. И поехал в Покур, а Беляев продолжал, пока позволяли болота и хрьи, отрабатывать профиля: по предварительным данным выявлялась приличная Ватинская структура, и ее надо было оконтурить до конца сезона...

В Покуре я познакомился, уже лично, с начальником сейсмопартии №28/61-62 Владимиром Алексеевичем Кочневым. Это был молодой, высокий и гибкий мужчина в радикулитке, в унтах и ондатровой шапке (джентльменский набор северянина!); у него было продолговатое лицо, улыбчивый взгляд и негромкий ясный голос.

Ночевать он увел меня к себе, познакомил с семьей: женой Ниной Кузьминичной, зеленоглазой шатенкой, с голосом сочным, запоминающимся, одноклассницей по школе, педагогом по образованию, а в партии — вычислителем, и с сыном — пятилетним, вдумчивым, совсем рыжим Андреем.

После этой командировки мы с Кочневыми стали дружить.

В следующем сезоне в его партии работала инженером-интерпретатором моя будущая жена, Галина Ивановна. В эту зиму обосновались на Ватинской и Северо-Покурской площадях. Вскоре мы стали дружит семьями.

После переезда в Тюмень, они одно время жили над нами (в квартире Л.Н. Кабаева, тоже начальника сейсмопартии Сургутской комплексной экспедиции).

Владимир Алексеевич тогда сидел над очередным отчетом о работе своей новой партии — опытно-методической. В день защиты отчета на техсовете геологоуправления семья переживала за него. А сын нарисовал целый бой и подписал: «Папа защищается».

Вообще, Андрей у них был очень забавный. В один из первых дней, после их поселения в кабаевскую квартиру, я увидел его возле подъезда и сделал вид — что не узнал: «Чей же, — говорю, — этот новенький парнишка?». Андрей, улыбаясь глаза-

ми, сдвинул молча кепочку на затылок, открыв свой ярко рыжий чубчик... Едва сдержавшись, чтобы не рассмеяться, я потрепал его, сказав: «Как же ты вырос, Андрюша, — что теперь и не узнаешь сразу-то!».

Однажды летом (тогда Кочневы уже съездили первый раз на Кубу и обзавелись автомашиной «Волга») они пригласили нас прокатиться к ним на родину, на Южный Урал — В Кочневку и в Уйск (Нина была из этого уютного районного городка).

Мы были очарованы и южно-уральской природой, и теплым приемом многочисленной родни наших друзей.

В 1975 году наши пути разошлись: мы вернулись на север, они переехали в Красноярск, несколько раз встречались в Тюмени в отпусках (дети их живут и работают в Тюмени). Приглашали нас подивоваться красноярскими красотами, да как-то не случилось нам побывать у них.

Недавно Владимир Алексеевич сообщил, что к горькому сожалению, звонкой жизнелюбки Нины Кузьминичны уже нет с нами... Но она жива в памяти мужа, друзей и продолжается в детях и внуках.

НОВЫЙ ГОД У САМОТЛОРА

В начале декабря я выехал в первую командировку — в Тюмень. Цель — поделиться опытом, получить бурголовки для погружателей, изготовленные централизованно.

Поселился в гостинице «Заря». Соседом по номеру оказался Виталий Петров, единственный в экспедиции мужчина-интерпретатор.

Виталий за пять лет, после окончания Ленинградского горного института, успел поработать в Дудинке, Березово, на Полярном Урале. Он женат, семья в Ленинграде. У него насмешливые серые глаза, породистый нос, полные улыбчивые губы, мужественный подбородок — истинный геолог! Ходит упругой, прыгающей походкой, уверяет: его походка — редкость, такие люди всегда успевают выпрыгнуть из-под машины.

Мне Виталий обрадовался, как родному: сидел без денег. В первый же день приобщил меня к веселой жизни...

На следующий день к нам подкатились сургутяне: каротажник Виталий Вакаев, буровой мастер Виталий Лагутин и снабженец Николай Доброхотов. «Четыре Вити и Коля сидят на приколе!» — каламбурил через пару дней Петров, когда спустили весело мои денежки. Все ждали «свои» переводы: кто «сто», кто «двести». Вскоре и мне пришлось телеграфировать в экспедицию. Денег на билеты не было, ждали спецрейс, перебивались на сырках и пиве, перехватывали, у кого могли. Увидели как-то общего знакомого, переведенного в Тюмень, — обрадовались, но у него был только «хруст» (рубль) и батон. Взяли батон. Потом пошли искать шапочно знакомую Виталию женщину — он помнил только приметы ее дома. Не зря говорят: везет дуракам! На двери одного из подъездов увидели список злостных неплательщиков, Виталия бог сподобил прочитать его: в списке — она! С мефистофельской улыбкой он нажал кнопку звонка... женщина обреченно ссудила нам десятку. В гостинице мы жили в кредит. Нынче не верится, что администраторы могли быть добрыми. Дежурная по этому этажу давала нам чайник, и мы ржаной хлеб круглый, караваем, — ели с сырками и запивали крутым кипятком... Вкуснятина!

Как-то Виталий заметил у меня в бумажнике трехпроцентную облигацию, купленную в отпуске из любопытства, и возопил: — живем! Что ж ты молчал?! Двадцать рублей — это ж

капитал! Иди — меняй! Честно говоря, мне не хотелось менять ценную бумагу. К счастью, я вспомнил, что сегодня выходной. Однако ссылка на воскресный день не помогла, Виталлий еще и пристыдил меня:

— Ай-яй-яй... А центральная сберкасса — на что? Она вам любую бумагу — особенно такую ценную! — н-да! — превратит в хрустики. Сами изволите прошвырнуться или дозволите мне?..

«Ценной бумаги» хватило на один ужин...

Долго ли, коротко — вернулся я с драгоценными для меня бурголовками в экспедицию, приобщенный к братству командированных...

Узнав, с кем я общался, Виктор Петрович усмехнулся:

— Этот приобщит... Оркестром, случаем, не дирижировали? Удивительно.

Полевой сезон в сейсмопартиях еще не начинался — не промерзли болота. Я подготовил несколько погружателей с новыми бурголовками и ждал: какая пария начнет первая, в ту поеду.

Первым ринулся на профиля Халилов, общительный азербайджанец Али Джабраил, а по-русски — Аркаша, через пять минут говоривший незнакомой девушке: «Я тэбе лублу!».

Однако атака захлебнулась: трактора тонули, и шел сплошь брак. Для Аркаши это было как пощечина! Тут он и вспомнил про меня:

— Викторр, доррогой!.. Садыс АтээЛка и едым ко мнэ! У мэнэ такой плывун!.. мм-мэ! Нигдэ такой нэт!

Аркаша, как обычно, преувеличивал: плывун был такой же, как в Покуре. Его техник по бурению был на испытании первого погружателя, поэтому новый освоил быстро.

Возвращались мы из отряда на ГАЗ-47. Мне еще прошлой зимой, в Покуре, рассказывали, что этот вездеход может «преодолевать водные преграды на плаву». Поэтому, когда стали пересекать речку по тонкому льду, я чувствовал себя спокойно. А вот в «лоб» на невысокий крутой бережок взобраться не смогли. Пока соображали, что предпринять, «плавучий транспортер» стало заливать... Но нет худа без добра: при погружении изменился «угол атаки» гусениц, мы подложили несколько валежинок, и вездеход выкарабкался на берег. Недалеко виднелась деревушка, решили там обогреться и подсушиться. Собрали у кого сколько было денег, и Аркаша уговорил базистку: на

все деньги — перцовки. Перцовка была темная, густая и не такая уж горькая. «Полечились» мы на славу: назавтра никто не чихнул.

Следующая партия — Нижневартовская №25/62-63 г.г. Начальник партии Кабаев, два отряда.

После открытия усть-балыкской и баграсской нефти развернули с Севера, из Нарыкар и Березово, полевую разведку, усилили Сургутскую комплексную экспедицию сразу четырьмя партиями: две ушли на восток, по Ваху, одна — в Нижневартовск, четвертая осела в Сургуте. Каждая «карта» в то время была равноценной, каждый из начальников этих парий вытащил свою, уготованную планидой. А вытащив, старался «разыграть» ее в силу своих способностей: гнал профиля, отстреливал их, стараясь получить «зачетное» качество материала.

Из-за непогоды в партию вылетел только с третьего захода. Начальник отряда Шагандин встретил меня в штыки. После заинтересованности и гостеприимства в других партиях я был ошарашен таким приемом.

— Мне план надо давать, а не с вашей сомнительной техникой возиться... — угрюмо, чуть в нос, резким баритоном выговаривал он. — Мне надо дать людям заработать. У меня не опытный полигон, в другом месте опытничайте! Есть, в конце концов, опытно-методические партии! Чем они занимаются? Привыкли чужими руками жар загребать. Почему я должен на их диссертации работать?

Шагандин черноволос, с крупными чертами лица, лоб изрезан упрямыми поперечными складками; в голосе истерические нотки.

«Трудный ты человек, Володя, — отметил я про себя, — но я ведь не к тебе в гости пришел, чтоб развернуться от такого приема. Я — старший инженер экспедиции! Чиф-инженер! Решаю важную задачу — это и в Тюмени сказали, предложили статью написать в журнал. Так что я не бедный квартирант, а ты не Мордухай, который может пустить на квартиру, а может указать на порог...».

Словно угадав мои мысли, Шагандин выложил свой последний козырь:

— Кстати, и жить негде... Все забито.

Отступать я не мог, но согласился на компромисс: там, где будет слабый материал, с плохими отражениями, будут при повторных перестрелках применять погружатель.

Явный брак получили на первой же стоянке. Я торжествовал: сейчас покажу класс! Но и меня ждало жестокое фиаско: одна попытка, вторая, третья — не открывается погружатель и все тут, хоть лопни! Еще попытка — заряд остался, но оборвало боевую магистраль. Час от часу не легче! В чем причина?

Шагандин «заводится», кругами ходит, играет желваками.... А тут еще взрывники заныли:

— Как на такой глубине будем ликвидировать заряд? Оставлять нельзя!...

Я тоже начал терять самообладание, какую-то дрожь неприятную ощутил в груди. С трудом взял себя в руки. И решение сразу же пришло. Сказал небрежно:

— Первый раз, что ли?.. Пробурим рядом, новый заряд и — подорвем! Давай бурстанок назад... Стоп! Хорэ!

Скважину пробурил сам, погружение и обратное вращение — тоже. Подъем сделал бурильщик. Получилось! Хоть шапку вверх кидай — так был рад.

Взрыв получился мощный, жесткий... Сейсмики народ опытный, по толчку определяют: какая будет запись. Вступления кривых из-за детонации первого заряда чуть смазаны, но в целом отражения вполне читабельны. Тем не менее, Шагандин брезгливо морщится:

— Не-е... Все же лучше «ручников» нету... И вдруг — доверительно так, почти дружески:

— Ты, я вижу, неплохой парень, но ехал бы в другой отряд, а?... Честно, мне до Нового года выложиться надо — доказать кой-кому. Так как?.. Ладно, другой бы спорил — молчу: еще одно физнаблюдение... так и быть... — другим тоном заключил он.

Стоят самые короткие дни. Заряжаем уже в сумерках. Опускаем при свете фар. За рычаги встал техник по бурению. Все он сделал, как надо. Поднимаем: в ярком свете на темном, искрящемся фоне контрастно выделяются красно-синие провода боевой магистрали. «Сработало!» — отмечаю с удовлетворением. Но какое-то ощущение внутреннего дискомфорта, как будто что-то не то... «Бурголовка!.. Куда делась бурголовка?.. Е-мое! Свернули шею!.. Осталась в скважине...».

Меж тем взрывники свернули провода, «откусили» излишки, подключили взрывпункт. Ненужный уже погружатель бросили в сани. Отъехали на безопасное место. Старший взрывник крут-

нул ручку полевого телефона, связался со станцией. Нажал кнопку взрывной машинки — загорелся индикатор. Другим пальцем коснулся еще одной кнопки — балок жестко встряхнуло. — О-о!.. Хорошо пошло — на «пятак»!..

Подсвечивая фонариком осматриваю торец погружателя: «В чем дело?.. Некачественная сварка?.. Больно уж издевательски звучало: продолжим завтра! Может, подстроили? Да ну! Как так можно... Это уж я — с досады...».

В это время, по пути из другого отряда, на АТЛ — сам за рычагами — заехал Кабаев. Я решил выбраться на базу вместе с ним — надо было только вернуться на предыдущую стоянку, где у меня остался меховой спальник.

— Завтра отряд выедет на базу — привезут! — отговорил Кабаев.

Я доверчиво согласился. Со мной такое случается: «Неудобно... Подумают: крохобор. Или — людям не доверяю...». Потом или махаю рукой или несу двойные хлопоты. Сейчас тоже: не стоять бы, вернуться — делов-то: полчаса! Ан нет: пресловутое «неудобно»... Вот и у этого цигейкового спальника, я уже точно знал: вырастают ноги. Вообще-то неудобный спальник: тяжелый, жесткий...

АТЛ — военная машина: «легкий артиллерийский тягач». У него узкие, скоростные гусеницы, малый клиренс; бегает он быстро, но не любит косогоры и глубокий снег. Даже с грунтозацепами съезжает с косогоров юзом. А в глубоком снегу не может развернуться, приходиться дергаться туда-сюда. При этом диски сцепления бортовых фрикционов звенят характерно: будто тупой-ножовкой режут железо.

Зимник у сейсмиков — понятие весьма условное. Петляет он между деревьями, по опушкам грив, среди озер и болот. Поворотов не счесть и на ровном месте, и на косогорах. На одном из таких косогоров мы застряли надолго... На базу партии приехали под утро.

Предоставленный самому себе, я разбудил сторожа и, не раздеваясь, расположился на каком-то ларе в холодной конторе. На память пришел снова спальник с чистым вкладышем: «Вот оно — «неудобно»...

Зашел Кабаев позвал на завтрак.

Дома у него — празднично: наряженная елка, по стенам ковры, прибрано. И еда — вкусная, не каждодневная. Но я

чувствовал себя не в своей тарелке: хозяева, видать, были в ссоре. В жесте голосе, движении, во взгляде каждого — напряженность, натянутость...

Было уже тридцатое декабря. Вездеход, в котором должен быть мой спальник, еще не подошел. В сердцах я подался пешком в «аэропорт» — к стоявшей на бугре в отдельной хибаре, в которой бывал кассир, продававший билеты по прилету самолета. Густокрашенная женщина в новой меховой куртке, представлявшая собой Аэрофлот, пообещала первой оказией отправить меня в Сургут. А вот будет ли оказия — не знает.

Я решил ждать. Подошло еще несколько человек. Среди них — техник-геолог Галка Басова, которую я видел в Сургуте раз-два. Она молода — второй год после техникума, общительна, говор у нее быстрый, с приятной картавинкой. Разрез глаз продолговат, с загибом к бровям; носик уточкой. А все вместе образует миленькую — лисочкину — хитроватую мордочку. Она хоть и темноволоса, но даже в разгаре зимы лицо ее усыпано веселыми веснушками. Летит на Новый год в Сургут.

— Ясненько... — понял я, — Женю проведать?..

— А вот и нет... — игриво поправила она, — в командировку...

В октябре сдали итээровское общежитие — длинный дом на двадцать комнат. Вполне приличное сооружение из струганных сосен. После некоторого колебания я съехал от тети Нюры и поселился в одну из комнат с видом на далекую, за песками, Обь. В комнате, как войдешь, по левую руку — моя койка, по правую — фанерный, крашеный под дуб, шкаф. Дальше, слева — Валерка Ртвеладзе, механик, справа — Женя Кашепава, геофизик. У окна, между кроватями, простенький стол и под ним одна табуретка. По мне — совсем неплохо. А Женя иронизирует: «О!.. как советские инженеры живут — даже табуретка есть!»

В Сургут мы приехали в один год. Соседи мои — почти земляки: Кашепава — бакинец, Ртвеладзе — грозненский закончил. У Жени густая кудреватая шевелюра, за которой он тщательно ухаживает, маленькие усики над розовыми губками-бантиком. Он близорук, но очки не носит. Память — девичья, по нашим понятиям: все берет на карандаш, у него разноформатные блокнотики. В свободное время любит шлифовать ногти — пилочка всегда с собой, этому занятию отдается самозабвенно, изящно оттопырив мизинец с длинным ноготком, что-то

напевая женским звучным контральто. Программа-минимум: заработать денег на кооперативную квартиру в Баку и стать начальником партии — как только будет такая запись в трудовой книжке — сразу уедет...

Валерку девчонки зовут в глаза «рыжим грузином», а заглазно «лысым называют: на темени у него редкие каштановые кудряшки; под коротким бровками светло-карие глаза; характерный скошенный подбородок. Говорят они с подчеркнуто кавказским акцентом. Ртвеладзе тоже не скрывает своих карьеристских устремлений. Когда нас в сентябре произвели в «старшие», он не раз заводил Женю: «Вот, мы уже «старшие» — он инженер, я — механик, а кто ты?» Просто ге-о-физик. Второй год...

Тем не менее, Галка Басова, как мне показалось, «старшего» механика игнорировала, отдала предпочтение «просто геофизику».

Вот и сейчас она стремилась в Сургут, чтобы, конечно же, встретиться с ним.

Я подтруниваю над Галкой:

— А вдруг он — сюда? Разлетитесь на повороте! Ну, ничего, Валерка будет дома...

— Неправда ваша... — грассируя, отшучивается она. — Меня Женечка в порту уже ждет... с цветочками, с подарочком! (Откуда ей было сейчас знать, что будет через три года? В судьбу мы тогда не верили, а гороскопы были не в моде...)

Погода между тем ухудшалась. Противоположный берег слился с небом, нависавшим над нами темно-серой оренбургской шалью. Белый кутенок, крутившийся у ног, сливался со снегом, и его темные грустные глаза, казалось, прыгали в пространстве сами по себе.

Наша надежда на отлет поддерживалась уверениями кассира, что самолет, проходящий из Ларьяка, «должон быть». И вот, словно в проявителе, в белой мгле проступили размытые контуры «Аннушки»... Резко и неожиданно, при перегазовке, возник звук... не дожидаясь диспетчера, мы побежали к самолету, вниз, под берег. А тот, развернувшись против ветра, чихнул и заглох. Из него вышли пассажиры и два пилота. Погоду закрыли до конца дня...

Завтра, так завтра! Попеняв на судьбу, стали расходиться.

Побежали-поужинали в рыбкооповской столовой. Выбор невелик, но все натуральное: муксун, осетрина, нельма в раз-

ном виде, уха, пельмени, отварное мясо, и недорого — с рубля сдача.

В сумерках вернулись на базу сейсмопартии. В конторе Кабаев окружен механизаторами. Разговор на высоких тонах. Узнал, что они с профиля, заикнулся о спальнике — никто ничего... Некоторые успели хлебнуть спиртного — «качают» права. Кабаев подначивает: — Ну-ну, что еще? Давай, вали! — у него за тумбой стола, на полу включен магнитофон. «Вот оно что! Для «воспитательной» работы?» — догадался я. «Точно! — подтвердил Леонид, — я ему прокручу этот «концерт» потом, пусть покраснеет...» Он забрал магнитофон и ушел. Я сначала обиделся, потом рассудил: «Видимо, что-то дома не ладится — не до меня.»

Утром я, что косач, встряхнулся, протер глаза снежком — все туалетные принадлежности были в мешке спальника — утерся носовым платком и — готов к полету!

Пилоты запросили разрешение на вылет — отказ! Закрыты и Нижневартовск, и Сургут: облачность, видимость, ветер...

Только начинает светлеть, и ветер вроде бы стихает, — нет, опять с юга ползет белая пелена. А велик ли декабрьский день — хоть и сделавший воробьиный шажок к лету?.. Вот-вот и кончится.

Экипаж из Ханты-Мансийска, в Сургут им лететь нет резону: что Вартовск, что Сургут — все равно не дома. Вскоре они стали просить «вылет по трассе», то есть — в Ханты-Мансийск. И сразу бравые ребята упали в наших глазах — еще бы! Они лишали нас надежды. Особенно расстроилась Галка. Но ждали мы «до упора»: пока пилоты, разжалобив синоптиков, не улетели. Многие полетели с ними: «Айда! — звали меня, — столица кака-никака, пивца ханты-мансийского попьем.» Пиво я в то время не любил и отказался: здесь — хоть какие-то знакомые есть, а там — так и ждут меня.

Геология моя совсем скисла — того и гляди слезки побегут. Ни на какие шуточки не реагирует... Проводил я ее в расстроенных «чуйствах», как мы тогда говорили, до их «общаги» — заметенного по самую крышу просевшего дома. Жили они в комнате со Светой Бурдиной, переведенной сюда из Покура.

Светлана была тоже в миноре: лежала в полумраке, без света.

— Потому и Света: ей светло без света!

— Вот и говорят: бога нет! — оживилась она. — Вы же из-за меня не улетели: вымолила! Не расстраивайся, Галчонок, шучу. Но — рада!

Дала мне кухонный нож, отправила за елкой...

Пошел, я по дороге, по которой вчера приехал с профиля. Далековато оказалось. Да и навстречу мраку жутковато было идти. Несколько раз сходил с дороги, шарился по опушкам, но подходящей елочки не попадалось. За поворотом чуть развиднелось: просека ли раздвинулась, лес ли поредел, высветился стволами берез? — и я заметил елку. А как добраться до нее? Потом сообразил: докачусь! Завязал шапку, поднял воротник «радикулитки», нож — в унты, и — покатился... Весело стало: посмотрел бы кто...

Кровавую мозоль натер, пока, почти по-бобриному, перегрыз тупым ножом морозный ствол. Зато елочка оказалась что надо! Девчата, когда увидели, завизжали от восторга.

— Наряжайте, а я — в ваш «гастроном» прошвырнусь.

Вышел — Кабаева встретил, собирается на АТЛке в Вартовск — тоже в магазин.

Вина не было — поздно спохватились, один спирт...

Едем обратно — сплошная темень. Дорога неровная, волнами накатана — тягач, словно катер на волне, клюет носом. Свет фар — яркий, гребни волн высвечивает, тени гонит и ложбины — бегут они, создавая еще большую иллюзию волнения. Вдали, дорога — словно тельняшка в вырезе темно-синей форменки. Только полосы, перед тем как под гусеницы упасть, срываются мгновенно, бесследно испаряются.

В кабине тепло. Укачивает, убаюкивает — об стекло бы лбом не... Вдруг — показалось? — одна полоска так и осталась на дороге, под днищем тягача. Но — ни звука, ни удара. Кабаев смотрит вперед. Спокоен. Руки на рычагах фрикционов. «Показалось... А вдруг?..» Меня охватывает неясная тревога, и я убеждаю Леонида вернуться и посмотреть: что там? Или поблазнилось мне?

Пока Кабаев разворачивает АТЛ, визгом фрикционов кромсая тишину, вглядываюсь в темень: что-то чернеет на дороге. Подхожу ближе — человек!.. Развернувшись, Кабаев осветил его пронзительным лучом фар: не шевельнулся... Подходим. Не прикасаясь, рассматриваем. Шапка примята траками, на голове ни царапинки. На носке левого валенка след от

шпоры противоскольжения. Рядом валяется авоська с задубевшим полотенцем и мочалкой. Леонид заглядывает человеку в лицо и узнает его: топограф партии, сегодня всех возили в баню, он отстал, видимо, встретил местного кирюху и пил с ним...

— Ну что?.. — не разжимая зубов, проговорил Кабаев, — вот вам фонарик, оставайтесь здесь... А я поеду за... милицией... сдаваться.

Голос его скрипуч, лицо отдает, в ярком свете, синевой; желваки ходят. Я понимаю его, молчу.

И вдруг «труп» — разве мог уцелеть человек, которого «прокатили» между днищем идущей на скорости машины и утрамбованной до костяной твердости дорогой? Сел и забормотал:

— Милицию?.. Зачем, милицию?.. Не надо милиции... — Потом, совсем очнувшись, спросил ясным голосом: — Где это я ?..

— Вы живы?.. Вы живы?.. — не скрывая радости, все спрашивает Леонид. — У вас ничего не болит? Все цело?.. Мы сейчас вас отвезем в больницу.

Топограф отрицательно закрутил головой и сделал попытку встать, но его качнуло и он упал на снег: то ли хмель не прошел, то ли что-то было все же повреждено.

Довели до кабины, помогли забраться. В тепле его развезло, он пьяно просил:

— Спать... домой!.. домой... спать...

Дома, трепеща от гнева, но сдерживаясь, встретила жена. Когда Леонид рассказал историю, приключившуюся с мужем, она стала бранить его, не стесняясь нас:

— Нет на тебя смерти, проклятущего! Задавили бы уж — один раз поплакала, да век бы спокойно дожила. Так и на том свете ты не нужен! Пьянчужка несчастная, не могли по башке-то твоей дурной проехаться... Господи... все люди как люди: помылись, к Новому году готовятся... А с тобой?.. никогда... по-людски... да за что... господи...

В свежепобеленной комнате тепло, уютно... пахнет стряпней... домашним очагом... Почему этот человек, сейчас осевший кулем, шатался где-то, напился до «положения риз» — так, что валялся на дороге, — не шел сюда, под теплый кров, где, если уж на то пошло, и выпить наверняка припасено? Не мог подождать два-три часа? Неужели настолько «алкала» его душа?..

Странность поведения людей, непонятность человеческих отношений наполняла порой меня тоскливой жалостью. Хорошо, что молодость брала свое, и мне удавалось отогнать от себя эти мрачные мысли. Я говорил себе: «За всех не напереживаешься. Главное: я знаю, как мне жить, и меня «минует чаша сия»... Сейчас бы мне этот оптимизм!

Кабаев пригласил меня «разрядиться после стрессов»...

Он начал было собирать закуску, выставил рюмки, но... прибежала жена топографа и запричитала: «Ой, плохо ему... Ой, душегубы вы — задавили человека... Скорее везите в больницу — может, еще помогут... спасут, може... Ой, люди добрые... что деется...»

— Фу!.. Хорошо, что не успели выпить! — Леонид шумно выдохнул. — А то бы доказывай: трезвым был! И так уже криминал: ездил без прав на вождение... Развеселенький Новый год! И нас втравил... Оставайтесь, один съезжу...

В больнице, на счастье, оказался дежурным врачом хирург; прощупав пострадавшего, успокоил: — Явного ничего нет. Хотя сейчас он — как под наркозом, на боль может не реагировать. Оставим до утра. Протрезвеет — будет видно. Если что, прооперируем...

Маленького роста голубоглазый хирург говорил уверенно:

— Не волнуйтесь: с пьяными — еще не такое бывает! — И улыбнулся, блеснув золотой коронкой: — Тем более: под Новый год.

Однако наш подопечный в больнице оставаться не хотел и норовил уехать с нами.

От приглашения зайти к Кабаеву во второй раз я отказался: «Девушки ждут».

— Мы уж думали: загулял где! — укорили они меня за опоздание.

Елочку украсили они чем придется: были на ней и конфетки, и открытки, и карты... Все, что было в комнате красочного и блескучего, висело на ней: ленточки, бусы, флакончики, часики...

— А утюг? — предложил я, — вон как блестит...

Пахнет хвоей, духами... Девушки в нарядных платьях: Света — в темно-вишневом, Галка — в темно-зеленом, густого, елочного цвета. Волосы начесаны, подвиты. Глаза у них ярко блестят.

— Самое лучшее украшение елки — это блеск ваших глаз. У меня глаза разбегаются: на кого смотреть? Одна другой красивее! Косоглазие приобрету — отвечать будете!

— На меня смотри, Витенька! Я — помоложе, росточком — помене: меня на руках носить легче! — хохмила Галка. Она смирилась с неудачей, ее природная веселость брала свое.

— Ишь-ты, ишь-ты! — откликнулась Света, — на руки уже запросилась. Было бы за что...

— А он меня погладит, я замурлычу: мур-мыр-р-мур-р-р...

Так и болтали всякий вздор: смеялись, пытались танцевать, песни затягивали, вроде и весело, но — не то! Натянутое веселье!

Музыки не было, а тут еще и «кальвадос» я сделал очень сладким: в спирт вбухал много яблочного сиропа, и он плохо «шел»... Да, видно, дело и не в этом было! Нет-нет да и задумается кто-нибудь, улетит в мыслях далеко-далеко... Паузы возникали, тягостные, затяжные. Я и анекдоты пытался рассказывать: не смешно! А может, и не надо пыжиться? Грустно? И пусть грустят! А мне с чего веселиться? Мне самому не легче: ревность терзает, всякие картины возникают в воображении. У них-то, поди, веселье брызжет, музыка, огни, смех... Как бесшабашно-весело проводили мы эти часы прежде! Катались с горок, убегали в детский парк... крутили карусель... целовались украдкой... С каким трудом я вырвался в отпуск! Ехал с желанием поставить точки над «и». И что же? «... но услышал в ответ я опять слово «нет» — ну, когда же ты будешь со мной?..» «... подождем... проверим себя...» Сколько можно проверять?.. Возьму вот в Светку влюблюсь! Или в Галку... Вон какие симпатяги!

Света тихонько тянет: «Не жалею... не зову... не плачу...» Галка склонила ей на плечо темную головку и подпевает еще тише — ее грассирующий бормоток, словно аккомпанемент гитары. Кончилась тем, что она уткнулась Свете в грудь и захныкала. А у той тоже капризно изогнулись губы, покатились слезки, она склонилась к подруге и ее каштановые, крупным завитком, волосы спутались с черными...

Я вышел на улицу — пусть поплачут.

Первозданная темень. Безветрие. Тишь. Со всех сторон — темень и тишь. Нет: чуть слышные звуки аккордеона. Может, пойти на него?

Заглянул: как там подруги?.. Начальник и подчиненная спали в обнимку. Что им снилось? Где витали их души? Прикрыл дверь щепочкой и ушел «домой» — в контору...

Утром, в новом уже году, «слетал» в «порт» — так, на всякий случай. Там ни души — даже транзитники из Ларьяка где-то загуляли. Что ж, будем и мы праздновать! Погрустили, и хватит. Надо ли мне все время вздыхать о своей Дульсинее Сухологской?..

Когда я вернулся, «у нас» уже шло веселье: забрел гость, молоденький парнишечка, сын вчерашнего топографа, с аккордеоном; он лихо наяривал на инструменте и пел забористые частушки, заменяя кое-где слова междометиями или свистом.

С музыкой мои «канарейки» — так у нас звали девушек, с которыми «гуляли» — ожили. А когда к нам присоединились еще парни, веселье забурлило. После обеда толпой прошвырнулись по Вартовску — все обошлось благополучно.

На следующий день я улетел в Сургут. Праздник кончился, и Света «отозвала» Галку из командировки: записку главному геофизику Федорову мог передать и я...

На словах она просила передать, что операторы работают с браком, ее не слушают; у нее много вопросов по обработке материалов: она же всего второй год после института, а старший интерпретатор — Виталий Петров — все еще в Тюмени, с отчетом за прошлый сезон... «Петров? — удивился я — Виталий?.. Тот самый?» Оказалось: тот «самый»! «Баламут!» — сказала Света. «Очень даже пр-риятный мужчина... — не согласилась Галка. — Только женат...»

Виктора Петровича в Сургуте не было, я отдал записку его жене-»бабке», как звали ее все интерпретаторы. Зимой ей было скучно: под крылом только бехтинская партия — две Вали, Евдокия Бондаренко да бехтинша — Юлия Николаевна. Зато по весне! Съезжались все «невесты» с сундуками сейсмограмм — в камералке становилось темно, шумно, базарно... «Бабка», круглая, в бородавках, громкоголосая, квохтала над камералкой, словно клушка... В общем, отдал я записку и улетел в Русскинские. Потом в Тайлаково... Потом в Ларьяк... И так — до весны. В конце сезона, в апреле, вдруг обнаружил я в правом внутреннем кармане пиджака, где у меня обычно лежал платок... послание Светы к Виктору Петровичу. Сначала я тупо прочел ее. Перечитал... И тут меня бросило в жар: «А что же я передал Надеж-

де Афанасьевне — «бабке»?.. Точно, помню, как я сказал: «Светлана... просила передать... Виктору Петровичу» — и отдал. А что — отдал?..» Я начал перебирать варианты и вычислил: отдал свое письмо... к Вале. Точнее, начало письма. Там еще были такие слова: ... «милая хоть во сне покажись!»

И в таком духе — несколько строф...

Теперь мне стало понятным то оживление, которое я вызвал: хиханьки, хаханьки... переглядыванья, перешептыванье...

Смуглая, прогонистая, как под цыганку, Луся Бондаренко несколько раз заводила разговор:

— Скажите, Виктор, а у вас есть любимая?.. Девушка вашей мечты?.. Или, хотя бы, — которая вам нравится?..

— Виктор, посвящайте своей девушке стихи... Только не печатайте их в противных районных газетах! Как приятно быть хозяйкой стихов, обращенных только к тебе! Мой первый муж писал стихи — об этом знала только я. Они были — мои! Мы бы с ним не расстались никогда — он... умер...

В нескольких номерах местной газеты у меня были напечатаны стихи — о топографах («топиках»), о буровиках, о северной природе... Были они слабоваты, но искренни, вроде:

... Ты любишь юг, а мне по нраву — Север!
Его просторов снежных — новизна!
Его созвездий ярких — белый клевер!
Его неудержимая весна!..

Или:

... Весне здесь можно развернуться!
У приполярных берегов
меридианы даже гнуться
от плотных нынешних снегов!

Вот я и думал, что она цепляется к этим стихам, и отказывался от авторства, ссылаясь на уйму однофамильцев. Порой я отвечал односложно, чуть не грубо, стараясь прошмыгнуть в кабинет, под защиту Виктора Петровича. И этим, вероятно, подливал масла в огонь...

Так вот оно в чем дело!

Бедные Вали! Что вы думали обо мне?.. Ведь вас же, беззащитных, наверняка пытали любопытные женщины: кому из вас

были посвящены стихи?.. Ведь вон как ловко я подбросил признание: «Записка от Светы!..» — а кому?.. «Догадайся, мол, сама...»

Не раз приходилось мне бывать в кабаевской партии, открывшей Самотлорскую структуру. А позже на знаменитом Самотлоре — в начальной стадии освоения, при доразведке месторождения! Но в памяти все стоит эта первая поездка к будущей «жемчужине» Сибири, — водевильно-сумбурная, если бы не знать продолжения истории «героев», с которыми я встречался. Кабаев летом разбил «Волгу» и похоронил жену, чуть позже стал лауреатом Ленинской премии за Самотлор. Галка Басова-Ртвеладзе и Виталий Петров — не смогли «выпрыгнуть» из-под колесницы судьбы... Поэтому, вспоминая Новый год у Самотлора: я вижу их живыми.

ПОЕТ МОРЗЯНКА

В конце февраля 62-го года я прилетел в первую командировку в сейсмопартию №28/61-62, которая базировалась в поселке Покур. Самолет АН-2 сел на ледовую площадку. Заснеженный поселок располагался на высоком берегу и выглядел уютно. Санные колеи, раскаты на поворотах, выбоины от лошадиных копыт, пронзительно-острый запах конского навоза, укатанные лыжни по обочинам, втаявшие в снег клочья сена, — все напоминало мне детство, деревню Малышовку...

На вездеходе ГАЗ-47 меня подвезли к конторе — обычной деревенской избе, срубленной из смолистых, сосновых бревен, оттонированных временем до приятного шоколадного оттенка. От остальных усадеб эту отличало отсутствие, как здесь говорят, стаек — коровников с «вышкой», на которых хранят сено, да еще антенна, натянутая между двух высоких еловых жердей, говорила о том, что здесь имеют дело с радиоволнами.

В конторе работала камеральная группа: начальник и зам его отсутствовали: один был в «поле», т.е. на профиле в отряде, другой — «мышковал», как тогда говорили, по снабжению в Сургуте.

Камеральщики уже скатывали в рулоны сейсмограммы, собираясь по домам, когда вошел скуластый крепкий мужчина в распахнутой «радикулитке» — короткой меховой куртке с молнией, — без шапки. Из-под нахмуреных бровей строго пытались смотреть веселые глаза,, да и плотно сжатые губы только и ждали повода — чтобы раздвинуться в добродушной улыбке.

— Ты, что ли, будешь инженер Козлов? — спросил он с характерной, округлой какой-то интонацией. Не дожидаясь подтверждения, пригласил на выход движением брови, головы и руки: — Тогда на связь айда. На рацию. Начальник вызывает...

— Виктор Петрович? Федоров?...

Мужчина — радист, как я понял, — хохотнул:

— Че испужался?.. Не-а. Не Федоров, наш начальник — Кочнев... Владимир Алексеевич, начальник сейсмопартии. Со второго отряда. Он выезжает в первый отряд и хочет с вами переговорить...

На рации — в небольшой комнате — на длинном самодельном столе стояло несколько панелей, обвязанных между собой проводами; через рубильник на стене они были подключены к антенне. Недалеко от края стола прикреплен радиотелеграф-

ный ключ, рядом лежала амбарная книга. На одной из панелей висела телефонная трубка. На стене прикноплено предупреждение: «Посторонним вход воспрещен».

Иван Степанович (хотя радист представился Иваном, я попросил назвать его и отчество: был он лет на десять старше меня, а старших я тогда позволял себе звать если не полным именем, то, в крайнем случае — по отчеству) пощелкал тумблерами и протянул мне телефонную трубку.

На военной кафедре нас «научили» обращению с ротными полевыми радиостанциями: показали, как поставить антенну, включить питание, настроиться, дали связаться с соседней аудиторией, тут же поставили зачет и — все. И осталась у меня в памяти только антенна, оригинальность ее конструкции: в мешочке разнокалиберные катушечки, вроде тех, на которые нитки наматывают, и нанизаны они на мягкий стальной тросик; повернешь рычажок концевого зажима тросика — и вывострится эта, казалось бы, амфорная пригоршня железок ввысь гибкой салютующей шпагой! Эта антенна вызывала у меня странную ассоциацию: вот и человек иной выглядит так же аморфно — размазней этаким! — а случись что: напасть какая, идея ли захватывающая, а, может, и любовь неминучая, — и преобразиться человек, устремиться также в непостижимую, казалось бы высь...

— «Але, але», — передразнил меня Иван Степанович, — на клапан-то нажимай, голова садовая! Нажимай да кричи: «Второй, второй! Я — база, прием», и клапан тогда отпускай. Отпускай же!

Вроде и поговорил с Кочневым всего ничего, а взмок без привычки.

Пока приходил в себя после своего первого выхода в эфир (радиограммы — те морзянкой передавались, не в счет), представлял, как мой голос, преобразованный в радиоволны, уходит в просторы вселенной. Степаныч, как я стал звать радиста, связывался с отрядами, записывал в амбарную книгу сводку о проделанной работе, принимал заявки на продукты, запчасти, материалы, перемежая деловой разговор шутками, подначками. «Первый» грозился обставить, слышь, Анисимыч!» — говорил он «второму». Вечерняя связь была хорошая. «Степаныч, передай им, — усмешливо и четко сипел «второй», — в носу у них не кругло, чтоб за нами гоняться!»

Переговорив с отрядами, Степаныч одел на угловатую, стриженную под бокс голову наушники, положил мягко руку на отполированную кнопку радиотелефонного ключа, и, казалось, под его широкой, чуть подрагивающей ладонью, тоненько запелзачиликал, пробуя голос, только что вылупившийся цыпленок, требовательно запищал: пиу-пиу-пить-пить-пить!..

В ту, первую встречу с радистом Иваном Степановичем Пугиным только и выяснилось, что мы с ним земляки: он тоже родом с Алтая и что в Покуре он — старожил: с 57-го года работает радистом Покурской базы сейсмопартий, до 60 года — Новосибирского геофизтреста, после — Сургутской комплексной геологоразведочной экспедиции. Это — все, что он сам рассказал: расспрашивать малознакомых людей об их прошлом я стеснялся, да и не принято было в то время лезть в чужую душу и свою открывать — для исповеди...

В том же году встретились мы с ним как-то мельком в Сургуте, а затем Степаныч исчез надолго из моего поля зрения.

Родился Иван Степанович Пугин в праздничный день — 7 ноября 1929 года в селе Второе-Поломошное Новичихинского района Алтайского края, в крепкой крестьянской семье. Как и многим алтайским крестьянам, Пугиным пришлось в 31-м году переселиться чуть севернее. Так они оказались в селе Александровское Томской области. Там Иван Пугин окончил семилетку. В 47-м году он поступил, а в 49-м окончил ремесленное училище связи города Томска и получил специальность радиотелеграфиста.

(Что интересно. В аттестате №873, выданном на его имя, в качестве примечания приводиться п.10 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 года: «Установить, что все окончившие РУ, жел. дорожные училища и школы ФЗО считаются мобилизованными и обязаны проработать 4 года подряд в государственном предприятии в государственном предприятии, по указанию Главного управления трудовых ресурсов при Совнаркоме СССР с обеспечением зарплатой по месту работы на общих основаниях»).

В соответствии с процитированным пунктом «Указа» выпускник Томского РУ №7 Иван Степанович Пугин был направлен на работу в село Лукашкин ЯР Александровского района Томской области радиооператором. Проработал он в Лукашкином Яре восемь лет: заведующим агентством связи, начальником отделения. Там же сочетался он браком со своей ровес-

ницей Еленой Ефимовной; в 53-м году родился у них сын Владимир, а через три года — дочка Таня...

С геологией, как уже говорилось выше, связал свою судьбу Степан Иванович, в 57-м году. Работал в Покуре, Сургуте, Мегионе... Из Мегиона и на пенсию ушел в декабре 1985 года.

Профессией радиста он гордился, и в самом деле — работа радиста сама по себе интересна сопричастностью к чему-то высокому, возвышенному, космическому — к таинственному эфиру! «Поет морзянка!..» Да и только ли морзянка? Сколько их, знакомых и незнакомых — космических! — шумов и звуков воздействуют на слух радиста! И все ли они полаются человеческими приборами или естественными излучениями, нет ли среди них и фоновых излучений других — посланных братьями по разуму — сигналов!

Помимо этого, радиооператор обречен на встречи с интересными людьми! Длительное время Пугину приходилось практически ежедневно встречаться с такими известными геологами и руководителями, как Фарман Курбанович Салманов, Валентин Андреевич Гавриков, Степан Леонидович Каталкин и другими. В ожидании сообщений с буровых о результатах испытаний продуктивных пластов или срочного ответа на запрос они частенько приходили на рацию, жестоко распекая подчиненных или, наоборот, поощряя... В экспедиции радист — самый информированный человек, а поэтому и весьма уважаемый, независимо от личностных качеств. А Иван Степанович к тому же был доброжелательным и обязательным человеком, компанейским товарищем. (К слову сказать, все радисты, с кем мне приходилось иметь дело за более чем три десятка лет работы в геологии, обладали притягательной, располагающей аурой).

В середине 60-х годов Пугины на несколько лет уезжали в Краснодарский край: врачи советовали Елене Ефимовне сменить климат; там она работала в виноградно-винодельческом совхозе «Геленджик», Иван Степанович — радиотехником в морской геофизике. Через несколько лет они вновь вернулись на север.

Дети Пугиных выучились, стали самостоятельными людьми со сложившимися судьбами. Сын, Владимир Иванович, в 75-ом году окончил Тюменский индустриальный институт, живет в Мегионе, работает заместителем начальника цеха крепления скважин Мегионского бурового управления. Дочь, Татьяна Ивановна, историк, она изучала курс наук в Тюменском госунивер-

ситете. Сейчас живет на Украине — на родине мужа-украинца, работает в школе, преподает историю братской республики.

Иван Степанович, после выхода на пенсию, вовремя сориентировался и купил в Днепропетровской области, до обвала рубля, приличный домик с садом в местечке с поэтическим названием Кринички... Первое время, получая пенсию в 132 рубля, жили Пугины в Криничках совсем даже неплохо: могли позволить себе и путешествия... в Мегион! С установлением границ, когда они оказались в ближнем зарубежье, жить стало труднее (впрочем, пенсионеру и в Мегионе не легче, разве что окрестности роднее).

Когда мы виделись с Иваном Степановичем в последний раз, он работал старшим инженером базы производственного обслуживания Мегионской экспедиции, руководил подбазой на Комарах, достаточно большим, надо сказать, хозяйством.

— А все же, хоть по столу, пальцем, ногтем — стучишь морзянку? — с шутливой подначкой спрашиваю его. — Или во сне только?

Хохотнули оба. Помолчали.

— Чего скрывать: поет во сне морзянка, — вздохнув, признался он, — поет! Да так, другой раз, настойчиво, что — просыпаюсь! Все позывные переснились!..

... А сейчас Ивану Степановичу снятся наверняка позывные севера!

В зените, луна — словно солнышко в тропиках...

Сколько знакомых! —
геологов топиков
сейсмиков! — словно в балке.
тесно стоят в растревоженной памяти
и приглушенно галдят
Сами, должно быть, давно уже
парни те
в спальниках праведно спят —
только в ушах все отчетливей слышатся
верные их голоса
Снег под ногами, как ртуть,
чуть колышется
В небе плывет полоса
за самолетом
Как белая тропочка
к северу вьется она
Тает луна, словно летнее
облачко
Молодость в дымке видна

БАГРАС — НАЧАЛО ПУТИ

МЕТАМОРФОЗЫ

Как быстро время годы гонит!
Бегут, как полая вода...
И вот —
Я снова в Мегионе.
Душа, как прежде, молода.
Опять порывисты движенья.
Походка легкая...
И вот,
как бы в кино,
воображенье
включает вдруг обратный ход:
и все дымы —
из дальних далей
и эти,
ближних факелов,
став газом, нефтью,
в пласт вбежали,
как джин:
в кувшин и —
был таков...
Деревья встали из лежневок —
осинник, ельник, кедрачи...
Но и бетонка
с тихим ревом
в карьерах грохнулась в ночи...
Нет пленки нефти на Баграсе,
на Меге,Покуре, Оби...
Пейзаж по-своему прекрасен:
даль безмятежна,
гладь рябит...
Стоят невзрачные домишки
вдоль Меги...
Берег невысок.
А рядом — с ананасы! —
шишки
роняют кедры на песок...
Но вместо нас — другие люди
ведут разведку... Кто они?

Где и когда открытья будут?..
Что с ними станет в наши дни?...
...Приехал в гости из Сургута
я к Зеравшану в Мегион.
Хотя как будто в институте
и не был близким другом он, —
мы обнялись с ним, словно братья,
проговорили до утра...
Уснули на одной кровати...
Хозяйка долго нас трясла:
— Пора, касатики, на вахту!
Гляди-ко — эко крепко спят —
хоть заводи под ухом трахтор...
...Хозяйка, не буди ребят...
Как ясны были дни учебы,
и как прекрасен был процесс
познанья в институте —
чтобы
контрастней подчеркнуть —
в бурцех
жизнь окунула нас с макушкой!
На каждом слышится шагу:
— Кто будет это делать? Пушкин?
— А ну, давай — без «не могу»!..
Так до отказа был напичкан
год
ежедневной новизной,
что он казался необычной
и затянувшейся весной!
Еще бы! —
нынче знают в мире:
ведут потомки Ермака
вглубь
освоение Сибири
от Меги и Усть-Балыка!..
А время годы — гонит, гонит...
Бегут, как полая вода...
И вот я снова в Мегионе:
а верно ли я шел сюда?..
Рассудок успокоить можно

расчетом, логикой...
А как
быть с сердцем?
На сердце тревожно:
а вдруг я жизнь прожил не так?
Но жизнь прокручивая снова,
я отвечаю на вопрос:
у жизни честная основа,
была у нас она сурова,
терзал нас гнус
и жег мороз.
И по заслугам, в общем,
слава
своим любимцам воздала —
(не всем по силам
были лавры, —
избыток, он ведь,
как отрава,
а недостаток,
как хула)...
И все же — годы, годы, годы! —
прикрас не нужно нам сейчас...
Прошу прощенья у природы:
у вас, леса,
ручьи, у вас...
Винюсь,
как самый окаянный.
Лишь горько мне порой до слез,
что рядом
вместо покаянья
идет сеанс метаморфоз.

МОЙ ПУТЬ НАЧИНАЛСЯ С БАГРАСА..

Владимир Михайлович Литвиненко родился 12 августа 1944 года в городе Колпашево Томской области. Отец его, Михаил Александрович, в боях под Ленинградом получил тяжелое ранение и, пролечившись в госпиталях полтора года, был признан негодным к службе, вернулся домой и, как многие бывшие фронтовики, сапожничал: времена трудные, новую обувку приобрести было сложно, и люди латали старую. Мать, Екатерина Никифоровна, управлялась по хозяйству: дети пошли (четыре сына, четыре дочери, но одного — еще малого — Бог прибрал).

В 1949 году началось строительство буровой для проходки Колпашевской опорной скважины, и Михаил Александрович устроился буровым рабочим в Колпашевскую нефтеразведку. Через несколько лет он окончил курсы бурильщиков знаменитой Черногорки и стал руководить вахтой буровиков. Нефти тогда колпашевцы не нашли, но скважины стали источниками целебной минеральной воды, на их базе ныне создается водолечебный курорт. В Колпашево Литвиненко работал до 58-го года, там же и старшие дети в школу пошли. Сын его, Владимир, с малолетства бывал на буровых и видел отца за его «железной» работой. Затем буровая бригада была переведена в Сургут, а Литвиненко задержался в поселке нефтеразведки и был направлен в Нижневартовскую партию глубокого бурения.

База Нижневартовской нефтеразведки располагалась километрах 2,5 от старого (по-нынешнему) Нижневартовска, там, где ручеек впадал в Обь. Через болотину был проложен деревянный тротуарчик для сообщения с поселком. Так началась нижневартовская жизнь семьи Литвиненко.

Владимир Михайлович стал учиться в средней школе. В летние каникулы он на отцовской буровой подрабатывал, в 59-м, после восьмого класса, работал на строительстве буровой Р-1 на Баграсе. Вышку тогда собирали стрелами; его, конечно, до работы на высоте не допускали: он делал посильную работу на земле, вроде — расплести трос на трени для оттяжек, сколотить перила, переходы, просто подать, принести... И опыта набирался, и семье — помощь...

Буровую монтировали с помощью сургутских вышкомонтажников, а бурила бригада Норкина. Монтировали и бурили

медленно и долго, но тем не менее, в апреле 1961 года из окон школьных хорошо было видно дымное облачко со стороны Баграсской протоки: первая же скважина, пробуренная на Аганской площади при испытании дала большую нефть! И десятиклассник Литвиненко Владимир Михайлович считал себя чуточку причастным к этому открытию! Синеватое, с грозовой лиловостью, облако приковывало взгляд и вызывало смутные ожидания грядущих перемен...

В семье Владимир был вторым. После получения аттестата зрелости отец ему сказал: «Десятилетку кончил — молодец! А теперь, сынок, помогай становиться на ноги младшим!»

В Нижневартовской нефтеразведке тогда была одна буровая бригада — Григория Ивановича Норкина. Начальником разведки в то время был Иван Яковлевич Высочинский. Молодого Литвиненко принял он на работу помощником дизелиста в буровую бригаду.

Работать Владимир начал не в отцовской вахте, а у Анатолия Абросимова. Первым наставником его стал дизелист Зиновий Мартемьянов.

Второй номер располагался на мысу в месте впадения Баграса в Мегу. Запомнился он Владимиру авариями и авральными работами. Разгрузка цемента и цементажи — общебригадные работы: ведь все делалось вручную! Ему, неокрепшему юноше, тяжело приходилось состязаться с втянувшимися в буровицкую работу «стариками»: те, по мешку цемента под мышку, да еще и рысцой, он, хоть и на плечо, а — заносит его со стороны в сторону (пятьдесят килограмм — мешочек-то!). ... А тут еще авария с колонной. Забой был около трех тысяч метров. Эксплутационную колонну осталось метров двести спустить и — полет...

В 63-м году на 3-й номер прислали из Сургута бригаду Малинина. До двух тысяч они доскреблись, а потом дела не заладились: того, сего не хватало, «химии» для обработки раствора — ствол стал осложняться... С питанием неувязки... Буровая была на Нижневартовской площади, километрах в пятнадцати от Баграса. Распутица в апреле наступила. Никакого сообщения. А на Первомай как шарахнет — 330С. Все опять сковало! Малининцы — человек восемнадцать их оставалось, остальные уже местные были, — и драпанули по льду в Сургут.

В 1964 году — уже второй год Мегионская НРЭ существовала — сформировалась бригада Семена Малыгина. Владимир Литвиненко перешел в нее. (С отцом, говорит он, вместе работать «не ли-чи-ло»!).

В 1962-63 г.г. жили Литвиненко на Баграсе, затем перебрались в Мегион. Владимир Михайлович отучился на курсах дизелистов при ГПТУ №7 и получил «корочки» дизелиста. А в 1965 году формируется молодежная бригада Анатолия Курбатова, и Литвиненко переводят к нему дизелистом, через два года он — уже старший дизелист этой бригады. Бурили они в районе Покура. Суровую трудовую школу проходили они. Энтузиазм, одержимость, природная смекалка помогали выходить из, казалось бы, безвыходных положений. Из множества эпизодов, составляющих жизнь Литвиненко-младшего приведу парочку.

Бурили на Покуре... Буровой станок старый, с одним насосом. И надо же — он вышел из строя! Нужно менять приводную шестерню, а она с валом весит без малого пять тонн. Дороги нету, а на вертолете МИ-4 на подвеске не увезешь. Безвыходное положение? Главный механик экспедиции Капиш Абраев (по прозвищу «отрежь-привари») дает команду вырезать поврежденную часть зубчатого колеса; по «образцу» на базе вырезают точно такую же часть из шестерни с целыми зубьями, и на буровой приваривают на место. Естественно, необходимой точности не было обеспечено, грохот такой стоял, что к насосу подойти страшно, но — скважину добурили, выдюжил насос! В противном случае ствол пришлось бы после длительного простоя перебуривать заново.

Зима 1969 года жестокая была. На Самотлоре Абраев навялил станок-развалюху. В морозы под 50 перебрал Литвиненко все оборудование со своими кадрами, по сути, из металлолома да из запчастей собрал бурстанок. Пробурили этим станком 33, 31 номера... А там — сухого места нету: на кочках буквально монтировались! Бурить начинаешь — все ходуном ходит! В конце марта забурили 90-й номер. В апреле, как часто бывает, развезло, а в начале мая, когда каротаж закончили, мороз — 33 градуса шарахнул. Озера вновь застыли (забереги).

Каротажники знали, что «Михайлыч» — заядлый рыбак и охотник. Стали уговаривать: своди на рыбалку! В стороне было озеро в километрах полутора, он их и повел туда: окуни на мормышку брали. Озеро большое, берега крутые. Несколько

простеньких строений: летом сюда геологи из какого-то НИИ наезжали. Посреди озера островок малюсенький, кедрач на нем. И оттуда лай истошный: собака на буровой была, без охотников, ради «спортивного» интереса глухарей, лосей облаивала. Каротажники говорят: «Михайлыч сходи, посмотри — чего она там? Не отстанет ведь, весь день будет тявкать». Пришлось идти. Одет Литвиненко был в болотники и телогрейку, в новой двустволке патроны с дробью. Да в кармане телогрейки пять патронов. Обошел островок — ни песца, ни глухаря. Потопал обратно, да как кто под ребро толкнул: вернулся, к собаке приблизился. Та, ободренная присутствием «человека с ружьем», поглубже под вывороченные с корнем кедры сунулась, потом — стремглав выскочила, а за ней — черной молнией — медведица... Первым желанием было — бежать! Бесполезно... Перезарядить? Сунул руку в карман за пулей. Не успею! А медведица перестала преследовать собаку, возвращается к брошенным медвежатам. А материнский инстинкт у медведиц — силен! Подождать бы — пока она, тормознувшись на заду, метра за два-три, встанет, чтобы стоя, передними лапами заломать человека, но — не выдержал Михайлыч, выстрелил пулей в бегущую медведицу. Попасть-то попал, да только ранил не смертельно — в переднюю лапу. Крутанулась она, было, на месте, и снова стала приближаться. Переломил он двустволку, гильзу на ощупь выкинул — взгляд от зверя отвести не мог! — а новый патрон с пулей никак не вставляется! Ладно, подумал, лупану дробью! Нажал на курок — клац! — а выстрела нету. На другой курок — то же самое... Патрон с дробью, а не стреляную гильзу выкинул! Вот уж действительно — как в кино, вся жизнь промелькнула, но наплывом. А на фоне этого «кино» — титрами! — мысль: надо успеть нож из сапога достать и брюхо ей вспороть. А она — рядом! Бежать! И они стали бегать вокруг островка... Поскользнись он и — все пропало! Собака же — медвежат держит! Ситуация... Медведица уже клок ваты из телогрейки выдрала... И тогда решился Литвиненко на последнее: развернулся, приклад зверю в пасть и — толкнул... Пока она занималась ружьем — швыряла его, он успел выхватить охотничий самодельный нож и всадить ей в брюхо, распоров его... В разодранной одежде, в крови предстал он перед каротажниками, сидевшими у лунок. «Михалыч, что с тобой?», а он, запаленный, припал к лунке и пил и не мог оторваться... Мед-

бежат, пока они не стали опасными, держали на буровой. (Рассказывая о своих приключениях, Владимир Михайлович оживился, ввалившиеся глаза его из-под густых бровей азартно засверкивали, на смуглых щеках появился румянец. «Рыбалка, охота — страсть моя еще с детства, с Колпашева!» — пояснил он).

В Мегионе Владимир Михайлович познакомился с выпускницей Тобольского пединститута Людмилой Петровной Поповой, преподавателем литературы и русского языка, и выдержал, как сейчас он выразился, конкуренцию: она приняла предложение и вышла за него замуж. Было это в 1967 году. На следующий год у них родилась дочь Аленка (сейчас она живет в городе Томске). В 1971-72 г.г. Литвиненко работал в ГДР в группе советских специалистов. Там у них (в городе Шверин) родилась вторая дочь Ирина, которая живет и работает в Мегионе.

Вернувшись из ГДР, он снова стал трудиться в Мегионской НРЭ старшим дизелистом, снова почувствовал себя в родной стихии! Там — у немцев — все строго по регламенту, инициативу проявить — не моги! Заводы-поставщики в течение двух лет сами проводят все регламентные работы, вышедшие узлы в полевых условиях не разбирают, а меняют на новые. У них на дизелях не как у нас электростартеры, а — пневмомоторы: легкие, компактные. Однажды он, скорее ради интереса, перебрал вышедший из строя такой пневмопускатель, кое-что подправил, — и он заработал. Немецкие товарищи подивились его мастерству, но сам факт ремонта не одобрили.

Мегионская экспедиция, наращивая ежегодно объемы, стала со временем трудноуправляемой, и от нее отпочковалась Восточно-Мегионская экспедиция; часть специалистов перешла на новое место. В 1979 году к «восточникам» (так стали звать работников новой экспедиции) перешел и Литвиненко. Коллектив экспедиции непритершийся, буровые бригады летали с Украины, к работе в северных условиях были не приспособлены. Отсюда и высокая аварийность в бурении, и частный вывод из строя оборудования. Владимиру Михайловичу пришлось у «восточников» покрутиться: и слесарем работал, и механиком, и зам. начальника БПО... И тут пригодился опыт работы в ГДР: буровые установки пошли с польскими дизелями «Воля», аналогичными германским, на которых он работал в загранко-

мандировке: дизеля эти были более мощные, чем наши, и с большим моторесурсом; этими дизелями он комплектовал, по возможности, и старые станки.

В 1979 году Владимир поступил в Тюменский индустриальный институт, заочно окончил его в 1985-м и сменил специальность: стал работать буровым мастером...

В этой ипостаси я и познакомился с ним на одной из первых его скважин на Аганской площади.

Я подивился его неуемной энергии, мастерству на все руки: он и подменял бурильщика, ушедшего на обед, и подвозил с вертолетки на тракторе присланные заказы, и с цементировочным агрегатом управлялся, замерял параметры раствора, проверял остатки ГСМ, со слесарем или дизелистом копался в оборудовании и справлял обычные обязанности мастера: заполнял рапорта, выходил на связь, давал задание вахтам, вел всякие журналы. И частенько, не раздеваясь, вздремывал на ларе, в котором хранил всякую мелочевку дефицитную, в прихожей культбудки. Вместе с тем, такой стиль работы я не одобрил и попенял ему: «За всех, Михайлыч, ты все равно не управишься!» На что он мне отвечал: «Мне, Николаич, лучше самому сделать, чем смотреть, как он будет телешиться, собираясь и позевывая...» Я ему доказывал, приводил примеры. Он в чем-то соглашался, но и в другой раз вел себя также: «Я сам!» Со временем, под стать мастеру, сформировался и «итээр-ский» состав бригады: старший дизелист, слесарь, электрик. Универсальность вахты позволяла значительно сокращать «окна» между окончанием скважин и забуркой нулевок, особоненно — когда доводилось приходилось работать на одной площади, как это было на Аганской. Пока монтажники заканчивали монтаж, устраняли замечания и недоделки, буровики, пользуясь их транспортом, кранами, перевозили свое хозяйство, укладывали инструмент, кондуктор, отлаживали и прокручивали оборудование. Конечно, людям на нулевке, и на заканчиваемой скважине (тоже неизвестно: как каротаж пойдет, как спуск колонны дастся, — случись задержка, «бригада надолго станет «нараскоряку»!) приходилось поступаться отдыхом, зато — и заработок будет, и честь трудовая возвысится! На Ново-Аганкой, Западно-Тагринской и на самой дальней — ближе к Уренгою — Еркальской площади довелось поработать его бригаде у «восточников», пока не наступили другие времена: свертывания разведки...

В 1989 году «восточники» слились с «мегионцами», и Владимир Михайлович Литвиненко работал буровым мастером, до выхода на пенсию, уже в Мегионской комплексной нефтеразведочной экспедиции. Но бурение, как говорят, оно и в Африке — бурение! Оно везде требует мастерства, знаний, здоровья, а Михайлыча стала «доставать» профессиональная хворь — радикулит...

Выйдя на пенсию, он годик отдыхал, «ремонтировался», а в 1998 году сменил «железо» на «дерево»: устроился столяром в детсад, стал ремонтировать детскую мебель. При деле, зарплата какая-никакая, работа рядом с домом, внучки на глазах (у него две внучки: Даша и Настя). И выходные, праздники, как положено. Стружки смолой пахнут, березовым соком... Хорошо! Жаль вот, на рыбалку не сходишь, с ружьишком в свободную минуту не пробежишься, как бывало на буровых.

Окинет иногда Владимир Михайлович свой жизненный — 35 лет в геологии! — трудовой путь: правильный он был, неправильный? Бог весть, одно ясно — начинался он с Баграса, и шел по нему юношей и зрелым человеком неравнодушно и мужественно, не уклонясь от встречи с судьбой.

МЫ ЖИЛИ ПО СОСЕДСТВУ..

Степана Леонидовича Каталкина я знаю с очень давних лет — года с 65-66-го, когда он был главным инженером Мегионской экспедиции. Ближе познакомились в его бытность начальником производственно-диспетчерской службы Главтюменьгеологии, когда он переехал с семьей в Тюмень. А с 1974 года мы стали с ним соседями по площадке, и отношения наши соответствующим образом трансформировались. Впрочем, года через полтора я вернулся на север, чуть позднее — он тоже, но отношения так и остались — соседские.

Внешний облик Степана Леонидовича — круглое простецкое лицо, кряжистая увалистая фигура, журчливый, круглый говорок, — за исключением разве что глаз: быстрых, зеленоватых, чуть выпуклых, как у окуня, увеличенных стеклами очков, — не соответствовали его натуре, характеру: действовал он быстро, решительно, как упоминавшийся уже окунь, «наживку» брал без хитроумных прикидок и сомнений. Должности главного инженера, начальника экспедиции или начальника производственно-диспетчерской службы и подобные им зачастую требуют мгновенной (и единственно верной!) реакции и затем твердости в ее реализации — как раз и соответствовали его «реактивной» натуре. В житейских ситуациях он так же, мне кажется, «автоматом» принимал быстрые и правильные решения.

Здоровья он был отменного; по крайней мере, так казалось со стороны, на сложных технологических операциях или авариях мог не спать по двое-трое суток, затем, после краткого отдыха, снова выглядел как огурчик! Казалось, и все физиологические процессы у него шли быстрее, чем у его сотоварищей: пища переваривалась быстрее, а алкоголь — так просто горел! В связи с этим вспомнился давнишний случай. Я летел в отпуск с семьей. В Сургуте остановился у Степана Леонидовича: он холостяковал, семья была в Тюмени. Пока я с Каталкиным решал какие-то остатние дела в объединении, моя жена, как договорились, накупила зелени и сделала нашу фирменную окрошку («чтоб ложка стояла!»). Я прикупил (в расчете на вечер) несколько бутылок спиртного. Под окрошку незаметно мы выпили с ним чуть не литр! Жена, обнаружив это, напустилась на меня: «Ты — в отпуске, а Степе — на работу! К трем

часам, он говорил». «Галина Ивановна! Не беспокойтесь! — отозвался Степан Леонидович, устраивавшийся в другой комнате на диване. — Полчасика кимарну и — порядок! Шофер без четверти заедет...» Он посапывал, а меня жена все пилила. В назначенное время явился водитель, и Степа — свежий, словно после ночного сна, добродушно взгыркивая, поехал на работу; вернулся он, как обычно, уже часов в восемь вечера...

Только с его работоспособностью, здоровьем, бодрым, неунывающим духом можно было вынести все служебные перипетии, житейские невзгоды, на которые так щедра судьба нефтеразведчика его поколения. Но и на радость открытий и счастливые взлеты первооткрывательства она не скупа. И все это в полной мере испытал Степан Леонидович Каталкин. И постоянно рядом с ним была его вторая половина — жена Нэля Евстафьевна, в девичестве Волкова, сибирячка из города Колпашево Томской области (сам Степан Каталкин тоже уроженец этого городка). У Каталкиных трое детей: Люба, Игорь, Олег; есть и внуки...

С Нэлей Каталкиной мы познакомились, ставши соседями, и с тех пор храним самые теплые впечатления от общения; Нэля — светозарный человек, иначе не скажешь, и внешне, и внутренне. Она — настоящая домохранительница! Поэтому, как говорят, у Степана Леонидовича был надежный тыл: Нэля — яркий пример настоящей подруги сибирского нефтеразведчика!

Сейчас Каталкины живут в Сургуте. Я попросил Нэлю написать что-нибудь о своей семье, о первых мегионских впечатлениях. Вот что она мне прислала вместе с фотографиями из домашнего архива...

«Степин отец — Леонид Степанович, 1901 года, уроженец Курской области; он погиб 8 марта 1942 года под Ленинградом. Мать его — Пелагея Степановна Орлова, 1941 года, твоя землячка — с Алтайского края. Было у них три сына, Степа — средний; назвали его Степаном в честь дедов. Отец его до войны работал грузчиком. Мать после гибели его вышла за Останина Федора Федоровича, и он стал Степиным отчимом.

В их семье было семеро детей. Степан один их всех получил высшее образование, окончил Московский нефтяной институт имени Губкина. Во время учебы ему никто не помогал, он подрабатывал, но институт окончил. В 1960 году он приехал в Колпашево, после того как распределился в Тюмень, чтобы повидаться с родителями. Но встретил меня, и через месяц мы

справили свадьбу. Через два дня после свадьбы мы уехали в Тюмень. Он опоздал немного с прибытием, но все обошлось, и его направили в Сургут, в экспедицию.

В Сургут мы приехали в сентябре 1960 года. Здесь он проработал около года и в 1961 году уехал один в Мегион; к этому времени у нас родилась Люба, и я осталась с ней в Сургуте. В 1962 году, в октябре, мы на барже уехали в Мегион; жилья никакого там не было, и мы остановились у Васечко... Потом, с горем пополам, дали нам половинку балка. Все, что привезли из Сургута, я перетаскала на своих плечах в балок, так как Степан сразу же уехал на буровую. Одиннадцать лет мы жили в Мегионе, а в 1973 году его перевели в Тюмень. В Тюмени мы прожили пять лет. Потом Степан уехал на Харасовей. Тогда Карская экспедиция, первая в СССР, стала работать вахтовым способом и была на виду. О Степе был снят документальный фильм — «Впереди океан». Телевизионщики были и у нас на тюменской квартире, нас тоже всех показывали по телевизору, т.е., меня с детьми...

Виктор ты просил написать о пароходе — название его запамятовалось, но он стоял во льдах зимой; на нем жили «условники» (условно-досрочно освобожденные). Они ходили на работу, а на пароходе у них было жилье и столовая. Я работала бухгалтером-калькулятором и мне приходилось туда ходить. Случалось, условники приставали. Из-за этого бывали стычки между ними и нашими. Володя Коломасов, Володя Бузинов, друг Степана, москвич, учились вместе, жили в деревянном доме у нас за стеной, Толик Гольдин, тоже москвич, соседом был. Однажды зэки зашли к нам домой без причины. Я дома — одинешенька была... Так ладно соседи оказались дома: большая драка была!.. Тесно жили! Ко мне сестра моя Галина приехала. Потом степины братья: Геннадий и Володя... Какое-то время все жили в одной комнате. Потом Галине справили свадьбу, Геннадию... Кстати, Галин муж Толик Лифарев, 34 года проработал в Мегионской экспедиции. Гена Останин тоже долго работал. Но оба умерли. У Степы живы еще три сестры в Колпашево, там же и мой брат Волков Виктор Евстафьевич. Родители, и Степины, и мои, похоронены в Колпашево.

Виктор, делаю наброски по-быстрому.

Я в Мегионе в ОРСе геологии проработала двенадцать лет.

Степа перед пенсией последние девять лет работал в Сургуте в Управлении буровых работ (вахтовое, из г. Мирного с Волги). От них и на пенсию пошел.

Из фотографий — посмотри, что можно выбрать.

Тебя — с прошедшим праздником, Галку и девчат — с наступающим 8 марта!

Всех вам благ. Нэля.»

... Я рассчитывал встретиться с Каталкиными на 40-летнем юбилее Мегионской нефтеразведочной экспедиции и поговорить более подробно о «тех» годах. Позвонил им в Сургут, сказали: «Будем! Приглашение от «Славнефть-Мегионнефтегазгеология» получили...»

Накануне предполагавшегося приезда еще раз позвонил: обязательно сразу к вам!

— Получили полный отлуп! — Степан Леонидович смеется округло, сатирически: — Денег у них нет! Пригласить ветеранов, которые — и Самотлор не только открыли, но — разведали! Трудом которых — орден «Знак почета» экспедиция получила... И — отлуп! От Сургута до Мегиона — для ветеранов, дороже, чем от Мегиона — до... хрен знает куда — им! Да нам и нужно-то — всего лишь встретиться бы... Когда теперь доведется?

К 40-летию МНРЭ выпустила компания «Славнефть» аж в Санкт-Петербурге фотоальбом с текстовкой. Все нынешнее руководство компании, объединения и экспедиции представлено в нем с напутственными монологами, есть там и исторические экскурсы... Нет там лишь упоминания ни о С.Л. Каталкиине, о В.П. Печорине, о В.А. Гаврикове и других — истинных! Первопроходцах... Пусть будет стыдно авторам и спонсорам этого издания! В конечном счете, история все расставит на свои места. Одно ясно: первооткрывательство — что первородство...

НЕРАВНОДУШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

I

На базе производственно-технического оборудования и комплектации собирали подъемники для капитального ремонта скважин, закупленные у одной из американских фирм. В сборке участвовали шеф-монтажники, представители экспортера. По-русски они не знали ни слова, с хозяевами подъемников общались через переводчика.

Упаковка, окраска оборудования, яркая, контрастная, дизайн в целом, техническая документация, — все было на уровне, и это все вызывало у некоторых наших специалистов слишком подобострастное восхищение.

— О'кей! Олл райт! — говорили они любезно американцам. Особенно усердствовал главный механик управления, пожилой уже специалист.

— Как вам не стыдно лебезить перед ними! — не выдержал Николай Геничев, старший мастер КРС. — Вы, пожилой человек! Это они должны говорить нам: о'кей! спасибо за покупку! И сели уж на то пошло, чем хуже наши, баррикадовские например, станки? С лифтом для верхового! Или кунгурские подъемники?! Упаковка вас рекламная прельщает! «Иностранное качество»! Хотя бы уж там, где наше качество не уступает, не пресмыкались бы: гордость имели российскую, толику патриотизма!

Николая Васильевича успокоил случившийся на площадке главный инженер управления...

Урок российского патриотизма незадачливому механику преподнес Николай Васильевич Геничев, болгарин-сибиряк.

II

В предместьях старинной крепости Измаил (ее в 1790 г. штурмом отбил у турков А.В. Суворов) поселилась колония болгар. Более века жили они под юрисдикцией России, а в 1918-40 г.г. — боярской Румынии. Многие из них приветствовали приход Красной Армии в 1940 году, однако, начавшаяся советизация воссоединившихся земель не для всех обернулась благом. Дед Николая по матери, в прошлом российский офицер, с сыновьями был выслан в Ухту, не вынес тягот и скончался на этапе; сыновья выжили чудом. Родители — Геничевы (Ген'чевы) Василий Федорович (1901 г.) и Вера Анофриевна

1912 г.) были выселены в Томскую область; там, в селе Шутовском Парабельского района они работали в колхозе вместе с другими ссыльными: латышами, прибалтийскими и поволжскими немцами. В Шутовском и родился в семье Геничевых 12 декабря 1948 года третий ребенок, названный Николаем. Вскоре умер Василий Федорович, и осталась Вера Анофриевна с тремя детьми на руках: Надеждой, Борисом и Колей.

В 1956 году переселенцы были восстановлены в гражданских правах, до этого же шагу не могли сделать без разрешения комендатуры. Получив право выезда, многие, особенно люди старшего поколения, устремились в свои родные места, бросая или распродавая за бесценок нажитое трудолюбивыми руками хозяйство в местах вынужденных поселений.

Вернулся под Измаил и кое-кто из геничевской родни...

И что интересно. Люди, которые определяли судьбу своих земляков: высылать или не высылать (у одного дом понравился — надо было конфисковать, у другого — тарантас с жеребчиком, у третьего — сад-виноград и т.п.), — эти люди не только не приумножили добра, но и конфискованное не сберегли, а землю — запустили.

Вернувшиеся из ссылки, им мстить не стали: больно уж жалко они выглядели, и принялись восстанавливать порушенное.

Вера Анофриевна Геничева свозила детей на свою родину и вернулась в Сибирь. В 1957 году она пошла работать в нефтеразведку.

III

Километрах в пяти от Шутовского находилась Нарымская нефтразведка — в Чистом Яру. Начальником нефтеразведки был Василий Тихонович Подшибякин; с его сыновьями Николай Геничев ходил в школу (оба сына, Вячеслав и Александр, надо заметить, пошли потом по стопам отца).

Летом 1959 года Чистый Яр опустел: люди с домашним скарбом и всей живностью (обычное дело в то время!) и даже дома, — все было погружено на баржи и караван двинулся на север по Оби. Первоначально людей выгрузили в бывшем поселке леспромхоза на Кулуегане. Место это для обитания было малопригодным: дома-развалюхи, поселок совершенно не продувается, гнуса — тьма! Не продохнуть! Пацанам приходилось лагерь дымарями обкуривать. Люди начали было обустраивать-

ся. И тут снова баржа: переезжать! Привезли на новое место — в Посол. Другое дело: берег высокий, веселый, продуваемый. И дома... Добрым словом вспомнили нефтеразведчики бывших ссыльных: в домах даже шторки были оставлены! Печи, стены — недавно беленые. В огородах — посадки ухоженные, не порченные! Все растет: ячмень, овес... Даже овечек не взяли. Осталось в поселке, как помнится Геничеву, из прежних жителей одна-две семьи, в т.ч. Кошелевы. Новоселов-нефтеразведчиков было пятнадцать семей.

Взрослые строили буровые, бурили первые скважины, дети в меру сил помогали им и были в курсе всех событий: история «открытия века» рождалась на их глазах... Педагогами работали, как правило, члены семей нефтеразведчиков. В начальной школе на Ермаках, например, преподавали жены буровиков Павлюченко и Меджевского. А вот пятиклассникам приходилось ехать в Мегион — в интернат. Школьники той поры общались с ныне легендарными людьми-нефтеразведчиками, лауреатами, Героями, орденоносцами, первооткрывателями, — на бытовом уровне: запросто, по-соседски, по пути на рыбалку, в школу, на ту же буровую. И сами вливались в семью нефтеразведчиков порой еще зелеными подростками.

В шестнадцать лет начал работать и Николай Геничев. Сначала, как говорят, на подхвате: выполнял посильную работу. Любознательный и сметливый юноша все схватывал на лету, за что бы ни брался. В семнадцать лет он оказался в буровой бригаде Григория Норкина, когда она бурила первую скважину на Самотлоре, в должности лаборанта-коллектора: ему пришлось принимать «роды» у ставшего вскоре знаменитым Самотлора. Юный Геничев парафинировал и описывал первый нефтеносный керн уникального месторождения...

В восемнадцать лет Николай стал полноправным членом вахты — работал помощником дизелиста в буровой бригаде Семена Малыгина.

Профессия дизелиста в то время считалась весьма почетной. Наставником его был известный специалист Константин Дубов. В дизелях большой дока: на слух мог определить любой сбой в работе двигателя! Доброжелательно, не тая секретов, передавал он своему ученику и помощнику тонкости своей многосложной профессии. И Николай Васильевич с благодарностью перенимал его опыт: окончил курсы дизелистов и стал

самостоятельно управлять силовым хозяйством буровой. В течение восьми лет, в мороз и зной, в дождь и снег дизеля под его неусыпным присмотром рокотали приемисто и мощно. И все же, как это нередко случается с дизелистами, оказалось, что душа-то у него — буровицкая! Дизеля — это хорошо, интересно, нужно, но — все на глазах, перед тобой! Не на слух, так разобрать можно в конце концов, чтобы докопаться: в чем тут заковыка? А бурение — там тайна, там — неизведанность, как в океане, — подземном тем более!.. Там — все на вдохновении! Хотя, как и во всякой работе, — и на знаниях, трудолюбии, терпении, собранности, точности, дисциплине...

Впервые Николаю Геничеву — юнцу еще по сути, — дозволил постоять за тормозом буровой лебедки Евстигней Федорович Липковский; прошло столько времени, а ощущения те — первозданно свежи, и, прежде всего, вот это — виртуально-осязаемое ощущение связи с долотом, с забоем, со скважиной... И — уже не виртуальное, а — реальное ощущение единства со всей вахтой! Ибо бурильщик — не просто сменный мастер, руководитель, он — лидер, голова и сердце единого организма под названием вахта!

IV

— С каким людьми мне доводилось работать! — с горделивой ностальгией восклицает Николай Васильевич. — На всех уровнях: в вахте, в бригаде, в экспедиции! Каждый — своеобычная, самодостаточная личность! Я уж про Норкина не говорю, он был — царь и Бог! Малыгин... Черкашин — бурильщик у нас был, такой колоритный мужик, слов нет. У нас в вахте Борис Сергеевич Хохряков начинал свою карьеру. Макар Владимир Антонович... Оба потом начальниками Мегионской экспедиции работали. Сейчас Хохряков — Глава Нижневарттовского района, Макар — поселка Высокий. В экспедиции было у кого учиться! На вскидку вот: Каталкин, Ананьев, Абазаров, Гавриков... пахари были! Как говорится, клали руку на плуг и вспять не озирались. Время тогда, что ли такое было?.. Песни пелись! Да что, на работу с песнями ходили! Северный Варьеган, помню... Ночи светлые... Я — бурильщик. Мне уж за тридцать. Да и остальные — не пацаны уж. А как врежем песняка!.. не сговариваясь: само получалось. Макар тогда только мастерить начал, дивится: уж не с глузду ли мы поехали? Что бы сейчас

ни говорили, а песня — «строить и жить» помогала. Песня! А не нынешняя «попса». И еще. Наверное потому, что, как сказал Утесов: «Пусть голоса у нас не было, зато душа была!» Жаль, что сейчас не только на эстраде, и во многом по жизни — «ни голоса, ни души»...

Сегодня Николай Геничев — солидный, даже с вальяжнинкой, мужчина зрелого возраста, того — когда затрудняешься определить: сколько ж ему лет? Но — с по-прежнему не равнодушным характером и горячим взглядом. Свою точку зрения на текущие события он, как и раньше, высказывает ясно, без словесного тумана, ярко и образно ее аргументируя. Он и в доперестроечные времена чувствовал себя свободным человеком и вел соответственно, ибо считал, что ему, как и его товарищам по вахте, по бригаде, упрекать себя не в чем: они трудились производительно, созидательно и — от души!

Более четверти века назад Николай Васильевич стал буровым мастером Мегионской экспедиции. Он создал и сцементировал высокопрофессиональную бригаду, которая в восьмидесятых годах ежегодно бурила по 30-35 тысяч метров разведочных и поисковых скважин и входила в тройку лучших буровых бригад Главтюменьгеологии из 120 действующих. Его учителя могли гордиться своим воспитанником, который сам давно уже стал наставником и примером для подражания. Энергичному знатному мастеру, незаурядному не раз делались лестные карьерные предложения со стороны руководства экспедиции и объединения, но он твердо отказывался. И не потому, что боялся не справиться, — работал бы не хуже других на достаточно ответственных должностях, а скорее потому, что знал — на его месте вряд ли кто сработает лучше! А у него оставалось еще много нереализованных задумок, и он стал претворять их в жизнь, сообразуясь с наступившими временами.

Когда в перестроечные времена все смежники стали самостоятельными «фирмами» с непомерным гонором, бригада Геничева приобрела за счет сэкономленных средств цементировочный агрегат, гусеничный вездеход ГТТ, бортовой ГАЗ-66 и во многом перестала быть зависимой от них. Сам мастер, как мы видели, мастер на все руки: и дизелист, и коллектор, и бурильщик, и водитель. Остальные, особенно главные специалисты бригады — старший дизелист, слесарь, электрик, — также владели несколькими специальностями (с необходимыми «короч-

ками» на право производства работ). Все это позволяло им снижать затраты на технологические операции, проводившиеся ранее смежниками, на ремонтные работы, сокращать сроки строительства скважин за счет совмещения заключительных работ на одной буровой и подготовительных — на другой. Бригада становилась, по сути, самостоятельным буровым подрядчиком. В существовавших производственных отношениях это устраивало не всех.

Среди буровых мастеров Николай Васильевич был, безусловно, лидером. Многие коллеги, в кулуарах соглашаясь с его законными претензиями или новациями, когда дело доходило до объяснения с высоким начальством, тушевались, и ему приходилось все брать на себя: не «резать правду-матку — по-рабочему», а — доказывать аргументировано, стойко — порой эмоционально! — отстаивать свои позиции, озвучивать публично весьма нелицеприятные иногда оценки.

Вспоминается случай «бартерных» времен (для некоторых — «первичного накопления капитала»), когда геологическим организациям было разрешено приобщиться к «нефтедолларам» за счет эксплуатации отдаленных, открытых ими, месторождений.

Тогда многие из руководителей и аппаратных работников заразились модным поветрием — «маркетинговыми» поездками за рубеж; некоторые умудрялись по несколько раз в год вояжировать в США, Канаду, Японию и т.д. Организовывались групповые (типа шоп-туров) поездки и для работников среднего звена. Было предложено и Геничеву, вместе с другими буровыми мастерами и прорабами вышкостроения, принять участие в поездке в США. Взвесив все «за» и «против», он решил бойкотировать этот «шоп-тур». «На эти доллары приобрести оборудование, инструмент, материалы — больше проку будет!» — говорил он своим коллегам, и они соглашались с ним. Но когда дело дошло до оглашения решения мастеров большому «жюри» начальников, некоторые снова «стушевались» и решили принять участие в «мероприятии». Однако Геничев и еще несколько уважаемых мной нефтеразведчиков от поездки в США отказались. «Обеспечьте нас в достатке «нашим» оборудованием, «нашими» материалами, мы по «нашей» технологии сработаем не хуже и не дороже, чем «они»!» — заявили отказники.

(Для производства от этих поездок, за редким исключением, проку было мало; для аппартаментов, «фазенд» и гаражей — другое дело...)

V

Последние годы Николай Васильевич Геничев работает в Управлении капитального ремонта скважин, освоил самые современные технологии «реанимации инфарктных» скважин, они после «шунтирования» снова возвращаются в строй; работа напряженная, интересная, скучать некогда.

С В.А. Макаром они дружат семьями. Случается, вспоминают свое славное геологическое прошлое, вспоминают с гордостью и уважением к труду геологов, к земле, на которой живут дети и внуки.

ОН ВИДЕЛ СУЩНОСТЬ КЕРНА И БЕРЕЗЫ

Насчет других ленинских идей говорить не буду, но идея организации коммунистических субботников, на мой взгляд, — безусловно хорошая идея. Тем более, что приурочены они были к его дню рождению — 22 апреля, когда — самое время прибраться вокруг себя, приготовиться к встрече Первомая — символа весны, обновления, любви...

Правда, у нас на севере в этот день случаются приличные морозы, но работа, на свежем воздухе и физическая, всегда найдется: в ЭКБ, на промзоне. И вот, переполненные апрелем, воздухом, воодушевлением, возвращаемся мы в город вместе группой работников Мегионской нефтеразведочной экспедиции. Шутки, подначки — все друг друга знают, все, чувствуется (да и видно!) приняли по «четырнадцать капель»... Постепенно успокоились: в охотку-то хорошо, видать, наломались.

Я оказался на одном сидении с главным геологом МНРЭ Владимиром Петровичем Печериным. Человек он крупный, и я сидел как-то чуть в отвороте от него. Он сделал попытку уменьшиться в объеме, и я заметил в его руках аккуратный березовый кругляш: ровный, с чистой, без коросты, берестой, недавно спиленный... Принюхался и почувствовал тонкий и грустный запах несостоявшейся березовой весны...

С его отцом, Петром Ильичем, мне приходилось встречаться и по службе, и, пару раз, в неформальной обстановке, а вот самого Владимира Петровича я знал только по службе и формально — все больше по совещаниям; мне было известно от главного геолога объединения Синюткина о нем как о дельном, опытном геологе. Да и моя жена в то время работала у него в геологическом отделе, кое-что о тайнах «мадридского двора» рассказывала. У Владимира Петровича была какая-то партийная нагрузка, и он выступал на конференциях с отчетами, помнится. Под это дело я и подначил его:

— Владимир Петрович! — кивнул я на березовую чурочку, — партия давно осудила несунов. Сегодня ты чурку унесешь, завтра — обсадную трубу!

Представив, как он несет обсадную трубу, я рассмеялся: даже такому «комоду», как Печерин, не унести...

Он, понимая, что шучу, тем не менее зарделся: румянец пробился сквозь загорелую кожу и без того не бледного лица.

— Да... у пилорамы покопался: такого добра там достаточно...

— Корытце будешь делать или разделочную доску для рубки мяса?

Он усмехнулся и добродушно и басовито протянул:

— Не-ет... Это — для поделок. Может, вырежу что-нибудь или выжгу...

Я с интересом, по-новому взглянул на него: шутит или нет? Нет, он не шутил: на крупном, красивом его лице свила себе гнездо добродушнейшая усмешка: голубые глаза сквозь стекла очков с любопытством изучали березовую заготовку, которую он нежно тетешкал своими сильными руками, и, возможно, она в его воображении, становилась уже чем-то иным: творением!

«А ведь все логично! — подумал я. — Значит Владимир Петрович — настоящий геолог! Ибо геолог без творческого воображения — не геолог!»

Я стал расспрашивать его о технике резьбы, выжигания, о том — сам ли он придумывает сюжеты... Он ответил, что рисует с детства. Я когда-то тоже рисовал, да потом совершенно забросил, но тема мне была близка, и мы разговорились да, жаль, дорога была коротка! А подобного случая в дальнейшем тоже не представилось, так мы тему «березовую» до конца и не закрыли.

Дома я рассказал жене о хобби ее шефа.

— Да мы знаем, — охладила меня жена, — да и тебе я говорила. Шеф у нас — не смотри, что такой большой! — человек интеллектуальный: рисует, выжигает, резьбой по дереву занимается и еще: книголюб большой! Но, главное, как он своих детей любит! Сына, правда, по-мужски: суховато. Но в дочери — души не чает! Вот что трогательно...

...О его внезапной кончине я узнал от Клавдии Ивановны Свиридовой (я уже был на пенсии и начал готовить свою первую книгу очерков о мегионцах). «Главный геолог! Главный геолог! — произнесла бывшая его учительница. — А для меня — добрый, ясноглазый, белоголовый подросток! Милый юноша...»

А у меня в памяти он тот — способный заглянуть и в недра земли, и внутрь ствола березы и увидеть их сущность...

Печерина В.В.: «Он неожиданно ушел от нас...»

«Я — коренная сибирячка. Родилась в селении Романовская Половинка: это за Сургутом. Когда-то это был ямской полустанок на почтовом перегоне; на памяти многих действовала «веревочка». Воспитывали меня три сестры: мама и две тети («лёльки»!). Да бабушка Аграфена...

Бабушка Аграфена на Алтае оказалась в шесть лет круглой сиротой. Была в няньках у богатого кулака, у них и выросла. И вот влюбился в нее хозяйский сын. О согласии его родителей на их брак не могло быть и речи, и они убегом оказались в этих краях. Дед — заядлый рыбак и охотник, а места здесь были рыбные, пушные... В войну, в составе первых сибирских батальонов, воевал под Ленинградом, там и погиб... И мама, и Лелька, и мы с Володей искали его могилу да не нашли.

А Володины корни — «южные»! С юга Сибири: из-под Омска. И Алгазины — по матери, и Печерины. Нина Аверьяновна и Петр Ильич — красивые оба! — поженились еще до армии, там у них, в Омской области, в деревне Саратово и родился Володя. На север они подались вскоре после березовского фонтана газа. Там, в Надыме, в 55-м году родилась сестра Володина — Ирина.

Володя ни обликом, ни характером не походил ни на кого из родителей, ни на сестру — Ирина яркая, как грузинка, на отца личит... А Володя — белоголовый, как лунь, кудрявый. И характером мягкий, спокойный, основательный...

Познакомились мы с ним в 1965 году летом. Он учился в Нижневартовске, в интернате (в Мегионе в то время средней школы не было), и приехал к родителям. Мы жили в Мегионе, я окончила 9 классов, он — 10... Познакомились. Оказалось, у нас общее увлечение: книги! Не хобби, а, можно сказать, — страсть: книги, книги, книги!

Лето мы с ним продружили... А осенью он отказался ехать в Нижневартовск! Надо в 11-й класс, а пошел с нами — в 10-й. Тогда были и десятилетки, и одиннадцатилетки... В классе у нас было 18 человек. Сейчас в бывшей нашей школе находится вечерняя школа. А в то время — первая средняя школа Мегиона. А наш выпуск — первый! Многие из однокашников и ныне живут в Мегионе. Но есть и на Алтае, в Петербурге...

Короче. Получили аттестаты, поехали поступать в институты.

Володя с родителями уехал раньше: собирался в Москве поступать. Мы с Галкой Покатиловой поехали в Тюмень: в

медицинский. А конкурс — сумасшедший! И неудивительно: выпуск-то почти сдвоенный! Не поступили мы. Идем по улице — вартовчанок встречаем (друг друга знаем: невелик Вартовск-то был тогда; на соревнованиях, на олимпиадах, на смотрах самодеятельности), они и говорят мне: «А мы твоего Печерина только что видели!» «Где?» «Да вон, — говорят, — смотри: голова белеет!»

А у него волосы вообще шапкой были: белые, кудрявые...

Догнали: мороженое кушает...

Так вот и встретились в Тюмени: он поступил в индустриальный институт на факультет геологии нефти, я пошла работать санитаркой в областную больницу (стаж набирать: все же мечтала поступить в медицинский институт со временем).

Мне ж тогда восемнадцати еще не было, а как исполнилось — Володя поставил условие: регистрироваться! Зарегистрировались... Родителей ни его, ни моих. На квартире. Но свадьба веселая получилась: все тюменские мегионцы были! Посуды надарили!.. Правда, часть на счастье тут же и побили. Было это в апреле 1967 года. Брак у нас ранний, но счастливый.

Через год Андрюшка родился... А кому нужны студенты да еще с ребенком? В Тюмени тяжело жилось... Нет, трудно, но — весело! Андрюшка на руках, а я училась: медучилище окончила, работала...

Друзья, чем могли, помогали. Виктор Долгов, Володя и Лешка Ашин — неразлучная троица была.

В 1971-м Володя защитился (руководителем научным был Г. Эрвье). По иронии судьбы направление ему дали в «Башнефть». Но когда приехали в Мегион после защиты диплома, его тут и оставили: направление переоформили. Отца Володиного, Петра Ильича, перевели в это время в Тюмень, и квартиру свою они оставили нам. Тут уж мы почувствовали себя людьми самостоятельными!

Главным геолог МНРЭ тогда Гавриков был, ну и положил, как говорится, Валентин Андреевич глаз на Володю: стал делать из него настоящего геолога! 10 дней на буровых, день дома, потом — снова на буровую! Каторга! Зато за три года, пока был молодым специалистом, от техника-геолога до старшего геолога вырос! В отпуск на юга поехали... Володя-то с родителями на югах бывал, а мы с Андрюшкой — впервые. Впечатлений...

Вернулись и снова — работа! Правда, когда Лена родилась, он брал отпуск: помогал управляться. А потом: он — на буровой, а я: одного — в школу, другую — в садик...

Когда начальником геологического отдела назначили, стала видеть дома почаще. А главным геологом, особенно в последнее время, даже если и дома, — только поздним вечером виделись: с шести утра и до шести-семи вечера на работе. Объемы работ были большие, и месторождения сложные бывали. И еще ответственейшая работа: выдача точек на местности: надо было соотнести и геологические задачи, и производственные, технические возможности... «Чтоб и волки были сыты, и овцы целы...» Не все гладко проходило. Всякое случалось...

Отдушиной от служебных тягот были, как и прежде, книги... И еще. Он рисовал всегда. А тут пристрастился еще и выжигать по дереву, резать... Нет, из рук у него ничего не выпадало!

Я из медицины ушла. Окончила заочно Саратовский техникум, работала в МЭИСе. А когда стали из трех экспедиций делать одну, он меня под свое крыло не стал брать: щепетильный был очень. И пришлось мне в тампонажную контору уходить...

Многих молодых специалистов он натаскал, как в свое время, Гавриков — его. Того же Семянова, к слову сказать.

Из ихней «троицы» сейчас один Виктор Долгов остался. Здесь он, в Мегионе, еще работает...

Выпуск наш хороший был... Недаром Кия Васильевна говорила: «Вы у нас — первые, и таких как вы — у нас больше не будет! Но не только потому, что вы — первые, а потому, что вы — способные!»

Андрей по стопам отца не пошел: работает в СБ «Мегионнефтегаза», Лена — у геофизиков.

Друзья нас не забывают совсем-то, также как и экспедиция, объединение... Хоть и не в такой мере, как обещались... Но это понять можно. Вот что до сих пор понять не могу — почему Володя так неожиданно ушел от нас?»

МЕДЖЕВСКОМУ – МОЖНО

Пятнадцать лет назад, в разгар жестокой зимы, зяблый, пахнущий соляркой, злой, сонный после ночной дороги и как бы потусторонний, заявился я в седьмом часу утра на рацию: если все нормально,то спа-а-ть...

Было еще темно. Но поселок оживал. Почти во всех домах тускло светились заин-девевше-войлочные окна... Топились печки, и, к метели, стлался над крышами дым. Побрехивали собаки. В гараже и на вертолетке прокашливались от дымного перегарного похмелья стылые моторы... В темноте начинался зимний экспедиционный день! В свежевымытом коридоре конторы пахло школой. Эх, милые вы наши технички, спасибо вам за это ощущение!

«Еще бы и школьные заботы!».

С такой мыслью я открыл дверь рации и остолбенел... Передо мной стоял жизнерадостно улыбающийся инженер Обского отряда по предупреждению и ликвидации фонтанов Геннадий Владимирович Меджевский.

Хороший человек, как, впрочем, и другие инспектора, но откуда? Мистика!..

— Откуда взялся? Без эрдэ... Да и как? На попутном вертолете?..

Меджевский довольно взгыркнул:

— С главным приехали! На машине! А вы видели уже? Пробились! Кончилась ваша спокойная жизнь, достали и вас!..

Весть была на самом деле неприятной...

Еще пару лет назад мы подчинялись главку. Имели права госпредприятия. Уже были налажены кое-какие «горизонтальные» связи. Привыкли к самостоятельности. Но пошла кампания создания объединений! Вторая «коллективизация»! По крайней мере, в нашем главке экспедиции превратились в цеха. Это при разбросанности-то в тысячи километров! При отсутствии нормальной связи и транспортных коммуникаций! Нас спасало то, что мы, находясь в самом «медвежьем» углу, вопреки всем веяниям продолжали жить своим «натуральным» хозяйством: транспорт, вы-шкомонтажники, испытатели, дорожники, строители, даже каро-тажники свои!

И тем не менее, у нас отняли нашу прибыль, счета, установили связь и стали мелочно опекать и давить своими «ЦУ» (ценными указаниями).

И вот — ночной визит...

Меджевский еще раз жизнерадостно взгыркнул, но заметив кислое выражение, пособолезновал (даже блеск его золотой фиксы потух): «Ка-нешно... ка-нешно... Зачем так-то, без предупреждения?.. По-партизански! Ага! — снова хохотнул он. — Зам-то ваш, когда его вызвали, так и сказал: зачем, мол, по-партизански?..»

Смуглое, подвижное лицо Меджевского в улыбчивых складочках, голубые, яркие даже при тусклом свете глаза, хрипловатый голосок весеннего куропача, — все на звуко — свето — ультра-мега — терра... — всяких волнах излучали участие, лукавство, задор и еще уйму и гамму всевозможных ощущений...

Глянув по сторонам, он снова блеснул золотом к подмигнул: «Это... Как приехали, главный — тебя, начальника и никого... Только зам на месте. Он ему: «Ужин организуй!». Тот быстренько туда-сюда.. В гостиницу сам принес горяченькие пельмешки и... эт-самое... Сам понимаешь! «Пузырь», словом. Стал разливать — главный рюмку свою прикрыл: мне — нельзя. Меджевскому — можно!... Зам обиделся, но виду не показал, мы с ним «усидели» пузырь... А! Ему — нельзя, нам — можно!..»

Заскрипели сзади половицы, словно жесткий весенний наст: «главный» был белотел, грузен и увалист — отчего и, шаг тяжелился...

Итак: Меджевскому — можно.

Велика земля сибирская!

Каждо-отдельная часть ее — Тюменская, Томская ли — широка, обильна и привольна...

Необозримы ее окоемы!

Но на этих океанского простора широпольях у каждого сибиряка есть еще малюсенькая, родинкой на материнской груди, сладкосердечная точечка с каким-нибудь удивительным названием вроде Малышовки, Красноярки или Старой Ухватинки... Для всех — «колхоз», «деревня», «населенный пункт», а для тебя — «сро-дина»!

«Гори лес, д»гори поляна!.. д»гори самородина!

Эх, д» числа пятого д»уеду! Д»досвиданья сродина»д!»

Такая «сродина» есть и у героя моего рассказа. А именно: село Мохово, что на правом берегу Кети в Томской области.

Кеть — не из последних притоков Оби. Больше того, через Кеть , через Александровский шлюз в ее верховьях «кровно» породнилась Обь-матушка с Енисеем-батюшкой...

От Колпашево до Нарыма почти сотню верст текут Обь и Кеть рядышком, в десяти-пятнадцати километрах, сродные сестры словно, и лишь потом теряется Кеть в широком обском сарафане...

Много веселых мест на Кети! На гривастых, бугристых, крутояристых ее берегах! Белый Яр... Красный Яр... Максимкин Яр...

И Мохово стояло на высоком берегу! Далеко виделось с него: с правой руки — кедрачи, сосновые боры, елани, с левой — заливные луга, тальники-ракитники, березовые колки, черная тайга и заболотье... По эту руку-брусника, малина, гриб-боровик, орех кедровый, по ту-клюква, колба, морошка, груздь сырой... Рыбалка! А охота вокруг!..

Невелико Мохово-дворов пятьдесят, неказисто, а сердцу близко и дорого. Подороже, может, чем иному москвичу столица.

Вот в этом сельце у коренной сибирячки Феклы Карловны Колосниковой и потомка ссыльного поляка Владимира Дмитриевича Меджевского и народился голубоглазый шустрый сынок, нареченный Геннадием («благородный»; не шляхетская ли в этом имени проскользнула грусть?).

Но и этому моему нынешнему соседу не повезло: его отец, Владимир Дмитриевич Меджевский, превентивно — «А вдруг польский шпион? Скрытый белогвардеец? Панский контрреволюционер?»-был арестован и расстрелян... Где? Когда?..

Не на том ли Яру, который во времена лигачевского, в Томске, генерал-губернаторства подмыло половодьем, обнажив, как у ископаемой Мещеры саблезубого тигра, скопище костей, носплошь человеческих? — Рушились в шалые весенние воды глыбы земли с белыми человеческими костями, а власть предержащие люди с высокими нормами коммунистической морали торопились обнести усиленным забором эту не вовремя обнаружившуюся костницу! Безвинно убиенные. Мир вашему праху, вашим реабилитированным останкам. Простите живущих, если можете... — Бог один знает, как сложилась бы судьба Геннадия Меджевского, не окажись рядом с Максимкиным Яром, где он жил после окончания школы, геологи-нефтеразведчики... Может, и остался бы он заведующим клубом и пошел

бы по «культуртрегерской» стезе, задатки работника культуры у него и до сих пор проявляются...

Но рядом с Максимкиным Яром началось бурение опорной глубокой скважины, и Меджевский сменил эфемерную должность завклуба на железноосязаемую — помощника бурильщика...

Было это почти сорок лет назад, когда сегодняшний день представлялся Прекрасным Будущим!..

После завершения опорной скважины Меджевский с буровой бригадой перебрался в Нарым.

В Нарыме в это же время начинали свою стезю многие молодые, впоследствии известные геологи, буровики, геологини («Лиза Княгницкая, Юлия Кононова...» — ностальгически вспоминает мой до этого жизнерадостный сосед).

В Западной Сибири начался нефтеразведочный бум: пошла Тюменская нефть!.. Вместе с другими подразделениями Новоси-бирского треста бригада, в которой работал Меджевский, была передана «Тюменьнефтегеологии», и он в 59 м году оказался в Мегионе... 35 лет назад!

Что представлял из себя Мегион в то время?

Маленький, вдоль Меги колхозный поселок...

Там, где сейчас микрорайоны, была настоящая тайга с кедровыми гривами, клюквенными болотами, брусничниками и черничниками, в речке, которую жители зовут за ее неприглядный вид Бардаковкой, водилась рыба, была она чистоводной.

Виноват ли Меджевский в том, что стало с природой в мегионской округе? Может быть. Но меньше, чем те, кто прилетал со свитой и фотографировался на фоне первых фонтанов в наркотической эйфории от предполагавшегося звездопада наград и зеленой пурги нефтедолларов, И плевать ему было на первые, ручейками радужные нефтяные струйки, стекавшие в Мету, Юган, Обь. «Даешь!...Нефть — забота общая!.. Метры!.. Тонны!..»

Меджевский в это время гонял инструмент: «Вира-майна!»-с шутками, прибаутками, «долбился» в темные неведомые недра, короче: давал «метры», «скважины», «объекты испытания», «запасы нефти, газа, конденсата по категориям А, Б, С»...

.А с 69-го по 72-ой был нефтеразведчиком, «интернационалистом», помогал гэдээровцам в поисках нефти...

Разноплеменные советские буровики на румынских буровых установках вместе с немецкими товарищами (помните, песня:

«Айн — хайнт! Фройндшафт..») вели разведку нефти в ГДР. А Меджевский-в 45 км от знаменитого Потсдама! Интернационализм в действии...

«Культурно жили... — говорит немногословный, когда дело касается его личной жизни, бывший «культуртрегер», — Европа же! В городе жили. Да и в вагончиках... И работали культурно: педанты же! Народ, привыкший к порядку! «Орднунг» — любимое слово! На буровой на все стандарты! На раствор. На технологию... И это тогда! У нас этого и по сей день нету. Там — попробуй нарушь: пожалеешь, что родился! И остальное! Отдыхали культурно. В выходной — кто куда: на экскурсии, в кино, в театр, в кабаре, но нам не рекомендовали... А хочешь — в «гешефт...» Заведения такие. Да вроде кафе или пивной... В Румынии позже был-никакого сравнения! О, пивко у них «Я-я!.. Бир, зер гут!» Но, главное, орднунг, порядок, по-ихнему...»

Видимо, командировка в ГДР и сподвигла Меджевского Геннадия Владимировича согласиться на предложение знаменитого Н.И.Григорьева вступить в должность инженера противо-фонтанной части; хоть на этой, профилактической в своей основе, работе навести «орднунг» по-русски.

...На богатейшем месторождении знаменитая бригада по испытанию скважин исследовала последний объект (а их около полутора десятков!) и пошла на обед... Пообедавши, обнаружила, что из манифолъда, которым было обвязано межколонье, «шурует» сеноманский газ... Задвижка, угольник — размыто, и газопроявление стало неуправляемым фонтаном... ;

Кто-то некачественно зацементировал обсадную колонну, затрубье было под давлением, вот бригада и стравливала в течение многих недель давление. Приехал знаменитой мастер, приезжали специалисты. «Объекты идут! Прирост запасов есть? Отлично!». А что на «газовом» факелке ушица варилась, не замечали. «Не придавали значения! Везде так. Что тут такого?»

Всю осень упражнялись лучшие специалисты по тушению и глушению фонтанов... Не получилось. Бурим наклонную скважину под фонтан. И всегда «хлебать», как говорится, приходится тем, кто «сбоку припека...» В мае под моим руководством (и, естественно, ответственностью) спустили и зацементировали техническую колонну, а вот устье скважины после его оборудования пришлось принимать Меджевскому: спрессовывать, провес-

ти учение с бригадой и т.п. Ведь если выйдем в зону фонтанирующей скважины, то и у нас может «загудеть» (а все и так загазовано, все верхние воды, везде: буль-буль-буль).

В весеннее водополье прилетел я на буровую. От подтопленной, из кедровых лесин, вертолетки к балкам у буровой почти плывем на ГТТ. Слева, над клокочущим кратером лепестками тюльпанов вскидываются в голубое небо языки пламени, некоторые летят высоко-высоко, в поисках кислорода...

Одним из первых встречается Меджевский.

— Ну, как?

— Порядок в танковых частях! — коронка зуба блестит ярче пламени факела.

— Смотри! — грожусь я, — а то ведь и не убежим, если и здесь полыхнет такое же, грязь-то по...

— Я себе уже вымостил дорожку! — взгыркивает Геннадий Владимирович. — Вон туда: против ветра...

...Я высчитывал траекторию: все! плюс-минус двадцать метров! «Пойду тормозну, еще раз проверим!» И тут: «Раствор уходит!»

Считанные секунды — и я, в тапочках вскочив в кирзачи мастера, на буровой: «Все насосы-по газам! Циркуляция? Нет? Закрыть ПВО! (противовыбросовое оборудование)». Через несколько секунд гидравлический удар в бурильном инструменте: сработали обратные клапана! Давление в трубах и затрубье растет...

Смуглый черноволосый мастер бригады Богдан Савчук, которого я, как и другие, предупреждал, чтобы были настороже, как это может выглядеть, когда мы соединимся с фонтаном: «Сначала взасос, а потом — пфу! Пошел на...!».

«Точно! — повторяет он несколько раз. — Сначала взасос, а потом... фу! Перегаром, мол, несет!»

— Ну что, Меджевский, с вас причитается!

— А это как сказать, с кого? И, главное, кому? Меджевскому — можно, а вам звонить надо в главк... Ну, как? Уел?..

«Уел, Геннадий Владимирович, уел... Ты уж извини: не рассказал я ни про богоданную тебе супругу — познакомился я с нею недавно, к сожалению, но уверен: такая тебе и нужна была! (Править тобой надо было, как, впрочем, и мной, грешным, чтобы не заносило слишком в сторону!). И про деток твоих... Лишь о тебе. Но таков жанр!»

Многое можно было бы еще рассказать о тебе: как мы на Верхней Тольке мерзли и прочих случаях. Но хочется мне чуть порассуждать об инспекторской работе. Интересна она, инспекторская работа! Она не только инспектора как человека высвечивает (кто, мол, в чин вошел лисой, тот в чине будет волком), но и тех, кого он инспектирует. Чего скрывать, правила — они как закон, а закон... что дышло! И его, «дышло», можно без поворота за ним колес поворачивать, в пределах люфта. И это от инспектора зависит, что бы ни говорили. И вот здесь складываются, в основном, две ситуации: одному ты — брат родной, другому — волк тамбовский! Кончилось твое инспекторство или изменились границы, «брат родной» нос отвернет, а «волк» другом станет! Парадокс! Может, ты не согласен, но я даже на твоем примере это вижу... Если я не прав, прошу простить...

Если бы я не знал Меджевского, с которым приехал тогда, совершив вынужденный вояж, то и не стал бы писать этот рассказ. Но я его знал, и знал его философию общения, заимствованную от «старших товарищей» (по должности!): «Гусь свинье не товарищ!» Я достоверно знал, что в своем «гусином стаде» напивался он до поросячьего визга. Это было в преддверии перестройки. Тогда был популярен анекдот про Савву Морозова из фильма, преподнесшего урок русским офицерам, пьющим с утра и получившим отповедь от негоцианта: «Вот видите! С утра даже лошади не пьют». Так оно! Лошади — не извращенные и под утро не пьют. И, возможно, фильм был создан по заказу борцов за трезвость народа, но сколько в этом презрения к простому офицеру, пусть и из народа...

И я полагаю, что Меджевский тогда правильно поступил с «замом»: «Можно, Меджевский! Смейся над ханжами, иронизируй над снобами, подбадривай невезучих! И даже когда здоровье позволит или жена, прими! Меджевскому — можно!»

ПОД СТАТЬ РАЗМАХУ ДЕЛ

ОНИ БЫЛИ ДРУГ ДРУГУ ПОД СТАТЬ

Впервые я увидел Валентина Андреевича Гаврикова весной 1974 года.

Я работал тогда в техническом отделе Главтюменьгеологии, ведал внедрением новой техники, передовой технологии, опытно-конструкторскими работами.

Еще совсем недавно фамилия Гаврикова звучала в главковской курилке в связи с назначением его главным геологом крупной Мегионской экспедиции, и вот, не прошло и трех лет, а он уже — начальник этой экспедиции!

— Далеко пойдет парень! — заключил наш признанный «эксперт» Владимир Алексеевич Кулявцев.

Прибыв в Главк в ранге начальника экспедиции, он обошел все службы: знакомился и выяснял претензии в адрес соответствующих служб возглавляемой экспедиции. Это было внове: прежде никто из назначенцев такого не делал.

Пришел он и к нам в отдел.

Стройный, в темно-сером костюме, выше среднего роста. Движения быстрые, но плавные, экономные. Взгляд серых глаз из-под прямых, разлетистых бровей внимателен, тверд. Нос правильной формы. Рот небольшой, красивого твердого рисунка. Веснущат. Волосы густые, темно-каштановые. Голос — ближе к баритональному. Четкая речь, интонационная. Мысли излагает ясно, логически завершено, без слов-паразитов. Суть дела схватывает мгновенно (приятно с таким человеком говорить). Вежлив, даже — с избытком, так нам показалось. Необходимую для себя информацию Валентин Андреевич записывал в солидный блокнот своеобразным с наклоном влево — почерком-шрифтом.

Уходя, попрощался с каждым персонально, а возле двери сделал — элегантно, по-флотски, — общий поклон.

Впечатление на всех нас он произвел он очень приятное.

Встречаясь затем на совещаниях, конференциях, партхозактивах, приветствовал доброжелательно, непременно интересуясь, как здоровье...

Во второй половине семидесятых годов командно-административная система предпринимала очередную бюрократическую реорганизацию: вместо упраздненных незадолго до этого трес-

тов по всей стране стали создаваться объединения; эта установка не обошла и геологию.

В конце 1976 года нашу экспедицию переподчинили производственно-геологическому объединению «Обьнефтегазгеология». Соответственно, у нас были отобраны права соцпредприятия. Это означало, что экспедиции превращались в цеха, разбросанные от центра управления на сотни километров. При отсутствии дорог телефона и надежной радиосвязи! Результат не замедлил сказаться. Наша экспедиция в ноябре оказалась без вертолетов: наша прибыль, попавшая в общий котел, была израсходована на нужды Правдинской экспедиции, сидевшей «на картотеке», и нам пришлось потрепать нервы, чтобы получить хоть часть своих же денег для расчета с авиапредприятиями.

Когда мы подчинялись Главку, у нас был «стратегический простор» (хоть и в кавычках!): мы могли строить работу, ориентируясь на годовой план, жертвуя иногда, к примеру, месячными или квартальными (соответственно и премией). Объединение лишало нас этого; когда интересы не совпадали, оно понуждало поступаться нашими интересами (чему, конечно, по мере сил противились).

Валентин Андреевич в «Обьнефтегазгеологии» стал работать главным геологом. В этой ипостаси и произошли у нас первые столкновения. С точки зрения чистой геологии, с точки зрения кабинетного геолога, он был, не исключаю, прав, требуя от меня сначала пробурить на Верхней Тольке Р-2, а уж потом Р-4, так как он полагал эту скважину зависимой от Р-2. Но меня-то он, как практический геолог, должен был понять тоже! Во-первых Верхняя Толька — это 600 км непромятого еще зимника. Во-вторых, монтаж буровой установки на Р-4 заканчивается... Было и «в-третьих» и «в-четвертых»... Разговор (на радиоключе, кстати!) был обстоятельный и жесткий. И мы забурили Р-4...

Когда на скважине Р-4 был уже отобран керн и проведены в полном объеме геофизические исследования, встал вопрос о необходимости крепления ее колонной; для решения его нужно было выходить на главного геолога объединения.

«Как Гавриков отнесется к нашему предложению по этой злополучной скважине — колонну спускать?» — думал я.

Я прилетел со скважины в сумерках и в конторе задержался допоздна, занимаясь бумажными работами.

Только я подумал о Гаврикове, как отворилась дверь и появился... Валентин Андреевич собственной персоной:

— Разрешите? Я вам не помешаю? — как-то вкрадчиво и весело спросил он. — Никакой мистики: просто я прилетел на мегионском вертолете, и занимался со своей службой, — объяснил он свое неожиданное появление.

Разговор у нас был непродолжительный, но весьма корректный и конструктивный, местами иронично-шутливый. Об инициативе с Р-4 даже не упомянули!

— Вы знаете, Виктор Николаевич! В вас все же есть геологическая струнка, — в конце заметил он и пояснил: — Я имею в виду незапланированный отбор керна Р-3 Верхне-Толькинской. Вы — единственный главный инженер, который отобрал керн в интервале, не предсмотренном ГТН! Обычно ГТНский-то не всегда отбирают, находя причину... Да и карта геологическая, смотрю, у вас отменная! Стратиграфия по каждой площади...

Мне было приятно его замечание.

— Это не геологическая «струнка», а — жена! — отшутился я. — Жена у меня геолог. Злоупотребляю, так сказать, положением главы семьи.

— У меня жена, — улыбнулся он, — тоже геолог...

Была хорошая возможность продолжить разговор за ужином, в неформальной обстановке, но Валентин Андреевич, словно прочитав мои мысли, отказался от возможного приглашения.

— Я уже поужинал. Кстати, у вас прекрасно готовят. В гостинице устроен. Уверяю: мне есть чем вечером заняться. Поэтому не беспокойтесь. Единственная просьба: вертолет на Мегион или — лучше — сразу в Сургут...

В феврале 1978 года было создано объединение «Мегионнефтегазгеология», и Гавриков стал его начальником, а затем — генеральным директором (в обиходе — «генералом»). И наша экспедиция оказалась под его руководством.

На первых порах отношения у меня с объединением были весьма не простые. В частности, я был против «партизанских» наездов руководителей объединения, в том числе и «генерала» в буровые и вышкомонтажные бригады с постановкой им «рубежей» и обещаний премий и фондов объединения, а также против забурок «нулевок» сборными — «итээровскими» —

захтами и т.п. И в самом деле, сиюминутные выгоды оборачивались часто затяжными авариями или осложнениями. На этой почве и в дальнейшем, когда я перешел работать в объединение начальником технологического отдела, у меня возникали трения и с начальниками экспедиций, и с самим «генералом». Я был против забурок неподготовленных и не полностью обеспеченных буровых. «Генерал» же говорил: «Потерянный день в бурении — потерянный день!» (Т.е. метраж!). Летом 1983 года я исполнял обязанности главного инженера объединения, и мне пришлось работать с Валентином Андреевичем, как говорится, бок о бок. И, когда дело доходило до объяснения срыва графика бурения перед поездкой его на Совет руководства Главка, я на примерах забуренных с бухты-барахты «нулевок», на которых либо случались аварии, либо начинались осложнения, с карандашом пытался доказать правильность своей позиции, он холодно возражал: «И все же: потерянный день — это потерянный день!» В то лето я воочию увидел — как много и напряженно «генерал» работает! Помимо обширной текучки, плановой, чисто организационной, управленческой, бумажной работы, он едва ли не каждый день, на вертолете или УАЗике, бывал на производстве: в буровых бригадах, у вышкомонтажников (пожалуй, чаще всего), у испытателей, в ЦБПО, РЭБ-флота, ЭКБ, на прирельсовой — в Мегионе, и, аналогично, — в Ваховске или Новоаганске — во всех подразделениях. Это делалось для того, чтобы — «владеть ситуацией» или «быть в курсе» дел и событий в обширном хозяйстве объединения. «Генерал» он был интеллигентный, эту черту отмечают все, кто с ним работал, но, тем не менее — генерал! Спрашивая с подчиненных вежливо, но — жестко, нелицеприятно. При этом — что самое главное! — не задевая человеческое достоинство, не меча громы и молнии в адрес своего «визави»; если человек исправлял свои упущения, Валентин Андреевич непременно публично отмечал его успехи.

Вдвоем с женой Джеммой Михайловной, я увидел Гаврикова весной, под Пасху. Я зашел тогда в кулинарию при «Северянке» за тестом. Там Валентин Андреевич со знанием дела обсуждал с полной, похожей на брюлловских итальянок, продавщицей технологию приготовления пасхи и рецептуру. Джема Михайловна, в темном пальто, и от того еще более стройная, как-то чуть отстранившись от мужа, с любопытством и восхи-

щением смотрела на него туманно-серыми, как у блоковской незнакомки, влюбленными глазами. Были они друг другу под стать, и это невольно отмечал непредвзятый взгляд. Когда они вышли, любезно попрощавшись, румяная «итальянка»-кулинар заметила: «Завидно! Как голубки...»

...И я в очередной раз пожалел, что не воспользовался подходящим моментом, чтобы познакомиться с ними ближе: чисто по-человечески. А сейчас сожалею — тем более...

* * *

С кем бы ни говорил о Гаврикове, все в первую очередь отмечают его интеллигентность, впрочем, каждый понимая и вкладывая в это понятие свои представления: вежливость, внимание, деликатность, интеллект, образованность, галантность, организованность, щепетильность, порядочность и даже некую чопорность...

Фейзрахманов Валерий Николаевич (ныне начальник геологического отдела ОАО «СН-МНГГ»): «Интеллигент!.. Порядочный, душевный человек! Помню, первый раз с Агана приехал... Дорог-то не было: по зимнику! А мороз был... ух! Мы в унтах, в полушубках в приемную вошли. С Агана, спрашивает? Проходите! У него люди были, он перед ними извинился: они, про нас говорит, издалека прибыли, заставлять их ждать после трудной дороги — грех! И с нами: раз-раз, — все дела быстренько решил и отпустил. И каждый раз так: с теплотой и участием. Добром вспоминаю Валентина Андреевича.»

Литвиненко Владимир Михайлович (бывший буровой мастер Мегионской НРЭ): «Интеллигентный, волевой, справедливый... Вот пример. С жильем. Когда уже летным стали давать. Доходит очередь до меня. Зайцев, Петров, Кузнецов в один голос: у тебя дети однополые, 3-х комнатная квартира тебе не положена! Я — к Гаврикову: так, мол, и так. Возбужденный, конечно. Он говорит: успокойся! Звонит им: что, говорит, человек за столько лет работы — с самого Баграса! — квартиру не заработал, что ли? Дайте в ближайшем доме, который будет сдаваться. Спокойно так сказал, но — жестко. Вот благодаря ему я эту квартиру и получил. Не-ет, Гавриков и, к примеру. Сухачев — это два разных полюса! Один за производство и людей хлопотал, а другой — за свое благополучие!»

Гусева Татьяна Васильевна (зав. дневным отделением Октябрьского нефтяного колледжа): «Год 1968. Был у нас стар-

ший геолог цеха испытания Мухин Евгений из Новосибирска. Они получили квартиру в капитальном доме из Саймой, в сторону нефтепарка НГДУ «Мегионнефть». Под полом наши мужья сделали подвал и деревянные лари, где хранили картошку, яблоки в ящиках, консервы и пр. В те годы мы жили очень дружно, часто собирались вместе. Так вот, наши мужички под руководством Гаврикова Валентина, которого мы называли Андрэевич, решили оборудовать там винный погребок и частенько туда «ныряли». Мы шутили: «мужики ушли в подполье!» Мы устраивали шутливые соревнования вроде того — кто больше налепит пельменей за 1 час? Или у кого из женщин получится самая вкусная буженина? Забавно, что фарш заставляли делать Андрэевича, так как знали, что он не любит мять фарш, но он не отказывался: морщился, но делал...»

Галеева Галина Федоровна (зав. здравпунктом «Мегионнефтегазгеологии»):

«Более интеллигентных, деликатных людей, чем Гавриковы, не встречала в жизни! У Джеммы и на капельку не было комплекса жены начальника. А Валентин Андреевич очень любил юмор, сам юморил. В лото часто играли, он очень смешно «водил». Домик, в котором они жили, рядом с конторой. Полкоттеджа они занимали. Когда переехали в капитальный дом, там стал здравпункт. Они почти всю мебель оставили. В книжных шкафах мы разместили картотеку...»

Рафаил (муж Галины Федоровны): «Все праздники, дни рождения... встречали вместе. Тогда баночное пиво в диковинку было... Я в Москве был... Там брат у меня, кандидат наук, он и помог мне отовариться: баночного пива накупил, ликеров, коньяков, вин набрал... миксер — для приготовления коктейлей купил! И вот на день рождения Галины Федоровны пригласили их на вечер коктейля... Гена Ермолаев у нас за бармена. Ну и часов до двух ночи принимали коктейли: как детям, интересно было! Ну, с непривычки и «накоктейлились». А на улице — скользко! Иду с Валентином Андреевичем под руку, он раз пять скользил и каждый раз извинялся: «Извини, Раф!» Как-то раз стали фотографироваться: каждый своим аппаратом. Дошла очередь до Гаврикова. Я сел с женщинами, руку закинул: будто обнимаю. Он — вежливо так, настойчиво: «Раф, убери руку, это — моя жена!»

Галина Федоровна: «Джемма — красавица была... Лицо смугловатое, иконописное... Волосы у нее красивые, но тяжелые,

прическу не держали: лились... У Валентина Андреевича был хронический бронхит... И он при этом совершено себя не берег!.. Жить бы им обоим да жить!»

Косянюк Петр Назарович (бывший начальник жилищно-бытового отдела ОМНГГ): «На праздники и именины и к ним ходили, и они отгащивались. Семьями. К дням рождения выпускали шутливые стенгазеты с фото и юмористическими подписями. Случалось, на пикники выезжали. Шашлыки на днях рожденья жарили. Но ими занимались спецы: Ермолаев и Ткаченко, а мы были на подхвате... Веселиться Валентин Андреевич любил. Песни поддерживал. Анекдоты мог рассказать. Пил немного, предпочитал коньяк. Когда в 1985 году уезжал он в Новосибирск, — вещи отправлены, квартира пустая, — сидели до 4-х утра с ним на лоджии... Из Новосибирска приглашал он нас к себе, но Евгения Васильевна отказалась. Так и не виделся больше.

В 90-м году ездил на похороны. А года через три и Джемма за ним... Прекрасные были люди!»

ГЛУБИ И ВЫСИ, ИЛИ ТАЛАНТ БЫТЬ ЛИДЕРОМ

I

Так получилось, что организовывать забурку самой глубокой в Среднем Приобье скважины-пятитысячницы (параметрической № 90 на Тагринской площади) пришлось мне с Борисом Сергеевичем Хохряковым, нынешним главой администрации Нижневартовского района. Он работал тогда главным инженером объединения «Мегионнефтегазгеология», а я — главным технологом. В связи со сложной конструкцией скважины и отсутствием опыта строительства таких «сверловин», как говорили летные мастера-западэнцы, возникало много организационных (снабженческих, в основном) и технических проблем. Нормативное время на сооружение скважины отпускалось непривычно продолжительное по приобским масштабам, поэтому все работы, связанные с ней, находились на контроле Министерства геологии. Многократно переносившиеся сроки забурки снова поджимали. Нужно было принимать решение.

Прекрасная предосенняя погода: солнечно, тепло, вольготно... Более того, благостно! Это была та краткая пора в тайге, когда воздух прохладно-смолист, когда нет гнуса, мор на него находит, или он делает перегруппировку сил в тени, в черном пойменном лесу, а без гнуса в соснячке сибирском — рай!

Заказчик, подрядчик, начальство — сидят на смолистом кряже, щурясь на высокое солнце, похваливая ключевую воду, мирно беседуют в ожидании вертолета. Состояние дел на штучной скважине ясно каждому с его позиции. Все трое — плотные, густоволосые, самый младший — в возрасте Христа. Знают друг друга не первый год, кто есть кто — ясно. Но каждого должность обязывает вести свою линию.

Подрядчик: «Первый раз, что ли? Буровая есть буровая: доделаем! Пусть забуриваются! Монтажники буровикам мешать не будут».

Заказчик (по всему видно, надоело ему): «Нам с этой скважины метража, как с козла молока, план на ней не сделаешь. И запасов не прирастить, тут уже все взято. Забуривать надо, а сколько будем бурить — время покажет».

И только я упираюсь: надо доводить до ума, в том числе сделать перемонтаж части блоков, заменить в насосном основа-

ния, завезти все материалы и — в таком же духе, целое предписание заказчику и подрядчику. «Борис Сергеевич! — апеллирую к начальству. — Как только долото закрутится, мы с вами будем в бороне, а они — в стороне. Спрос будет с нас».

Хохряков, как обычно, выслушал меня внимательно, потом, без усмешки, задал неожиданный вопрос:

— Виктор Николаевич, вам в горы не приходилось ходить? — чуть усмехнулся в ответ на мое недоуменное выражение: какое, мол, отношение имеют выси к глубям, пояснил. — Я это к чему? А к тому. Там перед восхождением на вершину делают промежуточные лагеря. Мы сейчас, будем говорить, у подножия. Есть у нас возможность дойти до промежуточной базы, спустить первую обсадную колонну? Думаю, есть. Так, поэтапно, и будем строить скважину. Иначе никогда не закрутим ее. Логично? — И, уже обращаясь к заказчику и подрядчику, распорядился: — Выполняйте предписание и забуривайтесь. Виктор Николаевич его откорректирует в духе договоренности. Но не забывайте про подготовку к следующему этапу.

Я был недоволен отданным распоряжением. Но знал, что если, выслушав все мнения, Борис Сергеевич принимал, как он выражался, волевое решение, переубеждать его не имело смысла: нужно было или выполнять, или уходить. Уходить я не собирался, мне нравилось работать с ним, а волевые решения он принимал в подобных патовых ситуациях. И я остался на буровой — корректировать предписание с учетом восхождения до промежуточного лагеря.

II

Познакомились мы с Борисом Сергеевичем Хохряковым вот при каких обстоятельствах.

Летом 81-го года, не догуляв длинного, за три года, отпуска, перевелся я из Ваховска, где работал главным инженером, в Мегион, в объединение, по семейным обстоятельствам (в поселке была тогда только школа-восьмилетка). Я был в то время крепок, здоров, считался достаточно опытным специалистом, не боялся поля, как, впрочем, не чурался и аппаратной работы, не пренебрегал бумагами. Это было еще в тот период, когда я «завязал» со стихами и прозой, считая прежние пристрастия юношеским увлечением. Поэтому полностью отдавал себя работе, благо были неограниченные сферы приложения, так ска-

зать, творческих сил: куда ни кинь — везде проблемы. Я не отказывался ни от любых служебных заданий, ни от общественных поручений. По неделе-две бывал в командировках, в экспедициях, особенно часто — в Аганской суперэкспедиции, инициаторе отраслевого соцсоревнования. И вот, вернувшись из командировки в очередной раз, прямо с вертолетки я прибыл в объединение. Не успел дойти до своего кабинета, как меня перехватил босс группового профкома:

— Где вы ходите?! Конференция уже начинается, а представителя объединения до сих пор нет!

— Какая конференция? И при чем здесь я?

— Профсоюзная. Мегионской экспедиции. От объединения вы должны присутствовать...

Профсоюзные конференции... На многих мне доводилось заседать за время работы в Главтюменьгеологии, все они были похожи одна на другую накалом страстей! Где еще есть возможность «отоспаться» на начальстве доморощенным жванецким?

И вдруг, впервые, спокойное, даже вялое собрание. Так, с реденькими всплесками, с мелкой рябью эмоций.

Конференция идет в единственном мегионском (и до сих пор, кстати!) ДК «Прометей», находящемся на балансе Мегионской экспедиции (ныне передан городу). Зал для конференций великоват. Мы сидим с Хохряковым чуть на отшибе. Еще одно отличие от привычных конференций: начальник экспедиции не в президиуме, а в зале...

Прежде мы встречались на совещаниях, на штабах, советах руководства, но мимолетно. А в этот раз немного разговорились, отметив, что взгляды на многие аспекты нашей работы у нас совпадают. Я узнал, что он после института, с 72-го года работает здесь, в МНРЭ. Начинал с цеха испытания, был его начальником, затем замом по общим вопросам. И вот уже два года начальником экспедиции.

Я высказался насчет удачной его служебной карьеры.

— Просто ответственности не боюсь: беру на себя. Когда место зама освободилось, многим, более опытным предлагали, те отказались. А я согласился! Покрутиться пришлось, но справился. И когда начальником предложили, не стал ломаться из скромности: производство знал, людей, район работ и прочее. Вроде получается? — он сдержанно улыбнулся, но ни в тоне, каким это было произнесено, ни в коротком, отрывистом смешке,

которым была сопровождена неширокая улыбка, приоткрывшая плотные, некрупные зубы, не было самодовольства, тщеславия, чуть честолюбия — может быть.

Еще большее расположение испытал я к нему, когда узнал, что он закончил тот же институт, что и я, — Уфимский нефтяной. Что мы — земляки.

III

Уфа!.. Город школьного детства, юности, студенчества. Город первого сладкого сердцебиения, первых увидевших свет стихов, радости и тревог... Город, в который так радостно было возвращаться с практики, с уборки, а позже — с севера, в отпуск! Материнским теплом веет от них, родительским кровом. У меня там матушка упокоилась, у Бориса Сергеевича — отец, поэтому ныне нам Уфа вдвойне дорогой город.

— Если бы не война , — вспоминает ныне Борис Сергеевич, — я бы не уфимцем родился, а волжанином. Родители жили на Волге, в деревне Глебово, под Рыбинском. Работали на моторном заводе. В начале войны завод эвакуировали в Уфу, вернее, в Черниковку. Отец прошел большой трудовой путь от токаря-фрезеровщика до заместителя начальника цеха моторного завода, в котором работало полторы тысячи человек. На работу он уходил обычно в семь утра и возвращался поздно вечером. По субботам работал в таком же режиме. Поэтому я с детства считал, что так мужчина и должен работать. Жили мы сначала в районе 4-й площадки, там, в 13-й больнице, 11 мая 1950 года я родился, став уфимцем. Если интересует, могу сказать точнее: в шесть утра.

Борис Сергеевич сдержанно, в своей манере посмеявшись, продолжает вспоминать:

— В 56-м году переехали в новый дом, сейчас это улица 40 лет Октября. Через год пошел в школу № 52 Калининского района Уфы.

— А полное солнечное затмение помните? В это время, кажется, было, — сбиваю я его с мыслей.

— Конечно! Такое не забывается: впечатляющее зрелище! — откликается он. — Когда «Слово о полку Игореве» проходили, ощущение русичей от полного затмения солнца — поистине небесного знамения! — были понятны. Как же: исчезло Ярило среди бела дня!.. Зато потом, когда солнце стало переливаться

из-за тени, каким ослепительным показался его свет, каким ярким и новым окружающий мир. Но вскоре жизнь пошла своим чередом. Школа. Уроки. Домашние задания. Спорт. Походы по окрестностям. Места у нас — сам знаешь! Одни Воронки чего стоят. Да и берега Уфимки... По обрывам забирались, пещеры — хоть и узкие, скорее лазы, но все же осваивали. Купались, рыбачили, орехи-лещину в овражных чащобах добывали. Весной — за подснежниками...

В парке Калинина, а он ведь большой, местами — лес настоящий — в кроссах участвовали. Между прочим, в беге на 800 метров был чемпионом школы. Результат до сих пор помню: две минуты девять секунд. А в 68-м году, это уже после первого курса, а поступил я в Уфимский нефтяной институт, друг уговорил меня заняться альпинизмом и вывез на сборы. База была на речке Ала-Арча, километрах в двадцати от Фрунзе, от Бишкека то есть. После обучения скалолазанию совершили два восхождения: на вершину Адэгине и пик Панфилова (что-то около 4700 метров над уровнем моря). Наша группа заняла 17-е место из 150 (в зачет команде вошли). Вот так. В 72-м году институт закончил, остальное вы знаете...

IV

Вскоре после нашего разговора Хохрякова назначили главным инженером Мегионнефтегазгеологии. На его место (не отставать же от нефтяников!) поставили знатного бурового мастера, «маяка» отраслевого соревнования. Этого «маяка» я знал как злостного нарушителя технологической дисциплины, для которого единственным критерием истины был свой прошлый опыт, несмотря на новые сложные геолого-технические условия. Тем не менее новый главный инженер, собрав нас, руководителей служб, настоятельно рекомендовал, чтобы мы вплотную занялись оказанием помощи новому выдвиженцу. На наше удивление, почему, мол, не главного инженера, опытного руководителя и специалиста, назначили начальником экспедиции, замещавшего Хохрякова, когда тот был в отпуске или командировке, а «маяка», Хохряков, тая усмешку в небольших темно-карих глазах, ответил фразой известного анекдота: «Надо, Федя, надо!»

Так началась моя работа под его рукой.

Вспоминая своих непосредственных начальников разного уровня, с которыми мне пришлось более тридцати лет работать, я

выделяю троих: В. П. Федорова, И. П. Бранзбурга и Б. С. Хохрякова — с ними мне было легко работать, и основная причина этого в том, что они не мешали выполнять свои обязанности, считались с моим мнением, не перерешивали, не давили, а убеждали, и только в редких случаях принимали, в разрез с моим мнением, волевые решения. Ну и, помимо прочего, мне нравились многие их личные, общечеловеческие качества, привычки...

Помню, после забурки 90-й Тагринской, мы с Хохряковым при первой возможности ездили в ближние, окрестные лесочки и колки за грибами. Он отпускал своего водителя Николая Ивановича, сам садился за руль УАЗа и — по грибы! по ягоды! Хоть час-два, но успевали мы полазить по чапыжникам, опушкам и предболотьям. Собирал он азартно, ревниво относился к своим находкам. Характерно уважительное отношение не только к людям, но и к лес — ным дарам! (Может, точнее, к своему труду?) Такой пример. После грибной охоты спрашивает: «Сколько у вас получилось грибов после варки?» Стыдно признаться, гости приходили, а корзинка с неперебранными грибами так и стоит на балконе, и придется, когда руки до них дойдут, половину выкинуть. Мы в то лето холо-стяковали, и оба делали подготовительные работы к ремонту квартир: занимались шпаклевкой дверей, окон, полов. Я потом приступил к малярным работам, а Борис Сергеевич не решился.

— Вообще говоря, ремонт квартиры — не моя прерогатива, — пояснил он усмешливо, — это хобби жены! Мне она не доверяет: колер красок, рисунок обоев — дело тонкое, дизайн! В этом она спец, а я — как рабсила...

С Валентиной Ивановной Хохряковой я познакомился, пожалуй, прежде, чем с Борисом Сергеевичем.

В конце 70-х, когда было создано объединение «Мегионнефтегазгеология», зимой, при нелетной погоде, мне приходилось добираться из Ваховска до Мегиона по зимнику через Сгрежевое. Хорошо укатанный зимник порой не уступает автобану, а вот недавно уложенная бетонка выматывала всю душу, особенно если ехать приходилось на ВМ-20. В любом случае, после многочасовой езды самочувствие было не лучшим.

Главным механиком объединения в то время был мой давний знакомый. И однажды зашедши к нему, я был радушно попотчеван и кофе, и чаем его милыми сотрудницами, симпатичными, остроумными и веселыми женщинами: Алиной Алиевной, Вален-

тиной Ивановной и Алей... И с тех пор, даже прилетая на вертолете, я стал наведываться к ним: пообщаться. За чаем обсуждали новости, хохмили, попутно я мог получить язвительные замечания, если наши механики допускали в своих отчетах, актах на списание, заявках или других документах непростительные «ляпы».

Оказалось, что Валентина Ивановна — землячка, окончила механический факультет нашего Уфимского нефтяного института. С Борисом Сергеевичем она познакомилась банально: на студенческой вечеринке. Знакомство привело к тому, что на последних двух курсах ей пришлось учиться заочно: вышла замуж и уехала с ним в Мегион в 72-м году. И ездила потом — как нитка за иголкой...

Валентина Ивановна по натуре человек открытый, энергичный, коммуникабельный, она способна в любых условиях создать душевную, непринужденную обстановку, а уж дома, для родных и любимых — тем более!

Поэтому неудивительно, что Борис Сергеевич к своему дому, к семье относится очень уважительно, трепетно, может быть, даже...

V

На 90-й Тагринской дела — поэтапно, с заминками, но продвигались. Долото диаметром 295 мм достигло глубины 3800 метров. Сложности усугублялись суровой зимой, высокой забойной температурой (более 100 градусов Цельсия), буровая курилась, как вулкан, буровой раствор на устье был горячим...

План! План! План! Любой ценой: план!

План, не подкрепленный техническими ресурсами...

План, рассчитанный на энтузиазм масс, без развития социальной инфраструктуры...

План, который выполняют начальники, парткомы, профкомы и комитеты комсомола, а заваливают — главный инженер и его службы...

Каждое утро начальник Главка — генералу, главный — главному и т. д., по функциональной подчиненности, с одним вопросом: «Когда закрутите нулевки?» То есть забурите новые скважины, чтобы взять легкие верхние метры для покрытия своего или чужого недобора, для выполнения дополнительного задания. И все это называлось оперативным руководством, оказанием помощи, заключающейся в ценных указаниях, а фактически было мелочной опекой, отнимавшей время от настоящей работы. Но у

Главка была власть, все финансовые и материальные ресурсы, право казнить и миловать, назначать и смещать... «Выгоню!!!» сменилось на более демократичное «Уволю! Без права работать в системе даже вахтером...» Трудно в такой обстановке разговаривать с подчиненными спокойно, доброжелательно, считаться с их мнением, уважать их человеческое достоинство, учитывать их семейные обстоятельства и житейские ситуации.

Борису Сергеевичу это удавалось.

Но как, знали не многие: через стенокардию... Хотя он сам вида не показывал.

Когда же у дочери после операции, сделанной в Мегионе, началось осложнение и потребовалось квалифицированное и длительное лечение, Борис Сергеевич тут же, без раздумий перевез семью в Уфу, оставил престижную руководящую должность и стал вахтовиком: буровым мастером на глубокой поисковой скважине-четырехтысячнице... И только после того, как здоровье дочери укрепилось, вернулся снова на постоянную работу на север — возглавил Аганскую нефтеразведочную экспедицию, переживавшую тогда не лучшие времена...

В Новоаганске он в который раз в жизни не побоялся ответственности: принял на себя груз выборной должности председателя Нижневартовского райисполкома, и до сих пор несет это бремя в должности главы администрации крупнейшего района.

А новоаганцы до сих пор вспоминают Бориса Сергеевича добрым словом. Но он и на новом посту не забывал их. Об этом говорилось на юбилейных торжествах, недавно прошедших в Новоаганске.

О работе Бориса Сергеевича, его программе, о том, что сделано в районе с его спокойной, точной и силовой подачи достаточно много и регулярно рассказывается в местных и региональных средствах массовой информации, в буклетах, выпущенных районным пресс-центром и т.п. И я не ставил себе целью говорить о сегодняшних его делах, стиле работы, его человеческих качествах, я хотел показать, откуда он, сегодняшний Б.С. Хохряков, глава, депутат, семьянин (уже и дед, кстати). Человек современный, повидавший мир, расширивший сегодня свой кругозор, обогатившийся новым опытом, способный воспринимать новое, критически оценивая прошлое, не черня его.

Вот лишь несколько впечатлений от встреч с ним в последние годы.

...Борис Сергеевич разговаривает с солидной, русской приятности и комплекции женщиной, по всей видимости, финансистом: «...освободите меня от этой ноши! Я почему занимался сам? Хотелось, чтобы все бюджетники получили зарплату. Сейчас, когда вопрос решен и есть перспектива к нему до Нового года не возвращаться, берите все на себя. Будем говорить, за рублем обратятся, буду отправлять к вам, сам решать ничего не буду! Согласны?»

Отмена волевого решения, принятою в критической ситуации, и возвращение самостоятельности руководителю службы? Видимо, так. Как и в былые времена,

...Борис Сергеевич о своем имидже: «Хотелось бы иметь имидж обязательного человека. И, думаю, именно так меня воспринимают жители района. Их доверие, уважение к себе чувствую всегда, когда бываю ц поселках. Поездки на места — мой образ жизни, к которому я привык, работая еще в геологии. Определиться, что надо сделать, не по генплану и телефону, а на месте, общаясь с конкретными людьми...

...Борис Сергеевич рассказывает о своих командировках в Китай и Японию: « В Китае — своим, родным, социалистическим повеяло, словно не служебная командировка, а дружеский визит, зато в Японии — ни минуты на перекур и посторонние разговоры. С утра до вечера! Вот с кого пример брать надо, у кого учиться! Но начинать надо с семьи, с пеленок людей воспитывать... Менталитет совка не изменишь быстро, но менять надо: иждивенчество и пофигизм превращать в самостоятельность и чувство долга перед собой, семьей, предприятием и страной»,

И последнее. Борису Сергеевичу по должности приходится встречаться и принимать достаточно высоких и очень высоких гостей. Я хотел бы упомянуть об одной встрече — с Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II во время пребывания его Святейшества в Нижневартовске и районе. Событие это широко отражалось в фоторепортажах и телехронике. Мне кажется, что многие должны были обратить внимание на то, что временами рядом с убеленным сединами Патриархом появлялся мужчина зрелого возраста с таким же внимательным взглядом карих глаз, очень похожих на патриаршьи — это был Борис Сергеевич Хохряков. Глаза, говорят, зеркало души! Дай Бог, чтоб так оно и было. Духовной вам высоты, Борис Сергеевич!

ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ С РАССВЕТА

I

— Задали нам сочинение на вольную тему. А я, надо признаться, обычно писал на «три-четыре», как, впрочем, многие. Не секрет, что иные нерусские пишут грамотнее нас, исконных русаков. И литературу знают не хуже. Более того, творят ее, «русскоязычную»! И неплохо ведь, кстати, если быть объективным.

Так насчет сочинения. С детства люблю рассветы. Спортивным я рос парнишкой, зарядку делал, по возможности, на воле. Пораньше — засоней не был! Встанешь, небо сиреневое, горизонт только-только брезжит... На востоке заря дамасской сабелькой небо от земли отсекает. Такая красота! А воздух, воздух! Дышишь — не надышишься!

А вечером небо зеленеет, латунью, бронзой кроется. А потом звезды... Жили мы на окраине Ирбита, почти по-деревенски. Лягу на скамью — все небо перед глазами. Смотришь на звезды, на созвездия. Большая Медведица... Плеяды... Кассиопея... Лебедь... Звезды сначала только-только теплятся, а потом все шире и шире раздуваются, мохнатятся — растут, словно снежинки или иней, или костер, издалека...

Не поверите, написал я обо всем этом, и мне — после троянов и четверок! — учительница пять с плюсом поставила, говорит: «Да ты поэт, Егор! Где только слова такие взял!»

Егор Иванович Горбатов, мэр города Мегиона, широко, обезоруживающе улыбнулся и негромко, словно стеснительно («вот, мол, расхвастался!»), хохотнул: смеялись губы, щеки, морщинки у глаз, а сами глаза были усталые и озабоченные.

Встречи с Егором Ивановичем я добивался давно — для обстоятельной беседы, и она состоялась, наконец, глубоким вечером в начале октября 1996 года, несмотря на то, что шла предвыборная борьба, и каждая минута у действующего мэра и кандидата в мэры и на новый срок была на счету.

С более доступным Егором Ивановичем Горбатовым я познакомился почти двадцать лет тому назад, когда он был секретарем парткома новорожденного объединения «Мегионнефтегазгеоло-гия».

Мне Егор Иванович понравился сразу: внимательные темные глаза, очаровательная широкая улыбка, проникновенный,

теплого — гобойного — тембра голос, «крабистая» ладонь, крепкая фигура. слушает внимательно, вникающе, с пониманием. Никаких

«ЦУ», нотаций, призывов. Редкие реплики остроумны, порой язвительны, всегда по сути, то есть понимает человек проблемы: производственные, социальные, духовные... На открытом партсобрании экспедиции выступил ярко, эмоционально, аналитически. В общем, идеальный, сошедший с экрана или со страниц соц-реалистического романа партработник новой формации. Было это за десять лет до начала перестройки, авторитет партии в народе был капитально подмочен, хотя власти была тьма и была власть идеологической тьмы на официальном уровне. Но тогда верилось, что если придут в партийные структуры порядочные люди, то будет «еще не вечер». Егор Иванович, я полагал, понимал это и, как бы отмеживаясь от старших «партайгеноссе», подчеркивал, что он недавно с производства: и помбурил, и поммастерил, и прорабом вышкостроения работал. Верилось, что он не зашорен партийными догмами. Думалось, таких бы людей да на самую верхотуру «демократического централизма»!

Позднее, когда я перевелся в объединение, Егор Иванович уже работал начальником вышко-монтажного, потом дорожно-строительного управлений, в это время дружить мы с ним не дружили, но встречались часто — по службе и просто так. А вот с 90-го года, когда он стал председателем Мегионского горисполкома, на многие годы встречи стали случайными, дискретными: на мегионских улицах, но по-прежнему — с жизнерадостной приязнью и крепким рукопожатием.

Что я знал о Егоре Ивановиче до последней встречи? Только то, что мы обычно знаем о сослуживцах, то есть в пределах производственных интересов и мужского общения: курит-не курит, пьет-не пьет, жене изменяет-не изменяет, в производстве разби-рается-не разбирается, слово держит-не держит и т.п. С этой стороны я знал Егора Ивановича: по перечисленным параметрам, на мой взгляд, он был выше многих из своего окружения. А вот что касается биографических подробностей, то знал я очень мало: или не задержались в памяти, или вообще разговора не заходило. Поэтому в тот поздний вечер, когда мы с ним встретились, я постарался выудить у него такие сведения, которые характеризуют его как Егора Горбатова-человека, индивидуума.

II

Родился Егор в 46-м году в Саратовской области в деревне Малая Быковка под Балаковым. Марксовский район. Это ж бывшая республика немцев Поволжья, там и город Энгельс есть. Егор — выходец из казаков. Со слов его матери, три-четыре поколения Горбатовых жили в тех краях. Это то, что она могла вспомнить. А так — может, испокон там обитали. Чуть Егор провинится, мать на его: «У, казак! Весь в Горбатовых!» Так и бранила его. А вообще-то у Егора фамилия не отцовская, а дедовская — по матери.

Тут такое дело.

Мать работала в войну в МТС трактористкой. Сейчас, поди, не многие знают, что такое МТС, а это — машино-тракторная станция. Такие станции обслуживали техникой в своей округе колхозы и совхозы. С начала войны эмтээсовские механики сели за рычаги танков, самоходок и тягачей, а на оставшиеся «Универсалы», СТЗ и НАТИки — женщины и девушки. Трактора эти без кабин были, без стартеров и пускачей, работать на них очень тяжко.

Будущий отец Егора был на фронте, У него осталась семья под Винницей, но дошли сведения, что все его близкие погибли в оккупацию. После ранений и контузии направили его в Саратовскую область механиком МТС. Область эта во все времена не последней житницей была. Саратовские калачи испокон славились. А во время войны и ржаная коврига была дороже золота!

В МТС Егоркина мать и познакомилась с отцом, вышла замуж. Пожениться они поженились, а брак не зарегистрировали. В деревнях в то время так делалось сплошь и рядом: наследие пред-колхозных коммун и колхозного — « беспашпортного» — крепостничества. Так, в гражданском браке, родился Егор, а через три года — сестра... Останься отец живым, в дальнейшем бы все сообразовалось, а он умер. Не дождавшись рождения дочери. Был он постарше жены, но не возраст, конечно, тому причиной — доконали ранения и контузия. Так получилось, что и не расписались родители: документы на детей, когда понадобилось их оформлять, были выданы на девичью фамилию матери. Но это не беда, главное — безотцовское Егору и его сестренке выпало детство: послевоенное! А я знаю, что это такое.

Егор часто пытал мать: расскажи об отце! Но она отделывалась общими фразами. Егор знал, что отец украинец. Мать корила иногда, попрекая разными чертами характера: у тебя, мол, Жора, упорство, замкнутость, своеволие — горбатовские, казацкие, а хитрость — отцовская, хохляцкая. Много позже, незадолго до смерти, мать написала Егору: «Приезжай, сынок, поговорить надо...» И стала показывать бумаги, оставшиеся после отца, его письма. И тогда Егор узнал, что фамилий отца — Скоропадский. Иван Петрович Скоропадский. Из-под Винницы. И что у отца выжило двое детей из первой, винницкой семьи...

По молодости больше о себе думаешь, в тонкости бытия редко вдаешься; живое — живым! А вопросы, откуда ты родом, из каких корней ты — копятся подспудно, а потом в один прекрасный момент и загомозятся в голове, и никуда от них не деться! Вот и Егору Ивановичу недавно пришла утешная мысль: «Как выйду на пенсию, займусь своей — по отцу — родословной! А что? Разыщу братьев Скоропадских, может, они просветят насчет отцовского родового древа?»

— А если они приведут к гетману Ивану Скоропадскому, фамилию сменишь? — спрашиваю я.

— Нет, — смеется Егор Иванович, — фамилию менять не буду, но ведь интересно узнать, да и на душе спокойнее будет. Что ни говори, связь времен, чувство родины — великая вещь!

В 88-м году ездил Егор Иванович с семьей на большую землю на машине. В отпуск. На юга! И вдруг на обратном пути накатило жгучее желание посетить малую родину — деревеньку Малую Быковку... Чуть не сорок лет прошло с тех пор, как вывезла их мать с сестренкой и бабушкой в Ирбит. Ничем не напоминала о себе Быковка, и вдруг словно пучок сухого емшана понюхал, как в известной балладе Майкова: «... и сам не свой, как бы почуя в сердце рану, за грудь схватился... скоро ль степь родная...»

Вот, наконец, село...

В памяти практически ничего не осталось: какие-то смутные воспоминания. А машина — едет! Такое впечатление, что руль сам крутится куда надо. Или, скорее, подсознание работает: здесь он первый вздох, первый вскрик, первый глоток сделал, первый раздельный звук произнес!

Улица... «Та или нет?» (Сердце вдруг зачастило: тук-тук! тук-тук!)

Вдали пруд. «Был или нет?» (Сердце: был-был-был-был!)

А вот и дом... (И сердце: вот-и-дом! вот-и-дом! вот-и-дом!..)

Пожилая немка (гроссмутер! Марксовский же район бывшей республики немцев Поволжья) подтвердила догадку Егорову: «О, я, я! Да-да, помню, помню фрау Нинка! У нее имелась муттер Ба-ра-ба-ни-ха! Да-да! Такое она имела втрое имя: Бараба-ниха!»

Засмеялся Егор: «Точно, точно! Бабка Степанида именно такая была: про вся и всех знала, в секрете это не держала, но не на ушко нашептывала, а на всю улицу — неумолчно и громко... «барабанила»!

Значит, не ошибся. Вернее, сердце подсказало...

И в памяти, как на фотобумаге в проявителе, картинки стали возникать. Или как в телемониторе: далекая вспышка близится, близится — бах, яркая картинка во весь экран!

...Огромный-преогромный мир! За воротами не просто улица, а неизведанное ПРОСТРАНСТВО, в конце которого НЕЧТО привлекательное под названием ПРУД, полное прохладной плещущейся разговорчивой воды. Но этим ПРУДОМ владеют злые и жадные ГУСИ! Маленький Егорка делает попытку обойти этих серых красноногих страшилищ, но старый гусак, приспустив крылья к земле, тянет вздувшуюся шею, щерит красную пасть, шипит, как Змей-Горыныч, только что дыма и пламени нету, и пресекает его попытку пойти на ПРУД. Бежит Егорка во двор или к матери в коленки, а гусак с высоко поднятой головой к стаду возвращается: хлопает крыльями и победно гогочет. Гусакам, ведь, как известно, только отметиться!

Это — самые истоки Егоровой памяти.

А вот застывшее мгновенье той, послевоенной поры. Первое и единственное малобыковское фото (такие фото делали за «кто что даст» бродячие фотографы-шаромыги, фотографы-передвижники, благодаря им хоть такие фотокарточки есть у многих в семейных архивах!): на венском стуле, сцепив указательные пальцы, стоит большеголовый настороженный Егорка; ему года два, на нем темная рубашка-платьице чуть не до колен, материя плотная, топорщится, на ногах белые шерстяные чулочки, подвязаны по коленями, ножки прямые, не рахитичные, хотя и худенькие.

Похож ведь, похож этот человечек на нынешнего Егора Ивановича: чуть выдвинуто вперед левое плечо, в глазах — грустный извечный вопрос: ну чего, мол, еще не поделили-то теперь.

когда уж чего-чего, а с голоду при всем желании не сдохнете... Не то, что мы!

— Честное слово, — говорит Егор Иванович, — ничего-ничегошеньки ж я не помнил про Малую Быковку! Единственное воспоминание: назойливое, мощное, подавляющее, о котором я и не хотел... какое?! даже стеснялся заикаться — это чувство голода!

— Я понимаю! — говорю. — Жил я в Башкирии в это время.

47-48 годы — голодные, я чуть не умер от голода...

— Не-ет! — возражает Егор. — Пусть не тебе, но твоей матери, может, было легче: вы-то, восьми или десятилетние, соображали, а мы, двух-трехлетки, как грачата, только одно и кричали: «Ма-а-мка, есть! Хочу есть!» Хлеба или чего пожуют, в тряпицу и — в твой по-птичьему раскрытый рот: «Соси, кормись, сыночек, но не береди душу, родной!»

А тут еще и отец умер...

И подались женщины на Урал, в Ирбит...

III

Ах, Ирбит, Ирбит, Ирбит — ярмонка!
Ах, Ирбит... тудудыт-т... уже без гаманка...

Был Ирбит с 1631 года центром торговой смычки, если не Европы, то Европейской части Российской империи, с ее другой — восточной частью, в т.ч. Сибирью. По товарному обороту это была вторая после Нижегородской ярмарка во всей Российской империи.

Ирбит для Прошки Громова — в прошлом «ярмонка», для Егорки Горбатова в настоящем — «индустриальный центр»!

В Ирбите было много эвакуированных заводов. После Победы люди возвращались в родные города. Да и вообще в послепобед-ное время людские рабочие умелые руки были нарасхват!

Нина Ивановна Горбатова получила жилье даже не собственно в городе Ирбите, а, скорее, в пригородном поселке, даже деревне — в шести километрах от номерного завода.

Снабжение и жизнь в городе были получше, чем в Поволжье. А от знаменитых ирбитских ярмарок осталось только при-

словье: «Не быват в Ирбит торговат!» — с жестким бескомпромиссным выговором, куда так и просится старое «ять», означавшее «дело не выгорит», «дело не сладится», «стороны не сговорятся», короче, безнадега...

Ах, Ирбит...

Вот первое остановившееся мгновение ирбитской поры — групповой снимок. На переднем плане мать, Нина Ивановна Горбатова, и бабушка Степанида, между ними на подставочке стоит Лидочка, а чуть позади нее, на своих двоих, в белой рубашоночке, с чуть криво подстриженной челкой (виноват, чубчиком — казачонок же!) завершает композицию Егор, он уже классе во втором. Мать — в темном, в косую клетку, глухом платье, в темных носочках, в темных же матово блестящих туфлях, руки лодочками на коленях. Лидочка смотрит в объектив напряженно-настороженно (видимо, фотограф про птичку, что должна выпорхнуть, не сказал?) и, словно боясь упасть с подставки, для поддержки, правую ручку сунула в материнские ладони... Бабушка — в теплом полушалке, кофта — белый горошек по темному полю — напуском на темную юбку, тоже в косую клетку, только ромбики покрупнее, чем на платье у дочери.

И у Нины Ивановны, и у бабки Степаниды выражение на лицах — степенное, благообразное, полное достоинства и умиротворенности. Глаза у взрослых светлые, у детей темные.

...Все же жаль, что снимки наших предков перекочевали с настенных рамочек в фотоальбомы или в картонки из-под видеокассет, постоянное созерцание их ликов удерживало бы, возможно, нас от некоторых поступков и помыслов, от коих удерживали родители, пока были живы...

А жизнь ирбитская между тем крутилась, хоть и не так весело, как ярмарочная карусель, но тоже — со своими взлетами, ахами, охами, с радостным смехом, с обмирание сердца и головокружением!..

Нина Ивановна — мать-кормилица, добытчица... Бабушка Степанида — домашнего очага хранительница и устроительница... Лидочка — помощница, а Егор? Егор — хозяин, вся мужская работа по дому — на нем! Основная забота — дрова. Пятнадцать кубов закупить, привезти — половина дела, а ведь их распилить надо, расколоть, в поленницу сложить — на все лето Егору заделье! Когда вдвоем да пила острая, хорошо разведен-

ная, да козлы нормальной высоты, устойчивые, тогда только «вжик-вжик»! — опилки в разные стороны — если березу пилишь, весенней свежестью пахнут опилки, если сосну — смоляным, скипидарным духом, осина — горьковатым винным перегаром отдает...

Одному двуручной пилой работать несподручно, однако если нет напарника, а пилить надо, можно и приловчиться: от себя — легонечко, придерживая плотно левой рукой, к себе — с нажимом.

— Жора, да отдохнул бы! — подначивает мать. — Время есть... А хочешь, нового папку возьмем — тебе помощником будет!

— Да я уж лучше сам, без помощников обойдусь! — отказывается Егор. И с еще большим энтузиазмом вжикает позванивающей певуче пилой: не нравится ему материнская шутка.

Вторая забота — вода. И для домашних нужд, и для полива: бабка Степанида огородничала, ведь всю жизнь они с дедом Иваном крестьянским, хлеборобским трудом занимались. Бабушка рассказывала: здоровущим был мужиком дед Иван; когда во время продразверстки забирали у них хлеб бесплатно и «под метелку», не сдержался он и выволок со двора за шкирку особо нахальных да глумливых, а охолонившись, скрывался долгое время в лесу — контрреволюцию приписывали тогда и за нечаянно вылетевшее сло — во, не то что сопротивление, простыл сильно, потом долго болел, да так и не поправился... Приваживала к земле бабушка и внучат: «Земля — не грязь, земля — кормилица. Она руки не пачкает!»

Табурет сладить, скамеечку, полку навесить, корзинку под картошку сплести, скворечник смастерить, рыболовную снасть уловистую собрать — все мог смекалистый, не боявшийся труда Егор. Жизнь у земли универсализма требует, мастерства на все руки! И все же мальчишки есть мальчишки! Тем более — безотцовщина...

Безотцовщина... Это был особый социальный слой послевоенных детей, которых так и звали, — кто с сочувствием, кто с осуждением. Разные компании «безотцовщины» были: пай-мальчики, затурканные и боязливые, отъявленные сорви-головы, а то и просто вольнолюбивые, для которых мамкины шлепки и ругань — все равно что проявление родительской ласки. Такие пацаны не считали для себя зазорным совершать налеты на чужие сады-огороды. Мать Егора не бранила и не наказывала.

«Побегай, Жора, побегай! — разрешала она сыну. — Только не долго!» И Егор старался не ослушиваться ее, но и пай-мальчиком не был, случалось, и в набегах на сады участвовал, подростком интересно было угостить девчонок-одноклассниц «запретным плодом» — яблочком! Малая Быковка в Поволжье среди степи лежала ровной, как гладь озерная тихим утром, а Лиханово — так назывался фабричный поселок (или пригород Ирбита?) — как будто ветерок подул с Уральских гор, и зарябило, забурунило... Речка Ирбитка, малые речушки. Богатые поймы, рыбные воды, ягодные, грибные леса...

Учился Егор хорошо, с интересом, а поведение...

Свобода при безотцовщине кажущаяся, а вот груз ответственности, чувство долга — они рано приходят, но это не все видят, при малейшем проступке безотцовщина автоматически как бы усугубляет его.

— Когда справедливо наказывали, — вспоминает Егор Иванович, — не обидно было: чувство стыда, раскаяния — да! Тут можно и повиниться, прощения попросить и т.п. Но это когда знаешь, за что! А если не виноват? Если нечаянно, а тебя как за злонамеренность наказывают? Неправильно это! Считал и считаю до сей поры! — И чуть тушуясь, рассказывает о таком эпизоде, случившимся с ним и его другом классе в пятом-шестом.

Весна! Сосульки голубые с утра заслезились. Воздух пропах талым снегом. Занятия в школе во вторую смену. Кончились уроки, тут же, возле школы, затеяли игру в снежки. Весеннее солнышко пригревчиво, а чуть за крышу зашло — морозец тут как тут! Руки красные, что гусиные лапы, только что огнем горевшие, когда снежки лепили рыхлые — плотно нельзя, с девчонками же игра — ли — заломило вдруг, мочи терпеть нету! Не сговариваясь, с другом догнали визжащих девчонок-одноклассниц, и руки к ним за пазуху и за гашник: погреть... Кто-то из педагогов-пуритан сие «безобразие» увидел, и Егору с «сотоварищи» за «аморалку» снизили четвертную оценку за поведение. Мать свои меры приняла, сказала: «На каникулах (а дело было перед весенними каникулами) из дома не выйдешь!» Обидно было, переживал Егор!

Как бы то ни было, жил Егор в Ирбите полнокровно, как река в половодье...

И среди товарищей был заводилой.

Вот еще одно застывшее мгновение ирбитской жизни Егора.

На фотоснимке даты нет, но, как сказал Егор Иванович, видимо, 63-й год, десятый класс (но не выпускной, уже введено одиннадцатилетнее обучение).

По всему — весна... Шестерка друзей в центре — Гера (он же — Жора, он же — Егор).

У Егора короткая прическа. Один, крайний, в модном тогда берете, у остальных — скромные, но — коки! Все в брюках — «ду-дочках».

— Сами зауживали! — Егор Иванович встряхивает крупной, в серебристом налете головой, кофейного цвета глаза теплеют: достал, видимо, я его фотографиями!

Надежда Андреевна, его жена, многое мне о нем рассказывала, да и эту встречу, по сути дела, она организовала! — и позволила ознакомиться с семейным фотоархивом, из которого я и припас несколько характерных, заинтересовавших меня снимков: на комментариях к ним, собственно, и строилась наша беседа, ну, естественно, и на отступлениях.

На дальнем плане фотоснимка — старинное двухэтажное, хорошей фигурной кирпичной кладки здание, вероятно, родная средняя школа номер 13 города Ирбита, в которой друзья и учатся. Слева, за штакетником, сад с набухающими почками, оранжерея. Видимо, ленинский субботник: перед школой, позади шестерки друзей, стоит ГАЗ-51, в кузове которого, после стрижки, ветки.

У ребят непринужденные позы, на лицах гамма чувств: и превосходство, и бравада, и оптимизм, и... все же любопытство — а что там, в будущем?

Окончена 13-я школа города Ирбита. Поехал в Свердловск поступать на физтех УПИ: точные науки — отлично, сочинение — троечка! (Эх, где она, та пятерочка с плюсом? Да хотя бы четверку — прошел бы! Но не хватило балла. Одного, но... не хватило!).

Домой приехал: повестка! В армию служить!

Ах, Ирбит, мой Ирбит,
на Ирбитке-реке!
На душе так свербит — когда ты вдалеке...

IV

Служил Егор Иванович Горбатов в армии в смутное, в военном отношении, время в мире...

Июнь 1967 года. Израиль оккупировал Синай вплоть до Суэцкого канала... «Столько-то «Катюш» чешского производства... Столько-то артиллерийских систем с точностью поражения до ...метров... Танков Т-65... Склады ракет класса «земля-воздух» переоборудованы израильскими военными инженерами в класс «воздух-земля», они прекрасно поражали танки советского производства...»

(Мне горько было слушать на гражданке. Егору, думаю, тоже. Обидно было не за державу, за союзников!)

Июль 1968 года... «Поездная» дипломатия: Брежнев встречается с Дубчеком в приграничье (словно Катюша со своим «орлом»!). В результате: август 68-го года. Социализм защищен! Интернационализм — в действии...

Егор в это время служил в Прибалтике. В Советской армии осуществлялся переход с 3-х годичной на 2-х годичную службу, шло формирование (приоритетное!) воздушно-десантных частей. Тогда это было все засекречено, называлось «войска ПВО». То есть шла реформа армии. Как, впрочем, и во всем мире: все страны реформировали свои армии. Та реформа была своевременной, жаль, что с последующей мы опоздали на много лет: это и Афган подтвердил, и, еще более, Чечня! Что делать, все мы умны задним числом!

Но Егор вынес для себя из военной службы многое. Во-первых, всему должен предшествовать расчет, планирование, контроль за исполнением. Во-вторых, должен быть учет, дисциплина, отчетность, исполнительность и достоверность информации. В-третьих, а, может, и во-первых, профессионализм. И, конечно, человеческие — не панибратские! — а именно добрые, человеческие отношения между людьми...

И это был главный урок, который он вынес из жизни, поступая в Тюменский индустриальный институт — «Индус».

И еще — приобщение к всемирной истории. К дальней и ближней, философской и конкретной: могилу Канта в Кенигсберге — видел, а могилу дяди, Егора Горбатова, материного брата, бравшего Кенигсберг, нет.. А ведь в честь дяди и назван Егором.

И хорошо: Кант не забыт, но и Егор — тоже не забыт, во внуке двоюродном живет! И, что интересно, многое приемлет из философии великого немца.

Застывшее мгновенье прибалтийской поры.

Молодой Егор Иванович в кителе со всеми регалиями, в том числе гвардейскими — несколько значков! Скромный, чуть вверх и налево, чубчик. На полных, наверняка, нравящихся девушкам, губах чуть заметная улыбка. В темных глазах — задорные искорки...

— Как насчет «дедовщины»? — спрашиваю.

— Ты что?! Наша дивизия основы ВДВ закладывала; отношения — на всех уровнях — были «Во!» — показывает Егор Иванович большой палец: что палец, что кулак — «вэдэвэшные»! — Отношения были товарищескими, — говорит серьезно. — Мужская была, боевая дружба.

Когда я знакомился с фотоархивом Егора Ивановича, он был в командировке в Тюмени. И надо же так случиться, что именно в это время ТРК «Регион-Тюмень» передавала в прямом эфире беседу известного тюменского телекомментатора с Горбатовым!

Ведущий: «Смотрю, руководители-северяне — как на подбор, крепкие сибирские мужики! Честолюбивые: каждый хочет свой город, район сделать лучше, не ударить в грязь лицом. Скоро зима. Как считаете, Мегион готов к северной зиме?»

Горбатов (несуетно, твердо): «Полагаю, готов. Последние зимы были мягкими, но мы не расслабляемся, готовы к самой суровой зиме. Хотя проблемы есть...» — и называет некоторые из них.

— Волнуется Егор Иванович, — переживает за мужа Надежда Андреевна. Шнауцер Найс, заслышав голос хозяина, заводил носом: «Где же он? Голос его, а до скулежа любимого его духа-то не слышно?!»

Ведущий: «Расскажите о себе. Думаю, телезрителям интересно знать, откуда берутся такие кондовые мужики...»

Егор Иванович приводит некоторые сведения из того, что читатель уже знает, и говорит далее: «После службы в армии поступил в Тюменский индустриальный институт. На третьем курсе женился. В 73-м году по распределению вместе с семьей приехал в Мегион. Работал помощником бурильщика, бурового мастера. Инженером, прорабом. С теми людьми, с которыми начинал работать, сохранились у меня до сих пор дружеские отношения. Довелось мне работать с известными буровыми мастерами, например, с первооткрывателем Самотлора Г.И.Норкиным, С.Л.Малыгиным, С.В.Стерховым и другими. У них я

учился преодолевать трудности, сохранять бодрость и оптимизм в экстремальных условиях. Помогали набираться опыта старшие товарищи, в первую очередь Валентин Андреевич Гавриков.

Многое дало общение с ярким человеком Анатолием Михайловичем Кузьминым, бывшим генеральным директором «Мегионнефтегаза»... Одно время возглавлял парторганизацию объединения «Ме-гионнефтегазгеология», работал начальником вышкомонтажного и дорожно-строительного управлений. Неоднократно избирался депутатом городского Совета народных депутатов. В 1990 году на сессии городского Совета был выбран председателем Мегионского горисполкома. С 1992 года — глава городской администрации».

Ведущий (лукаво улыбаясь): «Мегионская экспедиция за открытие Самотлора награждена орденом «Знак Почета». Но Нижневартовск затмил Мегион, перехватил у него славу, так?»

Горбатов (серьезно): «Затмить историю нельзя! И славу украсть невозможно. Мегионские нефтеразведчики открыли не только Самотлор, но десятки других месторождений, передали их эксплуатационникам. Из наших месторождений добывают нефть несколько объединений нефтяников. Таков был порядок: открыли месторождения, разведали, передали добытчикам и — дальше! Но обидно, что роль первооткрывателей-геологов принизилась донельзя. И вообще: за геологию как за отрасль обидно!»

Ведущий: «Перспективы Мегиона как города — вверх, вширь?»

Горбатов: «Нет!.. Сегодня — ни то, ни другое. Сейчас приводим в порядок то, что имеем: благоустраиваемся, завершаем нулевые циклы...»

Егор Иванович изложил основные пункты своей предвыборной программы и в заключение, отвечая на заданные с подначкой вопросы ведущего, сказал: «На сегодня судьба города во многом зависит от политики двух руководителей: главы администрации и генерального директора «Мегионнефтегаза». Администрация города и руководство этого акционерного общества самым прямым образом влияют на все сферы жизни горожан. На сегодня политика «Мегионнефтегаза»... точнее, «Славнефть-Ме-гионнефтегаза» в отношении города достаточно жесткая. Я рад, что у меня много соперников на выборах, но несколько беспокоит тот факт, что боль-

шинство из них — «выдвиженцы» акционерного общества. Для меня же нет разницы между горожанами и акционерами, для меня все — мегионцы! Мы все, образно говоря, в одной лодке, сепаратизм нам не помощник! Самое главное, пока я был во главе городской администрации, мы преодолели без особых осложнений период «шока», удерживались на плаву. И я приобрел дорогой опыт. И сейчас, во время предвыборной кампании, встреч с трудовыми коллективами, отчетах перед ними, дополнил его. Выберет меня народ, думаю, что принесу пользу мегионцам и городу, спокойно работая: выбранный — это не назначенный! Не выберут — будет досадно, что избиратели сделали ошибку...!»

«Да! Не хотел бы я сейчас быть на месте Егора!» — подумал я. — Руководство АО столько своих кандидатов двигает мощно: с использованием современных западных избирательных технологий! Задействованы все СМИ, наглядная, заборная, почтово-ящичная агитация! В ход идут индивидуальные — к конкретному избирателю! — где только адреса и биографические данные берут?! — подметные письма. А уж обещаниям — несть числа! Прямо не Мегион будет, а поле чудес! Если «якубовичем» будет кандидат от «Славнефть-Мегионнефтегаза»...

— Надежда Андреевна, — спрашиваю жену Горбатова. — Только честно: вы «за» или «против», чтобы Егор Иванович был избран мэром Мегиона?

Надежду Андреевну я знаю, чуть ли не раньше, чем Егора Ивановича, просто не думал, что она — его жена.

Она окончила «Индус» на год раньше Егора Ивановича, хотя по той же специальности. Я к выпускникам этого вуза (пусть они мне простят!) отношусь несколько скептически, Уфимский нефтяной и Московский имени Губкина готовили специалистов более высокого класса. Хотя отдельные выпускники «Индуса» были тоже на высоте. Редкие женщины завершали обучение на специальности «Разработка нефтяных и газовых месторождений» (то же самое бурение), но уж если заканчивали, то это были женщины — специалисты. Вот к таким женщинам я бы и отнес Надежду Андреевну.

Она работала в проектно-сметной партии объединения «Мегионнефтегазгеология», где каждый технический проект на бурение параметрических, поисковых и даже разведочных сква-

жин — «штучная» работа, «езда в незнаемое»! Мне приходилось давать экспертные заключения на техпроекты, составленные Надеждой Андреевной, и я могу сказать, что они делались высококлассным специалистом.

И вот: я уже не работаю в «Мегионнефтегазгеологии», она тоже... Объединяет нас сейчас Егор Иванович. Его судьба. Неужели, как Самотлор (который он, кстати, разведывал!), выжали и.

— Если честн-о, — Надежда Андреевна чуть тянет последнюю гласную: — Хочу, чтобы выбрали! Ведь он последние годы только о городе и думает! И делает! Он по зодиаку — Лев! Мегион для него — это прайд, и для его процветания, благосостояния он готов на все: не спать, идти с просьбой, требовать. В скобочках: для дома, для семьи — никогда! Как его избрали еще в горисполком в 90-х, я ж с тех пор его толком дома и не вижу! Чисто по-женски, хотелось бы его прокатить... А по-граждански нет! Видели же — по нему даже Найс скучает. У нас дети на учебу разъехались: дочь в Новосибирске, сын в Тюмени... Мне Егор Найса вместо третьего ребенка принес. Выходил его, вылизал, и, как уезжает, команду дает: «Охранять!» Найс и старается... Без Егора — плохо! Мне особенно: я ведь не из тех супруг, кто уподобляется «раисе максимовне», не сопровождаю его. Если что, ремонтом займемся. Увлечений — уйма! У Егора ведь золотые руки! Прихожая, кухня — его работа... Из отпуска мастеровой инструмент всегда вез: точно! Даже переплетный станок есть, будет время, все предвыборные материалы переплетем, из публикаций в журналах — с продолжением, когда — книги делал. Фотоархив... В семье было три женщины, и он единственный мужчина, починить, собрать, отремонтировать — все мог. И может!

Остановившееся мгновение.

По диагонали снимок — нечто паро-дымное, духовитое... В нижнем левом углу, над парящим мангалом неплотно насаженные на шампуры крупные куски непонятно чего, но если судить, как принюхивается к духу, идущему от этого «нечто», Егор Иванович, упершись в бока мощными руками, это «нечто» по крайней мере, хорошо пахнет. За Егором дощатый забор, слева — шампурные заготовки упоминавшегося «нечто». Чуб у него — Григорий Мелехов позавидовал бы... Даты нет. Но если судить по другой фотокарточке, где Егор точно с такой же

чупрыной, в кедах, в спортивной рубашке присел возле коляски с годовалым ребенком, это как раз послеинституские годы...

V

— Надежда Андреевна! Когда же вы его «обратали»? — спрашиваю я собеседницу и тут же поправляюсь: — Простите! Если не нравится вопрос...

— Отчего же! — Без очков Надежда Андреевна чуть щурится. — Наоборот, мне вспоминать приятно, как мы с Егором познакомились! Я и без вопроса часто вспоминаю! Он хоть и на курс моложе меня был, но ведь после армии человек! С жизненным опытом! А это сразу чувствуется: мужчина.... Не просто физически сильный, а духовно самостоятельный, внутренне сильный — «лев», одним словом! А я ведь тоже «лев» по гороскопу... На танцах познакомились, слово за слово и... Он же не только красив как мужчина оказался, но и как человек — очень интересный. Даже стихи писал... Поженились мы... На пятом курсе дочка родилась. Снимали у бабки закуток. Учились и нянькались... Егор на нескольких работах подрабатывал, чтоб содержать семью. Он ведь очень заботливый: как раньше семье в трудное время всего себя отдавал, как сейчас — Мегиону! Ничего! Перемоглись! Главное, Егор не был и никогда не станет равнодушным чиновником. Доверчивым — бывает. Но ведь это слабость сильного. Льва... Страшно не любит, когда на него давят. Решения принимает самостоятельно. Но, в отличие от многих он — не упертый! Ошибки, если убедят, исправляет, а тому, кто убедит его в этом, бывает благодарным. Егор — он такой, с моей, субъективной, точки зрения. Если она кого-то убедит, буду рада. Главное, я буду любить его независимо от результатов выборов, будет он мэром или нет. Он — мой любимый человек...

VI

— Ну, Николаич, обложил ты меня! — Егор Иванович стуше-ванно засмеялся. — Достал ты меня! Меня эти журналисты в последнее время замаяли: что сделано за прошедшие годы, что делается, что будет сделано... Предвыборная программа... Смешно! Я сам понимаю; каково избирателям будет? Программы-то у всех кандидатов в принципе одинаковые: все — во имя человека, все — для блага человека! Я-то обещаю реальную программу, я знаю, что можно реально сделать, так как знаю

ситуацию. А другие обещают: в отдельно взятом Мегионе, если их изберут, построят они коммунизм — для одних, для других — социализм, для третьих — капитализм с «мегионским лицом»! Надо было нам с тобой раньше встретиться, ты прав! Программа программой, но надо было рассказать пораньше, откуда я корнями и кто я такой. И...

— И — про сочинение...

— Да! Может, и про сочинение! И про бабку Степаниду. У нее, кстати, отчество было Даниловна. Меня вот назвали в честь дядьки, погибшего под Калининградом. А я в честь прадеда сына назвал Даниилом! В Поволжье немцы при Екатерине II пришли, а мои прадеды — раньше. А для моих детей родина — Мегион! И я большую часть жизни прожил и, может, лучшую, тоже в Мегионе. И Мегион я, как и ты, Николаич, «...куликом болотным восхвалю: я здесь живу, и — я его люблю!» Пристрастно!

«Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин? Чем возлюбленный твой лучше других, что ты заклинаешь нас?»

(Песня песней, гл.5, стих 9)

Ответ очевиден: поэтической душой!

Скажут многие: сейчас время прагматиков, экономистов! Время спора «физиков» и «лириков» кануло в Лету после хрущевской оттепели.

А я возражу: сейчас время противостояния лиц и душ с поэтическими, духовными и, следовательно, бескорыстными стремлениями, и теми, «стоящими у трона», строящими свой трон, теми, кто, как сказал великий Гете, «гибнут за металл»!

Тот же Гете был крупным государственным деятелем, Салтыков-Щедрин губернатором. Нынешний президент Чехии — драматург. Царь Соломон был поэтом!

Люди с поэтической душой восприимчивы к критике, они чувствительны к состоянию ауры народной. И я уверен, что Егор Горбатов учтет справедливые нарекания своего электората, а не соперников, копающихся порой в изношенных и сданных в утиль одеждах.

Я уверен, что «...минует время эскапад, пустопорожних разговоров, — дела Российские на лад пойдут — в литературных спорах»

Остальные вопросы будут решаться в рабочем порядке городской и прочими администрациями на основании соответ-

ствующих инструкций и законоуложений во имя развития и процветания наших городов и весей.

Егор Иванович! «Посему ходи путем добрых, держись путей праведников» (Притчи, гл.2, стих 20).

И от меня: «Смотри, как когда-то, в ночное небо — в звездное небо! И если хочешь, напиши: обитаемы ли вокруг них вращающиеся планеты? Кто знает, может, еще получишь пятерку с плюсом? А лучше — иди к избирателям, ибо на сей раз они будут ставить тебе оценку не за космические, а за самые прозаические — земные дела!»

P.S В первом туре Егор Иванович Горбатов набрал больше всех голосов избирателей, но менее необходимого количества. Во втором туре проиграл с небольшим отставанием ..

Что ж, за битого, как говорится, двух небитых дают. Я у него не спрашивал, но мне рассказывали, что поражение свое он переживал очень тяжело...

Сейчас Егор Иванович возглавляет Департамент занятости населения Ханты-Мансийского округа, живет в Ханты-Мансийске. А в Мегионе бывает по делам службы.

Я МНОГИХ БЫ ХОТЕЛА ОЖИВИТЬ

Есть в старом Нижневартовске улица Первомайская, а на ее стороне, что огородами примыкает к Оби, — небольшой деревянный дом. Он потемнел и чуть осел, в палисаднике перед ним разросшаяся черемуха: целая купа! Сквозь ее облетевшую крону смотрят на улицу четыре окошка. На боковых ветках черемушины трепыхаются редкие сизовато-рдяные листья — память о прошедших весне и лете...

Построен этот дом Федором Аркадьевичем Слинкиным и его сыновьями в 53-55 годах. Сени, прихожая и две комнаты — а жила в нем большая семья: когда справляли новоселье, было их, новоселов, добрый десяток. Сейчас живут здесь другие люди. Из прежних обитателей осталось всего трое. И одна из них — ныне мегионка — Галина Федоровна Галеева, героиня этого очерка.

I

Дом, в котором родилась 31 января сорок пятого года Галина Федоровна, сгорел 7 сентября, когда она только что пошла в первый класс... И остались Слинкины безо всего: у Гали сгорели даже учебники!

Помогали им все, кто чем мог: одни — какую-то одежонку давали, другие — кружку-ложку-поварешку, третьи — чугунок со сковородкой... Учителя подарили книжки и школьные принадлежности. Всем классом собирали Галине деньги на телогреечку: сатин, вату, бязь — мягкую, яркую — на подкладку купили, — теплая, симпатичная одежка получилась!

Соседи, как и друзья, познаются в беде. Но не зря ведь еще говорится, что — как аукнется, так и откликнется! Ибо сами Слинкины всегда были радушны и открыты соседским нуждам, всегда делились с ними самой малой радостью. Вот характерный житейский пример.

Елизавета Петровна, Галина мать, только отстряпалась... Отходят, благоухая, крытые суровыми рушниками, подовые пироги и хлебные караваи... Раскрасневшаяся хозяйка, довольная удачной выпечкой, дает Галине, младшенькой резвушке, поручение: «Беги, Галя, к соседям: стряпались, мол, мы, пусть на пироги приходят! А тем-то вот — занеси, пущай угощаются!»

Родители Галины — коренные сибиряки. Слинкины, Кайдаловы, Вергуновы — фамилии ее предков, истинно приобские фамилии!

Мать ее, Елизавета Павловна (в девичестве Кайдалова), родилась в Сургуте в 1903 году.

Отец, Федор Аркадьевич Слинкин, родился в Вартовске, был он на десять лет старше жены.

Первенец у них появился в 21-м году (сын Владимир), поскребыш (Галина) в 45-м, а всего — 9 детей. Но до зрелого возраста дожило только семеро.

Всех людей — и мужчин, и женщин — можно разделить на два типа: первые считают, что люди ИМ должны, вторые — что ОНИ должны людям.

Елизавета Павловна и Федор Аркадьевич относились ко второму типу людей и своих детей сызмальства воспитывали в этом, поистине христианском, духе: в трудолюбии и доброжелательности...

Федор Аркадьевич был очень сильным, крепким человеком. И, как истинный сибиряк, мастером на все руки — охотником и рыболовом, лесозаготовителем и сборщиком дикоросов... Пилил чурочку для пароходов поперечной пилой, а плахи для строительства — продольной («маховой») пилой. Во время войны рыбу ловили круглый год. А труд рыбака — ой как нелегок! Особенно зимой: подледный. Это тебе не над лункой сидеть, время от времени прикладываясь к термосу! Да и летом не легче. А тут еще гнус: не продохнуть! (Нынешний гнус — разве гнус? Так: развлечение!). Не отказывались Федор Аркадьевич и Елизавета Павловна и от общественных нагрузок: зная их честность и бескорыстие, супругов постоянно избирали во всякие комиссии по проверке потребкооперации, по описанию «усушек и утрусок» и т.п., и никогда к их рукам ничего, как говорят, не «прилипало».

Семья Слинкиных была открытая, гостеприимная: вечно у них кто-нибудь гостевал: и русские, и ханты. Они приезжали в Вартовск по делам: привозили дары тайги («мягкую рухлядь», рыбу, дичь), покупали в рыбкоопе спички, порох, «винку», ожидали парохода — что-то продать пассажирам, что-то купить в буфете ресторана... Колесные пароходы в Вартовске загружались топливом: чурками, и торговля шла бойко. Елизавета Павловна тоже ждала пароходного гудка, как и все вартовчане, — событие как никак! И еще — чтобы чая хорошего купить!

После пожара новый дом Слинкины строили почти три года! Все это время квартировали у односельчан — чтобы не быть обузой, по очереди: то у одних, то у других... Всякие при этом возникали ситуации, Соседская жизнь при этом виделась и с лица, и с изнанки. И смех, и грех! Как во время квартирования у Степаниды Мурзиной.

Спали у нее обычно на полу. Однажды, во время затяжного дождя, закапало ночью с потолка. Отодвинулись с постелями поближе к русской печи, только угомонились — на печке бочонок с бражкой взорвался, и всех опять обрызгало! Смеялись до утра...

Нелегко пришлось Слинкиным — и работать, как обычно, и строить себе новое жилье. Но как бы то ни было, а в 4-й класс Галя Слинкина пошла из нового дома! В палисаднике они посадили с братом молоденькие кустики черемух и рябины...

II

В начале 50-х годов в Нижневартовске была одна школа. Она считалась и образовательным, и культурным центром поселка. Нижневартовские учителя — подвижники своего дела, не зацикливались только на учебе. Они были озабочены воспитанием юношества! Наравне с остальными вартовчанами они несли нелегкую житейскую нагрузку, утяжеленную климатическими условиями и отдаленностью, и находили душевные силы для другой — интеллектуальной — работы. Они готовили концертные программы, праздничные и тематические: ставили спектакли, инсценировки по литературным произведениям... Чего стоили, к примеру, новогодние балы-маскарады! Участниками их становились известные литературные герои. Тур вальса с Онегиным или Наташей Ростовой — каково? Или «яблочко» — с Павкой Корчагиным? Тон задавали директор, Виктор Петрович Сухушин, высокий, белокурый, изящный, и его жена, Кия Васильевна, мансийка — в длинном черном платье, расшитом стеклярусом, в масках, но — узнаваемые (он преподавал историю, она — географию).

В коридорах школы экспонсировалась настоящая «Третьяковка»! Пусть это были, в основном, лишь репродукции из «Огонька», но с каким умением и любовью подобранные и оформленные! И каждый стенд сопровождался докладом, имел, так сказать, своего «гида»... Стенды посвящались не только художникам, но и любимым поэтам, композиторам, писателям, актерам.

полководцам, вообще, — известным людям. И все делалось сообща: общее дело сплачивало классы, крепило дружбу. Декорации, украшения, костюмы, — все ученики делали сами. Они, как и их родители-сибиряки, росли самостоятельными, были самодостаточны! Синдром захребетничества у них отсутствовал. Вот характерный пример.

Учитель русского языка и литературы Тимофей Максимович Лоскутов подумал, что не плохо бы свозить группу учеников в Москву. Для проталкивания своего проекта он не стал обивать пороги исполкомов, райкомов (искать, по-нынешнему, спонсоров), а занялся, вместе с будущими экскурсантами, делом («бизнесом»). Они построили землянку-свинарник, приобрели двух поросят и, дежуря по очереди, откормили их. Затем, реализовав боровов, на вырученные деньги съездили в Москву и Ленинград! Представьте восхищение подростков, которые впервые увидели не только Кремль и Эрмитаж, но и железную дорогу, и многоэтажные дома: сможете? Вряд ли.

После этой поездки мир для ребят расширился, засверкал новыми красками, обогатился, но не в ущерб любви к родному краю — край родной стал еще более притягательным, а не презрительным — «этим», как ныне любят выражаться нынешние «экскурсанты».

Между учениками и учителями установилась настоящая духовная связь. Поэтому высок был авторитет учителя в глазах учащихся и родителей!

«Вера Матвеевна сказала...» — уважительно повторяла слова учительницы русского языка и литературы Веры Матвеевны Винокуровой одна вартовчанка. «А у меня Вера Матвеевна намедни чаевничала! Тож — поговорили...» — хвасталась другая

(К нынешним бы педагогам такое уважительное отношение! Да куда... Племянница Галины Федоровны работает в городе(!) Нижневартовске директором школы. Некоторые ученики(цы) разъезжают на иномарках, ходят на занятия в норковых шубах, носят драгоценности, о которых она и помечтать со своим заработком не может. Такие ученики с необеспеченным учителем духовно родниться, как правило, не считают возможным: неудачник, мол!)

Вот в такой духовной обстановке, царившей в послевоенной Варте, росла и училась Галина Слинкина.

Хочу подчеркнуть, что доброта, доброжелательность, приязнь к жизни, оптимизм, — все эти качества зарождаются в семье и возвращаются, в конечном счете, в семью, проявляясь а большом и малом! Вот незначительный, но характерный эпизод.

Во время поездки в Москву и Ленинград Галя Слинкина, помимо культурно-исторических открытий, сделала для себя уйму маленьких, житейских. Так, она «открыла» для себя булку французскую под названием «сайка» (куда они, кстати, подевались, знаменитые в то время сайки, похожие на упитанных золотых рыбок с хрустящим спинным плавником и вкуснейшей мякотью?). И — несмотря на соблазн: дорога-то длинная! — она привезла в Нижневартовск две сайки, — чтобы угостить родных, и в первую очередь, свою матушку! И эта привычка — делиться с ближним и привозить гостинец из вояжа, осталась на всю жизнь. Так же, как и другая семейная привычка: жить для людей.

III

В школе Галина Слинкина училась хорошо, с интересом. Но более всего ее увлекала литература. Особенно ей давались домашние сочинения: писала их легко, вдохновенно. Ее заметки в школьной стенгазете были ярки и правдивы. И Вера Матвеевна Винокурова советовала ей стать журналисткой. Но старшая сестра, работавшая тогда бухгалтером в больнице, предостерегла ее: «Правду полную тебе не дадут писать, а с полуправдой, Галя, ты изведешься... Иди в медицину, там голимая правда в цене, если до нее докопаешься — чем диагноз правдивей, тем лечение успешней!»

Но не предостережение старшей сестры, полагаю, определило выбор профессии: у Галины Слинкиной имелись и другие побудительные мотивы, чтобы стать врачом. Первый, подсознательный, возник в раннем-раннем детстве, когда ей исполнилось три года...

Старшая сестра Антонида работала учительницей. Помнится она Галине Федоровне лет с трех: брала ее с собой на уроки, водила на детский хор, который вела. И вдруг она умерла...

Смерть ее потрясла Галю. Снежную белизну лица старшей сестры оттеняла алая роза, принесенная соседями Красновыми. Прощаясь с сестрой, она поцеловала ее в лоб: он был ледяной!

«Вырасту — стану доктором, буду людей оживлять!» — решила она с детской определенностью.

И еще. Мать, Елизавета Павловна, часто прибаливала, и врач Вера Федоровна Калганова, в ночь-полночь, по первому зову, приходила к больной, ставила уколы, прописывала лекарства, успокаивала добрым словом — и матери становилось легче прямо на глазах... И это — тоже стало побудительным мотивом!

Чем правдивее — истиннее! — диагноз, тем успешнее лечение...

Однако добиться этой «правды» нелегко: и учеба в институте, и последующая работа врача требуют подвижнического труда, терпения, и, конечно, способностей и призвания!

В 1963 году Галина Слинкина поехала в Омск — поступать в медицинский институт. Но ее, в числе других северян, отфутболили: «у вас в Тюмени открылся свой институт», и, таким образом, она попала в первый набор Тюменского мединститута.

Как и у многих студентов-медиков, на первых порах были у Галины Федоровны с анатомией проблемы и, казалось, непреодолимые: на вскрытиях сидела она в уголке, не могла пересилить себя — чтоб даже просто взглянуть. По случайности в прозекторской оказался труп бывшего знакомого старосты группы, и тот преспокойно резал — «пусть труп! но! своего! друга! как так можно?!!» — мысленно возмущалась она.

Большинство однокашников имели практику: работали уже фельдшерами, медсестрами и, в конечном счете, помогли своей симпатичной коллеге преодолеть, — а то уж она подумывала о переводе в другой институт или об отъезде восвояси! — психологический барьер, и учеба пошла своей чередой. Лекции, семинары, дежурства в больницах, зачеты, экзамены... И студенческие вечера, разумеется, культпоходы в театр, в филармонию. И — каникулы!

На каникулах, после 2-го курса, в родном Нижневартовске, в день рыбака, познакомилась с механиком Рафаэлем Галеевым, приехавшим из солнечной Башкирии за «туманом и за запахом тайги». Знакомство оказалось судьбоносным: они поженились. На 4-м курсе Галина Федоровна — уже мама!

Муж и родные помогали: Рафаэль брал отпуск и нянчился, приезжала бабушка, и она не прервала учебу. Рафаэль получал

тогда 120 рублей, она 28, но как-то выкручивались (подрабатывала дежурствами в больницах). И на все хватало времени! Выручали молодость и привычка к постоянному труду, когда труд — естественная потребность.

В 69-м году состоялся первый выпуск Тюменского мединститута, и Галина Федоровна Галеева, произнесла клятву Гиппократа и стала дипломированным врачом.

После окончания Галеевы два года жили в городе Октябрьском, в Башкирии, у родителей Рафаэля.

В Мегион они приехали в 1971 году, т.е. более 30 лет тому назад.

Сначала Галина Федоровна работала в участковой больнице, а с 1973 года до последнего времени — заведующей здравпунктом геологов (Мегионской экспедиции, затем объединения «Мегионнефтегазгеология»). Здравпункт располагался сначала на том месте, где сейчас 9-этажные трилистники, затем — рядом с бывшей конторой МНРЭ (сейчас там строиться культурно-досуговый центр ОАО «СМНГГ»).

Интересное было время! Интересные люди!

И жизнь Галины Федоровны овеяна неповторимым ароматом эпохи. Она считает, что они с мужем и их друзья, и большинство окружавших ее людей на севере, не похабили Землю, а, может, в чем-то и поправили ее.

За долгие годы не одна тысяча геологов-нефтеразведчиков прошла профосмотры в своем здравпункте, а сотни и сотни получили необходимую медицинскую помощь или направлены к узким специалистам в Мегион или Тюмени... Нагрузка на работников здравпункта была огромная: принимались все, кто обращался за помощью... Жаль, что у геологов не было тогда финансовых возможностей, как у нефтяников, и многие предложения Галины Федоровны по расширению и переоснащению здравпункта так и не осуществились, несмотря на ее настойчивость. Но кое-что удалось сделать. Хотя первооткрыватели Самотлоров, Покачей, Тагринок и прочих «черных жемчужин» достойны большего!

Сейчас у Галины Федоровны появилось свободное время, она — молодая пенсионерка. Много читает, смотрит — избирательно — ТВ. Любит повспоминать, пообщаться с родными, друзьям...

Она обеспокоена тем, что наше общество становиться обществом потребления, когда душа — перестает «трудиться»! «Все

СМИ, в первую очередь электронные, пичкают нас, как глупых птенцов, срыгивая «корм», обработанный западным, попсовым, чуждым нам, «желудочным соком». А мы... глотаем! Молодых людей, юношество жаль.»

Сейчас к Галеевым часто заходит соседский мальчик — поиграть с собакой, пообщаться с «бабой Галей». Однажды он, наблюдая похороны, почти слово в слово повторил слова, когда-то сказанные маленькой Галей: «Вот вырасту, выкопаю и оживлю!»

«Господи! — с сожалением вздыхает Галина Федоровна, ласковой ухоженной рукой приглаживая вихры мальчика, — да если б возможно, скольких людей я оживила! Родителей, сестер, братьев... Гавриковых... И Валентин Андреевич, и Джемма Михайловна были достойнейшими людьми! Не жалели себя, не щадили и умерли молодыми. И многих-многих других!»

Великий поэт сказал:
Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Такие чувства испытывает Галина Федоровна, приезжая в старый Нижневартовск: и пепелище там, и девять могилок... Пусть не научилась она оживлять родных, дорогих и близких людей, но они живы — в ее воспоминаниях.

КОСЯНЮК ИЗ РОДА КОВАЛЕЙ

Дед и прадед Петра Назаровича Косянюка были кузнецами в поселке Малорита (с 1970 года город) Брестской области, и по деревенскому обычаю имели прозвище — «ковали». Дед Корнил к тому же заменял в Малорите стоматолога: дергал больные зубы. Были предки, как и положено «коваля́м», крепкими и сильными: запросто по мешку муки носили под мышками! Может быть, и отец его, Назар Корнилович, пошел бы по кузнечной части, да смутные времена начались: германская война, потом гражданская... И стали Косянюки, перед приходом в Малориту германца, беженцами: осели на время в Саратовской губернии.

В таком же положении оказалась и семья его будущей матери, Любови Ивановны Король: Иван Романович со своими домочадцами осел в Подмосковье...

В 1923 году и Косянюки, и Короли вернулись в отчие края, но — под «панское иго». Двадцатипятилетний Назар Косянюк из-за повреждения руки имел «белый билет», поэтому избежал службы и у красных, и у «белопанов». После возвращения в Малориту он познакомился с Любовью Король, которой исполнился двадцать один год, и они поженились.

Малорита (Малая Рита) располагалась по берегам небольшой речки, почти ручья. Стояла на той же речке, кстати, и деревня Великая Рита. Места болотистые, но жить землей было можно. Косянюки имели пашню, луга, держали скот: трудились и получали по трудам своим.

Всего у них родилось 11 детей. Петр был последышем (родился в 45-м году). Сами они по сельским понятиям, достаточно образованы: при царизме учились в церковно-приходских школах.

Под «панским игом» жилось терпимо, если не считать, что — государственным был польский язык, и в школе, куда ходили старшие дети, изучение польского языка считалось обязательным.

В 39-м году в Западную Белоруссию, как тогда говорили местные, пришли Советы. В селах стали организовываться колхозы, а в школах вместо польского языка стали изучать русский язык...

Двое старших, начинавших учебу еще при панах, окончили в Малорите среднюю школу, другие не доучились. Младшая из

сестер окончила медицинский институт, брат Павел после десятилетки и бухгалтерских курсов всю жизнь проработал бухгалтером в райпотребкооперации.

Петр Косянюк школу окончил в 63-м году. Вместе с аттестатом получил «корочки» слесаря-сборщика сельхозтехники.

С первой попытки преодолеть конкурс в Белорусский политех он не смог и пошел работать строителем к стоявшим неподалеку ракетчикам.

Еще в школе у них преподавали автодело. Вел предмет Александр Григорьевич, педагог с высшим техническим образованием, сам прекрасный водитель. Многих он приучил к автоделу. На школьном грузовичке ГАЗ-51 они по очереди ездили в лес за дровами, а иногда и по настоящим дорогам с автомобильным движением. (Петр Назарович даже сейчас помнит номер школьного «газона» — настолько памятно все, связанное с той порой: 20-78 БНА!). Поэтому ему не составило большого труда окончить курсы шоферов, когда он работал у ракетчиков, и на следующий год, став студентом автотранспортного факультета БПИ, уже имел водительские права.

В 69-м году он окончил институт и получил направление в трест «Черниговнефтегазразведка».

За год до получения диплома он женился: Евгения Васильевна работала в Малорите экономистом райпотребсоюза.

Петр стал работать в Прилукской экспедиции глубокого бурения. В Прилуках семья получила квартиру. С 69-го по 77 год он прошел путь от слесаря до начальника транспортного цеха.

Начальник ОТиЗ Прилукской экспедиции уехал на север, там ему понравилось, он соблазнил Петра Назаровича и организовал ему и Евгении Васильевне вызов в Правдинскую экспедицию Главтюменьгеологии. (Тогда работа на севере считалась приоритетной: все «бумаги» шли с красной полосой со ссылкой на постановление Совмина СССР и ЦК КПСС).

В Правдинскую НГРЭ Косянюки приехали 11 апреля 77-го года. Петр стал работать начальником транспортного цеха, а Евгения Васильевна — в ОРСЕ геологии. А после выделения транспортников из состава экспедиции — работал Косянюк главным инженером автопредприятия. В то время он познакомился с А.П.Дроздовым, который вскоре был приглашен во вновь созданное объединение «Мегионнефтегазгеология» на должность заместителя «генерала» по быту.

Должность заместителя по быту — с одной стороны, весьма привлекательная по своим возможностям, а с другой очень хлопотная. Это — вроде мостовой опоры в половодье: того и гляди, жилищно-бытовые проблемы, что, как льдины, валом валят, снесут... А если перед опорой стоит надежный ледолом, тогда другое дело!

Вот в качестве такого «ледолома» на должность начальника жилищно-бытового отдела объединения и был сосватан Петр Назарович Косянюк. Евгения Васильевна была назначена начальником Мегионского ОРСа.

Петр Назарович тогда и в самом деле выглядел по-поддубному уверенно мощно: борцовская фигура, аккуратненькая голова с мягким чубчиком на крепкой вые, острые со смешинками темные глаза в лучистых морщинках, негромкий, с фальтцетными коленцами быстрый говорок, мелкий — горошком — хохоток, тут же переходящий в новые остроумные — может, не всегда свои, но к месту, — шутливые реплики. И тут же — серьезный, доверительный разговор, при первой возможности вновь разряжаемый, к месту, с учетом характера собеседника, шуткой.

Время тогда было многотрудное, с острым дефицитом именно «житейски-бытовых» составляющих: жилья, одежки, обувки, простыней, книг, ковров, бытовой техники, вина, фруктов, мест в детсадах...

Объединение к тому времени начало «стареть»: вчерашние комсомольцы становились заслуженными ветеранами и уже не хотели жить на одном энтузиазме. Происходила и ротация первых руководителей структурных подразделений — им также требовалось улучшение «жилищно-бытовых» условий. Формировалась городская администрация и требовала свою долю служебных помещений, жилья и прочих услуг и дефицитов. В контролирующих органах — а их, как ныне, «несть им числа»! — тоже работали люди, которым ничто дефицитное не было чуждо!

Быть одним из руководителей автопредприятия дело хлопотное, но прежняя работа в сравнении с новой вспоминалась Петру Назаровичу тихой заводью. «Из огня да в полымя!» — полностью подходило к его положению. Пришлось ему крутиться, как белке в колесе. Проявить себя политиком, где надо, дипломатом — гибким, уступчивым или непреклонным.

На работе, которой занимался Косянюк, всеобщей любви не заработаешь и от начальства медали не получишь, если будешь придерживаться своих взглядов на социальную справедливость. И все же есть много людей, до сих пор вспоминающих его добрым словом.

И произошло с Петром Назаровичем то, что должно было произойти.

Вернулся он из очередного отпуска, написал рапорт об этом, как положено, а улыбающийся «генерал» любезно сказал, что должность его сокращена и в его услугах объединение не нуждается...

После сокращения некоторое время работал он в кооперативе «Спутник», а с февраля 93 года по август 96-го перешел в транспортную инспекцию.

Неурядицы с работой неблагоприятно сказались и на Петре Назаровиче, и на его жене: у него случился инфаркт, а у Евгении Васильевны обострился тяжелый недуг... В результате он получил инвалидность, а еще недавно обаятельная, жизнерадостная женщина сошла в могилу...

У Косянюков двое детей и двое внуков пока. Сын — специалист по информатике и вычислительной технике, дочь — педагог. Оба живут и работают в Мегионе.

Петр Назарович прилукскую квартиру обменял на Первоуральск (недалеко от Екатеринбурга). Собирается еще поработать. Оба живут и работают в Мегионе.

Я его не видел несколько лет. И недавно встретив, подивился: не то, что постройнел «репинский запорожец» (оседедца только и не хватало прежде!), усох и посмуглел еще больше! Не зная о его злоключениях, я в привычной для нашего с ним общения манере, шутливо заметил: «По Брэггу голодаешь? Однако мал-мал перестарался, гляжу!»

Посмеялись. Потом он поведал о своем житье-бытье. И заключил рассказ: «Ниче, Николаич! Я же из ковалей, из рода кузнецов, то есть. Вот судьба теперь решила меня «поковать»: то в горне калит, то на наковальне обрабатывает. Ниче! Пусть кует! Знаешь ведь — самые ответственные детали... коленвал тот же возьми, — все кованные! Крепче буду!» — засмеялся горошисто, с фальцетными коленцами, щуря темные смешливые глаза.

ДОРОГА НА ХАРАМПУР

Этот рассказ о конкретном человеке, Афанасии Дмитриевиче Бондаре, о сибирском топографе, которому недавно от имени главы областной администрации, в связи с 50-летием Тюменской области, было выслано благодарственное письмо, я посвящаю всем моим знакомым и незнакомым «топикам» и геодезистам, с которыми сводила меня судьба на юго-западе Башкирии, под Сургутом и Усть-Балы-ком, под Надымом и Газ-Сале, под Ваховском и Мегионом... и под другими широтами и долготами этого полушария!

I

Ах, топографы, «топики»!
Кругом тайга —
ни дороги, ни тропки.
Трудно шагать.
Болотная кашица.
Хлюпает, тинится...
Зато под елью
ресторан и гостиница.
Ветки пихтовые
нежны, пахучи,
орехи кедровые
вкусны — нет лучше.
Болота топки,
тайга густа...
Идут «топики»,
чертовски устав.
Теодолит, как винтовка, плечо натер.
Скоро палатка:
ночевка, костер.
Сидят. Отдыхают.
Со смаком жуют.
— Костер полыхает.
" Создает уют.
Задумчивы. Строги.
Простор им брат.
...Не «топики» — Боги
со мной говорят!»

II

В кабине «Урала» тесновато: Афанасий Дмитриевич Бондарь, в шубе, грузный, как осенний медведь, только залегший в берлогу, посапывает громко, по-домашнему, с причмокиванием: только

лапу что не сосет, — временами тяжко приваливается. Устанешь, двинешь плечом: на место! — невнятно пробормочет: «Прости, дорогой. Не придавил?»

Дыша натужно, наш «Урал»
вперед тащился понемногу.
Пушистый иней опадал
с деревьев ближних на дорогу —
как снег! — от тряски или гула?
Дорога в гривах спину гнула
и на стиральную доску,
в желудке наводя тоску,
она местами походила...

Что ж, не впервой — сибирский «зимник»! «Урал» ничего, комфортабелен! «Воленс-неволенс»! Всякая ерунда лезет в голову: водителю легче — работает! А тут размышляй! Размышлять-то что? Ввязался... Зачем мне это надо было? Мог и завтра улететь на вертолете. Побыть час-полтора и обратно. Не-ет, ищешь приключений на свою... Зачем тебе это надо? На штабе зам сказал: на Бахиловку — новый Самотлор — дорогу проложили. Ударно, сказал, потрудились дорожники.

Так-то оно так! Зимник, вроде, ничего, но тогда почему по сторонам, с набега и уплыва, старые осыпавшиеся, омытые дождями и обветренные корневища, побелевшие, словно кости, сучья, поеденные короедом пни и стволы в завалах? Миль пардон!

Так это же старая дорога. Вот так всю жизнь! Строим, строим — и перестраиваем! И — на старую дорожку! Боже ж ты мой!

— Дмитрич! Афанасий! — толкаю локтем попутчика. — Почему так? Рамазанов говорил, что новый зимник они построили!

— А!.. — хрипит мой попутчик, — не обращай внимания, правильно едем: на Харампур, а потом на Бахиловку свернем. А там, у дорожников, заночуем. Ты дальше поедешь, а я на лыжах, «точки» привязывать. Ни-ч-че... кимарь!

Справа, слева — таежная неописуемая ночная красота!

Зимник пошел тряский и узкий. Чтобы не набить в дреме шишек, я растер лицо и стряхнул остатки сна. Афанасий Дмитриевич тоже пошевелился, и мы незаметно разговорились. Вернее, говорил Бондарь, а я иногда реплики подавал.

«Кончилась дорога на Харампур, на Бахиловский отвивок вышли, поэтому и затрясло. Та дорога — почти тракт: сколько по ней грузов завезли! Цемент, емкости, трубы, солярку, керосин, оборудование. Шуму тогда вок.руг Харампура было! Второй Самотлор ожидали! Между северными, с Ямала, и приобскими экспедициями за него драчка была. И достался он мегионцам. «Даешь дорогу на Харампур!» — газеты писали. Мне пришлось тогда покрутиться: за двадцать дней двести сорок километров визирки пробил! Дорожники — следом, и я с ними. Все в мыле словно было! На следующий год грузы пошли. Награждали тогда, и я орден получил. Дорогу до сих пор с закрытыми глазами помню: каждый поворот, каждый мосточек и взгорок, ручеек и болотину. Да и не только эту трассу: многие, как у перелетной птицы где-то тут, — он ткнул пальцем в густую шевелюру, — в подкорку, верно, западают... Если лететь бы, ночью, и в тумане бы не сбился».

Темнела прозелень неба над черно-мглистой кромкой тайги, выше, в густеющем ультрамарине, брызгами белил появлялись первые звезды, впереди, слабенько, голубичными ягодками, замерцали огоньки дорожников. Привал!

III

Афанасий Дмитриевич — свой человек у дорожников: разместили нас в гостевом балке, уделили от щедрот своих продуктов, посуду.

Свет в балке резкий: свежий аккумулятор. От печурки саунный жар. Афанасий Дмитриевич готовит курицу и попутно на ставляет: «Сначала надо сковородку раскалить. Потом чуток маслица постного. Как оно заверещит — можно курицу... или мясо класть... Вот так...»

Кругом тайга, жесткая и поземистая метель... А в балке... Сатир не сатир, но напоминающий кого-то из древнегреческих вакханалий персонаж: дородный, с гривой волос, распаренный, до завидок наслаждающийся жизнью!

Презрев этикет, Афанасий Дмитриевич берет со скворчащей сковороды кусок птицы мощной рукой, чуть помедлив, подносит его к блестящим от масла губам, вонзает в разомлевшее мясо белые, хоть и подношенные, но крепкие зубы. Афанасий Дмитриевич от удовольствия жмурит глаза, стонет, он длит наслаждение, он задерживает глоток, он тянется к новому куску,

чтобы повторить удивительный процесс насыщения, одну из немногих радостей жизни...

О, как обделяют себя те, кто не в походных условиях, а из-за элементарной лености жуют холодную котлету и черствый бутерброд! Плюй, Афанасий Дмитриевич, на этикет, лови — шумно, смачно каплю сока, стекающую с мяса, подбирай корочкой хлеба остатки подлива, обсасывай косточки, как ты это делал в тот раз: красиво, аппетитно!

IV

Вдали от милого порога

Трястись мне вдоволь довелось по «пьяным» северным дорогам, тайгу секущим вкривь и вкось; пилось и елось понемногу, но так, как дома, не спалось...

Не-ет, — приглушено и одышливо посмеивается Афанасий Дмитриевич, — лучше тряская езда, чем хорошая ходьба! Оно, когда пару десятков кэмэ да на лыжах, ничего, а когда за сотню, то не очень. Так ухайдакаешься, что есть не хочется, упадешь и спишь без задних ног. Кто-кто, а я-то уж действительно и находился, и наездился: с 52-го года в «топиках».

Бондарь шумно вздыхает, ворочается на нарах, подтыкая шубу, наброшенную поверх байкового одеяла. Свет выключен. Печурка, потрескивая, остывает. Если бы электричество, самодельного «козла», как на буровых, включил — и спи... АН нет: подпитывать надо буржуйку дровишками.

— Слушай, Дмитрич, — говорю я, — давно хотел спросить: а откуда ты родом? Не из цыган? Больно уж ты на Будулая похож.

— Во-во! — оживился он. — Меня и всю родню либо за молдаван, либо за цыган принимают. Да ради Бога! «Цыганы шумною толпою!» Знай: Пушкин написал своих «Цыган» в наших краях, откуда наш род идет. Но дело в том, что я — болгарин! Да! И фамилия моя по предкам не Бондарь, а Волчев. А точнее, по-болгарски, Влъчев. То есть Волков. Дед по отцу был Иван Ильич Влъчев. Родился он за два года до смерти Пушкина. Вот так! Сто шесть лет прожил. Я его застал и хорошо помню.

Был дед не только хорошим виноградарем, но и бондарем известным, и вино свое разливал в бочки, изготовленные своими руками. На то уж пошло, предки мастерами на все руки

были! Да и к потомкам кое-что перешло... Помнишь, как-то в Мегионе виноград, прихваченный морозцем, по тридцать копеек продавали? Смеялись еще все: чего это Бондарь его ящиками берет? А Бондарь ванну целую того винограда намял, посуду раздобыл, разлил, такое вино получилось!

Теперь про деда. Около 1860 года, при Александре — Освободителе, в Санкт-Петербурге выставка-дегустация вин проводилась. Дед-то Влъчев, а жил он, как и весь род потом, в селе Табаки Дунайской тогда губернии, сейчас то ли Измайловская, то ли Одесская область, не уследишь, — взял да отправил туда бочку своего вина. Вот каков дед был! И что? Понравилось Санкт-Петербургу его вино: сам губернатор Дунайский привез ему медаль! Но выписана медаль была Ивану Ильичу Бондарю! Нет, чтобы Влъчеву-Бондарю, как, к примеру, Потемкину-Таврическому, — смеется Афанасий Дмитриевич, — а просто: Бондарю. С тех пор и стали мы Бондарями.

Два раза дед не повторял: скажет — и все. Но не попрекал. Набедокуришь, он знает, но молчит. Поругал бы лучше! Не-ет, вида не показывает. Повздыхаешь, помаешься и боком-боком к нему: «Дедуся, прости!» А он: «А за что?» Выложишь ему свои бедокуры. «А-а, вон что! Тогда, ладно. Но так-то больше не делай» или «Не бери без спросу», и вся недолга. Видишь, как давал «созреть» до понимания вины и осуждения своего поступка. Мудрый был дед!

Любил он, когда в помощники ему набиваешься: «Дедусь, дай работу!»

Найдет что-нибудь по твоим силенкам. А как закончишь урок, похвалит и обязательно даст два лея на газировку. Буза так называлась. Шипучка, вроде кваса, из проса делалась.

А умер дед после освобождения Бессарабии от румын: от инфаркта, испугался, что в Сибирь сошлют. Не подумал, что вну-чеки в Сибири почти всю жизнь проработают.

Афанасий Дмитриевич помолчал, покряхтывая, встал, подбросил дров в буржуйку. Я похвалил его за память о предках, высказал свою точку, зрения на эту проблему, посетовал на то, что в большинстве своем мы стали Иванами, не помнящими родства. Воодушевленный моим интересом, он продолжил свой рассказ.

— А дед по матери, Александр Петрович Турчен, был священником. Обрати внимание: фамилия-то какая! Турчен! То есть, из турок. Так или нет, но точно знаю, что когда они жили

в Крыму, до переезда в Табаки, был он мусульманином. Деталей и мотивов не знаю — когда и как он перешел в христианскую веру, но известно, что на священника учился он в Санкт-Петербурге. И матушка моя, Екатерина Александровна, говорила, что в детстве была мусульманкой (родилась она в 1894 году, почила в Табаках в 1968-м), а в Табаках — уже христианкой. В Табаки переехали они во время февральской революции. Вскоре отец мой, Дмитрий Иванович, а было ему тогда уже двадцать восемь лет, выкрал будущую мать мою, турчанку, и женился на ней. Дедам и бабкам (ни одну бабку, к сожалению, не помню!) пришлось смириться: крестины надо было справлять (благо священник был свой!). Восемь ребятишек вскоре вокруг матери, Екатерины Александровны, как вокруг клушки, гомонилось, попискивало, голоса молодые пробовало...

Отец, Дмитрий Иванович, с 24-го года, после подавления восстания, жил нелегально, из подполья вышел в 40-м, после освобождения от «румынского ига». А веселым помнится это освобождение! Десантники пели: «Гремя огнем, сверкая блеском стали...». Мальчишки бегали за ними, тоже горланили. Недолго пожил отец на свободе: война началась, эвакуировался в Одессу, а там румыны уже, снова тюрьма. Отец — садовод милостью Божьей, вот и выкупил его за крупную взятку один румынский боярин, и стал отец на него работать. Прожил он меньше деда: скончался восьмидесяти пяти лет. А вот мы... Было нас пять сестер и три брата. Я — третий снизу. Сейчас поредел наш выводок: три сестры ушли в мир иной вслед за матушкой. Братья — и старший, и младший — работают до сих пор, сибиряки, как я: старший в Якутии, в Мирном, в алмазной разведке, кимберлитовые трубки ищет; младший — в Якутске, в институте ФАНа, электронщик. Сестры в родных краях.

А я... Что я? В школе учился при трех режимах. Закончил Киевское топографическое училище. После него, по сей день, — полевая жизнь. С августа 52-го года в Тюменской области. С кем только и в каких экспедициях не работал!

С супругой на севере познакомился... Сорок лет назад! На танцах... (А танцует Афанасий Дмитриевич до сих пор легко, непринужденно, красиво!). Я пригласил ее, потом она на «белый вальс». Вот и танцуем с тех пор! Работала она тогда учителем начальных классов. Судьба у нее нелегко сложилась. Она ленинградка. Ее отца, дивизионного комиссара, в 37-м расстреля-

ли. Мать в блокаду умерла от голода, ее вывезли из Ленинграда, попала она в детдом в селе Ситниково. Потом закончила педучилище, по окончании направили в Березово на работу. У меня родни много, а у нее, как у многих блокадников, никого, хоть она и шутит: все ленинградцы, мол, моя родня. Вот «такие делы»! Народили мы с ней троих детей, вырастили, да вот один, после армии уже, погиб на севере: несчастный случай. Старшая дочь сейчас в Москве, сын — в Мегионе. Внуки есть. Как же! Род продолжается...

V

Сколько трудов пропало втуне! Завезенный по «дороге на Харампур» цемент превратился в камень, ладно, что хоть солярку и керосин «высосали» тарко-салинцы и не вытекли нефтепродукты из проржавленных емкостей. В ударном темпе построенная дорога оказалась «мертвой», и только часть ее использовали дорожники (а если включили ее себе в свой «объем», Бог с ними, дело их совести) при прокладке нового зимника. Господи! Да впервой, что ли, пробивать нам «мертвые дороги»! Вспомним хотя бы самую грандиозную: дорогу в КОММУНИЗМ! Да и сейчас ломимся мы, по привычке, по непроходимым завалам и буреломам по пути к рынку. Не окажется ли она очередной «дорогой на Харампур»? Дело-то ведь в том, что одни сидят в мягких креслах, а по ухабам трясутся Афанасии Дмитричи да Викторы Николаичи, готовые, ради Отчизны, вынести все...

ОТТУДА ВСЕ — ИЗ ДЕТСТВА..

В глуши лесов счастлив один,
другой страдает на престоле...
Е.Баратынский

I. НА БУРОВОЙ

Нестройно дизели рычат...
Но вот идет вразвалочку
бурильщик...
Взялся за рычаг,
как дирижер за палочку.
Железом с трех сторон зажат,
я — у ключа помбурского.
Канаты струнами дрожат:
сыграть бы впору «русского»!
Но! чуть! ударил! гопака!
бурильщик! изначалочки! —
у вышки дрогнули бока,
тальблок — пошел вприсядочку!
Свеча, схватившись за свечу,
на роторе покружится,
подпрыгнув чуть, кричит: «Ле-чу-у»,
пол под ногами рушится!..
...Лети в подземный хоровод
подружка за подружкою,
ведь вы — проверенный народ
предельною нагрузкою!..
Вот если б так...
за мной...
она
сюда без всяких — весело!
И на мгновенье тишина
меня от всех завесила...
А после — ритм уже не тот!
Валторны... И на фоне их
оркестр скрипок вдруг берет
из «Золотой симфонии»
начало вальса... И — мастак —
на «русского» сбивается...

Где дирижерская рука?..
...Бурильщик улыбается,
как дирижер, поклоны бьет,
да вправо, влево — выпады:
мол, разрабатывай хребет
не ради славы-выгоды,
а так вот — просто для души,
когда все — получается)...
...Вот дизеля он приглушил.
Стоит и улыбается.
И руки держит на весу...
А нам еще не верится,
что стало тихо — как в лесу!
И что земля лишь вертится!
И — вахта вся,
вахта вся —
вахта — кон-чи-ла-ся!

Сергей Иваныч, Сергей Иваныч! Как я тебя понимаю: только разработаешься, а — смена пришла!

И это при том, что я по комплекции — не природный буровик. Ты — другое дело: что роба, что железные буровицкие причиндалы — как тут и были. Будто тебе и на роду было написано — железное буровицкое ремесло...

Знал об этом, кажись, ты один, но и другие об этом догадывались: не зря подкладывали работенку потяжельше, буровую посложнее, а при случае — и под объектив: «Вот какие мы тут, сибиряки — коль уж не Добрыни Никитичи, то уж Алеши Поповичи — точно!»

Было дело, украшал Сергей Долгушин обложку «Огонька» в 78-м году. Я с ним познакомился через три года после этого снимка. И должен сказать, что это — две большие разницы!

На обложке «Огонька» — скорее чуть повзрослевший Варфоломей с картины Михаила Нестерова, чем Алеша Попович. Но задатки превращения, не только чисто физического, богатырского, но и духовного — в нем чувствуются: в Добрыню Никитича и в будущем — в Илью Муромца! (А я картину «Три богатыря» В.Васнецова воспринимаю как троицу в эволюции: главное, стать Алешей Поповичем! Владеешь затем мудростию, а она даст силу из сил!)

...Помбурская работа, ах, помбурская работа!

Вальсы из «Золотой симфонии» — они ведь не на каждой вахте звучат!

А если мокрый снег валит сверху?

А если за воротник попадает холодный глинистый раствор?

Болотники скользят по расчехвосченным в мочалку плахам, а руки — по осклизлым поручням и скользким — в графите и масле — скобам.

— А мне нравилось! — говорит Сергей Иванович Долгушин, ныне мастер по нефтедобыче одной из коммерческих структур. — Это у меня оттуда, с детства: слушаться старших, труда не бояться, жизни радоваться.

II

В девяноста верстах от Тобольска, на речке Вагай, большое село Дубровное, а уж от него, в двух-трех километрах в сторону Иртыша, деревня Араксул...

О названии деревни ходит легенда. Будто в давние времена, после покорения Ермаком Сибири, явился к одному хану русский. Купец или кто. И стал торговать озеро. И — сторговал! Но интересно-то что? За ведро водки сторговал озеро и окрестности вокруг. Арак — водка, вино. Су — вода. Вот и получилось: и деревня, и озеро — Араксу, то есть «вино-вода».

Вначале село было татарское, позже русские стали переселяться из центральных губерний, а многие — как дед Степан — после царской службы. Сам-то дед Степан из донских казаков родом, да так получилось, что стал настоящим чалдоном, обосновался на берегу озера Араксул. Рыбачил, охотничал, косил луга, землю обрабатывал — как положено. Звали дела Степан Тимофеевич Бабушкин, был он отцом Серегиной матери.

— Чудесный был дед: боевой! — вспоминает Сергей Иванович. — Почти сто лет прожил, хорошо его помню. А бабушка Минодора — интересное имя? — только 73, она смутно видится. Я что, а вот дед здоров был! Особенно на руки силен. Сахарные головки были, знаете? Лет пять мне было: врезалось! Дед — без всяких щипцов — в руках сахар крошил, до сих пор хрустоток в ушах стоит...

По словам Сергея Ивановича, озеро Араксул большое, рыбное. В паводок с Иртышом соединялось, дамбы строили. Дедовская усадьба на берегу озера: дом шатровый, стайки, навесы,

загоны, огород, баня... Сеновал, поленницы дров, верстак, «судоверфь» — дед лодки ладил расшивные. А дело это непростое, сноровки, расчета и глазомера требует, да и в материале разбираться надо. И шпангоуты дед тесал, и борта расшивал, и конопатил, и смолил — ходкие лодки получались, подъемные и устойчивые. И невода вязал: самый большой невод у него был, вся деревня пользовалась.

— Еще одну особинку дедовскую запомнил, — говорит Сергей Иванович. — Татары-то, все по-русски говорили. А вот русские — редко кто по-татарски объяснялся, да и то маломальски. Дед Степан — вот как мы сейчас с вами — с татарами свободно общался! За что они его сильно уважали. И правильно. Справедливый дед был. Порядок любил.

Воспитанием Сергея в нынешнем понимании никто не занимался. Дед — при деле, родители — в колхозе, старший брат — тоже (разница в двенадцать лет была: довоенный). Отец работал то скотником, то кладовщиком — уйдет темно, вернется затемно. В школе уж когда сын учился, спросит иной раз: как, мол, дела, сынок? Выслушает, похвалит и ладно. Трудились все, без дела не шлын-дали, по пустякам не ссорились, зла на слабых не срывали — вот и все воспитание: можно сказать, своим примером. Ну и гены дедовские сказывались — послушным внуком и сыном рос Сергей, совестливым, приметливым, все у него как бы само собой получалось, будто в материнском чреве, инстинктивно обучен был всякому крестьянскому ремеслу и рукоделию. А самое главное — справлять работу с радостью, даже самую трудную и нудную. Взять хоть полив овощей. Огород пусть и на берегу озера, а метров 200 — 300 до воды было. Не пяток-десяток ходок надо сделать с ведрами, чтобы полить рассаду, а каждый день — под сотню. А прополка, окучивание? Да та же заготовка сена — не трудная ли и не утомительная ли работа? Конечно, если начинать ее с унылым настроем, тяжким сердцем, с обреченным чувством усталости в конце работы. И совсем другое — когда видишь в любой работе смысл, имеешь желание выполнить ее красиво, совершенствуешь ее, т.е. исполняешь творчески и испытываешь радость и удовлетворение в самом процессе, а не только после завершения. С первых шагов, с первых осознанных действий постигался смысл народной поговорки: «Глаза боятся, руки делают». Сколько помнит Сергей, держали

они всегда корову, нетель или бычка, пару свиней и пернатых — кур, гусей, уток — по выводку. Не только кормежка скота была его обязанностью, но и лет с десяти он уже вовсю косил, копнил и вершил стога (из четырех стогов поставленных три — колхозу, один — себе!).

— В селе тогда, — говорит Сергей Иванович, — не было двора, чтобы живность не держали. Аксиома была такая! Правда, позже, при подъеме целины, усомнились в аксиоме этой, и подворье пошло на спад. Не только луга распахивали под кукурузу, но и у нас возле озера березовую рощу раскорчевали. Какая была роща! Ой-ей... Березы — во! Мы туда на великах за березовым соком по весне гоняли. Выкорчевали и — что? Без толку: ни рощи, ни посевов...

Или рыбалка...

Баловство или работа, труд?

Сереге лет семь или меньше. Накануне сговорились с другом на рыбалку пораньше: удочки припасли, червей с вечера накопали. Часа четыре, пожалуй: заря чуть брезжит. На сеновале, на свежем воздухе хорошо спится. А друг уже напряженным шепотом будит: «Серега, вставай!»

Ох, как неохота вставать... Но надо — сговорились же!

Вот оно откуда-чувство долга, чувство ответственности — вроде бы с баловства, с детской забавы. Но не только это! Чувство слияния с природой, постижение красоты божьего мира отсюда же!

— Природа — ну такой красоты сейчас уже нет! Не увидеть нашим детям, жаль! — вздыхает Сергей Иванович, любовавшийся красотами заграничными в Старом и Новом свете. — Босиком бежишь по траве, какая она зеленая, высокая — по колено! А роса... Искры радужные поблескивают на изумрудной зелени. А там, где прошел, зелень истемна. И парок чуть-чуть вздымается. Удочки раскинешь — клев начинается. В такую рань, когда озеро парное курится, окунь с чебаком чудно ловятся. Ну не знаю... Так все смачно в память врезалось: такое не забудется! Сибирские наши просторы и сейчас чувства вызывают — непередаваемо...

В школу приходилось ходить за два километра в Дубровное, волей-неволей свежим воздухом дышишь, с природой общаешься, смену времени года наблюдаешь, земное коловращенье остро чувствуешь.

Школа на хорошем месте стояла, на пригорке, в аллее выпускников. Жаль, сгорела школа. Но вспоминается добрым словом, особенно первая учительница — Анна Прохоровна.

— И ее уже нет! — сокрушается Сергей Иванович. — Тянет на родину, тянет. В этом году план есть съездить. Да к кому? Одни могилки: отец, дед, бабка... Да и дом, поди, растащили — сколько уж не был?.. Надо съездить, предков почтить...

В школе учился охотно, особо давались биология, география, математика казалась сухой. Нравились также занятия по труду, на токарном станке с деревом работать. Но мало занимались, а то, может, по дереву и пошел бы: немудрящую мебелишку для дома еще в школе мастерил.

С животными любил возиться, обихаживать их.

— Некоторых до сих пор помню на морду! — говорит Сергей Иванович. — О, они ведь все понимают, разговаривать только что не могут. Пес, к примеру, был. Бобик. Лет восемь жил. Такой умнющий был пес... А поросят возьмите: те еще хитрованы! Телята, коровы... Про коня и говорить нечего.

После школы, в 69-м году, поехал Сергей в Свердловск поступать учиться. В Свердловске жила двоюродная сестра, он остановился у нее. Чем-то привлекла его специальность дорожного строителя, и решил он поступать в автодорожный техникум. Но на роду было написано другое: не прошел по конкурсу в автодорожный и оформился в техучилище при машзаводе им.Калинина. Год теории, практики полгода и — в армию осенью 70-го.

Попал в войска стратегического назначения, служил под Новосибирском. В учебке получил специальность машиниста крана: поднимал-опускал боевые головки стратегических ракет при регламентных работах. В 71 — м году из Плесецка (для скрытности) произвели боевой пуск своей ракеты. За успешное попадание в заданный район все получили отпуска. А там уж и дембель недалеко...

Вернулся на завод, поработал — заработков нету! А ведь одеться после службы надо соответственно, то да се...

Письмо одноклассника из Мегиона пришло кстати, Сергей с заводским корешем совершил осенний перелет на север.

III

— Было это 12 октября 1973 года, — Сергей Иванович улыбается в пшеничные усы. — Как вчера было, помню этот день. С

него началась моя мегионская эпопея. Направили меня помбуром в буровую бригаду Литвиненко Василия Семеновича. На скважину 13-й Варьеган. Даже вертолет, на котором прилетел первый раз на буровую, помню: МИ-6 бортовой номер 21161...

Бурильщик — Боря Грачев... Нету уж его. Верховой — Егор Горбатов, будущий мэр мегионский, да. С Егором в одном балке жили. Хорошая вахта была! И места красивые, озеро рядом. В общем, я — как тут родился, понравилось мне. А корефан, друг мой заводской, через три месяца слинял. Не его стихия: тяжело, грязно... Мороз, а на буровой от железа зябко. Да и дико — тайга же. А по мне — в самый раз оказалось. Я работы в принципе не боюсь. Как в Свердловске приходилось бывать — к другу заходил, не забыл он краткосрочную мегионскую работу: будто в крещенскую иордань окунулся, говорит.

— Да, не легка и не всем по плечу помбурская доля, — как бы оправдывая «корефана», говорю я. — Когда-то давно, услыхав шутливую солдатскую песню, я переделал ее, Сергей Иванович, в помбурскую. Если хочешь, послушай слова:

Помбуром стал я, право, невзначай:
я не набрал положенного балла.
И вместо институту, сгоряча,
попал в Сибирь... помбуром для начала.
На первой вахте я чуть оплошал:
кувалда-дура в скважину упала.
И мастер мне сурово приказал:
— Лезь на забой... магнитом для начала.
Сломался кран у нас на буровой,
а БПО с ремонтом подкачало.
Спокойны все: помбур и верховой
тот кран вдвоем... заменят для начала.
Семен Никитич (мастер наш) — герой.
Его по праву слава увенчала —
все потому, что он на буровой
на совесть сам... помбурил для начала.
Пусть девушки нас правильно поймут:
в помбурских робах нам простора мало,
заочный мы закончим институт
и станем... мастерами для начала!
А припев через каждые четыре строчки такой:
Свою судьбу, помбур, благодари!
Пусть нелегко тебе даются метры,-
геолог — что ни говори, —
лишь буровик
заглянет в недра!

— Точно, Николаич, точно: и про кувалду, и про кран, и про геологов... — смеется Сергей Иванович негромко, добродушно. — Геологи-то, поди, осерчали на вас? «Лучший геолог-долото», для них, словно красная тряпка для быка. Ну а про остальное — правильно. Да и вообще, как будто про меня сочинили. Честное слово, судьбу

благодарю, что стал буровиком. По мне работа оказалась. Да и места сибирские — тоже по мне, Я ж в армии не зря на крановщика выучился: на буровой чуть не сразу же бурильщики стали доверять тормоз. Сначала под присмотром, но — тормоз он и на кране тормоз, — легко к буровицкой «палке» приспособился, как будто само собой; первое время бурил, потом и спуско-подъем инструмента стал делать. Интересная работа, что бурить, что «вира-майна» гонять. Если хороший верховой, то и наверх голову не дерешь: по виткам троса на барабане ориентируешься да по хлопку элеватора, когда его верховой закроет. Так и освоил все бывшие в экспедиции буровые установки. Потом на курсы бурильщиков в Ухту съездил, «корочки» получил. На разных площадях работал, характер разреза пород у нас хоть и сходный, а все же каждый — с особинкой. А уж про скважины и говорить нечего: у каждой свой каприз, и очень просят уважительного обхождения. У меня то ли рука легкая, то ли еще что, но самому аварий глупых не приходилось делать, а, наоборот, сделанные другими часто ликвидировать удавалось. Поэтому, видать, после окончания курсов мастеров в Тюмени меня через некоторое время мастером по сложным работам назначили или, проще, аварийным мастером... — И помолчав, продолжил:

— Хорошие были времена! Романтики было побольше, может быть? Хотя люди были попроще. Надо, значит надо! Бодягу не разводили. А сейчас — слишком все рационально, прагматично, лишнего никто ничего не сделает. — Сергей Иванович вздыхает тяжело. — Недавно проезжал мимо озера, где бурил первую свою скважину, не узнал места — так все испоганено! Обидно и за природу, и за тех людей, кто трудится на совесть... Я аварийным мастером в бурении работал, но знаю, что аварии везде — на дорогах ли, при нефтедобыче ли, с нефтепроводами, с оборудованием — от недобросовестности и лености, от желания получить незаработанные деньги. Полегче до побыстрей. Тяп-ляп, а там хоть трава не расти!

Сергея Ивановича Долгушина я знаю с 81-го года. Не слишком часто, но доводилось встречаться с ним на «сложняках»:

аварийных или осложненных скважинах. Обычно, когда дело сделано, и выдаются свободные часы, чем занимаются люди на буровой? Чаи гоняют, читают, режутся в карты, играют в «шешбэш», реже — на охоту или рыбалку ходят (если сезон, и окрестности позволяют), а чаще — «шлангуют», т.е. отсыпаются впрок. Приходилось видеть и Сергея Ивановича за этими занятиями, но обычно он при деле: буровому мастеру помогает прибраться после аварии, ягоды, если есть поблизости, грибы — обязательно пособирает. На Вань-Егане как-то: дождик моросит, в кустах — сыро, а он голубику собирает. Я к нему за компанию прибился, меня хватило на то, чтоб самому попастись, а он трехлитровую банку набрал. «На пирожки, — пояснил, — любят у меня пирожки с голубикой!» Или на Сюрпризной площади... Вынимает из объемистого рюкзака подростковые зимние ботинки, сапожные принадлежности... Я понял: чинить собирается. «Так у тебя ж рука в ботинок не влезет! — восклицаю я непроизвольно. — Как чинить будешь?» «Э-э, Нико-лаич! — добродушно усмехается Сергей

Иванович, — у меня хитрое шило есть на этот случай, вроде «ерша» ловильного... — и показывает мне явно самодельное, штучного производства аккуратное длинное шило с потайным крючком на жале. — Один раз зацепил, вытащил петлю наружу, вставил дратву-и пошло-поехало! А то ведь на пацанов обувки не напасешься. Ботинки так еще крепкие, подошву прошью — сезон еще протаскает. Универсальное шило — само тачает...»

Я загорелся тоже, сделал себе при случае сапожное орудие, но толстоватое у меня получилось оно, не «универсальное» — только по унтам да валенкам, до сих пор им пользуюсь... И, представьте, неплохо получается тоже, как у Сергея Ивановича, само собой вроде бы. Ан нет, думаю, не только его пример перед глазами, но и в руках память ожила: в детстве приходилось на обувку и заплатки класть, и подметки подбивать... дядьки мне не объясняли: «Примечай! Чай, сам с глазами!»

Я работы не боялся.
«Это, хлопец, божий дар!»
Хорошо в конце работы
в холодке, возле заплота,
свой топор всадить в чурбан,
цикнуть в землю:
«Что ж, ярар!»

Нет, не только щемящая грусть по материнской ласке и беззаботной жизни, все наши привязанности и наклонности оттуда — из детства..

IV

Сергей Иванович, как я заметил, несмотря на прохладное отношение к математике, тем не менее любит точность. Но обратил я на это внимание недавно, когда мы беседовали с ним на кухне его трехкомнатной квартиры. Мы были одни.

— Жена в Тюмени, на обследовании в областной больнице, прихворнула малость, — прояснил он ситуацию. — Она у меня из кубанских казачек. Здесь познакомились, в Мегионе. В 73-м году. В 74-м уже свадьба была, а на следующий год «доца» наша родилась, Ирина. Уже университет заканчивает. Вот сейчас с мамкой повидается перед госэкзаменами. А так — самостоятельная. В Тюмени, видно, останется. В наше время ведь с работой проблема. А она на практике хорошо себя показала, вот и приглашают ее работать туда же. Квартиру пока ей снимаем... Сын Саша сейчас придет с тренировки. В одиннадцатом классе учится, а все свободное время спорту отдает! Баскетболом увлекается. Говорят, способности есть. Ну и ладно: все при деле! Ради Бога! Когда увлечен, занят чем-то — не до дурных привычек... Собирается в университет, у сестры в гостях был, заходил — интересовался условиями приема...

После житейских вопросов незаметно разговор зашел о работе.

Сейчас Сергей Иванович занимается нефтедобычей. Нужная работа, денежная, по-своему интересная, но бурение...

— Двадцать лет и одиннадцать дней проработал в бурении! — с левитановской торжественностью произнес он. — С октября 73-го по ноябрь 93-го года... Да!.. Двадцать лет и одиннадцать денечков... — повторил и мощно вздохнул.

Около десяти вечера пришел высокий, гибкий чернявый юноша — Саша, сын.

— Как отец кормит? — спрашиваю, — без матери-то не заморил? — Нормально батяня кормит, — серьезно отвечает Саша, позвякивая посудой. — Мать может не беспокоиться...

После ужина он переодевается и уходит, что-то сказав отцу.

— Дело молодое — пусть погуляет, погода хорошая, — комментирует отец уход сына. Спокойно, доброжелательно, без надоедливых сентенций и наказов.

Когда мы стали листать фотоальбомы, словно коснулись впечатлений от поездок за границу...

Комментируя снимки, Сергей Иванович Долгушин с искренней непосредственностью говорил:

— Впечатления — слов нет! Наша жизнь и жизнь тамошняя — как небо и земля. Хорошо там, прекрасно! Но из-за разности в воспитании и восприятии мира я бы там не прижился. Дети — те, может, и адаптировались бы. Но я бы зачах. Душевного равновесия нет, а без него куда? Нет, я после этих экзотических красот как увидел нашу тюменскую землю из иллюминатора, честное слово, чуть не прослезился от переполнения чувств, будто в детстве, когда — утро, солнышко встает, ты по росной траве идешь, а вдали — пар курится над озером, кулик чиликает.., а в воздухе — свежесть березовая... Нет, все хорошее в человеке — из детства...

И я согласен с ним.

КОЛЬЦА ЖИЗНИ

Я САМ ТАКОЙ..

С Серегой Клюсовым — так его звали и друзья-каротажники, и заказчики-буровики — встретился я на аварийной скважине

Когда я прилетел на буровую, там находился мастер по сложным работам Восточно-Мегионской экспедиции Сергей Долгушин, эдакий васнецовский Алеша Попович, и мягко-обходительный сменный буровой мастер по имени Петр Иванович: он очень стеснительно и мило отпросился на базу по семейным обстоятельствам.

Авария в скважине была серьезная: прихват бурильного инструмента. Аварию «восточники», как обычно, скрыли, пытаясь ликвидировать ее своими силами. Наконец, убедившись, что «приехали», сообщили в объединение.

Я привез с собой новинку: возбудитель упругих колебаний — ВУК, устройство, разработанное в одном из академических институтов, и решил опробовать его на этой скважине. Но для успешного его применения необходимо было по возможности точно знать длину свободной части бурильных труб, т.е. глубину верхней границы прихвата.

С помощью серии замеров вытяжки колонны бурильных труб под различными нагрузками по многократно опробованной методике я вычислил глубину прихвата — около 1680 метров. Но мне было приказано ждать геофизиков: их метод надежнее...

— Клюсов бы прилетел! — вздохнул Долгушин. — Серега, тезка мой. Уж он-то определит: тика в тику!

Меня это обижает. Как можно спокойнее, доходчивее объясняю, что и по вытяжке можно достаточно точно определять свободную часть колонны труб, если знать компоновку и провести серию замеров тщательно, аккуратно. Долгушин не возражает, чувствую, только из-за природной деликатности, а может, ошибаюсь: вычисления доступны ученику средней школы.

Наконец прилетел отряд. С вертолетки идут сразу к своей технике. Галдят. Похоже, что с бодуна: в выходной «подняли»! Кто же из них начальник отряда Серега Клюсов? Неужели вот тот невысокий крепыш, покрикивающий резковато, излишне громко. Похоже он! Типично славянское лицо. Большие, добрые — даже бесхитростные — глаза незабудковой голу-

бизны. Рот полногубый, незлой. И все же при всей мягкости линий чувствуется в нем колючесть, а в репликах — безапелляционность. Не понравилось это мне. И то: на Руси не все караси — есть и ерши! — чувствую, из этой породы Серега Клюсов. Стали работать: четко, слаженно. Каротажники — свое дело, буровики — свое. Пошли на запись — стали поднимать прихватомер. Захожу к Сереге, знакомлюсь. Станция старенькая, осциллографная. Пока диаграмма появляется, сохнет, говорю, на какой глубине магнитные метки должны исчезнуть. «А, все ваши расчеты — фигня на постном масле! — кричит он мне в ответ. — Вон... — называет фамилию одного специалиста по прозвищу Академик, — уж на что Ака-де-еик, а ни разу близко не совпало!»

Берем подсохшую ленту, начинаем изучать: совпадение один к одному!

— А, случайность! — равнодушно бросает Серега.

Мы отвернули на необходимой глубине инструмент, взяли привезенный мною ВУК, спустили его в скважину, соединились с прихваченным инструментом и начали работать — выбирать его вверх.

Мощность удара можно было регулировать. Начали с минимальной, постепенно довели до предельной. И хотя удары производились на глубине более 1600 метров, буровая вздрагивала, как наковальня. Толчки ощущались и в каротажной станции. После цикла ударов по своей методике я определил, что длина свободной части увеличилась на сотню метров, — исходя из этого произвели отворот инструмента и начали подъем.

Когда подняли четыре освобожденные свечи (как раз сто метров), словно обрезиненные, в вязкой сине-зеленой глине, Серега уважительно похмыкал: «Ну-ну! Поздравляю!». Расстались уже тепло: каротажники были не нужны.

После этого стали встречаться с Серегой эпизодически: либо на аварийных скважинах, либо на осложненных — когда приборы по стволу не «ходили» даже у Сереги Клюсова, и требовалось мое, как шутил Борис Сергеевич Хохряков, «шаманское» вмешательство.

Первопричиной непрохождения геофизических приборов являлось грубое нарушение технологии бурения, в результате чего ствол скважины искривлялся, а стенки в интервалах набухающих опок рушились, образуя огромные каверны; в этих

кавернах приборы вывешивались на кабеле отвесом и не попадали в сместившийся из-за кривизны ствол, зачастую заваленный шламом и осыпью.

Серега эту первопричину понимал, не в пример руководителям наших экспедиций, следовавших принципу «давай-давай»: «Пятилетку — за четыре года, скважину — с ускорением!». Экономили часы, сутки, тысячи, нарушая технологию, теряли сутки, недели, миллионы... Главное — вал, т.е. метраж. Сколько было скважин загублено и списано потом по «техпричинам»! А сколько было потеряно геофизической информации из-за невозможности пропадания полного комплекса исследований (не все приборы проходят внутри бурильных труб) или вообще не получено?

Не секрет, что у многих каротажных отрядов есть свои хитрости, «ноу-хау», есть любимые и неудачливые, «поперечные» методы каротажа. Комплект каротажного оборудования (станция, подъемник), как правило, завозится на каждую буровую, а работать на них залетают разные отряды. С собой они привозят только зонды (скважинные приборы) да кое-какие запасные панели. Одни каждый метод пишут с первой «ходки», для других скважину приходится то и дело готовить; то у них зонд «задавит» давлением раствора, то «сигнал» исчезнет и т.п. (по поговорке «Не понос, так золотуха», по мнению Сереги).

Серегу бог миловал. Везение тому было залогом или умение? Ясно, что умение на грани искусства! Умение, добросовестность, надежность — качества, необходимые для всего отряда. А искусство (пусть — мастерство) необходимо оператору и машинисту подъемника, они — тандем. Они не просто два специалиста, два существа, связанные между собой микрофоном, показаниями приборов, они — нечто единое, общее. Скважина, зонд и они — не только электрическая и механическая связь между живыми и неодушевленными субстанциями-материями, но, возможно, существует какая-то опосредованная, более высокого уровня связь, которая и определяет такие понятия, как везение, интуиция, мастерство, искусство, талант...

— Це?.. — голос у Сереги резкий, он чуть подается ухом к говорящему, извинительно улыбаясь, да и дикция с прицекиванием: — Громце! Я ж на ухо туговат. Да вы це! Талант — бозый дар, а тут — яицница!

Это я попытался подпустить ему «леща», а он разговор свел к шутке. И вообще, он ироничен, на слово скор, на шутку отзывчив: когда в ударе, речь афористична. Он хоть и ершист, добр, в работе безотказен. Приходилось встречать его в самые распраздничные дни и на вертолетке с рюкзаком, в болотниках, и на буровых (как-то с Лесной площади 31 декабря, несмотря на снежную завируху, счастливо вместе вылетали).

По материнской линии Серега Клюсов — сибиряк, тюменский северянин. Мать его, Нина Дмитриевна, тоболячка, так же, как и бабушка. Родился Сергей в селе Ярково под Тюменью в сентябре 54-го года, с белорусскими, по батьке, генами. А осознал себя впервые в Тобольске, в районе Тобольского кремля, на взвозе. В высоте и чистоте, в те времена был ясен окоем, а воздух благоуханный... «Нефтехимией — близко не пахло! Не снилось даже», — замечает Сергей.

Тобольск помнится... Но и малолетство, и школьные годы прошли на Крайнем Севере, в поселке Тазовское, на целый градус севернее Полярного круга, там, где река Таз впадает в губу ее имени.

Цвет тундры бело-голубой, в зависимости от времени года. И солнце — то не сходит с неба, выписывая кренделя, то прячется надолго за горизонт, помаргивая в полдень плазменными ресницами. Полгода зима, остальные полгода — весна, лето и осень. Быстротечна их смена. Стремительно расцветает и плодоносит природа, быстро и человек взрослеет на севере: в унисон с ней.

Красива, но сурова природа на севере. Не знаю, как Серега подростком, но я, бывая в тех краях в зрелом возрасте, на пределе возможного переносил пронзительные ветры при морозе под сорок и летнюю парилку с гнусом (жара под тридцать градусов и влажность под сто процентов!).

У матери Сереги, Нины Дмитриевны, было два образования: зоотехническое и культпросветовское. Поэтому когда она с сыном и его отчимом переехала в 65-м году в поселок Мегион, стала работать в библиотеке. Заведующей библиотекой Нина Дмитриевна трудилась долго, пока в 78-м году не переехала в Нижневартовск. Многие мегионцы должны помнить эту невысокую приветливую женщину. Двухэтажное здание библиотеки на Ленина сохранилось, но, похоже, доживает остатние денечки

Так что мегионцем Серега Клюсов стал давным-давно!

В 91-м году после отпуска вышел я на работу 2 сентября. В стране большие перемены, в нашей шараге тоже. И только бабье лето — как всегда! Прозрачный, как ключевая вода, и такой же прохладный и свежий воздух. Разноголосое многоцветье тайги... Летающие паутинки... Высокое, с тающими льдинками небо...

— Вовремя прилетел, Николаич! — радуется моему возвращению новое начальство. — На 294-й Мохтиковой проблемы: каротаж не идет. Там такое дело. После аварии забурили вторым стволом. Через некоторое время стали попадать в первый. Короче, сейчас там два ствола. Да, натуральные «штаны». Каротаж, может, отменят — объединение запросило разрешение у главка. Но колонну надо спускать обязательно: керн нефтяной! Пошамань, может, что получится?..

Многое хотелось сказать в ответ, облитое «горечью и злостью», да послеотпускное благодушие и старое — советское! — воспитание не позволили: «Не на вас — на государство работаю!» Да и к скважинам я отношусь как к одушевленным созданиям: они-то при чем? Им помочь надо.

На буровой — ни бурового мастера, ни технолога, за всех про всех — мастер по сложным работам Опоров.

— О, смена прилетела! — обрадовался он мне. — Как, Николаич, отпускаешь?

— А каротажники кто?

— Да Серега ж Клюсов!

— Тогда лети! Люблю, когда на буровой — один! В этом случае и с ответственностью все ясно, но и с дележом славы тоже нет проблем! — смеюсь.

Обошел буровую, поговорил с бурильщиками: мужики знакомые, информацию дали честную, хотя и субъективную. После этого — к каротажникам.

— Ну це? — после приветствия спрашивает меня Серега, — будет сквазына или нам удоцки сматывать? Нам тозе денезку надо зарабатывать!

— Как только — так сразу! — в тон ему отвечаю. Потом серьезно: — Буровой раствор до ума доведем. И буду устанавливать «псевдоствол»... Как на Чумпасской, помнишь? Попробуем. Не получится, другое дело. К полуночи готовьтесь!

— Мы, как пионеры, всегда готовы! — смеются каротажники, продолжая прерванную «пульку».

Обработав раствор химреагентами, я добился необходимых параметров, произведя необходимые расчеты, приступил к созданию «псевдоствола» в районе «мотни штанов», если пользоваться портняжьей терминологией. Закончив произведение этой технологической операции, дал я команду на подъем бурильного инструмента, а сам пошел на вечернюю радиосвязь.

Едва я назвал позывные буровой, начальник смены радостно возвестил: «Все, Николаич! Отменили! Каротаж отменили. Готовьтесь к спуску колонны!» — и, не дожидаясь моих объяснений, ушел со связи.

«Дернуло ж меня выйти на связь!» — ругал я себя. Мне не только было жаль труда по подготовке ствола к каротажу, он не пропал: проведенные работы необходимы и для спуска колонны, мне было жаль потерянной информации, тех новых знаний о месторождении, которые, я был уверен, можно получить. Знал я и о том, что за невыполнение комплекса геофизических исследований банк ощутимо снижает смету по скважине.

«Что делать? Сказать Сереге или не сказать? Попытаться разделить ответственность с ним или все взять на себя?» — я кругами ходил по вертолетке. И решил: пусть Серега ничего не ведает!

Были уже сумерки на нашем взлобке, раменье же вокруг нас и вовсе было залито дымчато-синей тьмой. Буровики закончили подъем инструмента и установили на роторе блок-баланс под кабель, т.е. подготовили скважину к каротажу. Я заполнил бланк и пошел на станцию: будить геофизиков. А они — в карты режутся!

— Что же не отдыхали? — корю их. — Ведь сейчас работать.

— За нас не боись, Николаич! — воскликнул Серега. — Отоспимся! — И каротажники занялись своим делом.

— Только аккуратнее, Серега! — прошу Клюсова. — Чуть посадка — сразу на вира и шабаш!

— Добре, добре! — ответил Серега механически, занимаясь станцией.

Чтобы отвлечься, я решил сходить в баньку: в этой бригаде была хорошая, на тэнах, банька. Хотя тэны и не сильно калили каменку, но и сполоснуться, и чуток веничком пихтовым помахать можно было каждодневно. Да хотя бы просто порелаксировать на истомном горячем полке.

С полотенцем из баньки двинулся к каротажникам: каротажный кабель тугой струной поблескивает в свете прожектора.

Аппаратура на сей раз у Серега компактная, современная. В станции — свободно. Чуть погодя, осмотревшись, спрашиваю: «Как там, прошли?».

— Прошли, прошли, Николаиц! — отвечает Серега буднично, не оборачиваясь — все внимание на приборы. Негромкие команды в микрофон.

— Посадки были?

— Так, цуть-цуть.

В шесть утра передаю сводку по скважине: «Каротаж. Записали СПАК. Наутро РТ». В ответ чуть ли не матюки: «Срываете работу! Вывоз каротажников запланирован первым рейсом...»

Когда закончили каротаж, признался я Сереге во всем, повинился.

— Нам-то це? Нам — нице! А вот вы бы промеж двух жерновов оказались, если бы це, — только и сказал Клюсов. И тут же с сарказмом добавил: — Теперь медаль здите! — и улетел.

...А мне еще предстояло успешно спустить эксплуатационную колонну и зацементировать ее. (Я тогда и не предполагал, что эта скважина потом будет работать на конкретных людей, а не на государство). А тогда я работал с удовольствием, с вдохновением, и все у меня получалось.

И с буровой я прилетел 11 августа с хорошим настроением.

В Мегион тоже пришла осень: березы позолотели, рябины запылали. Ранние улицы были гулкими, воздух посвежел.

И даже то, что мне не только медаль не дали, но даже элементарного спасибо не сказали, не нарушало моего душевного равновесия: уж больно светлые, «морозно-ясные» перспективы открывались перед страной после пресловутого путча, и свои проблемы поэтому казались мизерными.

С Серегой на буровых судьба нас больше не сводила. Встречались изредка на мегионских улицах, обменивались шутливыми репликами. Да один-два раза передавал ему от тещи гостинчики, если бывал на тех буровых, где она была поваром.

Последняя встреча была сравнительно недавно: в сентябре 96-го.

— Ну как? — громко спрашиваю, — «приборы» нормально ходят?!

Смеется:

— Я сцас, — говорит, — по другим «приборам». Геофизические оставил.

— Что так?

— Жизнь такая пошла! Сцас деньги — все! А у них глаз нету: идут к кому попало! Как говорится, не рад хрен терке, да по ней боками пляшет! Крутимся помаленьку. Зивем! Мне ведь немного надо: мир цтоб в семье, здоровье да цтоб голова на плечах. И не пропадем!

В таком духе разговор...

На прощанье спрашиваю:

— Не против, если о тебе напишу в цикле «Мегионцы — это мы!»

— Николаиц, несерьезно ж! — смеется искренне. — Це писать-то? В передовиках не ходил. В нацальниках... в руководителях! — тозе! Велосипеда не изобрел... То-сё...

— Самое главное, чтобы ты мегионцем себя чувствовал! Мегионец — это честный работяга, добрый, справедливый, патриот... мастер на все руки... Ты ведь такой?

— Раньше был поцти такой. А какой сцас — разбираться надо...

Что ж, Серега, я сам такой — тоже пытаюсь разобраться и в себе, и в окружающем мире.

ЗДЕСЬ «ОБРЕТАЕТ СЕРДЦЕ ПИЩУ»

С Валерием Николаевичем Файзрахмановым я не виделся, пожалуй, с десяток лет. Для него — внешне — этих лет как бы и не было: заматерел разве — черты лица стали пожестче, корпус поосадистее, да в голосе солиднинка появилась, а взгляд цепких глаз, реакция на слово, подвижность, искренний смех — прежние, новоаганских, самого начала восьмидесятых годов.

Мы сидим с ним в его трехкомнатной только что отремонтированной и обставленной квартире в первой геологической девятиэтажке и говорим «за жизнь» — недавнюю, нынешнюю, грядущую. Его трехлетняя внучка Галя сервирует нам чайный столик. Шестилетний боксер по кличке Бакс, как бы заглаживая первоначальное, весьма агрессивное негостеприимство, положил мне на колено свирепую морду и прислушивается к нашему разговору, взглядывая то на одного, то на другого.

В Новоаганске нам с Валерием Николаевичем доводилось общаться не только по службе, но и в неформальной обстановке, все больше в коллективе; во время таких встреч, как правило, разговоры велись или о работе, или о чем-то, так или иначе касавшемся ее (не считая, понятно, неизбежной мужской трепотни). Мы были тогда переполнены своей работой! И редко кто решался делиться, казалось, скучными подробностями своей биографии до появления на Севере, как бы говоря тем самым, что настоящая биография началась только здесь. И сейчас, когда я пытаюсь выудить у своих героев очерков интересные эпизоды из досеверной жизни, часто слышу в ответ: «Да ничего интересного... школа (техникум, институт)... Работал (учился)... Поехал деньжат подзаработать на... (по направлению). Да и присох: северянином стал». И с Валерием Николаевичем разговор получился типичным. Но кое-что мне довелось узнать из его «большеземельской» биографии.

Родился Валерий Николаевич в Казани 9 февраля 1950 года в семье военного. Отец его, Асиянов Николай Васильевич, был кадровым офицером, участником Великой Отечественной войны; вскоре после рождения сына репрессирован и в 1956 году скончался. Валерий отца фактически не помнит. Мать его — Файзрахманова Рауза Галеевна, 1921 года рождения, была на 22 года моложе мужа, длительное время находилась на поселении в Казахстане, там и похоронена в 91-м

году. Валерий очень жалеет, что не поспел на ее похороны: был в командировке и смог только памятник поставить на ее могилку. И тети Салимы уже нету — на четыре года раньше матери скончалась. Об отце он знает, что тот был полковником-танкистом, но даже фотокарточки не сохранилось: при аресте весь его архив изъяли следователи. С отцом они жили в центре Казани на улице Островского. Но все детство Валерия прошло у тетки, которая жила в татарской слободе, возле речного порта, затем на улице Ахтямова.

В слободе жили в каменном доме, двухэтажном, старинном (говорили, что когда-то он принадлежал деду, который также имел и несколько лабазов); кроме них, еще пять семей. Двор небольшой, застроенный каретниками, курятниками, голубятнями, свободная земля — под грядками. Но за забором, в сквере, была танцплощадка, где по выходным и праздникам играл духовой оркестр; послушать музыку, потолкаться бегали они туда пацанами. Потом на этом месте построили школу, в которой Валерию довелось учиться. Во дворе школы соорудили спортивную площадку, и они повадились свободное время проводить там. Впрочем, не так далеко находился стадион речников: там работали спортивные секции.

Но главное — Волга рядом: рукой подать! На гидронамыве — земснаряд постоянно намывал для строек песок. Как только солнышко начинало пригревать по-летнему, проводили они немало часов, загорая до черноты. И рыбалка, конечно. Не только на удочку, но и — черпаком. У друга детства, Рашида, отец был заядлым рыбаком, имел лодку. В лодке у него стояло сооружение вроде деревенского колодезного журавля, только вместо ведра — черпак из сетки, который медленно погружали и затем быстро поднимали. Иногда им доводилось рыбачить и самостоятельно.

Что бы ни говорили про советские времена, а для желающих и тогда была возможность обучаться на родном языке. И Валерий мог пойти в татарскую школу, находившуюся недалеко от его дома (сейчас там медресе), но его отдали в русскоязычную, которую он и окончил успешно. Первая учительница, Рафикова Валентина Порфирьевна, которая преподавала до восьмого класса, помнится до сих пор.

Валерий мог стать, как его отец, офицером-танкистом, поступив в Казанское танковое училище, но романтическая профес-

сия геолога пер[illegible]яну[illegible]сов, и он стал студентом Казанского университета

В 1975 году геолог Валерий Николаевич Файзрахманов с группой однокашников прибыл по направлению в Главтюменьгеологию. Трое его коллег остались при главке, в ППЗ, а он поехал в Аганскую нефтеразведочную экспедицию — в Новоаганск.

В Главтюменьгеологии работало много выпускников Казанского университета, получивших образование раньше. И все они делали хорошую карьеру. Достигли они этого в первую очередь благодаря хорошей университетской подготовке и — на производстве — благодаря трудолюбию, настойчивости, умению соотносить свои первооткрывательские амбиции с реальностью... Они знали: главное — не бояться трудностей!

Главный геолог Аганской экспедиции Федор Николаевич Людофун направил молодого специалиста в цех испытания оператором по исследованию скважин. Цехом руководил Геннадий Петрович Бондаренко. Они и стали наставниками молодого геолога. (Людофун сейчас в Обьнефтегазгеологии начальником партии, Бондаренко в Мохтикнефти).

В середине восьмидесятых годов у буровиков-то быт был неустроенный, а уж у испытателей — тем паче! Электростанция, котлопункт, жилье — все становилось проблемой. Лебедки исследовательские с ручным приводом, всепогодные! Волосы зимой примерзали к подушке, вспоминает свою геологическую юность Валерий Николаевич. Около года проработал он оператором.

Женился Валерий Николаевич еще студентом. С будущей женой он знаком с детства: Замземия Вазыховна жила через два дома. Но учились они в разных школах. Пока муж осваивался с работой, жена с трехлетним сыном Эдуардом и четырехлетней дочерью Аидой жила в Казани. Через год, уже работая геологом, получил квартиру в малосемейке (кухня и комната), привез семью. И пару лет прожил в этой квартире. А когда родилась дочь Римма, дали ему в Новоаганске трехкомнатную квартиру, в ней он прожил до 96-го года — до перехода в объединение в Мегион. Сейчас там живет дочь Аида с семьей.

И началась его геологическая работа...

Все годы работы Файзрахманова в Аганской нефтеразведочной экспедиции считалась она крупнейшей не только в объе-

динении «Мегионнефтегазгеология», но и в Мингео СССР.Темп работы у них был свой, аганский! Нагрузка на всех работников, особенно на ИТР-производственников, огромная. В первой половине восьмидесятых мне приходилось часто и подолгу бывать у них и в конторе (на разнарядках), и на буровых, и я знаю об этом не понаслышке: геологам и технологам зачастую приходилось перелетать с буровой на буровую, без побывки на базе и неделю, и другую.

Как геолог Файзрахманов начинался в цехе бурения (в РИТСе затем) на скважине Р-80 Покачевской: делал привязку интервалов отбора керна, отбирал его и описывал, присутствовал на каротажах и ходил в бригаду по испытанию, работавшую на соседней скважине, уже как оператор по исследованию — в экспедиции хронически недоставало людей для выполнения неподъемных планов. На Покачах же он увидел и свой первый фонтан, вдохнул неповторимый запах СВОЕЙ нефти, увидел цвет ее. Ощутил ее живую маслянистость и тепло.

Первой скважиной-первооткрывательницей, на которой ему пришлось работать, стала скважина Р-12С Новогодняя. Он был на этой скважине и при бурении, и при испытании. Шел 1976 год. В случае открытия месторождения его предполагалось назвать Брежневским. Скважина заканчивалась в декабре, и некто Соколовский (научный сотрудник ЗапсибНИГНИ) и предложил окрестить месторождение Новогодним; так его и назвали...

Но чтобы считать себя геологом-первооткрывателем, мало отобрать керн в нужном интервале, правильно проинтерпретировать керновый материал и данные каротажных исследований, проконтролировать надежность крепления и провести качественное испытание намеченных объектов — надо выбрать правильно местоположение скважины на структурной карте и перенести ее на местность, то есть «выдать точку».

Месторождение, на котором Валерий Николаевич впервые осуществил весь комплекс геологических работ на скважине-первооткрывательнице, т.е. выдал точку на местности, курировал ее бурение и испытание, называлось Южно-Покачевским. В 1986 году за его открытие и разведку он получил знак «»Первооткрыватель». А вознаграждение за непосредственное участие в открытии и разведке он получал за многие месторождения.

В многообразной работе разведчика, несмотря на старание, все равно неизбежны казусы и неувязки. Соучастником одной из них невольно стал однажды и Файзрахманов.

Приближалась 2-я годовщина брежневской Конституции. Аганская экспедиция имела возможность порадовать любимого генсека и весь советский народ к годовщине «самой-самой» Конституции. Работы на скважине-первооткрывательнице были под контролем главка. Наконец скважину закончили бурением, завезли испытателей, те сделали ПЗР и потребовали каротажников. Залетели и те. Вместе с ними геолог. Оформлена необходимая полевая документация... Сейчас простреляют колонну, спустят НКТ, снизят уровень и — экспедиция — главку, главк — министерству, обкому и т.д. могут рапортовать о трудовом подарке аганских геологов в честь праздника. Но в последний момент выяснилось, что перфораторщики забыли взрывную машинку...

Главным геологом экспедиции в то время работал Ольков, а его замом по испытанию Леонов — вот он и говорит по рации Казмею:

— Валерке-то (т.е. Файзрахманову) место оператора, может, найдется, а тебе — и помбурское не светит!

Ерунда вроде машинка — в хороший карман сунешь, а вот поди ж ты, не обойтись без нее! И вертолет уже не сгоняешь: октябрь-месяц, день короткий, а сюда — два часа лету! Шороху было! Но урок тоже хороший, запомнился!

В объединении долгое время тандемом — главный геолог и начальник геологического отдела — работали Модест Федорович Синюткин и Виктор Иванович Бутусов: хорошо было с ними сотрудничать, полезно; ненавязчиво и спокойно вели они свою линию.

«От первого руководителя многое зависит, — вспоминает Валерий Николаевич. — Были у нас громкоголосые, энергичные, даже «арапистые» начальники, а дела рывками двигались, часто в расчете на авось... Потом Габриэлян пришел, вывел экспедицию из прорыва, поставил на ноги. Или Хохряков: он с 87-го по май 90-го был у нас начальником, при нем экспедиция достигла самой большой проходки за год за всю свою историю — 188 тыс. погонных метров. Хохряков, кстати, когда узнал, что моя младшая дочь тяжело больна, тотчас отправил меня на вертолете в Тюмень и сказал, что если понадобится, то чтобы

обращался за помощью любой к нему... Многое он сделал для улучшения качества жизни в Новоаганске. Его избрали главой администрации района, но он и сейчас не забывает ни поселка, ни нас, аганцев: при встрече обязательно пригласит к себе, здоровьем, делами поинтересуется. После его избрания во власть снова Габриэляна пригласили — он в Сургуте работал...»

Поговорили мы с ним об особенностях работы геологов в нынешних условиях. Их много, и одно из них — отвод земель: ныне точку не выдашь без разрешения хозяев угодий.

С одними консенсус достигается легко: объединение (экспедиция) обязуется соблюдать экологические требования, оказывает помощь хозяину угодий в строительстве или оснащении его какой-либо техникой, необходимой для ведения привычного образа жизни. Но иногда требования доходят до курьезов — вроде требования «Волги» последней модели или направления дальнего родственника на учебу в английский колледж... Одно дело, например, установить передвижную электростанцию для холодильника и обучить хозяина правильной ее эксплуатации или приобрести тот же холодильник для хранения рыбы, но «Волга» — не вяжется как-то с тайгой! Снегоход «Буран» — другое дело. Даже «Ямаха» (на них мода прошла: тяжелый снегоход, завалится — в одиночку не поставишь) — куда ни шло! А в остальном — отношения корректные!

Я поинтересовался, какая у него сейчас должность. Он пояснил, что сейчас, мол, дело не в должности. Я, говорит, посмотрел контракт, свои права и обязанности, оплату труда и подписал его. Должность — это не важно, главное — чтобы работа была по душе и оплачивалась так, чтобы денег хватало на удовлетворение простых человеческих потребностей: качественного жилья, качественной еды и одежды, качественного обучения детей, клочка земли, транспорта и ежегодного отдыха. Посчитать — это и не такая маленькая сумма получится, но и не такая уж большая в сравнении с тем, что дает качественный труд обществу, государству, не героический труд, а в рамках КЗОТ, но — качественный! Если под этим понимать профессиональный, полноценный, т.е. в течение всего рабочего дня, и именно тот, который только мне по плечу, а не тот, который могут выполнить менее квалифицированные работники. Важно человеку найти свое место.

Бакс между тем стал проявлять признаки беспокойства.

Мы когда-то держали собаку, и я понял по его поведению, что пришло время прогулки.

— Сколько ж ему лет? — спросил я.

— Шесть, — ответил Валерий Николаевич.

— Так он у вас с Агана еще?

— Нет, — помрачнел хозяин, — Бакс был собакой дочери Риммы. Это она у нас тяжело болела. И в Тюмень возили, и в Москву. Умерла она в 97-м году, девятнадцати лет. Похоронена здесь, в Мегионе. Так что с Мегионом, с мегионской землей у нас самая кровная связь...

Переехав в Мегион, купили дачу по вартовской дороге, в хорошем месте, обустроились помаленьку. Супруга моя оказалась искусной дачницей: все у нее растет! Ягоды вон — и варенья наварит, компотов и для внучек наморозит. Огурцов намаринует, помидоров...

Почти все лето ночуем на даче. А Бакс там до самой осени: отличный сторож! Соседи — отличные! С ними даже в межсезонье дружбу не прекращаем.

Сам я тоже мало-помалу в земле ковыряюсь и, знаешь, чувствую, как напряг проходит и сердце отмякает, наполняясь покоем и умиротворением. И равноценными становятся для меня кружочек керна и горсть огородной земли.

РУКИ, КОТОРЫЕ БЕЗ РАБОТЫ ЗЯБНУТ

РММ нефтеразведок... Какая техника, какое оборудование только не ремонтировалось в них! Какие только запчасти не изготовлялись, не восстанавливались экспедиционными «левшами» на разбитых, времен «догоним и перегоним», токарных и прочих станках — только дай образец!

Что было, то было: не любили наши механики и мастера чертежи, первым делом спрашивали: «Образец принес?».

За тридцать лет работы со многими из них пришлось мне столкнуться. Была у них еще одна общая черта — виртуозная способность поводить за нос ненахального заказчика. «Сделаем. Будет. Тика в тику! Вон — видишь? — уже в станке твоя...» Потоптавшись, уйдет ненавязчивый заказчик, а вернется к тому же. «Понимаешь, дали заказ по-аварийному, пришлось все отложить, — проясняет ему ситуацию начальник мехцеха. — Да не беспокойся, сделаем!». И ведь сделают, когда и этот заказ станет «аварийным».

В 1982 году мне пришлось дать довольно сложный заказ в ЦБПО. Для пущей важности я решил заручиться визой директора. Он меня и познакомил со своим новым начальником мехцеха — гренадерского роста, чуть сутуловатым, моих лет, т.е. под сорок или около того, спокойным мужчиной с продолговатым мужественным лицом. Спрятав мою руку в широкой ладони, он вежливо приподнялся и, погромыхивая сдержанным баритоном, представился: «Александр Иванович Вацпан. Вацпан...» — повторил для ясности по слогам.

«Из прибалтийских немцев, видимо», — механически отметил я про себя.. В цехе, в застекленной каморке, мы занялись чертежами.

Изредка Александр Иванович задавал вопросы, выслушав пояснения, делал пометки идеально заточенным карандашом.

Изучив чертежи, спросил о том, как срочно нужен заказ. По привычке я подстраховался, .назвал дату поближе. Он полистал свои бумаги, помолчал, прикидывая в уме, а затем уж коротко громыхнул: «Хорошо, постараемся».

По возможности я наведывался в цех узнать, как дела.

«В работе, — информировал меня Александр Иванович. — Постараемся в срок уложиться». И согласовывал изменения (замену марки стали и т.п.).

И этот заказ, и последующие исполнялись в срок и качественно.

Слушая слова благодарности, со всамделишным удивлением он ответил: «Да что вы! Нам самим такие, плановые заказы выгодны! Простои сокращаем, вторую смену ставим... Станочный парк загружаем!».

С тех пор я проникся к Александру Ивановичу Вацпану почтением и уважением. Приятно было наблюдать за его высокой фигурой, несуетно двигавшейся по цеху, слышать его сдержанный голос. Ясность и углубленность чувствовались в нем, предсказуемость и открытость...

В последние, «постперестроечные», годы встречаться мы стали реже, не по службе, случайно. Столкнешься на бегу: «Как жизнь? Ключом по голове? Или как в Польше?..»

«Нет! — скажет серьезно Александр Иванович. — Как у лягушки, с оптимизмом! Тоже колотимся: авось, как и она, кусок масла спахтаем и не потонем».

В другой раз: «Ну как? Акционируешься?... Богатым стал? Пару станочков, поди, приватизировал?..»

Снова серьезен: «Натура не та. «Прихватизируют» — ведь это имели в виду? Приватизируют те, у кого руки липкие...А у меня руки без работы зябнут».

Родился Саша Вацпан в конце 1939 года в селе Тимофеевка на речке Тартас, меж Барабинской степью и Васюганским предболотьем, в семье переселенцев из Прибалтики — латгальцев.

Переселились латгальцы в ныне Новосибирскую область в конце прошлого века. Так что Сашина матушка, Миколина Иосифовна, и отец, Иван Антонович, родились в Сибири уже... Матушке сейчас восемьдесят седьмой идет, а отца Саша не помнит: в 1940 году Ивана Антоновича, колхозного бригадира, в числе пяти десятков других латгальцев по доносу увезли в Венгерово — и с концами... После 1957-го реабилитировали...

«Мать говорит, — вспоминает Александр Иванович, — что я сейчас — вылитый отец тогда. Может быть. А вот возрастом уже постарше его... Да! Хоть бы на фотокарточке увидеть... Обидно. Знать бы, что на небесах свидимся, легче было б...»

...А у меня — на фронте погиб. Да, словно косы по разнотравью прошлись безжалостно по разноплеменным городам и весям войны, репрессии, и — косарь из косарей — голод.

«По соседству татарская деревня была, тоже всех мужиков перевели. Да и с русскими не церемонились. В школе — одно говорили, в институте — другое. Сейчас опять все с ног на голову... Не люблю! Сейчас вот колчаковцев превозносят. И вообще белых. Все на красных валят. Колчаковцы, к примеру, не ангелами были. В Тимофеевке вот улица Горовацина есть. По фамилии одного латгальца, которого колчаковцы повесили. Страшно, когда война. Особенно гражданская. Но правда обо всех нужна. Не красная, не белая — просто правда. Я так думаю».

Вот правда: взмахнула энкавэдэшная коса в Тимофеевке и осталась в 1940 году Миколина Иосифовна Вацпан тридцатитрехлетней вдовой с шестью детьми на руках. Старшей — четырнадцатый, младшему, Саше, годика еще не было. Хорошо, что у всех детей «руки без работы зябли». Выдержали они и военные, и послевоенные тяготы и невзгоды.

В Тимофеевке школа-семилетка была на базе прежней, церковноприходской. А церковь под клуб переделали. Так что не на голом месте советская власть «культурную революцию» творила и не в одной Тимофеевке, надо заметить.

Пошел в свое время в школу и Саша.

Школа строилась по проекту, была удобной. Вокруг большой парк разбит: тополя, березы, акации, клумбы... Хорошо в ней учиться!

Пойма Тартаса славилась сенокосными лугами: высокотравье с разноцветьем и земляникой даже... Укосистые луга, буйство травы.

И вот он — сенокос, благодать и страда!.. Старого и малого выгоняет на луга. Всем найдется работа по силам, чтобы «не зябли» руки. Коси, вороши, сгребай, копни, вози, мечи, верши! Да и на небо поглядывай: не лиловеют ли небесные застрехи, не играют ли сполохи?..

Подростком и Саша Вацпан трудился в колхозе в полную силу, в сенокосную пору на лошадке копны на волокуше возил на стогонище. Надо не потерять ни травинки, да и копешку не взлахудрить, чтобы метальщики брали сено на вилы с удовольствием... Одна беда — гадюк много! Как зацветет багульник, выползают они из рямов в несметном количестве. Иной год столько их, что бабы в реке белье полоскать опасаются.

Не миновала беда и Сашу. В тринадцать лет на покосе ужалила его в ногу змея. На счастье, родная тетка Ядвига рядом

оказалась. Высосала яд, ранку головешкой прижгла. Спасибо ей, оклемался без последствий.

В год, когда оплакивали почившего в бозе «отца народов», Саша закончил семилетку. Семилетнее образование по тем временам считалось солидным. А десятилетка была за 18 км в Шипицино. И все же мать и старшие настояли: надо Саше учиться.

Два года в мороз, в слякоть, на квартире, на своих харчах, в хорошую погоду, в ведро, зимой на самодельных лыжах, по теплу — трусцой, а где и рысью: 18 км туда, 18 же обратно.

...Я в пятый класс за шесть вёрст ходил. Знаю, что это такое. Но ведь это в три раза ближе. Смотришь, студенты по полчаса из-за трех остановок транспорт ждут или «тачку» ловят. Иные времена, иные возможности! Зато они в спортзале на тренажерах потом часами «качаются», наверстывают.

Когда сын пошел в десятый класс, Миколина Иосифовна рассудила, что Саше лучше уехать в Новосибирск к средней дочери. В городе пообвыкнется и паспорт получит.

Городская жизнь, однако, не поглянулась Александру: шумно, людно, грубо, суетно... Да и у сестры девять человек в одной комнате. Школьные порядки другие, вся атмосфера...

Поэтому как только аттестат получил, в карман его вместе с заветным, с городской пропиской паспортом — и домой, в родную Тимофеевку...

До армии проработал пастухом. Чем не сибирский ковбой: в седле, вместо кольта — оглушительный бич. Молодежная бригада: пять пастухов, два стада. Доярки до сих пор добрым словом вспоминают...

«Отслужу, — планировал Александр, — поступлю в институт на механика. Может, и в Тимофеевку вернусь».

Да не знал, хоть и самый разгар знаменитой «оттепели» шел, что поступила вновь команда: «Из колхозов не пущать!». А у нас ведь как? Лоб расшибут, а команду выполнят «досрочно и на 500 процентов» Целину поднимать? Так до самого крылечка! В Тимофеевке и луга, и выгоны распахали так, что ни гусенка, ни поросенка селянину уже не выпасти. Не целину, а душу деревенскую в распыл пустили!

Вот и Александр в армии лелеял свою мечту об институте, каждую свободную минуту использовал для ее реализации, штудировал учебники.

Вернулся домой, погостил чуток и к председателю: «Дайте направление в институт. На механика выучусь, вернусь. Отпустите!». А тот в ответ: «Колхозу, товарищ Вацпан, пастухи нужны!».

Поехал в Венгерово, где призывался, попросил.по квитанции вернуть паспорт, объясняя, что хочет учиться, — отказали!

Помыкался, помыкался, но паспорт в другом районе, по блату так сказать, почти через год все же получил. И в Новосибирск, к сестре. Начал работать учеником фрезеровщика на заводе, поступил в НЭТИ, на вечернее отделение машиностроительного факультета. Жилось трудно. Первое время ходил в бушлате, гимнастерке, сапогах. Работа физически трудная, монотонная. И в институте нагрузка. Заниматься, особенно чертежами, никаких условий. За два года до окончания устроился мастером производственного обучения в ГПТУ. Комнату дали. Работа, правда, тоже не сахар: группа смешанная, бывшие восьмиклассники. Но сработался, в турпоходы даже ходили. Был занят невпродых, но хаживал в оперный, в музкомедию.

В 1967 году защитил диплом. Направили в Кустанай. А попал... в Миасс. Почему, особая история. В поезде познакомился с девушкой, молодым специалистом тоже, и поехал с ней к ее месту назначения...

...Молодость, молодость!.. Знать бы, как жизнь повернется, может, и поехал бы Александр Иванович по предписанному маршруту. Впрочем, на воде вилами писано. Ведь и при этом раскладе были все же дни золотые. Дочь родилась. Да еще угадала появиться в его день рождения. Какой был ему подарочек! Через все прошли, что многим было уготовано. Жили в разных общагах, снимали частную комнату, переезжали: Волгоград, Тольятти. На АвтоВАЗе шесть лет в малосемейке, потом двухкомнатная. Тестя похоронили, произвели обмен. Квартира большая, обстановку надо... Такова жизнь: растут потребности!

Вот и приехал Александр Иванович в Мегион в 1981 году подзаработать на обстановку и другие «возросшие» потребности. Вскоре получил балок в «пышминском» поселке. Семью нужно везти, а жена на развод подала. Не стал уговаривать. Тут же послал письменное согласие... Резко вышло!

— А мегионскую жизнь мою вы знаете, что про нее говорить!.. Турбинный цех, потом механический. А как демократия пошла, на СТК выбрали главным инженером, так и работаю.

Конечно, это внешняя сторона, вы правы, — соглашается Александр Иванович. — А личная... — Он задумывается.

Мы сидим на кухне. Уже заполночь. Я боюсь, что нить разговора оборвется и не тороплю собеседника.

— Личная... Личная... — он проводит широкой ладонью по насупленному лицу. — Хм... Холостяковал: вот и вся личная жизнь. Учился готовить, убирать. Работал. Хорошо, работы хватало... Читал книги, периодику, техническую литературу. Телевизор. Кино. Рыбалка. К подледному лову страсть еще с пеленок. Случалось, и водочку попивал. Но я меру знаю, не заносило. Да и организм позволял: что другому смертельно, мне в аккурат. Ну и все такое еще. Сложное это дело — личная жизнь, духовная... Я ведь и «состоял», и по совести старался быть коммунистом. И секретарем первички был. Задумывался: а есть ли партия-то? Вспоминалось, как в Тимофеевке «ковбои-ли». Аналогия сама шла: там на коне «ковбои», внизу «стадо». Партии то же нет: есть пастухи и стадо. Грубо, обидно, но так я думал. Мы всей первичкой задолго до роспуска вышли из «стада»... Сейчас я пока ни в какую партию не ходок. Вот так! В 86-м году встретил женщину, которая стала мне женой. Вот с ней с тех пор и связана моя личная жизнь...

В деревню вот тянет... — после паузы говорит он, и, суровые складки на лице чуть разглаживаются. — Мы ведь с женой в отпуск: один год в нашу Тимофеевку, другой — к ней на Украину. Мама у сестры живет, в Тимофеевке. Живут неплохо: дом рубленый, настоящий сибирский, с шатровой крышей. Речка рядом. Мотоцикл. Лошадь... Хорошо у них!..

Ну и наплел я сегодня... Больше, чем за всю жизнь!» — спохватывается вдруг Александр Иванович.

— Так кто ты, Александр Иванович, сибиряк, латгалец?

Долго думает, насупившись, Александр Иванович Вацпан, внук латгальского переселенца, сын репрессированного колхозного бригадира (вылитый он, по словам матери), мегионец с 30 июня 1981 года...

— Я — сибирский латгалец!

Дыжан грыбу, каб лавьдь мыси рейт дзейвоту лобок кай шудинь, — и тотчас же повторил по-русски: — Очень хочу, чтобы люди наши в ближайшее время жили лучше, чем сегодня...

По зарубежным «образцам», типовым чертежам или индивидуальным эскизам. Как душа пожелает.

ГУСАР

Прежде, походя, я наверняка встречался с ним, но не обращал внимания: таких у нас пол-экспедиции. Рост — чуть выше среднего, комплекция — плотная, жиденькие усики, волосы чубчиком, голос сипловатый от разного табака, нерегулярного курения, от плохой водки и мороза. Летом — в «энцефалитке» и болотниках, зимой — в унтах и ватнике или «радикулитке».

Чем-то, наверно, выделялся он при посадке в вертолет. Случилось это после длинных майских праздников. Народу много, вертолеты грузятся под завязку. Накопитель на наш рейс был полон, когда у стойки, где проверяют документы, послышался шум.

— А я вам говорю: отойдите! Сказала, не пропущу! Будете нахальничать — милицию вызову, в вытрезвитель отправлю! — резким голосом выговаривала дежурная Аэрофлота загорелому мужику в мятом синем костюме, в болотниках, с огромным рюкзаком на правом плече.

Он обольстительно, как ему, видимо, казалось, улыбался ей, поблескивая золотой коронкой, и сипло увещевал:

— Ма-а-дам, силь ву пле... Старые дрожжи... Три дня же гусарили!..

Появилась наша дебелая диспетчерша, пошептала на ухо аэрофлотской — та отрицательно замотала коричнево-сиреневой головой: нет! Тогда наша, полуобняв, повела штрафника в зал ожидания, приговаривая ласково, по-матерински:

— Завтра, Костик, улетишь. Отдохни, похмелись в меру...

— Ты что, мать! — притормозил Костик. — Сегодня надо: завтра — съедят! Вот так: пожуют и выплюнут. Кому я тогда, жеваный, нужен?..

Дежурная «пасла» нас до самого вылета. Однако не прошло и пяти минут — вертолет без всякого разворота плюхнулся на грузовую площадку, бортмеханик отодвинул дверь — и в вертолет ввалился, рюкзаком вперед, подталкиваемый бригадиром такелажников совсем осоловевший штрафник, успевший добавить видимо, на «старые дрожжи»...

«На подбазу, наверно. Такелажник», — подумал я.

Каково же было мое удивление, когда он ввалился в «Тайгу», вагончик, где я разговаривал с мастером.

— Михалыч! — сипло-восторженно крикнул он. — А вот и я!

У Михалыча потемнели голубые глаза, заходили желваки. Постукивая мосластым кулаком по дюралевой бортовке стола, он, не ответив на приветствие, стал мерно и жестоко выговаривать:

— Вот что, друг ситный. Алкашей своих хватает. Керн уже отобрали. Каротажники уехали. На хрена ты сейчас здесь нужен? Отсыпаться прилетел с бодуна? А гусей погонишь — я нянькаться? Не-е... Хорош! Вали отсюда... Вали!

— Да ты что, Михалыч?.. Да ты... Будь спок, я на бок... на свою полку и все! Не дышу... Лады?

— Перегаром твоим дышать?.. Да! Место занято: видишь, человек прилетел.. Ладно... Иди к итээровцам: там должно быть место свободное...

Когда он ушел, чудом удерживаясь на дощатых переходах, я поинтересовался:

— Кто это, Михайлыч?..

Мастер махнул рукой:

— Да геолог! Хороший парень. Давно работает. Крепится, крепится, а как загусарит — удержу месяцами нет. Дотянет до последнего, когда статья уже светит, возьмется за ум: все в руках горит, всюду успевает — и на работе, на рыбалке, на охоте... Но все просрал: семью, квартиру, карьеру... Выпендривается «гу-са-ар»!

Двое суток «гусар» не показывался на глаза. Романовна, повар, отменная матерщинница, как-то спросила одного из итээровцев — электрика: «Ну чо там, хрен этот ваш растоптанный... Не погнал еще гусей? Чаи гоняет?.. Скоро жор нападет — придет!»

Еще через день, припозднившись, в котлопункте застал я «гусара» за обильной трапезой. Романовна, как потом я узнал, сама любительница в длительных отгулах «погусарить», с добродушными матерками подкидывала ему котлопунктовские дефициты: томаты, фрикадельки, фаршированный и пикантный перец... «Гусар» начал питаться регулярно и брал на ночь еще.

Стояли длинные майские дни с землегрейным солнышком, исходящим снегом в потаенных впадинках, березовым соком и густеющим изумрудным туманом на опушках и в березовых колках. Истому в теле испытывало все живое, а разумное, вдобавок еще и томление духа.

«Гусар» ходил в разноцветном американском спортивном костюме, загорал потом с тампонажниками на крыше балка, спал, ночами играл в карты, читал и «заправлялся»... Смуглоатая кожа хорошо принимала загар, коричневела под майским ультрафиолетом, расправлялась, молодела. Он похлопывал себя по упругому животу и, прихохатывая, говорил:

— Майорская мосоль, отнако... Пора и жирок стрясти... Турную кровь сокнать...

На отошедших после зимы болотах подсыхала старая клюква, не богато ее было, но кто желал, набирал банку-другую, а кто и туесок из бересты. Мастер не раз пенял геологу:

— Пособирал бы ягоду, чем «шланговать»!»

Тот отмахивался:

— Разве это клюква? Одно название...

— Да все едино: хоть банку — женщинам в отделе и то приятно будет. Не раз ведь спасали тебя.

— Будь спок: они осенью, после охоты получили на пятилетку вперед!

Стремительна северная весна! Я по нескольку раз в день хоть на пяток минут заглядывал в тайгу, забредал в болота. Они полнились полой водой, по краям было глубоко, а на самом болоте — по щиколотку: средина всплыла. На профилях, в густой — щетиной — березовой поросли вечером собирал почки, а утром, на восходе солнца, вместо них — уже зелененькими птенчиками — березовые листочки! Приподнялось солнышко — профиль превратился в светло-изумрудную речку...

Вскоре мне понадобились кое-какие геологические данные. «Хорошо, что «гусар» здесь!» — подумал я. Спрашиваю — он дает данные по соседней скважине. «Ты мне по этой дай!» — прошу. Он возмущенно: «Чудак человек! Где ж я их возьму? Вместе ж прилетели: каротажников-то не застали!..» — «Да! — говорю с сарказмом. — Действительно, лучший геолог — долото!» На геологов этот афоризм что на быка красная тряпка.

Слово за слово — поругались!

После этого как назло куда ни приеду — он уже там или хоть под занавес да появится! Часто в одном балке кантуемся. Делать нечего: нет-нет да словом житейским — не по работе — перебросимся, порассуждаем о том о сём, взгляды свои выскажем: натура и начинает сквозь «случайные черты» высвечивать, человека начинаешь чувствовать.

Костя-«гусар» любил и мог на любую тему потрепаться. Но особый «пунктик» — охота и защита диплома, вернее, пьянки и хохмы во время его подготовки (учился он заочно).

Прослушав как-то красочный рассказ об одной из многодневных, с детективным сценарием, пьянке, я заметил, что не люблю запои.

— То ли дело в кругу семьи, друзей... — мечтательно сказал я. — Или с коллективом на лоне природы, за шашлыком! И выпьешь, и похохочешь, и все недоразумения по работе развеешь... На прежней работе мы часто устраивали такие «сабантуйчики» — помогало!

Он сразу скис.

— Не-е... Был разок на дне мастера. Тоже выехали на лоно. Так оно, на природе и у водки вкус другой! Поддали. Все и начали: «Я! я! я! я...» Раскрепостились! Моего шефа послушать — благодетель. Памятник надо ставить! «Этому я сделал квартиру... Этому — машину. Другому — путевку... Пятому — садик!». Слушал я слушал, потом зло взяло, схватил его за грудки: «Что же ты, падла, — говорю, — мне квартиру не сделаешь? Сколько прошу? Сколько можно по общагам ошиваться?..» Ну, разняли... Драки ж не было — он в шутку обратил: «Даешь! — говорит. — Сто кэге в стойке держал!» Больше я не ездил. Выпендриваются люди там, стресс снимают. Как японцы, когда по муляжам колотят. Я люблю... по-гусарски пить и веселиться! С музыкой, с бабами, с песнями...

— С цыганами?..

— А что? Предки были не дураки! Умели жить... Ничего! Возьму вот у поварихи мясца, курочку, банок кое-каких, пока хохлы не разобрали, на рубль дешевле — и карячатся, тащат «до хаты»! Вот народ... Да! Винца куплю хорошего... Позвоню... Той... Если нету — этой. И...

Месяца полтора я его не видел и как бы соскучился.

В конце августа я попал на отдаленную буровую. Лет пять назад мы уже закончили разведку этой площади, сейчас уточняли кое-что для защиты запасов. Эксплуатационники и в этот медвежий угол забрались. Вокруг «кусты» со станками-качалками, факела, кое-как отсыпанные дороги... Недобрые «аисты» поселились на песчаных «гнездах» среди тайги: вокруг огромными полосами горельники... Вдоль нефтепроводных ниток — пятна замазученности. В горельниках местами фиолетовые раз-

ливы — кипрей. В приболоченных сырых местах зеленеют оазисами хвойные уцелевшие гривки.

В горельниках — дятлам раздолье:
шуршит под корой короед.
Ах, родина милая, с болью
гляжу я на дымный рассвет:
пожары... пожары... пожары
тебя обложили вокруг...

Костя-«гусар» сидел за рацией. Продолжая сотрясать мембрану телефонной трубки, протянул руку для пожатия. Я пошел на буровую

— Мастер где? — спросил бурильщика

— Та у контору вызвали. «Гусара» за себи оставил. «То-то он такой деловой!» — понял я.

Ночью меня подняли: посоветоваться, что делать — осложнение возникло.

— Что ж к мастеру не идете?

— Та вин послал....

— Ко мне?

— Ни, подалее...

Под утро захожу в мастерский балок — «гусар» из-под приоткрытого полога смотрит ночную программу: изображение — одни силуэты, но звук хороший.

Я уселся в когда-то зеленое замазученное кресло-колымагу.

— Что же ты от руководства отлыниваешь, а? — подначил я

— Да пошли они.... Задолбали! Я когда в колонковом бурении помбурил, не то что мастера, бурильщика по пустякам не беспокоил! А эти, летные хохлы, чуть что — к мастеру: «Абы шо не вышло»... А получают побольше нас с вами!

Устраиваясь в кресле поудобнее с намерением покемарить, я укололся и ойкнул. Привстал, чтобы посмотреть «що цэ такэ»? Не пружина ли?

«Гусар» выглянул и захохотал:

— О це ондатра попала!... — Просмеявшись, пояснил: — На самолов попались... Подойди — отцеплю.

— Ты посмотри! — удивился я, рассматривая подвеску с крючком. — Ювелирная работа! Неужели сам делал?

— Ну! — подтвердил он самодовольно. — Вон заготовки и инструмент. Ничего сложного: глазомер и терпение.

Он встал и показал, как гнуть проволоку, затачивать острие, свивать звенья подвески. Я попробовал — получилось! Заинтересованный, как пацан, я с удовольствием смастерил одну снасть: кропотливое дело, однако. Полюбовался я на свою поделку: сам сделал!

«Гусар» вскипятил чай, пригласил перекусить.

— Угощайтесь! — кивнул на кассету с сырыми яйцами, тарелку с печеньем. — Чай с багульничком!

Вошел тракторист, рыжеватый, стриженный под «нуль» добродушный парень.

— Ну, ще? — обратился он к «гусару». — Трелевать будем? Давай, пока гнуса нет? Сам вщера говорил: солнышка зайдет — трелевать пойдем.

— Погоди! — отмахнулся «гусар». После связи... посмотрим.

— Чего это вы? — поинтересовался я. «Гусар» поморщился.

— А! Лес у меня на корню выписан. Друг тут с бензопилой приезжал, тридцать шесть лесин свалил... К дороге теперь надо трелевать: трубовозы с обсадной колонной пойдут, обратным рейсом вывезу.

— А куда тебе лес?

— Ну даете! Куда!.. Да на «фазенду», баню, погреб — куда хочешь. А что и так продам! Знаете сколько сейчас куб стоит? Пятнадцать тысяч! Или загнул? — блеснула золотая коронка, бровки вверх: — Загнул... Но тысяч пять — точно!

— Пошли, пошли! — тянул тракторист, говорил он мягко, с акцентом, но настойчиво: — Айда на связь Николаич выйдет.

— Конечно, — поддержал я тракториста, — иди, пока гнуса нет. На связь мне все равно надо. Заодно и сводку передам.

— Не... Не хочу! Сказал, после обеда! — уперся «гусар». — Нету настроения! — отмахнулся от тракториста, потянувшего его за рукав. — Думать буду, как дальше жить...

Я засмеялся.

— Кому из вас лес нужен? Странно... — потом поинтересовался: — А где у тебя дача? Вот не подумал бы!

— Да!.. — «гусар» поморщился, — Одно название. Где у всех... Сажаю иногда картошку, грядки с зеленью. В этом году хотел нормально засадить. Один хмырь за шкурки ондатровые с осени пообещал две машины навоза — надул, гад! Носа не кажет! С охоты приезжаешь — об «друзей» запинаешься! Потом днем с огнем не сыщешь... Такие вот, как Ромка, — он

хлопнул тракториста по плечу, — вот они — люди! А гнилая интеллигенция да нарождающаяся буржуазия стонут да между делом народ обманывают... Такие вот, как я, а причину ищут, чтобы не работать, а жить как сыр в масле! Мне бы сейчас плетку в руки или маузер — и пошел бы я новую революцию делать! Интеллигент плюев! Вот так!

— Интил-лиге-нт... — мелким, гортанным смехом зашелся тракторист. — Да ты... Лодырь ты, вот кто такой! И в геологи пошел ущиться — лентянищать. Помбур был бы — мастер тебя под зад мешалка: гуляй! Айда, говорю последний раз. Потом я буду ин-тиллигент, меня звать будешь! — рассерженный тракторист ушел.

После связи разговор продолжался. Вернее, монолог «гусара».

— Когда на защите диплома был, встречался со всяким людом. И по пьяни, и так. Рассказал как-то про наши завалы... У нас же как? На каждой буровой лес бульдозером по сторонам растолкали и пусть гниет! Вот один друг, как услыхал, загорелся: малое предприятие по переработке древесины, прямо на буровой — до «столярки». Представляешь? Оборудование — в контейнерах под МИ-8. Завез, распаковал: пили — строгай. Стандартные детали. Потом по зимнику вывози — и где хочешь: под Москвой, Уфой, Ташкентом — собирай фурнитуру. Законно и, главное, полезно! Вот на пробу я и выписал на корню: дешевка и экспедиции все-таки польза, хоть копейка, а в приход. И мне бы прибыль! Доведи я дело до конца. Нет, сорвался! Я — раб обстоятельств! Поэтому и планировать зарекаюсь! Люблю импровизации... Где-то ведь мог бы найти применение этой свой особенности. Так?.. Ведь оно интересно жить, когда не знаешь, что с тобой случится в ближайшее время, какая тебя озарит идея в следующий миг, но наверняка ждешь что-то новое, интересное, необычное... Ждешь, а оно — скукота, обывательщина, серость, бухгалтерия: это — можно, это — нельзя... сальдо-бульдо....

— А не сгущаешь ты краски, дорогуша? Может, все проще. Прав Ромка? Трелевать надо! Ведь жизнь — это осознанная необходимость. И в ней повседневная работа. Самоограничения...

— Да понимаю я все это, Николаич, понимаю умом. А ведь в человеке есть что-то, что выше ума, сильнее. Натура? Душа? Я

ведь вот крестик ношу не потому, что мода: я крещеный! И Библия у меня есть, читаю иногда. Верующий? Не знаю. Душа... Да. По идее — у каждого своя. С другой стороны — чужая, пришлая, вроде ген, — но там наука и прочее. А вот душа... У меня, по всему, дедовская душа. Или натура. Дед рассказывал, что он, как я, маялся. Когда началась коллективизация, он понял, что наган — легче косы или топора, что раскулачивать легче, чем пахать, хотя и рискованнее! И подался в комбед, потом — в совет, а там уж и в чекисты... Раньше я жил не задумывался, а сейчас время какое-то пошло, дедовское, видно, что ли? Сейчас вот начнись что-нибудь подобное — ведь точно окажусь среди тех, с кем был дед... Какое-то предчувствие, ей-богу! Точно! К Руцкому подамся.

Я был обескуражен его откровенностью...

— Ты если и дед, то со знаком «минус». Мне кажется, тебе придется заниматься деколлективизацией, денационализацией. Зачем тебе геология? Сейчас в обществе идут «геологические» процессы: сдвиги, надвиги, сбросы, взбросы... Структурообразовательные процессы идут! Как когда-то для нефти в земле, в обществе тоже создаются «ловушки» для капитала! Ищи свою, как говорят, нишу! Иди в брокеры, дилеры... Куда там еще — где можно «импровизировать» и рисковать? Ты ж молод! Ну!

«Гусар» встряхнулся, встал и со стоном потянулся. Пощипал усики и широко улыбнулся.

— Точно, Николаич! Геологические процессы в обществе идут! Кого-то в мелкую гармошку сжимают, а кто-то в осадок выпадает... гейзером в небо пшикает! А то и лавой кипящей изливается... А мы — нефтяным фонтанчиком! — он звучно всадил кулак в раскрытую ладонь, замер на миг и тут же скис. — Так нас и подпустили к «фонтанчику»: там «генералы» с приспешниками круговую оборону уже давно заняли, на выстрел не подпустят. Мы будем тут вкалывать, а они — купоны с акций стричь! Даже наш «глухарь» в нескольких малых, совместных и прочих — в учредителях. Обратили внимание: зайдешь к ним в кабинет, сразу затыкаются! Секреты обсуждают! Сколько получают — не узнаешь, в общей ведомости их уже нет... Вот и бунтует у меня дедовская душа, глядя на них, — как в тридцатые у деда, наверное...

— Тогда нечего сидеть, иди трелевать! — говорю ему. — Будешь собственником, бунтарить не будешь! Построишься, заведешь подворье с вороными рысаками. А? Хорошая идея?..

На этом и разошлись: «гусар» в лес, я на вертолетку.

Встретились через пару месяцев.

Был тихий октябрьский день, чудом выделившийся из череды мрачных, зябких, все укорачивающихся антрактов между сырыми, беспокойными ночами.

В поисках хлеба я забрел в район больничного комплекса. И почти лоб в лоб столкнулся с «гусаром»... Выглядел он бодро.

— Ты чего здесь делаешь?

— А я в больнице: месяц кашу ел! Сейчас из столицы, на консультации был.

— То-то не видно тебя... Что-то серьезное?

— «Кулацкая» болезнь! — засмеялся он. — Я ведь тогда лес вывез. Ну, при разгрузке, видно, надорвался... Кровь горлом пошла... Правда, перед этим мы хорошо «вмазали»! Лекари думали, язва открылась. Пришлось японский «телевизор» глотать: нормально. Говорят, от надсады бывает такое. К бабке даже одной водили — заговаривала. Вот так...

Усмехнулся в аккуратные усики, закурил сигарету. Затянулся со смаком. И на выдохе, подмигнув, сипловато, почти шепотом, сказал:

— Как у нас говорят: «Мы ж с вами земляки! Мин сикрит блям»!

— Что? Придумал что-то? «Нишу» хорошую нашел?..

— Знаем-знаем, да не скажем! Нет, серьезно, Николаич, есть вариант!

Давай, «гусар»! Хватит веселиться, взнуздай свою натуру, сядь наконец-то, в седло! Тебя ждут подвиги! Доброго пути!

КОЛЬЦА ЖИЗНИ

Затянувшееся бабье лето... Комфортная временная ниша между утром и днем: тепло, тихо, покойно, как у матери на коленях.

Работы на скважине закончили под утро. Пока бумаги оформляли, на связь выходили, то да сё — завтрак поспел, а там уж и на вертолетку пора, первый рейс обещали.

Полудремотное состояние между сном и явью.

Голубая сосущая даль. Купоросно-синяя высь... Темно-зеленое, с золотом и рдянцем, ближнее окоемье...

Совсем рядом — засохшая, искромсанная гусянками, распаханная железом суглинистая земля. На ней тут и там, как поверженные роботы пришельцев, чернеют трактора, агрегаты, буровое оборудование, контейнеры, сани, емкости, трубы — костром, искореженные перила, ограждения, бухты каната. Все это приготовлено «на взлет», но часть наверняка останется «на зиму».

Пониже, крепостным валом, засекой — искромсанные стволы деревьев, пни, корни, кустарник, торф, глина.

На буровую можно попасть без риска сломать ноги только по двум взвозам. Эти завалы — да на окраину бы Дикого поля: ни печенеги, ни половцы, ни батыевы тумены не сунулись бы! Что и говорить, как в кошмарном сне.

В сторонке — кемарнул, видать, не заметил, как подошли, — бурмастер с женой. Он остается на заключительные работы, она улетает. В бригаде она — мать-командирша. Семейный разговор. Голос у мастера глухой, осенним дождиком — не разобрать, ее — чистый, дробный — летний капельник: кап-кап-ка — проникает сквозь дремоту. «... я тебе точно говорю: медведь или рысь! Глаза блестели. Вон оттуда, из завала... Цементаж закончили — я пробы в балок понесла... А то я не знаю. Собаки под балок спрятались... Обратно иду — уже огоньков не видно. Медведь или рысь... Местные говорят, самый медвежий угол здесь! Еще бы! Лога, осинники, ручьи: зайцы, лоси, дичь... Да и шиповника, смородины, другой ягоды — море...»

О семейных делах заговорили, я ушел подальше, в сторону завала.

Оглянулся, жилые балки, буровые сооружения слились с пятнисто-крапчатым фоном, и только вышка, словно потягиваясь после многотрудных перегрузок, молчаливо впечатала свой силуэт в купоросно-синюю, блекнущую к северу высь.

Отгремела буровая... Тишина! Надолго ли? Ведь вскрыли несколько нефтяных пластов, значит, жди вскоре нефтедобытчиков, нынче они шустро, по пятам идут за нефтеразведчиками: самотлоры и федоровки истощаются.

Сон одолевает, на ходу сплю. Может, завалиться на солнышке, на взгорочке? Или в мастерском балке, в кровати дремнуть минут шестьсот? Да... Укатали сивку крутые горки! Прежде и по трое суток крутился, да так не морило. Годы, годы... Сегодня у меня юбилей — полста! По мнению пифагорийцев, в последний цикл вступаю. Как они мало жили! Или рано взрослели? Младенец. Отрок. Юноша. Молодой человек. Пожилой мужчина. А после пятидесяти — старик! Ну не жестоко ли? «Старик»...

Громадный высокий пень. Значит, зимой площадку готовили. Могучий был кедр, не сразу дался, с трех сторон опиливали. У бензопилы полотно едва до сердцевины доставало: торчит из пня охапка золотистой лучины.

Как в баре на стул, забрался на пень, прислонился спиной к упругой занозистой сердцевине — лучинки прогнулись, мелодично затенькали.

Подрезал одну отщепинку. Как перышко лебединое, легошенька и шелковиста на ощупь, толщиной — в один годовой слой.

Построгал — режется приятно, чисто, ромбик получился. Взял ручку, пейзажик набросал. Край вертолетки, «взлет»,.. Ближний лес, просеки... В гривах, между лесного разномастья, в виде раскрытой ладони с притоками-пальцами, пойма ручья... Дальний кудреватый темно-синий лес... Прояснившаяся кромка горизонта и два тонюсеньких, в волосок, в нашу сторону и вверх, набухающих дымных веретешка: факелы горят. А ведь месторождение открыли, можно сказать, на днях! Вот он — технический прогресс, рядышком. Задымит и здесь.

Вернулся к рисунку, стрелками для памяти пометил: изумрудно-зеленая (как озимь)... кобальт фиолетовый с умброй... окись хрома... охра золотистая...

Дома раскрашу и подарю дочери в качестве книжной закладки.

Сколько ж лет лучинушке? Ведь она из сердцевины почти.

Спрыгнул. Стал считать кольца жизни кедра...

Срез от солнца и дождей платинового цвета, годовые кольца выделяются четко, в виде сглаженной пятиконечной звезды. Пять мощных корней, крепких, смолистых, плавно возвышаясь, по гиперболе подходят к стволу своеобразными ребрами жесткости. Без сопромата и термеха природа находит наилучшие инженерные решения!

Считал-считал кольца, сбивался, снова считал, наконец дошел до заветной сердцевинки: сто сорок шесть колец! Сто сорок шесть лет. А если сердцевинка считается, то сто сорок семь!

Какой же это год? 1842-й? 1841-й? Бог ты мой!

...Почти полтора века назад кедровка или белка бросили здесь кедровую недошелушенную шишку. А еще через год-два из набухшего, присыпанного хвоей и палым листом орешка появился любопытный корешок, ставший за полтора столетия могучим кедром, который, судя по срезу, еще стоял бы и стоял, если бы не зло ревущая бензопила с кощунственным названием «Дружба»...

А моей закладке сколько? Сто тридцать два. Времен обороны Крыма моя закладка!

На «взлете» ящики керна. Вот кружочек аргиллита. Тонюсенькие, некоторые с волосок, пропласточки. Серые, сероватоголубые, мышиного цвета, светлые, кремовые... Это своеобразные «годовые» кольца жизни Земли. Только каждое «колечко» хранит в себе миллионы и миллионы земных круговращений...

Что в сравнении с этим наша жизнь?

Полвека — пятьдесят годовых колец... Пошел отсчет пятьдесят первого...

Свалюсь или свалят, кто посчитает их, мои «кольца» жизни? Да и как их считать? Что они из себя представляют — подписи на бумагах о строительстве скважин? Или строчки стихов и рассказов, разлетевшиеся на волнах эфира, осевшие на листах бумаги и, может быть, в памяти немногих людей? Или — дети? Или — посаженные деревья: березы, клены, рябины и — пусть один — медленно растущий кедр? Бог весть...

А вот и вертолет — маленький глазастый МИ-2.

Летим низко. Под нами как на ладони сентябрьская тайга.

Гривы, болота, тайга... На старых вырубках — густые, волосяными шапками осинники и березняки. Бобровыми шкурами, с проседью — в опушках сквозистых берез — хвойные массивы. И там, и там словно охряной кистью побрызгали по зеле-

ной грунтовке: на юг все же спускаемся. А вот и рдяные брызги появляются...

Пятнисто-крапчата тайга —
в манере имрессионистов...
Как паутина, в небе мглистом, —
не на лосиных ли рогах? —
мерцает легкий алюминий...
«Железка» узкою лыжней
блестит на солнце, к гривам льнет
и пропадает в дымке синей....
В душе томленье и печаль.
Сомненья сердце рвут на части.
...Не обернется ль это счастьем,
едва-едва ушедши вдаль, —
иль будет просто приземленьем
в мир тишины — без сожаленья?

90 я ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ

... назначение параметрических скважин — изучение глубинного строения возможных зон нефтегазонакопления.

Параметрическая скважина №90 на Тагринском нефтяном месторождении должна осветить интервал 3000—5000 метров. Скважин такой глубины в Среднем Приобье еще не бурили. На случай возможных осложнений предусмотрена тяжелая конструкция: ствол будет укреплен четырьмя телескопически входящими одна в другую колоннами труб. Но до того еще далеко...

Любая скважина — сооружение капитальное. И как любое фундаментальное сооружение строится в несколько этапов. Сначала разрабатывается геологический проект, на его основе — технический проект и смета. После длинной канители согласований, экспертизы выдается точка на местности. На эту точку надо завезти оборудование, материалы. Буровая — это самостоятельно функционирующий комплекс со своим электропароводоснабжением, жилым поселком, столовой, вертолетной, культбудкой, со своей радиостанцией.

Для изучения строения нижней части разреза предусмотрен большой объем отбора керна — образцов породы. Скважина «простукивается» всеми мыслимыми геофизическими методами.

Покорение земной глубины имеет аналогии с альпинизмом: чем выше, тем труднее — там, и чем глубже — у нас. Есть нечто схожее и с освоением космоса — неизвестности и трудности.

На долото, что поднято с забоя,
с достигнутой впервые глубины,
с волнением смотрю, само собою;
с каким-то ощущением вины
вращаю облысевшие шарошки, —
на них тускнеют, подсыхая, крошки
глубинных,
нутряных
земных пород...

Казалось бы, чем сложнее программа, тем тщательнее должна быть подготовка, подобран состав участников. На самом

деле — все наоборот. Параметрическое бурение для экспедиции, благополучие которых определяет господин «метр проходки», невыгодно. Подумайте сами: бурение 90-й займет более года. За это время бригада на обычных скважинах набурит раза в четыре больше. Дело усугубляется еще и тем, что наше объединение в последние три года и без того хронически не выполняет план.

Буровой станок для этой скважины поступал частями, некоторые узлы утеряны, поэтому монтаж велся с перерывами, разными бригадами. Обычно я не касался монтажных работ, а в тот год, когда свалились на меня обязанности главного инженера, волей-неволей пришлось столкнуться со злополучной параметрической. Вопросы посыпались как из рога изобилия: этого нет, то не сделано. И крайних нет! Кто-то из главка, будучи на буровой, предписал: приподнять основание на один метр, под вышкой. Одно потянуло другое: соответственно встало на цыпочки и другое оборудование. Неудобно, хлипко...

Жарко. Солнечно. Вольготно: гнус затаился в тени, в пойме... Заказчик, подрядчик и «вышестоящее начальство» сидят у балков вышкарей и, похваливая ключевую воду, мирно беседуют. Заказчик — начальник Восточно-Мегионской экспедиции. Подрядчик — директор вышкомонтажной конторы — ВМК. И, наконец, начальство — главный инженер объединения, в данный момент и.о. «генерала».

Все плотные, густоволосые. Друг друга знают не первый год.

Подрядчик уверяет, что ничего страшного: «Все образуется». Его позиция ясна и понятна: сдать объект и дело с концом. Заказчик смирился с тем, что на него «повесили» эту 90-ю; он уже сбросил с баланса одну бригаду. «С нее как с козла молока, ни метров, ни прироста запасов», — усмехается он. Для него сейчас главное — побыстрее забурить ее, чтобы отстали...

Позиция и.о. «генерала» Хохрякова, в общем, тоже понятна: сроки все прошли. Главк давит всерьез, поэтому надо сделать все, чтобы как можно быстрее забурить и в то же время на недоделки нельзя закрыть глаза.

Я — в меньшинстве.

— Как же «ничего страшного»! — взываю я к Хохрякову, главному инженеру. — Борис Сергеевич! Бурить-то нам с

вами придется! А как бурить? Посмотрите! Это же самолет Можайского! Как только запустим оборудование, весь блок завибрирует, консоли войдут в резонанс и замашут, словно крылья... Взлететь буровая не взлетит, но работать на ней будет невозможно. Насосы запрыгают, как лягушки. Манифольды будут «сыпаться» постоянно... Давайте решать принципиально: опускать вышку и все остальное. И монтировать по-людски!

— Так это ж полный демонтаж! — возмущенный подрядчик приподнимается. — Вы отдаете себе отчет? Кто вам разрешит?..

— Да что уж теперь? — поддерживает его заказчик. — Пусть устраняют огрехи живее, и начнем бурить. Борис Сергеевич, я и бригаду, как вы говорили, уже завез. Что ж, еще год канителиться будем? Вот и мастер... Кащий! — окликнул он неспешного коротконогого мужчину в белой каске и светлой, стираной куртке, — Ярослав Дмитриевич. Дмитрич, как? Если скважину дать — забуришь?

Мастер с железнозубой улыбкой, спрятав в складках дубленой кожи незабудковые глаза, по-пионерски отвечает:

— Дак хоть счас! Команду трэба! Будет команда — закрутимся в ночь!

«Ну, наглец! — думаю я. — Или... лис? Закрутятся!»

— Виктор Николаевич, — обращается вдруг ко мне Хохряков, — вы в горах не бывали? Там ведь в несколько этапов добираются до вершины! Давай так и мы!

И Хохряков принимает волевое, как он говорит, решение и дает мне команду: составить график устранения замечаний и готовиться к забурке...

У «восточников» — так зовут работников Восточно-Мегионской экспедиции, — бригады «летные». Они не любят заниматься подготовительными и ремонтными работами. Случись какая-нибудь поломка, сразу принимают «северную стойку»: голову в плечи, руки в рукава: «Нехай начальство думает, шо дальше робить». Видя, что большими премиальными не пахнет, ясно не горели энтузиазмом и монтажники.

Я только что заставил прокрутить трансмиссию. Что тут началось! За поручни нельзя взяться — вибрируют, войдя в резонанс, так, что боязно: покалечат! Все оборудование, особенно компрессоры, словно в секту трясунов записались: дрожат

На Самотлорской буровой.
Слева: Каталкин Степан Леонидович, главный инженер Мегионской НРЭ;
в центре: Абазаров Владимир Алексеевич, начальник Мегионской НРЭ.

Слева направо: Н.М.Бехтин, начальник производственно-геофизического отдела Сургутской экспедиции; П.В.Гаврилов, начальник ПТО Сургутской экспедиции; С.Л.Каталкин, главный инженер Мегионской экспедиции; крайний слева: начальник РЭБ-флота геологии А.С.Усанов. (1966 г.)

Слева направо: А.С.Усанов — начальник РЭБ-флота геологии; Н.М. Бехтин — начальник производства геофизического отдела Сургутской экспедиции; П.В. Гаврилов — начальник ПТО Сургутской экспедиции; С.Л.Каталкин — главный инженер Мегионской экспедиции. (1966 г.)

Н.М.Бехтин, П.В.Гаврилов, С.Л.Каталкин.

День начинается с рассвета.

Начальники в раздумье.

Среди сибирской родни
(в последнем ряду в белой рубашке Н.Л.Ильин. Около 1948 г.)

1-й ряд (слева направо): внучка Катя (дочь Сергея), дочь Вера, внучка Оксана (дочь Сергея), Михаил Александрович, внучка Ирина (дочь Татьяны), Екатерина Никифоровна, внук Ярослав (сын Анатолия), сноха Светлана.
2-й ряд: сын Сергей, дочь Любовь (бывший начальник геологического отдела «Самотлорнефти»), внук Денис (сын Анатолия), Надежда (дочь, врач, Томск), Татьяна (дочь, научный сотрудник, Тюмень).
3-й ряд: зять Михаил, сын Анатолий (генеральный директор фирмы «Пластик», Тюмень), Владимир, сын (буровой мастер ВМНГРЭ).

Вертолет МИ-6 прибыл из Тюмени с грузом орса (ноябрь 1976 г.).
Слева направо: В.В.Агапов — и.о. зам. начальника Вахской НРЭ;
Н.К.Омельченко — начальник Вахского куста орса;
В.Н.Козлов — и.о. начальника ВНРЭ; В.А.Нагаев — мастер ПРР.

Слева направо: Б.М.Елезаренко, главный геолог Вахской экспедиции;
В.Н.Козлов, главный инженер; В.И.Левченко, старший инженер.

Степан и Нэля Каталкины.

А.Розлач, начальник газокаротажного отряда,
Виталик Агапов,
С.Розлач, техник ПГП.

Николай Леонтьевич и Зоя Петровна Ильины.

В.В.Агапов с сыном Виталием (1975 г.).

Владимир Иосифович Коломасов и Степан Леонидович Качалкин.

За дружеской беседой.

Александр Владимирович Маметьев
с женой Любой и дочерью Леной.

Е.Ю.Чернов.

Е.И.Горбатов.

«Приглашаю на шашлыки».

С.Л.Каталкин.

Надежда
Афанасьева Ильина.

В.П.Федоров.

На Р-1 Верхне-Тольской. Слева направо:
В.Двалишвили — пом. бурильщика ВНРЭ, В.Козлов — гл. инженер ВНРЭ;
В.Кривощеков — дизелист; А.Сороколет — бурильщик;
гости из Яр-Сале (учащиеся 10-го класса
Салехардской школы-интерната). 1977 г.

«Староста»
Виктор Васильевич
Бурундуков.

Руда Ефремова — геолог по испытанию скважин Мегионской нефтеразведочной экспедиции, выпускница Свердловского горного института, производит отбор нефти для отправки на анализ в Тюменскую центральную лабораторию (1964 г.). Фото Ю.Чернышова.

Нэля Каталкина.

Отец Нэли Каталкиной
Евстафий Ермилович Волоков.

Виктор Николаевич Козлов
с дочерью.

Юрий Георгиевич Эрвье,
начальник Тюменского
территориального
геологического
управления,
Герой Социалистического
Труда.

На пробивке зимника. Слева-направо:
П.А.Грачев — водитель ГТТ; В.В.Агапов — начальник БПО;
В.Кривощенков — дизелист.

Шефская помощь охтеурцам.
Работники Вахской НРЭ на сенокосе
(В.Ногаев, Г.Мастяев, П.Кайгородов и др.). (1978 г.)

Разведка на местности.

Мегионская нефтеразведочная экспедиция:
С.Л.Каталкин, главный инженер (1-й справа);
В.А.Абазаров, начальник (2-й справа);
М.Ф.Синютин, главный геолог (4-й справа);
К.Абраев, главный механик (5-й справа).

Слева направо: В.И.Левченко — зам. главного инженера по т/б; В.В.Агапов — начальник БПО; В.А.Сехниашвили — старший инженер ПТО; С.Сехниашвили — инженер ПО; Т.З.Ганеев — инженер ОТБ (1976 г.).

Весеннее половодье чувств.

В.А.Абразов (справа), С.Л.Каталкин.

И у нас бывали «Огоньки».

Так начиналось освоение «хохряков».

Перевозка внешнего блока.

Десант геологов с «подбором».

Михаил Михайлович Песиков.

Николай Васильевич Генчев
(Р-40 Северо-Варьеганская, 1976 г.).

Все дальше на север.

Е.Н.Чернов перед выдачей новой «точки».

Р-102 Варьеганская.
На охоту.

Сенокосилки на сорах.

Река Вах. Скоро ледоход (переправа вдали еще цела).

«Экспресс» поселок Ваховск — аэропорт (1966 г.).

Страна знает своих героев.

На субботнике: заливка вертолетной площадки под МИ-6.
Слева: В.В.Агапов — начальник БПО;
В.Н.Козлов — главный инженер (1978 г.).

Борис Козлов
со своим веселым другом.

В.В.Агапов
на крыльце конторы ВНРЭ.
(1979 г.)

Тюрингия.
Выходной день.

Николай
Леонтьевич
Ильин.

Слева направо:
В.В.Соболевский, главный инженер ТТГУ;
В.Архангельский, главный инженер ОНГР;
Ф.К.Салманов;
С.Л.Каталкин, начальник Мегионской экспедиции.

Люба Каталкина, В.А.Абазаров, С.Л.Каталкин. Борт АН-24.

Петр Ильич Печорин, зам. начальника МНРЭ.
Степан Леонидович Каталкин, начальник МНРЭ (1967 г.).

С.Л.Каталкин
с сыном Игорем.

Хорошо в осеннем лесу.

и вихляются... Спросил главного инженера ВМК напрямую: «Диплом куплен или заработан?». В тот же вечер на буровой написал докладную об его отстранении от должности. Хохряков согласился, завизировал радиограмму. Но «партайгеноссе» потом его как «генерала» отговорил, и «чулочник», как их звали с подачи заезжего остряка, вместо наказания укатил за границу. Завидую иногда таким лицам, ей-богу!..

Истомно. Хвойный аромат:

— Курорт у тебя, Дмитрий! — сочувствую Кащию. — Не работать сюда летать — отдыхать!

Жилой поселок Кащий разместил рядом с вертолеткой, на опушке вырубки, среди сосенок. Балки расставили в два ряда. Красиво... Жаль, что от родничка вдалеке.

— Кто чай бажает, нехай прогуляется! — сказал мастер.

Наконец установку привели в более-менее рабочее состояние и «закрутили». Первая колонна хоть и короткая: сто метров всего, диаметр трубы более полуметра, а сама скважина в поперечнике — под метр. Долото с расширителем словно огромная связка ананасов со стальными шипами. Пробурить такую скважину не проблема, а вот спустить колонну труднее, уж больно капризна мелкая резьба у труб, постоянно «закусывают». Весь мир давно на трапецеидальной, крупной резьбе, а наши монополисты все мелкую гонят. Как бы то ни было — закрепим устье. Можно будет двигаться выше... то бишь глубже.

Следующая колонна подлиннее: тысяча сто метров. Здесь уже технология сложнее. И требования к трубам жестче, вес колонны за сотню тонн, и внутренне давление побольше. «Восточников» я предупредил, чтобы проверку резьбы, толщины и гидравлические испытания провели на совесть. Ребята постарались, 70 процентов труб выбраковали. Снабженцы застонали: «Пустите по миру...» — «Ведите приемку труб по ГОСТу», — ответили мы.

Когда спустили и зацементировали эту колонну, появилась возможность перевести дух, накопить силы для следующего штурма. Говоря языком альпинистов, мы оборудовали промежуточный лагерь.

Следующий бросок — до 3800 метров. Он труден во всех отношениях. Во-первых, на такую глубину в Приобье еще не бурили. Во-вторых, колонну такого диаметра и такой длины и

близко не спускали. И, в-третьих, зима! То, что летом делается само собой, в морозы вырастает в неподъемную проблему!

Во всяком случае, у меня, как перед спуском с незнакомой горки, похолаживало под ложечкой. А ну как под снежком пенечек или ямка запорошена — так подкинет, что и на ногах не устоишь, шею свернешь. Но боишься, не катайся!

Главное — работать на «зеленый»!

У меня на этот счет своя теория. Все ситуации в бурении я разделил на три условные категории: «зеленый» — работай, «желтый» — работай только в случае крайней необходимости и держи ушки на макушке, «красный» — понятно, запретительный. Вот на «желтых» ситуациях и проверяются все: и начальство, и мастера, и работяги. «Желтый» — это работа с риском. Пресловутый тезис «Риск — благородное дело» оборачивается авариями и в конечном счете срывом плана, меньшими заработками. Работу на «зеленый» пропагандировал я на всех уровнях, особенно среди непосредственных исполнителей, — ведь они денно и нощно стоят у пультов управления. Со мной все соглашались: бурильщики, мастера, главные инженеры, но пока не доходило до «желтого». Характерна в этом отношении и 90-я: запустили ее с заведомо неустойчивой работой бурового оборудования из-за просчетов при монтаже основания.

В январе восемьдесят четвертого я возвращался с Бахиловской площади на попутном «Урале» и завернул на 90-ю. Было раннее утро. Кащий уже на ногах. Да и Кащий ли это? Свежевыбритый, возбужденный... Среди стальных зубов золотой так и поблескивает. Меховая курточка, на брюках стрелочки, ботинки сверкают лаком. По сравнению со мной, измотанным семичасовой тряской, он словно парубок, собравшийся на вечерку...

— Та «перехватка» же ж, — пояснил он. — Вертолет вот-вот будет...

— А как же скважина? — спрашиваю я. — Без надзора?

— Получается шо так, — беззаботно соглашается Кащий. — Но присматриваем... — поправляется тут же, — хоть на ходу, но вахту передаем. А як трэба?

— «Як-як»! — передразниваю его с огорчением. — Можно же сдвинуть график, чтобы по одной вахте менять, а не обе сразу?

А пока работа на «красный свет». Загудел вертолет — все побросали, гадают: «Наш чи не наш?». Практически безнадзорно молотят мощные польские дизеля — «полячки», чухают уралмашевские «бегемоты» — буровые насосы. Полшага до аварии: не «пошевелил» вовремя бурильную колонну, не проверил работу насосов — вот и «прихват», попробуй теперь вытащи залипшую многокилометровую плеть труб!

Наконец прилетела смена — вторая половина бригады, которая заступает на вахту. Через некоторое время мастеру Назирову, напарнику Кащия, поступают доклады: один дизель неисправен, в коробке передач уровень масла ниже нормы, индикатор веса «грубит». Принимаем решение: поднять долото, произвести ремонт. Вот она «экономия»: потеряны минимум станко-сутки, а это подороже рейса вертолета! Назиров тоже за скользящий график.

— Иначе, клянусь, загубим скважину! — горячится он. — Вот так прилетишь — и как кота в мешке приходится принимать! А вдруг на забое металл или с инструментом что — доказывай, что это не твоя вина. Вот и приходится неотработанное долото другой раз поднимать. Вай, сколько теряем из-за этого.

В середине марта долото достигло глубины 3800 метров... Но до «привала» было еще далеко: каротаж, подготовка ствола к спуску колонны и сам спуск — не простой, а двумя секциями, в два приема. Очень ответственная работа!

Скважина вела себя отлично. Каротажные приборы «ходили» по стволу без «затяжек». Однако каждые двое суток приходилось спускать инструмент и промывать скважину, температура на забое приближалась к ста пятидесяти градусам, и раствор, как говорят, «заваривался». Как только забойная «пачка» выходила на устье, буровая начинала куриться, словно Ключевская сопка.

Бригадный технолог Супрунов Степан Ефимыч, по прозвищу Тагринский генерал, ходит гоголем! Его прямая заслуга как технолога, что ствол скважины в прекрасном состоянии. Месяцами, бывало, не вылезал Ефимыч с буровой, постоянно занимался раствором, «химичил».

Отношения между ним и мастерами сложные: Кащий не нахвалится, Назиров — то так, то так. Я Ефимыча тоже не до конца понял. Дело в том, что дурная слава впереди него ходи-

ла. Виноваты в этом в немалой степени его подозрительно-веселые, бесшабашные коричневые глазки да французская невнятность грассирующей его скороговорки. У меня с ним были столкновения: один раз подумал, что он навеселе, — пришлось извиниться, второй раз на «бюрократической» почве: безобразно вел технологическую документацию. Донятый моими нотациями, вскипел: «Вам скважина нужна или гроссбух?.. Все что нужно, у меня вот тут!» — постучал по лысеющему темени с желтоватыми остатними кудерьками. Был он какой-то неустроенный, с непонятным семейным положением. Ко всему прочему прилипла к нему какая-то кожная болезнь, что-то вроде нервной экземы, которую он безуспешно лечил то у врачей, то у целителей. На буровой, в его балке, в тамбуре, стоит бочка, в которой он заваривает березовые листья, тальниковую кору, хвою, багульник, и в этом настое, как он шутит, в чалдонском чае, он правит свою болезнь. Эту же смесь, с добавкой грузинского чая, варит в «люминевой» кастрюльке на электроплитке и радушно потчует всех: «Чайку! Чай чалдонский пр-ротив хворрей замор-рских!..»

Свое неумение пить рекламирует с гусарской бравадой. Вылетел на день-два в Мегион. Вечером зашел в гости к знакомым. Посидели, выпили малость. Остаться бы ночевать, нет, потащился Ефимыч в общагу. На дворе темно. Моросно. Да и идти-то рукой подать. Нет, тормознул проходивший мимо уазик: «Не подвезете?» — «Садись!» уазик милицейский, повезли, естественно, в вытрезвитель. Он сержанту: «Не могете Тагринского генерала забирать!» Утром майор дал расписаться в постановлении на штраф: «Только из уважения к «генеральскому званию» вашему да к начальнику экспедиции — беспокоится! — и отпускаем. А то бы, учитывая антиалкогольную кампанию, дали на полную катушку».

Во время бурения форма ствола скважины, несмотря на все старание, получается какой угодно, только не цилиндрической. Причин тут много, не буду на них останавливаться. Главное, что для успешного прохождения обсадной колонны по стволу, когда зазор между ней и стенкой скважины невелик, все неровности, уступы, а где и глинистая корка должны быть сняты. Для этого дважды проработали скважину с жесткой компоновкой.

Вместо третьей проработки, как того требовал техпроект, под мою ответственность Хохряков разрешил прошаблониро-

вать ствол «коленом» из четырех обсадных труб: как и ожидалось, не было ни «посадок», ни «затяжек», и занялись раствором: обработали стабилизаторами и ввели для смазки нефть и серебристый графит.

Наконец торжественный момент — начали сборку низа колонны. На вахте бурильщик Фарзалиев и главный технолог экспедиции Анкудинов. Пошла монотонная, рутинная работа, требующая, однако, максимума внимательности и аккуратности. Вот взяли с мотков уже шестую трубу, на элеваторе бурильщик стал поднимать ее вверх и... оплошал: когда на излете, маятником, труба была возле ротора, резко дернул ее, она задела предохранительным кольцом за ручку клинового захвата, державшего «низ», тот на мгновение приподнялся — и этого мига хватило, чтобы 45-метровая колонна отправилась в почти четырехкилометровый самостоятельный полет.

Начались, мягко говоря, «охи» и «ахи», выяснения, кто больше виноват. Прения прекратил и — вдогонку за «беглецом»! Когда его «поймали», он пошел легко, без сопротивления. Вот что значит хорошая подготовка ствола и раствор со смазочной добавкой. Спуск колонны продолжался.

Как-то после очередного дежурства и всех треволнений я прилег не раздеваясь в гостевом балке и провалился в беспокойный сон. Стучали кружки, хлопали двери — кто-то приходил греться, хлебнуть чайку. Колокольным гулом отзывалась буровая — затаскивали трубы по гулким на морозе мосткам. Привычные звуки, при которых обычно хорошо спится.

Вдруг сквозь дрему показалось, что кто-то сел на соседнюю койку; вроде послышалось: «Николаич, а, Николаич?». Потом обращение стало настойчивее. Вот меня подергали за плечо. Различил при тусклом свете склоненного ко мне главного инженера экспедиции.

Я мгновенно встряхнулся: четвертый час, самое разбойное время.

— Пренеприятнейшее известие... — начал тянуть он. И потом скороговоркой: — Заглушка с квадрата упала в колонну.

— Рисуй: размеры, форма... Эмоции потом.

... На нижний конец квадрата, чтоб он не замерзал в шурфе, наворачивают обычно заглушку. Резьбу заело. Ничего не помогало, даже адмиральская кувалда. Тогда решили прогреть резь-

бу. Бурильщик Иван Яцив чуть приподнял талевую систему; вывешенный, как маятник, квадрат качнулся, легонько задел несчастной заглушкой за муфту трубы, резьба «раскусилась», и железяка упала в колонну.

Главный инженер экспедиции предлагает рискнуть и не обращать внимания на железяку. Соблазнительно, но я отвергаю его авантюру: «Нет, в скважине я уверен. Сейчас самое худшее, что может случиться, потеря двух суток. А в твоем случае рискуем всей скважиной! Спустим на бурильных трубах быстренько внутрь колонны магнит или «паука».

Попробовали магнит — неудачно. «Паук» тоже не взял. Пришлось поднимать всю колонну — тысячу метров! Буровики, хотя и сами виноваты, обозлены на весь свет. И вот при очередном отвороте «свечи» помбуры «забыли» застегнуть «юбку», охватывающую место рассоединения. Сами они успели спрятаться, а мы с главным инженером, ничего не подозревая, рассматривали, как сработал «паук». И вдруг — ледяной душ Шарко! Я прикрылся воротником, рванулся было в дизельную и не смог! Сначала думал, что зацепился за что-то. А когда парашют сифона стал опадать, выяснил, что это мой коллега молодой загораживался мною от раствора. Посмеялись: инстинктивно действовал парень, не нарочно же.

Наконец нижнюю секцию обсадных труб длиной 2100 метров собрали. Теперь предстояло спустить ее на бурильных трубах с помощью специального транспортировочного переводника до забоя — 3800 метров.

Около двух часов ночи достигли забоя. Встали на промывку. Теперь удачного цементажа! Погода как по заказу: минус 38 по Цельсию (вот он, северный апрель!) жгучий ветер...

А на забое — как в паровом котле! С учетом этой температуры у меня подобрана соответствующая рецептура тампонажной смеси, позволяющая располагать временем до трех часов с начала затворения. За это время нужно замесить восемьдесят тонн цемента, скачать его в колонну и вытеснить в затрубье. Затем провести и еще ряд технологических операций. И все — до начала схватывания. Иначе — «козел»!

Как медленно внедряется технический прогресс в бурение. На практике, в Альметьевске, цементирование велось с использованием специальной станции контроля: весь процесс перед глазами, команды — по ларингофону. Красота! А тут — через

четверть века — порхай, как глухарь, с агрегата на агрегат: плюсуй, минусуй, вноси поправки и держи всю картину, в динамике, в памяти: объем, давление, характер циркуляции раствора.

Наконец «стоп»! Можно расслабиться. Стал разуваться, портянки примерзли. Кащий сверкает улыбкой: «Стопочку горилки и под кожух, га? З перчиком, га?». Обычно отрубаешься, а тут перенапряжение, простуда берут свое: сон не шел, я чувствовал себя разбитым. Кое-как ночь перемаялся. И погода как на грех оказалась нелетной.

Решили выбираться на попутных. До бетонки на цемагрегате. В холодной кабине еще и тряско; опустил уши, поднял воротник, затянулся поясом — все равно кажется, что под одеждой гуляет знойно-зябкий ветер. Поясница разболелась. Совсем расклеился.

Часа два голосовали на бетонке. Около семи вечера полупустая «Северянка» тормознула, как в прежние времена: «Вам куда, мужики?..» Доехали до мегионской дороги. Снова надо голосовать. Глухая за полночь. Дорога как вымерла. Темень. Время тянется бесконечно долго. Наконец полоснули фары: грузовик. Но берет одного. Попутчики, заметив мое состояние, уступили место мне.

Верхнюю секцию доспустили без меня. Таким образом, достигли «второго промежуточного лагеря»: можно было пополнить «рюкзаки», перемотать, как говорится, портянки. Другие дела отвлекли, и на 90-ую попал только в начале сентября...

К тому времени углубились уже на четыре с половиной километра, и в скважине вдруг перестали работать даже турбобуры новой марки. Сменили несколько комплектов — не работают! 90-я, видимо, попала снова в поле зрения «верхов», и «генерал» грозил крупными неприятностями всем.

Буровики заканчивали спуск инструмента за полночь. Я сидел у газокаротажников и следил за показанием счетчика глубины. Операторы размещаются в двух кунгах, соединенных тесовым тамбуром. В одном «спальня» из двух мест: диваном перед приборной доской и нишей за перегородкой, оклеенной обложками «Чехословацкого фото». Уютно, как в отсеке подлодки. В другом кунге разместилась станция контроля бурения — здесь рабочее круглосуточное место оператора. Я чаще всего заставал Юру, худощавого по-юношески,

веснущатого паренька. Он недавно из армии. Как ни зайдешь, все блестит, у порожка мокрая тряпка. Сам что-то настраивает, обрабатывает диаграммы. Чуть слышно мурлычет магнитофон. Реже сталкивался с его напарником, Иваном Васильевичем, — статным, степенным мужчиной в офицерской гимнастерке. Он днем и ночью сверлит, роется в схемах, ширяет надфилем, паяет. Оказывается, создается еще один усовершенствованный блок. Его больше занимает сама аппаратура, чем то, что она контролирует. В свободное время Иван Васильевич играет в шахматы, чаще всего с Ефимычем. Играет вдумчиво, неудачные ходы переживает, как его противник — Тагринский генерал. Начальник отряда у них — Рэм.

— Ну-ка, — попросил я Рэма, заступившего на дежурство с полуночи, — продемонстрируй связь с бурильщиком: передай, чтоб брали квадрат и к забою подходили с промывкой и проработкой.

Щелкают реле, бегают по направляющим печатающие устройства. Весь ход работы как на ладони: на диаграммах, на цифровых табло. Еще бы экран дисплея — и совсем современное производство!

Вздрогнула и пробежала дремавшая каретка расходомера, клюнула диаграмму — выронила из зоба зернышко-цифирьку, замерла. Перо регистратора давления вычертило высокую пику. «Грубо насосы запустили. Спроси, Рэм, спусковая задвижка у них исправна?..»

Уточнил цену деления на индикаторе расхода промывочной жидкости, прикинул литраж: 18 литров в секунду. Мало! Неужели на таком расходе и бурят? Юра оторвался от шахмат, подтвердил: «Точно восемнадцать. Я Назирову говорил. И другим. Да вот диаграммы посмотрите».

Чтобы не впадать в технологические сложности, скажу лишь, что мастера и бурильщики зря грешили на турбобуры (думаю, не по злом умыслу): ротором бурить спокойнее (благо импортный бурильный инструмент позволял это), а при турбинном бурении большая нагрузка на буровые насосы. Стоило изменить режим работы насосов — и турбобуры заработали.

К утру долбление закончили (а ротором бы пару суток крутили!). Когда я освободился, стояло раннее сентябрьское утро с дымкой и изморозью. Хотелось спать, и я было задремал в станции, но вышел на вольный воздух, и сонливость как рукой сняло. Грибы стали попадаться, едва отошел от буровой.

Скоро накомарник отяжелел. Чтобы грибы не мялись, я ставил свою «корзину» на видное место, а сам строчил вокруг по спирали. Возвращаясь в очередной раз с полной пригоршней грибов, увидел около накомарника... рыжехвостую белочку. Затаил дыхание. Раз — грибок сорвала и на дерево. Ну, думаю, берешь с меня дань или как? Стал наблюдать. Нет, свои собирает. Те, которые я просмотрел.

Ах, какая белочка
прыгнула с пригревочка!
Хвост пушистый буквой «с».
Белка видит все окрест.
Вот, как фокусник, волнушку
сорвала и впрок, на сушку,
вверх на елку унесла.
И пошла мелькать, пошла...
Повернулся я неловко —
прекратилась заготовка...
За нечаянный подгляд
я оставлю ей груздят!

Возвращался я в начале восьмого, до завтрака. Перед жилпоселком, среди невысоких сосен, скамейки. На одной из них пожилой помбур в могучих «крабах» держит маленькую гармошку. Выражение лица не разобрать — солнце с его стороны. Несколько человек сидят на крылечках балков, кто курит, кто обувается. Я встал за сосенку и послушал странный концерт. Вот гармонист резко оборвал «гопака» и зашел в балок. Остальные тоже молча разошлись.

— Вай! Когда же вы успели? — воскликнул Назиров, увидев меня с полным накомарником грибов. — Не зря говорят: ранняя пташечка клюв очищает, а поздняя...

— Что это у вас за странные посиделки с утра? — перебил я его.

— О-о! Другой раз такой концерт закатывают — пыль столбом! Домой потянуло — потому и с утра, послезавтра пересменка...

Приказ о состоянии дел на 90-й параметрической скважине подписал «генерал», оказывается, в последний день своего правления: в очередной раз, несмотря на принятые «пожарные» меры, месячный план был провален, и терпение начальника главка истощилось. Особого огорчения или радости я

не испытывал. Новый «генерал» был той же школы, только более жесткий, иезуитски-увертливый, без «академизма» и культуры предшественника. Правда, он был выдвиженцем нового начальника главка, и можно было рассчитывать, что условия «благоприятствования» в планировании и снабжении нам будут обеспечены. Но это не в раз, а пока забурки «нулевок» любой ценой! Новая метла должна доказать, что она чище метет...

В последний раз я попал на 90-ю благодаря аварии.

17 октября 85-го года вахта Фарзалиева (опять Валех Фарзалиев!) заклинила долото, сломала бурильные трубы. При авариях особо ощущаешь, как несовершенна буровая техника! Взять хотя бы роторный моментомер — чего бы проще? Не выпускается! Ведешь работу вслепую, только опыт и интуиция выручают, ориентируешься по нагрузке на дизеля да по биению роторной цепи. А ведь инструменту, при его почти пятикилометровой длине, даешь немалую закрутку — пружина до 25 оборотов! Или индикаторы веса. Цена деления плавает по шкале. Зачастую «дубят», а при ликвидации аварий приходится работать на пределах допустимых нагрузок! Хорошо, что итальянские трубы, которыми здесь работают, имеют большой запас прочности.

Приехали каротажники. Недовольны: скважина не готова. Вместо спасибо — 'авария ликвидирована! — разворачиваются уезжать. Они недавно выделились из объединения и козыряют своим суверенитетом. Хорошо, что начальником отряда оказался знакомый, Борис Высочинский, я его знаю еще по Сургуту — с пацанов. У его отца в палисаднике росли георгины — редкость для севера. Однажды я «экспроприировал» багряного красавца для своей будущей жены и запечатлел его на нескольких фотокадрах. В течение двадцати лет, при каждой встрече, его отец попеняет: «Такой георгинище!..» И я на него не в обиде: лишний раз вспоминаются те счастливые дни, когда душа была беззаботно возвышена.

Так вот, Борис смилостивился и продолжил: «Хорошо, тогда поехали, пока идет подъем инструмента, на рыбалку. Снасть найдется!».

Ехали долго и тряско. Остановились. «Урал» для маскировки загнали в ельничек и пошли пешком. На мне все с чужого плеча и с «чужой ноги». Икры в ватных брюках заклинивают-

ся в валенках, и я иду почти на цыпочках.. Шагов через полтораста ноги мои побриты, и каждое движение штанин против шерсти начинает причинять нестерпимую боль...

Еще минут двадцать мучительной, как на протезах, ходьбы — и мы на заболоченной поляне с небольшими зеркально-блестящими окнами, опущенными стылой осокой. Это и есть место рыбалки. Никогда б не подумал.

Мне дали снасть и несколько червячков в спичечной коробке. Лед тонкий, черно-прозрачный, двух взмахов топорика хватает, чтобы вырубить лунку. Поплавок еще не успел лечь на воду, а уже поклевка. Подсечка — и у ног трепыхается аккуратный, с десертную ложку, красноперый красавчик! С десяток лет не был на подледном лове, а не разучился еще так подсекать, чтобы рыба, вылетев из лунки, сама срывалась с крючка. Иногда попадаются продолговатые чебачки. Как их? Мохтики! Радость от рыбацкого везенья переполняла меня. Вдруг проходивший мимо машинист подъемника, ходивший проведать машину, присвистнул: «Николаич! Да кто ж на мохтиковом озере окуней ловит? Этого добра... — он пренебрежительно двинул унтом моих окуньков, — на каждом озере навалом...»

Я был обескуражен. Подошел к Борису. Он сидел на льду по-хантейски — вытянув ноги. Лунка была у него между ног. Справа возвышалась приличная серебристая кучка, слева, поменьше, латунно-зеленоватая с красным. Борис посоветовал мне перейти на другое место.

Вскоре и у меня пошел мохтик, плотный, крепенький, широкоспинный. А ведро окуней я отдал потом на котлопункт.

Очистив забой от металла после аварии, отдали скважину под каротаж — пусть «освещают» пласты всеми известными методами. Керна — образцов породы — отобрали очень много, весь он был представлен крепкими кристаллическими образованиями. Без запаха нефти... Может, геофизика промысловая что уточнит. Увы, даже самые изощренные современные методы бессильны, если в земных пластах отсутствует нефть. Впрочем, в геологии и «пусто» — тоже результат.

Мне 90-я параметрическая не принесла удовлетворения. Забот и казусов с ней было предостаточно, а вот открытиями она не порадовала. В то же время она позволила познакомиться мне с новыми людьми, узнать поглубже старых знакомых, окунуться еще раз в сложную глубину человеческих отношений.

Что-то я понял, что-то осмыслил и переломил через себя, другое так и осталось для меня загадкой, которую мне разгадывать и разгадывать.

В марте 98-го года, почти через пятнадцать лет, в беседе с главой администрации Нижневартовского района Борисом Сергеевичем Хохряковым мы вспомнили наши злоключения, связанные с ней:

— А все же заметь, — сказал он, — она до сих пор в Среднем Приобье является самой сложной и самой глубокой да, видимо, и до конца тысячелетия останется таковой. По крайней мере, лицензию под строительство нечто подобного мы еще никому не выдавали... — и улыбнулся, как когда-то, сдержанно-задорно.

ПОПЛАЧЕМ О ДРУГЕ, ПОПЛАЧЕМ...

«Не русский я, но — россиянин!» — эпиграф хотел написать, а перед глазами сразу добродушное лицо Мустая Карима — из давних-давних лет, времен хрущевской «оттепели».

Вот у меня всегда так: о чем-то подумаю, и какая-нибудь ассоциация, аналогия из детства тут как тут!

...В Уфу я приехал из деревни Малышовки. Как из другого мира. Со своим мироощущением, жизненным опытом.

В последнее лето пастухом у нас нанялся Гильмей. Детей у него — как вешенок на колоде! По весне из черемушин сплел он, словно огромную корзину, округлую юрту, обмазал глиной, нары сделал и стал жить в ней со своим шумным кагалом. И пасти стадо. «Малайки» его коров сосут!» — судачили одни бабы. Другие заступались: «Че уж, удойно пасет, слово, чай-бай, знат!»

Нашу корову колхозный бык забодал, с грехом пополам сдали на мясо и купили другую. Новая оказалась с норовом: не захотела идти в чужое стадо посреди сезона. Я пас ее рядом с Гильмеем и незаметно сдружился с ним и его многочисленным семейством, а к осени и чуть-чуть стал «башкорт блям...».

Как вспомнишь нынешние стенания, смешно становится: при теперешней-то жизни плакать? Да побойтесь Бога! Зависть и уныние — страшнейший грех, и беды ваши — кажущиеся...

Гильмей сухорукий: одна рука у него, не то что у Сталина, вообще не шевелится, висит как огуречная плеть.

Мы с ним при первой возможности рыбачим.

Жаркий полдень. Стадо в тени под вязами, часть — в старице, в воде, от паутов подальше. Липы медом исходят. Пчелы жужжат. Шуршат стрекозы. В сладкий сон тянет. А мы с Гильмеем — стадо он, я Зорьку на старшего «малайку» оставили и — в Малышовку: у него кукан побольше, но и у меня улов!

Рыбу, грибы, а то и ягоды (малину, крупнику) — сестренке, «зеленого» супчика похлебал и забегаю за Гильмеем. «Гильмей! — кричу. — Айды инды!»

«Малайки» и «кызымки» облепили его: висят на руках, шее, сидят на ногах... Визг, хохот, трескотня слов. Гильмей, как циркач, рукой, ногами шевелит: качает отпрысков! Темное, широкое лицо его в морщинках и складках, глаз не видно: радуется человек. «Кызы-кызы-кызьен!» — напевает.

Мои «знаком» летят на меня, орут. «Кышкырма! — отбиваюсь от них. — Китталя! Мин корову пасти надо».

Старшая «кызьмка» Амина стоит в сторонке, смешливая, быстроглазая, колокольчиком заливается: «Ай, Виктор-р-рка! Сапсим пр-ропал, Виктор-р-ры-ка!»

По первому снегу они уехали. «Син минеке бер, Виктор-рыка!» — на прощанье крикнула Амина. А впервые это выражение я услыхал от нее еще летом.

Безымянная наша река...
Листья лип глянцеваты от меда.
Нет ни облачка, ни ве-тер-ка... "
Уходя на ту сторону бродом,
Амина мне, смеясь, говорила:
«До сви-да-ни-я, Вик-тор-ры-ка,
ты сап-сим ба-льшой ду-ра-ка!
Хоть тебя я мал-мал обдурила,
Син менеке бе-э-эр-р!..»
Ах, как солнце тогда калило:
Недород и голод сулило.
Но прекрасным казался мир!
(Я жалел, что я не башкир).
Детство мое! «Син менеке бер!»

В нашем классе, в Уфе, в 10-й МСШ были русские, башкиры, татары, евреи, украинцы, белорусы, чуваши и даже немец... Но делились мы не по национальности, а по другим признакам: на «актив» и «пассив», «примерных» и «шпану» , на «городских» и «деревню», «сытых» и «голодных», на «спортсменов» и «тюфяков», «артистов» и «зрителей»... И, наконец, на «счастливых» и «невезучих».

Другое дело — в раннеутренних очередях за французскими сайками и венскими витушками, за крупой и макаронами! «А вы за кем?» — «Вон за той националочкой»... Услыхав такое, скиснешь: как откроют магазин, пол-Уфы впереди тебя встанет! «Это ведь мы, русские, простодырые: отца родного, если очереди не занимал, не пустим!» — посетуют тетки, хотя и сами при случае тоже поставят товарку перед собой.

Да еще при поступлении в институт (в наш УНИ, по крайней мере) проходной балл у «националов» был тогда на несколько пунктов ниже... А в остальном — «новая формация — советский народ!».

В нашей группе при переписи 1959 г. двое из Средней Азии записались «русскими» (один настаивал, что «советский»). Зато

заведующий одной из кафедр, собиравшийся защищать докторскую диссертацию, из казаха превратился в башкира...

(«Син менеке бер» — башкир., ты у меня один(а).

А простой народ в сибирской глубинке смотрел на проблему национальности лапидарно.

1961 год. На песчаном берегу Оби, рядом с поселком геологов Пим, ждем катер, чтобы добраться до Усть-Балыка (в будущем Нефтеюганска). Обь широка и чиста. Зеленоватые, с тусклым серебристым отливом, продолговатые, словно листья ивы, мельтешат на ее глади волны, мелкими дюнами передвигают песок у ног. В густых прибрежных тальниках и зарослях смородины, под комариный звон, по-хозяйски шастают медведи, обсекая когтистыми лапами верхушки шиповника, красной и черной смородины...

Два помбура, самарец и татарин, наговорились: про рыбалку и охоту, про баб и политику.

И теперь подначивают друг друга по «пятому пункту»:

— Ты — татарин, че ты здесь потерял? Мало вас тут Ермак гонял по Сибири?

— Щья бы крищала, а твоя молщала: Батыя забыл?

— Тю! Батый был, не был ли, а Ермак Тимофеевич точно был!

— Не был! А ще у тебя тогда глаз узкий!..

Шутя-шутя идет подначка, а в глазах уже искорки нехорошие, злые появились. Самое время появиться интеллигенту — спасителю «угнетенной» нации, мягко, ненавязчиво сделать экскурс в историю, укрепить национальный дух. А то, что четыре года спустя, когда татарин обгорел при возгорании нефти, а самарец в числе других кровь ему напрямую откачал — одной группы оказалась кровь-то у них! — это рабочий, не исторический эпизод.

Шло время... Таких открытых перепалок я уже не слыхал, но они, затаясь, шли. И как ни странно, особая натянутость чувствовалась с «западэнцами». Когда я пытался с ними заговорить на эту тему, они уходили от ее обсуждения.

Но когда общаешься с людьми не один год, начинаешь, как говорится, читать между строк.

И, наконец, прорезалось: СНГ!.. Самостийность!.. Незалэжнисть!.. «Вековая» мечта осуществилась! Взахлеб разговоры о своей денежной системе!

Попервости эйфория: «А пощел-ка бы ты, «старший брат»!» Сначала — «большие» народы, а глядя на них, и малочисленные. До обидности...

«Не русский я, но — россиянин!» — наряду со знаменитым «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стало чуть не ругательным выражением. Пресловутая «историческая родина» востребовала своих потомков, открещиваясь от пришельцев — «русскоязычных». Сплошь и рядом отрекались от своего сословия и своих родовитых предков. Принимая пролетарское вероисповедание, эти потомки, бывшие номенклатурщики, в первую очередь с такой же легкостью меняют его. Нынче потомков кулаков, баев, дворян и прочих сословий, кажется, уже больше, чем до революции... И тем не менее...

Конечно, плохо, когда человек не знает своего исторического языка, а только «русскоязычный». Плохо, я считаю, когда «русскоязычный» не знает хотя бы чуть-чуть языка народа, на исто рической родине которого он живет. И все же, считаю, это не является основанием для ограничения его права в свободе выбора места работы и жительства. Посмотрите в природе: упало семечко, проросло, если условия подходящие, и живет растение, деревце ли, где кому пришлось по нраву...

Как люблю я берез белоствольe!
Словно в шумном девичнике там.
Сердце полнится сладкою болью,
Отдается забытым мечтам...
Мне по нраву, признаюсь, открытость
Сосняков на песчаных буграх,
Островерхая ельников крыша
И приволье широких дубрав...
Но всего мне милей перелески!
Жизни в них полнокровнее ток:
Спор вершин уважительно-веский,
Разномастной листвы лопоток...
Не ведется там счета обидам
У поросших траншей и трясин...
Не имея на жительство вида,
Там березы растут средь осин...
Подосиновик из-под березы
Красной шапкой призывной махнет.
По весне сок березы тверезый
Муравей безбоязненно пьет...

А как весело там в водополье!
Птичий грай всех разбудит окрест!
Хоть люблю я берез белоствольe,
Но милее мне смешанный лес...

И простой народ, россиянин или ближнезарубежец, это понимает! Вершистые деревья сильны лесом, а лес — подлеском. После бездумного прореживания и от легкого бриза даже — не лес, бурелом будет!

Нет, никому не удастся кордонами прервать «горизонтальные», «корневые», а их несть числа! — связи народов. «Железные занавесы» рухнули, неужели националистические будут крепче?

...У каждого жителя Малышовки в соседних башкирских деревнях, будь то Кысынды, Карламан, Шафраново, были свои друзья («знаком», говорили они) среди «сапсим» плохо говоривших по-русски башкир. Но, бывая в гостях или по делам, изъяснялись они на русско-башкирском и прекрасно понимали друг друга. «Рахмат, знаком!», «Будь здоров, знаком!», «Ярар, знаком!» — только и слышится при беседе.

С вахтовиками, летавшими с Украины, Белоруссии, из Башкирии, Азербайджана, я имел дело почти полтора десятка лет, со многими душевно подружился. «Доброго ранку, Мирослав!», «Дзякую, Славко!», «Богдан, будь ласка...», «Щоб не було морщин на лыци, ишьтэ сальце: у нем витамин «цэ»!», «Та вин «наркотыку» прыйняв: шматок сальця, то и балдеет...»

Шутки, подначки, песни (от них точно забалдеешь!)

Знаю летающих с 1978 года. И новая «хата» построена, и «колеса» уже есть, а летает! У иного и вахтовый роман, и наследник-сибиряк. И еще бы летал, да ведь...

Ах, казачонок какой, надо ж —
вылитый я!
Что ты, роднуля, да разве б я стал
отпираться?
Вы же с ним для меня
Как родная семья.
Жалко мне: не могу разорваться!
Ну, ей-бог, не могу разорваться...
Вспомни, сэрдэнько, как встретились
мы на «кусте»:
Были тогда времена золотые, ей-богу!
Жаль, сейчас уж не те...
Я ведь что? Прилетел
Попрощаться: закрыли дорогу...

К вам границы закрыли дорогу...
Что ты, кохана, да все образуется —
Как в лучших домах и семействах
Парижа-Лондона!
Подрастает сибиряк,
И, как вольный казак,
Он подастся до батькина дома,
За границу — до батькина дома...

О, друзья-вахтовики! С болью прощаемся мы с вами... Думаем, временно и поэтому, «До побачення!».

О, друзья мои, оказавшиеся «русскоязычными» в обихоженной вами земле, ставшей вдруг «зарубежьем»! Вам еще труднее, и при мысли об этом туга одолевает меня...

И все же! Испокон Сибирь принимала всех, кто понимал язык природы, земли, тайги, вод и недр, птицы и зверя; кто уважал свой труд и чужой; кто, уходя из зимовья, оставлял смолье, спички, хлеб и соль; кто был преисполнен человеческих страстей — любви и ненависти, в ком любовь к новообретенной родине пересиливала все остальные чувства, и он становился сибиряком и, значит, россиянином.

Хозяином и насельником.

А русский или нерусский, православный или мусульманин — не важно: это дело его сугубо личное, дело его совести.

...Того, кто способен глубоко чувствовать, историческая или новоприобретенная родина все равно когда-нибудь взволнует сухим ли пучком емшана, зеленой ли веткой кедра, и он вернется к ней!

...Не занеся с собой микроба наживы, рвачества и злобы! — с миром и любовью.

А пока «поплачем о друге, поплачем», слезы облегчают душу и просветляют разум.

«НЕ ЗРЯ ЛЬ ВАМ «СЕВЕРНЫЕ» ПЛАТИМ?..»

В январе 64-го года, на святки, прилетело впервые в Сургут такое высокое начальство, что местное, на украинский манер, называло подобострастно каждого из них торжественным шепотом: «они», «сами NN прилетели». А с «ними» и «сами «А», и «сами В», и «сами С»! А с «ними» — «а, б, с»... А уж «х, у, z» — и не упомнишь.

Выйдя из самолета NN, осадистый, брыластый, скрипя кожей мехового пальто, хлопнул массивного, под стать ему, спутника:

— Смотри-ка! На Украйне морские порты позамерзали, а тут...

— Семнадцать градусов... — подсказал услужливо кто-то из встречавших «аборигенов»: партийных, советских и хозяйственных руководителей районного и окружного масштабов.

— Ну вот! А за каким мы вам тогда «северные» платим, а?.. — захохотал NN.

Все оценили его остроумие: смех — раскатисто — пошел по свите и — пожиже — по клину встречающих. Зеваки, кто — хохотнул, кто — матюкнулся: «Давай сымай! Кто работать-то будет... Насымались уже!»

И в самом деле! У людей еще свежи воспоминания об «упорядочении» зарплаты и, в том числе северных льгот, проведенном в 59-м году: были снижены «потолки», в два раза увеличены сроки для их получения и прочее. (Хотя, надо признаться, к тем, кто имел льготы, отнеслись по-божески: «северные» им «заморозили» по состоянию на момент «упорядочения», а инфляции тогда не было).

Проблема эта напрямую касалась и меня: я работал в экспедиции уже четвертый год и имел всего одну 10-процентную надбавку! Я уже был женат, ожидалось прибавление семейства, а получал немного больше, чем мои однокашники на Большой земле. А если учесть, что они работали в стабильных районах и получали хорошие премии и за «ускорение», и за прочие показатели, — а я в «комплексной геологоразведке» сидел на голом окладе, — то «трэба було погадать, кто бильше грошей мает...» Про жилье и не говорю! И холостяком, и женатым — по чужим углам да закуткам... Недавно вот только получил «четвертинку» в приземистом деревянном доме и был несказанно рад: «хату маю»!

Явлению высоких гостей предшествовали нефтяные и газовые фонтаны, победные рапорты и реляции. Убедившись «собственными» глазами в «фактическом наличии открытия века», подготовив «исторические решения»... Для принявших «эстафету» из их рук затасканно-крылатые выражения звучали тогда со свежестью первородства!

В конторе экспедиции от гостей стало тесно, и нас, «негров», турнули по домам, предупредив в то же время, что если понадобимся, чтоб были тут как тут!

В то время в Сургуте у всех, кого я знал, «удобства» были во дворе. И вот наутро ноги — в валенки, руки — в шубейку... В сенках руки — крючком заняты, глаза — термометром: сколько там нынче?.. Чудеса! Что с термометром? Где красный шнурочек?.. Про все забыл: скребу иней. Весь спирт в шарик собрался! Первый раз вижу чтоб с термометром такое.

Вышел на улицу: жмет, но не сильнее, чем прошлый раз, в Тайлаково, тогда дышать нельзя было, дух перехватывало... да еще чуть сифонило...

Вода в умывальнике замерзла. В ведрах, возле печки, покрылась льдом. Развел огонь, кое-как нагрел воды, побрился и, разбудив жену, побежал на работу.

На широком крыльце конторы оживленная толпа: хлопки, гуканье... Меховые костюмы, полушубки, унты, валенки... У многих, чувствуется, с чужого плеча. Фотокоры, видимо, жалуются друг другу: «Даже «японка», попробовал, не тянет!» — «За пазуху! А то затвор не работает!»

Погоду «дали» только где-то в полдень. Гости, двумя группами, улетели в Мегион и Усть-Балык: в Сургут уже не вернулись, так как даже Госплан спасовал перед погодой и синоптиками!

Как сановные гости кантовались в неустроенных тогда базах новых экспедиций, — вспоминали ли юность комсомольскую свою, — не знаю, хотя слухи ходили разные, но нашу итээровскую общагу они наверняка вспоминали добрым словом, а уж райкомовскую «заезжую» — тем паче...

На следующий день стоял такой же морозный туман. Синоптики выпустили их «по трассе» — сразу в Тюмень... Представляю и сочувствую — как они намерзлись в грузо-пассажирских дюралевых «лайнерах»!

Рассказывали очевидцы: когда NN вышел в аэропорту Плеханово, то произнес вторую крылатую фразу одеревеневшими

губами: «Н-не зря все же с-северные платим...» Но в этот раз никто не хохотал...

... Ну а если бы природа нарушила свой ход, и крещенские морозы задержались бы на юге «Украйны» на пару дней?.. Не урезали бы в очередной раз нам северные льготы?.. Кто знает... Видно, судьба! Поневоле станешь фаталистом: вскоре, ввиду предстоящего потока даровых нефтедолларов, были нам даны дополнительные «льготы» — словно кость собачья, сейчас-то это многие понимают, — и поясные коэффициенты повышены, и сроки, для «зашибания северных», сокращены, — и хлынул на Север людской поток с мутью и пеной. Какой же поток без этого!..

А задержись тогда морозы?.. Ну пусть не урезали бы, оставили бы как было?.. Может, и бума не было бы? Я бы уехал, ты бы... Глядишь, потише «поехали», а сегодня — и дальше были бы, а?..

Но, судеб повинуясь закону, все, что мог, ты... опять совершил: отдал Северу все, что у тебя было, — душевный порыв, силы, здоровье, наконец! Заработал льготную пенсию, накопил рублевого длиннотья: аж, казалось тебе, до спокойного угла с удобствами на Большой земле...

Но достойные преемники «того» начальства «достали» тебя: не мытьем так катаньем... вернее, инфляцией: накопления «блыснули», а на пенсию и в один конец не долетишь...

«Заморозили» — нас! Как мамонтов — «заморозили»!

Что-то ирреальное появляется в жизни, как на языческом празднике! Как на святках: ряженые кругом, ряженые!

Видимо, был глубокий смысл в том, что на святочной неделе приезжали в тот високосный год «САМИ»!

В Сургуте они тогда оставили по себе разноречивые воспоминания. Из всего спектра их приведу крайние: те, кто жил в общаге, — весьма тепло (выпивка и закусон, приготовленные для «САМИХ», как уже списанное, достались им), а те, у кого «улетели» унты и шубы, — матюками, остальные — кто как...

И только вот ближайшие потомки — уже под одну гребенку (т.е. тебя и меня — с «ними»!) — вспоминают всех нас недобрым словом.

А что будет дальше?.. Что скажут дальние потомки? Если они будут.

ПОДКОНТРОЛЬНЫЙ РЕЙС

Из Пургая позвонили: к вам Мамалыгов. На МИ-8. Бортовой номер такой-то. Встречайте.

— Может, я не поеду, а, Борис Петрович? — спрашиваю я своего шефа. — У меня совещание с главными инженерами назначено...

— А у меня? Не отлынивай: субординация требует! — на полном серьезе обрывает меня «генерал».

Вообще-то он — главный инженер, но сейчас исполняет обязанности генерального директора, а я — его обязанности.

Выехали на двух уазиках, да еще «рафик» прихватили: какая сегодня у Мамалыгова свита? Любит он размах во всем — может и не разместиться!

Старая вертолетка в пойме реки, рядом с промбазой и складами. Когда-то здесь первый «десант» высадился, и начали сразу же строиться без досрочных изысканий. А местность оказалась подтапливаемой. Да и без этого каждой весной проблемы. Вместо того чтобы перебазироваться, еще больше увязаем: трубную базу недавно основали. Ладно бы грузы, как прежде, исключительно по воде шли — большая часть идет по «железке», а железнодорожный тупик совсем в другой и далекой стороне. Новый вертодром строится тоже у черта на куличках...

Диспетчерская и зал ожидания — в полуразвалившейся, просевшей в землю халупе. «Но зато на новом вертодроме — из импортных модулей!» — авиацию курирует главный инженер, поэтому «оправдательные» аргументы проигрываются автоматически... Взглянул на «генерала», не вслух ли рассуждаю? Но он, возможно, сам «репетирует»: сосредоточенно прищурив небольшие карие глаза, смотрит в серебристо-серую белесую даль — туда, где сливается небо и речная гладь...

Предупредив диспетчера, чтобы ближнюю площадку держали свободной, мы расположились поблизости, в тени.

«Генерал» по радиотелефону предупредил начальников быть наготове: мало ли к кому изъявит желание заглянуть Мамалыгов

Курим... Обсуждаем дела, ближайшие планы, неувязки... Вспомнили последний шумный визит начальника главка...

Было это в начале марта. Приказал он собрать на совещание первых руководителей всех подчиненных главку орга-

низации, дислоцирующихся здесь, и главных специалистов объединения. Народу, свиты набралось — клюквинке некуда упасть.

Совещание началось в два часа и продолжалось до одиннадцати вечера! Измочалил всех. Поднимет одного, другого... Накидает вопросов, один неожиданнее и несуразнее другого, не выслушает, наорет: «Человеческий фактор надо учитывать! Работать с людьми!». Тут же звонит в Москву по прямому проводу, в главк... Духота. Все в поту. Оторвется от трубки, еще одного поднимет и опять за трубку — какого-нибудь еще более северного «генерала» воспитывает: «Ты зачем этого подлеца из-под суда вытащил? Опять допустил его к кормушке? Его не выгонишь — тебя уволю». И с полчаса в таком же духе! А мужики стоят, ноздри раздувают, губы в кровь кусают, а стоят!.. Как кролики под взглядом удава! Я-то у него двадцать пять лет назад молодым специалистом начинал, знаю его: совсем не изменился! Только сейчас грозит: «Уволю!», а тогда орал: «Выгоню без выходного пособия!». Правда, и сейчас прорывается: «Уволю без права работать даже сторожем в нашей системе!».

Вот его и встречаем сейчас...

Хотя мне и терять нечего, а невольно проигрываю варианты ситуации... и сержусь на себя за это.

Подошла молочно-розовая (кустодиевская) блондинка диспетчер. Улыбается: «Отбой! Вертолет там, чи шо, передали, неисправен».

Облегченно вздохнули. Поехали в объединение. А там начальник конторы связи «обрадовал»: «Берут другой борт. Вылетают...»

Дело осложняется: приедет злой, задержек не любит.

Снова ждем.

Рядом с нами останавливается новенький, будто только что с конвейера, уазик. Борис Петрович заоборачивался и вдруг стал вылезать из машины.

— Пошли! — позвал меня. — Рублев приехал. Второй секретарь горкома, по промышленности. Надо представиться.

Подошли. Назвались. Секретарь пригласил в машину. Я нырнул первым, сел за водителем, «генералу» пришлось расположиться за секретарем. Тот обернулся и задал несколько вопросов по сводке. Меня удивила его информированность в на-

ших делах. Видимо, заключил я, в райкоме, у нашего куратора, есть и наши план-графики, и «ковер» бурения.

Потом, когда он удовлетворил любопытство и показал компетентность, сдержанно-почтительным голосом, подбирая губы, словно боясь случайно выронить лишнее слово, «генерал» стал расспрашивать секретаря о делах районного масштаба.

Перво-наперво поинтересовался, не Мамалыгов ли попросил товарища секретаря подъехать? Нет, ответил тот. Просто рейс подконтрольный: авиаторы его проинформировали. И по другим каналам информация пришла. Дело в том, что Мамалыгов не один. С ним республиканский министр. Член правительства России все же. Хоть правительство и пешковое (все через их голову решается в ЦК и Совмине СССР, а их просто информируют), но — правительство! А так, особенно по нефти — все решается в ЦК! Вчера, например, звонят... секретарь сделал нарочно скромную паузу, просят поработать с нефтедобытчиками, чтобы дополнительно к повышенным обязательствам дали еще тысяч сто тонн. Очень нужно! Нефть пойдет прямиком в N-скую республику. Там к власти пришло ориентированное на Союз правительство. Запад их блокирует. Нефть сейчас для них — вопрос жизни и смерти! Вот что кроется за дополнительными обязательствами — большая политика! Жаль, что не все это понимают... К нам это не относится: план по приросту запасов выполняется успешно. А это главное. Хотя с метражом у вас...

При первой, достаточно продолжительной паузе Борис Петрович поинтересовался о судьбе предыдущего первого секретаря.

Рублев значительно пожевал губы, почесал волосатую родинку на пухлой шеке, поиграл густыми короткими бровями и только после этого, тяжело вздохнув, сказал;

— Понимаете, сложное дело... Да, сделал он много. Себя не щадил и с других спрашивал. При нем была максимальная добыча нефти в сутки. У него громадный опыт, да и сам нефтяник! Я, помню, инструктором работал... На своей шкуре испытал его нрав и методу: круто! — сказал и прервался, увидев улыбающуюся блондинку.

— Все! Улетел ваш Мамалыгов домой, — сообщила она. — Ой, что там, говорят, было! Первый вертолет оказался неисправным. Дали второй — какая-то закавыка с экипажем... Министр

ничего, а он на пилотов: «Уволю! Выгоню!..» Вызвал свой персональный ЯК-40 и — фьють!..

Заметив, что «генерал» делает недовольные знаки, умолкла на полуслове

— Не везет мне на «подконтрольные» рейсы, — шутливо бросаю я. — Второй раз в жизни встречаю, и неудачно. Как-то дежурил по главку. Начальник, еще тот, первый, уходя, предупредил: «с Севера спецрейсом летит академик А. Вот номер борта. Позванивай в аэропорт и обязательно встреть. Отвезешь в малую гостиницу. Шофер знает.» — «Бусделано!» — говорю. Дежурю: то-сё. В аэропорт позваниваю. Отвечают: борт такой-то там... там... потом — там-то на дозаправке. И вдруг — потерялся... Дежурство кончилось. Звоню тому, другому... Наконец, самому начальнику главка... Телефоны не отвечают — воскресенье ж! Еду в аэропорт. Иду на АДП. Говорят, вылет задерживается из-за академика: с местными властями общается. Когда вылетит — неизвестно. А уже восьмой час вечера. Шофер матюгается открытым текстом: «Тринадцатый час за баранкой! В кои-то веки собрался с женой в драмтеатр и — нате! Сейчас, поди, костерит меня супруга на чем свет стоит!..» Отпустил его — в случае чего такси возьму. Жду. В АДП диспетчера сменились. Надоел я им, что ли: отбой, говорят, борт дает «ночевку».

Со спокойной совестью уехал домой. Утром только пришел на работу — селектор зазвонил: «Зайди!» — слышу голос начальника главка. Захожу, объясняю, как дело было. Да еще и замечаю: «В Москве вон и генералы в метро ездят, и в троллейбусе видел...»

Тот в ответ матюкнулся: «Запиши телефон и сам в обком звони — объясняйся! Я уже объяснился... Да про генералов — не вздумай. Не каждое лыко в строку идет...» Пришлось звонить.

— Так что, — говорю я шефу, — может, еще подождем: вдруг «подконтрольный» рейс объявится?

Я серьезен и озабочен. Мои товарищи встречающие, как в стоп-кадре, на секунду замирают в раздумье, прогоняют ситуацию в «компьютере» и синхронно усмехаются:

— Хочешь — жди! А мы поехали...

Да, люди уже не боятся обкома!

А Мамалыгова? «Будем посмотреть», как говорят в Одессе.

САША. ВНУК НЕЗНАКОМКИ?

Родился я в селе. И большую часть жизни квартировал в одноэтажной Расее, в той, где слово «сосед» — одно из самых ходовых было.

Как привычно звучало в детстве материнское: «Сбегаю до соседки»... «Угощу соседей»... «Позову»... «Попрошу»...

В трудные времена без соседа — хоть помирай!

В Малышовке, помню, уже в послевоенное время, за чем только к соседям не бегали! За солью... За жаром (спичек-то, как сейчас, недоставало)... За закваской (хлеб пекли свойский!)... За шилом, мылом, кадочигом! И реже всего — за деньжатами...

Сызмала воспитывалось и уважительное отношение к соседу: поздоровайся с соседом первым, сердечно, почтительно... Издали, бывало, увидев даже незнакомого, снимешь фуражку и, не доходя, первым здоровкаешься. На улице ли, на полевой ли дорожке — взрослый ответит тебе, а то и остановится, руку пожмет, как ровне, спросит: «Из чьих будешь?» и погладит по макушке или потреплет ласково вихор...

В город переехал я в двенадцатилетнем возрасте и растерялся: народищу-то! Как тут всех запомнишь?.. Поздоровкаешься как?

Со всеми не со всеми, но во дворе, по крайней мере, я здоровался со знакомыми и незнакомыми, да и на улице, когда толпа редела, тоже не упускал возможности сказать: «Здрасьте вам!» — над чем смеялись и взрослые, и пацаны...

Впрочем, отвык быстро. Сейчас и в подъезде не со всеми здороваюсь: с бабками да с ровней, а молодежь — мчит молча: ну и пусть катится, не трогает! Забылось, что в деревне — попробуй не поздоровайся со взрослым: ославят! А иной и пристыдит тут же: хоть сквозь землю проваливайся...

Чем лучше жизнь становилась, тем меньше была надобность в соседе: свое есть, «А нет — так купим! Да получше, чем у соседа».

Сосед, конечно, всякий бывает. Он не жених, не невеста: его, как правило, не выбирают. Можно сказать, он богоданный, как река, лес, солнце и ветер. И принимать его надо как данность: доброжелательно.

Итак: «Здравствуй, сосед!..»

«Здорово, сосед!» — как обычно, окликнул меня Шурик... то есть Александр Владимирович Маметьев.

Я обернулся и обмер — будто впервые увидел: «Блок! Александр Блок!..»

— Ты че, сосед? Здорово, говорю! — повторил Шурик глухим, приятным голосом. — О чем задумался?..

Я механически поздоровался, а сам продолжал рассматривать его, пораженный открытием: «Вылитый Блок!.. Как я раньше не обратил на это внимание? Удлиненное лицо... Глаза чуть навыкате... светлые... Нос горбинкой... Красивый излом крупных губ... Густые волнистые волосы... Подбородок... Низковат, правда... Худ, даже щупл, но строен... Уж не внук ли блоковской «незнакомки» — Прекрасной Дамы?

— Шурик, скажи, ты не из Ленинграда случаем? — осторожно спрашиваю...

Впервые я увидел его в Ваховске осенью 78-го года.

Тогда в очередной раз началась «централизация» и «специализация». И нашу экспедицию подчинили объединению, созданному на базе соседней. Во вновь организованной надстройке появились соответствующие службы, и они начали действовать, то есть посягать на наши, производственников, права: вмешиваться в работу, требовать обширной и постоянной информации, дополнительной отчетности. Отношение к новому начальству, сами понимаете, было всякое...

О приезде представителей по связи и транспорту я был предупрежден радиограммой начальника объединения (тогда еще они не назывались генеральными директорами). Права «соцпредприятий» тогда от нас еще не отняли, и к этой вышестоящей инстанции относились мы без подобострастия.

В тот день, выезжая с берега, где шла разгрузка последних в эту навигацию лихтеров, я увидел наш (пока еще «наш»!) «Урал» узла связи, заворачивающий на площадку ВВ.

— Что они там потеряли? — спросил я начальника БПО, сидевшего рядом в кабине.

— Щщасс... разберемся! — не понял тот.

«Выступать», как некоторые, эти представители объединения не стали.

— Не хотели отрывать вас от дела, — объяснялись они, — мы же здесь не впервые! Сразу напрямую со своими службами стали работать. Так оно, конечно, надо было представиться...

Вот так натянуто познакомился я со своим будущим соседом.

Вскоре меня перевели в Мегион, в это самое объединение, и мы стали работать с Шуриком, так его запросто звали в неофициальной обстановке, под одной крышей.

В Мегионе я тогда бывал редко: большую часть времени проводил в подшефной «суперэкспедиции», мотался по «сложнякам». Но время от времени с Шуриком сталкивался: он был «профбоссом» аппарата объединения, а я — «профпассивом»: вечным должником по взносам (тогда еще взносы собирали) и редким участником мероприятий. Поэтому, едва «нарисуюсь» в конторе, Шурик на субботник приглашает или еще что. От «или еще чего» я отбояривался, а на субботники ходил: и в ночь на разгрузку картошки, и на новый корпус объединения, и на уборку базы отдыха... Шурик в «энцефалитке», шевелюра открыта или под беретиком... Голос громкий... Прибаутки сыплет щедро. А к концу работы и «оргработу» проведет: мы сбросимся, а он еще у «спонсора» (орса или другого заказчика) спроворит «чего ни то».

Симпатии ко мне особой, я это чувствовал, он не испытывал, но был, как и с остальными, ровен, приветлив, даже уважителен.

За эту ровность, я бы сказал, корректность его приставляли нередко ко всякого рода делегациям из нынешнего «ближнего зарубежья», приезжавшим по обмену опытом или взаимопроверкам и прочее. Однажды он курировал экспедицию Географического общества, уточнявшую местоположение географического центра Союза, соорудившую новый Знак центра; за содействие Шурик был позже удостоен медали общества.

Прежде, в экспедиции, я имел огородик, и семья привыкла, особенно дети, к своей картошке. Почти два года промаялся на покупной. И когда стали («в развитие выполнения положений продовольственной программы... — только так, не иначе!) выделять участки под огороды, я тоже взял две сотки: выжег бурелом, расчистил, но сумел посадить не больше половины, да и поздно (торчал в «подшефной» экспедиции), а Шурик освоил приличный огород, обиходил его... Осенью, как гномик, в своей «энцефалитке» он таскал к машине мешки больше себя величиной...

— Ну, даешь, Шурик! — восхитился я. — А куда тебе столько? Торговать будешь? — подначил его.

— Дак семья ж у меня! Семь — я...

Поэтому и квартиру он получил самую большую на площадке — трехкомнатную.

В гости к нему не ходил, поэтому всех членов его семьи толком и не знал: познакомился с его отцом, ветераном войны, с женой его Любой сталкивались на площадке или в подъезде: «Здрась-те!» — улыбнулись и разбежались; дочь Женя изредка проскандирует: «Здрав-стый-те!»... Да и с Шуриком: «Здорово, сосед!» — «Привет, привет! Как жизнь?» — «Ниче, по маленькой!» — «Ну будь!» — «Счастливо!» — и разбежались по рабочим местам или квартирам.

Все свое. Чего нет — пошел, купил. Зачем он вроде, сосед-то?

Если, конечно, запасные ключи оставить на всякий случай. Позвонить, если у тебя телефон неисправен. Да и все.

— Так не из Ленинграда ли ты? — повторяю вопрос.

— Я-то? — Шурик притормаживает. — Из Ленинграда. По справке — да. Оттуда вывезли. А че?

— Как — по справке? — не понял я сначала. — А-а! Так ты сирота? Тебя по Дороге жизни вывезли?.. Ну-ка, ну-ка, расскажи подробнее...

— Давай, сосед, в следующий раз... Устал: с дежурства...

И только уже на следующий год у нас продолжился разговор.

— Так по льду вас вывезли или как? — пытаю его.

— Не... Осенью сорок первого. Так в справке. А что на машине — хорошо помню: тряско было! Вывозили кого? У кого родители погибли, наверное. Не знаю, главное — вывезли!

— Ленинград осенью же еще не был окружен?

— Не знаю! Я тогда че понимал? Вот когда привезли в Зырянку, в Томской области это, в детдом, помню: белый хлеб дали, с маслом — это хорошо помню! Белый хлеб! И с маслом...В это время я уже, верно, белого хлеба не видел: сидел на картошке да капусте, а позже и хлеб из лебеды пришлось есть, и щи зеленые из той же лебеды — пустые, без хлеба и картошинки. Но я жил с матерью! И не напрасно, видать, пугала нас, неслухов, она: «Загоните вот в гроб, отдадут вас в детдом: с голоду-то не подохнете — накормят-напоят вас, а вот пожалеть-то будет некому...»

— Мать-отец-то, хоть во сне, не являлись ли?..

— Не-а!

— Ну а вообще, из того, ленинградского, помнишь что-нибудь? Ощущения какие-нибудь: вкусное, приятное? Запахи?

— Не-а!.. Вот подвал будто бы... Двор какой-то... Ночь... Вроде бомбоубежище. Перестук колес еще. И запах кислых щей... Ага, кислых щей — помню.

Он дает мне свой семейный альбом...

«Бог ты мой! Я же видел это лицо: давно, школьником, поразило оно меня своей неземной отрешенностью и загадочностью!..»

«Да, скифы мы!..»

— Говорили тебе, что ты похож на Блока?

— Вообще-то, было дело. Похож будто.

— А к Ленинграду... родственное чувство не испытываешь?

— Не-а! Зачем? Я ж Зыряновку родиной считаю. Это Томская область. Детдом. МОЙ ДОМ! Там меня выходили. Там, в Зыряновке, я мир осознал. Там меня и мамка нашла, Евдокия Титовна...

— Ты же говорил, что сирота!

— Ну! Сирота. Нас же, сирот, тогда и разбирали кто мог: мамки — так их и звали. И мы их ждали. А чтоб к хорошей мамке попасть, старались: аккуратно вели себя, были чистыми, понравиться чтоб! Вот мама Дуся, Евдокия Титовна то есть, так ее звали, и выбрала меня. Папка-то, Владимир Анисимыч, на фронте был. Он ведь со срочной службы, с сорокового года, на фронт попал и без продыху до сорок четвертого воевал... А там уж, в сорок четвертом, под Ленинградом... Да!.. Это когда от Ленинграда в наступленье к Риге пошли — инвалидом стал: руку потерял, да и вообще изранен был. Мама Дуся и показала: вот, грит, и сынок у нас! Так и зажили дальше... Нормально жили!

А потом че?.. Че, как у всех! Кончил ПТУ связи. Отслужил в армии. Работал. Женился, Детей ростил. Работал. Внуков вот рощу...

Шурик смеется, щурит голубые, со светлой дымкой, туманинкой белых ночей, большие глаза, лыбит крупные зубы...

Я перебираю фотографии в его семейном альбоме...

«Похож... Вылитый — не вылитый, но — похож!»

— Расскажи хоть, как познакомился со своей Прекрасной Дамой, как женился на Любе?

Улыбается Шурик, мой сосед, щурит блоковские глаза, а в горле его мелодично катаются округлые гласные и ласковые согласные (сплошные аллитерации!):

— С Любой-то? Любе осенью сказал: в марте на тебе женюсь. И поженились! Прошлый год юбилей был — тридцать лет. Ну!.. Я ж ее сызмальства знал. Считай, всю жизнь вместе...

...Хотел я сказать и о том, что Шурик трудолюбив, как кулак, в хорошем смысле этого слова, сноровист и добропорядочен, что мужественно переносит обиду: заболел в прошлом году — его и сократили, досрочно на пенсию отправили, и сейчас ни зарплаты, ни пенсии — когда-то Улита бумаги снесет да оформит! Ни слова об этом мне не сказал, не пожаловался...

Поэтому закончу такими его словами: «Сейчас-то? Сейчас жить можно! Так бы и жить: слышь, что внучка кричит? «Деда!» Это меня. «Лю-ба!» Это бабку, Любу то есть. Есть разница? Как подругу: «Лю-ба!». «Любо, братцы, жить!..»

Шурик смеется, щурит голубые, с северной дымкой глаза... А я вдруг подумал, что опять блоковские на дворе времена!

Двадцатый век....
Еще бездомней,
еще страшнее жизни мгла.
(еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
. И отвращение от жизни,
и к ней безумная любовь,
и страсть и ненависть к Отчизне..
И черная, земная кровь
сулит нам, раздувая вены,
все разрушая рубежи,
неслыханные перемены,
невиданные мятежи. .

ВЯТСКИЕ – РЕБЯТА ХВАТКИЕ

Михаил Михайлович Песиков — крановщик милостью Божьей; природная сметка и многолетний опыт, если сказать менее возвышенно, лежат в основе его виртуозного мастерства и красивой, вдохновенной работы.

Со стороны посмотришь, как легко все делается! Ну что особенного: поворот стрелы, одновременный наклон ее и ход каната в полиспате... Кажется, сядь и ты в стеклянную кабину, к пульту управления, тронь полированные ручки и рычаги, и у тебя тоже, описав плавно сложную кривую, многотонный груз мягко опустится без удара и лязга в кузов самосвала или на стеллаж грузовой площадки. Только по тому, как просядут рессоры у одной машины и вздохнут опорные домкраты и рессоры другой, поймешь, что не пачка стекловаты или тюк матрасов переместился, а железобетон или металл в замысловатом облике...

Мастерство, как искусство, неповторимо: будь то прыжок с зависанием как бы — балеруна, будь то движения крановщика, да и где она, четкая грань между ними? ... между мастерством и искусством: не зря ж словосочетание «искусный мастер» издревле употребительно.

Михаил Михайлович — крепкий, среднего, по нынешним меркам, роста сорокашестилетний мужчина, по-славянски широколицый, с добродушной улыбкой и лукавой, неистребимо-крестьянской хитринкой в неброских, глубоко посаженных глазах: на шутку отзывчив, не прочь подметить смешное, ироничное в словах собеседника и сам сыронизировать.

Родился Михаил Песиков в деревне Русская Курья на Вятке (в Кировской области). Отец его во время войны был в трудармии, мать тоже была мобилизована на строительство оборонительных укреплений на Волховском фронте; поженились они в конце войны. Нажили троих сынов и дочку.

Русская Курья расположилась на берегу озера, а вокруг — леса, поля, луга. Озеро когда-то было глубоким, соединялось с речкой Пижмой, и в него, как в затон, входили на зимний отстой и ремонт колесные пароходы. Со временем озеро обмелело, большая вода ушла, и деревня стала хиреть. Да и Советск, какой-никакой, а город — в пяти кэмэ. Вот и родители его, как дети разъехались, купили там тоже домик. Да — беда: умер от

рака желудка отец, следом — младший брат, вот мать и перебралась к младшей дочери, в Мушу, где та работает медиком. Старший брат — в Советском, рядышком. Ну и Михаил, сибиряк, мать не забывает: каждый год приезжает, вот и в этом был — в сентябре. К матери приезжает, к родне, само собой! Но и не только: «Места там — красивейшие! Лучше — нигде не видел! У-у...!» — с блаженным стоном, прикрыв глаза, качает Михаил головой... «Что ж тебя здесь держит? Поезжай: бери землю...» — подначиваю его. Хитро щурясь, говорит: «Так и здесь красиво! А еще — работа... Была бы там такая работа — уехал бы! Все-таки полжизни там прожил. Смотри-ка, и здесь полжизни! Не-е... все кажется, что там — дольше жил. Чудно! Детство и остальная жизнь... Дом небольшой был: 4,5 на 5, фактически одна комната, но зато русская печь — втроем свободно спали! Да полати. Жилье, как говорится, на двух уровнях! Зато усадьба просторная: по пять соток на едока! Брат как выделился — сразу пять соток отрезали, но все равно — тридцать еще оставалось; и насадишь всего, но уж и семь потов прольешь, обихаживая огород. Лес прямо от огородов начинался. Леса — хорошие, светлые... Липовые, дубовые... И сосна, ель... По берегам — дубы отдельными купами... В деревне — старые, могучие, развесистые... Как в песне... С незапамятных времен эти дубы стоят. Хорошо пацанам было: рыбалка, грибы, ягоды... В школу только пехом, за шесть километров, в Советск, пришлось — с первого по восьмой. На каникулах и в колхозе работал, и отцу помогал (тот пасеку держал, иной год по пятнадцать семей. Хороший был мед: липовый, гречишный, цветочный... Да налогами задавили!). Потом, после восьмилетки, по направлению колхоза учился в школе механизации, получил права машиниста широкого профиля. И на практике, и по окончании работал в родной деревне на комбайне СЮЗ, потом на тракторе ДТ-73. Зимой от военкомата закончил курсы водителей. А когда призвали в армию, попал в танковые войска. Служил в Челябинске, в батальоне обслуживания высшего танкового училища: возил курсантов на занятия, через год службы был инструктором, потом довелось на легковой возить генерала, начальника училища...»

Училище располагалось почти в центре города. С увольнительными проблем особых не было: служил Михаил примерно. «Вятские — ребята хваткие» Подружился вятич с уралочкой, да,

видать, крепко: после дембеля побыл дома недолго и обратно, на Урал! И в январе 71-го года женился (в 96-м году — серебряная свадьба!). После коротенького медового «месяца» устроился на цементный завод под Челябинском, в Первомайском квартиру дали в бараке (после получил в кирпичном доме). Усердие, ответственность молодого водителя заметил начальник гаража и предложил обучиться на крановщика. Михаил согласился. После курсов, с 71-го года и до сих пор работает он на кранах; а начинал на трехтонном ЗИЛ-164. Работать приходилось по цехам, в стесненных условиях: в «обжиге», в «дробилке» и прочих. С самого начала требовалось мастерство, особенно в «обжиге». «Вокруг тебя громадные обечайки вращаются, задень — намотают на себя вместе с краном и не почувствуют! Бригадир хороший попадет, еще ничего: команды «Майна», «Вира», «Вправо», «Влево», «Вперед», «Назад» — четко, уверенно дает, и тебе спокойнее. А другой попадет суетливый, мандражный, тут и сам начинаешь вертеться, тоже мандраж накатывает, особенно поперВости. Тут стрелу, груз ведешь, словно партнершу на танцплощадке: крутишься, маневрируешь, чтоб и на ногу не наступить, и не столкнуться с кем-нибудь... Сплошной бальный танец!.. То ли дело на открытом воздухе: хоть подгорную пляши!»

«Танцевал» на кране Михаил Песиков на цемзаводе более двух лет. А в 73-м году начальник гаража ему и еще нескольким говорит: ты и ты, поехали со мной на Север! Ну, рассказал им, что по приглашению друга он уже посмотрел, как там и что. «Кем?..» — «Крановщиками!» — «Поехали!».

Таким вот прозаическим образом, как, впрочем, и большинство приезжих, оказался Михаил в Мегионе.

Дали ему кран К-61. «Такой разбитый — садиться было страшно». Получил он и квартиру (бывший начальник помог!). И стал работать: «подавал» грузы при строительстве детского садика, спортивного комплекса, жилых домов, трубы на строительстве трасс...Одним словом, без работы не сидел.

«Так вот и работаю уже двадцать три года в СУ-920: на какой объект путевку выпишут, там и «перемещаю грузы». Дочь вырастил. Внука уже имею. Дачу... Как только землю стали давать у нас — сразу же взял! Сейчас все есть: и «фазенда», и теплица, и баня, и колодец... Точно! Курьинская закваска: в деревне ж вырос! Любим с женой повозиться на даче, все свободное время там: и отдых, и польза. Да и то: раньше-то мы в

Гагры каждый год — »дикарями» — ездили, квартиру снимали у одних хозяев, хорошо тогда было: дикий пляж, свободно! А нынче не больно наездишься: вот и лето — на даче, а осенью — родные места проведать... Русскую Курью, Советск, Челябинск... Воздухом детства подышать, водички родниковой испить: у нас ведь там кругом родники бьют! Летом вода в них ледяная, а зимой — живая: не замерзает в любую стужу. Была бы жизнь постабильнее, как раньше: 5-го — аванс, 20-го — получка, оставил на расходы, положил на отпуск и «черный» день, — вернулся бы на родину! А сейчас — «миллионер»! Внуку вот положили детский вклад — не знаю, что будет? Хорошо, машину вот на «старые» деньги успел купить...

«Уехал бы, да вот работа держит!» — чуть раньше сказал Михаил. «На работу — как на праздник!» — в последние годы слова эти произносились с иронией, даже с сарказмом. А ведь такие, как Михаил, не редкость! Любят свою профессию не только спортсмены, топ-модели и «звезды» эстрады — любят ее и медики, и бульдозеристы, и крановщики!

«Приболел тут как-то... Давненько уже! В РММ и слесарил, и токарничал... Да, на токаря выучился. Конечно, работа поспокойнее. Как полегчало малость и группу сняли — сразу на кран! Дали мне гидравлический, на МАЗе; КС-35-77. Семь лет уже на нем, не обижаюсь: бегает, поднимает кое-что тонн так до шестнадцати... кормилец мой!

Не-ет, на кране — свободнее! Туда поехал, сюда... Сегодня то, завтра другое... Да! Это уж точно — глаз наметан, фазу вижу: как встать мне, как машине, чтоб груз быстрее переместить и без надрыва пупа, то есть крана...

Конечно, напряжение машины чувствуешь! Да, сиденьем! Вернее, чем сидишь: по напруге, по подрагиванию сиденья... Лучше всякого прибора! Да, почти что тензометр... А если серьезно, когда работаешь на пределе — или по вылету стрелы, или по грузоподъемности, — рассчитывать надо... Ну, к примеру, так, как когда на одной ноге стоишь и куда-то тянешься.. Соразмеряй и на ограничители поглядывай».

Да, хорошо сказал Михаил Михайлович Песиков о соразмерности! Побольше бы таких «вятских» в политике, глядишь, дела в России шли бы гладко, без «кувырков»...

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗ

Катились остатние денечки солнечной осени 85-го года. На МИ-8 летели мы над Ван-Еганскими болотами, словно над бурозеленым штилевым морем. Плавниками древних рыб торчали кедровые гривы. Темная зелень грив, словно золотистой канителью, люрексом изукрашена. Это златолистые березы, чудом сохранившие свою красоту во время набега ветра-листобоя, оживляют однообразный пейзаж.

Я летел на буровую Р-151, Ван-Еганскую, бурившуюся в интересах науки на солевом растворе особой конструкции. Буровая была поставлена на краю гривы. Когда вертолет делал круг перед посадкой, я рассмотрел: с одной стороны гривы, по ее оподолью, золоченой прошвой березовая россыпь — и решил непременно там побывать, не знаю почему, поманила она меня с первого погляда.

Со мной прилетел геолог Женя Чернов, молодой, стройный, черный, словно в оправдание своей фамилии, с ломким, как у галчонка, голосом. Геологическая спецодежда подогнана по фигуре и сидит на нем элегантно, словно форма на флотском офицере.

Я с ним познакомился недавно, на спуске технической колонны, он приятно удивил меня своей понятливостью, расторопностью и аккуратностью. В отличие от других геологов, с которыми приходилось обычно иметь дело на буровых, в его объемистой папке оказались не только бланки и каротажные диаграммы, но и рулетка, мел, ладненький молоток, набор гвоздей, а в рюкзаке — остро отточенный охотничий топорик, чистые верхонки (брезентовые рукавицы)... Заметив мое удивление, пояснил: «Не люблю просить, — и белозубо улыбнулся. — Да не у каждого мастера и есть все это».

Со скважиной были проблемы, и я пришел в балок к буровому мастеру Любомиру Коцыбе, в обиходе Тимофеичу, глубоким вечером.

Геологи обычно в ожидании «своей» работы (отбора керна, каротажа и т.п.) «шлангуют», то есть отсыпаются впрок или читают, а то и режутся в карты. Женю Чернова я застал за рукоделием: он кроил бересту, делал разметку и снова кроил, а потом стал прошивать тонким монтажным, в разноцветной изоляции, проводом вырезанные полоски и кружки...

Попил я с Тимофеичем чайку, сделал необходимые расчеты, сходил на буровую. Женя все рукодельничал. Я не выдержал, полюбопытствовал: «Что это ты мастеришь?» Он в это время соединял кольцо с донышком, сметывая проволокой другого цвета ранее сделанные стежки: получалось красиво, но главное — оригинально! Вот кольцо, вот кружок, как их скрепить? Светлая голова была у того, кто догадался, как это сделать. «А дальше что?» — интересуюсь.

«А вот так: вставим большую бересту, прошьем ее, скрепим с этой крышкой, другой, точно такой же, будем закрывать. Чем не берестяной туесок? Ручку можно из бересты приладить или ременную перевязь. А после — спокойно идти за клюквой...»

В этот же вечер я поступил к Жене в «ученики». Простое дело вроде, а сноровки требует и терпения! «Главное, — делился опытом мой наставник, — стежки должны быть одинаковыми, не очень широкими, и количество их совпадать должно».

На следующий день при первой возможности пошли мы в примеченный с воздуха березняк.

После ходьбы по мшистому, в корягах, темному кедрачу в березняке показалось нам так светло, будто в девичьей светелке, хотя солнце было закрыто белесой мглой. Ветер-листобой все же поозорничал: кроны берез сквозили, а земля была сплошь укрыта листьями. Они, словно снег, отражали свет и создавали этот потрясающий, благостный эффект. Да и удивительно белые, без темных наростов и мха, стволы берез способствовали тому.

Воздух был терпкий, с винным запахом опавшей листвы и тонким, едва уловимым березовым духом, и дышалось глубоко и легко, как в детстве. «Люблю я пышное природы увяданье...» В раннем детстве, в осеннем лесу, не зная еще этих чудесных слов поэта, испытывал я такую же щемящую грусть.

— Женя, ты где родился — в городе?

— В городе-то в городе, но близко к земле...

Родился Евгений Юрьевич Чернов, начальник партии геологического анализа АО «Мегионнефтегазгеология», 21 июля 1960 года, в городе Бугульме, в семье электрика Юрия Владимировича 29-го года рождения и Антонины Андреевны (младше мужа на три года), в собственном доме с огородом, садом и палисадником (общая площадь поместья около девяти соток).

Вишня и тополь росли перед домом, в палисаднике, а черемуха, рябина, ранетки в саду-огороде, с малиной-смородиной, капустой-картошкой, томатами-огурцами и прочими дарами щедрой земли..

Дом стоял первым от электроподстанции, где работал отец. Он часто бывал в командировках, мотался по всей Татарии: участвовал в электрификации деревень в глубинке, а их было в то время много! Отец рассказывал, что принимали их в деревнях от души, как до войны шоферов или летчиков! А ведь 50—60-е годы... Впрочем, страна развивалась, строилась. Ведь и они еще недавно жили в бараке — старшая сестра в нем родилась. Это уж Женя родился в построенном отцовскими руками доме, в котором свет, вода и газ.

Весело, радостно, беззавидно, потому-то и счастливо жилось Жене в родительском доме, на зеленой окраинной улице провинциального города. Играл в уличные игры с соседскими ребятишками, дружил с ними верно, необидчиво: если случалось, и получал «по кумполу» до крови, терпел. Сызмала так получилось, что друзья старше Жени на два-три года. В этом были свои радости и обиды: друзья в школу, а он дома, с бабушкой, Зоей Ивановной — «бабой Зоей». Случалось, что, как Филиппок, за ними в школу таскался, в класс заглядывал, слушал объяснения учителя. Друзья уроки учат, он с ними. Читать-писать-считать так вот и научился незаметно, от старших товарищей. Ничего не понимал, вспоминает сейчас со смехом, но страсть как любил читать газеты...

В школу пошел с желанием. Первая учительница, Ольга Семеновна, вспоминается с благоговением: пожилая, строгая, возвышенная, казалось, из другой породы людей, другого измерения, без плотских свойств и потребностей. Школа начальная, маленькая, была рядышком...

В «большой» школе вообще дни катились весело, интересно, насыщенно: уроки, спортзал, школьные вечера. Собственный ВИА организовали! На танцы к ним из «города» приходили. Успехом пользовался дуэт, в котором Женя был вторым: друг играл на гитаре и «вел», друг был верный: когда захотели их разделить, сказали: или поем вместе, или вообще — «пас!» Выступали даже в клубе пригородного сельхозкомплекса. Однажды они выступили там с песенкой «про первое чувство». Местные девчонки всю клумбу перед ДК оборвали и закидали их цветами...

«Ах, какие милые мальчики жили в провинциальных городах прежде!» — воскликнет сентиментальный читатель. Соглашаясь с ним во многом, я все же чуть разочарую его.

В школе, где учился Женя Чернов, была такая «рыцарская» традиция. На стадионе, что возле школы, по весне, когда подсыхают, струисто паря, первые проталины, когда вдруг, само собой всех одновременно осеняло: пора, класс на класс, начинать «рыцарский» турнир. И хоть «малявки» таинственно перешептывались: «Драка будет! Такой-то класс с таким...» — это скорее был турнир, чем драка: «судьи проверят», чтоб у сражающихся не было ни палок, ни камней, дадут «старт», а потом, через условленное время, и остановят сражение... Эти «драки», на мой взгляд, естественные рудименты давних кулачных боев, когда хаживали стенка на стенку, улица на улицу, слобода на слободу, спуская избыточный молодецкий задор (не то, что теперь в подворотне, трое на одного!).

После школы, по стопам друга, в летное училище, на летчика-истребителя! Экзамены сдал, а по «профгруппе», то есть по здоровью, только на штурмана предлагают.

Нет, не пойдет. Лучше по второму варианту: в Казанский университет, на геологоразведочный факультет (в 9-м еще классе начитался про геологов, запало в душу). И не зря! Одно только посвящение в студенты чего стоило, церемония запомнилась на всю жизнь: клятва, завещание потомкам, соревнования, хохмы... Весело, озорно! Потом учеба, практики... Одну проходил на Ямале... Последнюю в Нижневартовске, в Бугульминском УБР. Отец на Север уехал, когда Женя учился. Сын тоже решил: «Поеду на Север!» И распределился в Мегионнефтегазгеологию, где и работает с 83-го года...

Когда я пошел к нему в ученики по берестяному делу, он уже был «на выходе» из молодых специалистов.

Время от времени мы с ним встречались на буровых и в конторе, здоровались и разговаривали, мне казалось, с взаимной приязнью, и по службе, и «за жизнь». К тому же он дружил с моими молодыми технологами, жившими вместе с ним в общаге, и часто заходил в отдел пообщаться.

Потом, с некоторых пор, он исчез из моего поля зрения. Мало ли, думаю, в отпуске за пару лет или на курсах... И вдруг узнаю: Женя работает в МЖК! В молодежном жилищном кооперативе! Вот это финт...

Где-то через полгода, не раньше, сталкиваемся на улице. «Сколько лет, сколько зим!». Поговорили о том о сём:

— «Каменщик, каменщик в фартуке белом»? Или, как у Райкина: «Кирпич — бар, раствор — йок»?

— Скорей, как у Райкина, — смеется Женя, — но потихоньку строимся. Да, да! Хотите, покажу трудовую? Каменщик второго разряда! Три дня стажировки, мастерок в руки и — внутренние переборки только так кладем!

— Теперь понятно, — подначиваю, — почему при ремонте обои приходится резать наискосок.

— То не наша работа! — отшучивается Женя. — Для себя строим: если что и не так, обижаться не на кого...

— И все же, — уже серьезно любопытничаю, — что тебя, Женя, сподвигло на такой неординарный шаг? Ведь в профессиональном плане перерывы нежелательны. А у тебя — это как в армию: годом отлучки вряд ли обойдешься...

— Жилье надо, — так же серьезно отвечает Женя. — Сколько ребят молодых уехало из-за хаты? А ведь они сколько ходили просили! А я просить не люблю и не умею. Да и не хочу! Так что я, наоборот, профессионально выиграю: получу квартиру и буду здесь жить и работать, а не искать нового места, где квартиру дадут...

«Сколько же лет прошло?» — прикидываю я про себя.

— Шесть лет... — телепатически прочтя мои мысли, подсказывает Женя.

Мы сидим в уютной кухне трехкомнатной квартиры Черновых вдвоем: Ольга, супруга Жени, деликатно оставила нас.

— Мою площадь в МЖК и Ольгину в деревяшке обменяли на эту, — снова предвосхищая вопрос, пояснил Женя. — Заодно уж и похвастаюсь. Все, — показывает он на подвесные шкафы, столы, стойки, мойки, — сам соорудил!

— Ничего себе! — ахаю я. — Да импортному ж гарнитуру не уступит!

— Импортному не импортному, — скромничает Женя, — но жена претензий не имеет больше. Ладно уж... Идемте, еще покажу...

Коридорная стенка... Супружеская кровать... Антресоли... А кладовка с инструментами как оборудована! Все, кроме набора мебели в гостиной, сделал сам.

— Ну и Же-еня... А я думал, ты только по бересте... И откуда у тебя это только взялось! — я почти подавлен.

— От предков, видимо, от кого еще? Секретов тут никаких: терпенье и выдержка... и, может быть, чуть сноровка. У меня прадед по матери до революции мельницу имел: ее у него экспроприировали. Только во время нэпа на ноги встал — раскулачили! Так он после этого не что-нибудь, Магнитку строил! Мать моя, кстати, там и родилась, на Магнитке...

Разговор прервался телефонным звонком: по Жениным репликам понял, что речь шла о хоккее.

— Сын играет или сам?

— Сам балуюсь иногда, — как бы нехотя, стеснительно отзывается Женя. — Со школы привычка. — И, оживляясь, отрывисто, по-комментаторски, говорит: — Собственно, не в школе. С улицы. Была у нас сборная. Уличная команда. В городских турнирах участвовали. ТатНИИ там. Заводы... Юношеские команды имели. Все у них чин чинарем: тренеры, клюшки, коньки... форма... И хотя в городских соревнованиях выше третьего места не занимали, зато приз «За выносливость» всегда был наш: без замены все три периода одной пятеркой играли, а у всех команд по три... Вот и сейчас договорились, когда сыграем. На корте. За объединение... Приходите как-нибудь поболеть...

...Женя-Женя! Тридцать лет и три года «отыграл» я за геологическую «команду» и «болею» сейчас за нее.

И в прежние-то времена «играли» мы в неполном составе, кто во что горазд экипированные, на одном энтузиазме, надрывая свою «дыхалку», добывая «очки» организаторам, а потом нас, потерявших здоровье, без «спасибо» даже отправляли не на скамейку «запасных», а на «мыло», на «волю!»

А ныне, стараниями правительства, геология низведена до уровня поистине дворовой, уличной команды: ни «коньков» добрых, ни «клюшек», ни экипировки; хочешь, мол, «играть» на геологическом «корте» — играй за свой «кошт»...

Хочется верить, что пока Жени Черновы, без расчета на какой-либо приз, еще ведут «игру», спохватится и «генеральный спонсор» — федеральное правительство, и «уличные» спонсоры, — на кого они, собственно, и играют...

ОДНОВАХЧАНЕ

КОЧЕНЬ С ВЕРХНЕЙ ТОЛЬКИ

На Верхне-Толькинской площади с 15 декабря 1976 года по 18 марта следующего морозы стояли за сорок: не бурение, а борьба за выживание! А в крещенскую ночь спиртовые — до минус пятидесяти — термометры зашкалило, на металлических было под шестьдесят...

Своими экстремальными условиями Верхняя Толька высветила многих. В том, что мы все-таки закончили бурением первую поисковую скважину, заслуга вахты Кочнева. Только она двигала дело, остальные или едва поддерживали жизнь буровой, или, хуже того, отбрасывали назад, замораживали циркуляционную систему, выводили из строя оборудование. Естественно, не по злому умыслу, а из-за недостатка, я бы сказал, куража, который кто-то назвал умильно «огоньком».

Семнадцать с половиной лет прошло с той поры...

Недавно в Охтеурье повстречался мне Володя Кочнев, поизящнее своего отца в молодости, сам уже имеющий двух сыновей, но такой же стремительный, резковато-добродушный и отзывчивый на «надо», как и его мосластый, поджарый от житейских забот отец — Геннадий Илларионович Кочнев. Родился Володя в Ваховске в ноябре 1966 года. А его сыновья — третье поколение Кочневых. Династия пошла!

Большинство из тех, кого я просил поделиться воспоминаниями о своих предках, пращурах, кто, откуда они, к сожалению, далее деда с бабкой не помнили. Вот оно, следствие отлучения от своих родовых корней: сын за отца не ответчик. Не отсюда ли и многие наши беды?

Вот и у старшего Кочнева такая же ситуация с генеалогическим своим древом.

Голос у Геннадия Илларионовича Кочнева нутряной: бу-бу-бу...

— Бабку Марину, по матери, помню, — бубнит Кочнев. — По отцу, говорят, умерла в ночь, как я родился.

Хоть голос у него нутряной, но говор чуток на «о», быстр, переливчат, внятен, словно у ручья, почти речки, сбегающей по камням, округлым, сглаженным.

Село Борок в Татарии, в 12 километрах от Нижнекамска — родина Геннадия Кочнева и его отца Иллариона Степановича. Там же его родитель встретил свою половину — Анну Василь-

анну. Но нажив с ней четверых детей, метнулся к другой и с нею нажил еще четверых. А когда прибрал ее Господь — вернулся с детьми к первой семье, и стали приемные дети звать Анну Васильевну кто мамкой, а кто — бабушкой.

— Ничче!.. Жили и тогда по-братски и сейчас дружно живем. Младший, который звал мать нашу бабушкой, ездит к ней и поныне. — Трагическая, казалось бы, ситуация, но в голосе обиды нет. — Ничче. Выжили. Родни было много — помогали. Да сами, как себя помню, сложа руки не сиживали. Я росточком чуть поболе кнутовища был, когда стал скотину пасти. Как время пришло, в школу пошел, в Борок — в семилетку. Хорошая была школа: после пятого класса из других деревень учеников примала.

Школу окончил, работать стал. Так бы че?.. Может, и дальше пошел бы учиться, да старшего брата в армию забрали, среднего — в ФЗУ. Тоже желанья больно-то не спрашивали, по разнарядке посылали, а иначе — принудработы. Вот и пришлось до армии кнут, невод да лопату обнимать. А проще — куды пошлют. И натурально, и словесно. Оттель у меня и грубоватость, сызмальства впитывал, вот оно и аукает. Счас что? Можно и покаяться. Но ведь и до сих пор оно, крепкое слово русское, помогат. Чего бы, когда вот понадобилось на прорыв, сызнова про Генку Кочня вспомнили. Вишь, зовут. Приходили вот: помастери! Как быть? Согласился.

Да ладно. Чего уж. А про жизнь, коли интересно, так было дальше. Осенью 59-го в армию взяли: матушка-пехота. В Казанских лагерях учебку прошли, двинули — солдатское радио говорило — в Германию. Только на Польшу въехали — поворот. В Брест. Че уж там у них, в верхах, произошло, Бог знает. В Белоруссии, словом, стал служить. А в 61-м — сокрашшенье. Ну, когда Никита на миллион двести жахнул. А нас из пехоты — в стройбат. Вот и сокрашшенье! Три года два месяца семь дней служба продлилась.

А после че? Опять в Борок. Только работать стал на производстве в Волголесосплаве. Плоты с Белой, с Камы перевязывали. До 40 тысяч кубов в ином плоту доходило. До самой Астрахани спускали иные. Это дело, вязка плотов, тож не просто: тож ума и здоровья требоват.

Вскоре и оженился. Марию вот взял. Стала у нас с ней своя семья, своя планида. И подались в 64-м на Север. В Нефте-

юганск сначала. Квартеру снимали, как воробьи под застрехой. А после работы балок себе рубил. И так всю жизнь. Вот эту квартеру тоже все сам. Считается, что дали. А че? Одни стены голимы. Вот материалы — где за бутылку, а где и... Другие всю жизнь на готовенькое, а мы — вот так, своим горбом. Но ничче, есть ишшо на мослах кое-что. Да и клешни, — он потряс своими широкими ладонями, — ишшо ухватисты. А вот ей... — кивнул в сторону жены, — тяжельше пришлось: баба все ж. От надсады в Нефтеюганске-т первенца схоронили. Этот-т короед, вторяк. Его уж здесь, в Ваховске, смастрячили...

Геннадий Илларионович (обычно Ларионыч или Кочень) чувствительно и звучно хлопнул сына по плечу с татуировкой, прославляющей Тихоокеанский флот, и подытожил:

— А дальше... Ваховскую жизнь ты мою знаешь.

Как не знать? Не зря и начал рассказ про него с Верхней Тольки:

На таких мужиках, простоватых,
некрасивых, чумных, рябоватых,
чуть поддатых, заросших, кудлатых,
в керзачках, телогрейках, бушлатах,
на угрюмых, сноровистых, хватких,
на любителях правды несладкой,
молчаливых, пытливых, смешливых,
совестливых до рези в глазах,
на святых! — еще держатся нивы
и заводы в больших городах.

В САДУ КАЛИНА ВЫЗРЕЛА

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий. Июнь голубой.
С. Есенин

Иван Алексеевич Жданов и его жена Людмила Михайловна вышли проводить меня.

Они живут на берегу Максимки на старой улице, в деревянном доме, построенном еще при мне, чуть не поколение назад.

Во дворе черемуха.

— Чудо как цвела! Запах. А цвет. Как невеста была! — это Людмила Михайловна.

— Цвела сильно! Толк будет или нет — поглядим, — это Иван Алексеевич. — А в прошлом году, — он говорит со своим привычно скептическим смешком, — ведро черемухи нарвали. Вот такие кисти были. Черный виноград. Цельное ведро! Да и так пацаны ели.

Людмиле Михайловне не нравится его практицизм.

— При чем здесь урожай?.. У нас вот это, — показывает она на особенно темную на фоне серебристо-чешуйчатой Максимки купину, — рябина. А там, пониже, калина. Сейчас доцветает. Принюхайтесь, какой аромат! Нет, разве можно от этого уехать? Конечно, эта тварь, комары и мошка, мешают. И двуногие есть — почище. Но ведь я столько здесь всего пережила. Вот с ним, — кивает она на Ивана Алексеевича, который сходил за тяпкой и, накинув штормовку, стал внизу подшевеливать взошедшую картошку. — Нет... Босой ногой ступаю, и кажется, что остановись — корни пущу в эту землю. Дети выросли. Внуков, не поверите, люблю еще больше за то, что здесь растут.

У Ивана Алексеевича, а значит, и у семьи, судьба сложилась. Бурильщик Жданов — старожил Ваховска, ветеран Вахской экспедиции, участник открытия всех — Ваховского региона — месторождений нефти и газа, не обойден наградами, славой и вниманием.

— «Стрижи», — речь о нефтяниках Томской области из Стрежевого, — недавно праздновали юбилей...

Иван привычно, чуть кривясь, играет белесыми бровями и как бы неохотно (но чувствую, не без приятности) сообщает:

— Телевизор вот подарили. В президиум приглашали. То да сё говорили. Вот фотография. При параде.

Фотография на стене: Иван Алексеевич при галстуке. Шесть правительственных наград. Взгляд официальный — в будущее.

— В дедовском роду, — говорит Иван Алексеевич, — все под два метра были. Я один середненький вышел. А дед был, у!.. Охотник, рыбак. 90 лет прожил. Еще в первую мировую воевал. В 70 лет босой по лесу ходил. Сейчас вот: Иванов, Иванов! Школа выживания, ученики. А мой дед просто, безо всякой школы и учеников ходил, не выкобенивался. И пережил многих.

— Во-от, вот он — Николай Спиридонович! — Иван, его, Николая Спиридоновича, внучек, показывает мне фотокарточку, добросовестно сделанную старинным профессионалом на хорошей фотобумаге (поляроидные снимки сохранятся ли столько?). — Помню! Как же деда забыть. Все демьянские. Да! Там сейчас Правдинское. Салманов в честь «Правды» назвал. Наши родичи в Петуховке жили. А сельсовет в Демьянском. По селу Петуховка текла, от нее и деревня. Петуховка в Малую Демьянку, та — в Демьянку, а Демьянка уж — в Иртыш. Как жизнь: ручейком, а потом глыбким омутом. По матери родня местная, демьянская. Дед Василий в колхоз не пошел — раскулачили. Дом описали, самого — в трудармию. Да! Забрали — и с концом. Сгинул. Бабушек и не помню, заболели от такой жизни и померли.

У деда Николая Спиридоновича четверо сыновей было и дочь. Отец самый младший. Ото всех братьев отличался: они русые, он — чернявый. Погиб. Один дядька, что в Мурманске воевал, в тяжелой береговой артиллерии, жив пока...

Отец что же? Призвали в 38-м и не видели больше. А мать... О! Дед Василий строгий был. Жестокий. Да и времена-то тогда и нравы были еще те! На меня вот обижаются иногда: тоже, мол, в деда. Но ведь нельзя же совсем распускаться. Конечно, раз на раз не приходится. Да ведь в чужую душу не влезешь. Выгнал, короче, дед Василий свою дочь, мать мою, Лукерью Васильевну Узину. Не обвенчались раз — неси свой крест, как Господь сподобит...

Я держу фотокарточку, молчу и думаю, сколько раз мы встречались с Ваней Ждановым. Бывало, в нерабочей обстановке, но все разговоры вели про работу, про буровицкие технологические тонкости. Случалось, о кино, книгах, фото. Он же фотографировал слегка. Да и кто в молодости, если уж стихов не писал, не пробовал фотографировать? Хочешь разорить родителей — проси фотоаппарат, ходовая присказка. А, взрослея, отпадали и от того, и от другого.

Кто же ты, Ваня, если коснуться тебя с этой стороны? Поэт? Фотохудожник? Или буровик до мозга костей? Строгий, как дед Василий, наставник, моралист, дед? Или все же нераскрывшийся лирик, как на этой фотографии с гитарой, так похожей улыбкой, обаянием на Сергея Есенина? Русское лицо, и таких по Руси тьма и тьма. Но несут они свет и свет.

... Помню, приехал на практику после ГПТУ некий Шевченко. Этакий, с сизоватым отливом, саженец кукурузы. Белые ночи нравятся, а заморозки по утрам — нет.

И вскоре примчалась его мамаша: не климат мальчику! Справки всякие предъявляет. Вызвал парня с буровой. В моем кабинете встреча: в чем дело? Будущий буровик извиняется: погорячился!

— Это я, мама, по первым впечатлениям жаловался. А сейчас я в вахте бурильщика Ивана Алексеевича, и мне работа нравится. Жданов строгий, но справедливый и настоящий мастер!

Мамаша успокоилась, а сын доработал до окончания практики у Жданова.

Держу я фотокарточку, на которой улыбчивый молодой Ваня Жданов с гитарой, и удивляюсь:

— Не ожидал! Когда ж ты на гитаре намострякался? Чувствуется, не для виду держишь.

Кидает чуб распадом Иван Жданов, совсем по-молодому. Щурит жесткие, с кошачьей крапинкой, серые глаза в белесых ресницах. Чуть пыхтит: нравится, чувствую, ему рыться в архиве, искать дедову фотокарточку.

— Ей-бо, была. Помню. Люда, не в зеленом ли альбоме? Ну, точно. Вот, дед с усами. Похож на Сталина? Усы не усы, а брови точно. Да дело не в этом. Строгий был дед, но справедливый.

Людмила Михайловна в свое время была дружна с моей женой. Пока Иван Алексеевич в охотку подшевеливал картошку, я рассказывал ей «как» и «что» у подруги. Но вот хозяин отставил тяпку, снял штормовку и, как бы подводя итог разговору, шедшему в комнатах и продолженному мысленно во время работы, негромко, но веско сказал:

— Если на одном месте жить, куда он денется, родовой корень. Тут будет, возле дома. А что Демьянское, что Ваховск — на одной широте, жить можно. Все растет, все цветет. Урожай дает. Не скажи бы нам в школе, что это Сибирь, и не знали б. Знаем одно — родина! Родина наша, детей наших, внуков. И правнуков — может, и до них доживем.

КОНЕЦ – ВСЕМУ ДЕЛУ ВЕНЕЦ

— Бурение. Без него скважины не будет. А испытание? Без испытания — нефти не будет, месторождения, то есть открытия не будет! — лукаво улыбаясь одними глазами, словно подслушав наш разговор с Гаевским, говорит опытный освоенец, досконально знающий весь цикл строительства скважины, Леонид Куприянович Коренчук. — не зря ж народ говорит: «Конец — делу венец». Правда, сейчас венцом можно назвать не испытание, не освоение скважин, даже не эксплуатацию, не добычу, а когда за сданную нефть денежки переведут и зарплату выдадут. — Тут он позволил себе сдержанно улыбнуться.

Родился Леонид Коренчук 8 марта 1944 года в селе Лажева Хмельницкой области в семье селянина Куприяна Савельевича Коренчука. Село большое, дворов 400, только в семилетку 120 детишек бегало. Семьи тоже большие: семеро — у Коренчуков, у соседей — десять детей.

После школы Леонид окончил техучилище, получил специальность машиниста подземного электровоза, в Кадиеке проработал три года. Семья в 1961 году переехала в Казахстан; туда же после армии вернулся и Леонид. В 1965 году женился. Работал электромонтером на ЛЭП. Вскоре связал свою жизнь с геологоразведкой: сначала в Волгоградской геологоразведочной конторе, затем, в 1973 году, в Вахской экспедиции. Работал слесарем в буровой бригаде Валерия Щастного, затем бурильщиком, машинистом подъемника в испытании, мастером по испытанию. В 1983 году окончил Саратовский геологоразведочный техникум. У него двое детей. И уже дед. Имеет огород, подворье.

— Так кто ты сейчас, Леонид Куприянович, селянин или геолог? — подначиваю Коренчука. — Нефтеразведчик ты или фермер?

— Жизнь сейчас такая, — смеется нефтеразведчик-селянин, — универсалом надо быть, готовиться к испытаниям. — Искрятся в темных ресницах ореховые глаза. — Мы скважины испытываем, а нас, в свою очередь, жизнь испытывает и время.

— Но приток будет? В смысле результат?

— Это уж от каждого зависит: каково дело, таков и венец.

СЕМЬЯ «МЕТАЛЛИСТОВ»

В одном из революционных фильмов киногерой был в прошлом металлистом на одном из питерских заводов: работал с металлом. Был он кряжист, симпатично круглолиц, с сильными руками и лукавинкой в глазах. И название профессии понравилось мне, и киногерой — типично русский работяга.

И когда я увидел впервые Владимира Алексеевича Налобина, мне и вспомнилось это слово — металлист! Как оказалось, так оно и было: он всю жизнь имел дело с металлом.

Окончив ремеслуху, Владимир Алексеевич почти девять лет отработал на Тюменском судостроительном заводе, затем снова «железная» работа на Севере: слесарем, вышкомонтажником, турбинщиком в Шухтунгорте, Ваховске.

Зоя Афанасьевна, темноглазая блондинка, с изящно-капризным рисунком губ, выпускница машиностроительного техникума, в 66-м году, на станции Егоршино, на вечеринке у подруги встретила и покорила сердце отпускника-северянина, недавнего подводника, Владимира Налобина, и в том же году сама стала северянкой.

До меня, и при мне, и после отдел главного механика экспедиции держался на ней — Зое Афанасьевне.

Менялись главные механики, главные энергетики, Зоя Афанасьевна была в ОГМе всегда.

Естественно, что она знала как никто буровое оборудование и прочую технику и связанное с этим непростое бумажное хозяйство.

— Скучно это или наоборот, — спрашиваю я чуть изменившуюся Зою Афанасьевну, — когда оба — «металлисты»?

— Да уж! — смеется она чуть хрипловато и гортанно, потянувшись к окну и замерев в раздумье: какой срезать огурец для салата, — дома неужель не о чем другом поговорить? Мужу с женой-то? А?

«Да уж... — подумал я, глянув искоса на ее тень, — тут только про скань и финифить и говорить, — ежели о металле речь вести, а то и молча полюбоваться».

— Конечно, сейчас в жизни неопределенность появилась, — говорит рассудительный хозяин. — Но ведь раньше по-всякому жили. Вот военное время взять... — Владимир Алексеевич ласкает свою круглую голову широкой ладонью. — У меня

старшая сестра — Феоктиста Алексеевна... Имя-то какое! Сегодня назови так — засмеют. А за что? Феоктиста и Феоктиста. Ну. На пароходе она работала. Пароход-колесник, конечно. Матросом работала. И вот: чтоб меньше матери моей ртов кормить, взяла меня Феоктиста с собой на всю навигацию! Мне восемь-девять лет было. Кое-че соображал уже. Вроде юнги был: подай-принеси. И ведь — что? Хлопот от меня было больше, а не помощи. Тонул. Да, не раз. Но старался, сколь силенки позволяли. Да. Ведь главное, что? Кормили! Чем уж — другой разговор. Но досыта. А потом нас ледостав поймал — зазимовали. Да зазимовали в глухих местах. Землянок нарыли — выжили. Пароход и баржу выморозили, сохранили. Все бы ничего — в школе класс пришлось пропустить. Вот что обидно. А так...

Владимир Алексеевич ерошит свою будто стружкой ЛБТ присыпанную круглую голову, и так хочется увидеть на его руке эту — из катаевского «Одинокого паруса» голубоватую наколку-якорь или витиеватую надпись «Не забуду Вах», но их нету.

— Десятилетку после службы заканчивал, в Тюмени. В Уральский политех поступал. Срезался — на Север подался. И вот до пенсии дожил...

Интересно. Мать, когда на пенсию пошла, дали ей восемь рублей. Но ведь тогда и цены были... Нашу пенсию пересчитать по нынешним ценам, на то и выйдет. Но ничего. В баньку не желаете? Банный... Банный день! Но-овая баня. Поселковая: своей не имею. Мал огородик: на окне больше выращиваем...

Понятно, металлисты — горожане по натуре.

МЫ ВСЕ — ОДНОВАХЧАНЕ

Кареглазая темноволосая женщина с мягкими плавными очертаниями лица и фигурой, с сочувственным выражением — извечной русской жалью — беседует со мной.

Мы говорим о ее первом муже, Иване Анисимовиче Чешуине, трактористе экспедиции, трагически погибшем пятнадцать лет назад, и о ней, оставшейся тогда двадцатисемилетней вдовой с двумя сыновьями, о ней — Валентине Ивановне.

Конечно, несчастный случай — всегда случай. И всегда трагедия. Рок, судьба или что? А для близких — горе однозначно.

В те времена при расследовании несчастных случаев и назначении пенсий существовала система определения виновности пострадавшего и государства (через государственное предприятие). И ведь запросто определялись эти пресловутые проценты вины.

Сколько мне пришлось видеть жертв таких несчастных случаев. Сам погибай — технику спасай. В фильмах, в литературе. Воспитывалось в нас на подкорковом уровне. Поэтому и работали на неисправной или неприспособленной технике, в адских условиях. На энтузиазме. Я полагал, что и морально, и формально, мы, представители государства, должны всю вину за несчастные случаи — на 100%! — брать на себя, и, по возможности, это делал. Пострадавший, даже если в чем-то сплоховал, изначально безгрешен: ибо самим фактом несчастного случая он искупает свои и другие, прежние свои грехи.

Валентина Ивановна, в девичестве Старовойтова, родилась на севере Омской области. Определенно известно, что и дед, и бабка по матери — выходцы из Могилева, переселившиеся в Сибирь во время столыпинской реформы, что они жили хорошо: дом был полной чашей, много трудились и исправно платили налоги. Вольный воздух, чистая и свежая пища, труд от зари до зари, т.е. здоровый образ жизни, способствовали долголетию. Бабка Ефросинья Трофимовна прожила 90 лет, воспитав пятерых детей. Дед, может, прожил бы не меньше, но погиб на фронте в расцвете сил.

У будущего мужа — Ивана Чешуина — отец тоже погиб на фронте, спустя всего месяц после рождения сына.

А потом и сам Иван (хоть и не было войны!) малых деток без отца оставил...

— Познакомились-то как?

— А он в гости приехал. В Усть-Таре пожили. Ивану от Морозова вызов из Ваха пришел. Вот и приехали сюда. Точно помню: 19 августа 67-го года, 27 лет назад. Остановились у Петра Козлова. Потом, из-за комнаты, я техничкой в школу устроилась. Смолин тогда директорствовал. Вы ж застали его? В комнате при школе жили. А позже Иван от экспедиции квартиру получил.

Сыновья уже взрослые. Николай в экспедиции, Владик в коммерческом предприятии. В отца. На технике работают.

Как Иван погиб, два года вдовствовала. Да ведь мальчишкам отец нужен. Потому, когда посватался хороший человек, — да вы его знаете, Александр Щелконогов, — вторично замуж вышла. Александр Ивана хорошо знал и детей его принял по-отцовски. Потом дочь родилась. Надежда. Да, символическое имя. Живем с дочерью Надеждой и с надеждой вообще хорошо, счастливо и долго. Сама, видите, в гостинице тружусь. До пенсии бы дотянуть: с работой в экспедиции проблема. Но надеюсь. Да. С надеждой. Как и все одноВахчане.

ОТКРЫТИЯ — НА ДОЛОТЕ

— Открытия — у буровиков на долоте, — Иван Николаевич Гаевский произносит эту расхожую фразу свежо и убежденно, как только что рожденную.

— А что, не так? — улыбается, сверкнув золотым зубом. Истинный буровик-патриот.

Фигура у него убедительная: крепкая голова в ранней седине по-борцовски уверенно сидит на покатых плечах.

«Вот уж кто заматерел так заматерел», — невольно отмечаю я.

Родился Иван Николаевич 16 апреля 1957 года в городе Ишимбае. Отец его, Николай Иванович, 1932 г., был выселен вместе с татарами из Крыма. Дед Иван, в честь которого он был назван, пропал без вести. Бабка по отцу, Мария Христофоровна, гречанка, после освобождения Крыма от фашистов, прикладом по спине получила от энкавэдээшников. Мать, Любовь Ивановна Мохова, воспитывалась в Башкирии в детдоме. У Ивана две младшие сестры. В Ишимбае он окончил школу, затем нефтяной техникум, там же женился. До армии успел полгода поработать в Мегионском УБР. Служил в Войсках ПВО. После демобилизации проработал немного в МУБРЕ, а в феврале 79-го приехал в Ваховск.

В экспедиции Гаевский некоторое время работал в конторе. Заметив, что бумажная работа не по нему, я дал ему возможность потренироваться бурильщиком, а затем перевел в буровые мастера. Опыт и известность как буровой мастер он приобретал уже без меня. Когда через несколько лет мы встретились с ним на Бахиловском месторождении на аварийной скважине, он уже был знающим себе цену специалистом.

— Забой! Вас только забой и интересует, — жестко разговаривал он с кем-то из своего начальства. — А мои заявки выполнять будете? Или тяжеловесы завезли, трубы и цемент — все само будет крутиться? У меня несколько десятков наименований мелочевки заказано, когда отгрузите?

Я напомнил ему тот разговор. Смеюсь:

— Теперь с тебя мастера требуют.

— С меня, с меня, — сверкает золотым зубом, крутит головой Иван Николаевич, начальник ЦИТС. — Стараюсь! Ведь открытия — на долоте! Долото — лучший геолог!

НАМ МАЛО НАДО: ВОЗМОЖНОСТЬ РАБОТАТЬ И ЗАРАБАТЫВАТЬ

В начале 1975 года, заступив в должность главного инженера Вахской экспедиции, я вскоре обратил внимание на шустрого, любопытного, худощавого помбура с резким голосом и характерным движением руки, подчеркивающим смысл сказанного.

— Кто таков? — поинтересовался я.

— Рахматуллин Рашит Фаритович, — пояснили мне. — Молодой специалист. После Ишимбайского нефтяного техникума. Женат. Имеет дочь. Кстати, призывают в армию.

Поговорил я с ним и женой его о любимой сердцу солнечной Башкирии, нашли какие-то точки соприкосновения душевного. На прощание пожелал ему легкой службы и возвращения домой — в экспедицию. Не прошло и месяца, как он снова появился у меня в кабинете.

— Армия сказала, что обойдется пока без Рахматуллина, — пошутил Рашит. Вскоре мы с А.Я. Вырвыкишко назначили его и.о. бурового мастера в бывшую бригаду В.В. Щастного, ушедшего в Карскую экспедицию. А ведь в то время у нас на рабочих должностях работали выпускники Тюменского «индуса». Но они были инертны, интереса к профессии буровика не проявляли, и на их фоне Рашит выделялся.

Но горяч, горяч оказался молодой мастер! Чуть что — отсылал людей «в распоряжение экспедиции» с буровой. Конечно, сейчас Рашит Фаритович так не делает. В распоряжение объединения, например, никого не отправляет. Сейчас он, наоборот, сам воспитывает. Жизнь есть жизнь. Тяжело к ней привыкать, но еще тяжелее сохранять интерес к ней. Сохранившееся любопытство и не позволяет ныне при серьезном недуге не терять жизнерадостности и работоспособности. И заставляет подставлять жилистые плечи под нынешние нелегкие экспедиционные дела.

Рашит Фаритович Рахматуллин родился в селе Кусяпкулово Ишимбаевского района Башкирии. Это уже почти степь. На горизонте в жаркий июльский день голубые, плывущие в мареве абрисы шиханов.

Отец Рашита, Фарит Хабибович, с пяти лет сиротой жил. Но не пал духом, чуть выросши, — это-то и примечательно! — уехал не в Уфу или Казань, а в Москву. Устроился со време-

нем на работу. И сирота стал помогать, пусть по мелочам, другим. Кому устроиться на работу, кому что. С чего начинается подвижничество? С мелочи. Но систематически осуществляемой. Так мне кажется.

Чтобы понять сына, надо понять отца.

Почему отец уехал в Москву? Обидели в родных местах. В Москву уехал искать правду.

В этом ключ к экстремизму молодого бурового мастера (и не называемых здесь «подвигов» молодости). Вот когда можно существеннейшее достижение перестройки оценить: восстановление ответственности отца за сына. Отец — в любой ситуации отец, сын — всегда сын, если хранит честь своей фамилии, приумножает славу ее и достоинство.

Фарит Хабибович при основании «второго Баку» начинал в Ишимбае буровым рабочим. Прошел все рабочие места на буровой, в том числе бурильщиком. В инструкторской вахте работал, т.е. в вахте высшего пилотажа. Когда сын стал буровым мастером, он прилетал его проведать. Был сентябрь 1976 года, и мы свозили его на буровую Р-90 Кыс-Еганскую — к сыну...

В те времена, когда план делали партком, профком и начальник, а заваливали главный инженер и его службы, по крайней мере, у нас в Главтюменьгеологии так считалось, — главные инженеры менялись как перчатки. Ваховская экспедиция в этом отношении нехарактерна. За тридцать пять лет на девять начальников приходится двенадцать главных инженеров и шесть главных геологов. Однако, если учесть, что почти половина этого срока приходится на нас с Рашитом Фаритовичем, то данный тезис в последнее время к Ваховской экспедиции был неприменим. А сейчас и вообще устарел! Нет уже ни Главтюменьгеологии, ни всемогущих парткомов, райкомов, обкомов, ЦК. Времена меняются, приходится перестраиваться. Рашит Фаритович, уже будучи главным инженером экспедиции, окончил нефтяной институт заочно. В послепарткомовские времена побывал в зарубежных командировках. Смотрел, запоминал, учился.

— Спрашивать не стеснялся? — напоминаю ему о молодости.

— Нет, — смеется он. — Спрашивать пока не стесняюсь.

— Как сейчас работать — легче? Не мешают? Не лишают премии, как помнишь, меня за бартер типа дизтопливо — сварочные электроды? За горизонтальные связи с соседней областью?

— Нет. Сейчас другие проблемы: финансирование. Государство геологам обещает мало, но и обещанного не дает. Крутимся, ищем подрядчиков, заказчиков. Работать мы можем. И нам мало нужно. Работу. И плату за нее.

И хотя разговор у нас с начальником Вахской экспедиции Рашитом Фаритовичем Рахматуллиным закончился на такой, будем говорить, прозаической ноте, эти заметки о нем я бы хотел завершить своим стихотворением «Буровик»:

В моей работе что-то есть
от снайпера и от сапера.
Терпенье — это до упора.
Везенье — нужно приобресть
упорством, а не разговором.
Сомнения — проверь и взвесь!
Злость — на расхлябанность и спесь.
Страх — невозможности повтора
Всего, что было, будет, есть.
Надежда, что еще не скоро.
Любовь — она всему опора.
Работу завершает честь.
В моей работе есть все это.
И вдохновение поэта.

КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ...

С Валерием Викторовичем Агаповым я встретился в марте 1975 года в Ваховской нефтеразведочной экспедиции, куда был переведен главным инженером. Я уже в основном познакомился с аппаратом экспедиции, когда он прилетел из Тюмени на арендованном самолете АН-2 с дефицитной мелочевкой. Начальника в конторе не было, поэтому он пришел ко мне доложить, а заодно и представиться.

Выглядел Агапов — что надо! Представьте себе светлоглазого брюнета, с мороза, в ондатровой шапке, в меховом полушубке с ослепительно белым цигейковым подбоем, в изящно сидящих собачьих унтах. С веселым, дерзким взглядом, с усмешкой удачника на чувственных губах... С красивым, сизоватого отлива, подбородком и чуть вздернутым правильным носом... Одним словом, красавец мужчина! Чуть выше среднего роста, стройный, широкогрудый, с крепким — осторожным — рукопожатием. И голос командирский: звучный, с сипотцой, хотя он-то порой и подводил хозяина — срывался на фальцет...

Нрав у Валерия Викторовича оказался общительным; у нас с ним довольно быстро установились уважительно-дружеские отношения. Многие наши жизненные позиции оказались схожими, хотя иногда и различались, и мы достаточно жестко и бескомпромиссно спорили.

Установлению неформальных контактов способствовало то обстоятельство, что почти полгода я «холостяковал» и жил в гостинице в двадцати шагах от конторы и рации: я практически дневал и ночевал на работе, входя в курс экспедиционных дел. Кроме того, в то время внедрялись новые правила безопасности в нефтегазодобывающей промышленности (ЕПБНГДП), и нужно было переделать сотни инструкций по технике безопасности и по видам работ и профессиям. К этой сверхурочной работе я привлек всех руководителей служб и главных специалистов... Я понимал: у них семьи дома, дети, жены... Но и они понимали: нас уже начали «топить» инспектирующие организации (их, я подсчитал как-то, было более тридцати пяти!), одни штрафовали, другие накладывали пломбы... Поэтому никто не протестовал против «сверхурочных». Но особенно доставалось нам с заместителем по технике безопасности: основную часть этой дурной работы приходилось делать нам с ним...

Позднее я об этом напишу так:

Было дело — писал инструкции!
На работе — куда без них?
Подвергался не раз обструкции
от начальства за белый стих...

Другой раз, обалдев от бумажной работы, шли мы с замом на рыбалку, а затем варили ушицу в гостиничой кухне.

На ушицу к нам частенько заглядывали все кому не лень: выходные командиры вертолетов, занятые неурочной работой «офицеры» (так с легкой руки начальника — хотя на самом деле рука была и в прямом, и в переносном смысле тяжелая — звали мы участников планерки: руководителей подразделений, служб).

Заходил нередко и Валерий Викторович: началась навигация, и грузы приходили в самое неподходящее время. Пирс у нас был под один лихтер, и часто приходилось разгружаться по всей излучине Ваха возле поселка. Своего плавкрана не было, и приходилось проявлять чудеса изобретательности при разгрузке тяжеловесов, используя только краны КП-25 и АК-8... Непростое это дело, мне лично приходилось убеждаться! Связывали Агапова с моим замом и партийные отношения: оба периодически избирались то секретарями, то членами бюро, а то и в вышестоящие комитеты входили... Так что за ушицей они могли обсуждать и партийные дела. Эти импровизированные обеды или ужины не обходились без «четырнадцати капель» (в ходу было и «пятнадцать грамм»)...

В неформальном общении человек раскрывается гораздо быстрее, чем за годы служебного контактирования. Вскоре я узнал, что у Агапова было нелегкое детство и одинокое взросление. «Ты без отца рос, старик, — говорил он мне как-то летом, — а я фактически еще и без матери! Дед Антон и бабка Маня — вот мои родители...»

Душа у Валерия Викторовича была по-русски нараспашку: добрая, жальливая... Темперамент взрывной; мог он также по-кавказски, ради словца, ради шика, и пыль в глаза пустить... Была в нем и цыганская наглинка... И многое другое, чего во мне не было. Нас потянуло друг к другу: он, видимо, находил во мне нечто, чего ему не хватало. Понимание этого, возможно, пришло к нам не сразу. Но когда я уезжал из экспедиции в

объединение, он на вертолетке, «на посошок», мне сказал: «Старик! Мне бы образование... да мы с тобой в тандеме — чего бы мы с тобой только в тандеме не сделали!» Я часто вспоминал его слова, когда началась перестройка: «Эх, был бы жив Валерка, разве б я на пенсию ушел! Точнее, разве меня бы «ушли»?!» В нашем тандеме я был «рулевым», а он «крутил педали»... Или: я, как говорится, генерировал идеи, он их воплощал. Конечно, «идеи» — слишком высоко, но нечто вроде этого. Было — и не стало...

(Еще в самом начале моего «сибирского» пути в Сургуте, в 1962-1963 гг., был у меня такой же сердечный друг Мишка Савин, капитан теплохода «Академик Зеленский»... С ним я также, без менторства, делился тем, что имел, и в первую очередь — знаниями! И Мишка, и Валерка впитывали их жадно, без стеснения, забывая иногда про налитый всклень стакан! И когда ихнее, привычное окружение пыталось отторгнуть их от меня, я их не корил и зла не таил, когда они возвращались ко мне... «Замнем для ясности!» — говорил им я в ответ на оправдания).

За шесть почти лет совместной работы в экспедиции, в разных его ипостасях, есть много эпизодов или событий, связанных с Валерием Агаповым, которые мне хотелось бы вспомнить. Я расскажу о двух из них.

Осенью 1975 года начальник впервые (а затем систематически) возложил «завершение подготовки к зиме» на своего первого заместителя — главного инженера, а сам ушел в отпуск: был заядлый охотник! Так я стал осенним многомесячным «двоеженцем»: разница в окладах у нас небольшая, и, как говорили трудовики, «не положена»: поэтому две должности я исполнял за обычную свою зарплату. А затрат, представительских много: одни знамена привозили, другие — увозили. Начальники инспекций приезжали...

Эпизод первый.

5 ноября 1975 года. Вечером — собрание в клубе, посвященное годовщине революции. Навигация закрыта. ГСМ приняли под «завязку»: есть бензин для МИ-4, керосин для МИ-8 и МИ-6, а также транспортное дизтопливо и буровое, и бензин для ЗИЛков и «Уралов»... Проблем нет?

Есть проблемы!

Звонит начальник ГСМ Галина Михайловна Лебедева: протек семисотник с бензином Б-95... «Принимайте меры!»

Я в панике: никогда не было такой вводной! С ВМ имел дело, там знал, что делать. А тут?..

Агапова воспринимаю как ангела-хранителя!

Понял он мое состояние или нет, не знаю.

— Шеф! — говорит он. — Дело такое, что заставить никого не можем. Придется самим... варить...

— Да ты видел, как я варю? Я ж не варю, а — ... А тут... Сколько метров резервуар в высоту? Видишь: атмосферы! давление!

— Шеф, — выслушав мои сентенции, говорит Агапов, — варить будет Александр Павлович Лебедев, Галины Михайловны муж. Че ты думаешь, впервой? Обычным хозмылом затрешь — терпит! А тут — не хочет: течет... Мы с тобой — для гарантии, вроде заложников... Ну? Это погибать, так с музыкой! То есть с начальством... А?

...Если Агапов — черный, то Лебедев — аспидно-черный! Неразговорчив Александр Павлович Лебедев, неразговорчив! А и говорит — скрипуче, с ленцой.

Течь — по сварке боковины с днищем («шабашники» ставили! Под днище лежку добром не сделали, потому и «тянет» куда-то...) Смотрим — сколько бензина вытекло. Вероятную зону растекания припорашиваем привезенным бентонитом. Притаптываем. Сыплем желтоватый, будто весенней вербы пыльца, бентонит на потек — тут же он волгнет, будто вата на ране...

...Выбрали на складе все самое лучшее, чтобы не заискрило: кабель сварочный, обратный кабель... Электроды — на усмотрение Александра Павловича. Удалили лишних...

Имел я раньше дело со взрывчаткой, имел! Но там, если что, — пух и перья... А тут — загореться можно, принять аутодафе...

Только Александр Павлович зажег дугу, от ее очага побежали синие змейки. Мы столько сыпанули глинопорошка, что и дуга «сдохла»!

— Черти! — рыкнул уважительный Лебедев. — Вокруг смотрите — если топливо побежит... тогда присыпайте... Тут горит, не страшно... Лишь бы с тыла не полыхнуло.

Страшен не сам бензин, страшны, взрывоопасны его пары, точнее, воздушная смесь их... В детстве еще я видел этот шоферский фокус: горящую спичку в ведре бензина гасить... Но

бензин должен быть холодным и — чтоб день нежарким был... И — чтоб ведро всклень налито... Иначе с хлопком, с огненными брызгами! полыхнет, как у того незадачливого салаги-шофера сам едва не сгорел!

Приноровились. Ровно, с шипящим потрескиванием, мерцающим, молниевым отблеском горит электрическая дуга. Спекает бентонит остывающий шов. Молчим. Только когда Александр Павлович меняет электрод, обмениваемся короткими репликами.

— Ну, кажись, все! — Александр Павлович снимает щиток. — Холера! Как ни хворала, а дело прошлое, умерла, кажись! — и смеется хрипловато, скупо.

Александра Павловича я знал как заведующего центральным складом, а он, оказывается, еще и классный сварщик!

— Он же у нас всю жизнь в монтаже сварным работал! Любые швы варил! — Агапов любовно приобнимает невысокого Лебедева. — Что бы я без тебя делал, а Александр Палыч?

— Да уж, дело прошлое, Викторыч, не знаю, как будешь рассчитываться: в долгах как в шелках! — Лебедев смеется, обнажая ровные зубы, и достает сигареты.

— Ты что? Курить на складе ГСМ? А техника безопасности? — строжась, останавливает его Агапов. — Галина Михайловна ж увидит!

Мы дружно хохочем и закуриваем. Потом собираем кабели, грузимся в ГАЗ-66 (Агапов за шофера) и отвозим все на склад Лебедеву. Галина Михайловна остается понаблюдать за ремонтным швом.

Так, пропахшие бензином и припудренные бентонитом, идем проводить торжественное мероприятие: мне по традиции надо делать доклад и вручать грамоты и ценные подарки победителям соцсоревнования в честь 58-й годовщины Великого Октября...

Так совпало, что по разным причинам уволились или перевелись к этому времени ведущие специалисты: заместитель начальника экспедиции, начальник ПТО, ОК — в связи с окончанием трудового договора; моего заместителя по технике безопасности по решению горкома КПСС направили в РГТИ; главного бухгалтера забрали «наверх», а с нею и мужа — бурового мастера... Старший механик по буровому оборудованию уехал... Старший геолог, технолог... Бурильщики... Дизелисты. В прин-

ципе ничего необычного: семейные люди из таких медвежьих углов, как наша экспедиция, приезжали-уезжали в навигацию, на ВТТ «Антонин Зырянов». Хуже было то, что теперь к нам добрых специалистов перехватывали буровые организации Нижневартовска, до нас добирались как бы отсевки — мы и им были рады. Впрочем, приезжали и любители дальних мест...

Но работа в экспедиции худо-бедно шла и при таком некомплекте ИТР. «Нехай свою зарплату отрабатывают!» — отклонил мое предложение начальник: я советовал перевести нескольких техников, инженеров и механиков с рабочих должностей на итээровские и за счет этого некоторых «офицеров» повысить в звании.

Проконсультировавшись с кем нужно, я на одной из первых своих планерок сообщил о своем решении сделать передвижки и заключил:

— Но и вы, хлопцы, должны увеличить «обороты» пропорционально увеличению вашего статуса и оклада!

И отдачу от этого приказа «О замещении вакантных должностей» я почувствовал сразу же: у людей вдохновение в работе появилось!

Валерия Викторовича Агапова я назначил и.о. заместителя начальника экспедиции.

Мне передавали, что начальник недоволен моими действиями и назвал их «культурной революцией». Впрочем, мне он после возвращения из отпуска сказал, что «правильно, своих надо двигать», и большинство моих назначенцев так затем и продолжало работать на новых должностях. Правда, Агапов был понижен: он работал потом начальником БПО при двух заместителях, приглашенных начальником (и с одним, и с другим мне работалось не так продуктивно, как с В.В. Агаповым, не в обиду им будет сказано).

Эпизод второй.

Мартовское воскресенье. С утра отличная погода. На базировке три вертолета, но один уходит а Нижневартовск, с ним я прилетел с буровой; в поселке погода уже портилась, но перекрытия полетов еще не было. Прямо с вертолетки я прошел на рацию: посмотрел сводки, переговорил с некоторыми буровыми, домой направился — пуржит вовсю! Снежный заряд, как у нас говорят. Слышу: вертолет «по-душмански», без кругаля, при-

землился и турбину вырубил, поскрежетал ротором и затих. «Значит, погоду закрыли!» Подождал экипаж: точно! А где, спрашиваю, третий борт? В Ларьяке, отвечают, дали ему ночевку. Хорошие ребята! Попрощался с ними тепло и — домой. Только переоделся — Агапов звонит:

— Старик, разговор есть!

Встретились в конторе. Он тоже только подлетел: был на подбазе.

— Похоже, мы вляпались! — хмуро говорит он. — По моим сведениям, сегодня завозили рыбаков. А куда и сколько человек, есть ли дети — неизвестно... И мой Виталька, похоже, с соседом там.

Стали прояснять ситуацию. Рыбаков, выяснилось, завозили. Но куда? И сколько? Знает только «маршал авиации» (старший инженер по использованию арендованного авиатранспорта), а он находится на вертолете МИ-8, «заночевавшем» на запасном аэродроме... С бортом связаться даже через авиаотряд не удалось. Дежурил по экспедиции старший геолог, он же предразведкома, говорит, что понадеялся на «маршала»; да и начальник с ними до Охтеурья вылетел (начальник был уже другой — не охотник).

Положение казалось безвыходным.

— Знать бы, что одни взрослые там, можно бы тоже, как начальник, пойти «винку» пить, но ведь у нас мелюзгу на подводный лов берут иногда, вот беда! — стукнул я в сердцах по столу.

— Пошли, шеф, в пилотскую, — предложил вдруг Валерий Викторович севшим голосом.

В пилотской гостинице было тепло. Экипаж пообедал и, переодевшись в цивильное, отдыхал. Командир значился одновременно и комэском, у него, знали мы, были широкие допуски, и он не раз уже нас выручал. Но не при такой погоде и не после того, как сообщил в АДП «ночь». Разрешение на вылет им бы никто не мог дать в пределах всей Сибири, мы это понимали. И если разговор о спасении наших рыбаков, то было понятно, что мы их провоцировали, с одной стороны, на подвиг соучастия, с другой стороны — на служебное преступление...

Ситуацию обрисовал Агапов. И когда он дрогнувшим голосом сказал, что и его сын, видимо, там, комэск обратился к

своим: «Ребята, как?» — и, получив их молчаливое согласие, сказал нам просительно:

— Только, Николаич?.. Викторыч?.. Чтоб — без афиши! Уж постарайтесь... Пилотскими книжками рискуем...

После этого стали обсуждать, где искать рыбаков. Решили, что скорее всего — на Окуневом озере...

Летели мы в молочной мгле скрытно, как крылатая ракета, повторяя рельеф местности, почти над самыми вершинами таежных массивов и грив, без выхода в эфир...Агапов сидел в кабине и вместе со вторым пилотом корректировал маршрут. Глаза у него были зоркие, и местность он знал великолепно. Я, стоя за его спиной и спиной бортмеханика, пытался тоже что-то рассмотреть, чтобы сориентироваться в пространстве, но — тщетно, одни размытые силуэты...

— Васильич! — дернулся к командиру Агапов. — Вот они! Правее!

И правда: справа по курсу в белой мгле мреяли шевелящиеся темные точки...

У меня до сих пор хранится список вывезенных с озера, среди них — шестеро пацанят, в том числе первоклашка. Список карандашный, не на бланке, а на барографной диаграмме. Если бы не Агапов, едва ли бы этот список появился. И кто знает, чем бы завершилась эта рыбалка!

«Маршала авиации», прилетевшего на следующий день по морозцу, я разжаловал в «рядовые». «Дорого мне эти «чоботы» обошлись!» — сетовал он позднее, когда кто-нибудь с подначкой спрашивал, где он купил такие шикарные туфли, — за ними-то и летал он в этот злополучный день аж в самые Корлики, злоупотребив служебным положением.

Авиация авиацией, но без зимников и малых речек, то есть без наземного и водного транспорта, мы, нефтеразведчики, ничего бы не смогли сделать: каждая скважина требовала сотни и сотни тонн грузов!

Пробивка и проминка новых и старых зимников, проводка караванов, баржонок и наливушек по полой воде по таежным речушкам, когда дорог и решающ каждый час в верховьях половодья, — все это было полем деятельности начальника БПО Валерия Викторовича Агапова. Нужна была его взрывная неуемная энергия, нахальная, «арапистая» его коммуникабельность, чтобы уговорить не только своих подчиненных, но и «арендо-

занных» — водников, авиаторов, — делать, казалось бы, невозможное...

В выходные, в праздники, иногда и в будни для конторских мы устраивали «производственную гимнастику»: уборку территории вокруг конторы экспедиции, ремонт тротуаров, бетонирование вертолетных площадок на вертодроме, расчистку снега для намораживания переправы... Ну и, конечно, разгрузка баржсамоходок осенью: картошка, капуста, мука, консервы, водка, вино... промтовары и прочее (на всю зиму!)

На таких общественных работах очень наглядно прорезывается характер и человеческая суть каждого: Агапов проявлялся во всей мужской красе! Раскрасневшийся, потный, веселый! Таким и помнится он мне.

ВАЛЕНТИН КАДЕЕВ
ИЗ РОДА ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

Темным и вьюжным вечером 75-го года по только что промятому зимнику я приехал к вышкомонтажникам на новую площадь. В тот год мы вели работы на четырех площадях и выходили еще на две новые. Балков и техники не хватало. Монтажникам поэтому приходилось рубить и для себя, и для буровиков на лесистых «точках» даже не балки, а избушки на санях, похожие на таежные охотничьи зимовья.

Заходим в ближний. В балке людно, жарко: у толстостенной сварной буржуйки рдеют бока. Яркий свет от лампочки-двухсотки рассеивается в молочно-голубых слоях табачного дыма. Монтажники сидят группами по интересам. Кто чаи гоняет, кто в карты режется. Пескари-одиночки есть: один в углу (у входа) бензопильную цепь правит, другой, за столом хотя, но обособленно, пьет чай с домашней постряпушкой: он невысок, и лицо у него миниатюрное, гладко-розовое, мягкий, кудельный чубчик повлажнел, из-под коротеньких бровок поглядывают живые темно-синие глаза.

Прикончив одну витушку, он, как фокусник, откуда-то из-под себя достал другую и так же сосредоточенно, аккуратно, не уронив ни крошки, съел и ее.

Я сидел у другого края стола, прихлебывал чай, разговаривал с прорабом и механиком и угловым зрением наблюдал невольно за «сотрапезником».

Когда он извлек еще одну — свежую, словно с листа, я не выдержал и рассмеялся:

— Вы... Булочки вы под столом печете?

Монтажники оживились:

— Это у него кругооборот — как в природе! Разжевал — переварил — испек по новой! Валентин, так ведь?

Тот, кого назвали Валентином, дожевал витушку, похожую на послевоенных времен бесподобную венскую сдобу, запил чаем и только после этого негромким голосом, чуть на «о», с узнаваемым чувашским акцентом, нисколько не смущаясь, пояснил:

— Это я на ведре сижу.

Все грохнулись со смеху. Даже бензопилыщик прекратил точку пилы. Валентин, обращаясь ко мне явно знакомым взглядом, доброжелательно продолжил:

— А! Им смеяться — палец покажи! Сижу: на чем еще? Не на чем: все занято. А сидеть надо — чай поспел. Места ждать — не достанется. Вот и сижу на ведре. А в ведре — запасы: женины подорожники! Дала в дорогу. А в ведре — чтоб не сохли. Они — что понимают? Им — пожрать мяса надо. Да поржать... Э-э-э! Шалапуды! — и махнул рукой неопределенно-презрительно, а мне заулыбался. И глаза лукаво прищурил;

— Э-э-э!.. Виктор Николаевич! Не узнал меня, совсем близко не узнал! — весело-укоризненно сказал. Помолчав, огорченно вздохнул:

— Как узнаешь?.. Столько вода утек! 63-й год было. ПартияСашка Баянов. Охтеурье тогда стоял. А жена твоя — раньше знаком еще. По Нарыкар...

— Во Валя дает! В знакомые к главинжу набивается!

— А булочкой, заметьте, как и нас, не угощает!

— У него ж все по счету: до выходного рассчитано...

— Че неправду-то говоришь? — гневно обратился Валентин к насмешникам. Он привстал, поставил ведро на стол, громыхнул эмалированной крышкой:

— Вот, кто желанье есть, — на здоровье кушай! А то человек подумает, что я жмот.

— Что ж тогда ведро закрываешь и — под свои нары? А потом пересчитываешь? Знаем тебя, Валя, знаем, да никому не скажем...

— Зачем, мужики, неправду врете? Чтоб не сохло! Чисто чтоб, чтоб — порядок!..

«Шалапуды» довольны: «завели» Валентина. Он это понимает и «глохнет»:

— Э-э-э... Шалапуды, молчать с вами не хочу, не то...

— Кадеев? — вдруг вспомнил я. — На бурстанке работал? У Баянова, да? А потом — сюда, в экспедицию? Я-ясно...

Валентин доволен: узнали его! И мне было приятно: мы не так уж много общались с ним, а выходит, чем-то запомнились друг другу и, несмотря на то, что «столько вода утек» после этого, узнали друг друга. И в этом было «нечто»: балок уютнее показался, ночь — не такой затяжной и мрачной, и перспективы с планом (чего скрывать, дамокловым мечом висели они, неподъемные планы с «встречными», чугунными блинами обязательств!) — более конкретными...

— Ну! — подтвердил Валентин Кадеев. — Тощна... Экспедиция — бульдозерю вот. Все делаю, куда поставят: механизатор широкого профиля...

Почти семь лет, пока работали в одной экспедиции, встречались мы с Валентином по службе, эпизодически, на буровых или зимниках, и как односельчане — в поселке. Но неизменно — тепло, с шуткой, с подначкой — на чувашско-русские темы. У каждого из нас были свои проблемы, но мы их не касались. Трений, насколько помню, у нас не было. Затем долгое время он мне не попадал на глаза: меня перевели в Мегион, а он работал все там же — «бульдозерил».

И вот в начале этого десятилетия (последнего в этом веке!) он встретился мне в Мегионе — чистенький, гладенький, нарядный (в меру) и крепкий — как осенний, третьего слоя, красноголовик...

— Валентин Иванович! — восклицаю. — Да ты никак молодеть начал?!

Валентин Иванович экономно, больше глазами, довольно улыбаясь (будто суеверно!), открещивается от моего утверждения:

— Куда уж нам, девкам, замуж: стареем, на пенсию отправили.

— Да на тебе еще пахать да пахать! — дружески толкаю я его налитое плечо, плотно обтянутое светло-голубой джинсовой курточкой.

— Так оно: силенка еще не убегал далеко! — соглашается он. — Список ветеран был: 25 одно место работал. Экспедиция, получал квартира. И — айда инды Мегион! — и с напевной интонацией в резковатом голосе добавил: — Рабатаю! Пахать не пахать, рабатать надо! Одна пенсия — не больна хорошо проживешь.

Встретив Валентина-нестареющего, махнул я на свои дела, и мы сидим с ним на какой-то чурбашке в тени берез, напротив бывшей моей «шараги» (березки в палец и чуть потолще, из тех, что идут на удилища, сажали густо мы весной 81-го в очередной и последний раз, и они вон как размахнулись!). Я пытаю его въедливо, дотошно, и он иногда взбрыкивает и быстро, отчетливо, будто галечки выплевывает, без акцента матерится:

— Госплан нашел! Когда был это? При царе Горох! Знал бы раз — десять забыл...

А узнал про Кадеева я вот еще что...

Род Кадеевых в деревне Резяпкино, что на севере Куйбышевской, ныне Самарской области, на левобережье Волги, поселился издавна. Места там хорошие, возвышенные, водораздельные, лесистые. И земледелием поселяне занимались, и животноводством, и лесным промыслом, и промыслом по дереву. Деревни были людные — в той же Резяпкино в 34-м году, когда родился Валентин, было дворов четыреста.

Деда Павла он хорошо помнит, бабку — хуже («Трубку курила! Зато не пила, до 90 лет прожила. Бражку ставила, ставила... Как же, кислушка. Из меда. Как же, дед бочата делал. Бортничал...»).

— Дед Павел... У-у! Краснодеревщик! Инструмент у него — богатый какой инструмент: у-у-у... Скрипка делал! Он не каждый дерево берет: осина, черемуха... Делает дерево, чистый-чистый — как бумага. Сухой, ровный... Сильно звук отдает! Скрипка! Сам видел. Балалайка не делал, скрипка! Торговал ими. Рестораны играть ездил, во! Едрит корень!

Мне было на удивление: не балалайки, а скрипки!

Дедовская способность в поколениях, с его слов, не проявилась. Жили его родители хорошо. По деревенским понятиям. Достаток давался не сам, а трудом и разумением, сметкой. Держать во дворе четыре коня мог крепкий хозяин. Пусть не стал, как дед, отец Валентина деревенским «Страдивари», но «моргунком» стал. Когда задавили налогами на тягло и хозяйство, сдал лошадей, а в колхоз не пошел. Так и оставался единоличником, это при родном брате — председателе сельсовета! Вот она, трагедия жизни в действии и развитии. Что за разговоры вели братья? Ведь наверняка просчитали возможные последствия, которые — тут как тут! — вытекли. И мать ведь должна была отцу соответствовать!

Как злостные кулаки загремели мать и отец Валентина по тюрьмам.

Было это в 1936 году. И остался Валентин в два года со старшим братом в своем доме, остальное — пашня, огород, сельхозинвентарь и запасы — было конфисковано в ненасытную общественную прорву... Жили дети своим домом, а питаться бегали к деду. И так — почти десять лет!

Но пришел и на их улицу праздник: после Победы живы, здоровы, почти одновременно: сначала мать, через неделю отец — вернулись. Мать из тюрьмы, в телогрейке. Отец — с войны, вся грудь в наградах.

— О!.. Возвращение его помню. — Валентин даже сейчас блаженно щурится. — Как счас помню! Старший сержант. Стройный мужик тогда был отец, о! Тюрьма он добровольцем фронт — Рокоссовскому. Армия Рокоссовского весь путь прошел. Весь Берлин взял. Встреча на Эльба американцами участвовал. О, какой отец! Я сравнении отцом — пацан...

...Да, можно представить его тогдашнюю радость, коли сейчас она освещает его голубые глаза лучистым огнем.

С прибытием родителей веселее стало на сердце, а на детских плечах вся непомерная тяжесть крестьянской работы в колхозе и дома как была, так и осталась.

В семнадцать лет он уже на тракторе, без «корочек». Пашет! В восемнадцать с половиной окончил школу механизации в Сызрани. По дороге домой узнал о смерти Сталина — плакал! Проработал немного после школы и снова на учебу в Лениногорск, недалеко, на курсы помощников экскаваторщиков...

— Не трудно было после «третьего» коридора?

— Не-е... — Валентин-хитрован даже возмущен. — Читать, писать умел? Умел. А остальное — во! — Он постукал по лбу возле темечка, чуть прикрытого легкой, мягкой сединой: — Тяма. Тяма есть — все поймешь. И вот! — Он выкинул перед собой небольшие, сжатые в кулаки руки и с кастаньетным прищелкиванием распрямил пальцы... — Тяма и руки есть — остальное весь твой! Начальник попал — во! Ты, говорит, парень умный, поезжай — учись!

Работал Валентин у нефтяников в Лениногорске (а я в это время на практике там был), когда пришла ему повестка в армию. Доехал до Сызрани и — отбой. Досрочно в «дембеля».

— Обидно?

— Конечно. Слов нет!

— Все из-за роста? Как в песне: «Я много в жизни потерял из-за того, что ростом мал!» Помнишь, была такая?

— Рост не мешал, совсем другой мешал! Сотрясение у меня был. Когда школа механизации учился. Это дело нашлось, и комиссовали меня.

— Как же тебя угораздило?

— Говорил же: бедным Ванюшка и у девкам комушка! Женская общага после девяти выгонял. Я холостой был — ое-ей был! Не смотри — маленький! Двухпудовку только так кидал;

трактор же работал! Какой трактор: ХТЗ-7! «Универсал!» Без сила какой тракторист?! Сильный был и веселый! Договорился девушка и полез пожарный лестница. Пятиэтажка! Второй этаж — лестница сорвался, проржавел. Такой причина и армия не служил вот. Совсем глупый сотрясение.

Так бы и работал Валентин Кадеев на татарских нефтяников, пока они не подались в середине семидесятых годов в Сибирь, но нет, обставил он своих лениногорских коллег и почти на десять лет раньше их приехал (на то и хитроумный он чуваш)... открывать для них фронт работ!

На исходе лета 1957 года услыхал он на обеде заинтриговавшее его слово «вербовщик», но виду не подал. А сам из отрывочных разговоров понял, кто он такой, и через некоторое время вышел на него и... поездом до Тюмени, с озера Андреевского на АН-2 в гидроварианте до Березово. Березовская экспедиция... Отдел кадров. Заявление. Виза начальника экспедиции: «ОК. Оформить товарища Кадеева В.И. сменным бурмастером на станок УШБТ. Подпись. И дата: 18.07.57 года».

С тех пор и работает северный «пускач», Валентин Иванович Кадеев и не глушит его на своем житейском тракторе.

Первую свою северную «десятку» оттрубил «от» и «до» Валентин Кадеев у сейсмиков.

Памятна и незабываема первая сейсмическая зима в партии Алексея Бгаевского. Хоть и Сибирь, а край — свободный! И вольный: ни прописки тебе, ни учета!

Зима — на профилях, на суше. В навигацию — речная сейсморазведка. В межсезонье — ремонт техники.

Ельбанья. Казым. Шухтунгорт. Сартынья... Базы партий. На картах в других местах нет стотысячных городов, а в этих — хоть один старик живет, да его зимовье на карте означено!

— А в водных партиях ты кем работал?

— Как что? — удивляется Кадеев. — Водомет плавал! Старшина катера! Сосьва... Все прошел! Деньгу и от флота, и от экспедиции получал, во как! Березово, речпорту, Тамару, жену, «заякорил». Украины они сами. Города Житомира. Отец ее — рыбзавода директор был.

— Из ссыльных, что ли?

— Не-е! Солидный был. Она — вон какой! Теща — тоже. Охтеурье гости приезжала, как же!

— А кем она в речпорту работала-то, что ее «заякорил»? Я все же думал, что ты ее где-то бульдозером откопал, а ты «закапитанил», получается?

Смеется Валентин экономно, жменисто:

— Так, так... Получается у меня, все получается! Мы тогда Ванзетуре стояли: аккурат 60 кэмэ Березово. Тамара речпорту столовой поваром работала...

Улыбаюсь и я:

— Ясненько! Вот откуда постряпушки-подорожнички! Вот откуда такое здоровьице...

Тускнеет Валентин:

— Десять лет старше была... Хорошая женщина! Все умела... Старше была, а хозяин в семье — я! Жалко ее...

— Что ж теперь — жить надо! Тем более, что в роду... Это правда, что ближние родичи прожили все девяносто и за?

— Обманывать зачем? Деды, бабки... Отец — девяносто, Тольятти живет... Все Кадеевы — долгожители.

...Иван Павлович Кадеев «весь Берлин прошел», сын его, Валентин Иванович Кадеев, — если не всю Сибирь, то Тюменскую ее часть — и по сеткам профилей, и по зимникам исходил изрядно со своим стальным конем, лелея и уговаривая его как живого. С фауной и флорой он не конфликтовал: обходился малым. Он из породы долгожителей.

И, может, дождется компенсации сбережений и достойного воздаяния за труды свои.

ТЕЩИНО ПОДВОРЬЕ

Прознав, что я собираюсь к осени привезти семью, соседка посоветовала:

— Ты-эт, Миколаич, заранее забей очередь к теще Головкиной за молоком-т, желающих-т к ней — мильен!

В первый свободный вечер я пошел договариваться...

Бурильщик Юрий Гермогенович Головкин жил в брусчатом серебристо-сером доме на два хозяина, построенном лет пятнадцать назад, — ровесник экспедиции. Приусадебный участок полого спускался к ручью под названием Бардаковка. Подворье его было огорожено штакетником с улицы, а от соседей — пряслами. Пряслами же огорожен и загон вокруг коровника, по-местному — стайки; на коровнике вместо крыши — сено, укрытое автопологом.

Пахнуло забытым коровьим духом: свежим навозом и парным молоком. «Смотри-ка! Другая жизнь под боком, а не только буровые, буровые...»

В просторных сенях на длинном столе разнокалиберная посуда: банки, бидончики, бутылки, фляжки, пустые и с молоком.

«Неужто столько клиентов, — подивился я. — Тогда мне не светит...»

Тут и теща Юры Головина впорхнула: подбористая, живая. Я поздоровался со всей любезностью.

— Здравствуешь, здравствуешь... — отозвалась она. — Нащет молочка? Слыхала, слыхала... Много не дам, а и без молока ребятенка не оставлю... Так! — она поджала тонкие губы гузкой задумалась. — Так... — повторила она, — пока литру выкрою, а посля, как малых привезешь, може, еще добавлю чуток...

Так беззаботно, несколько лет, по сути за символическую плату, имели мы к столу регулярную «литру», а то и две натурального, густого, как сливки, молока.

В благодарность за это я раз-другой участвовал в заготовке сена, когда устраивалась «помочь», без проволочки выделял технику, если было нужно, материалы. И когда слышал разговоры, вроде: «Че бы не держать ей три «головы», чуть че — экспедиция помогат!», — то не одергивал завистников: «А что ж сами не попробуете хоть одну «голову» завести? То-то!» Значит, и сам считал: что тут особенного?..

А на «тещином подворье» каждый год в зиму шел под нож бычок двухгодовалый. Мясо сдавалось в потребкооперацию по высоким приемочным ценам, затем часть его приобреталась хозяином же, но уже по цене почти в два раза более низкой. Такие сделки были общеизвестны и не считались аморальными.

Так вот они и жили. Юра работал на буровой, на выходных временами пил по нескольку дней и гонял тещу: «Подкулачница! Задолбала ты меня своей скотиной! Другие культурно отдыхают, а я?! Сена заготовить — зять! Привезти — зять! Стайку чистить — зять! Навоз убирать — зять! Денежки только — теще! А зять выпил рюмку — алкаш! Всю шею перепилят!». Но выдув с похмелья трехлитровку парного молока, на работу он являлся как стеклышко, поводов для проработок не было. Жена его, Нина, кочегаром работала в котельной поселка, была постоянным депутатом, членом профкома и т.п., короче, была, как тогда говорили, активисткой. Дети росли, в школе-восьмилетке учились. Не каждый год, но частенько, зять с семьей выезжал с детьми на Большую землю в отпуск, но дела на мясо-молочной ферме, как сейчас бы сказали, не стопорились: теща управлялась...

Катилась бы жизнь чередом да катилась, ан нет: возникают порой обстоятельства такие, что хочешь не хочешь, а распорядок жизни менять приходится. Вот и у Головкиных наступил такой поворот: закончила старшая восьмилетку, куда податься? В интернат отдать? Можно бы, да ведь жалко: свое дитя, родимое! И крутанули свою жизнь сибирские старожилы: потрясли мошну, купили на окраине Свердловска дом и отправили туда бабку с внучкой: одну — уму-разуму дальше набираться, другую — хозяйство городское вести, внучку обихаживать и блюсти... «А тут и сами управимся! Невелика хитрость!» — так порешили.

... Что у тещи получалось незаметно, походя, играючи — через пень-колоду пошло у дочки с зятем!

Не прошло и полгода, как порушилось без тещи «фермерское» хозяйство: одну «голову» продали, другая пошла под нож... А вскоре они сами уехали к дому поближе.

И когда сейчас слышу шапкозакидательское: «А! Дали только в собственность фермерам землю, завалят они нас мясом, зальют молоком», — привожу в пример эту историю. «Нет,

дорогие, — говорю я, — крестьянство — это призвание, подвижничество, ему за день-два, по приказу, не научишься и даже в ПТУ или колледже не выучишься, в дальних загранкомандировках не натаскаешься, в него, как в йогу, надо входить — с желанием, любовью и постепенно, чтобы не навредить себе и земле...»

«Тещино подворье!..» Да оживет оно пусть и возродится.

МЕРТВАЯ ХВАТКА

Родители тракториста Хандиканина, прилетевшие на похороны, настоятельно просили с похоронами погодить. Пожилая, монашески угрюмая женщина, уставясь в пол, твердила: «Брат должен прилететь. Отбили ему молнию. В секретной зоне служит. Отпустят по такому случаю». Ей вторил пьяненький мужичок: «Не было, как гритца, счастья, да несчастье помогло. Шутю, как гритца. Смех сквозь слезы...» — «Помолчи! — одернула его жена. — Хоть до завтрева подождать надо...»

В кабинет вошли трое смущенных, но решительно настроенных парня. Передний, русоволосый Володя Левченко, пощипывал кудреватую бородку; выждав паузу, астматически придыхая, начал: «В общем, опять по тому же поводу. Только с ультиматумом. Сколько издеваться можно? Или труп, или мы: вот заявления. Терпели. Все понимаем: гуманизм, сострадание. Сколько можно? Судмедэксперта ждали. Родителей... Теперь чего ждем? В цинк — и пусть тогда забирают. Что за капризы? Жара ведь! Эпидемию ждем?..»

В зашторенном красном уголке итээровского общежития, на тающем льду и пихтовых ветках, в кумаче, вздувшийся и черно-синий, как заморский негус, лежал утонувший тракторист. Густой запах уксуса, одеколона и хвои не мог перебить испарений разлагавшейся человеческой плоти. Запах этот, несмотря на открытые настежь окна, проникал в коридор и комнаты, напоминая жильцам о бренности жизни...

— Видите, тянуть некуда! — сказал я поникшим родителям. — Прилетит вертолет — будет кто, нет, хороним.

После обеда они еще раз зашли ко мне обсудить материальную сторону: «Чужого не надо, но что положено — выложьте!»

Им принесли деньги, выделенные экспедицией, профкомом, остатки зарплаты, отпускных... Кассирша повздыхала: «Такой парень был! В морфлоте служил — не утонул на океане, а тут... Проклятое место: кажон год тонут! Что за река?.. — после паузы добавила: — После поминок еще деньги останутся: народ жертвовал, сердечный у нас народ — в несчастье всегда поддержит; попозже отдадим».

На вертолетке слонялись две вахты, ожидавшие вертолет. А тот как в воду канул!

— Займи своих людей — «наберутся»! — предупредил я начальника службы. — Пусть транспортникам помогут с похоронами.

— Тем самим делать нечего! Разве для «массовки»? — хохотнул тот.

Я что-то ему буркнул для порядка, отметив про себя: «Вот поперечный парень!».

В четыре часа, не дождавшись вертолета, начали вынос тела. При этом возникла какая-то заминка, поднялся было ропот: оказывается, вынесли гроб не так, и поселковый прорицатель, угрюмый, медведеподобный плотник напророчил: «Еще будет утопленник!». Меня аж жаром обдало: накаркает ведь! «Предрассудки! — успокаивал я себя. — Какая может быть причинно-следственная связь между тем, как вынести, и пророчеством? Не прослеживается...»

На кладбище начальник отдела кадров, она же секретарь парторганизации, представительная женщина с перманентом и ярко-красными губами, произнесла назидательную речь. После краткой биографии усопшего она сказала: «Погиб молодой, красивый, в расцвете сил молодой человек, надежда и гордость родителей, защитник страны! И погиб не потому, что случайный собутыльник хватил его мертвой хваткой! Нет, не хант его увлек за собой в воду, водка — она поссорила их, это «зеленый змий» схватил их обоих мертвой хваткой! Благодаря ей, водке, нарушился закон гостеприимства, моральный кодекс, наконец. И мы должны принять на себя часть вины за уход из жизни молодого человека, классного специалиста, на подготовку которого государство потратило много сил и средств; мы отстранились от организации досуга, от воспитательной работы...» И закончила по традиции: «Пусть будет земля пухом».

Она у нас первый год работала, во всем пыталась внедрить «высокий стиль» — во всех мероприятиях, будь то партсобрания или похороны...

Да, конечно, виновата была водка. Но и не одна она. И не мы. А весь наш образ жизни. По крайней мере, в нашем, отдельно взятом мире...

Хандиканин работал в вышкомонтажной бригаде. Всю весну они таскали на летние и осенние «точки» буровые установки, оборудование, материалы — до тех пор, пока держала мерзлота и трактора не начали тонуть в оттаявших болотах. По

возвращении на базу, после баньки, они начинали «культурно» отдыхать: чередовать просто пьянки с пьянками на рыбалке или охоте. Хандиканин со своей компанией на рыбалке встретился с хантами и — «руси-ханты бхай-бхай!» Продолжали в общаге. Потом на берегу — «на посошок»! Хандиканин, шутя, — нарочно? — забрался в лодку (проводить хотел?) и, как Стенька княжну, приподнял друга любезно, а тот шутки не понял, вцепился мертвой хваткой в шутника, и оба вывалились за борт в желтоватую «набежавшую» волну... Немало сожгли бензина дежурные моторки, пока одного из них — Хандиканина — не обнаружили через полмесяца недалеко от поселка.

Поселку экспедиции лет пятнадцать. Живет в нем около тысячи душ «мужеского и женского пола». На кладбище — младенцы и зрелые мужики. Младенцев Бог прибрал. Взрослые — по пьянке, по безалаберности, по лености, безграмотности... безответственности... — сами пришли.

Грусть-грустью, а жить надо! После похорон — разнарядка, связь, текучка... Женщины заглянули: «На поминки бы... Неудобно!». Столовая рядом — пошли всей разнарядкой. Кутья. Лапша. Гуляш. Блины. Кисель. И водка — половина граненого стакана. Некоторые по второму заходу: разговорчивые. Бог с ними — поминают!

Домой пришел усталый. На веранде помыл ноги и весь окатился. Растерся и спать. Жена удивилась: «Десять только ж!». Но я уже вырубился.

Показалось мне, что я только закрыл глаза, а уже будят...

— Чего вам? — раздраженно спросил я бурильщика Крякина. Было около полуночи. Тот невнятно что-то начал бормотать. И тут я понял, что он пьян в стельку. Чуть позже, скорее интуитивно, — что сбылось уже пророчество местного прорицателя: утонул дизелист — Прокопыч...

Вертолет пришел уже поздно, вахту на буровую не увез. «Ах ты, поперечный! — вспомнил я начальника РИТС, — предупреждал ведь тебя: попаси!» Вахта на похороны не пошла: подались на рыбалку. Поставили сети. Пока обустраивались на ночь, кое-что попало. Организовали уху. Как поспела, решили похлебать ее на воде: гнусу к вечеру вывалило. Прокопыч в лодку последним. Пока возился с мотором — снесло. Дернул стартер — мотор схватил, а был на скорости: перевернулись!.. Как обычно. А уже поддатые. Подались кто куда: на тот, на

этот берег. Пока лодку поймали, сошлись вместе — много времени прошло. Пересчитались — Прокопыча не хватает! Вот и пришел: поискать бы надо... на катере — с прожектором...

Ох и чесались у меня кулаки: начистить морду этому черному вестнику!.. В неостывшем состоянии появился я на пирсе, где швартовались наши катера. Рядом, под крутояром, на террасе берега, кучковались, как мальки, десятки моторных лодок, хотя зарегистрированы были и выписывали бензин — единицы. Собралось уже много зевак и хозяев лодок — с услугами в поисках. В запале я сказал: «У кого лодки зарегистрированы — пусть отведут, по остальным — прогнать АТТ!» Что началось!.. «Произвол! Не имеете права!..» — «А тонуть вы имеете право, а?!! Так вас перетак! Не экспедиция, а похоронное бюро! Лодки — подавлю! Водку — ?..»

Подавив гнев, спросил врача, взяли ли простыни, спирт. «Все есть, все!»

Прожектор высвечивал черную, сонную гладь коварной реки, шарил по причудливым — новым и неузнаваемым, неприветливым — берегам. Включали ревун. Стоповали дизеля. Прислушивались... Слышимость удивительная: «Кап-кап-кап...» — на катере. «Чмок-чмок...» — ветка топляка под напором течения. Кричали: «Проко-опы-ч!..» Ответа нет! Надежда гасла, но мы все курсировали вверх-вниз: в обед еще видел человека живым... Живым!

Даже утром надежда еще теплилась: вдруг выбрался на берег и забылся, уснул. Или подобрал кто: катер, лодка — мало ли людей плавает!..

Но чудеса бывают редко. Пришлось снова организовывать крейсирование дежурных лодок. Мимоходом обратил внимание, что угроза, хоть и неосуществимая, подействовала на некоторых: моторок поубавилось. «По укромным местечкам попрятались! Проток, ручьев, урьев вокруг поселка достаточно».

В этот же день стал уговаривать начальника орса: «Давай спиртное прижмем! Ну хотя бы по запискам: ты, я, зам? Профком еще. Дадут по шапке — прекратим. Лишат прогрессивки — компенсируем. Да даже из своих готов за такое дело».

Лады! Проводим «социологический эксперимент»!

Но, как шутили поселковые остряки, не долго тешилась старушка!

Если при свободной торговле я знал, от кого что ждать, то при «эксперименте» начались непредсказуемые выкидоны: краса и гордость экспедиции, орденоносец — не то что с похмелюги, лыка не вяжет! «В чем дело?!» — «Впрок достали, да не выдержали — все вчера «выкушали»!» — «Где «достали»?» — «Да в одном месте...» Начальник орса ни при чем: достают в соседних «портах», целыми флотилиями плавают...

Решили ослабить гайки: в банные дни по водке и сухому. Показалось, нашли златую середину! Озлобленность и тихая тоска у многих исчезли из глаз («Сами-то сколь хошь жрут!»). Женщины в открытую благодарят: «Мой раньше на отгулах не просыхал! Деньги — ладно, дети отца не видели! Теперьча — мило дело: и по грибы, и на рыбалку, и по дому — мужик появился! Спасибочки!».

Но многих это не устраивало: стали гнать самогон. И приказ разгромный пришел: нарушение правил торговли! А окончательный крест на нашей противоалкогольной кампании поставил очередной утопленник... Это был молодой, красивый парень, геофизик, хороший знакомый: тоже поехали в верховья за «керосином», набрали полную лодку, на каждом «песке» останавливалась и — результат, как с Прокопычем: опрокинулись, и огрузший Витек не выплыл...

Я очень переживал этот случай: не вмешайся я в устоявшийся поселковый быт, в ход его жизни, в исторический, так сказать, процесс — не потащился бы Витек за «моря-океаны» за «огненной водой», был бы жив... Косвенно, опосредованно, но вина в гибели сероглазого увальня лежит на моей совести: благими намерениями устлана дорога в ад...

В это же время в семи километрах от нас, но за двумя часовыми поясами появился вахтовый поселок нефтеразведчиков. Открытое нашей экспедицией месторождение было отдано в разработку соседнему «генерал-губернаторству». С организациями, работавшими там, мы установили, презрев границы, «горизонтальные» связи, крепкие и плодотворные. Дружбе немало способствовал тот факт, что там проводился эксперимент, подобный нашему, только в более широком масштабе: «генерал-губернатором» от КПСС в том крае был будущий иерарх антиалкогольной кампании. С его подачи город нефтяников рекламировался в средствах массовой информации как прообраз города будущего: кино, телевидение, фото... Книги, журналы, газе-

ты. буклеты... Заметки, очерки, романы... Взахлеб: «Будущее, здравствуй!..»

А по «горизонтали»: «Татра» песка — бутылка... Плав-кран на сутки — ящик... Ключ АКБ — полдюжины шампанского...

Сделки, конечно, были законные: с соответствующим оформлением, но в основе их — «сто грамм и пирожок!».

О, как шерстили они своего областного радетеля об их нравственном и физическом здоровье! Хорошо, мы делились с ними: день рождения, праздник или еще что — к нам...По «горизонтали» — шерстили, а по «вертикали» — наверняка шли восторженные: «Давно бы так! Спасибо партии!».

Откуда нам было знать, что готовила всему народу, — значит, и нам, — судьба-злодейка! Невозможно было представить, что через какие-то четыре-пять лет явится самозваный «мессия» и, пуча партийно-честные глаза, скажет народу правду-матку: «Народ! Ты не прав! Кончай пить!».

Но это было позже... А тогда, принимая гостей из почти коммунистического, отдельно взятого района, за бутылкой «Дойны» или «Столичной» ишимского розлива выражали им глубокое сожаление и успокаивали, основываясь на собственном опыте, что и у них это пройдет: дотумкают ваши «губернаторы», что не тем занялись! Не время устанавливать «сухой закон»! Хуже может быть: самогон, наркомания! (Про токсикоманию и предположить не могли!)

«Ведь русский пьет не по историческому обычаю, не по привычке, а когда душа неспокойна...»

«Не русский — советский! Я — азербайджанец! Мама говорит: стали пить как перед войной. Меньше петь, больше пить. И не вина, а водки, коньяка! Другие — в религию подались... Наш народ доверчивый, искренний: верил в партию! Не смейтесь: как в Аллаха верил! Теперь — разуверился... Заменив Аллаха коммунизмом, апостолы и пророки от партии разрушали мечети и гробницы, оскверняли кладбища, не давая взамен ничего...»

«Себе-то рай обетовали!»

«А нам — соцсоревнование и моральный кодекс!..»

«Нет, не горилка нас губит... Но она вцепилась в нас мертвой хваткой и тянет в омут: идея выдохлась! Безверье! Личная несвобода: кто-то решает за меня — пить мне или не пить? Да какое его свинячье дело до моего желания?! Хочу — пью!

Нарушу общественный порядок — тогда посягай на мою свободу! На работу опаздываю, с похмелья буду — выгоняй! Но не моги за меня решать! Не моги за меня думать! Сам хочу решать, делать, отвечать, верить, любить!»

И тысячу раз прав мой собутыльник и партнер по «горизонтальным» связям: только обретя веру и получив право выбора, мы станем людьми, которым нестрашна мертвая хватка ни «зеленого змия», ни «змия искусителя»!

СМЕНА ВРЕМЕН

Когда на минутную стрелку — не говоря уж про часовую! — неотрывно смотришь, не замечаешь их движения: стоят будто они и все! Чуть отвернешься или сморгнешь, глядь — передвинулась! Идет время, меняется... Так и жизнь: день за днем, день за днем, а будто и не движется... Потом, словно отворачивался или глаза прикрывал, в какой-то день, час, минуту, миг замечаешь: е-мое, весна ведь уже... лето!.. осень... зима... Удивляешься: ведь взрослый совсем!.. Ужасаешься: стареем, брат... стареем...

Смену минут, секунд, часов определяем мы по вздрагиванию тоненькой стрелки, мельтешению черточек жидких кристаллов, движению тени, солнца, луны, звезд...

Смену времени года — по запаху воздуха, набухающим почкам, по утробной влажности оттепели, по жаркой истоме полудня, по цвету неба, воды, движению облаков, по вою ветра, крику птиц, раскраске крон... Есть множество тонких, малозаметных, но верных примет, предвещающих смену времени года...

У житейских времен тоже свои приметы... Новые времена — новые приметы, новые нравы...

Какая-то мелочь, вроде паутинки в росе — в предосенье, напоминает, говорит: а времена-то сменились...

Так и в жизни...

С детства я привык обходиться малым: в еде, одежде, обстановке... Голод, жажду утолю — отлично! Одежда чистая, удобная, теплая — и хорошо. Сварить еду есть на чем, поставить ее — для трапезы — тоже, постель раскинуть для отдохновения есть где — жить можно. Ну и чтоб было куда руки приложить — с пользой для себя и для страны. Заработка на такую жизнь хватало и даже оставалось, чтобы помочь родным, съездить в отпуск к ним и на юг — и ладно...

То, что денег обычно не хватало, это понятно. Отсюда и стремление людей получить побольше — тоже ясно. Как у всех, так и у меня. Примета всех времен, хотя Хрущев и пытался убедить, что скоро она не будет характерной: настают иные, коммунистические времена. Не получилось. Но то, что копейка должна быть ЗАРАБОТАНА, — твердо въелось в меня и в большинство нормальных, считавших себя честными, людей. Были норма, тарифы, расценки... Сколько сделал — столько

получил. Ничего не сделал не по своей вине — получи за простой, но самый мизер. С этим я сталкивался во второй половине пятидесятых годов на практиках, на сельхозработах, в топоотряде, при разгрузке барж и вагонов... Правда, и тогда наблюдал перекосы вроде гарантированной оплаты на «целине» по комсомольским путевкам: в преферанс режемся, а «гарантия» идет. Или на скирдовке соломы — нам, при той же выработке, червонец, а совхозным девчатам — три с половиной, хотя все трудились на совесть. Ясно, что расценки не соответствовали количеству вложенного труда. Но все ж количество труда учитывалось, зарплата была заработанной. Поэтому вполне естественно я принял «голый тариф» в первый год работы после института, когда наша партия глубокого бурения перебиралась на новые площади — в Усть-Балык. Кроме того, что у нас был «голый тариф», не было жилья, продуктов, спецодежды... Даже адреса и прописки не было! Потом еще год, и еще... Потом инженером на окладе сто пятьдесят и при «северных» — через два года, и поясном коэффициенте один и три... (Это уж позже, лет через шесть, когда наехали нефтяники-добытчики, «северные» пошли через год, и коэффициент сделали один и пять). И на частных квартирах... По углам пришлось помыкаться, пока получил «четвертушку» в деревянном доме. И отпуск через три года, и работа без выходных месяцами, да и рабочий день-то не восьмичасовой (кстати, восьмичасовая шестидневка: 48 рабочих часов была официально рабочая неделя)...

И самое интересное — все это переносилось легко, без тягостного чувства ущемленности прав, свободы, потребностей. И эта была примета времени, и мы были ее дети.

Длился этот относительно безмятежный период стабильности для мня все шестидесятые годы. Внешние изменения, конечно, происходили, но они воспринимались, как смена мод сезона. Глубинные же характеристики, определяющие время, оставались неизменными. Хотя при более пристальном взгляде можно было заметить «тонкую паутинку» — предвестницу смены «сезона» времени...

На грани шестидесятых—семидесятых выпала моя очередь вести курсы прорабов вышкостроения нашего управления. И вот как-то при разговоре на вольную тему один из прорабов заметил: «За тариф-то? Да у меня за тариф ни один, самый

вшивый монтажник кувалду не поднимет, лом не подберет... Наряд «рисовать» приходится...»

После этого мне неудобно стало упоминать при случае, что мы за «голый тариф» работали... Видимо, тарифная сетка стала отставать от незаметной глазу инфляции... Цены-то, под благовидными предлогами, растут! Чего уж тут лукавить нашим правителям?.. Объяснил я себе и стал жить дальше в «своем» времени...

И еще примета моего времени: уважительное отношение к корке хлеба, способность поделиться ею. Я уж не буду вспоминать, как в сорок восьмом в Малышовке, в Башкирии, летом, задыхаясь от черной желчи, когда тошнило от так называемого хлеба из лебеды, напоминающего засохшую коровью лепеху, я мечтал об этой самой ржаной корке или ложке рассыпчатой, крутой пшенной каши или, на худой конец, о вареной картохе... Мне припомнился разговор во время производственной практики с механиком, моим наставником: «Ты хлеб-то, чтоб зря не сох, заверни в газету или тряпицу чистую да в чемоданчик положи...» Питались мы тогда в основном хлебом да супом и были довольны: хлеб — он, ешь его, не приестся! Но об этом я тоже не вспоминал, когда буровики грозились забастовкой при задержке завоза мяса.

Все эти годы, и студентом, и холостяком, я снимался с насиженного места и ехал, когда говорили: «Надо, Витя!», за считанные часы-минуты. И даже после двух лет семейной жизни, когда перевели меня в город, все добро уместилось в нескольких ящиках из-под папирос, в том числе детские игрушки и книги. И в городской квартире долгое время у нас было просторно. Лишь незадолго до второго исхода на Север появились у нас спальный и гостиный гарнитуры.

Середку и вторую половину семидесятых годов я жил с семьей в небольшом поселке — базе экспедиции, где семь лет работал главным инженером. Занимал половину бревенчатого дома. Из города привез пару кресел и несколько стульев от мягкого гарнитура, остальная обстановка досталась от предшественников: круглый раздвижной стол, пара фанерных шкафов местного промкомбината, ученический стол, кухонные шкафчики и полки, стеллажи для книг и встроенные ниши под драпировку. Плита из кирпича с духовкой и газовая плита с баллоном. Холодильник «ЗИЛ». Несколько надкроватных ковриков,

палас в «зале» (местное выражение) или гостиной комнате, «Спидола». Телефон (местный!). Последние три года — телевизор.

По должности мне приходилось курировать молодых специалистов. Работа эта была отлажена. Работник отдела кадров, непосредственно этим занимавшийся, напоминал, что нужно составить заявку на них по специальностям, провести конференцию, встречу, совет молодых специалистов, заслушать отчеты о стажировке и т.п. И, наконец, в августе-сентябре встретиться с вновь прибывшими и распределить их по рабочим местам... Встречи проходили шаблонно: важность работ, проводимых экспедицией, характеристика района деятельности, история экспедиции, знатные люди... Чем предстоит им заниматься. Оплата. Жилье. Перспективы карьеры. «Отеческие» наставления по образу жизни. Иногда попадали выпускники из «альма-матер», — ностальгически расспрашивал: кто, что, как?..

Большинство молодых спецов, отработав пару лет сверх «обязаловки», уезжали в родные края. Те же, кто женился на дочерях старожилов или на таких же молодых специалистках, надолго застревали в поселке.

Впервые не выполнилась заявка на молодых специалистов в восьмидесятом году: прибыли только геологи, а механиков и буровиков — ни одного...

«Отказываются ехать в вашу дыру», — доверительно сказали в объединении.

И вдруг, где-то в первых числах октября, «нарисовались» трое. Спрашиваю, в чем дело: такая задержка? Объясняется тем, отвечают, что там, куда их направляли, им предлагали должности не по специальности. Пытаюсь растолковать им, что специальности у них, по сути, нет еще, что они только сейчас будут приобретать ее, и что я им тоже на первое время — на полгода точно! — предложу только рабочие места, чтобы они своими руками пощупали и поняли с чем едят технологию бурения скважин... Обнадежил их возможностью служебного роста... Разговор был без сюсюкания, жесткий. Дошли до оплаты и жилья. Узнав про заработки, они скисли: «А нам в объединении говорили...»

В последнее время зарплата — больной вопрос. Основной показатель, от которого крутится заработок буровиков и прибыль экспедиции, — плановая скорость бурения, с каждым годом зажимают и зажимают — стена, не пробьешься! Рядом,

в соседней области, в тех же горно-геологических и климатических условиях этот показатель в два раза занижен. У нас на аналогичную скважину нормативное время, к примеру, сорок суток, а у них — более шестидесяти... Как двадцать лет назад мы начали на энтузиазме, так и продолжаем на «голом тарифе»! Мне говорят сверху. «Рисуй», как другие делают, а зарплату поднимай!». Я возражаю: «Не буду, не так воспитан. И вам не советую!». На каком-то совещании в главке поднял этот вопрос: нормативную базу надо установить справедливую! А они авансов «цэка и правительству» надавали, встречных планов напринимали — как на попятную пойдешь? Так что промолчал я; не станешь молодым об этом рассказывать...

Тут и черед жилья настал...

Пригласил инженера по быту, и при них утрясли проблему: одного, холостяка, в итээровское общежитие; на подселение вторым в комнату, к прошлогоднему выпускнику этого же вуза, а женатикам — «пенал» в двухэтажке.

— Ну, кажется, все? — заключил я. — Всего доброго! Оформляйтесь. На днях встретимся по стажировке. План составим, руководителя подберем.

Наутро, едва я появился после связи с буровым в кабинете, вошли мои подопечные: «Мы к вам...»

— Заходите... Как устроились?

— По этому вопросу и пришли, — молодой спец — муж выступил вперед и с сарказмом произнес: — Мы оценили ваш юмор — насчет пенала. Именно: не квартира, а пенал! Но мы ведь не школьные принадлежности, чтобы там размещаться. Как там жить?

Я был шокирован, присмотрелся: парень как парень, не один десяток молодоженов прошел через такие «пеналы», и ничего. Конечно, там не потанцуешь, при ссоре не исчезнешь с глаз супруги, но жить вдвоем можно. Бездетные пары и не по одному году живут.

Эти соображения я и высказал. «Кроме того, я же пообещал, что при малейшем намеке на «демографический взрыв» будет отдельная квартира...»

— Это само собой! — парень поморщился от моей непонятливости. — Я говорю про теперешнюю ситуацию. В этом пенале — что в тюремной одиночке! Узкая, длинная... Неполномер-

ное окно... Печное отопление... Нет! Там даже мебель не поставишь...

— Ну уж позвольте не согласиться! — возразил я. — Кровать, стол, шкаф, два-три стула вполне... Человек пять разместятся. В гости будете ходить — народ у нас гостеприимный...

— Это уж нам позвольте решать: ходить в гости или принимать гостей. У нас в контейнере идет мебель... Что ж, по-вашему, ее из одного контейнера в другой, а сами где?

По инерции я посоветовал им мебель не продавать: в нашем орсе с мебелью плоховато, да и спроса не было, — а сдать ее пока на склад. Что-то я им еще автоматически говорил, увещевал, а сам твердил одно: «Это уже не «паутинка»... Нет, это крепкий утренник... Заморозок... Времена сменились, завтра листья уже будут золотые и багряные...»

Молодые специалисты так и уехали, даже холостяк. Я их не удерживал. А сам той же осенью купил большой ковер, пару кресел, диван-кровать, хрусталь и много всякого шмотья. Но к новым временам для меня был непонятный аллерген...

Прошло семнадцать лет. Много новых примет что времена меняются. Только порой такое впечатление, что стрелки часов то вперед переводят, то пружина ломается, то батарейки садятся...

ЗЛЫЕ МОЩИ

В экспедиции было поветрие на прозвища. Большинство, впрочем, элементарные: по фамилии или профессии. Но встречались и загадочные. Как, например, вот это: Злые Мощи.

Злые Мощи! Владельца такого прозвища я представлял высоким, худым, с узким сплющенным лицом, маленькими глазками-буравчиками неопределенного цвета, с противным верезглим голосом и злопамятным, поперечным характером. А им оказался... симпатичный мне человек — слесарь буровой бригады, в которой я частенько бывал и наездами, и по нескольку суток. Он чуть постарше меня, а комплекцией — ну разве что чуть подобраннее, поджарее. Звали его Николай Алексеевич Перетягин.

Самого его спросить о происхождении прозвища не позволял такт, другие пожимали плечами, усмехались:

— Да он, поди, с прозвищем и родился!

Я решил познакомиться с ним поближе: может, общаясь, пойму? Ведь прозвище не репей: зря не прицепится!

Приглядывался я к нему исподволь: среднего роста, широкогрудый, малость сутуловат, ходит слегка вразвалочку, но без вихлявости; темнорус, чубчик поредел, поблек; лицо загорелое, в сеточке морщинок, на щеках — мужественные складки, брови прямые, слегка кустистые, под ними, в набрякших щеках, фиалковые глаза — то тусклые, то искрящиеся, лукавые; усы бы ему полномерные, прикрывающие верхнюю губу и уголки рта, — вылитый бы кронштадтец из восемнадцатого года! А так губы, женственно-полноватые, пунцовые да печально опущенные уголки их и мягкого рисунка подбородок не позволяют провести это сравнение. И голос у него хрипловатый, с шепелявинкой, негромок, хотя бывает добродушно-язвительным. Рассказывает он складно, живописно, в речи нет-нет да сверкнет какое-нибудь малоупотребительное или забытое слово.

Повстречался я с ним в то время, когда он, блудным сыном, после трехлетнего мыканья по белу свету, вернулся в экспедицию и попросился в «свою» бригаду. Я пошел ему навстречу, направил. Столкнувшись с ним вскоре на буровой, поинтересовался:

— Ну как дела? Будто и не уезжал?

Он, не торопясь, снял верхонку, поздоровался, закурил и только после этого ответил:

— Какой — не уезжал! От бригады-то хрен да маленько осталось! Одно названье: прежних-то человека четыре-пять... Не зря говорится, в одну реку дважды нельзя войти. Поновой привыкать надо... — И пригласил: — Чайку не желаете? Со смородиной. С ветками. И чага есть.

Самодельным кипятильником из бритвенных лезвий, буквально в считанные секунды, в трехлитровой банке всклокотал воду, сыпанул в крутой кипяток горсть цейлонского чая и несколько смородиновых веточек, запечатал фольгой.

— Может, чаги? — показал на другую банку с дегтярно-черной жидкостью. — Большинство ведь чагу кипятят, а ее настаивать лучше. И чай вот тоже: неразбавленным его надо пить. Как в Средней Азии. И свежим. Тогда у него и аромат, и вкус, и целебность.

Мне приходилось бывать в тех краях, и о церемонии чаепития я кое-что читал, и о способах заварки... сортах...

Николай Алексеевич оказался докой по части чая, и мы под разговор, незаметно опростали банку до самых «нифелей» (так Николай Алексеевич называл спитый чай).

По-старинному, перевернув кружку вверх дном, он отодвинул ее от себя и, подавшись назад, оперся спиной о стенку балка.

Лицо у него нежно порозовело, фиалковые глаза искристо посветлели.

Он глубоко вздохнул и на выдохе произнес давно не слышанное мною и такое подходящее к нашему состоянию слово — Бла-агостно...

«Благостно... Благовест... Малиновый звон... До мурашек душу чаровали в детстве эти дивные слова. И сейчас забытая истома разлилась по телу, как тогда... Да! Благостно! Но и работать надо...»

С тех пор я с ним только и чаевничал, когда заставал на буровой. И прозвищем его был несказанно удивлен.

Конечно, идеальным человеком он не был: и похвастать мог, и сквернословил постоянно, и, видимо, бражничал хорошо: не раз я ему пенял: «Что-то у вас нынче глазки кроличьи?..» — «Да с Лехой (друг его и сосед по комнате, тоже холостяк, классный сварщик и выпивоха) пришлось повеселиться... Не читали Федо-

[illegible]ба — про Улукиткана? Проводник у него был, вроде как у Арсеньева Дерсу Узала? Вот как-то этот Улукиткан — эвенк он, встретился со старыми друзьями, пастухами. И под это дело выпросил у Федосеева «винки» — спирту то есть. Сидят: они — у костра, Федосеев — в палатке, материалы съемки обрабатывает, дневник заполняет. Вышел ночью, смотрит: дерутся друзья-старики смертным боем, за волосы, за бороды друг друга таскают, под дых мутузят! Разнял он их, спать послал. А утром раненько видит: они как ни в чем не бывало чай у костра пьют. Все равно решил он их постыдить: морды исцарапаны, в синяках, одежда изодрана, тело в лиловых пятнах. Зачем, мол, дрались? А они встали: что ты, мол, что ты! Давно так хорошо не гуляли! Так и мы с Лехой: «Хорошо погуляли! Культурно!» — он отвернул [illegible]ндовую губу и показал кровоподтек. — Вот ведь «друг»: фикс[illegible] однако, сдвинул?.. Ну, ничего! Я ему рожу рябую тоже малость разгладил, еще разок «культурно» пообщаемся — гладкая станет совсем, как Клавкина задница! Да... А Федосеева почитайте — интересно пишет! Все из жизни — документалистика! — а захватывает почище всяких детективов и фантастики...»

Я пообещал заглянуть в библиотеку, поинтересоваться Федосеевым, да забыл, вернее, закрутился: зима заканчивалась, зимники «плыли», а надо было буровые станки и материалы расталкать по «летним точкам», иначе — «аптраган»! Пока не вскрылись ручьи и гнилые болота, круглые сутки работали тягачи, бортовые, трубовозы, бензовозы, трактора: летом авиацией много не навозишься! Последнюю колонну с ГСМ я провел уже в первых числах мая; оставив ее на подбазе, сам уехал на ГАЗ-66 на буровую: земляные амбары с раствором затопили талые воды, и скважина начала осложняться. По дороге на эту буровую машина моя провалилась в «гнилую» промоину, двигатель залило. Я немного вымок, но было уже тепло, и я благополучно дошел до буровой. Мастер на тракторе уехал вытаскивать машину, а я занялся скважиной. Разобравшись в ситуации, дал необходимые ЦУ и пошел к Николаю Алексеевичу — чаевничать (это была его буровая).

Первым делом он дал мне сухие валенки.

— Сразу надо было переодеться в сухое. Весенняя остуда — гнилая! Чахотку схлопотать можно запросто, — попенял он мне. — Это осенью ничего, когда организм с лета... А сейчас — ослаблен, авитаминоз.

Пока я переодевался, он посетовал:

— Эх, вам, катанки-то ручной бы работы, живо бы согрелись — ведь они, как печка, сразу греют! Или чесанки бы!.. — он мечтательно вздохнул. — Да! Легонькие, а уж теплые! Благота!

— Валенки, чесанки, катанки, пимы — какая разница? А то еще — валяные сапоги? Все едино: из шерсти! — сказал я вередливо.

— Едино, да не едино: и сырье разное, и технология отличается...

— Неужто знаешь?

— А чего бы и нет? Приходилось «струну» держать, — сказал Николай Алексеевич нарочито скромно, разливая чай по кружкам, — было дело.

— Струну? Может, смычок?

— Во-во, вроде смычка. Только со струной, — невозмутимо произнес он. — Сидишь в баньке... Процессу влажность нужна, пар. И температура. Вот, валенки слепишь и струной шерсть бьешь, то есть уплотняешь. Так что, Николаич, будьте спокойны, не одну пару скатал...

Я выразил искреннее удивление:

— Все-то ты умеешь: и варить, и лудить, и слесарничать! И по буровым установкам, и по котлам, и... вот еще и по валенкам! Когда успел постигнуть?

— Охо-хо, Николаич! Я хоть и малость постарше тебя, а прошел огонь и медные трубы. Приспичит — все в жизни постигнешь!

На людях он величал меня всегда на «вы», а когда были одни — незаметно на «ты» переходил.

— Тебе сорок ведь справляли? Ну! А мне сорок пять стукнет скоро. Это сейчас, может, не так заметно, а прежде — большая разница была. Тогдашних пять — десяти нынешних годков стоят! Ты в школе еще учился, а я уже колхозную академию закончил: не только пахать, косить, дрова рубить, лошадь снаряжать, быкам хвосты крутить, девок щупать, но и скорняжить и — вот это самое! — пимокатить умел! А как же, сельский житель себя полностью, как Робинзон, обихаживать должен! Я, ежели че, и сейчас и за ветеринара, и за доярку, к примеру, справлюсь. Без булды, честно! Да. После Сталина, при Маленкове-Берии, в город подался: приняли слесарем. А там как

курсы какие, я — вот он! — меня туда, любознательный был в молодости, че уж скромничать...

Николай Алексеевич размечтался, кружку позабыл: над ней парок едва заметный, прерывистый. Папиросу закурил, поначалу затягивался, потом погасшую, причмокивая, мусолил, но и про нее забыл, вспоминая жизнь.

— Не в обиду будь сказано, сейчас ведь техучебы нету на производстве. И у нас в экспедиции. А формальность одна. С отрывом — да. Но тоже проку мало: пиво ездят попить. А тогда хоть техникум взять, строго с этим было. Порядок был. Уж тут — не отнять. Поэтому и прорыв везде был. Не везде, конечно, это так: загнул малость. Ладно. Все равно ты еще только «пифагоровы штаны» кроил, а я в Германии, потом в Венгрии хэбэ протирал в учебке да в танке... Можно сказать, когда ты только собирался в «свои университеты» поступать, я уже свои закончил...

Прервал наше чаепитие молодой специалист, работавший стажером бурильщика, невысокого росточка, с вертлявыми темными глазами и усами скобочкой, «хлопец из Верховины». Другие «молодые» стараются на глаза меньше попадать, этот наоборот — так и норовит с начальством словечком перемолвиться; замечают это и рабочие. Вот и Николай Алексеевич, недовольный тем, что ему самому не дали выговориться, одергивает его:

— Отметился, Володя, и будя: гуляй на вахту! Все равно до лета итээровских вакансий не будет: учись за «палку» держаться...

Молодой спец пытается перевести все в шутку:

— Не гостеприимный ты хозяин, Алексеич, однако! Даже для виду чайку не предложил...

— Гуляй, гуляй!.. Привык на халяву. Подусники-то хоть сбрей, а то кто-нибудь выбьет зубы и будет сношать: брать натурой!.. — Ха-ха-ха... — сиповато хохочет Николай Алексеевич.

— Хе-хе-хе... — мелко вторит ему Володя. — Юморист! Не соскучишься с тобой, Алексеич. Не зря Николаич у тебя останавливается.

Последнее слово все же за ним!

В слесарском балке (а живут они со старшим дизелистом) чисто, даже с потугой на изысканность: на окошке занавесочка, стол веселой клееночкой застлан, из консервных ба-

нок абажурчики для настенных бра — настоящие произведения искусства! Пепельницы, подстаканники — все из разнокалиберных банок! Не только уменье — терпенья сколько нужно!

Николай Алексеевич принес кусок льда, веточки смородины.

— Пока тает, схожу на буровую: грундбуксы подтянуть надо. А вы посидите, почитайте — вот вам Федосеев, припас я. Сами-то, поди, не догадались? Неколи? Так я и подумал... — и смешно собрав губы, покровительственно, словно взрослый школьнику, протянул книжку.

«Федосеев Григорий Анисимович, писатель, инженер-геодезист...»

У меня сразу появился интерес к взятой из вежливости книжке: к геодезистам я испытываю уважение с давних пор — на каникулах дважды бывал в небольших экспедициях по Южному Уралу, знаю «топиков» не понаслышке...

Когда Алексей Николаевич вернулся, меня уже невозможно было оторвать от книги: я был поглощен ею! Вроде бы чего интересного: собираются люди в экспедицию, идут по непролазным, правда, маршрутам; путевые впечатления, трения между участниками... Что особенного? А не оторвешься! Что же привлекает? Правда жизни, описанная скупым, геодезическим, точным языком! Впрочем, нет, есть и описания природы, и лирические отступления... Объемно, с яркими красками, и с нежнейшими оттенками...

С сожалением прерывался несколько раз по делу: вызывали на буровую и когда машину привезли — глянуть, что с ней сталось.

Николай Алексеевич пытался со мной разговаривать, но я его слышал фрагментами, отвечал невпопад, переспрашивал.

«Почти во всех местах я бывал... — бубнил он как бы в отдалении, — изменились!.. И в Саянах... И в Джугдыре... Восточные Саяны... да!.. Становой хребет... Я же и на прииски вербовался, и на БАМ... В мостоотряде!.. Слесарь-монтажник... И сварщиком... В лесхозе работал... Точно: по вербовке... Вербовка — это раньше. Сейчас-то везде, как и в экспедиции у нас, по договору. А это — таж вербовка, разница-то — раньше говорили: «Ах ты, сучка вербованная», а сейчас «Ах ты, договорная!» — не говорят, вот и вся разница... Ха-ха-ха...»

Иногда я хохотал: и ситуация у героев трагическая, а смешно — как в жизни: смех сквозь слезы! Николай Алексеевич за компанию подключался: «Читает — как Улукиткан за архаром гонится? Или как рубает его?» — гадал он, над чем я хохочу.

Все мне было близко: и ощущения героев, и мысли, и переживания! И ситуации во многом схожи... И у природы много общего: ширь, непроходимость. Но самое главное — ощущение свободы и первооткрывательства!.. Конечно, люди всегда везде уже когда-то были, или так и живут испокон веков — для них эта, новая для нас земля — извечная родина, но все же... «Ничто так не располагает человека к раздумью, как первобытная природа. Когда надолго соединяешься с ней, тебе хочется быть лучшим, очиститься от житейской накипи: лжи, лицемерия, жадности...» — пишет Федосеев, и я полностью с ним согласен! Не зря все же северяне выделяются из общей массы людей. В этом я мог не раз убедиться за тридцать лет работы в Сибири.

Вот спрашивает Федосеев друга Улукиткана — Осикту: «Что тебе подарить? Выбирай!» А тот отказывается: тебе, мол, все самому в дороге нужно. «А у меня нужды нет, ты не думай, что я бедный, в тайге имей руки, ноги, будешь сыт и одет.» — «Подумать только! — удивляется автор, а вместе с ним я. — А ведь он стар, одежда его давно износилась, пища — мясо да чай, а все богатство — ветхий чум, несколько шкур да ружье — и считает себя счастливцем. Ему ничего больше не надо!»

А ведь так можно сказать про каждого второго работника нашей экспедиции как минимум! Про того же Николая Алексеевича, друга его Леху... Да и сам-то я давно ли из этой категории ушел? Да и далеко ли?.. В отпуске уже три года не был, и нисколько не тянет на Большую землю, скажи потом кому — не поверят! Нет, временами, конечно, хочется в большой город, чтоб работа — от сих до сих... в театр, в ресторан, на каток, в галерею, на выставку... Но так, легким облачком на заднем плане.

На следующий день книгу дочитывал на вертолетной площадке. Площадка словно плот, севший на пригорок: десятка три бревен, скрепленных скобами и прикрученных к огромным поперечным хлыстам. Спиной сел к солнышку: хорошо пригревает, благостно! Подошел одетый в рабочее Николай Алексеевич, поинтересовался: «Как дела?» и, усмехнувшись, вытащил из-

за пазухи книгу. Со словами: «Вот — продолжение...» — подал ее мне...

Обменявшись книгами, мы закурили...

— Весна... — почти шепотом произнес Николай Алексеевич. — Багульничком потянуло, березовым соком... Благостно-то как! — На алых губах его отрешенная улыбка, фиалковые глаза мечтательно-бездумны...

— Скажи: знаешь ли ты про свое прозвище? Отчего он таково? — вдруг вырвалось у меня. — Впрочем, извини! Право, мне неловко... нечаянно вышло...

— Да ниче... — не сразу отозвался он. — По глупости прозвали: худой я был молодым, кожа да кости. Но жилистый! На сплаве были, приболел еще: вот и прозвали — Мощи. Приболеть-то приболел, да не слег: со всеми вместе катал бревна. Меня и подначили: «Ого! И Мощи — туда же!» «Мощи-то мощи, да злые! Куды вы без меня!» — отбрехивался я. Вот и доотбрехивался: куда ни уеду, прозвище впереди меня бежит! Попервости обижался, хоть виду не казал, а сейчас — чего уж?.. Да и слово «мощи» — хорошее, необидное. А что «злой» — так злой я на работу, на несправедливость, на измену да на мошкару. Да на себя, бывает, зол: ничего ведь путнего, и вправду, кроме «мощей»-то, после себя не оставлю — вот что! Что — семья! Семья — сама по себе пошла давно, я — по себе... Да... Вот тут прозвище в точку попало: до баб «злой» был, грешен... Наталья! — вдруг окликнул он проходившую вдалеке коллекторшу.

Та остановилась, нехотя отозвалась:

— Ну че вам, дядя Коля?.. — Она работала всю ночь, лицо ее было заспано и недовольно.

— Че-че? — передразнил ее Николай Алексеевич. — Брюки застегни! Одна ведь спишь, на хрена брюки-т расстегиваешь!..

— Да ну вас, дядя Коля, вечно вы... — совсем не обидевшись, фыркнула девушка и пошла к буровой.

— Наталья, погоди! — попытался он остановить ее. — Аль во сне у Рустема рукоятку крутила? Сознайся! — крикнул вдогонку.

Коллекторша сложилась пополам от смеха:

— Ой, уморил, дядя Коля! Было бы там за что крутить!..

— Ну, Наталья! — захохотал и Николай Алексеевич. — Смотри, скажу Рустему... Дизелист, кавказец, у испытателей ра-

ботает, может, знаете? Вот Наталья с ним и женихается, — пояснил мне «дядя Коля». — Такая любовь! Она на той еще буровой к нему чуть не «по морозу босиком» за девять кэмэ ходила. Хорошая девка, безотказная, добрая, — похвалил он коллекторшу. — Жаль, что джигитенок с ней балуется...

— А вот и вертолет, кажись, летит... — насторожился он, прислушивался, зорко, из-под широкой, в ссадинах, ладони вгляделся в яркую голубизну майского неба и подтвердил: — Точно, летит!

И на прощание сказал:

— Книжку-т, что вам дал, прочтите: еще интереснее! Особенно последняя вещь: «Смерть меня подождет».

...Не подождала... Пришла незваная, скосила Николая Алексеевича Перетягина. Ах, Злые Мощи, земля скуднее стала без тебя.

СТАРОСТА

Атаманом артель крепка
Русская поговорка

«Староста»... Это слово с патриархальным, времен изгнания Наполеона, оттенком услыхал я в поселке Ваховск более двадцати лет назад. Признаться, оно даже резануло слух.

Стоял ослепительный март 1975 года. Производственные дела в Вахской экспедиции шли успешно, и мы частенько собирались в «белом» — стоящем чуть на отшибе, на взъеме берега, — доме, хате начальника.

В тот раз собрались «по поводу»; гостей уже много было, но хозяин за стол не приглашал.

— Подождем еще трошки, — пояснял он нетерпеливым, — Ромку за «старостой» послал. Застряли, чи шо?..

— Каким «старостой»? — не врубился я.

— Та за Бурундуком же ж! Забыл, чи шо? — Вырвикишко, хозяин дома, посмотрел на меня с удивлением. — Тезка твой. Охтеурского Совета председатель. Бурундуков Виктор Васильич. «Старостой» мы его зовем...

I. *И родом, и доводом — сибиряк!*

Родился Виктор Васильевич Бурундуков в рыбацкой семье в Сургуте. Для многих 37-й год — черный, но что делать? Дни рождений и года не выбирают. Поэтому для нас с Виктором Васильевичем 1937 год — светлый, родились мы в нем. Забавно, что родились мы в июне того года с разницей в одни сутки: я — 15-го, он — 16-го. И оба в Сибири: он — в Среднем Приобье, я — на Алтае... Писать о нем — все равно что о себе.

Отец его, Василий Николаевич, жил в селе Басманово Байкаловского района Тюменской области. Семья была большая: пять братьев и сестра. В середине тридцатых годов приехала в Басманово в гости семнадцатилетняя Анисья Герасимовна Язовских, сирота, бывшая на воспитании у старшего брата в Шадринске, да и «загостилась» на всю жизнь, познакомившись с Василием Бурундуковым.

Вскоре после женитьбы, в 34-м году, Василий Николаевич выделился и уехал на Север. Рыбак он был опытный, устроился на Сургутский рыбозавод; промышлял рыбу по Оби вплоть до Полновата.

В 37-м году, после рождения сына Виктора, как бы предчувствую военную грозу, вернулись они на родину — в Басманово.

Басманово в ту пору — более сотни дворов, расположившихся вдоль речки Басмановки, рыбной и многоводной — благодаря мельнице. (Ныне, с грустью отмечает Бурундуков, без мельницы речка высохла, оскудела, а от деревни один-одинешенький двор остался!)

Дед Виктора Васильевича, Николай Николаевич, начавший крестьянствовать еще в прошлом веке, крепок был, дюж, а вот разлуки с сыном сердце не выдержало: сын 25 июня 41-го — в военкомат, отец на следующий день — на вечный покой... Как знал, что впереди хлебать бы горя да не перехлебать: из четверых сыновей, ушедших на фронт, двое — один из них отец Виктора — погибнут под Сталинградом (Василий да Павел — память о них и о всех павших за Родину пребудет светла и вечна!).

В Басманово и пережила войну семья: бабушка Марья Федотьевна, матушка, сестры Анна да Валентина да сам «набольший» — Витя.

Хозяйство держалось на бабушке, истой сибирячке, двужильной и неунывающей. Как она не раз вспоминала, и дед ее, и прадед обитали безбедно в придорожном, вдоль Тобольского тракта, селе Байкалово. Видимо, от них унаследовала она сноровку и хватку: корову с подтелком держала, овец, кур-несушек. Огород полон «второго хлеба» — картошки, овощей традиционно сибирских, а про дары леса, поля и болота — и говорить нечего: внучата уже помощники! Крепко жили Бурундуковы и без мужиков: по старым меркам и раскулачили б за милу душу. А что за постряпушки: шаньги, пирожки, витушки — пекла бабка Марья! А паренки, печенки, сушенки! Из репы, тыквы, свеклы, картошки... Топленки, томленки, моченки... Калина, рябина, черемуха, клюква, брусника... Какой дух шел по избе, когда бабка Марья открывала заслонку русской печки! Легко, играючи — будто сказку сказывала или песню складывала — управлялась она и у загнетка, и во дворе, и в поле. Хранительницей очага была она, радетельной хозяйкой.

Глядя на взрослых, трудились посильно и дети. Виктор к концу войны был самостоятельным «мужиком»! Безбоязненно ходил в лес и за хворостом, и по грибы-ягоды: там у него свои

заветные полянки, бугры, улоги и лощинки, уловистые берега и заводки. Умел плести: из лозы — корзинки, из конского волоса — лески, из черемушин ладил гибкие удилища, из сосновой коры — поплавки. И семи лет — еще до школы! — начал работать в колхозе: боронил. Ростом от горшка два вершка, утром конюха просит: «Дядя Степан, подсади на верховку!». Ранним утром подсадят, и, считай, весь день на коне: сползти-то не проблема, да на «верховку»-то — как?

И коров пасти доводилось: пастухов в Басманово не нанимали, пасли по переменке, по двое.

Утром, заря еще брезжит, коров уже доят: цвирк, цвирк молоко о подойники. Со сна зябко. Воздух зато сладкий: не дышишь — словно пьешь его. Стадо собралось... Открываются прясла, и, пощелкивая бичами, юные ковбои направляют стадо в нужную сторону. И начинается длинный, неспешный, (но ушки на макушке!) занимательно-утомительный день...

Зрение, слух, осязание не зря человеку даны: чего только за день не увидят, не услышат, не почуют, не потрогают и не попробуют они! Хочешь не хочешь, — а то цветок какой удивит взор, то звук усладистый, аромат дурманящий, шершавость щекотливая, сластимость приторная незнамо как оказавшейся травинки во рту, — все дивит, в память, цепкую как репейник, на всю жизнь западает... А еще голова у человека дивная штука! Мысли в ней — как мальки в теплой заводи: замрут, замрут, потом, как от щуренка те мальки, прыскают во все стороны...

К вечеру воздух как бы уплотняется, густеет, синевой насыщается, пыль к земле пришибает. Коровы соловеют, голос подают; скученные в стадо, сытно пахнут молоком парным. Идут медленно, смешно, в стороны, вскидывая задние ноги. Входя в село, низко, утробно взмыкивают, роняя уздечкой тягучую слюну. Хозяйки с круто посоленными гостинцами встречают их...

Хорошо на душе у пастухов и пастушат: скотина в целости и сохранности, сыта, молочна. Дома, не коснувшись подушки, засыпают они сладким сном.

В 44-м вернулся с фронта по ранению дядька Алексей.

Бывший танкист, чуть оклемавшись, стал работать на тракторе НАТИ в МТС. Работал ударно, по-стахановски: при норме 5 га на вспашке давал 15! Уменье уменьем, но и упорство: спал

тывками, ел походя, пахал сутками. Дядька был не жадный: давал и племяннику «порулить» — натаскивал!

Школа в Басманово была начальная, располагалась в бывшем кулацком доме. Два учителя. Занимались сразу по два класса в комнате: первый с третьим, второй с четвертым.

Как это мне знакомо!

В начальную школу в Покровку
я шел в сорок пятом году
с холщовою сумкой-обновкой.
В запущенном барском саду,
в живой тополиной ограде
с железною крышею дом
смотрелся внушительно рядом
с соломою крытым селом.
...Звонок прозвенел, и морозный
озноб по спине пробежал —
учитель безрукий серьезно
успехов больших пожелал. .
— А ну, поднимитесь, солдаты,
те, кто без кормильца из вас..
и дрогнули парты — ребята
поднялись. . Почти что весь класс!
Как будто стесняясь, устало...
— Ну, что ж, — сказал. — вам за них жить!
..Мы знали, что нам предстояло
в двойные впрягаться гужи...

О, начальная школа! Сколько принесла ты нам, деревенским послевоенным пацанам, чудных ощущений, дивных открытий! Самоутверждения, гордости за первую написанную букву, прочитанное слово, перворешенную задачку и первую отметку — как оценку твоего труда и способностей уже не только со стороны мамки, а уже со стороны общества! И, наконец, экзамены и... «Свидетельство о начальном образовании!» Кстати, в начальной школе в то время изучали делопроизводство на уровне секретаря сельсовета!

К сожалению, для многих деревенских парней и девчонок образование на этом закончилось. «Четыре класса, пятый — коридор!» — с горечью шутят они сейчас.

В семилетку Виктор ходил в старинное село Балашово за 3,5 км. Летом, осенью в Балашово бегали по тропкам, зимой — на лыжах, а вот весной, в водополье — приходилось кругаля давать!

Ходили стайкой, ватажкой: из Басманово училось в семилетке человек двенадцать.

Весело жили! Зимой — что делали? Бани в Басманово под берегом, у самой речки; на одну из них делали заезд, и такой трамплинчик получался; дух захватывало! Поздней осенью, в предзимье — на «снегурках» и «дутышах» по черному молодому льду Басманки носились; гнулся лед и потрескивал так, что сердечко ознобисто замирало. По весне, по первой травке-муравке, в заустенье, в бабки играли, в свайку, в городки, в ножичек... Виктор во всем был не из последних!

В Балашово учились вместе с детдомовцами; по говору, одежке и гонору детдомовцы выделялись, Витю и его друзей звали «деревенские». Но жили мирно, более того, влюблялись безоглядно!

С седьмого класса на охоту бегал, зайцев, тетеревов промышлял. Крепким рос, закаленным: купался сразу после ледохода.

После семилетки поработал в колхозе да и подался в строительное училище в Ново-Тапы. В 56-м училище закончил, по распределению попал в Уватский район, в Першино: строил сборно-щитовые и рубленые дома.

В армию — в июле 57-го, служил на Курилах, в войсках связи.

II. Охтеурье — крест пожизненный

Пока Виктор служил, мать с отчимом перебрались в Охтеурье. Демобилизовавшись, он приехал к матери...

С 59-го года началась охтеурская часть жизни Виктора Васильевича.

Охтеурский участок тридцать семь лет назад: шесть рубленых изб, три барака, в которых живут тридцать ссыльных калмыков. Бедность несусветная! Одежда — сплошные ремки, обувки никакой. Поистине голы, босы. Еда скудная. Многие больны. Помощи ждать неоткуда. Мерли как мухи.

Бурундуков впрягся в работу на рыбоучастке: рыбачил, охотился, обустраивался. Познавал норов своевольного Ваха, изучал окрестные и дальние гривы, заболотья, боры и урманы, урья и озера; знакомился с ближними и дальними соседями, русскими и хантами, мало различавшимися по образу жизни, осваивал местные обычаи и приметы — и новый край становился понятнее, ближе. Да и сам он — крепкий, закаленный, умелый, спорый, общительный — как тут и родился!

Односельчанку Валентину заприметил он еще с детства. Пока служил, она превратилась в красивую статную девушку. Определившись окончательно с жизненным путем, он сделал Валентине предложение, и в мае 1961 года они поженились.

А через месяц семейной жизни его избрали председателем Охтеурского сельского Совета. «Старостой», таким образом, стал он в 24 года, почти 35 лет тому назад. Крест, считай, пожизненный!

Чем только не приходилось заниматься новоиспеченному «старосте»! И рыбачил, и лес заготавливал, и дома из заброшенных поселков сплавлял, и дикоросы собирал, и преступников брал. И рутинную работу справлял: прописывал, выписывал, справки выдавал, браки, рождения и смерти регистрировал, советовал, уговаривал, стращал, мирил, рядил и — ходатайствовал, ходатайствовал, ходатайствовал: власти-то у советской власти фактически не было! Слова, одни слова — о власти!

Маленькими, конкретными делами старался он поддержать авторитет ее. Ради этого, как его предки на себя, гнул он хребет и жилы тянул на общество — в прямом и переносном смысле слова, смирял норов, помня бабкимарьину присловицу: ласковое, мол, теляти двух маточек сосет, брыкливое — ни одной.

Территория Совета огромная! Справляя свои обязанности, с печатью и «бумагами» объезжал свои владения Виктор Васильевич летом — на обласе, зимой — на нартах. В первую же зиму попал с ханты Максимом в пургу: четверо суток добирался из Колик-Егана в Охтеурье! А тут еще закавыка: он по-хантыйски ни бум-бум, Максим, взаимно, по-русски. А ведь пурга, ночевки: объясняться надо! «Ничего! — решил «староста» — обучусь. Жил с татарами рядом — общался на татарском. Освою и хантыйский!» Сказано — сделано: вскоре он бегло изъяснялся с хантами.

В эти же годы на территории сельсовета появились геологи, пришлось начальнику проявить дипломатические способности: налаживать с ними добрососедские отношения, чем-то им помогать, что-то от них требовать. Первые из первых — Саша Баянов, Петр Поздняков, Роман Дубинский, Николай Морозов.

Постепенно, где своими силами, где с помощью района, шефов, Охтеурье становилось похожим на село: к рыбоучастку добавился охотучасток, звероферма; клуб построили, контору, склады, сбор дикоросов организовали...

А в 67-м году в районных верхах появилось «мнение»: все охтеурские участки объединить в Охтеурский госпромхоз, а директором назначить... Виктора Васильевича Бурундукова! Пять лет тянул он хозяйственную лямку, исполнял фактически на общественных началах и обязанности «старосты».

Госпромхоз был на хозрасчете. Директор измордовался, но сделал его рентабельным: выбил пилораму, стал доски пилить, брус — на сторону и на свои нужды: строили жилье, соцкультбыт. В 69-м году за счет леспромхоза построили детсад, школу-интернат...

По нынешним масштабам мелочью покажутся эти проблемы и его дела. Но ведь все делалось в условии хозрасчета, у черта на куличках — до пресловутых «нефтедолларов»! На голом энтузиазме: крутиться и мышковать приходилось ради этих «мелочей» поболее, чем иному процветающему ныне «крутому» бизнесмену!

С 72-го года Бурундуков вновь в должности председателя Совета. Потом — глава администрации. Менялись названия должности, но по духу — он «староста»: защитник интересов своих земляков, своей земли, лесов и угодий, заповедных мест и их обитателей, высей и глубей: воздуха, воды и недр... Рачительный хозяин!

Более тридцати лет Виктор Васильевич в этой беспокойной должности! Сколько предриков и их замов по нацвопросам (у Охтеурья статус национального поселка), секретарей всех сортов (от первого до третьего) пережил он... Радоваться бы, да ведь общение с ними не прошло бесследно: сердце стало прихватывать. Когда я в этот раз встречался с ним, он выписался только что из больницы и, не заходя домой, сразу в администрацию: как дела?.. Да ничего, идут! В одной половине конторы финкомиссия из района бумаги проверяет, в другой — секретарь администрации, его сподвижница многолетняя, Абдуллина, расписывает молодоженов из поселка геологов Ваховска.

Узнав, что «староста» приехал, в кабинет главы администрации повалил народ со своими заботами, бедами и радостями. Такой народ, какой есть: одних — хоть на Тверскую или Брайтон-бич, других — в дома презрения или в вытрезвитель...

Крест свой Виктор Васильевич несет без суеты, со справедливой строгостью и, самое главное, заинтересованно и доброжелательно.

III. На высоком берегу, под кедрами...

Хорошо отрегулированный «Вихрь» толкает нашу дюральку по вахской глади в глиссирующем режиме. Управляет моторкой заместитель Бурундукова, председатель администрации в Ваховске, Ширяев. Маршрут прокладывает он экономно: отрезки прямых соединяет плавными, как по лекалу, поворотами.

Ивовые плесы, таежные крутояры, белые высокие облака, купоросно-синее небо отражается в зеленоватых водах Ваха. Бурун от «Вихря» распадается на два узких, как у ласточки, крыла, едва касающихся берегов. Вздрогнут, зигзагом, отражения, и снова позади нас глуби сливаются с высотой. Тут и поймешь и охтеурцев, и ваховчан-старожилов — как от такой красоты уедешь? Позавидуешь им и вздохнешь: хранить надо красоту, лелеять и множить, а то ведь вон они — следы лесных пожарищ и земснарядного браконьерства: пожухлые сосны и подмытые, с упавшими деревьями, берега.

Издалека, на высоком берегу, за кедрами и под кедрами завиднелось Охтеурье... Узнаваемые, серебристо-серые старые постройки, томлено-янтарные, золотистые — новые, плоды рыночных отношений, результат местного самоуправления.

— В лесу ведь живем, так? Всякие там бамовские. Сборно-фенольно-жестяные предлагали. Нет! Мы вон из бруса. Вагонкой обошьем: елочкой и внахлест. Кому как нравится. Зато... на тундре ведь здесь, правильно говорю? Вон — тайга кругом. Красиво ж получается, правда? — Бурундуков в упор смотрит на меня; глаза у него незабудковой голубизны, детской непосредственности и распахнутости, только темная, затягивающая глубина зрачков говорит о его уверенности в своей правоте и непреклонности.

— Веселые дома, — соглашаюсь я, — веселые, смолистые, радостные! Глаз отдыхает, глядючи на них: золотистое на бархатно-зеленом. Гармония!

— Сейчас за бюджет воюем! Охтеурская территория — самая большая в районе, 50 процентов районного бюджета дает! А куда отчисления деваются? Пухнет чиновничья надстройка, пухнет... И за шефов обидно, задушили их налогами, обдирают как липку. Конечно, строимся... А вот будет финансирование по справедливости — так ли еще заживем!

Виктор Васильевич аккуратно, по волоконцу, по косточке вяленую рыбу разбирает, меня пивом потчует, сам водичку ми-

неральную принимает. Соболезную ему: в старые времена, случалось, и водочку после баньки пользовать. Сидим мы на «вышке» его нового дома, т.е. на втором уровне (на мансарде). Внизу занимаются своими делами жена Валентина, сноха, внуки... Сын заходил ненадолго: дела!

С «вышки» виден ухоженный двор, обильно зеленеющий огород, постройки, теплица... соседние дворы... производственные помещения... гаражи... темно-зеленая кедровая рать вдоль берега Ваха, золотистая гладь которого блестками в просветах хвои. Дело к вечеру, но северный вечер долог: иному дню не уступит по свету и насыщенности.

Хозяин элегически задумчив. Я уже утолил свое любопытство, а он все смотрит на свое Охтеурье, а, может, и дальше видит что — всю свою территорию?

Разливается Вах по сорам и по урьям,
На токах еще стонут тетерева.
На заре золотится мое Охтеурье,
на счастливую жизнь заявляя права...

И местоимение «мое» здесь вполне уместно: от многих я слыхал, в частности, давным-давно от охтеурской знакомой Зины Надеиной: «Не было бы Бурундука — Охтеурья не было б!».

IV. Что для старосты главное

«Староста»... Нынче этим словом никого не удивишь: узаконенное, официальное слово. Староста — выборная должность со своим статусом.

Но вернемся еще раз на двадцать лет назад.

Прождав «старосту» еще некоторое время, решили, что машина села капитально, сойдя с зимника. Вырвыкишко на всякий случай распорядился, чтобы послали на выручку машины гусеничный тягач АТС, и дал команду садиться за стол...

В разгар веселья появился плотный, кряжистый, крупноголовый человек, встреченный общим доброжелательным гулом, и я понял, что это и есть мой тезка — «староста» сиречь.

При знакомстве, пожимая его крупную, горячую длань, слушая его негромкий смех, с приятной сипотцой, доброжелательный, с едва заметным прононсом голос, я с интересом вглядывался в его беззащитно-незабудковые, яркие на фоне крупного обветренного лица, небольшие глаза, с любопытством смотрел

за большую — бабушкину! — бородавку на кирпично-крепкой скуле.

Занятным человеком показался он мне тогда, и я по-детски любопытно нет-нет да взглядывал на него, что даже самому показалось бестактным. Но он не обращал на это внимания, вел себя весьма скромно.

После «штрафной» и очередного тоста хозяин стал подначивать Виктора Васильевича: «Староста, песню давай! Про Екан-Екан... Давай! Тезка твой же ж ни разу не слухав...» И мне пояснил: «Он белковал со своей командой на Екан-Екане. С вертолетчиками у них был уговор — когда вывозить. Ждут-пождут охотнички, а «вертолетки нету много дней!» На эту тему и сочинил песню. Перевел ее на хантыйский, разучил в своем клубе с национальным хором. И что ты думаешь? Потом на смотре выступили — приз отхватили! О как! Тихо! Ша, хлопцы. Ну Виктор Васильевич, слухаем!»

Бурундуков не стал отнекиваться после такого выступления и спел песню по-русски и по-хантыйски приятным, почти бернесовским голосом.

Я был в восхищении. Через некоторое время он исполнил песню на «бис», причем ему уже подпевали хором. Припев песни долгое время у нас в экспедиции пользовался популярностью. Особенно при нелетной погоде: «Это что такое? Это что такое? Вертолетки нету мноко тнее-ей...» — даже по рации вопрошали.

В последние годы — годы повальных национальных конфликтов — я частенько вспоминал Виктора Васильевича: не было, значит, в «горячих точках» «старост», подобных Бурундукову! Ведь для настоящего — большого или малого народоводителя — главное: это возлюбить чад своих, которыми управляешь, такими, какие они есть, землю, на которой они живут, и язык, который достался им после «вавилонского столпотворения», — тогда будет у него с народом взаимопонимание и приязнь, а земля будет прирастать богатством, миром и благодатью.

И пусть золотиться твое Охтеурье,
на счастливую жизнь заявляет права!

НЕШУТОЧНЫЕ ИГРЫ

Рабочий день закончился, а солнце чуть не в зените. Позанимавшись в тишине, я собрался было домой, но тут меня позвали на рацию: 42-я буровая вызывает срочно. «В неурочное время — не авария ли?»

Связь, как обычно в ясную погоду, отвратительная. Сквозь верезг эфира с трудом, с помощью радиста, понял, что буровой мастер просит вывезти вахту на базу для медицинского обследования.

— В чем дело? Отравились? Несчастный случай? — прошу объяснить.

— Прилечу, все объясню! — только и можно разобрать.

Сикторская площадь, по сибирским понятиям, рядом: четверть часа вертолетом. И я послал МИ-4 на буровую: Валерий Викторович Щастный — мужик серьезный, зря шум поднимать не будет, — рассудил я. Позвонил в медпункт, попросил заведующую задержаться.

Встретив вертолет, я удивился: вахта выглядела здоровой и... трезвой! Буровой мастер, тем не менее, настаивал, чтобы их в медпункте заставили «дыхнуть в трубку», т.е. проверили на алкоголь. Буровики не возражали, но, в свою очередь, требовали, чтобы мастер Щастный вместе с ними «исповедался»: «Он тоже пил — Славик его бутылкой пива угостил!»

— Меня бы лучше угостили: забыл вкус пива! — пошутил я и отправил их в медпункт, а мастера пригласил к себе в кабинет: — Как «подышите», тоже зайдите! — сказал ребятам.

— Валерий Викторович! — укорил я мастера, едва мы остались одни. — Мы так разоримся, если по любому поводу будем гонять вертолеты. Ну, если не с шестнадцати, дал бы им поспать и в третью смену направил...

— Николаич! Да не в этом дело! Что, с другими вахтами такого не бывало? Те сами просили — поменять вахты, чтобы проспаться. Этим я тоже утром, как прилетели, сказал по-доброму: «Отдыхайте, сынки!». Славик, дизелист, из отпуска, пивом угостил. Я бутылку прямо на вертолетке оприходовал. Вы бы любоваться стали? Жарища ж! А теперь, бичары, ею еще и попрекают! Ну не подлянка ли это? Они, вместо отдыха, слоняться стали. Похоже, на старые дрожжи добавили. Все, говорю, мужики, пойдете в ночь. Они — в бутылку! Славик и практикант,

студент этот... «Пойдем в свою вахту: с четырех!», «Мы — как стеклышко, не пьянее тебя!». Бурильщик им: «Все, ребята, отдыхаем!» Ноль внимания: собираются на вахту. И все — Славик! Не первый раз ведь, овца паршивая, бузит... Сейчас, ежели что, гнать надо! — у Валерия Викторовича алые пятна по загорелому лицу, голубые глаза в покрасневших веках молнии мечут: горяч мастер!

— Вот так поступим, — подвожу я итог разговору. — Если трубки будут за них — стоимость прогона вертолета за счет мастера, если против — за счет вахты, сегодняшний день будет им считаться прогулом. Ускорение за скважину делить будете, тоже можете снять. Идет?

Звоню в здравпункт:

— Как там «трубочники»?

Заведующая хохотнула:

— Как-как? Да с ними и без трубки было все ясно: за метр разит! Заключения пишу...

— Ну, что-с, господа-водители? Каков результат? — спрашиваю усевшихся в рядок «трубочников».

Сидят, лыбятся: молодые, светлолицые, крепкие, один одного басче, будто в клуб пришли на танцы.

— Есть немножко, товарищ начальник, прокол получился... — Славик щурит серые, с желтой крапинкой настырные глаза, улыбается широко, демонстрируя золотую коронку («В отпуске был! Что, мало зарабатываем, что ли? Не только на пиво тратимся!» — говорит все в нем).

— Точно, мужики, — сочувствую я, — прокол вышел! Но это вам не «сочинка»! В нешуточные игры играем: на буровой я пьянства и похмелки не терплю, знаете же. За такое дело и «права» кое-кому можно потерять, а кое-кто — из института может вылететь, а потом под «нуль» и на плац: «Ать-два! Левой!»...

Посмеялись. Славик практиканта в бок:

— Не боись! Начальник шутит.

Тот довольно безразлично шевельнул накачанными плечами, нахмурил выгоревшие брови. Остальные помбуры кисло улыбались.

— Да, пока шучу, — говорю я. — А как перестану, скажу вот что: вертолет солидарно — за ваш счет, сегодня — прогул, ускорение — на усмотрение совета бригады и мастера. Завтра

утром, до вылета, подойдете сюда — завизируете приказ, что согласны с взысканием. До встречи, пока!

Интересно было наблюдать за сменой выражений их лиц...

— Ниче, корифаны, не боись! — первым пришел в себя Славик. Встал, поправил стрелки на брюках. — Только — никаких виз! Пусть высчитывают — дядька-прокурор потом разберется, гегемона не даст в обиду! Пошли, гегемоны!

В правомочности своих действий я был уверен: докладная мастера, объяснительные, заключения медиков были достаточными основаниями для принятия мер. Я подготовил приказ, попросил дежурного отпечатать. И пошел наконец домой. Солнце, огромное, золотистое, только подкатилось к заречной гриве и раздумывало: нырять за горизонт или еще полюбоваться на притихший охоложенный вечерней прохладой мир.

Утро было свежее, безросное, ослепительное. Невыгоревшая голубизна неба еще больше выкругляла его купол, приближая горизонт, и оно казалось огромным. В такое утро совсем не хотелось конфликтов, и я с неудовольствием вспомнил о предстоящей встрече с провинившимися.

Они уже ждали.

— Ну, начальник, где там — расписываться? — первым обратился Славик. Расписавшись, широко улыбнулся, сверкнув золотой коронкой. — Без «лапы» вы нас оставили! И мы решили «карты» бросить: ваши козыри!

Остальные хоть и были снулые, но в глубине зрачков не было у них вчерашней злости, даже агрессии.

— Семь «бубен» не играем, — отшутился я. — Ничего, мужики, бывает: какие ваши годы, отыграетесь!

«Надо будет Славика на курсы бурильщиков, при случае, послать, — подумалось мне. — У него в вахте «выступать» никто не будет...»

ПО КРИВОЙ ДОРОЖКЕ...

Телефон заверещал хрипло и противно, как будильник в похмельное утро.

— Не бери! — попыталась остановить меня жена. — Хоть поужинай спокойно. Забодали...

Звонили из общежития.

— ЧП тут! Поножовщина случилась, — сообщила комендантша, задыхаясь. — Этого... пострадавшего... понесли в медпункт... за врачом посылала... Зама не найду... Потому — вам сообщаю...

Стал собираться... Жена в слезы: «Все — на тебя! Пусть зама ищут, не ходи! «Сипатый» ведь не летает, когда на буровой авария или несчастный случай! Тогда — и я с тобой!»

Дети притихли: все понимают, испугались. Остановил жену: «Сиди с ними».

В холле новой двухэтажной общаги гвалт. Несколько парней в окровавленных рубашках, руки в крови: относили раненого в медпункт. Они возбуждены и, чувствуется, сильно поддаты. Главный среди них — высокий, сутулый молдаванин Володя Косырь. Поправляя тыльной стороной мосластой кисти растрепанные кудри, он пытается рассказать, как было дело. Он и по трезвянке-то говорит быстро, гундосо, невнятно, а тут вообще: перескакивает с пятого на десятое, с мата на цензурщину... Главный механик, как обычно, первым оказавшийся в «горячей точке», тоже базлает что-то невразумительное. И краснорожий: успел принять. Не исключено, что в общаге. Помощнички!..

Сквозь ор спрашиваю комендантшу, полную женщину завучевской наружности. Она высоким, хорошо поставленным голосом, привыкшим перекрывать какофонию школьных перемен, выкладывает то, что ей известно, и более того — свои предположения...

По ее словам, с утра в комнате Косыря — он на отгулах — началась выпивка, или, как он говорил, культурный отдых: слушали магнитофон, играли в преферанс. В обед сходили в столовую, поспали. К вечеру, когда с работы потянулись базовские, — с буровых несколько человек, среди них Рафик, тогда еще здоровый, прилетели раньше, — так вот, как базовские пошли, шум у них там возник, спор вроде, но без драки. Потом будто

успокоились, разошлись то есть по комнатам. А часов в восемь Володя Косырь и обнаружил Рафика всего исколотого ножом...

Пока она рассказывала, я чувствовал себя не в своей тарелке. «Кто же это сделал? Кто мог решиться на такое? Не Косырь ли?» Мне уже добровольные информаторы докладывали: рукоприкладствует мастер у себя в бригаде — чуть что не по нему, горяч... «Трезвый, а по пьяни? Неужели он? Ах, Вовка! Пацан ведь еще: два года после техникума!»

Показали мне комнату, где жил пострадавший. Рафик работал помбуром, приехал в экспедицию под осень, сразу после дембеля. До армии был у нас на практике, от училища, вот и вернулся. «Скромный, вежливый, не алкаш», — давала ему комендантша характеристику, пока мы подымались по широкой лестнице на второй этаж.

— Вот комната на двоих. Сосед — монтажник — на буровой сейчас. Оба чистюли, — она включила свет.

Рафик, видимо, спал головой к окну, когда ему был нанесен первый удар ножом, и самый, наверное, тяжелый... По следам крови на сбитых простынях, на крашеном полу можно было понять, как по дуге, от окна к двери, к выходу, разворачивался, а его противник садистски продолжал всаживать в него нож... «Нет, Вовка так не смог бы!» — отмел я свои подозрения от Косыря.

Жизнь парня была, судя по картине, явно в опасности — если он еще жив! — и наши медики вряд ли смогут спасти его: нужен операционный стол. Я тут же написал записку начальнику нашего узла связи, чтобы вызывал санрейс с реанимационной бригадой, если медики еще не вызвали...

Внизу шум не утихал.

— Не-а, не жилец Рафик... Несли — покойник покойником!... Умрет — кончу урку! Вот этими руками задушу!..

— Да здесь он, че, — в окно? Слабо ему!

— Тихо! Може, он в комнату к себе вернулся — за шмотьем и грошами?

— Та пожарная лестница ж с евонной стороны! Побдить надо бы, а, хлопцы?

Оказывается, доморощенные Шерлоки Холмсы и доктора Ватсоны вычислили по наводке анонимного свидетеля, что это дело рук Шурика Матдинова... Во-первых, у них с месяц назад,

-о трезвянке, уже была разборка. Во-вторых, Шурик заглядывал к Косырю, звал Рафика: «Выйди, разговор есть!». А был он «-а взводе». И, самое главное, после того, как все разбежались перед ужином, а Рафик — после ночной смены, да и поддал — пошел спать, свидетель... (А кто? Кто видел?)... свидетель видел, как Шурик, держа руки за спиной, вышел из комнаты Рафика и «был как чокнутый» ... И как в воду канул! И не выходил вроде, и в общаге нету: все комнаты проверяли.

— Может, он у себя? — предположил я. — Покажите, в какой он живет.

Шурик Матдинов сидел у окна, между шкафом и столом, прислонившись поясницей к батарее, словно грел радикулит: на лице было такое выражение, что он замучил беднягу, и жизнь ему уже не мила...

«А что если не он? Или начнет отпираться? Тогда как?»

— Шурик, — начал я, — неужели ты...

Мученическая маска слетела с него, он как-то игриво хохотнул:

— Я! Представьте: я! Не верите?...

Я опешил: очень все походило на розыгрыш.

— Я серьезно. И ты не скоморошничай. Дело ж подсудное...

Тогда он истерично рванул рубаху:

— Да! Я!.. Я, я, я, я!.. Если бы не я, вы ЕГО завтра об этом же спрашивали! Куда серьезнее, чем вы думаете.

— Но за что? За что?..

— Это — наше дело! — спокойно сказал он и замкнулся в радикулитной или душевной боли.

Оставив, как народного дружинника, главного механика за старшего, я решил проверить, в каком состоянии Рафик и вызвали ли санрейс. На большой рации, по которой мы связывались по микрофону с авиаотрядом, кроме связистов, находился и командир эскадрильи, звено которой базировалось у нас. Он прилетал с инспекцией и заночевал. Ситуация была неприятная. Из-за непрохождения радиоволн напрямую с отрядом связаться не удалось, заявку передали через Дудинку или Норильск, которые слышали Вартовск. Уверенности, что ее примут, не было. У комэска был допуск на ночные полеты, и он предложил свои услуги. Правда, воспользоваться он им мог с началом новых суток, т.е. через сорок минут. «Все равно санрейс рань-

ше, чем часа через три, не приедет». И он пошел в пилотскую, чтобы дать команду на подготовку вертолета к полету. А я пошел в медпункт...

В приемной медпункта, на кушетке, Рафик лежал под белой простыней. Наш терапевт, молодая невысокая женщина, боязливо приподняла край покрывала...

— Если бы даже ничего жизненно важного не задели, от потери крови скончался бы... Господи, такой молоденький... — и она приложила комочек марли к покрасневшим глазам.

А на вертодроме уже с посвистом и скрежетом, на малых оборотах, прогревали турбины, проворачивали трансмиссию «технари»-наземщики. Пришлось дать отбой... Подготовил телеграмму в прокуратуру и райотдел милиции.

Поздняя ночь... А во многих домах огоньки: взбудоражился поселок, давно подобного не было.

Последняя февральская поземка улеглась. Вызвездилось темное небо. И все же редкие дуновения ветерка были зябкими. Так же неуютно было на душе. Что за год! Да и что за поселок? На заклятом месте, что ли, поставлен? За лето три утопленника. Самострел. Несчастный случай на буровой. Сплошные хлопоты! «Проверю, как там с охраной убивца, да домой: хоть часа три-четыре поспать, завтра столько дел надо перепахать!..»

Однако меня ждал очередной сюрприз...

В холле опять народ, он не галдят, как в тот раз: молчаливы, растерянны, кое-кто, как на похоронах, переговаривается шепотом...

— Что случилось? — почуяв недоброе, спросил я.

— Дак у то... — поникшим голосом начал главмех. Голубые его навыкате глаза забегали, он заприглаживал блестящую лысину — явный признак виновности. — У то...

— Ну не тяни кота за хвост, почему ты здесь? Кто у Шурика?..

— Да прогнал он их! — выкрикнул кто-то из-за спины главмеха. — Прогнал и оккупировал весь второй этаж. Заложников, ладно, не взял... — и хохотнул. На него зашикали.

Оказывается, Шурик разжалобил своих охранников; попросил шампанского, дал денег. «Сердобольный» главмех послал гонцов куда надо и составил Шурику компанию: была у него такая слабость — любил выпить на халяву наш Гриць...

Остальное произошло, как в боевике: захмелевший Шурик в один прекрасный момент вдруг выхватил из-за шкафа топор

и завопил: «За-арублю всех, су-уки!..» — вся «стража» и драпанула позорно. Сначала из комнаты, а потом и со всего этажа...

«Зенки — кровью налились! Зверь прям, зверь... Как бешеный!»

— Ну и что теперь делать? — задал я риторический вопрос, скорее для себя. — Будем ждать, когда протрезвеет? Так ведь опохмелиться потребует, а Игнатьич? Готовь бутылку... — однако главмех не принял шутку, обиженно засопел, мне показалось, что на глаза его даже слезы навернулись. «Пошли!» хотел я ему сказать, да сдержался. «Пойду один...»

Решившись, я направился к лестнице...

Комендантша кинулась ко мне, уцепилась за рукав «радикулитки», зашептала громко:

— Прошу вас, не ходите! Он сейчас не контролирует себя!

Я стряхнул ее руку и медленно, размеренно стал подниматься по лестнице...

Шурик стоял в конце коридора пожарного выхода. Увидев меня, он поднял топор и медленно пошел мне навстречу, не узнав меня, заорал:

— Не подходи! Зарублю!..

Я так же медленно и размеренно шел, как и на лестнице... Когда мне показалось, что он меня узнал и замедлил шаги, я тихо, спокойно, устало, как обычно, заговорил с ним...

... Первый раз я столкнулся с ним летом позапрошлого года, когда на него пожаловались одновременно и с буровой: прогуливает, и из службы быта: грубит воспитателю общежития... Не будь он выпускником ГПТУ, еще, так сказать, «тепленьким», я бы выгнал его по 33-й статье за прогулы — и вся недолга, а так он должен двухгодичную обязаловку отработать, а я его — воспитывать. В кабинет зашел до черноты загоревший, выше среднего, угловатый парень в голубой сорочке, с парой книжек в сухощавой жилистой руке. Густые, вороного отлива волосы коротко острижены. Из-под коротких, редковатых бровей сумрачно смотрят черные горячие глаза. Нос картошкой, ноздряст, крылья ноздрей трепетные. Рот маленький, красные губы бантиком:

— Сказали зайти к вам. Чего вызывали? — голос с приятной, напряженной хрипотцой...

После того разговора больше года я о нем ничего плохого не слыхал. Он съездил в отпуск, а вернувшись, взялся за старое,

более того, стал пить, буянить. Я еще пару раз говорил с ним — не помогло, перевел из буровой бригады в освоение, к Косырю в бригаду. «Обязаловка» у него закончилась, и он ушел вскоре сам: в орс грузчиком. Тут-то он и разгулялся: заработки приличные, доступ к дефициту — пьян и нос в табаке ежедневно...

Вот он, в районе своей комнаты, остановился: узнал меня, но топор не опустил и продолжал хрипло грозить:

— Не подходите!.. Не посмотрю, что — вы!

— Шурик, не дури... Опусти топор... Это же я — узнал?.. — говорил я спокойно, по крайней мере, так мне показалось, и так же размеренно и устало шел к нему. — Ну, Шурик? Я ж тебе плохого никогда не советовал. Зачем усугублять положение? Что сделано, то сделано — чего уж теперь. Дай топор и пошли в комнату...

Он уже начал было опускать топор, но когда до него осталось метра три, он снова вскинул его, как при колке дров, глаза, как у быка, полыхнули красным огнем, и он уже медленно стал выставлять левое плечо, чтобы с хаканьем опустить топор на меня...

У меня не то чтобы сердце зашлось, а как-то под желудком охолонуло, и ноги как бы одеревенели... Если бы не ощущение скованности, я, может, и бросился бы к лестнице... Но я автоматически, не сбивая темпа, продолжал идти с внутренней обреченностью: будь что будет, Господи.

И он дрогнул...

Сначала отступил назад, потом и топор опустил, и отдал его безропотно, на какое-то время даже припал ко мне и несколько раз всхлипнул...

Мы вошли с ним в его комнату. Он вытер руками красные глаза и совершенно успокоился. Из шифоньера он достал свой архив и стал показывать мне семейные фотографии.

— Вот это, — показывал он на одного из мужчин, стоящих в обнимку на плохо закрепленном любительском снимке, — папаша. Из тюряги не вылазил. Сейчас в деревне. Доходит, но пьет всякую дрянь. Это — брат... — вытащил другой снимок. — Похож на меня? В тюряге сейчас срок мотает...

Мы уже несколько минут рассматривали снимки, беседовали, когда открылась дверь, и в комнату повалил народ во главе со сжавшим кулаки механиком. Пришлось их выставить, а ме-

ханика попросил составить график дежурства на сутки, часа по четыре. Договорившись, вернулся к Шурику. Он и в одиночестве перебирал фотокарточки.

— Да!.. — тяжело вздыхал он. — Я — гад, а люди тоже — хороши!.. Мандражники! В отпуске у отца с утра до ночи керосинили. До чертиков. И хоть бы кому что. Совхозного быка племенного завалил! Кувалдой по лбу! И хоть бы что! Бык старый — амортизировался. Разницу между стоимостью и мясом... А мы мясо в кооперацию — еще и в барыше остались! — Он хохотнул, и я не удержался, зашелся внутренним идиотским смехом: нервы сдали.

— Или в город поехал, за билетом сюда. На шоссейке, на остановке, народу много. Полез в переднюю дверь — какой-то парень сзади уцепился: «Беременную пропусти!». Я ему ботинком промеж ног, кулаком — промеж глаз, упал, скрючился... А народу — хоть бы что! Отворачиваются, не видят! Так и поехали.

Купил билет, вернулся, догулял отпуск...

Эх, остановили бы меня тогда, может, и сошел бы я с кривой дорожки. Или задержали бы — схватил бы за хулиганку срок... Да ладно. Теперь восемь лет буду небо в клеточку видеть...

Меня задело: так он спокойно и уверенно про срок обмолвился! — и со злости выложил:

— Ошибаешься, Шурик! Как бы вышку тебе не дали — убил ведь ты Рафика, Шурик!

— А я на то и шел! Я ж говорил вам: если не он меня прикончит, значит, я его!

Вот тут у меня зашлось сердце и перехватило дыхание... «Мог ведь и меня зарубить!»

Шурик облизнул алые горячие губы... Глаза его покоричневели от прихлынувшей крови, казались огромными, белки в красных прожилках.

— Все же не могу понять... Не пойму! Что не поделили? Или кого? Разъехались бы!

— Не-ет... Тут было: или — или...

Так он мне и не сказал — ни истинную причину, ни правдоподобную, жалостливую, сымпровизированную...

Трое суток — ни милиции, ни следователей... Прошел слух, что у убитого братья в райцентре работают и что якобы они пообещали расправиться с убийцей самосудом. И пришлось его,

как подпольщика, прятать, менять «конспиративные» квартиры. Я его не видел больше, но слыхал, что он очень мандражил. Значит, верно надеялся на восемь лет, как сказал мне.

Не дожидаясь представителей карательных органов, пришлось направить в райцентр свой вертолет с убийцей и гробом в сопровождении нескольких человек: явочным порядком.

Самое странное в этой истории для меня: Шурику действительно дали восемь лет...

А у меня осталась фотография убитого, которую я взял у Шурика: удлиненное молодое лицо, пристальный взгляд небольших глаз под тонкими бровями, прямые волосы почти до плеч. Славный паренек...

«Неужели и он шел по кривой дорожке?» — думаю я. Или по прямой, да другая — кривая! — пересекла ее? Это ведь только две параллельные — не пересекутся...»

РОМА ВОДОВОЗ

Рамазиль Зуфарович Ганиев... Кто сейчас узнает в нем Ромы-водовоза! Заматерел Рома-водовоз, семейством крепким обзавелся, движимостью и недвижимостью. Да и должность сейчас солидная — заместитель главного инженера по технике безопасности и охране труда.

И все же кое-что от Ромы-водовоза осталось у него: легкость в общении, непредвзятость (водички-то надо всем!) и истинно башкирский, с необидным подтруниванием юмор.

Познакомился я с Ромой в марте 75-го в ваховском «белом доме»: он привез из Охтеурья на именины хозяина дома почетного гостя — «старосту», так звали тогда председателя сельсовета, задолго до официального признания этого слова по духу и форме — Виктора Васильевича Бурундукова. Был тогда Рома совсем юным и стеснительным, как девушка.

В самом деле. Родился он 16 августа 52-го года: шел ему тогда двадцать третий год. Вот что значит воспитание в многодетной семье. Тем более в семье, где по национальному обычаю уважение к старшим воспитывается на утробном — генном — уровне.

Появился Рома на свет в деревне Салихово Аургазинского района Башкирии, средним сыном. Трое братьев старше, две сестренки и брат — младше. Отец, ровесник боевого 18-го года, воевал в Великую Отечественную: стал инвалидом, умер в 91-м. Мать, 24-го года, жива-здорова; они с отцом всю жизнь прожили в колхозе «Уршак».

Во время ли голода в Поволжье, по какой ли другой причине, словно канат талевый из-за смятия сердцевины, рушились родственные связи. Из-за смерти ли родителей, из-за отказа ли от них, но — рвались! И снова, понятное для разведчиков сравнение с талевым канатом: переехал трактор через новенький, в заводской смазке канат, смял сердечник, сплющил трень. Вроде и цел канат, а нагрузку не держит, рвется. Вот и во времена ленинского призыва, великого перелома, в стахановские и иные времена не так ли рвались родственные связи, гибли родовые корни, прерывалось течение времен. Сын за отца не отвечает, отец — за сына. Нет уже отцов и сыновей. Есть только винтики машины, строящей счастливое будущее. Рушатся семейные традиции, национальные тоже. Пропадает понятие «честь имею».

Теряется смысл честного слова. Имеет вес бумажка: анкета, справка, характеристика, бегунок, представление, объективка и, как следствие, приказ.

Так или иначе, у потомков Ромы-водовоза на бабке Камал Сабагутдиновне, если они будут строить родовое древо, оборвется ветвь, нисходящая в одно из чувств, где обретает сердце пищу.

«Так оно обидно будет, если внуки забудут, как звали моего отца. Только и будут знать: Рома-водовоз. Но правильно. Правильно. К матери приезжаешь — она всех помнит. Родственников, я имею в виду. Это, говорит, такой-то твой брат, это — такая-то сестра, тетя, племянница. Запутаешься. А ведь правда: надо знать. Кровь-то близкая. Даже похож бывает так: удивляешься».

Ну что еще сказать про Рому-водовоза. В почетной должности начальника транспортного цеха увела его молодая специалистка-педагог с холостяцкой тропы.

Про работу бывшего Ромы-водовоза ничего говорить не буду. Приведу просто некоторые его биографические данные. Школу он закончил в 69-м году. Кстати, в Турумбетовской школе, где он учился, занятия велись на башкирском языке. И насколько я знаю, в каждом райцентре Башкирии такие школы-десятилетки были. В них наряду с иностранным, по нынешним понятиям, дальнезарубежным языком — изучался и русский. И надо сказать, что некоторые выпускники этих школ, я сужу по своим институтским однокашникам, знали русский язык почище иных исконно русских. Но при поступлении в Уфимский нефтяной институт в мое время проходная сумма баллов была на два пункта ниже. Видимо, скидка была на то, что экзамены, в том числе сочинение, они писали по-русски.

После школы поступил Рома в Уфимский автодорожный техникум. Потом служил в Вооруженных Силах. После армии брат его, работавший у нас в экспедиции старшим механиком, Рафик Зуфарович привез его в Ваховск, с 10 октября 74-го года в поселке появился Рома-водовоз.

Летом поселок снабжался водой по прокинутому поверху водоводу: подавала воду плавучая центробежка из Ваха. А месяцев семь, по расписанию, развозила воду по поселку водовозка.

Вода для человека по значимости — между воздухом и пищей.

Рома, Рома. Если что, плюнь на все и дай людям чистой воды. В жару, в духоту атмосферную и моральную это будет самым лучшим благом для человека. Будь, Рома, до конца Ромой-водовозом.

НЕ ЖАЛЕЙ

Верхняя Толька... Сибирские Увалы!

Верхнетолькинская площадь... Мы более двух лет выходили на нее, срывая план ввода в бурение новых структур. И наконец под сильным прессингом новой вышестоящей организации (бюрократические структуры быстро «вводятся»!), забурили, вопреки своим планам, подложив, таким образом, под себя мину замедленного действия...

Климат на Сибирских Увалах резко континентальный. Зима 1976/1977 гг. была суровой по всей Сибири. У нас на базе в поселке Ваховске морозы доходили до минус 50°С. На Верхней Тольке было значительно холоднее. Пусковую конференцию на Р-1 Верхнетолькинской я проводил 18 декабря, в канун никольских морозов; так уж тогда термометр показывал минус 40°С. И затем в течение трех месяцев столбик на шкале не поднимался выше этой отметки. А в ночь на Крещение спиртовые термометры не действовали; металлические, с 60-градусной шкалой, показывали: один — минус 59°, второй — за минус 60°С.

Ко всему скважина находилась у черта на куличках: за 600 километров от базы! У экипажей вертолетов МИ-8 не хватало саннормы, чтобы выполнить два рейса. А перекрытие погоды по квадратам? Вертолеты частенько возвращались, не долетев до буровой.

А тут и скважина, едва забурили ее, стала преподносить сюрприз за сюрпризом... Во-первых, зона вечной мерзлоты оказалась более мощной, чем это было в ГТН (геологотехнический наряд), и оказалась крепкой и абразивной, как первоклассный наждак. И, во-вторых, почти сразу по выходу из зоны вечной мерзлоты долото попало в русло древней реки: как и положено, с песочком, галечником и валунами и, конечно, с обильной водичкой неясной минерализации: раствор она «сваривала»...

Наращиваться не было возможности: при отвороте квадрата из бурильного инструмента бил сифон чуть не до полатей верхового, обрушиваясь вниз в виде разнокалиберного града, тут же смерзавшегося на полу буровой в ледяные конгломераты. Причина была в том, что поднятый с забоя крупнозернистый песок и галька барботировались в суженой части затрубья (там, где УБТ — утяжеленные бурильные трубы) и при прекраще-

ли циркуляции оседали, создавая обратный поток. Обратным током, через промывочные отверстия долота, песок и галечник попадал в УБТ и часто забивал их так, что после наращивания невозможно было продавиться (восстановить циркуляцию) и приходилось делать подъем долота. Ставили обратные клапаны, но их очень быстро промывало...

И все это на жестоком морозе да еще с ветерочечком!

На приемных мостках, открытых ветру и морозу, у меня при наклоне свалилась защитная каска «Труд» и разлетелась на пластмассовые брызги... Что пластмасса! — кувалды из простого железа раскалывались, будто керамические!

Жестокие морозы при тихой погоде в одном сослужили службу: наши зимники до февральских метелей — да и после, в марте — были сродни европейским автобанам!

Р-1 Верхнетолькинская, как прорва, глотала десятки тонн глинопорошка, утяжелителя, цемента, химреагентов, а постоянно работающие дизели солярку жрали цистернами. Эта скважина подчищала все наши заначки, сэкономленные на буровых других площадей.

На эту злополучную буровую мне приходилось частенько вылетать, а порою дневать и ночевать, восстанавливая ее жизнедеятельность, а иногда — чтобы сохранить ее живучесть. С собою я брал обычно механика и технолога — для круглосуточного инженерного руководства и контроля. После восстановительных работ главное было не допустить малейшей остановки, ибо это было равносильно остановке сердца: буровая моментом коченела...

Поскольку площадь тяготела к северным газовым месторождениям, мы не исключали, что встретим газ, и поэтому на буровой дежурила газокаротажная станция. Обслуживал ее начальник газокаротажного отряда Анатолий Тимофеевич Розлач. В отряде он был в единственном числе — работал без выходных. Во время бурения сутками не спал: следил за работой станции, то и дело выскакивая на мороз, чтобы поправить вертушку расходомера или отпарить датчики, постоянно примерзавшие. В поселок он вылетал только во время длительных остановок.

В кунге газокаротажной было тепло, чисто, уютно; пощелкивали самописцы, шуршали диаграммы. Приятным, с хрипотцой, с «трещинкой» голосом хозяин напевает бывший тогда у всех на слуху шлягер «Вологда-гда-гда, Вологда-гда-гда...»

Я любил заглядывать к Розлачу в станцию.

— Тимофеич! Как разгонка фракций? — спрашивал я.

— «Трифон», Николаич, «трифон» — лыбился он во все круглое, по-леоновски крупногубое, улыбчивое лицо; за толстыми стеклами очков в лучистых морщинках весело щурились живые серые глазки. — «Трифон»! — вздыхал он с сожалением.

«Трифон» означало, что — показания фоновые: газ в мизерных количествах содержится по всему разрезу.

— Ну что — «не жалей»? — восклицал он тут же и, не дожидаясь ответа, включал электрочайник.

Пока я после улицы зябко, по-собачьи, всей кожей вздрагивал, — а я почему-то с мороза в тепле первое время еще больше мерз, — он доставал кружки, сахар, карамельки, печенье...

«Не жалей!» — это у нас вроде пароля.

Я по большому счету оптимист (хотя в душе и бываю нытиком, но меня спасает самоирония), люблю посмеяться (даже над собой). В Анатолии Тимофеевиче я сразу же почувствовал родственную душу.

Знать-то я его давно знал: в поселке здоровались. Но познакомились мы с ним на Верхней Тольке.

На буровую он залетел еще до забурки скважины — обустраиваться. Оказался завзятым охотником и, несмотря на самый короткий день, нашел время пробежаться по окрестностям — поохотиться.

Вот в тот раз он и зазвал меня в гости: зайчатинкой побаловаться.

Зайцы, зайчатина... Из далекого-далекого детства — наплывами — отрывочные воспоминания. Отец свежует зайца, подвешенного к потолочному крюку (на него вешали зыбку). Запах свежей крови... Малышовка. Утоптанные заячьи тропы. Я на самодельных лыжах. Ставлю петли... Волчий вой из-за дальнего болота. Ставлю петли я, видать неправильно: ни один косой так и не попал в них (кто показал бы!).

Суп из зайчатины сварен в каком-то алюминиевом бачке: вкусный и, на удивление, жирный!

— Это, Николаич, потому, что морозы! — поясняет Розлач. — В морозы они бегают и усиленно питаются. А в теплую зиму да, тощие. Аж с голубизной! А тут, смотри, жирный — как курятина! — подкладывает еще кусочек.

— Логично, — соглашаюсь я. — А откуда ты все это знаешь?

— Да я ж, Николаич, коренной сибиряк! И, как всякий сибиряк, я охотник и рыбак!..

— Да ты еще и поэт — стихами заговорил! — усмехнулся я. — А откуда? И — когда?..

— Есть такой поселок Луговской Ханты-Мансийского района. От окружной столицы километров 30. По Иртышу. Вот там 11 ноября 41-го годя я и родился. Отец — Тимофей Григорьевич Розлач. Кубанский казак. С 1907 года. Уроженец станицы Старощербиновской Ейского района. Мать — тоже казачка, Евдокия Ивановна Манько. С 1908 года. Когда их раскулачили всех в 33—34-м годах, мать с отцом были женаты, старшая сестра уже родилась, а мы с братом в Сибири появились. У деда два сына и две дочери было — тетки и дядьки мои, так все под раскулачивание попали, кроме одного дядьки: он где-то в Анапе работал. Родни у меня по Северу много раскидано... В Хантах есть, в Октябрьском районе... Что интересно... Дед Григорий с одной дочерью — пешком! — совершил побег из ссылки, прятались они у того дядьки, что в Анапе жил. А умер дед все же в 43-м, во время войны, на хантыйской земле. Вот таки делы с моим происхождением: и «откуда и ковды», — заключил с грустным смешком Анатолий Тимофеевич.

— Да и у меня родословная похожа. Мы, два брата, две сестры, родились на Алтае, а родители — за Уралом... К сожалению, не казаки, — сказал я и конспективно поведал о себе.

Так мы с ним познакомились.

Анатолий Тимофеевич был открыт, тонко чувствовал смешные стороны жизни. Он самокритичен — когда рассказывает о зигзагах и ухабах в своей судьбе. Вот: густые брови сложились «домиком», и морщинки горестные пошли от крыльев доброго носа к опущенным уголкам рта, и глаза погрустнели, увлажненно заблистали, и в голосе — сожалеющие, тоскливые нотки... А через секунду — к месту! — анекдот не анекдот, скорее народная байка — и мягкий, горошком, с шершавинкой смех его посыпался.

В тот раз, после зайчатинки, чай заваривал я. Толик выскакивал из кунга объясняться с буровиками и вернулся недовольный. Тут я его и угостил чайком...

— О-о, Николаич! — повеселел он, — хорош чаек! Умеете заваривать! — похвалил меня. — Секретом не поделитесь?

— Секрет в воде: речка-то здесь, считай, горная. И чан: чай-то — цейлонский. И — кое в чем еще-е... — загадочно протянул я.

И рассказал байку про секрет заварки чая. «Жили три соседа. Ходили друг к другу в гости. Алкоголь не принимали, пили только чай, и в чае все трое понимали толк. У каждого чай был хорош, но у одного все же лучше. И когда пробил его час, друзья не вытерпели и возопили: друг, не уноси секрет заварки с собой, раскрой нам его! И тот — на последнем дыхании! — раскрыл свой секрет: — Не жалеите! — сказал он, — заварки не жалейте...»

С тех пор у нас и пошло с ним это — «не жалей». «Не жалей?» означало у нас: может, пойдем чайку заварим?

Во время ликвидации очередной аварии на одном из дизелей отказал топливный насос. Старший дизелист Саша Колчанов поставил запасной. А через пару часов — снова отказ. Я вызвал главного механика. Он привез с собой новый топливный насос. Они с Колчановым установили его после долгой возни — «регулировали градусы» маховика. Наконец запустили дизель. Но злой рок, преследовавший нас на этой скважине, снова торжествовал: в ночь этот дизель сдох из-за неподачи топлива...

— Давайте, — говорю, — из трех насосов хотя бы один соберем. На двух дизелях не работа!

— Ни, Николаичу, не можно! — уперся главный механик. — Це ж топливна аппаратура! У Полтаве для того — спеццех! Закажем — шоб с базы прислали.

— Что ты говоришь ерунду? — удивился я. — Помню, в 61-м году в Ярсомово Вася Маслюков, старший дизелист нашей бригады, только этим и занимался. Конструкция ж насосов принципиально не изменилась, так?

— Айда, Николаич, ко мне: попытаемся разобраться, «шо це таке».

Механики помогли притащить в кунг насосы. Мы освободили лабораторный, с бортинками, длинный стол и на куске бельтинга стали разбирать насосы. В кунге запахло соляркой.

— Не перегорит от избытка «углеводов»? — кивнул я в сторону аппаратуры.

— Не-а! — хохотнул напарник, выкладывая инструмент. — «Трифон»!

У Розлача оказался богатый набор инструмента, и в отличном состоянии — не в пример тому же Саше Колчанову, о чем я ему и сообщил.

— Да ведь, Николаич, не один год собирал! — не без гордости согласился Анатолий Тимофеевич. — А как же, был бы «струмент», а руки наидутся. И содержать его надо любовно — как шашку! — и хохотнул, довольный сравнением, орудуя ключом, отверткой: пятерня у него крупная, крабистая, пальцы толстые, но ловкие, чуткие.

Разобрав все три насоса, мы решили в одном из них заменить заклинивший плунжер, и часам к трем ночи он был отремонтирован. Разбудили механиков и передали им механизм для установки и запуска дизеля. Главный механик принялся за работу с неохотой... К слову сказать, погода на следующий день из-за морозного смога была нелетной, а отремонтированный нами топливный насос выдюжил до конца бурения скважины!

Когда дизель запустили, мы с Тимофеичем спали в кунге с чувством исполненного долга.

А наутро я перебрался из мастерского балка в газокаротажку: и тепло, и буровую видать, да и кое-что творящееся в скважине видно. Жаль, рации не было — приходилось ходить на связь в культбудку.

К морозам под пятьдесят мы уже почти привыкли. Нас спасало безветрие и то, что на буровой была арктическая солярка. Но и она при температуре минус 50°С становилась густой, как кисель. Мы нашли выход: добавляли в расходную емкость ТМУ авиакеросин. Нефть для котельной разбавляли соляркой. Все коммуникации были утеплены вместе с паровой линией и засыпаны снегом. Огромный — пятисоткубовый — земляной рабочий амбар был закрыт горбылями и занесен метровым слоем снега.

Забурочный мерник при бурении под кондуктор был частично зашламован, а при первой же остановке промерз до дна. Попытки вскрыть его 37-тонным бульдозером ДЭТ-250 были бесполезны. Приварили к его ножу клыки из насосных полуштоков. Бульдозер вставал на дыбы, но оставлял на мерзлом растворе неглубокую царапину. Разводили костры — без успеха.

На другом — яристом — берегу была стоянка Ларьякской сейсмопартии. У них были актированные дни. На стоянке дежурило несколько человек. И один их них — знакомый мне

еще по Сургуту прораб буровзрывных работ. Знакомец мой согласился нам помочь. Они со сменным мастером подогнали передвижной бурстанок и пробурили с большим трудом («Наждак у вас тут, что ли?» — удивлялись они) четыре скважины. Скважины-шпуры зарядили, залили водой и подождали, пока она замерзнет.

— Отличная забойка! — сказал мой знакомец. — Котлован будет любо-дорого поглядеть! — и сглотнул слюну: за каждый шпур ему была обещана бутылка водки.

(Пришлось передать записку начальнику экспедиции, чтобы прислал, так как по рации передать такую заявку я не решился, во-первых, потому, что взрывные работы предполагалось вести без разрешения, и, во-вторых, я запрещал спиртное на буровых).

Приняв меры безопасности, произвели подрыв снарядов...

По характеру взрыва — белесые, конусом, как из пушек, дымные струи — было ясно, что котлована нету... И в самом деле: из скважин была выбита ледяная забойка, а устье их чуть расширено — вроде оружейного чока.

— А с сейсмической точки зрения — взрыв на пятерочку! — хохотнул мой знакомец, рассовывая по карманам бутылки.

Он предложил отметить встречу и выпить за контакт буровиков и сейсморазведчиков, но я отказался:

— На работе не потребляем!

— Так на выходной к нам приходите! И берег — другой, и организация не ваша! — не растерявшись, съерничал гость. — Да и дни — активированные!

Пришлось новый забурочный мерник рыть в стороне. Под снегом и моховой подстилкой грунт промерз незначительно, и ДЭТ-250 за пару часов выкопал земляной котлован нужного объема. Но от устья скважины, точнее от вибросита, пришлось сооружать длинный дощаной желоб и для замыкания циркуляции долбить в земле канаву.

Подпорный металлический мерник часто промерзал до дна: пара не хватало от одного котла, чтобы при остановках прогревать весь объем раствора. Поистине каторжной работой было долбить смерзшийся раствор! Возле мерника высились горы мерзлого опесчаненного раствора. Летом эти горы превратились в барханы блескучего крупнозернистого (2—5 мм) отборного песка: лети, глухарь, набивай зоб! Но до этого было еще далеко...

Я обычно «пас» ночную вахту: все ЧП случались, как правило, под утро. Поэтому и крутился, как у нас выражались, по ночам. А отсыпался я урывками между сеансами связи — у меня ведь были другие еще буровые и вышкомонтажные бригады, да и с подчиненными службами надо было держать контакт.

Одевался я, как мне казалось, достаточно тепло: китайское белье, рубашка фланелевая, шерстяной свитер, брюки, поверх всего — геологический костюм, меховое пальто. Крытое «чертовой кожей», от мехового костюма, на ногах — унты с шерстяными носками. На голове шапка из плотной цигейки. Руки — в меховых перчатках и байковых верхонках. И все же я мерз: холод проникал за воротник и под шубу снизу.

Очередное свое дежурство в ночь на Крещение я начал с проверки объектов жизнеобспечения: электростанции и котельной. Пройдя через парящую, как ракетный комплекс пред стартом, буровую, в дизельной я заставил машинистов запустить запасную электростанцию, проверил подогрев и количество дизтоплива в расходной емкости ТМУ и пошел в котельную... Неуютно и стыло пахло продрогшим металлом.

Котельная располагалась чуть в стороне и от буровой, и от балочного поселка. По пути в нее я почувствовал некий дискомфорт: дышалось как-то не так: ни как днем, ни как прошлой ночью. Припомнилось: нечто подобное я испытывал, когда студентами на ТЭЦ теплоизолировали стекловатой паропроводы... И сейчас мне показалось, что воздух наполнен микроскопической стеклянной пылью. Закрылся до глаз шарфом — дышать стало легче.

Противоположный берег был ярист, а наш опускался двумя террасами: на первой была вертолетная площадка, на второй, пониже и пошире, располагалась буровая со своим хозяйством.

Стояла белесая мгла и, несмотря на глухой ропот электростанции и пыхтение котельной, какая-то космическая, первозданная тишина. Безветрие, но щеку, обращенную к склону, даже через шарф жжет: это тяжелеющий воздух, словно кобыльи сливки, стекает в ложбины. Луна акварельно расплывчата — как солнце в Средней Азии после песчаной бури, вокруг нее двойное гало...

На культбудке один металлический термометр показывает минус 59°С, второй зашкалил. В спиртовом термометре красный шарик ужался до чечевицы. «Господи, спаси и сохрани!» —

где-то в подсознании мелькнула просительная мысль. Не за себя: за всех, находящихся на буровой.

Заглянул в мастерский балок: Сехниашвили и Василенко играют в нарды, чаевничают. Оба в унтах и в майках: вверху «Ташкент», внизу — «Арктика». Хотя и пар подведен, и самодельный тэновый обогреватель на пару киловатт включен. Вся беда — балок в «северном» исполнении! (Газокаротажная станция без пара, обогревается одним таким же «козлом», а тепло, потому что кунг сделан на совесть).

Строжу ребят:

— Отдыхайте! Неизвестно, что день грядущий нам сулит.

Отбрехиваются:

— Морозы пережили, потепление переживем!

И в самом деле, пережили!

Днем потеплело градусов на десять. И хоть было около минус 50°С, потепление ощущалось и радовало!

Бурильщик Кочнев (Ларионыч), улетая на выходной, предложил:

— Николаич! Скидавай ты свой цигейковый полуперденчик, на вот свитер мой. Все потеплее будет и — послободнее! «Энцефалитку» тож поверх оденешь — и ни мороз тебе, ни пурга! Не брезгуешь коли... Верблюжья шерсть! Вишь, нитка-т какая? Чуть не в целый палец! Во, цельный верблюжий спальник пошел! Маша, баба моя, делала: и пряла, и вязала. Зато в ем — как в печке, прям! Сам увишь.

Свитер из пряжи толщиной в палец, был мне до колен, рукава — соответствующе; ворот был по макушку. Розлач прилетел с базы досрочно, передал мне пакет от жены. Был он в глубоком миноре, на подначки не реагировал. Увидев меня в свитере, хохотнул:

— Не ваш, однако, Николаич, размер! — С его помощью облачился в кочневскую одежду и вышел на дежурство. Покрутившись на морозе пару часов, я с удовольствием отметил: удобно и тепло! За «не жалей!» признался: и легче, и теплее, чем в шубе!

— Все, Николаич! Прилетим на базу — выписывай себе и мне по верблюжьему спальнику на свитера! Озадачим жен: пусть прядут и вяжут! — шутливо говорит Анатолий Тимофеевич в ответ на мой отзыв о кочневском «прикиде». И тут же никнет: — Не знаю, как твоя Галина Ивановна, а моя Софочка

вряд ли: куда ей такую пряжу осилить... Это ж канат, не пряжа! А моя Софочка — что Дюймовочка! И как меня на такой куколке угораздило жениться?

Его Соня в самом деле фигуркой не более иной третьеклассницы! Но, как говорится, браки заключаются на небесах, и я из чувства такта никогда не поддакивал никому из недовольных своей половиной супругов: муж да жена — одна сатана, разберутся!

— И че меня заставило жениться на ней? — вопрошал между тем Розлач себя риторически, прислушиваясь в то же время к постоянно включенному на волне «Маяка» транзистору. Потом махнул рукой и стал рассказывать.

— Был я в Тюмени на курсах операторов газового каротажа при нашей «академии». Тогда с ней и познакомился. Работала она на заводе медооборудования, жила в общаге возле «Космоса»... Вот, Николаич, не познакомился бы — на хохлушке, как и брат, мог бы жениться! Ведь хохлушки — бабы во! Что тут, что тут; возьмешься, так уж чувствуешь, что маешь! А уж веселые-то, покладисты... Но! Гостевали вот у брата на Кубани... жена его — типичная хохлуха...

— Может, казачка кубанская?

— Нехай казачка, но все — при ней. Вот. Встретились как положено: по-русски! Утром поднялись — все готово, невестка зовет: пожалте, мол, гости дорогие, за стол чем бог послал, перекусить. Стол в саду накрыт, под грушей. Уставлен весь — чего только душа желает: ешь не хочу! Брат глянул разок — горилки на столе нема — и обратно на лежанку подался: «Ни... нэ хочу!». Невестка как клушка: «Да хоть салатику з'ишь. Сливочки? Котлетку, шо з пылу, з жару? А сальце, такэ сальце! Вареники ж вот з вишнею!» А брат: «Ни... нэ буду да нэ хочу!». Она тогда хлоп себя по ляжкам: «О!.. Яка ж беспамятна: горилку забыла!» — и мигом из погреба несет кувшинчик «горилки з перцем»... У брата сразу и аппетит появился, и он соизволил «исты»!.. Во, видал — какое отношение к мужу?! А тут...

Я расхохотался:

— Так вот ты почему такой смурной: Соня не дала тебе разгуляться! Поэтому и вернулся так скоро?

Анатолий Тимофеевич потихоньку, не без смущенья, тоже посмеялся и, повеселев, как-то по-детски шумно вздохнув:

— Ни-че!.. Нет худа без добра: профилактику сделаю... да и кое-что усовершенствовать собирался давно, — он назвал какой-то блок станции. — Переделаю — рацуху оформлю!

Он выговорился, и у него поднялось настроение.

— «Не жалей»? Или пойдем кашки манной отведаем и «кофе» выпьем? — в привычной манере спросил он меня.

— Давай — «не жалей»! Заодно посмотрим, что мне супружница прислала... — Я развернул пакет. В нем, как и предполагал, белье, носовые платки, полотенце, носки, из съестного — пирожки с капустой и яйцами, кусок сала и... бутылка «антигриппина» — водка на чесноке.

— Тимофеич! У меня, между прочим, Галина Ивановна, пермячка, не хохлуха! — с нажимом сказал я, демонстративно извлекая «антигриппин».

— Значит, в родне кто-то был: прабабка, может, — нашелся Розлач.

Мы приняли по «четырнадцать» капель «антигриппина» и почаевничали неторопко. Я залез в спальник, а Толик занялся станцией, чуть слышно напевая «В Вологде-где-где, в Вологде-где-где. .», он водил толстым пальцем по схеме, делал пометки в тетрадке, потом, поперхнувшись смехом, повернул улыбчивое лицо ко мне: не сплю ли?

— Ты че? Смешинку нашел?

— Не... Сбился! Сбился я тут... И случай, к слову, вспомнил, — он опять, будто хороший двигатель с первого оборота стартера, мягко запофыркивал-запохохатывал. — Это... в Тазовской экспедиции еще... На каротаж прилетели... как обычно: с хорошего бодуна. Станция на буровой долго стояла — барахлит. Стали разбираться... Начальник отряда вот так же по схеме пальцем водил-водил и вдруг: — Ой! — и хватается за висок. И поддерживая голову, будто полный, всклень! стакан водки, осторожно садится... Посидел — отошел вроде. Снова за схему: пальцем водит-водит, бормочет: так... это так... И опять за висок: — Ой! — Несколько раз принимался и все заканчивалось: — Ой!

Оператор завелся:

— Пить, — говорит, — меньше надо! Дай-ка я займусь! Но! Взял он тонкую отвертку и не пальцем, а ею стал водить по схеме.... Долго водил-разбирался. Наконец с радостью кричит: — Растуды-туды, нашел! И тоже вдруг: — Ой! — схватился за голову. И потерял найденное место!

— И чем же кончилось?

— Чем? Дремануди минут триста, «не жалей» сообразили да и разобрались. Так что, Николаич, оно и лучше, что так получилось. В баньку сходил, попарился, с женкой переспал — и ладно. А то бы тоже, не хуже тазовских, вскрикивал: — Ой! — он конвульсивно приложил руку к виску и состроил страдальческую мину. — Че уж тут, не умеем мы пить, Николаич, не умеем! И в этом — беда наша: удержу нету, как дорвешься... А выпить — че? Выпить не грех, можно, я считаю. С устатку... На праздник... Ладно, отдыхайте.

И, казалось, только я под «Вологду-гду-гду...» уснул, загромыхало запорное устройство двери кунга, противно заскрипела сама дверь, обдало холодом лицо, и меня разбудили: на связь...

На Северо-Хохряковской площади, что гораздо южнее Верхней Тольки, случился прихват инструмента во время ремонта оборудования. Я дал задание подготовиться к установке нефтяной ванны и ждать меня, расхаживая его, как будет возможность. У нас разгружался КрАЗ Михаила Люкшина, и я решил ехать с ним: прихват требует оперативности.

Люкшин летал как метеор.

— Михайла, когда ты отдыхаешь? — удивляюсь я.

— Пока грузят-разгружают. Да на подбазе, груженный, перекур с дремотой делаю. У водителя одна возможность заработать — на зимнике, так ведь оно? — Люкшин смеется. И через километр добавил: — Летом в отпуск хочу ехать — деньги надобны.

— У других (тьфу-тьфу!) рессоры сыпятся, то-сё... Ты — как?

— Летом не надо было ушами хлопать: как отремонтируешься, так и поездишь зимой. КрАЗ — машина хоть и военная, а уход и ласку любит! — он нежно поводил мосластой рукой по рулю.

На болотистых местах зимник прям и укатан до бетонной гладкости. КрАЗ загружен оборудованием с Верхней Тольки в ремонт, Михаил Люкшин ведет его по снежному «автобану» со скоростью под девяносто. В таежных оподольях да в кедровых гривах, где зимник начинал петлять и выпячивать свои ребра, он притормаживался — берег рессоры и гидроусилители. Всю дорогу я дремал, приваливаясь к дверце, утепленной по-хозяйс-

ки войлоком, но все же стылой: у меня закололо плечо, пока мы добрались до буровой. Здесь было 35° мороза, но с легким ветерком, и казалось, что холоднее, чем на Тольке.

Определив зону прихвата и закачав расчетное количество нефти, под утро бурильный инструмент освободили. При ликвидации прихватов главное — оперативность и определение характера и интервала прихвата. В данном случае все было соблюдено, и я днем с легким сердцем перелетел «домой»: на Верхнюю Тольку...

Жестокие крещенские морозы простояли еще несколько дней. Когда они упали до 42—45°, мы уже смогли продолжить бурение.

Я решил задержаться на буровой до тех пор, пока скважину не проработают до прежнего забоя: такие проработки после длительного простоя обычно канительны и чреваты новыми авариями. Но ствол у нас прекрасно сохранился! И все благодаря глинистому раствору: мы в него столько вбухали химреагентов (гипан, ГКЖ, КМЦ, графит), что он стал у нас по сути дела инвертным. При бурении он не утяжелялся самопроизвольно, великолепно очищался на вибросите без гидроциклона. Бурильный инструмент выходил из скважины «сухим» (эти свойства — водоотталкивающие — придавал раствору новый тогда реагент ГКЖ — гидрофобизирующая кремнийорганическая жидкость).

На буровой началась рутинная работа — бурение.

Улетая на базу, я заглянул в газокаротажку. Тимофеич делал очередную разгонку проб.

— Тяжелых фракций нет? — поинтересовался напоследок.

— «Триф-ифон»! — пропел Розлач.

— А все же, для проверки бдительности, дай бурильщику сигнал: «Газопроявление»! Посмотрим, как они отреагируют.

Недели три я не был на Верхней Тольке, скучал по ней, но неотложные бумажные и производственные дела не позволяли наведаться туда. К тому же и начальника экспедиции, и меня вызывали в Сургут, в объединение, для объяснения по поводу «верхнетолькинского беспредела». Я признал за собой единственную вину — что поддался давлению объединения и забурил этот номер в зиму. Мы планировали запустить эту буровую в марте, когда и морозы спадут, и световой день увеличится, и зимник еще будет действовать. Буровая бригада отбурила

бы к этому времени точку на ближних площадях. Наши доводы вас не убедили. Вы приказали: «Забуривать!». Отсюда и начался «верхнетолькинский беспредел»: там и сейчас стабильно 40°С мороза! Кстати, по техусловиям оборудование буровое рассчитано до минус сорока... Доводы убедительные вроде бы, но нам, для профилактики, вкатали по строгачу и сняли по одной трети оклада... Там же «обрадовали» сообщением о грядущей комплексной проверке экспедиции по технике безопасности...

Воодушевленный такими новостями, я, возвратясь из Сургута, решил первым делом слетать на денек в Верхнюю Тольку, чтобы решить: дотягивать ее до «уровня» или заранее настраиваться на «консенсус» с инспекторами. Скважина поисковая, несколько промежуточных каротажей, большой объем отбора керна. Потом испытание — объектов уйма... Прикинул — не успеваем до проверки даже отбуриться. Подчиститься надо в любом случае! Иначе опломбируют: шуму потом не оберешься!..

Прилетаю на буровую — у них «высокие» гости: два школьника-ненца чуть не из под Тазовского! Вокруг них — все свободное население Р-1...

На одних нартах лежит стреноженный олешек, маленький, жалкий. Впрочем, ездовые тоже не очень. Ребята учатся в Салехарде в интернате, сейчас на каникулах, гостят у родителей. Прослышали про верхнетолькинскую буровую и решили подзаработать на карманные расходы.

— А че тазовским буровикам не предлагаете? Туда же ближе! Да и сейсмиков там навалом... Охота было семь верст киселя хлебать! — удивляется Розлач. Он в тех краях когда-то работал, знает, о чем говорит.

У ребят смышленые лица, ведут они себя независимо, открыто, с достоинством. И чувством юмора обладают.

— Дальше — ближе... Нам все равно: бензин не покупать! — улыбаясь, отвечает один, розовощекий, с непокрытой черноволосой головой, хореем касаясь рогов ближнего оленя. — Там — олешек много, продавцов тоже, потому цена больно низкая. Нам это невыгодно! — признается чистосердечно.

Особенно старается их «достать» Гермогеныч, Юрий Головкин, бурильщик, задавая, как каким-то дикарям, совсем оскорбительные вопросы. Одергиваю его:

— Не валяй дурака! У них и транзисторы, как у тебя, есть, и телеантенны, возможно. А уж книжки и газеты они, может, побольше твоего читают!

И почти неожиданно для себя прошу улыбчивого каюра:

— Прокати! — И поясняю, смутившись: — Лет десять назад так же вот в Тарко-Сале катался...

— Я тоже в Тарко-Сале бывал: в гонках участвовал! — похвастался улыбчивый. — Садись! — показал на вторую нарту. И ловко, словно конник седло, махом оседлал нарту и с шиком, безжалостно тыча хореем в короткие по-заячьи хвосты оленей, промчал меня по снежной целине вдоль ручья.

Так и не уступив ни рубля, они умчались в снежную даль при сорокаградусном морозе искать другого покупателя.

Об их визите потом долго, кто с восхищением, кто с усмешкой и осуждением, вспоминали на верхнетолькинской буровой.

18 марта (запомнилось: День Парижской коммуны) впервые прекратились сорокаградусные морозы, запахло весной!

В апреле дошли до проектной глубины, а проектного пласта не достигли: по керну и каротажу можно было заключить, что он ниже метров на 200.... Беда с этими поисковыми скважинами! На Кыс-Егане, откуда перевезли эту бригаду, тоже у черта на куличках, кстати, было все наоборот: проектный горизонт оказался выше на 173 метра, и мы почти два месяца в час по чайной ложке скреблись по фундаменту, пока добились в главке изменения проекта. Вот и выполняй план по метражу с такими скважинами!

По верхнетолькинской, впрочем, дали разрешение на углубление без нашей просьбы, затребовав материалы геофизических исследований в главк. Углубиться еще на 200 метров... Легко сказать: углубляйтесь! А оборудование? Во-первых, старое и добитое. И, во-вторых, на такую глубину не рассчитано. И еще уйма технических вопросов. С бурильным инструментом — ладно, ЛБТ (легкосплавные трубы) выручат. Трубы есть, зимник держит: завезем. И обсадную эксплутационную колонну — хоть двумя секциями — спустим. А вот фундамент — не поплывет? Солнце вон уж как печет! Придется — опилки или торф подвозить — теплоизолировать. Одна радость — раствор! Неделями не ходим на скважину, а состояние ее ствола — как будто только что проработали! Лишний раз подтвердилась истина: раствор для «здоровья» скважины — это главное.

И еще. Как-то темным предутренним часом, с подачи объяснения Розлача — как его найти, сходил я по насту на глухариный ток...

Боже мой, что это был за ток!..

Нет, собственно тока еще не было: глухари сидели на соснах молча, но как величественно было их молчание!

Редколесный сосняк... Широкий морозный рассвет.... Воздух густой, вкусный — пломбирный... Контуры ближних сосен четко выступают из синеватой брезги.

Заметив, что увязавшаяся за мной собака поммастера Василенко Пальма посекла лапы в кровь, — наст жесткий, колючий, — я громко цыкнул на нее:

— Пальма! Домой! Домой!

Что тут началось! Впереди такой шум от взмахов тяжелых глухариных крыльев случился, что я растерялся, явственно ощутив движение воздуха... А когда дошло до меня, я испытал восторг: «Есть же глухариные места!».

Потоптавшись, разглядывая ток и пытаясь понять, чем это место привлекло глухарей, я услыхал впереди негромкое, с внутренним напрягом, погавкивание Пальмы: облаивала птицу. Оказывается, один глухарь-философ не поддался панике и продолжал обдумывать нечто важное, от которого его отвлекла Пальма, — она облаивала его с противоположной от меня стороны. Мне ничего не оставалось, как спокойно выбрать позицию и снять его... матерый, с сединой был таежный красавец, да и тяжел!

В мае, когда и на Верхней Тольке набухли снега, оголились пригорки и мшанники и кочки на болотах, соблазнил меня тот же Розлач сходить «послушать» тетеревиные тока.

— А попутно и на похлебку парочку женишков можно стрелить, — прельщал он меня, — и недалеко: рукой подать...

Под рокот работающей буровой так сладко спится: гремит буровая, значит, все в порядке!

Но Розлач безжалостен:

— Николаич! Николаич, вставай, уговор дороже денег! Сговаривались с вечера? Сговаривались! Подъем! На охоту пойдем! Я тебе вот мелкашку спроворил, патронов пачку... А токуют-то как, а? Пора: путь неблизкий!

Путь и в самом деле оказался неблизкий. Километров пять в полной темноте, проваливаясь в колеи, шли по зимнику. По-

том свернули влево и пошли по краю гривы. Начало брезжить потихоньку. Утро занималось пасмурное, теплое. Пахло талым снегом, набухающими почками, хвоей, дурманом: пахло весной. И явственно, с нескольких сторон, слышалось многоголосое, приглушенное расстоянием, но такое волнующее рокотание, бормотанье, воркованье, черт знает что! — тетеревиные тока!

— О! Круглые сутки токуют! — Розлач снял тощий рюкзак. — Торопиться нам некуда: привал сделаем. «Не жалей» соорудим, почаевничаем, тока послушаем — люблю эту музыку! Во-он в той стороне еще ток есть, но что-то не слышно: питаться, должно, улетели.

Мы стоим на опушке редкого в этих местах березового колка: березы небольшие, дюймов пять в диаметре, и с удивительно белой и чистой берестой.

Толик достал из рюкзака котелок, маленький топорик, и вскоре мы сидели перед уютным костерком, смотрели на огонь и слушали три тетеревиных тока... А потом пили из берестяных чаплыжек «чалдонский» чай из листьев брусники, веток смородины и багульника... Было так хорошо, что не хотелось никуда идти — а сидеть и сидеть под белоствольной чистой березой, превращаясь в ее прикомлевой отросток... Но Розлач мягко вывел меня из нирваны:

— Пошли, Николаич, петушиные бои смотреть... А то, если позже, распугаем...

По мшаному болоту трудно идти и опасно: в проходах между мшаниками кое-где была вода, и пришлось распустить болотники.

Полностью развиднелось, когда мы вышли на средину огромной болотины. Среди мшаников и полных водой окон высились редкие, вполне приличные — не чапыги! — сосенки. Все пространство было выполнено монотонным журчанием, убаюкивающим и будоражащим, перемещающимся из конца в конец гулом. Воздух дурманил: в нем пронзительно солировали скрипичные запахи багульника, талой воды, виолончельно источала аромат сломанная ветка карликовой березки, низко, глухо, тревожно — турецким барабаном — обдавало смрадом болотное чрево из провалов...

Я лежал н мшанике под сосенкой на куске бельтинга, который дал мне предусмотрительный Тимофеич. Впереди и слева — далековато — кружилось несколько пар косачей. Распу-

шив лирообразные хвосты, они угрожающе чуфыкали и налетали, задиристо подпрыгивая, друг на друга. «Бинокля нету!» — пожалел я.

И вдруг — фы-р-р!!! — на соседний мшаник, что метрах в шести от меня, враз, без глиссады, словно вертолетчики «духи», плюхнулись два тетерева! Хвосты веером, крылья вниз — и в бой! Только перья полетели! Расцепились и, чуфыркая, стали кружить... «Ну-на-тура-льные-же-ни-хи-рев-нив-цы! Ду-э-лян-ты!»

Что за красавцы! Какие позы! А расцветка боевая?! Что они вытворяли! Нет, не берусь описывать, просто поверьте на слово: красота! Незабываемое зрелище. Это надо видеть и слышать!

Не поворачиваясь, искоса, долго, пока вконец, до озноба не замерз, я наблюдал за ними, забыв про мелкашку. А как мочи не стало, я сел и сказал косачам:

— Браво, мужики! Вас к телефону! Пока выясняете отношения, вашу кралю третий уведет!

Они — ноль внимания! Чуф-ф-чуф-фы!

... А я-то, дурак, пошевелиться боялся! В сердцах я бросил в их сторону подвернувшийся сучок — и только тогда они с ходу, без разбега снялись и стремительно, с резким, сухим шумом разлетелись в противоположные стороны...

Розлача я потерял и домой возвращался один. Пред самой буровой, на сушине, я увидел одинокого косача. Подкравшись, выпустил в него полпачки патронов — он сидит. Думаю: «Уж не чучело, ли?» Нет, заметив меня, он с шумом снялся. Пострелял в сушину, как в мишень, выяснил, что... пульки всего на несколько метров «выплевывались» из ствола: патроны были, видимо, старые или подмоченные...

Толик со своей двустволкой 12-го калибра пришел под вечер и тоже пустой... Посмеялись мы до истерики. «А мы и не хотели! Мы же «слушать» ходили, а не охотиться... А стволы — на случай встречи с медведем. Я бы ему из своей мелкашки в одно ухо насыпал полста пулек, остальные — в другое...» — хохотал я, как когда-то давно, студентом.

В следующий раз встретились мы с Розлачем на Верхней Тольке на другой буровой — Р-3. Это скважина сразу была запроектирована на глубину 3400 метров, и буровой станок был смонтирован соответствующий — ЗД, способный бурить до 5000 м.

В июле пошел четвертый год, как я не был в отпуске. Кадровичка меня предупредила: не дай бог, мол, ревизор из финор-

ганов, — и отпускные за один год могут блыснуть. Я дал радиограмму в объединение с просьбой дать отпуск за два года. Ответ был категоричен: только после спуска кондуктора на Р-3 Верхнетолькинской...

Мы учли уроки Р-1 Верхнетолькинской, и все равно, если бы не лето, вряд ли гладко бы прошла забурка третьего номера. Но теплынь и белые ночи были нашими союзниками, и мы удачно спустили удлиненный кондуктор, и я в срок успел вылететь в Нальчик, на отдых по путевке в пансионат (кстати, впервые).

Ровно полмесяца я полнокровно отдыхал и лечил суставы.

И ни разу не вспомнил про работу: как, мол, там? И вдруг на пятнадцатую ночь видится мне ясный, совершенно реальный сон: при отборе керна на Р-3 Верхнетолькинской прихватило инструмент... Я сон записал подробно, дату и время. Даже фразу Василенко записал: «Жаль, Николаича нету!» Прилетев из отпуска, первым делом побежал на рацию, взял оперативный журнал сводок и — все тика-в-тику совпало! Вот тебе и телекинез! И Василенко подтвердил при встрече: «Да, говорил так...»

По керну и промежуточным каротажам эта скважина, к сожалению, обещает быть «пустой». До проектного забоя осталось несколько долблений.

И в этот раз, как обычно, захожу в газокаротажку:

— Как дела?

— «Трифон»! — поздоровавшись лыбится Розлач. — Как насчет «не жалей!»? С таежным сбором? Или обычным?

— Уговорил, нечистый дух! — фразой из его байки даю согласие. — «Не жалей!».

В кунге у Тимофеича чисто, уютно; вентилятор работает; «Маяк» вполголоса вещает...

Чаевничаем, общаемся...

И вдруг — замигали лампочки, задвигались печатающие каретки суетливо. Зашкаливает! Розлач меняет масштаб — снова зашкаливает!

— Николаич! Это уже не «трифон»! — озабоченно замечает он. — Сейчас разгонку сделаем, состав посмотрим.

А тут и бурильщик Николай Первухин заходит:

— Раствор пухнет, удельный вес падает.

Сыграл тревогу: «Выброс». Вахта четко закрыла превентор.

Дал задание мастеру: при интенсивной промывке выровнять параметры раствора, сменить компановку: спустить «недра» и отобрать керн. При подъеме инструмента скважину постоянно доливать!

Розлач между тем сделал разгонку:

— Газ «сухой»! Метан в основном, — как бы извиняясь, развел руками.

— И раствор... Газированной была небольшая пачка — призабойная, видно.

— Что за чертовщина! — чертыхаюсь я. — На этой глубине газ должен быть «жирным»! Даже сеноманский газ — и тот...

— А уж так хочется, чтоб газок-то был, а? Николаич? — подначивает Толик Розлач.

— Хочется! — серьезно, с нажимом отвечаю я, — еще как! Тебе не хочется, что ли? Зря мы с тобой сопли морозили? Вон сколько труда вложено: три бурстанка завезли, трубы, сыпучие, ГСМ... В такую даль!

Подняли «недра».

Собралась вся бригада. Повариха пришла, дежурные механизаторы. Все ждут, когда покажется керн. Извлекли керноприемную трубку...

Но вместо ожидаемого серого столбика песчаника диаметром 80 мм показалась... светло-коричневая, с охристыми пятнами самая настоящая орясина! С сучками, годовыми кольцами... Окаменелая, крепкая, как кость, но — древесина!

— Археологов надо вызывать: древнее городище на глубине три с половиной километра обнаружили, — пошутил кто-то.

— Может, скважина закривилась, и крен этот — во-он из того завала? — Анатолий Тимофеевич не удержался: съязвил и смотрит с лукавым любопытством на меня.

А я бездумно и упорно держу коричневатый, словно хлебная корка, сучок ископаемого дерева над пламенем зажигалки и жду: раскалится он, как каменный уголь, или нет?

Розлач сидит на низкой вращающейся табуретке, чуть не уткнувшись носом в зажигалку. Мне сверху хорошо виден его разлапистый нос в коротеньких ворсинках.

Вот наконец сучок начинает постепенно рдеть. И вдруг из него — на секунду, не более — вырвалось ярко-синее, цвета

индиго, тонкое жало сантиметров в восемь и чуть не впилось в любопытный нос Толика... Он резко отпрянул.

Я поспешно погасил зажигалку: далеко ли до беды?

... Когда-то в порах упавшего в воду дерева образовался метан. За сотни миллионов лет дерево в условиях нехватки кислорода погрузилось на 3400 метров. Росло давление, уплотнялась древесина, сжимался соответственно газ, как джинн, под давлением не менее 340 атмосфер рванулся наружу, не разбирая, что ему попадет на пути: и будь нос Розлача поближе на полдюйма, что бы с ним стало?

Пробурили мы на Верхнетолькинской структуре еще одну скважину, и снова — пусто.

И с этой буровой (№4) тоже был казус. Она уже заканчивалась монтажом, когда главный геолог объединения Гавриков стал настаивать на ее демонтаже и перевозке на другой номер, мотивируя перенос тем, что-де №4 зависим от новой точки. Я категорически отказался (начальник был на охоте, в отпуске, я исполнял две должности): во-первых, кто нам профинансирует эти работы, во-вторых, есть утвержденный ковер бурения, в-третьих, согласись я на предлагаемый вариант, буровая уйдет снова в зиму, а зимой забуриваться на Верхней Тольке я больше не буду! Разговор шел достаточно жесткий, но я не поддался. Когда я забурил осенью Р-4, говорили, что Гавриков, получив сводку, был очень недоволен. Впрочем, надо отдать Валентину Андреевичу должное. Опять же со слов: когда он узнал, что я на третьем номере отобрал керн, не предусмотренный ГТН, будто бы воскликнул, что первый раз слышит о том, чтобы главный инженер отобрал керн в непредусмотренном интервале по собственной инициативе! Обычно даже там, где указано, стараются главные инженеры проскочить сплошным забоем... и это было единственное мне утешение за Верхнюю Тольку!

Сейсмокаротаж Р-3 дал очень многое сейсморазведчикам по скоростным характеристикам отложений региона, и следующие структурные карты они выдавали более точные.

Газокаротажников иногда брали у нас «взаймы», а потом геофизиков вообще выделили из нефтеразведочных экспедиций.

Идем с Галиною Ивановной по берегу Ваха — снизу, от Максимки, а сверху, весенним наплывом, баян и соло, бархатис-

тое, с итальянским бельканто: «В Вологде-где-где... в Вологде-где-где!..»

Таким мне и запомнился на всю оставшуюся жизнь: с развернутым баяном в руках, с притулившейся Соней, веселый, поющий Анатолий Тимофеевич Розлач, сибирский газокаротажник, кубанский казак по родовому корню...

... И снова на часах Отечества роковые силы перевели стрелки: будто на летнее время перешли! — пожили, мол, по-зимнему и хорош! Снова смешалось в нашем Отечестве. Рухнула геологоразведка... Сослать Розлача, как деда в прошлый катаклизм, не сослали, но раскулачить — раскулачили! Как и у других северян, все его трудовые накопления, как говорится, блыснули! Многие опытные специалисты-геологоразведчики оказались не у дел, среди них и Розлач: вынужден был досрочно, по полевому стажу, уйти на пенсию. Пенсия получилась небольшая, у обоих. У них в самом Ханты-Мансийске однокомнатная квартира. Ведут они сейчас «здоровый образ жизни»: живут дачным участком и рыбалкой.

Не виделся я с Розлачами лет пятнадцать. Внешне они (благодаря «ЗОЖ»?) изменились мало, разве стали еще покряжистее. А вот в жизненном оптимизме Анатолия Тимофеевича надлом произошел:

— Нет, Николаич, что ты мне ни говори — неправильно... несправедливо поступили с нами: и со мной, и с тобой! Несправедливо! — И рассказывает о своих злоключениях с работой, зарплатой, пенсией...

— По доброму-то разве так надо было перестройку делать? Ну не с бухты-барахты ж, очертя голову...

Толик разделывает пойманного налима на уху, мы с Соней «причащаемся»: я пью водку, она, «за компанию» пиво. Тимофеич держит характер: даже на «четырнадцать капель» не удалось мне его уговорить.

— Вот «нет жалей»! — говорит, — с удовольствием выпью!

И улыбается: прежние, по-верхнетолькински веселые, искорки в глазах появились. — «Не жалей»-то не забыли? — лукаво смотрит, спрашивая.

— Не забыл, — в тон ему говорю, — и «не жалей» помню, и «Вологду»...»

И мы стали вспоминать нашу жизнь, общих знакомых...

Много интересного я узнал, в том числе и о себе, от Сони: она оказалась очень своеобразным и наблюдательным человеком...

Жизнь летела, длилась и кукожилась,
но манила счастьем — как сирень.
Оказалось — жизнь почти что прожита...
Где же он, счастливый самый день?
Жизнь свою просматривая пристально —
как сиреневый букет в росе,
мы должны признаться, что поистине
счастливы все дни у жизни.
Все!

Во время чаепития я сказал Розлачу:

— Тимофеич! Не жалей — без кавычек! — сил своих и труда на своем огороде и на рыбалке, считай, что это теперь — твоя новая «Верхняя Толька»! Что таким образом ты увеличиваешь валовой национальный продукт! Не жалей: мы и раньше себя не жалели. Так и будем жить!

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА

НА ВСЮ СТУПНЮ

Галина Серафимовна Кузнецова — директор детской школы искусств в поселке Высоком, который является частью Мегиона. Мы беседуем с ней в ее светлом узковатом кабинете, разделенном мебельной стенкой на две условные части: рабочую и зону отдыха.

О встрече мы сговаривались давно, и в Мегионе она могла бы состояться гораздо раньше, но, видимо, было так правильнее — встретиться на ее рабочем месте. Во-первых, по дороге я смог оценить изменения в самом поселке Высоком, где не бывал уже много лет. И, во-вторых, ощутить саму атмосферу возглавляемого Галиной Серафимовной учебного заведения не только с ее слов, но увидеть, услышать, прикоснуться к ее делу: самому почувствовать шестым — неведомым — чувством звучание стен музыкалки, впитавшей голоса отучившихся здесь учеников, первых преподавателей...

Сам поселок, честно говоря, произвел на меня впечатление какой-то спокойной неустроенности. Виной тому, может быть, снежная зима: серые кучи снега портили вид, так же, впрочем, как и обвисшие, как паутина, провода и кабели между бегущими врассыпную столбами и опорами. Разномастные тусклые строения и заборы с перекосиной не украшали поселок тоже.

«Впрочем, — укорил я себя в предвзятости, — Мегион после отпуска тоже кажется неустроенным. Для высоковской ребятни это — дом родной, по-домашнему уютный!»

И в самом деле, стоило мне пойти в школу искусств, как настроение сразу поднялось. Причиной тому были жизнерадостные детские голоса, приглушенная разноголосица инструментов, доносившаяся из классов, непосредственная игра цветовых пятен на стенах коридоров: работы учеников школы...

И поселок Высокий стал видеться мне уже в ином — одушевленном — свете.

Желание познакомиться с Галиной Серафимовной Кузнецовой возникло на вечере, посвященном 30-летию Мегионской детской школы искусств, когда я узнал, что она одна из ее основательниц, бывший ее директор в первые годы становления этого первого музыкального учреждения в Мегионе — в поселке, затем городе первооткрывателей черного золота Приобья...

Приятно было узнать, что Галина Серафимовна — коренная мегионка. Родилась она на самом берегу великой сибирской реки Оби! Стенания реки в период ледохода, раскат волны во время грозового половодья, ласковый лепет утренней ряби, лунная дорожка в штилевое затишье бабьего лета — все это было рядышком, под окошком! И это — незабываемо. И я уверен, сказалось и на характере Галины Серафимовны, ее братьев и сестер.

А самое главное — ее родители, их пример житейского, гражданского и человеческого подвига.

Такая подробность. Галина родилась последышем: в 45-м, победном году, 4 ноября (как говорится, в преддверии великого праздника!). В мамин день рождения! Поистине очень символично.

Мама ее, Анна Петровна Меринова, родилась за десять лет и три дня до «октябрьского переворота», в будущей Новосибирской области. Семнадцати лет по пылкой любви вышла замуж за сына священника Серафима Адамовича Седых. Поселились молодые в деревне Бочкаревке. Раскулачивали не только во время коллективизации, при Сталине, но и гораздо раньше: при добром дедушке Ленине; называлось это экспроприацией. В 20-м году «поповская» семья Седых была выселена из своего дома, а все имущество экспроприировано в пользу бедных. Анна Петровна не один раз встречала в своих нарядах жен комбедовцев, форсивших в них и в будни, видела и чаепитие (а чаще самогонопитие!) из своих чайных наборов. Обижаться горько она, мне кажется, обязана была, а вот злобе, судя по ее дальнейшей жизни, в ее сердце не нашлось места...

Оправившуюся после экспроприации 20-х годов молодую семью, вновь зажившую благодаря своему трудолюбию, во время коллективизации раскулачили: главу, поповича Серафима Адамовича, сослали на Прокопьевские рудники, а остальных — жену и двоих детей, посадив в телегу, выдав лопату и топор, по кружке овса и крупы сухим пайком, отправили на спецпоселение (постановление Кыштовского РИК № 3 от 12.05.1931 г.).

Везли, как работорговцы негров, в закрытых трюмах, умерших даже не давали предать земле по-христиански...

Но мир не без добрых людей и, видимо, не без Бога.

Серафиму Адамовичу удалось бежать с рудника, разыскать семью, при этом легализоваться, сдавшись в комендатуру. Как

бы то ни было, со статусом спецпереселенцев удалось им завербоваться на Нижневартовский рыбозавод уже в 1931 году.

Жили очень трудно. Местные жители к ссыльным относились настороженно, мягко говоря, запуганные пропагандой и репрессиями, с недоверием.

Но трудолюбие, добросовестность и порядочность семейства Седых делали свое дело. Перед войной в Мегионе открыли рыбоприемный пункт, и Серафим Адамович стал его заведующим (во время войны ему выдали даже бронь, хотя здесь могли сыграть свою роль и другие факторы: он был спецпереселенцем и у него было больное сердце). В Мегионе у Анны Петровны и Серафима Адамовича родилось трое детей — мегионцев; здесь же они со временем и сами навечно упокоились.

А тогда, в сороковом, зажили они в Мегионе как на земле обетованной: имелись и корова, и лошадь, и домашняя птица, и земля суровая отзывалась на радушное к себе отношение: росли огурцы на навозных грядах, капуста и картошка родились, и лук... А уж дары природы — сам Бог велел брать от щедрот своих!

— Орехи, грибы, ягоды... Не поверите: очищенных кедровых орешков по 12 бочек стояло! — говорит Галина Серафимовна. — Но ведь зато, как у мамы свободное время, мы за ней, как утятки за утицей, в лес, в тайгу, на болота — за этими самыми дарами... Всегда были при деле. Себе запасали и государству сдавали: за копейки, но и то приход. Дрова, сено — все у нас было запасено впрок. Это ведь начало пятидесятых: мне было лет шесть-семь. Из колхоза приходили — картошку из подполья выгребали. Сено забирали, если колхозному скоту не хватало, — обиркуют стог, и ты уже не хозяин! Бирку повесят и все: колхозное сено. Родители, братья по пояс в снегу, ометья собирают, солому, осоку — скотину чтоб сохранить, выходить. Скотину ведь не давали выгонять на пастбище — колхозное! Братья, сестры приезжают на каникулы к родителям — из сельсовета от секретаря несут бумажку: как детям спецпереселенцев отработать столько-то на покосе. Но жили мы хорошо, по-настоящему семейно, уважительно, счастливо! Родителей звали на «вы». Друг друга только Надя, Женя, Витя, Галя... Никогда — Зойка и т.п. И всему пример — родители! Ка-ак они друг друга любили! Мы... Вот я... Да и все остальные ни разу не слышали, чтоб они друг к другу как-то неласково, грубо обратились.

Пример любви между мужчиной и женщиной показали нам родители: кто, как не дети могут это почувствовать, скажите? И мы это чувствовали! Мы любили их безмерно, хотя они ведь и строги бывали. Порой, лентяю, даже жестокими показались бы...

... Я люблю эту тему: как, где, с кем мой герой или героиня очерка становился тем, жизнь которого стала интересна обществу? Мне прежде всего интересен, выражаясь по-геологически, «генезис» и «парагенезис» героя — ибо, зная их, я могу вычислить и внутреннюю структуру его, и его дальнейшее поведение.

Если читатель согласен с моей точкой зрения, то дальнейшие жизненные перипетии Галины Серафимовны он мог и без меня вычислить или предположить: они предопределены семьей и... обществом! Общество нельзя сбрасывать со счета, и оно на характер и поступки Галины Серафимовны в дальнейшем, безусловно, оказало свое влияние! (И не только на нее, на целое поколение, даже два.)

— Вы не представляете, как тогда дружно работали! Да-да! Подневольные! Беспашпортные! И — прочее! Но насколько у этих людей был мощен жизненный потенциал — это надо было вообразить! У матери, на рыбозаводе... в тузлуке, в крепком соляном растворе часов двенадцать... руки кровоточат — царапину вот солью присыпьте... О-о-о... сразу: «Не сыпь мне соль на рану!». А у матери-то шестеро по лавкам!

Галя, как и положено последышу, училась хорошо, была смекалистая, отзывчивая на ласку и понужание — в этом ничего оскорбительного, только уважение к старшим.

В семье все пели... От души. Без музыкальной грамоты. Как в деревне дети начинают ходить, говорить? Никто и не замечает. Так и тут: когда и как Галина научилась играть и на баяне, и на аккордеоне, никто не ведает. Она и сама вспоминает: «В школе, на уроках, учительница пения говорит: аккомпанируй...»

В четвертом классе Галя Седых была «звездой» Мегиона и его окрестностей.

Представьте те времена!

— На каком-то снимке я в разномастных валенках! А ведь мы, относительно других, жили хорошо. И — радость! Блестящие, глянцевые, внутри — розовая мягчайшая фланель, резиновые сапожки! Королева мегионская, кто еще мог появиться в них?! Сейчас никому костюм от Версаче не сможет доставить такого ощущения.

А к таким сапогам да еще и славу «звезды»? Четвероклассница поет про «два заветных деревца» возле «своего крыльца» и про «бьющиеся рядом», сами понимаете, «сердца»...

«Звезда» училась в сельской школе хорошо, помогала учителю пения аккомпанировать на занятиях и в конце концов поехала поступать в Тюмень в музыкальное училище...

Вот что значит большая семья! Старшая сестра в это время училась в университете, и Галя поехала к ней. И без музыкальной школы (т.е. без азов официальных) поступила...

Ах, музыка, музыка!.. Но сильнее ее — любовь!

Влюбилась Галина, вышла замуж и в конечном счете окончила музучилище заочно, уже живя в Мегионе...

Было это в 66-м году.

И, как говорится, где родился, там и пригодился! В 1967 году в Мегионе образуется филиал Нижневартовской музыкальной школы, а в 71-м — Галина уже директор.

— Чего бы не работать в Мегионе! Но... сами понимаете, без причины даже чирей не вскочит! Были причины, были! Да, вот уже и в Высоком пятнадцатилетие справила. А знаете ли вы, что и в Новоаганске, и в Ларьяке я основывала школы музыкальные?! Виктор Николаич, Виктор Николаич... Высокий вам зимой не понравился! Вас бы пятнадцать лет назад сюда да осенью...

Галина Серафимовна смеется рассыпчато, серебристо...

Она чуть полновата, но телесная округлость гармонирует с мягкими очертаниями луноликой головы, короткой стрижкой, которой мегионский или нижневартовский стилист подчеркнул ее своеобычность. У Галины Серафимовны ясные карие глаза в густых ресницах; кажется, что в них — яркая и требовательная ее душа вопрошает каждого о том, не худо ли ему живется и не надо ли ему чем-либо помочь.

Сама она в этом не нуждается: так воспитана!

— Как-то у сестры увидела качественную, но старую кофту, — вспоминает Галина Серафимовна. — Надь, — говорю, — что ты всякое барахло хранишь? А она: «Как память, Галя...» И рассказывает...

Приехали они с братом в Мегион на каникулы. Мать, как всегда, что в печи — на стол мечи по такому поводу. Отмякли детки, размечтались. Дочь: «В рыбкоопе такие кофты есть! Вот бы...» Сын: «А мне шляпа понравилась! Очень личит...» Мать им: «Ну так что ж, купим!» Дети ахают: «А деньги где взять?

Они ж дорогущие!» Мать успокаивает: «Отдыхайте, ребятишки! Утро вечера мудренее...»

А наутро чуть свет будит: «Кому шляпу? Кому кофту? Вставайте! Завтракайте и — кирпичи будем делать!»

Уезжали: одна — в кофте, другой — в шляпе.

Ох уж эти кирпичи! Сто штук — пятьдесят копеек. Столько мы их наделали, что, кажется, Великую Китайскую стену из них можно было бы сложить! Сейчас, наверное, уж и красной глины там больше нету... Дождик, мать зовет; «Детки! Штабеля укрывать!» Разведрилось: «Раскрывать...»

Трудились — как папы карлы... Зато и жили хорошо. Не хвастаюсь, получше многих мегионцев! Все у нас было — у первых! Радиоприемник, моторная лодка, водные лыжи, телевизор и т.п. Не по блату — по труду!

... Вот он, «генезис» и «парагенезис».

Неудивительно, что такой человек мог открывать очаги культуры в самых «некультурных» условиях.

В 1983 году председатель Высоковского поссовета Семаков познакомил Галину Серафимовну Кузнецову с местными руководителями: «Вот она, директор нашей музыкалки. Помогайте, товарищи!».

Она стала депутатом поссовета, более того, во время отпуска главы поселка — замещала его! И вот он, результат: не было ни здания, ни преподавателей, ни инструментов, ни учеников, теперь — полнокровно действующая школа искусств № 2 города Мегиона!

... Когда-то мать сказала дочери (почти дословно):

— Не озираясь, на носках, —
иди вперед, отринув страх,
навстречу завтрашнему дню,,
И ногу ставь — на всю ступню!

Согласитесь, не всем удается шагать по жизни, ставя ногу (сиречь, «эго», свое «я») на «всю ступню»! Галине Серафимовне — довелось! Хотя в ее школе и учат ходить «на носках» (на цыпочках, на пуантах — на хореографическом отделении), но притом еще будущих Улановых, Васильевых, Павловых учат самому главному: самоуважению и вере в свои возможности.

Россия жива глубинкой.

МОЙ ДРУГ И ДРУГ ТАЙГИ – КАЛМЫК

На скамейке у соседнего подъезда с некоторых пор я стал видеть грузноватого, в прошлом, видимо, могучего, мужчину со спокойным, достойным тела, осанистым лицом. Со временем мы стали здороваться. Голос у него солидно-баритонист, но не начальственен.

Из разговоров я понял, что это Николай Леонтьевич Ильин, мегионский старожил, в начале шестидесятых годов был председателем Мегионского колхоза. В нашем доме получил квартиру взамен своей отчей усадьбы, попавшей в зону застройки берега Меги девятиэтажками. Ныне, одолеваемый хворями, на пенсии, как и супруга — Зоя Павловна, всю жизнь проработавшая дояркой.

Я в то время только начал работать над циклом очерков «Здравствуй, сосед!», и, естественно, Николай Леонтьевич меня заинтересовал. Однако получить интервью у него удалось мне с большим трудом, по прошествии более года (то ему неколи: гости пришли, то нездоровится, а в другой раз я в аналогичной ситуации). Наконец, встретились! И опять беда: слова из Николая Леонтьевича не вытянешь, одни «да» и «нет»...

Следующую беседу, состоявшуюся чуть ли не через полгода, я начал в ином ключе.

— Николай Леонтьевич! Почетные грамоты, другие награды, сохранились, может? Ведь награждали вас «за успехи в соцсоревновании», поди?

Собеседник оживился.

— А как же? Этого добра хватало: сундуки обклеивали! Да и еще вон осталось: рулон цельный. Только это — мегионской поры. Совхозной...

Почетные грамоты двадцатилетней давности!.. Райкомовские... Окружные... Областные... Министерские... И просто: от дирекции совхоза, от шефов, от владельцев совхоза НГДУ и нефтяных объединений, а в последние годы в том числе и пенсионные...

Много грамот, много Чести на счету Николая Леонтьевича Ильина...

— Приятно было, — спрашиваю хозяина, — получать их? Или ценный подарок, премию приличную все же лучше бы?

Николай Леонтьевич хрипловато смеется, будто кашляет:

— Конечно, кто отказался бы! От подарка-то или премии хорошей. Да ведь и их давали по десятке-двадцатке. Время такое было. Все ж таки хоть бумажкой, а принародно отмечали, не забывали... Было такое, да, видать, отошло: хорошее-то быстро отходит.

— Значит, стимулировали все же почетные грамоты энтузиазм, толкали на трудовые подвиги?

— Внимание дорого было. Стрессы, как говорят сейчас, сымало. Приятно, все ж таки, из рук «самого» получить что ни то: отмякает душа, злости меньше становится.

Много грамот, да закончились, и разговор пошел с пробуксовкой.

«Родился в 27-м. В Красноярском крае. Как все пацаны деревенские рос. В школу еще не пошел, да какой: четырех не было, как отца раскулачили. Сюда, на Тюменский Север сослали. Судьба-то ведь как поворачивается? Трудолюбие есть у человека — нигде не сгинет! Нас сюда как кулаков сослали, перед колхозами. В землянках жили. Тайгу корчевали. Строились. На гривах да на заболотьях пашни создавали, луга, покосы. Гнилые места окультуривали, в нивы превращали, в сенокосы, в пастбища. Не только хлеба да картошку себе на потребу имели — животноводство подняли. Так вот и выжили. Семьи создавали. По труду и достаток имели. Веселились, бывало, праздники справляли, жизни радовались. Оно ведь, счастье, не в достатке одном да веселии, но и в простом труде... Когда все получается — к чему руку приложишь.

Непроходимые тут места были! Все на лодках, да зимой тоже больше по реке... Колхоз наш «Ударник» был — как сейчас по Вартовской дороге, где мост вправо... Дачи там сейчас... Да за Чертовым мостом же. Так там только сверху было гектаров пять пашни. Чапыжником позаросли наши пашни, луга и сенокосы. А ведь столько труда было вложено!

В школе долго учиться не пришлось: жить надо было, работать... Да в Мегионе и учился — у ханта квартировал. Ничего, добрый был. Продуктов привезешь с собой, вот и питаешься. И учишься..

В колхозе всякую работу справлял. И бригадирствовал потом. И председателем довелось побыть, Потом начались всякие «укрупнения», «объединения». В совхоз реорганизовали: в Ме-

гионский, потом в Вартовский, снова в Мегионский... До 800 дойных коров держали! А всего с молодняком и за две тысячи переваливало. Зиму — здесь, где фермы, а на лето — на пастбища — за реку перевозили аппарельками. В последнее время все больше скотником да на разных работах. На пенсию уходили. совхоз еще крепкий был. А сейчас все порушилось: ликвидируют, слыхал. Жалко».

Зоя Павловна подала фотоальбом, потом другой, третий...

Старые пожелтевшие снимки — ихней молодости, зрелости.

Цветные пошли — современные: внуков, детей, родственников и самих хозяев — в нынешнем обличье.

Разговор оживился, стал конкретным.

«Это — сенокос... Конные косилки...Раньше куда без коня?».

«Летняя дойка... Вручную доили! Да, это жена... Больше двадцати лет дояркой. Машинное-то доение, считай, перед нашей пенсией пошло...»

«Не-ет.. Не по поводу грамот праздник: родственники с Красноярска да с Иркутска: свояки, шуряки, свояченницы, племяши...»

И еще много подобных пояснений.

— А это с кем вы? — любопытствую.

— О, это мы с другом: Дорждеев Владимир Ачирович он. В гостях я у него это...

На обороте фотокарточки читаю: «На вечную память другу Николаю от Владимира. Снято в пос. Лиман в 1970 году».

— А где это — Лиман?

— На юге Астраханской области, считай, в Калмыкии. Тут такая история: калмык он. А калмыков в 43-м году много сослали в Сибирь. Будто как предателей. Как будто среди других наций не было предателей! Может, и у них были, но сослали-то женщин и детей! К нам в совхоз «Ударник» прислали пять семей. И в Лекрысово. И в колхоз Калинина. И в другие места. Вот и Владимир Дорждаев подростком, а был он помоложе меня, с 29-го, попал к нам; жили они впятером: бабка, мать, две сестры и он. У кого пацаны вроде него были. те семьи выкручивались: мужики все же! И по хозяйству управятся, построят чего, поохотятся, порыбачат опять же... Работали вместе с калмыками. Помогали чем могли... Вот и подружились. Хороший они народ, хотя и своеобычный: привыкать пришлось им и к климату, и к пище, и к порядкам

другим, менять уклад жизни. Сибиряками становились, таежниками... Да родина манила! Вот... А как реабилитировали их, в 57-м кажись, — приехал ихний представитель, калмык, организованно погрузил всех на пароход и увез на родину, в степи. Все ж калмык — «друг степей», а не тайги... Переписывались мы с ними, пишут: ничего устроились, в гости приглашают

Так вот и решились с Зоей Павловной: погостевали в Лимане, на Волге, в начале Ахтубы. Хорошо они нас встретили, душевно!..

Сейчас уже не съездишь! Ни на пенсию, ни на то, что в трудоспособные годы накопили. И накопления, и компенсация за дом да постройки — все, считай, коту под хвост. Куда там в гости слетать! Сейчас на все сбережения не то, что лекарства не купишь, таблетку или укол один выкупишь разве что. Про бесплатное лечение — одни разговоры... Телефон вот, правда, поставили, чтоб «скорую» вызвать, спасибо! Да мы что! Мы уж, ладно, свое прожили. Детям бы пожить, внукам, правнукам — правнук пока один, — им бы спокойно пожить. Без инфляции и безработицы... Без войн... Без реформ: с верой, что ни шока, ни «скорой помощи». Покоя хочется в старости, душевного равновесия. Запретно разве?»

Хотелось бы мне уверить Николая Леонтьевича Ильина, что вот-вот снизойдет на Русь высокий духовный покой, но память упорно диктует блоковские строки:

...Покой нам только снится
сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
и мнет ковыль

Нет не только высокого покоя, но нет пока у нас маломальского порядка и миролюбия ни в степях, ни в тайге, ни в городах и весях. И оттого грустно и моему соседу, и мне. И, думаю, его другу — калмыку.

РОМАНОВНА

Солнечный, сине-голубой, серебристо-сиреневый март стоял. Ярко, ласково-дремотно припекало соскучившееся по людям солнышко. Вокруг деревьев вытаяли с южной стороны луночки; сосновые окорки, веточки, хвойные метелки, словно живые, в снег зарылись. А уж железяки на буровой, будто каленые, из кузни, снег до самой торфяной изложницы протопили...

Романовну, бригадную повариху, вытаявшая помойка взволновала. Очистки там, скорлупа, банки-склянки, тут и там раззя-вившиеся, — это ладно бы, а вот все ее «грехи» выставились наружу: продукты порченые, кастрюлька вон до угольной черноты прокаленная, прогоревшая. Это неладно, убрать с глаз подальше.

Вот и сегодня... Надо же, молоко — убежало, каша — сгорела... И ведь, считай, на глазах: задумалась! А чего думать-то?.. «Ах ты, старая... вербованная!» И начала Романовна костерить память «девичью», душу «грешную», судьбу «сиротскую» и весь белый свет...

Отведя душу, вздохнула обреченно: «Ладно, чего уж там: кого обманывать? Червь зашевелился, змей подколодный! Свово требует... И то: второй месяц в заезде, иссох, гад, поди... Просить замену, однако, надо да ехать: залить ему глотку, чтоб захлебнулся, червь проклятый...»

И Романовна стала прибирать помойку...

Вечером, выбрав минутку, пришла к мастеру на рацию, попросила: «Леонтич, а, Леонтич? Это, слышь, замену мне проси. Неделю доработаю и все — шабаш! Как раз три заезда будет...»

Бурмастер сочувственно хмыкнул: невтерпеж, мол? И тут же связался с базой, передал просьбу поварихи.

Настроение у Романовны улучшилось, она быстро и ловко перебрала запасы, прикинула: сколько и чего заказать из продуктов, чтобы передачу подотчета произвести быстренько, на ходу и в тот же день, как сменщица прилетит, смотаться на базу... Составила заявку, отнесла мастеру и быстро, играючи сделала необходимые заготовки для завтрака. И еще пару дней жила Романовна с хорошим, предпасхальным, как в девчонках, настроением — и все-то у нее получалось вкусно, как никогда, и отпускала и «перше», и «вторэ» с легкой руки, с шуточками-прибасками, а если и прорывался острый матерок, то не со зла, по привычке...

В ночь накануне предполагавшегося ее отлета март вдруг накуксился, словно капризный балованый ребенок, зауросил,

заплакал... Рассвет занимался серый, тусклый, с восковой желтизной. Романовна как обычно в пять утра в столовую собралась, только дверь своего балка распахнула, и обдало влажным тревожным духом набухшего снега, весенней капели: с железной покатой крыши балка, из-под февральского сумета текла-выговаривала талая вода... тень-звень-потетень...

Сначала Романовна, после балка, вздохнула несколько раз глубоко, с удовольствием, но тут же сникла: «Так не улечу ж, в туды-сюды! Ой, и дороги ж, поди, сели — никакая машина теперча не пробьется!» — и засосало у нее в груди пуще прежнего. «Всю жизнь так: не везет!» — она или кто-то другой, живший в ней, заныл, застонал, заматерился, озлобился на всех и вся... И в это утро у нее снова что-то пригорело, убежало, просыпалось, разбилось... И буровики раздражали ее: были злые, усталые, грязные — одни, заплывшие, с недосыпом, привередливые — другие...

И точно, набухшие зимники стали непроезжими, а серое, низкое, словно с подбойкой ватина, небо — непролетным...

— Леонтич! — хмуро окликнула мастера Романовна пару дней спустя. — Имей в виду: продукты кончаются. Еще день-два — мука да рассольник в концервах останется.

— Что ж ты так опростоволосилась! — укорил мастер повариху.

— Дак к пересменке ж подгадывала! — стушевалась она: сама всегда хвасталась: «Запас карман не тра-та-та!». Поэтому отработала назад: — Ни-и-че! Ландориками буду кормить. Лапшичку. Клецки. Затируху... Придумаю: зубы на полку не придется класть!

Романовна вздохнула, выбрала уголок фартука почище, промокнула глаза, высморкалась, и дебелое ее лицо окаменело, голубенькие глазки сердито глянули на мастера из-под белесых ресниц.

— А ты че ходишь? В штаны наклал? — напустилась вдруг на мастера. — Ты базу-то давай-давай тереби! Не «База-база-базынь-ка...», а «База, так тебя перетак! Немедленно продукты! По санзаданию! По спасательному: с голоду, мол, дохнем! Дистрофики, мол, уже есть...» — она уперлась сильными полными руками в крутые бока и вдруг мелко затряслась в смехе, похлопала по «майорской» мозоли мастера и сказала серьезно: — А че, Леонтич? Тогда только и забегают, я знаю...

Добра Романовна, жалостлива, простодушна. Но и обидчива бывает, и своенравна — до капризности! Куда до нее погоде!

К примеру, случилось как-то работнику одного института, бывшему на буровой по какому-то ученому вопросу, попросить соли... Делов-то! Ан нет! «Ишь — ученый! Всем суп соленый — ему одному недосоленныи. Кхы! Соли ему мало... Да на, соли, жалко, что ли? — она двинула по прилавку чашку соли. — Соли, соли! А то скажешь, что соли тебе здесь пожалели...»

Пока смутившийся сотрудник торопливо ел, Романовна гремела посудой, от поры до поры фыркала: «Надо же! Суп Романовна разучилась варить... Недосолила!».

Кроме тех случаев, когда она «задумывалась», готовила Романовна вкусно, порции «насыпала» (ее слово) щедро, цены «калькулировала» божеские, кормила и в неурочное время. Поэтому у Романовны норовили перекусить и водители машин, и вертолетчики, и прочий попутный люд; а некоторые из них, создавалось впечатление, специально заворачивали к ней, чтобы посостязаться в складном сквернословии.

Но если кто наступал на ее профессиональную мозоль, она спуску не давала и по прошествии времени, как тому бедному научному сотруднику.

По иронии судьбы, чуть не через год, столкнулась она вплотную с ним в Тюмени (в отпуск ехала) и не смогла удержаться, воскликнула: «Ха! Иде-ет!.. Соли ему мало!..»

А так отзывчива была Романовна на чужое горе, особенно к друзьям по несчастью.

«Ну че хорошего в этом! — «воспитывала» она молоденького вахтовика, мучавшегося после дорожного перепоя. — Я уж, ладно, и то, когда за сердце змей подколодный меня цапает. У меня жисть такая была. А ты-то с чего? Че в ем, в винище-то, доброго? Счас всякой всячины скусной полно, вот и траться на нее, если гроши лишни завелись и щекотятся...»

Судьба у Романовны была нелегкой: послевоенное детство, образование «пять классов, шестой — коридор», в девках — хоть и веселая, но надсадная совхозная «жисть», лихобойное замужество, а после — сплошные «гербовки» (договора она тоже звала «гербовки»).

«Счас вот «гулаги» всяки поминают, — рассказывала она, когда находил на нее «стих». — А мы-то, по «гербовке» кто приезжал, лучче, что ль, жили!? Да так же, а ино и похуже. Об имя-то государство худо-бедно заботилось, а об нас — кто?.. Счас вот «путаны» называют, а раньше... «вербованная» звали.

Думаешь, от хорошей жизни было? Креписся-креписся, а раньше-позже, дашь. А иначе снасильничают все равно. А начни давать, не поспеешь штаны сымать... Вот, милок, такая жисть была чижолая. В молодые-то годы! Вот тогда этот змей зеленый, душеточец, и угнездился во мне, да так, что ничем его, паразита, не вытравишь... Аль не пыталась я?.. Одно время обрадовалась: ослобонилась, кажисть! Дочку завела, до института выходила: живи да радуйся, Романовна! Да нет: живуче, змеиное отродье, опять разгнездилось...

Вот и в этот раз «пожалилась» (ее слово) она Леонтичу, и легче вроде стало. Может, и перемоглась бы, да вскоре северок подул, снег занастился, зимники окрепли, и небо прояснилось... И улетела Романовна на базу.

В «нутрях» у Романовны снова зашевелился Змей-Горыныч огнедышащий, жег, калил душу несусветной тоской, и требовала душа, алкала: залей, Романовна, пожар зеленым вином...

Хватило у Романовны силы справить свои подотчетные дела, послать дочери перевод с припиской и еще кое-какие житейские нужды завершить прежде, чем она стала «тушить» душевный пожар, да так и не смогла и — сгорела...

Много разного люда, узнавши об этом, горевали искренне и желали мира праху ее и упокоя — душе ее страдавшей.

Вскоре после известия о ее трагической кончине приснился мне странный сон. Снилось мне, будто нахожусь я на какой-то аварийной буровой. Время — самый разбойный час, между тремя и четырьмя ночи. Вокруг глухая тайга. Погода слякотная, мерзкая: после мокрого снега подмораживает, дует порывистый зябкий ветер. Техника не ходит, в скважине дела не вяжутся. На душе кошки скребут — будто в предчувствии выброса газа или чего-то подобного — скверного. На небе черные мятущиеся тучи — будто поярковую черную шерсть теребят; сквозь эти клочья — проблесками — луна... И вдруг — не луна это уже: Романова! Бледная, печальная... Смотрит она на нас с неба, словно из своего проема для подачи блюд на котлопункте, укоризненно головой покачивает, да и говорит с зависливой тоской в очистившемся от хрипов и матюков голосе: «Ишь, живут... Плохо им — надо же!.. »

Тут небо затворилось, и стало мне сниться что-то светлое, забывчивое... Утром я встал и написал этот рассказ о ней. Больше мне Романовна не снилась.

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА

Была та чудная пора, о которой поэт сказал: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора — весь день стоит как бы хрустальный, и лучезарны вечера»

Клава Лысова, нет, Клавдия Ивановна Лысова — учительница же! — была на уборке картофеля в Лекрысово и в этот день кашеварила: была ее очередь. В облегающей кофточке, в подружкиных брюках чувствовала она себя подбористой, ловкой, привлекательной. Сноровисто и бережливо готовила она немудреный — похлебка да картошка с мясом — полевой обед, что-то напевала или просто механически, без слов, повторяла мелодию. И вдруг она почувствовала как бы томление духа... таинственный зов...

Бросив недочищенную картофелину, она пошла, словно в гипнотическом сне, на берег, и там, обвеваемая прохладой, глядя в хрустальную синь, Клава почувствовала никогда не испытанный восторг от того, что она всех любит, что ее — тоже все любят! И жизнь прекрасна! Прекрасны и земля, и небо, и река, и катер, и люди, которые на катере...

Чувства, хорошие, светлые, переполняли ее грудь, и она, не замечая, стала напевать: «Вижу чудное приволье... это родина моя...»

Было это в 1960 году. И Мегион стал ей второй родиной.

А родилась Клавдия Ивановна в Тюмени незадолго до войны. Жили в шитом тесом флигельке по улице Ялуторовской, рядышком с драмтеатром. Квартирка небольшая, с лежанкой, русская печь и, конечно, полати. Семья была большая: дед, Егор Перфильевич, краснодеревщик, всю жизнь «столы работал», бабка, Клеопатра Ивановна, родители — Анастасия Егоровна с Иваном Васильевичем, сестры старшие — Валя с Верою, братец-погодок Васенька да сестричка послевоенная — Наденька... Девять человек за стол усаживалось, девять ложек вокруг артельных размеров сковороды настораживалось, благословения ждали. Дед Егор детворе пенял: бери со своей стороны, к соседу не лезь; не вертись, ногами не болтай! Ешь за столом досыта, не таскай по зауголью! За этим и мать доглядывала: к порядку приваживала.

Во дворе стайка с пригоном и яслями (коровку держали без молока-то куда?), в стороне — огромный сенник, вокруг него поленницы.

На чердаке (по-тюменски — на «вышке») слуховое окошечко, словно в тереме. Позже, в школе, любила прилежная ученица Клава Лысова на вышке зубрить ответы на экзаменационные билеты. Не по одному разу по билетам прогоняла, зато на экзаменах все вопросики как орешки щелкала.

Раннее детство помнится Клаве фрагментарно, но ярко, красочно: невиданным до сих пор цветовым пятном, неслыханным аккордом, необычным запахом, формой, ощущением огромности мира, тяжести горя, горькости горечи, сладости счастья, радости слияния с окружающим: мамой, родными, травой, ветром, солнцем — со всем белым светом!

Мир познавали с братом Васей, старшие как бы в отдалении были. «Почемучками», кажется, и не были: самообразовывались, Васенька по дому как справочное бюро. Кому что надо — к нему: «Вася, где это? Где то?». Покажет! Сбегать за чем-нибудь, позвать кого, проводить: «Клава! Вася!». За руки подхватились, вприпрыжку — только их и видели! Ночь-полночь, моргнуть не успеешь, а они, как коньки-горбунки, запыхавшись, тут как тут: позвали, проводили или лекарство принесли... Бегали, не боялись. Особенно во дворе: жили тогда все доверчиво, открыто. Правда, после трагической смерти отца, а затем и дедушки мимо кладовки страшились ходить: гроб мерещился. Потом прошло.

Еще эпизод врезался ярко и на всю жизнь.

Недалеко от них, в парке, шапито ставили. Мать обычно сдавала циркачам маленькую комнатку на одно окно — «отгородку». Артисты через служебный вход водили взрослых, случалось, и детей. Цирк, конечно, удивил, запомнился. Но вот однажды выступала в нем — для нее специально помост вроде сцены сделали — Лидия Русланова. И она в русском наряде, косы короной, пела... Что там творилось: восторг! Ощущение восторга врезалось тогда в душу десятилетней Клавы: музыка! песня! поэзия!

...Радио — черная тарелка — постоянно включено. Уроки, рукоделье, уборка ли — слушает Клава радио, подпевает: оперная партия, романс ли, песня — все поется, запоминается... Михайлов, Максакова, Эйзен, Бунчиков, Русланова, Лемешев... Как забудутся потом такие голоса!

В школу — в победном сорок пятом: 53-я начальная, в деревянной двухэтажке. Учительница — Евгения Константиновна. Самая красивая, прекрасная! Обожание влюбленности:

думалось — как святая! Не хотелось верить, что она что-то ест и ходит, как все, в туалет... Потом 50-я женская школа, 5-г, сборный класс: элита и «деревня», так до выпускных и не исчезло полностью это противостояние... Классе в седьмом Клава обнаружила склонность к самоанализу, была требовательна к себе, любила правду-матку. В комсомол вступила по убеждению. Однако идеалы постепенно рушились — с познанием жизни. И тем не менее школьная жизнь катилась, кружилась, летела, текла, тянулась: весело, грустно, радостно, тускло, рутинно, скушно, с трепетом, с удивлением, с очарованием, с открытиями — до самого выпускного бала...

Первая в семье десятиклассница (у старших семилетка).

В геологи была мечта податься: романтика! Мать не пустила. Пришлось поступить в Тюменский пединститут, на филологический факультет...

К учебе относилась, серьезно: еще в школе поняла, что если учиться, то — хорошо! Подруг было несколько, еще со школы. Но особенно сдружилась с Верой Бичевой... Настрой у них сразу был общий: на работу ехать вместе, в деревню, в глубинку, лучше, если на Север, чтобы подзаработать деньжат и попутешествовать потом.

Мать стипендию у Клавы не брала: тратилась она в основном на книги, пластинки, художественные открытки, буклеты. Первая пластинка — «Евгений Онегин». И когда пришла пора ехать на работу, эти «учебные пособия», вместе с малогабаритным патефончиком, порядочно утяжелили багаж молодой учительницы. Но и сторицей оправдали себя, помогая в работе.

При распределении предложили им поселок Ларьяк: два литератора требуются. Согласились! Вещи до Ларьяка отправили водой, а сами — на перекладных: до Тобольска автобусом, через неделю ожидания на колесном пароходе «Пожарский» (без «князя») до Вартовска.

В Вартовске повезло: присоединились к учителям, которые ехали в Ларьяк на колесном же пароходике «Ненец» на августовскую конференцию; познакомились с будущей директрисой, с заведующим роно...

Однако после конференции пришлось возвращаться: у заведующего, оказалось, дочь окончила Ишимский пединститут и тоже словесник.

«Неужели я дочь к себе не приму? — обезоруживающе откровенно воскликнул он и предложил: «Коли уж так хочется вам вместе работать, поезжайте в Мегион: одна — словесником, другая — историком».

Так вот и оказались две подруги вместо Ларьяка в Мегионе.

Поселили молодых учительш в половинке дома, что рядом со школой. (Жив еще тот дом, осел, потемнел, но жив).

Школа — типовая сельская, тесновата, занятия — в две смены. Но место под нее выбирали и строили с любовью и — хорошие люди! На высоком бугре, в кедраче; вид на Заобье, что по левую руку, что по правую — необозримый, с голубьм окоемом. Внизу, под берегом, озеро. Школьное называлась. Сейчас оно заболотилось, да и вообще уничтожается. А раньше в водополье с Обью сообщалось, вода чистая, на питье брали. Но и для ребятни благодать: вода быстро прогревалась, чуть не в мае купались.

Так и началась у подруг благородная подвижническая деятельность: Клава вела литературу и в нагрузку пение (патефон и пластинки как тут и были!), а Вера — историю и физкультуру (по лыжам первый разряд не зря имела).

Новых впечатлений уйма! Поэтому день кажется длинным-длинным. Каждая мелочь запечатляется на всю жизнь. В Тюмени, у родителей, кажется, не была уже целую вечность! Писем написано много и многим, скоро и сами по новому адресу будут получать.

Раннее сентябрьское утро. Первая изморозь. Все в инее: красота неописуемая! А воздух! Густой, прохладный, вкусный, — не дышишь, а словно пьешь его, глотаешь, насыщаешься им... смакуешь...

«Клавдия Ивановна, на уборку картофеля если, как посмотрите?» — директор. «Положительно!» — Клава, Клавдия Ивановна.

«Брюки мои надень! — предлагает Вера подруге, помогая в сборах, — пофорси!» (а женские брюки тогда и в городах-то только-только в моду входили).

Володя Свиридов, колхозный тракторист, стройный симпатичный парень, приплыл в тот день в Лекрысово из Мысовой Меги.

Еще на подходе к берегу он заметил девичью фигурку на взгорье.

«Ишь стиляга, — почти неприязненно отметил про себя. — В брючках-дудах!» И вдруг почувствовал, как сердце обдало жаром, кровь горячей волной ударила в голову, и в сознании яркой вспышкой родилась новая, ослепительная мысль: «А будешь моей!». Только улетела на своих неведомых крыльях эта шальная мысль, вместо нее вспыхнула следующая, радостная, уверенная: «Да, она будет моей!». Какие там переключения произошли в голове, но с этого момента заработала у него в сознании как бы радиостанция с позывными: «Она будет моей!», а в сердце (или в душе?) поселилось НЕЧТО бессловесное, томительное, сладкое, грустное...

Месяцев через десять, летом 61-го, они поженились.

35-й учебный год начался у Клавдии Ивановны Свиридовой...

Однажды и навсегда избрала она подвижнический путь наставника, педагога, УЧИТЕЛЯ.

35-й год она мегионка.

Мегионки и мегионцы ее дочери, внучки, внуки...

В Мегионе — однажды и навсегда! — нашла она свою половинку: Владимира Константиновича Свиридова, ныне — вечного мегионца (да будет ему мегионская земля пухом).

Хорошим человеком и мужем был Володя: заботливый, ласковый, уважительный. Как говорили знакомые, понимающим человеком, интеллигентным, одним словом, хоть и без образования (интеллигентность души, она ведь не от образованности — от природы, от Бога).

Рано Владимир Константинович покинул землю, рано. Бережно хранит память о нем Клавдия Ивановна, вещи его некоторые бережет, заново переживает каждый денечек, проведенный вместе. И хоть печаль уже светла, старается быть больше среди людей: днем — с учениками, вечером — с внуками.

Сколько их, детей, прошло через ее душу за эти годы! Уже внуки первых ее учеников — школьники. А некоторых ее первых учеников уже и нет. Вот Володю Печорина недавно схоронили. Для кого он был главным геологом и прочее, а для нее — симпатичный, белобрысый способный ученик Вова. Многие разъехались: вышли в люди, вышли в жизнь, некоторые «вышли в море».

...Что посеется в детстве, пожнется во взрослой жизни. Черты характера, заложенные в детстве, свойства души остаются, со временем обрастая разве что листвой, цветками, подобно сажен-

яблоньки. Так уж случилось, что помнит Клавдия Ивановна почти всех своих питомцев, следит, как обрастают они ветвями и листвой. Отзывчива, легка на подъем, когда нужно кому-то помочь. И так во всем. Внешне, кроме разве что глаз, она, конечно, изменилась, но душа у нее по-прежнему Клавина, детская, неизменная — и, значит, бессмертная., данная однажды и навсегда.

...И вновь, как в 60-м, выдалась дивная пора:

Теплынь! Словно лето вернулось
отдать нам с тобою должок,
за морось июньскую, хмурость.
Учись у природы, дружок:
долги отдаются сторицей!
Прекрасен платеж, подивись:
деньки журавлиной станицей
взмывают в хрустальную высь.
Как жаль, что их мало осталось.
Но в памяти ты сбереги
такую, казалось бы, малость:
как солнце вернуло долги.

РАЙОН И ЛЮДМИЛА

Людмилу Николаевну Булахову встречал я наверняка в прежние годы, когда по служебным надобностям приходилось мне бывать в дальних — не в уголках и не в углах даже! — пространствах Нижневартовского необъятного района.

Не потому ли таким приятно знакомым показалось мне выражение ее классически красивого — чуть фурцевски-строгого, маргарэттэтчеровски-властного, зыкински-русского — лица?

Или это было чудесное воздействие света, падающего на нее из окна, выходившего на север, и своею нежною кистью художника-визажиста убравшего с лица Людмилы Николаевны все морщинки, приглушившего румянец, оставшийся после жесткого, нелицеприятного телефонного разговора с неизвестным мне абонентом и смягчивший волевую линию рта, превратившуюся вдруг в обаятельную женственную улыбку...

Все внимание — вам!

«Скорее всего, недавно на каких-нибудь курсах Дейла Карнеги изучала, — попытался я приглушить окутывавшее меня обаяние собеседницы. — Знал Хохряков, к кому направить: тут из меня веревочку совьют и узелком на память завяжут!» — обреченно подумал я.

Однако проблема, с которой обратился я к Булаховой, заместителю главы Нижневартовского района, была деловито и непринужденно превращена в вопрос, на который я получил исчерпывающий ответ.

На этом наше очное знакомство с Людмилой Николаевной могло бы и прекратиться, но...

Как всегда, если нужно продолжить разговор, появляется это пресловутое «но»...

Уже давненько я обратил внимание на то, что во всех окрестных городах и районах, округах, селениях и весях главы администраций — мужики, а заместители по экономике, налоговой политике и т.п., извините меня, — бабы!

И невольно у меня возникли ассоциации с трудными послевоенными временами...

Тогда тоже: председательствовали, секретарили, директорствовали, начальствовали — мужики, а пахали, сеяли, пололи, жали, учили, лечили — бабы.

Потому что мужчина — революционер, генератор идей, политик, а женщина — консерватор, хранительница очага, рецептов, идей, жизни?

Макроэкономикой пусть занимаются Чубайсы, Абалкины, Гайдары, Буничи, Грефы, а проблемами выживания — экономикой ни микроуровне — уровне семьи, села, деревни, района, округа — опять они, бабы? Двужильные, экономные хозяйки, привыкшие выкручиваться: чтоб и на хлеб с маслом денежек хватило, и на обновку, и ?.. Не так ли?

Кто они?.. Как их зовут-величают?.. Где они выросли, научились хозяйствованию? Какие они — замы «глав»: семьи, учреждения, АО, администрации?..

Чтобы ответить на эти и другие вопросы, я решил встретиться с некоторыми из них и поговорить. И по результатам этих бесед написать цикл очерков. Очерк о Людмиле Николаевне Булаховой первый из этого цикла.

I. «Мама, я хочу домой!»

Август 1974 года... Нижневартовский аэропорт...

«Небесный тихоход» АН-2 под погрузкой. Заказчик — Нижневартовский райрыбкооп («фирма» Петра Федоровича Кожедуба, председателя райрыбкоопа, известного в то время человека)

— Сопровождающий! Где сопровождающий? Вы? — спрашивает представитель ПАНХа молодую стройную женщину.

Сопровождающим была... Людмила Николаевна Булахова, товаровед Нижневартовского райрыбкоопа, работающая в его системе, как тогда было принято говорить, с апреля 1974 года.

— Сопровождающий — кто? — это уж бортмеханик; чуть погодя не попросил, скорее приказал: — Займите место в салоне.

«Салон»!..

Если с аглицким акцентом: у-унутренности объевшейся акулы или кита! Серое, нитроэмалевое чрево битком, до самых хвостовых шпангоутов забито промтоварами и продуктами: коробки, ящики, упаковки...

Как там «занять» место, она сначала и не представляла. Но... как и Людмила сказочная в царстве Черномора, вскоре освоилась и полетела — в Корлики! Что-то отодвинула, передвинула, переложила, и вполне уютно стало в «салоне» грузового АН-2: рядом иллюминатор, словно круглый экран телевизора, по ко-

торому медленно плывут занимательные при кажущемся однообразии кадры...

... и лес как лес... и небо как везде —
высокое — над Западной Сибирью...
И взору праздному, пожалуй, скушно здесь,
как над морской в штиль — синеватой ширью...
И, как везде, темношатрова ель...
А ягельник хранит прохладу почвы...
И все вокруг на тридевять земель
извечно, первозданно прочно...

Бортмеханик обернулся, любезно поясняет: это, говорит, речка Вах, трасса — вдоль него... а это — приток... Кулунигол... у-ух! Воздушная ямка попалась: не пугайтесь, не нарошно... Смотрите: утки! А вон... во-он, гли-ка: лебеди! Белые, как снег... Да, есть еще непуганые места... Горд авиатор в синей репсовой спецуре: видел несметные — мошкариными роями — утиные стаи и в других местах, есть с чем сравнивать.

Надсадно-убаюкивающе гудел мотор. Прохладный сквознячок взбадривал, а иначе б задремала Людмила Николаевна. Груженный под завязку самолет тяжеловатой лодкой покачивался, проваливаясь, будто с гребня, вниз, вызывая щекотливый холодок в груди и нечаянный возглас: «А-ах!» Вдруг самолет заурчал по-шмелиному и лег круто на крыло: центробежная сила повлекла в сторону, а в иллюминаторе вместо купоросной синевы неба появилась ершистая тайга, перехлестнутая иссиня-коричневой лентой реки, проплыли, будто игрушечные, лубяные, вразброс избы поселка и бегущие фигурки людей...

«Посадка?!» — с радостным нежеланием дрогнуло что-то в груди товароведа. «Неужели прилетели?» — вопросила она себя отчужденно.

Чувство она испытывала двойственное. С одной стороны, была рада, что прекратился наконец изнуряюще-захватывающий полет, а с другой — хотелось лететь и лететь, может быть, всю жизнь: она уже как бы стала привычной и необходимой участницей движения. Прерывание же полета таило в себе что-то новое, неизвестное...

«Ф-фр-рр!» — будто ладонями вперед: тормознулись.

Любезный бортмеханик открыл дверь и пригласил: «Пожалте: Корлики!» — словно «аглицкую» королеву пригласил вступить на ост-индийскую землю...

Все Корлики сбежались, чтобы встретить прибывший из метрополии воздушный «лайнер».

«Боже! Инопланетяне! Все другое: лица, говор, одежда... Да я ж колонизаторшей выгляжу со своим ростом, цветом кожи, одеждой! Впрочем, не одинока: вон, вон и вон...»

— Зав. приемным пунктом, — представилась она, — Надежда Николаевна Бабкина... разгрузку организуем мигом! — И пошла договариваться насчет трактора.

От души немножко отлегло. Зато тело — как будто в кипяток поместили: горели уши, щеки, кожа на руках и ногах зудела, глаза ело — будто мыло попало... И даже дышать нормально было невозможно: гнус попал в горло, и она закашлялась. Сквозь невольные слезы поселок показался ей до невозможности убогим и унылым.

«Боже мой! Куда я попала?! Чего не жилось мне на Большой земле? Чего не хватало?! Мама, я хочу домой!» — пронеслось у нее в голове.

И она беззвучно заплакала на взлетной полосе.

II. Родовые корни

Родилась Людмила в послевоенной Германии, в старинном немецком городе Ростоке. Но родовые корни ее исконно русские: тульские! У каждого при упоминании этого слова в памяти сразу и Левша, и самовар, и пряник печатный, и оружейник демидовских времен, и, конечно, Тула — древнейший «железоделательный» центр России. Но не всяк туляк был к железу приставлен — были и просто тульские землепашцы.

Тульские земли — это тебе не украинский чернозем, это — зона так называемого рискованного земледелия. Но пращуры не думали об этом: осваивали ее, родимую, трудом своим лелеяли, потом поливали. И она откликалась: кормился с нее пращур, и оброк платил, и барщину отрабатывал, и детей своих на ней пестовал, а в них — победный российский дух.

На берегу Оки, в Алексинском районе Тульщины стояла деревушка в сто двадцать домов — Толкино называлась. Деревня эта, как нынче говорят, была «спальным» районом арматурного — старинного, демидовских времен — завода.

Дед Люды, Василий Иванович Алешин, слыл высококлассным слесарем-лекальщиком, человеком редкой профессии, требующей таланта Левши. «Металлист», — в начале века называ-

ли таких специалистов-рабочих. В те времена, кстати, и слова «техник», «инженер» звучали гордо, и труд тех, кто носил эти звания, был уважаем и вознаграждаем.

Слесарь-лекальщик... Ему доверялось изготовление деталей, имеющих сложные, плавно сопрягающиеся поверхности. «Лекало» — символическое слово! От него не уйти и нынешнему, закомпьютеризированному поколению, за которое сложные поверхности вытачивают автоматы по соответствующим программам, но и им надо находить плавные сочленения житейских кривых и коллизий.

Жители деревень — спутников демидовских заводов сами были своеобразными лекалами, совмещавшими плавно жизнь рабочего и крестьянина. Заводчики, как правило, отлаживали производство таким образом, в частности, ремонт оборудования, чтобы рабочие могли в своих деревнях и селах исполнять сезонные крестьянские работы: сев, сенокос, жатву, пахоту... и даже справлять большие праздники.

Так было и на Тульщине. Но не во всех селах и весях.

Существовали и исконно сельские деревни, жители которых довольствовались только дарами земли. Более того, снабжали и тех, кто к земле не был так привязан.

Бабушка Людмилы, Евгения Николаевна, из тульского земледельческого города; эта ее родня получала от земли возблагодарение по трудам своим, а хозяйство вела рачительно, с оберегом, как, впрочем, и большинство селян-одноземельцев. Такие деревни даже своим обликом отличались от селений — заводских спутников. В отцовской деревне, к примеру, крыши по большей части были ершистые: из дранки, а в материнской, жившей землей, — железом крытые, да и дома — на каменном цоколе, а то и сами — каменные, более того, даже амбары и дворы у многих — кирпич да железо! А уж церковка какая у них стояла — в губернском городе завидовали!

Отец Людмилы — Николай Васильевич Алешин, 1923 года рождения.

К началу Великой Отечественной войны Николай Васильевич успел окончить семилетку и школу по противохимической защите под Нарвой. И в восемнадцать лет стал на защиту своей Родины. Войну он прошел, как говорится, «от» и «до». О том, как он воевал, говорят его награды: два ордена Красного Знамени, два — Отечественной войны, одиннадцать медалей...

Мать, Елизавета Борисовна, окончила сельскую семилетку, бухгалтерские курсы. К этому времени фронт стремительно приближался к Туле, российской оружейной кузнице, и все трудовое население города и пригородов мобилизовали: кого — в противовоздушную оборону (зажигательные бомбы тушить, пожары), кого — окопы рыть, противотанковые рвы, надолбы ставить. Другие вступили в ополчение, взяв в руки оружие, которое продолжали выпускать и в этих условиях мастера-оружейники. Одним словом, туляки стали непреодолимой преградой на пути фашистского вала под родной Тулой, будущим городом-героем.

С полной отдачей трудилась на сооружении оборонительных рубежей под Тулой и Елизавета Борисовна. А когда немцев погнали от Москвы и Подмосковья, она вступила в действующую армию и воевала в составе 2-го Белорусского фронта до Победы; она также отмечена боевыми наградами.

Елизавета Борисовна и Николай Васильевич воевали на одном фронте, и в 44-м году, под Минском они познакомились. А в 46-м, в Берлине поженились. Николай Васильевич в то время служил в комендатуре советских войск. А Елизавета Борисовна — вольнонаемной в финчастях.

В Германии Алешины прожили около шести лет: в Берлине, Шверине, Ростоке... Там у них и родились дети: дочь и сын.

В 51-м году Николая Васильевича перевели в Союз. Служил под Москвой, под Горьким. А через два года направили на Дальний Восток. Камчатка, Сахалин — места службы. Строил он военные аэродромы, поэтому места дислокации менялись часто — по завершении строительства. Семья, естественно, следовала за ним. Люда, например, в первый класс пошла на Сахалине. Пока получала среднее образование, сменила семь школ! Если учесть, что последние четыре года она училась на одном месте, в Калуге, где они обосновались после того, как отец попал под сокращение Вооруженных Сил 1961 года, то получится, что в одной школе она училась не более года.

После демобилизации в возрасте 36 лет (а выслуги — война, затем служба на Севере — аж 27 лет!) Николай Васильевич стал работать в гражданском строительстве, а Елизавета Борисовна — в финчасти Калужского УВД, и так — до пенсии.

III. Выбор профессии

Аттестат зрелости Люда получила в своего рода високосный учебный год: в стране шли эксперименты со школьным образованием, и десятилетки и одиннадцатилетки «выстрелили» дуплетом — конкурсы в вузы удвоились! В то время мечтала она стать медиком. Будь это обычный год, и она, вероятно, выдержала бы конкурс, ее мечта могла бы осуществиться. Но — не получилось. Попробовала себя на педагогической стезе: проучилась пару лет в педагогическом институте, поработала даже в школе учителем... В конечном счете окончила кооперативный техникум, затем стала учиться по специальности в институте заочно. Как видим, с профессией определилась не сразу.

После окончания кооперативного техникума Людмила Николаевна получила направление в Калужский облпотребсоюз и стала товароведом.

Работа товароведа облпотребсоюза была связана с постоянными командировками в сельские районы Калужской области. Козельск. Жиздра. Таруса. Медынь. Полотняный завод... Обнинск... — это все Калужская область. Что ни название — гамма ассоциаций! Неброские, милые сердцу края... Срединная Русь!

Потребкооперация в те годы интенсивно развивалась, проникала в самые глубинные села и деревеньки. И молодому товароведу приходилось вращаться постоянно среди людей: разных по возрасту, образованию, укладу, нравственным устоям. И это ей нравилось!

По всей вероятности, к такому беспокойному стилю жизни была она «приуготовлена» еще в детстве, когда ее семья следовала за отцом по необъятным просторам Советского Союза и зонам его влияния, и ей, волей-неволей, приходилось адаптироваться и к новым природным условиям, и к незнакомым ребячьим сообществам. И она не терялась: в школьных коллективах была активисткой, пионеркой — председатель совета дружины, комсомолкой — секретарь школьного комитета комсомола. Среди гарнизонной детворы — непременная заводила. Даже среди мальчишек верховодила!

Росла она акселераткой (слово это, нынче привычное, в то время только входило в наш обиходный лексикон), сильной, ловкой, при случае могла пацанам и надавать. На Камчатке

Люда имела свою собачью упряжку и управлялась с нею не хуже иного джеклондоновского героя.

Там же, через дорогу от военного городка, располагался гражданский поселок, жителей которого звали задорожниками, и Люда командовала даже «задорожненской» ребятней, имела свой «штаб». Со своими подчиненными конфликтовала командирша всегда по делу, а наказывала — только заступаясь за младших, часто — за братишку. Расправлялась она скорее символично: причинять людям боль было ей не по душе. Наказание обычно заключалось в том, что она хватала обидчика за ногу и за руку и, раскрутив, отпускала его — и он, визжа, плюхался в дальний сугроб... Сплошное удовольствие!

Непроизвольное желание заступиться за слабого осталось у нее на всю жизнь. Однажды, уже взрослой, в троллейбусе она сделала замечание наглому типу, пристававшему к беременной женщине, он проигнорировал и продолжал нести прежнюю чушь. В негодовании Людмила Николаевна чуть не повторила отработанный в детстве прием, но вовремя спохватилась, ограничившись рывком за руку, — и этого оказалось достаточно, чтобы «молодец против овец» стал продираться к выходу...

В двадцать один год она вышла замуж за Александра Ивановича Булахова.

С будущим мужем познакомилась еще в школе: она училась в седьмом классе, он — в девятом.

Александр Иванович с детства мечтал стать летчиком. И мечта стала сбываться: поступил в летное училище, делал уже вылеты, правда, с инструктором. Но в одном учебном полете, в аварийной ситуации, пришлось катапультироваться... После госпиталя его комиссовали. Крушение мечты Александр Иванович перенес мужественно: поступил в самый престижный советский вуз — МВТУ им. Баумана и успешно окончил его.

После свадьбы, несмотря на прекрасные отношения с родителями, молодожены решили жить самостоятельно и стали — через друзей и знакомых — зондировать, где бы получить приличную работу с гарантией получения жилья.

У Александра Ивановича нашлись влиятельные знакомые, занимавшиеся проектированием разработки гремевшего в то время Самотлора, и с их подачи он оказался в Нижневартовске: с ноября 1973 года стал работать в тракторной конторе...

А в апреле следующего, 74-го года в Нижневартовской райпотребкооперации появился новый товаровед — Людмила Николаевна Булахова.

Поездка в Корлики была ее первой командировкой в нижневартовскую глубинку.

IV. Однажды и навсегда

По постановлению правительства в 74-м голу производилась переоценка материальных ценностей. В Калужской области Булаховой уже приходилось заниматься этой пыльной в прямом смысле работой. Но одно дело — заниматься ей под Медынью или Жиздрой и совсем другое — в Корликах, в комарином раю... Очень страдала она от таежного гнуса!

Да и предстоящая работа наводила уныние...

Боже! Чего только не было в лабазах Корликовской потребкооперации: будто время вспять обернулось!

Галоши с малиновым нутром (Тотошу бы сюда!)... «Прощай, молодость». Фетровые — директорские! — бурки... Офицерские парадные пояса... Рыбные консервы... и т.п.

Некоторые товары завоза 49—51-го годов!

Переоценка, конечно, ни разу не производилась.

Преодолев своеобразный шок, Людмила Николаевна принялась за работу, памятуя, что глаза боятся, а руки делают.

За работой постепенно и отошла, и ей даже понравилось расчищать почти антикварные завалы. К пологу, к ДЭТе, к накомарнику привыкать стала. С помощью местных работников кооперации удачно справилась с рутинной и достаточно пыльной работенкой. И, как говорится, делу время, потехе час!

Впервые в жизни — на моторке по реке!

Желтовато-золотистые воды Ваха зеркально отражают купоросную синь безоблачного неба, то светло-зеленые — в тальниках, то почти черные — в кедраче берега (в воде — будто водяные: борода к бороде!). От мчащейся лодки — плавные пенные волны, дробящие зеркальные отражения на переменчивые фрагменты и блики.

На стрежне гнуса нет, а в заустенье и попадает — сносится ветром движения. Воздух жидкий: текучий, пьется легко, багульничком пахнет, влагой и хвоей. Подвесной мотор пронзительно зундит, а ощущение — необычайной тишины! Парадокс.

С одной стороны как бы экскурсия в неведомый и невиданный мир, с другой — знакомство со своими покупателями, потребности которых и призвана удовлетворять организация, которую она представляет...

Как бы то ни было, но после поездки в Корлики влюбилась Людмила Николаевна в этот северный край раз и навсегда и теперь не представляет себе жизни вне Нижневартовского района.

«Если бы можно было вернуться в 74-й год снова, я бы все повторила один к одному», — с ностальгической ноткой говорит сегодня Булахова.

V. Мы — одна команда

По всем служебным ступенькам прошла Булахова в Нижневартовской потребкооперации. После окончания института в 77-м году ее назначили директором розничнo-торгового предприятия, которое обслуживало все населенные пункты Нижневартовского района...

— Завоз продуктов, товаров широкого спроса, хлебопечение... заготовка дикоросов: орехов, грибов, ягод... рыбы... пушнины? — выказываю я знание ее бывших проблем.

— Всем занималась, всем! Да! Даже заготовкой рогов и копыт. Не фигурально, натурально! — смеется молодо Людмила Николаевна. — Во всех селениях и приемных пунктах побывала. И не единожды! Если честно, трудно тогда было: бездорожье! Основной завоз — водой. В распутицу два раза да при ЧП — вертолетом. Все виды транспорта освоила. И на ГТТ, и на ГАЗ-71, и на «Уралах» — вот так наездилась! В Большетархово ехала собрание проводить однажды. По зимнику. Машина застряла, пришлось километров десять топать пешком по морозу — чтоб мероприятие не сорвать. Да, чувство долга. Это характерно для всех: к работе у нас относились ответственно. Срывы, конечно, бывали. Но чувство долга — это да. Не страха — хотя райком партии с нас строго спрашивал, нет, а — долга! Но и без контроля и спроса тоже нельзя. У нас и сейчас в администрации строгий спрос за порученное дело: Борис Сергеевич Хохряков сформировал ответственную команду. Люди вокруг прекрасные работали. И в Нижневартовске, и на местах. Петру Федоровичу Кожедубу на всю жизнь благодарна за уроки профессионализма, преданности своему делу, порядочно-

сти. А сколько энтузиастов трудилось в отдаленных поселках — вроде четы Бурундуковых из Охтеурья! С удовольствием вспоминаю руководителей организаций, шефствовавших над поселками района, и в первую очередь — Ивана Ивановича Рынковского, Юрия Григорьевича Шереметьева, уж они-то ни в чем не отказывали, по первой просьбе давали заявки на вертолеты и до того же Охтеурья, и до Усть-Колек-Егана, и до Корликов.. Шефы строили магазины, складские помещения, овощехранилища, благоустраивали поселки... Работа была еще интересна и тем, что обеспечивала широкий и занимательный круг общения: с рыбаками и охотниками, с аборигенами и приезжими, с учителями и врачами, геологами и нефтяниками, деятелями культуры и представителями власти, с рабочими и руководителями...

Одним словом, была Людмила Николаевна на виду!

Неудивительно, что в 82-м году ее пригласили в райисполком — заведовать торговым отделом.

Председателем Нижневартовского райсовета тогда стал Пустовалов Александр Иванович, человек новый, формировавший команду под себя. Булахова предложение приняла. В декабре того же года ее избрали депутатом райсовета, и стала она, в ранге заместителя предрика, председателем райплана, или, как тогда говорили, плановой комиссии. С тех пор она бессменный заместитель главы района.

Можно сказать, что судьба Людмилы Николаевны состоялась. И состоялась в Нижневартовском районе. Впрочем, так же, как и ее мужа — Александра Ивановича Булахова, заслуженного работника автотранспорта России, ныне руководителя управления технологического транспорта АО «Сибнефтегазпереработка». И, несомненно, произошло это благодаря взаимной поддержке супругов и теплу домашнего очага, хранительницей которого по древней русской традиции является женщина — жена!

Более четверти века Булаховы связаны с Нижневартовским районом (даже за вычетом двух лет, когда Александр Иванович работал в Индии по контракту и семья выезжала с ним).

Связала свою судьбу с Севером и дочь Татьяна: после окончания престижного МИНХиГП сейчас работает в банковской системе. Какой жизненный путь выберет внук, гадать пока рано.

Я не ставил себе задачи рассказать о конкретных нынешних обязанностях Людмилы Николаевны и трудностях в работе

заместителя главы администрации района, и о том, как она успешно с ним справляется, а о том, что она с ними справляется — и неплохо! — говорят факты. И, прежде всего, такой: все тяжкие годы перестройки Нижневартовский район в сравнении с другими территориями округа выглядел более благополучно и в части выплат зарплаты госбюджетникам и пенсий, в организации летнего отдыха детей, строительства современных мини-производств, школ, объектов соцкультбыта, в благоустройстве поселков, повышении качества жизни коренных жителей, экологии и т.д. Это общеизвестно и постоянно отмечается разного рода СМИ. Естественно, это — результат работы всей команды — администрации района, но и вклад возглавляемой Булаховой службы в общее дело бесспорен, он — в доходной части бюджета района.

Безусловно, нелегко далось ей превращение председателя плановой комиссии исполкома Нижневартовского Совета депутатов трудящихся в заместителя главы администрации по экономике и налоговой политике — большого труда, напряжения всех нравственных сил и реализации невостребованных ранее резервов ее интеллекта потребовало это превращение. Помог ей, конечно, и опыт работы в потребкооперации, в которой — хоть и в эмбриональном состоянии! — все же сохранялись и действовали рыночные законы... А сколько времени потребовалось (да и сейчас требуется!) на изучение и применение «скоропортящейся» законодательной продукции! Приходилось учиться на ходу, самообразовываться, осваивать современную оргтехнику... Много полезного для своей практической работы почерпнула Людмила Николаевна, участвуя в работе региональных, общероссийских и международных семинаров, конференций, встреч. Но в основе ее состоявшейся судьбы, мне кажется, уроки и впечатления ее беспокойного, деятельного детства, укрепившие бойцовские качества характера, полученные по наследству от тульских пращуров.

— По складу характера, да и по внешности, по конституции я — в отцовский корень пошла, — подтверждает Людмила Николаевна мое предположение. — Мама — та прекрасный человек. Она вся домашняя, олицетворение уюта. Что-то мамино есть во мне, конечно, но... по крайней мере, сейчас все же больше отцовского... «Маргарэттетчеровского»? Может быть.

Но с возрастом мамино, возможно, и перетянет... — заключает она с мягкой улыбкой.

А под самый занавес затянувшейся беседы показала давнишние фотокарточки родителей: берлинской поры, где они — молодые (моложе ее!). Никакого эксперта не нужно, чтобы подтвердить, что именно — родители: сходство бросается в глаза с первого погляда.

На фотографиях 45-го, победного года отец возле исторически памятных мест поверженной столицы рейха: у Бранденбургских ворот, на фоне рейхстага... у памятника какому-то императору....

Много разных мыслей, ассоциаций вызвал и у меня эти снимки, сделанные безвестным армейским фотографом. У меня тоже есть фронтовые фотокарточки отца, но он, к огорчению, погиб, так и не узнав, что будут такие снимки — на фоне берлинских достопримечательностей!

— Год с небольшим назад побывала я на своей... географической — или как? — родине: в Ростоке. Берлин посетила, Шверин... В Трептов-парке была... Как же?! И у рейхстага... И у Бранденбургских ворот. Словом, везде, где отец фотографировался. Представляла его в то время. Свои детские представления пыталась вспомнить... — она говорит раздумчиво, как бы нехотя сначала, но быстро разгорается. — Место рождения... Конечно, шевельнулось что-то в груди: ведь здесь на свет появилась, голос свой подала, заявив о себе. И воспоминания какие-то всплыли. Хотя — что мне там было? Пяти, верно, не было. Но что-то помнится... А вот когда рейхстаг увидела!.. Взволновалась. Даже знобко стало: самые противоречивые чувства нахлынули...

А родина?.. Место рождения — это одно, а родина — это нечто другое... где она, моя родина? В Ростоке? В Калуге? Или здесь — в Нижневартовском районе? Похоже, что — здесь!

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

* * *

...Под берегом шуршит шуга,
а у крыльца шумит тайга,
мшистая,
ершистая.
Уснули в доме крепко все,
и новый сруб, вздохнув, осел.
Будильник на столе стучит,
ребенок вдруг во сне кричит.
Чтоб тишину заштопать,
Маринин сразу шепот:
«Спи-спи, мужичок,
моя детынька...»
Шепчет Мария Наташе:
«Сошли с ума, что ли, наши?..
Вечно больше всех надо!
Сказало начальство — и рады...
Детей, подлец, наплодил,
а сам, как вольный казак!..
Нету уж больше сил...
Хватит, намаялась так!
Лезешь вечно из кожи...
Я не двужильная тоже:
снег только вот стает —
уеду к мамке... в Расею...
Лиха на ус помотает,
живо забудет про Север...»
«Скоро река, Маша, станет...
Что тогда делать станем?..»
«Заколеют наши дураки!
Хоть форсить им вовсе не с руки,
но подумать только — просто страх! —
чо там: в телогрейке, в сапогах...
А ведь там железо — в буровой...»
«Ну да твой-то Кеша — огневой,
а вот мой-то — уж на что мозгляк,
а туда же...
я и так и сяк...»

... Осторожно, боясь наколоться,
над тайгой подымается месяц;
в дом проник через окна-колодцы —
темень тонкими ножками месит;
притомившись, сидит на кровати
и ведет себя очень по-свойски:
вот примерил мой старенький ватник
и попробовал завтрак в авоське;
напоследок прозрачные пальцы,
как на клавиши,
им на ресницы
опускает...
...Не лунные вальсы —
возвращенье мужей бабам снится.

* * *

Земля, земля!.. Ты к нам добра,
так мать —
добра к своим быстрорастущим детям,
которые не могут понимать
ее еще —
лишь в грудь уткнуться метят.
Земля, земля... Ты к нам добра, как мать:
что завела бездетными веками,
все нам готова радостно отдать, —
и сгусток солнца, и сердечный пламень.
И как по-детски мы не дорожим
Тем —
беззаветным! —
матери доверьем! —
закатываем лихо кутежи
и хлопаем в притихшем доме дверью...
...Но близится, но — близится! — пора —
нам отдавать сыновний долг
добра.

БАЛОК

Помнишь, с вахты приходили
мы, продрогшие, в балок
и соляркой разводили
поскорее огонек?..
Помнишь, в спальники забравшись,
после ужина с тобой
спорили про будни наши
и мечты наперебой?
Но на том всегда сходились,
если честно говорить:
мы в таких балках учились
и работать, и дружить.
Эти праведные мысли!
Этот наш походный кров!..
Мы с тобой сегодня вышли
на проспекты городов,
тех, что выросли за нами,
где теряем мы друзей.
А балок сдадим на память
в краеведческий музей.
И придумаем, товарищ,
песню мы про свой балок
вроде песни про фонарик
иль про синенький платок.

* * *

Вах разошелся!.. Но, кажется, днями
он остановится... Жаль...
Платья березки в воде приподняли,
пробуют: «Не холодна ль?..»

Вах затопил все поля и дороги,
полнится полой водой.
«Ах, убежать бы, да белые ноги
держит, видать, водяной...»

Лодочных весел короткие взмахи.
Глуби слились с высотой...
Так бы и плыть мне по Ваху и ахать —
вешней дивясь красотой...

Да не судьба... Ждут меня буровые:
отдан я им до конца.
На вертодроме всхрапнут вороные
и унесут молодца...

* * *

На Ермаках такое разнотравье!
На Севере ли, полно, нахожусь?..
Не только лишь здоровье травы правят,
но душу исцеляют —
дарят грусть
вот по такому ж разнотравью детства —
где первоцвет, дубравка и чабрец!
Цветочное
зеленое
наследство! —
его на фронте защитил отец
ценою жизни...
Мятлик, кровохлебка...
Благословенна будь
вовек,
трава!
Кипит в ложке
веселая похлебка,
и от пыльцы
светлеет
голова...

ГОРОД НАД МЕГОЙ

Город над Мегой сегодня укрыт белым снегом.
А на бетонке вьюга — как песец голубой.
В город над Мегой,
в город над Мегой
еду я с вахты домой!

Город над Мегой весною вселенским ковчегом
высится средь половодьем залитых болот.
Город над Мегой,
город над Мегой
полон весенних хлопот.

Где бы я ни был — меня, как паломника в Мекку,
сердце влечет, я спешу, забывая покой, —
в город над Мегой,
в город над Мегой-рекой.

«Город над Мегой...» — кто-то процедит надменно.
«Город над Мегой!» — скажу горделиво в ответ:
«Город над Мегой,
город над Мегой! —
лучше которого нет!»

МЕГИОНСКОЕ ТАНГО

Мегионское танго —
грусть февральской пурги.
Мегионское танго —
радость майской тайги, —

в его музыке — тайна,
тайна белых ночей.
Мегионское танго —
дрожь руки на плече.
Мегионское танго —
нашей юности сны.
В его музыке тайна,

тайна новой весны.
Мегионское танго —
половодье Оби.
Мегионское танго —
танго нашей любви.

* * *

Улетаю я на вахту... Вертолет
с разворотом по-над городом плывет.
Одним взглядом я окину город весь:
здесь судьба моя и семья моя — здесь.

Я доволен: мне по силам жребий дан —
открывать пути в подземный океан.
Буровая стала домом мне вторым.
Только жаль, что Самотлор неповторим.

Вот уж вахта скоро кончится моя.
До свиданья, буровицкая семья!
Повезло мне: нынче ясен небосклон —
издалека в дымке виден Мегион...

Мегион, Мегион...
Я в тебя, как в родину, влюблен!
Но особенно мне дорог во-он тот дом,
где растут березки под окном,
где живет моя семья,
где на смену подрастают
сыновья...

* * *

Уходит геолог на пенсию...
Хоть трудно поверить,
но — факт:
его лебединую песню
прервал прямо в «поле»
инфаркт.

Что ж,
дети давно уж пристроены
(жаль, виделись лишь в отпусках!)...
Квартира еще недостроена,
давно сделан взнос в ЖСК.

Работай по силе-возможности,
и — внуков пора поднимать...
Проста диалектика сложности:
знать, время долги отдавать...

Уходит геолог на пенсию...
А много ль прошло-то с тех пор,
Когда — по-весеннему — песню
С ним вместе запел
Самотлор...

ТО ЛИ ДЕНЬ, ТО ЛИ НОЧЬ...

Сладкий — багульника, терпкий — черемухи запах.
Глыбь или высь — мне уже ничего не понять.
Я заблудился совсем: где — восток, а где — запад?
Белая ночь это или затмение дня?
То ли день?
то ли ночь?
то ль затмение?..
Моя лодка плывет по течению.
Вниз по Меге плывет моя лодочка,
а напротив меня — мегионочка.

Я — мегионец, и этим все сказано, братцы.
И мегионцы — друзья все мои и родня.
Я — мегионец и должен вам честно признаться,
что в мегионку влюбился без памяти я...

То ли день?
то ли ночь?
то ль затмение?..
Моя лодка плывет по течению.

Вниз по Меге течет моя лодочка,
а напротив меня — мегионочка...

ПРИТЯЖЕНИЕ

В Север влюбились с тобою мы с первого взгляда.
И до сих пор притяженье его не смогли превозмочь.
Но ничего мне, признаюсь, родная, не надо —
кроме того, чтобы ты была рядом,
и — чтобы тихо кружилась над нами
лебедем
белая ночь...
Скучно бывало в пургу и в глухое ненастье, —
так, что хотелось все бросить и с Севера — прочь!
Но над собою уже не имели мы власти
и, подчиняясь высокой таинственной страсти,
ждем не дождемся, когда же закружит
лебедем
белая ночь...
Так не жалей, что на Севере корни пустили:
в теплых краях — оказалось! — и детям невмочь.
Ну, улыбайся, родная, хорош, погрустили!
Ты посмотри: женихи твою дочь обступили!
Кружится в вальсе...
Пусть кружится в вальсе
лебедью милая дочь
в бе-лу-ю
ночь!

УТРО НА БУРОВОЙ

Меж стволов, словно клюквенный сок,
брызжут солнца багровые струи...
Ну-ка, вышка, привстань на носок —
заиграли веселые струны!

Будет пляска твоя непроста:
наша скважина — лучиком тонким

пробивается в дебри пласта,
в вековые потемки...

Ну а ты что смурная, душа?
Засветись, как бывало, приветно,
непогоды и тьмы не страшась.
Может, небезответно.

* * *

Труб — при спуске — громыханье,
рокот дизелей, —
буровой моей дыханье:
нет его милей!

Я сроднился с ним настолько,
что от тишины
ночью вскакиваю с койки,
и уходят сны...

У меня судьба в зените:
в буднях, в суете...
Не дождусь еще открытий —
что на долоте!

Труб глухое громыханье,
словно гул стихий.
На одном идут дыханье
у меня стихи.

ДЕНЬ ГЕОЛОГА
(ироническое)

Кому — цацки,
кому — полуцацки,
большинству — просто кукиш сухой...
...День геолога все же по-царски —

разобьемся! но —
справим с тобой!

Как иначе?!
Геологи все же!
И — вокруг голубая Югра!
В этот день пусть тебя не тревожит
Наших «шишек» худая игра.

Как бы с нами они ни играли,
мы — геологи честных кровей!
В День геолога мы — на привале!
И поем, как когда-то певали,
что без подданных — нет королей!

НА ВЕРХНЕЙ ТОЛЬКЕ

Поэма

«Сибирские Увалы — водораздел
Оби и Енисея... И не только...»
Из письма старшего друга.

1

Дыша натужно, наш «Урал»
вперед тащился понемногу.
Пушистый иней опадал
с деревьев ближних на дорогу —
как снег, от тряски или гула?
Дорога гривой спину гнула
и на стиральную доску,
в желудке наводя тоску,
она местами походила...

До Верхней Тольки путь далек.
И — покосившийся балок
нам кажется роскошной виллой...
Паяльной лампой разогреем
чаек, консервы... и хоть страх
как хочется: вот так, в унтах,
вздремнуть на нарах! —
в путь скорее:
на Верхней Тольке нужен я —
опять авария...

2

Опять — авария... Виски
уже седеют с Верхней Толькой,
а сердце жмут порой тиски...
Все стерпим мы — да был бы только
толк!
Ведь за тридевять земель —
на карте это ЦЕНТР СОЮЗА! —
пробили мы в пургу,

в метель
жестокий зимник: возим грузы...

3

Давался трудно нам монтаж,
но испытали мы терпенье,
здоровье и — характер наш, —
когда мы начали буренье...

4

Здесь красивейшие места!
Гордеич, человек бывалый,
хвалился: «Что есть красота,
мы понимам!.. В Москве бывали...
В Берлине... Лучше все ж — Увалы!
Поскольку — все здесь на виду:
кедра, листвянка, ягель белый...
Как в стайку, я в свой бор иду:
бью по потребности, с прицела...
Здесь харьюз водится... Таймень!..
По осени — муксун...
Рыбалка!
А все — вода!
На будний день —
такую воду тратить жалко!
На ней — грузинский даже чай
как чай: и вкус, и цвет — не хуже
цейлонского...
Вот невзначай
не позабыли б вы про стужу...»

5

Нам пробиваться в глубь земли
приходится ведь тоже всяко:
как и снаружи,
там легли
свои

болота, буераки, —
не обойти
и не свернуть:
крепи,
мости,
что хочешь делай! —
чтоб долото продолжить путь
могло в плутоновы пределы...

6

На Енисей откочевал
Гордеич старый с Верхней Тольки...
Четыре месяца стоял
мороз за сорок,
жесткий, колкий!
И все, что было пустяком,
решалось прежде мимоходом,
в лавинный превращалось ком,
подмять грозя —
промешкай, —
с ходу!
И — что ж: «достать чернил и плакать»... —
когда сам воздух, словно слякоть?
Нет! Мне поэзию пришлось
внять — как рога приемлет лось
противника... Бодаться с ним
и с отражением своим.

7

Была работа — на износ.
Борьба была — за выживанье.
Ломались трубы. Рвался трос...
Раствор смерзался... как торос
под вышкой было основанье...
И — на каком? Втором — дыханье? —
я запросто все перенес?..
В себе я не искал ответа:
просто помнил: сорок третий...

Февраль... Ивановка... Отец...
Атака... Роковой свинец!
Со мной все ясно: с детства втайне
готов к любому испытанью.

8

Бурильщик Гена Кочнев — то ж
был биографией похож.
Как «гегемон», имел он право
на орден «Трудовая Слава»...
Петро... Никитич... Ветеран.
Он вспоминал: «Но пассаран!» —
и к месту, а порою — нет...
В бригаде был почти поэт
Головкин Юра...
С вахтой вместе
он был доселе неизвестен, —
знакомству же благодаря,
ему засветится заря.

9

Но остальные — пацанва!..
Гэпэтэушники!
Из школы
шагнули в жизнь они едва
с магнитофоном развеселым,
и так вот сразу —
в полымя!
Железно робами гремя,
они с завидным хладнокровьем,
порою не щадя здоровья,
пахали рьяно,
находя
свою изюминку в буренье...
Мороз суровый
был судья, —
буренье превращал в БОРЕНЬЕ! —
людей за теплоту во всем:
в балках, в машинах, в отношеньях...

...Метались тени. А нодья —
напоминала о былом.
И, если выдержим, спасем
души заветное стремленье —
что глубоко, как нефть, лежит
покамест в недрах сокровенных...
В морозном мареве дрожит
ущербный месяц — старый евнух...

10

И вот — Сибирские Увалы...
Округлый горизонт волнист.
Преодолели путь немалый!
А впереди — хоть и не скалы,
но и в увалах — путь тернист!
Петляет зимник и ныряет
то вниз, то целит в небеса.
То глохнет звук, то воспаряет:
«Урал» рассерженно швыряет
дорогу из-под колеса...
И вдруг над стылою тайгой
огни мелькнули буровой...
Она сверкала, как маяк, —
Югры златой тотемный знак!

11

...чужие искупать грехи —
не легче, чем писать стихи!
...хоть страх железкой дребезжит —
вся вышка напряглась, дрожит,
и шланг пульсирует, как вена,
не потеряю головы!
Коль буду с НЕДРАМИ на «ВЫ»,
все обойдется непременно, —
я буду жить обыкновенно:
тише воды, ниже травы...
И будет жизнь благословенна!

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Поэма

Крупнейшее нефтяное месторождение Федоровское названо в честь главного геофизика Сургутской экспедиции лауреата Сталинской премии В.П.Федорова.

1

Заросли березовым подростом
профиля, которые на глаз
он чертил на карте-пятиверстке,
а потом ходил по ним не раз:
по кипрейно-красным, кудреватым,
по сквозисто-стылым, продувным, —
под Сургутом, Покуром и Ватой —
и по многим профилям иным.

Верил он в Сибирь и, как апостол,
в свою веру обращал друзей...
...«Федоровкой» называют просто
жизнь его вторую средь людей.

2

Он москвичом в двух поколеньях
был (только говор, к сожаленью,
в нем москвича не выдавал).

После рабфака, кончив МГРИ,
в Москве подолгу не бывал:
наверно, года через три
в Уланском, в дедовской квартире,
он появлялся — на Памире,
на «крыше мира», среди скал,
он оборонное сырье
новейшим методом искал...

И там же встретил он — ЕЕ! —
Надюшу-Надю-Наденьку,
ответинку души,
Веселую и ладненькую...
С признаньем не спешил...
Война устроила проверку:
четыре года — полной меркой!
Со сборов — сразу под Кронштадт,
в морскую крепость — цитадель!
Артиллерийская дуэль.
Десант. Бомбежки. Вновь десант...
Затишье... (был бы провиант!).

3

«Ах, Надя, Надя, Наденька!..
Тишина зловещая...
Слышу — кто-то сладенько
угощает: «Съешь еще...»
Вспомнил: в тридцать третьем...
У кого ж я был? —
не доел котлету,
рюмку не допил...
Время — встали стрелки...
Со слезою сыр...
Целые тарелки —
вижу! — колбасы...
Надя, Надя, Наденька,
где же ты, скажи!
хуже бомб голодные
эти миражи...
Надя, Надя, Наденька...
Ты сказала летом:
мне б не геофизиком,
мне бы стать поэтом.
Взрыв воображения,
и прием волны...
Боль переломления
отражений в сны...

Слабые созвучия
из сердечных недр...
Тишина измучила.
Я — как голый нерв!
Надя, Надя, Наденька!
Встретимся мы вновь!
Ты моя Надежда, Вера и Любовь!»

4

Сколько сразу счастья у Победы!
С верхом им хватило б одного —
телеграммы: «Еду-еду-еду-у!..»
Встретиться — и больше ничего.
Заждалась их мирная работа.
Каждый день — буквально на разрыв.
Закружилась жизнь водоворотом...
— Приготовились... Вниманье!
Запись — взрыв!
Сейсмограмм шифровано посланье —
прочитать не каждому дано:
сплава интуиции и знанья
для прочтенья требует оно.

5

Ах, какое время!
Радость — напоказ!
Сталинская премия
за ставропольский газ:
деньги на буфете,
бери — не хочу.
Хватит на банкет и —
«Эх, прокачу!»
Клаксон зычный
у «Москвича»...
Непривычно: «личный» —
чуть не жмет в плечах.
Славное время:
родились сыны!

Да приказ: «В стремя!
На восток страны!»
Наступила очередь
сибирского «поля» —
полевой геофизике
в Сибири раздолье.

6

Географию Союза
можно было изучать
по тому, какие вузы
нам поставили печать
в направленьях на работу
в глухоманную Тюмень.
Обреченно ехал кто-то,
словно в кипяток
пельмень...
У других зато такое
настроенье — будто им
счастье выпало большое...
...Уж гремел вовсю Игрим,
поднялась звезда Шаима,
занимался Мегион...
Славы вкус витал незримо —
всех дразнил, конечно, он...

7

Детальной сеткой профилей
мы «пятна белые» покроем:
сейсмический отряд
показывает класс!
Сейсмический отряд
ведет разведку боем
там, где Макар телят не пас.
В болотах тонут трактора.
Пурга пугает диким воем,
но движется вперед
и день за днем подряд

сейсмический отряд
ведет разведку боем,
и взрывы мирные гремят.

8

В короткой куртке меховой,
распахнутой слегка,
в унтах, в ушанке — он собой
являл полевика.
Ушанку он не распускал
в любой мороз:
«Привык
я на Памире, среди скал,
пить минимум воды.
привычку эту закрепил
осадною порой.
Известно ведь: замерзнет спирт,
Разбавь его водой...»
Шутя, он говорил всерьез, —
не каждый понимал,
привычку же сносить мороз
легко перенимал.
Он как учитель среди нас
и как товарищ был.
В нем сочетались седина
и юношеский пыл.
Застенчивых он ободрял,
поощрял лихих,
в глаза бесчестных презирал —
во имя их самих.

9

Камералка, камералка!..
Зимний кончился сезон:
налетели, словно галки,
Светки, Ольги, Ксаны, Галки —
щебет, смех со всех сторон.
Истомились в одиночку —

на подбазах жизнь скучна...
Меж девчонок клушкой квохчет,
шустрая, как колобочек,
«бабка» — шеф их, Ильина.
Прилетели, как невесты,
с сундуками... сейсмограмм.
В камералке стало тесно.
Надо всем по нраву место
выделить без мелких драм.
Умудрилась Ильина
разместить всех.
Тишина...
Обрабатывают ленты —
словно милым рушники:
птички, крестики, сегменты —
Им понятные значки...
Камералка, камералка!..
Хоть не Смольный институт,
но свои порядки тут:
на меня не смотрит Галка,
только скажет громко: «Жарко!»
погуляю пять минут...»
«Девки, девки! Все пригожи! —
Ильина вздохнет, как мать, —
клады — вычислите, может,
вот бы счастье свое тоже
научились вычислять!»

10

У «бабки» разведка работала четко
на подопечных девчат:
любой донжуанский роман на учете,
не скроешь — тотчас уличат.

11

...А соблазнов сколь в Тюмени
проектантам молодым!

Позабыты наставленья,
В номерах — табачный дым.
Как в студенческие годы:
«семерная», «вист», «марьяж»!..
В ПСП* никто не ходит —
в рестораны да на пляж...
И тут же «молния» летит, ставит всех на место:
«Предлагаю прекратить
дирижировать оркестром
воскл. знак Федоров тчк».

12

И так же, как в карты,
потом проектанты
штурмуют азартно
премудрости СУСНов,*
параграфы смет.
Бродило в них сусло,
искавшее русло!
Как было приятно потом, когда «дед»,
смеясь, говорил: «Что ж, терпимый проект...»

13

Он хвалил меня: «Ты — мужичок
обстоятельный, с крепкою жилкой...»
Я заглатывал этот крючок
с благодатной для духа наживкой.
Он был чуть помоложе отца,
и вполне мог в отцы мне сгодиться.
...Зазывал он с мороза винца
пригубить и вообще подкрепиться...
Суп грибной бесподобно духмян,
на особинку, после консервных
общепитских борщей... Сыт и пьян,
отдыхал и душевно.
Обходительна и не грозна,
здесь не «бабка» была, а «Надюша» —
Ильину в ней совсем не узнать!

Мы курили в открытую вьюшку.
Я, наверное, слушать умел,
не скрывал своего удивленья...
Жаль, что редко у нас промеж дел
Выдавались часы откровенья.

14

Не болел, не хворал — в одночасье
рак скрутил, и случилось несчастье...
...Он пытался шутить виновато.
Боль стояла в прозрачных глазах.
«Не хворал никогда и вот — нате! —
кровь из горла и боли «в грудях»...
И опять, как тогда, под Кронштадтом,
меж бомбежками, вновь миражи,
но — кошмарней...
как был бюрократом...
белоручкой... сухим технократом...
прожектером... «Лукой»... дипломатом...
Жаль, что так и закончится жизнь:
неожиданно, этаким фертом...
Ко всему я готов был, но все ж, —
жаль, что в жизнь, как в магнитную ленту,
никаких корректив не внесешь...

15

Себе, быть может, в укоризну
Цибулин* говорил на тризне:
«Мы потеряли ЧЕЛОВЕКА!
И человек ведь был не стар.
Прожив чуть боле полувека,
Он боли века испытал.
Познал он торжество Победы.
Открытий счастие изведал.
Месторождение, с которым
Он связан более всего, —
пускай теперь войдет в историю
под светлым именем его...»

16

(Вторая встреча с Надюшей)

...Сколько раз приезжала, живая,
из Москвы на могилку,
«Держись!» —
будто слышала, слезы глотая.
«Я держусь! Внуки уж подрастают...
без тебя только жизнь —
разве жизнь?
Сыновья — геофизики тоже...
Уезжают в Сибирь на сезон...
На тебя стал Сергей так похожим:
синеглазый, носатый, пригожий,
может, выше немножечко он.
А Илья — в Ильиных...
Ну, и хватит
расслабляться!
Витюша, прощай!»
Вдох и выдох... И горечь утраты,
чтобы жить —
сжав ее многократно,
в глубь души до поры загоняй!
И последний приезд —
урну с прахом
сыновья привезли из Москвы...
Вновь свела их печальная сваха,
но ни вздоха, ни аха, —
винный запах могильной травы.

17

Вот и вновь собрались мы все вместе —
все, кто так и хранит до сих пор
в сердце, словно щемящую песню,
с ним последний —
живой —
разговор.

18

«... Федоровское месторождение приурочено к Северо-Сургутскому, Федоровскому, Моховому и Восточно-Моховому локальным поднятиям, расположенным в юго-восточной части Чернореченского куполовидного поднятия Сургутского свода. ...Залежь открыта в 1963 году... После пересмотра геофизических материалов было доказано слияние Северо-Сургутской структуры и Федоровского поднятия, и в 1971 году поисковые работы были возобновлены, что привело к открытию месторождения...»

Геология нефти и газа Западной Сибири. — Москва: Недра, 1975.

ШУТКИ ИЗ КУЛЬТБУДКИ

Жертва симпатии

Летная бригада. Повариха тоже летная. Ругается, если опаздываешь. Вечером я задержался. Иду в котлопункт, думаю — опоздал. Ан нет: в столовой народу полно, скандалят мужики. Котлеты кислые, говорят, и требуют заменить их на глазунью «чи шо доброе». Крутобокая землячка беззаботно отбрехивается.

Заходит электрик Богдан Н., про которого говорят, что «вин к поварехе неровно дышит». Узнав, из-за чего разгорелся сыр-бор, он пробует котлету... «Нормально!» — выдает результат дегустации и доедает котлету. Но буровики непреклонны: добиваются все же глазуньи!

Наутро, за завтраком, слышу приглушенный говор и сдержанное ржание: «Богдан-то — у то: усю ночь до ветру бегав...»

Летные «наркоманы»

Прилетел впервые в бригаду Богдана С. на спуск колонны. Бурильщики, помбуры у него как на подбор: степенные, неторопливые, в возрасте. Бугаи! Работают не спеша, но сноровисто. Вахты у них по двенадцать часов, вымотаться еще успеешь. Поэтому очень удивился, увидев, что на завтрак берут они манную кашу, три-четыре куска хлеба и чашку чая...

«Экономия-то экономией, — отмечаю про себя, — но с такой еды «швидко»-то и при желании не захочется «робить»! Хотя будки-то у них не заморенные: кирпича просят. Странно...» Говорю об этом Богдану.

«Тю! — смеется он, — да они ж перед завтраком в балке у себя «наркотику» приняли, вот манкой и заедают его...»

Увидев мое недоумение, поясняет: «Да мы сало так зовем! Каждый же ж пласт-другой привозит. Утречком «ось такой шматок зъист» и — в столовую, сладким «наркоту» заесть. С сала мои хлопцы балдеют, никакого им другого допинга не надо!»

Воздушная подушка

Таежная речка сильно меандрировала среди кедровых грив и темных высокорослых ельников. Чтобы уменьшить вырубку леса, буровую расположили в основании, а жилой поселок и вертолетную площадку — на перешейке и оконечности полуострова. И для подлетов к вертодрому лес не пришлось выва-

ливать: справа и слева, по-над речкой простору было достаточно для любых вертолетов.

Скважину забурили в конце сентября, еще по теплу; смену вахт и завоз оперативных грузов осуществляли средние вертолеты МИ-8. И проблем не было. Но на буровой оставалось несколько тяжелых подвесок вышкомонтажников; их увезти могли только тяжелые вертолеты МИ-6 или МИ-10. Располагались подвески в самой узкой части (метров тридцать-сорок) перешейка.

И вот, гудя, чуфыркая, как трактор на малых оборотах, издалека оповестил о своем приближении тяжелый, зеленовато-черный, как копченый окунь, МИ-шестой. Стропаль монтажников, дежуривший уже несколько дней, по-обезьяньи взлетел на верх контейнера-слесарки, затянул все вязки «энцефалитки» и стал ждать, распластавшись по крышке. Нижний край воздушной подушки, на которую опирался этот гигантский грохочущий железный сарай, как в сердцах звали заказчики МИ-6, коснулся земли и, расплющиваясь, погнал в сторону, с завихрениями, все, что можно было сорвать, опрокинуть и унести. Вот он наконец завис над слесаркой, стропаль ловко накинул петли тросов на крюк и сполз на землю, потом, закрыв лицо, подгоняемый воздушным потоком, упрыгал к балкам гигантскими тройными прыжками.

Или машина была слабенькая, с последним ресурсом, или командир неопытный и не мог выбрать курс повыгодней, чтоб взлететь навстречу ветерку, — началось таскание подвески по взлетной площадке. Гул, грохот, ветер-самум!.. Вот оторвал уже метра на полтора — лететь бы, нет, боком-боком пятится назад! Бум! — подвеской о землю. Еще и еще... Вот уже крайний балок задрожал, дверь чуть не вылетела, хлопнула пушечно. Где-то лист железа загрохотал, мелькнул в воздухе и упал в воду. Два обласка, лежавшие под брегом (хорошо, что был привязаны надежно), крутятся, как бумажные кораблики в прогнувшемся водовороте маленьких Бермуд... Вот опрокинулась и покатилась тесовая будка туалета на два очка... Ну, наконец-то, выжимая с брызгами из-под себя речку, словно судно на воздушной подушке, воздушный трактор ушел по своей светлой колее.

Напряжение спало, и, хоть гудела буровая, установилась, казалось, абсолютная тишина. И вдруг в этой тишине раздался

женский возглас: "Помогите!" Звучал он глухо и доносился из туалетной будки, задержавшейся у мощного кедрового пня (выпиливали, видимо, зимой: пень был высокий).

Когда будку поставили так, чтобы можно было открыть дверь, из нее выползла перепуганная техничка тетя Клава.

— Нечистый дух! — ругалась она. — Надо же! Чуть по второму разу в штаны не сходила... Смотрю: пятится, пятится, будто рак. Выйти бы — дверь прижало, открыть — силов не хватает. А потом как начало крутить — все бока отбило... Ладно, пенек вот встренулся, а коли в воду бы? Господи! Смертынька бы тоды...

«Питичка жю-жю»

На излете октября приехали к нам в экспедицию двое молодых специалистов после Тбилисского политеха — буровики по специальности.

Что ж так поздно, спрашиваю. Тот, что повыше, с фамилией на «швили» и мягкими, округлыми чертами, мнется, на друга косит девичьим глазом. Однокашник его, на «идзе», тонкогубый, остроносый, прямобровый, чуть причмокивая, тщательно подбирая слова, пояснил: приехали нормально, но из-за «плехого» русского языка («Не языка, наверное, а — плохого знания языка!» — поправил я его) уже в двух экспедициях от них отказались. И неудивительно: русский язык в школе и в институте они изучали наравне с английским! Не исключаю, что заявления на «инглише» они бы написали не хуже. Подписывая им документы о приеме на работу, стажировке, я им дал по общей тетради и наказал: чтобы до Нового года они заполнили их мелким почерком, переписывая в них что угодно: технические тексты, статьи и т.п.

Через четыре года первый, Валериан, мастерил, а Абессалом — Бесик — был начальником группы крепления скважин. Служебные документы они научились оформлять более-менее, а вот в разговорной речи частенько выдавали настоящие перлы... Акцент — дело тонкое, он придает речи определенный шарм, и я не об акценте.

В годовщину их приезда, в октябре, случилось у Бесика при спуске колонны осложнение, и мне пришлось прилететь на буровую для оказания помощи. Монтаж и обустройство буровой было выполнено в летнем варианте — без котельной, жилых

балков не хватало, столовая под навесом, обтянута бельтингом. Намерзшись, мы постоянно гоняли чаи. К чаю у нас был кукурузный мед. Вот и решился Бесик высказаться о его качествах...

Облизав ложку острым языком, по-медвежьи, в трубочку сложив губы, он с сожалением произнес: «Вкюсно, но все же — не то! Мед, да не тот! Не как этот...ж — Бесик вскинул брови, подвигал ладонью; он ожидал подсказки, но все молчали: ждали, как он вывернется?! И он «вывернулся»: — Ну, тот, который питичка жю-жю собирает».

...Что Бесик! Сколько вождей так и не смогли русскому обучиться.

О вреде бросания

В ожидании вертолета сидим в пустом, разбитом при перевозке на подвеске, длинном балке. Вахта буровиков, тампонажники и еще несколько человек, среди них — плотник Федя, прилетевший обследовать этот самый балок: подлежит ли он ремонту и что для оного необходимо. Федя здоров как бугай и краснорож, как кустодиевский монах или купец. Он молчун, знаток всяких примет и знамений: говорит редко, да метко. Но помнятся его мрачные сбывшиеся пророчества. Я был свидетелем одного из них. Хоронили утопленника и вынесли его из клуба вперед головой. Федя при этом изрек утробным басом: "Ну, быть еще одному". И точно. В этот момент будущий утопленник доваривал ушицу и планировал уже откушать ее "со товарищи" на стрежне реки, где не было гнуса, а лодка со стоявшим на скорости подвесным мотором снуло стояла под берегом. Когда в столовой справлялась тризна по покойному, сообщили, что пророчество сбылось: при запуске мотор схватил на скорости, и лодка, как всегда в этом случае, перевернулась — одного не досчитались.

Помимо мрачного прорицательства, Федя страдал алкоголизмом: дважды отправляли его на лечение в ЛТП и безуспешно. «Там еще хужее, — делился он впечатлениями. — Пить пьешь тоже, но дороже. Дома пить дешевле!»

Вертолета все не было. Разговоры — и кулуарные, и общие — смолкли. В балке сумеречно стало — снежный заряд или запуржило? Федя все сидел в сторонке на корточках и участия в разговорах не принимал. А тут вдруг зашевелился, запокрях-

тывал. Некоторые опасливо переглянулись: как бы не сморозил чего вроде: вертолет разбился... Да если скажет: «Погоду закрыли, шабаш, пошли чай пить!» — тоже ничего хорошего, домой всем хочется, на выходной.

И вот в абсолютной напряженной тишине Федя крякнул могуче, прокашлялся и изрек с паузами такие слова, ставшие в экспедиции афоризмом: «Да-а! Курил. Бросил — начнешь. Пил. Бросил. Начнешь. Баб любил. Бросил — хрен начнешь».

Тишина в балке стала суше. Как после разряда молнии в дерево, под которым стоишь.

Поделись с другом

В нефтеразведке еще работали... Залетели раз с механиком на старую буровую посмотреть как и что и застряли: погода испортилась. Из жилья — один раздербанный балок. Жрать хочется, но особенно — курить. Механик в дизельной несколько провонявших соляркой чинариков нашел — покурили. Курим, я подначиваю его: нарушают технику безопасности твои помазки. Он мне в пику: под навесом, у пульта бурильщика, полпачки «Примы» нашарил — твои буровики, злорадствует, не лучше. Это еще ничего не значит, возражаю ему, это ж не окурки, курить-то они — во-он туда, в положенное место, уходили. Ну, ехидничает механик, верховой тоже туда спускался? Вот на полатях-то, кстати, курево должно быть! Слазали, точно: початая пачка «Беломора»... Уже легче!

Давим нары, изредка, когда уж невтерпеж, покуриваем. Анекдоты вспоминаем, всякие забавные случаи. На злобу дня потрепались. И пока не задремали, про работу...

Встали рано, продрогшие, голодные, помятые... У механика — он жгучий «брунэт» — щетина вот такая: сексуальная, как нынче говорят. Выглянули: как там насчет погоды? Ничего утешительного! Ни по облачности, ни по видимости... Нелетная — и по трассе, и по квадратам.

Слоняемся по балку, как зэки по камере. От нечего делать вздумалось мне шифоньер зачем-то двинуть... Тяжеленный — допотопный! Но я парень упорный. Пыхтел-пыхтел, но передвинул и — чудо: пряник нашел — как будто ради него и трудился! Аппетитный такой: в глазури! Слюнки потекли во рту... Но сдержался, великодушно протянул другу: «На! Кусай половину».

Друг взял пряник, «поел» его сначала глазами, а потом куснул... Да так куснул, что клык у него верхний скололся, — пряник-то засох — каменный стал! Почти что ископаемый!.. Что кружок керна!..

Сейчас чуть что, друг мне: «Не-е, давай ты первый...»

«Пивная» надбавка

Тампонажник Гриша Д., приятно смугловатый, белозубый, с горячим взглядом, невозмутимо-меланхоличный в разговоре, женился на миловидной молодой геологине и летом поехал к теще «на блины» в Оренбуржье. Вернувшись, во время перекура рассказывает:

— Ага! То да сё — погуляли как следует. С родней познакомились. В гости, само собой, походили по кругу. Своим стал, короче. Будни навалились. Ну, делаю там то-сё — по хозяйству, — теща довольна. Я не керосиню, но пивко попиваю. У них хоть и райцентр, но пиво пищекомбинат местное варит — во! Чтоб лишний раз не таскаться, я его стал по ящику брать. Да оно и выгодней: когда есть что вдоволь, не так тянет ведь? Ну, — я что и говорю. Попиваю я пивко да похваливаю: хорошее, говорю, мамо, у вас пивко, краснодарскому не уступает! Теща хоть и поддакивает, но, замечаю, недовольна. А как-то так осторожненько, деликатно спрашивает:

— А, дорогой зятек, не много ль ты пивка потребляешь? Оно, чать, и для здоровья не так уж гоже в таком-то количестве, не говоря уж об кармане. Денег немалых — ящиками-то стоит, чать?..”

— Тю! — говорю ей. — Не беспокойтесь, мамо. За заботу о здоровье дякаю, а насчет денег — говорить даже не надо. Мы же ж — з Северу! И в льготном отпуску. По договору в этом разе нам для укрепления организма витамином «Е» дрожжи положены пивные или пиво, потому на отпускные специальная надбавка — пивная.

Теща замолкла, головой покачала, но насчет пива больше разговора не затевала.

На проводинах, правда, подкольнула: я, говорит, зятек, в дорогу вам гостинчик-подорожничек положу: сухих дрожжей мешичек — чтоб на витамин «Е», говорит, не тратиться...

Да это же яд!

При забурке скважины №20 на Коттынской площади советую буровому мастеру Сидорову:

— Николай Васильевич! Уберите спирт с глаз долой, не вводите людей во искушение и грех.

Николай Васильевич всю жизнь проработал в Татарии, у нас на Севере бурит только вторую скважину.

— Да что вы, Виктор Николаевич, — отмахивается от предостережения. — Куда он денется? Технический спирт — яд! Технику безопасности все изучали — знают. К тому же окрашен: чернила голимые. Кто возьмет?

— Возьмут! Еще как возьмут! Знаете, как этот спирт зовут буровики? Как девушку, ласково: синеглазкой.

Глубокой ночью захожу в культбудку погреться.

Николай Васильевич, усталый, задерганный, постаревший, сидит у рации, горестно подперев рукой заросшую серой щетиной щеку. Увидав меня, восклицает трагическим шепотом:

— Виктор Николаевич! Вы были правы...

Для него это первая забурка сибирской зимой, и я во многом мог быть прав. Прошу уточнить: в чем?

— Да в отношении спирта! Взял кто-то. Отравиться ведь могут!

— Не отравятся, — успокаиваю его. — Что другим яд — буровику в удовольствие. Вы не знаете — это те еще химики! Даже из ГКЖ — новый химреагент получили — добывают спирт, очищают и потребляют за милую душу. А ведь в ГКЖ — и щелочь, и другая отрава есть. Я, когда узнал об этом, ужаснулся. Хоть в инструкции по применению ни слова про этиловый спирт, только про щелочь, унюхали! Добыли, на добровольце проверили и стали по нужде потреблять. Сведения из надежных источников. А этих — найдем! Прогреюсь — пойдем по балкам, «отравившихся» определим.

— Вы так думаете? Тогда ладно! — повеселел Николай Васильевич и простил поклонников «синеглазки». — Если не отравятся, пусть уж отдыхают: время позднее.

Швырки

Участок глубокого бурения, куда меня направили на работу, находился за тридевять земель от базы экспедиции. По заведенному порядку свою карьеру я начал с должности помощника бурильщика. В работу втянулся быстро, сдружился с буровой бригадой. Отношения на участке были уважительные стар и млад величали друг друга по имени-отчеству, чаще всего — по

отчеству. Приятно было, когда к тебе степенные мужики обращаются: «А скважинка, к примеру, Николаич...» Редко-редко кого звали по прозвищу.

Люди в бригаде подобрались не то чтоб богатырского сложения, но солидные: кряжистые, спокойные... И только двое — помбур Коля Б. и верховой рабочий Филипп П. были исключением: ростом чуть поболее двух аршин. Коля Б. — чернявый, верткий, на слово скор, на поклон легок. Филипп П. — краснолиц, желтоволос, длиннонос, изъясняется с растягом и гундосинкой. И еще было у них одно прозвище на двоих: "швырки".

Происхождение прозвища меня заинтересовало. Соседа нашего, к примеру, звали «выколоткой» за длинный нос с оттянутым кончиком. Тут ясно. А их — не за малый же рост? Они хоть и низкорослы, но осадисты, сильны: хилому на «железной» буровицкой работе, словно в кузне, «делать неча»! Так что за здорово живешь ими не пошвыряешься. Гордеич, бурильщик, гренадерского сам роста, услыхав мои рассуждения, тихо посмеялся: «А вот, слышь, Николаич, нашелся такой человек, что их каждого, словно полешко сухое: швырок, взял за воротник да и кинул... А смеются-то што девка с имя, как со швырками, обошлась-то... Вот в чем вся закавыка.

А дело было так. Стояла прошлой зимой на буровой газокаротажная станция. Пробы газа отбирала. Нам от нее лишние хлопоты. Но надо, значит, надо. Размещалась она в маленькой будочке воинского манера. Кунгом называется. Мне там, к примеру, не развернуться: вот така «маненька»! Зато в любой мороз, в другую непогоду Ташкент у них, ну! Вот ночью, при бурении, помбуры нет-нет да и заглянут к газокаротажникам — нос обогреть. Пока мужики газ ловили, мирно жили. А тут деваху молодую прислали... Ее самую: Нелю! Не деваха — красна девица!!! Кровь с молоком! Все при ней: и тут, и тут, и тут. Одна беда — ростом меня чуток повыше! А я все ж в роте правофланговым был. Ну. И зачастили мои помбуры в каротажку. Словно мухи на мед: чуть что — они уже в каротажной будке. Неля терпела ихние ухаживания, а как терпежки съела — рукам волю ухажеры стали давать, работе мешать! — она одной рукой за воротник, другой — за мотню, да и кинула, словно швырка, в амбар с раствором. Сначала Колю, а следом — Филю.

Вот и пошло: «швырки» да «швырки»... Так имя и надо: неча не по себе ношу брать аль дерево рубить! Неля? Слышно, что так в каротажниках пока и ходит. Родители, говорила, в Сургуте работают. А так — деваха на все сто! Ростом вот только... не обидел Господь. Да не война — проживет!»

Года через два в Сургуте довелось мне увидеть Нелиных родителей по фамилии Малых; отец работал кузнецом, мать — комендантом нашего итээровского общежития — оба друг другу под стать: атланты! Позже и Нелли я лицезрел: сказочная Девица-богатырка!

Чайку — не желаете-с?

При пуске буровой, будущей первооткрывательницы Северо-Хохряковского месторождения нефти, возникли проблемы с обеспечением ее водой, паром, топливом, и вызваны они были низкой температурой: стоял мороз под сорок с пронизывающим ветром. Пусковой комиссии пришлось включиться в работу.

В очередной сеанс радиосвязи я пришел в культбудку, сразу же поставил электрочайник. Я еще вел радиоразговор с базой, когда в балок вошел буровой мастер с новыми заказами. Увидев закипающий чайник, он обрадовался: «А! Чаек? Хоро-ш-шо! Заварен?» Я отрицательно мотнул головой. «Тогда заварим-с! — он взял пачку цейлонского чая, распечатывая спросил: — По-купечески?» Я пожал плечами: как хочешь, мол.

Вжимаясь в трубку ухом, пытаясь расслышать слабенький голос своего абонента среди урчания и писка, я боковым зрением заметил, что мастер, потряхивая пачку над чайником, замер на пару секунд, а потом решительно вытряхнул ее всю.

— Ты что? — прервал я разговор с базой. — Чифирнуть решил?

— Да нечаянно, ей-богу, Николаич, — стал оправдываться он. — Руки ж с мороза, не гнутся. Тряс я ее полегоньку, тряс — она возьми да сыпанись почти вся. Чего уж мелочиться? Высыпал и остаток. Наливайте, пока не настоялся.

Цейлонский чай, даже крепко заваренный, не очень густой цвет дает, особенно на хорошей воде.

Пьем мы с мастером крепкий цейлонский чай, греемся, вкусом, цветом, ароматом наслаждаемся, чувствуем, как ознобь нут-

ряная наружу выходит. Тут в сизых клубах, заиндевелый весь, главный механик вваливается. «О! Игнатьич! — радушно встречает его мастер. — Чайку — не желаете-с? Извольте: сколько кусочков рафинаду?»

Мастер налил в эмалированную кружку янтарного дымящегося чая, положил сахар, размешал и подал ее в короткопалые, сложенные ковшиком негнущиеся руки главмеха... Потом, когда тот снял шапку и расстегнул меховое пальто, спросил: «Как чаек? Отогрелись? Может, еще кружечку?»

Главмех выставил обе руки: «Фефе! Пафиба! Ф эфой яфык фо фту фе фе фофофаефа!»

«Укысло»

Василий Иванович, по прозвищу Укысло, старший техник-взрывник. Он невысок, худощав, узколиц. В маленьких синеватых глазах затаенная хитринка. Он себе на уме.

Даже при очевидности чего-либо, но непривычного, нарушающего сложившиеся представление о мире, он отводит взгляд в сторону, тонкие губы недоверчиво кривятся, а в резком голосе, когда он соглашается: «Ага... ага! Так... так...» — ощущается явная подозрительность.

Можно было, с натягом, назвать эту черту его характера дотошностью. И черта эта была превалирующей, ибо свое прозвище он получил благодаря ей.

Шел он к нему, как к подвигу, всю жизнь и мгновение. Помимо всего, на попечении Василия Ивановича находился склад ВМ (взрывных материалов) и соответственно завскладом и сторожа.

С некоторых пор стал замечать Василий Иванович, что вся обслуга склада, как ни приди, под легким хмельком... Заглянет он во все подозрительные уголки сторожки — все ненароком, чтоб люди не подумали, что обыск, — ни-че-го.

И однажды его вдруг осенило: огнетушители! Бирки бирками, а внутри — что? Попробовал поднять — так и есть: тяжельше обычных!

Вскрыл — пена пошла и дух... Приятный дух, знакомый, соблазнительный...

Понял Василий Иванович, в чем дело, но не удержался — как бес под ребро пощекотал, и решил попробовать и приложился: хорошо приложился! Насколько дыхалка позволила.

Только оторвался, чтоб воздуху перехватить, сзади голос раздался ехидненький:

— Ну, как?

Василий Иванович по инерции и ответь:

— Укысло...

С тех пор и пошло: «Укысло» да «Укысло»...

«Свят-свят-свят»

Послали нас с Толиком Г. агрегаты по зимнику с Лобазной на Сиктор перегонять. Загрузили мне Толика в кабину, спит. Потом началось, очнется — свет в кабине врубит. Выключу — он, погодя, опять включит. Надоело мне: «Ты че, — говорю, — погнал, что ли?» А он: «А темно-то че?» — «Так ночь же, так тебя перетак», — говорю. «А! — говорит, — дошло!» — и успокоился. Ну! То-сё: один агрегат быстренько раскочегарили, перегнали без приключений. Толик в норму пришел, крутится как надо.

Переночевали у буровиков, наутро поехали за вторым. А тот такая гробина: к вечеру только завели! Гидроусилители не работают, света нету... Но не ночевать же на холодной буровой: поехали в ночь. А че? Голь на выдумки хитра: факелов асбестовых наделали, ведро с соляркой на кронштейн приспособили и — поехали, не цементировочный агрегат — Змей-Горыныч.

Все бы ничего, да на гриве зимник запетлял: вот в такую кедрину чуть не врезались. Ну! Что делать? Давай, Толику говорю, бери ведро с факелом и, как Сусанин, веди. Толик порыпался, но пошел...

Приезжаем на буровую, а там только одно окошечко светится кошачьим глазом. А темень — как... Ну. Сунулись на огонек, а это, оказалось, поварихи балок, она, видимо, вставать уже надумала, завтрак монтажникам готовить... Нас-то как увидела — попятилась и давай креститься: «Свят-свят-свят...» — «Да не бойся, — смеюсь я, —не черти мы, мы — тампонажники!»

На Толика-то глянул я при свете: в копоти весь, дьявол не дьявол, но на негра похож. Тот на меня скалится: сам такой же! Тут и повариха в себя пришла, за живот держится: в истерике зашлась... Потом зеркало тащит... Да, видок у меня был! Теперь-то, по бетонке, чего не ездить... Иные гаишники, правда,

встречаются — почище лешего! Как бы они повели себя, увидев нас тогдашних?

«Вас понял»

Начальнику ПТО передаю по рации: «Побудьте на буровой еще пару дней и сделайте то-то и то-то!»

Он в ответ: «База! База!.. Помехи: ни-и-и-чего не понимаю!»

Еще пару раз повторил и все равно: «Ни-и-и-чего не понимаю! Помехи!»

«Ладно! — говорю. — Вылетайте на базу...»

«Вас понял! Вас понял!.. Вылетаю на базу!..»

«А я приказываю!»

«Маршал авиации» (инженер по использованию арендованной техники) на утренней планерке возражает начальнику:

— Эту работу двумя бортами не выполнить. А у нас на базировке — один вертолет. По буквам: Ольга-Дмитрий-Иван-На...

Начальник:

— А я приказываю сделать все, что я сказал.

— Ну, хорошо, сделаем!

— Давно бы так.

— Только — завтра...

Ну и ножки

При перевозке буровой установки была повреждена нога вышки, и монтаж ее на новой точке задерживался.

Начальник экспедиции только что из командировки. Съездил он, видимо, удачно: обсуждение ситуации идет спокойно, конструктивно, без извечного выяснения, кто виноват.

На некоторое время начальника отвлекает телефон: по репликам можно понять, что звонят из райкома партии. Разговор тоже доброжелательный: как съездил, мол? Настроение? Как насчет дополнительных обязательств? Отвлек начальника телефон. Положил он трубку, в окно чуть ли не мечтательно посмотрел. Потом встряхнулся и почти по-лекторски спросил:

— Так на чем мы остановились?

— О... ножке говорили, — подсказал механик.

Глаза «железного» Г.Г. мечтательно затуманились:

— Эх, и ножки у нее, доложу вам... Да... Гм! — Г.Г. прокашлялся и повел разнарядку в своем привычном жестком стиле. (Кто-то прыснул, но он и ухом не повел!).

Что за чертовщина?

Ю.Д., в то время начальник управления разведочного бурения нашего главка, впервые в нашей экспедиции. Смотрит затребованные справки, возмущается.

«Да вы что! Мы в УБР когда еще это барахло в металлолом выбросили! Да мы!..» — и далее в таком духе. (Он недавно перешел в геологию от нефтяников и многому удивляется).

В это время в систему отопления пустили пар: сначала началась стрельба, потом скрежет (при нагревании тела удлиняются!) и все это — за спиной, неожиданно!

Ю.Д. вздрогнул и даже непроизвольно пригнулся.

«Что это за чертовщина у вас?» — воскликнул, опасливо обернувшись. Выслушав объяснения, дал ЦУ: «На водяное переходите!»

«Как только, так сразу!» — заверил я.

(В навигацию мы получили водогрейные котлы, и «батарейная стрельба» у нас в кабинетах и квартирах прекратилась).

Механик-словесник

Павел Алексеевич Г., механик-водитель, виртуозно водит по северным «пьяным» зимникам, по бездорожью армейские тягачи всех марок, порядком уже износившиеся; ремонтирует их в полевых условиях и шерстит своего тезку Пашу-Мерседеса, Шеварнадзе и Горбачева в хвост и в гриву: «Куда из ЗГВ технику дели?.. Автогеном порезали?.. А тут!.. На морозе!.. На морозе! Старье на старье меняй!..»

Паша невысок, кадыкаст, напорист, сухопар и силен; неказист, но обладает притягательной аурой, одним из компонентов которой является изощренный мат, после первого шока потом незамечаемый, но как-то, видимо, воздействующий на подсознание слушателя. Недавно в клубе на собрании, рассказывает, выступал: «Так говорю, и так. Вас, меня и членов правительства. Особо тезку моего! Да! У всех — на уме, а у меня — на языке. На бумаге — многоточия, а со сцены — слова! Оно даже, может, не слова — наречия или чувства. Ведь простыми-то словами не выразишь, что у тебя вот тут. А я — выразил. То и хлопали мне как народному

артисту. Да! Я — такой! Ка-анешно, сложный... Каждый человек сложный! Возьми вон машину: каждая сложна. А новые — еще сложнее. Придут такие, на которые моего тяму не хватит. Не-е! сын мой как девушка — слова дурного не повторит. Вот так».

Пропавшая печать

В самом начале 60-х годов во всем Среднем Приобье работала одна Сургутская экспедиция. В связи с расширением работ горный округ, для улучшения контроля, прислал постоянного своего представителя — инспектора РГТИ Игоря Николаевича К., сентиментально-грозного, грузного мужчину лет тридцати. Экспедиция выделила ему половину только что собранного коттеджа на Аэропортовской улице — для жилья и стол в ПТО — для работы. Ценный был работник: выдача разрешений на взрывные работы и пуск буровых очень упрощалась! (С другой стороны — повышалась возможность остановки объектов, работавших с нарушениями: Игорь Николаевич любил недвусмысленно демонстрировать пломбир и потряхивать коробочкой с пломбами). Худо-бедно год он проработал без особых эксцессов. А на следующее лето случился казус: пропала его гербовая инспекторская печать...

Хотя коробочку с ней он всегда носил с собой в застегивавшемся заднем кармане, он тем не менее перетряхнул свой рабочий стол, обшарил все закутки в своем холостяцком жилище и наконец решился на крайнее: проверить, на счастье неглубокую и как следует незатаренную, яму под своим «удобством во дворе»: задний карман мог расстегнуться и коробочка — выпасть... Как ни стыдно-противно было, проверил — пусто! «А вдруг выронил в экспедиционном туалете?» При этой мысли его всего передернуло, и он решил писать объяснительную начальнику РГТИ... Дальше тянуть некуда: надо было выдавать разрешения на производство работ... с печатью!

И в это время прилетел Олег Климов, общий наш друг. В то лето он плавал начальником отряда в речной сейсморазведочной партии Нури Нуруллаева, работавшей по Ваху. Он словно с «югов» прилетел: загоревший, веселый, трезвый, только с кольцевыми коростами на руках и ногах — гнус под резинками «энцефалитки» разъедает тело до мяса.

— Че прилетел? — спрашиваю, — поломались или винки попить?

— Да не-е, — отвечает, — винка — по пути попадает, завал разбираем. Материал привез: Федорову показать да Игорю печать надо отдать: заискался, поди, мужик. Он на брандвахте у меня, на проводинах, оставил ее, когда разрешение оформлял...

Подстраховка

— Шэш-быш! В «сортире» сидишь, тезка! — главный геолог ласково положил толстую рука на острое плечико партнера и оглушительно захохотал-загукал. — Хорошо я тебя, а?.. Как ты до такой жизни дошел? Посиди, подумай, а я прогуляюсь до буровой: сопрел...— геолог промокнул мятым платком квадратное, оранжевое, цвета огнеупора, лицо. Добродушные по-детски глаза. Густой белесый чуб. Ну, прямо рубаха-парень...

— Це-то мне седни невезуха...— завздыхал партнер, главный инженер экспедиции. — Не лазацца кости, хоць плаць...— он потер жилистой рукой худощавое, обтянутое восковой кожей лицо и огорченно вздохнул.

— Думай, тезка, думай... Только голову так не скреби — плешь, гляжу, просвечивает у тебя, сам-то знаешь?..

— Теска! Поймей совесс, не береди дуссу...

— Ладно, проветрюсь: заодно гляну, что на буровой.

Главный геолог накинул меховое, под «чертовой кожей», пальто и вышел из балка, оставив дверь полуоткрытой: «Хоть топор вешай — пусть проветрится...»

Морозным воздухом дышалось глубоко. Прислушался к дыханию с удовольствием: «Не дыхалка — воздуходувка! Курить бы бросить еще...» — подумал мечтательно, гулко откашлялся и сплюнул; пока справлял малую нужду за углом балка, смотрел на ярко-звездное небо: бездумно, но с интересом. Затоптал темную лунку унтом, прислушался: «Неужели колонну спустили уже?.. Звуки другие...»

Поднялся на буровую по гулким мосткам, поздоровался с бурильщиком, добродушно спросил:

— Порядок в танковых частях? — он работал давно, многих бурильщиков знал в лицо.

— Полный порядок! — улыбнулся бурильщик в заиндевелую бороду, — когда за нами дело стояло? Сколько геолог указал, столько и спустили. Счас — на промывке. К утру и цементаж, поди, начнем...

— Ишь ты какой шустрый! Сразу и цементаж!

— А че тянуть? Так-так — и в дамки!

— Мужики-то где: мастер, геолог с технологом?

— Дак погреться — пока промывка — пошли...

— Ясненько... слышь, Михалыч, ты вот что... Мужики — толковые ребята, конечно, не должны просчитаться. Но, понимаешь, дело какое... Да ты и сам знаешь, объясняли они тебе... «Висячая» здесь колонна, на забой, понимаешь, «не наступишь» для проверки. Потому... Экономию эту, понимаешь, в печенку! Давай, короче, для подстраховки допусти еще одну трубку: береженого Бог бережет. Так, Михалыч?

— Все понятно! Че не понять? «Бусделано»!

Главный геолог походил по вольному воздуху и заодно поматюкал высокого начальника, придумавшего этот «личный контроль»! «Чучмек долбаный! Не буду же я двое суток у ротора стоять — «лично контролировать»! «На каждую колонну»! — передразнил его. — Делать мне нечего!» Потоптался у балка и, когда услыхал, как вахта затаскивает в буровую обсадную трубу, вошел в балок и со спокойной душой еще раз загнал в «сортир» своего тезку... Тот обиделся и ушел тоже — развеяться.

Зацементировали колонну — что редко бывает — по-светлому, все прошло удачно: «стоп» поймали четкий, обратный клапан сработал...

— Це-то уз все — «как уцили», подозрительно... — скептически заметил главный инженер.

— Типун тебе на язык! — громыхнул его уверенный тезка и шутя-шутя, но крепко шлепнул по прогонистой спине.

На следующий день главный геолог поинтересовался по связи: «Что там каротаж показал? Все тип-топ?..»

На рации замялись: вообще-то, мол, «тип-топ», но длина колонны не сходится с нашей: спустили почти на сто метров лишку, чуть не до забоя, получается... Кабель каротажники сейчас перемеряют...

Главный геолог в сердцах бросил трубку телефона. «Сожрет теперь «генерал»... — подумал обреченно — Подстраховался, называется... Кроме моей — еще девять обсадок спущено! Кто? Ну, тезка пусть... технолог... мастер... геолог... С моей — пять труб. А еще-то пять откуда появились? Неужели еще и вся вахта подстраховалась?..»

Ближе к полю

Экспедиционный топограф Николай К. был на постое у пожилой селянки тети Груни: полный пенсион за двести дореформенных рублей! Большую часть времени он проводил в тайге, занимаясь прокладкой визирок для сейсмических профилей, привязкой скважин, и хозяйка расстраивалась, что он «за здря» ей деньги «плотит». И еще она переживала, что он спит на полу: «раскидушки» у нее нету, а на полатях спать — сам не желает и потому — спит на полу в спальнике. На медвежьей шкуре, правда...

Когда постоялец дома, заглянет хозяйка в горницу — на завтрак покликать или что, а он гляди-ко! «Спидолу» слушает да и прямо на полу пишет: то ли письмецо родным-знакомым, то ли по работе что ни то...

— Миколай! — укоряет она его, — Миколай! Спишь на полу — ладно, раскидушки — нету, а на полатях не желаешь! Но писать-то, чай, и на столе можно. Вон ить — слободный, стол-от! Специально ослободила!

— Теть Грунь, нехай! — отмахивается Николай. — Так, теть Грунь, к «полю» ближе...

Все-таки поймал!

Литвиненко В.М.: "Электрик наш пошел рыбачить на озеро. Пробурил лунку, стал блеснить. Я рядом расположился: на искусственную мормышку окуньков потаскиваю. Вдруг слышу — электрик кабаном недорезаным забазлал, я — к нему... и — что ты думаешь? Ха-арошую щуку заблеснил он, вытащил уже почти из лунки, а она возьми да и сорвись! Он — автоматом! — руку в лунку: за ней, а она хайло-то возьми да и раззявь... И попал он всей пятерней в щучью пасть — она, с испугу видать, и захлопнула ее тоже "автоматом"... Вытащил он ее — она, как бульдог, не отцепляется! Я подбежал, давай ей на глаза давить — тогда только, подлюка, раззявилась. Электрик благим матом орет: кровищи!.. Промыли руку, обработали, забинтовали, но все равно назавтра руку разбарабанило, и пошел он на больничный. Хоть на руку, поймал все-таки!..

Ха-рошая была щука!"

ОТ «А» ДО «Я»

16-1043

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Абазаров Владимир Алексеевич

Родился в 1930 году.

Окончил Грозненский нефтяной институт в 1954 году.

Инженер, начальник участка НПУ «Черноморнефть» (1954-58 гг.); начальник технологического отдела Коробковского НПУ (1958-60 гг.); главный инженер Березовской НРЭ (1960-62 гг); начальник Мегионской НРЭ (1962-67 гг.); управляющий трестом «Обьнефтегазразведка» (1967-70 гг.); начальник Мегионской НРЭ (1970-71 гг.); начальник НГДУ «Мегионнефть» (1971-74 гг.); главный диспетчер Главтюменьгеологии (1974-75 гг.); начальник Карской НГРЭ (1975-77 гг.); зам. начальника НГДУ «Мегионнефть» (1977-80 гг.); начальник Южно-Таркосалинской НГРЭ (1983-92 гг).

Награжден орденами СССР, в т.ч. орденом Ленина, лауреат Ленинской премии.

Абдуллин Зарафшан Каримович

Родился 27 ноября 1936 г. в деревне Карлы Гуфурийского района Башкирской АССР.

Окончил Ишимбайский нефтяной техникум в 1956 году.

Окончил Уфимский нефтяной институт в 1961 году.

Помощник бурильщика, техник по бурению, инженер, старший инженер-экономист, исполняющий обязанности начальника планового отдела, начальник планового отдела Мегионской НРЭ (1961-70 гг.); старший инженер ПСР «Оренбургнефтегазразведка» (1970 г.); преподаватель, заведующий отделением Ишимбайского нефтяного техникума (1970-76 гг.); старший инженер, старший экономист НГДУ «Ишимбайнефть», начальник ПЗО «Ишимбайнефть» (1976-80 гг.); начальник планового отдела Мегионнефтегазгеологии (1985-95 гг.).

Награжден медалью СССР.

Агапов Валерий Викторович.

Родился 1 января 1943 года на станции Баланда в Саратовской области.

Отец погиб в 1944 году при освобождении Польши от фашистов; сына он не увидел. Мать, Серафима Антоновна, была занята работой, Валерий воспитывался дедом Антоном и бабушкой Анной Семеновной в Аткальске.

В 1958 г. Валерий окончил семилетнюю школу и стал работать с 9 июня 1958 г. в Аткальском паровозном депо Приволжской железной дороги учеником токаря, затем токарем 3-го разряда. В 1961/62 гг. он учится в г. Петровске в сельскохозяйственной школе №49, после успешного окончания которой получил квалификацию техника-плодоовощевода.

Во время службы в армии работал по первой специальности, к концу службы он — классный специалист СА: токарь 5-го разряда.

После увольнения в запас принят с 20 января 1966 г. в Вахскую нефтеразведочную экспедицию вышкомонтажником. Через пять лет он старший инженер отдела снабжения, а с 27 марта 1973 года — начальник группы снабжения экспедиции по общим вопросам, а затем до своего последнего дня — начальник базы производственного обеспечения экспедиции; из списка работников экспедиции он исключен 26 июля 1981 г. в связи со смертью от инфаркта.

Похоронен Валерий Викторович Агапов в п. Ваховск. Улица, на которой он жил, названа его именем.

За время работы в экспедиции многократно награждался почетными грамотами, ценными подарками, заносился на доски почета разного уровня. Был членом КПСС, избирался в члены партийных и профсоюзных комитетов. Был женат. Воспитывал сына и пасынка.

Белоглазова Антонина Михайловна

Родилась 22.01.35 года в селе Бабка Частинского района Пермской области. В 1952-55 гг. училась в Пермском нефтяном геологоразведочном техникуме. По распределению направлена в Колпашевскую геофизическую экспедицию Новосибирского ГУ техником-оператором. С августа 1959 года в течение трех лет работала техником-оператором Нижнемысовского и Пимского участков Сургутской КГРЭ. С июля 1962 года работала в Мегионе: до мая 1978 года техником-геофизиком, техником-геологом геологического отдела Мегионской нефтеразведочной экспедиции, а затем, до выхода на пенсию 17-06-85 г.,

геологом геологического отдела объединения «Мегионнефтегазгеология».

Награждена знаком «Отличник разведки недр».

Из автобиографии.

«... мои родители: отец, Глумов Михаил Иванович, 1890 года, колхозник, умер в 1962 г., мать, Глумова Наталья Васильевна, 1891 г., колхозница, умерла в 1980.

... сестра Глумова (по мужу Бортникова) Васса Михайловна, 1917 г., колхозница, на пенсии, проживает в деревне Мостовая Пермской области. Брат Петр, 1927 г., работал в Сельхозтехнике главным механиком, умер в 1977 г., брат Владимир, 1924 г., колхозный механизатор, умер в 1936 г.

... муж, Белоглазов Леонтий Иванович, 1934 г., работает шофером в Мегионском УТТ. Сын после службы в СА работает в Мегионском УБР электриком».

Из производственных характеристик.

«... за время своей работы в экспедиции Антонина Михайловна Белоглазова принимала непосредственное участие в открытии и разведке Мегионского, Ватинского, Северо-Покурского, Аганского, Нижневартовского, Белозерского месторождений нефти и Охтеурского месторождения газа. Т. Белоглазова ведет большую общественную работу, являясь членом женсовета, членом редколлегии экспедиционной газеты, членом детской комиссии.»

Начальник МНРЭ С. Каталкин.

Секретарь парторганизации В. Смирнов.

Пред. месткома Н. Гузь.

«... работая в геологическом отделе объединения с 1978 года и курируя Вахскую экспедицию, ведет дела скважин, постоянно контролирует поступление первичной геологической документации, ее качество, участвует в составлении отчетности, контролирует... списание затрат.

Кроме того, она принимает активное участие в обработке поступающих фактических материалов, построении структурных карт и профильных разрезов по месторождениям и площадям Вахской НРЭ с целью подготовки рекомендаций по дальнейшему направлению работ.

Уровень геологической подготовки, богатый производственный опыт и конкретные знания в сфере своей деятельности позволяют Белоглазовой Антонине Михайловне успешно справляться со своими должностными обязанностями.

За время работы она зарекомендовала себя дисциплинированным работником, скромным и тактичным членом коллектива, хорошей матерью, уделяющей большое внимание воспитанию детей...» (12.03.1980г.)

Главный геолог ОМНГГ М. Синюткин.

Секретарь парторганизации А. Захарасевич.

Пред. месткома Е. Еградов.

Бендас Маргарита Николаевна

Родилась 15.06.33 г. в с. Отары Горно-Марийского района, МАССР.

Радиотелеграфист Правдинской НРЭ, Саранпаульской ГРЭ (1962-72 гг.); техник-радист узла связи Вахской НРЭ (1972-75 гг.); Вахского узла Мегионской конторы связи (1975-83 гг.).

Бондаренко Геннадий Петрович

Родился в 1942 году.

Окончил Дрогобычевский нефтяной техникум в 1959 году.

Коллектор, начальник отряда, старший техник, геофизик Гурьевской ГПЭ (1959-63 гг.); техник-геолог, геолог, старший геолог Шимской НРЭ (1963-71 гг.); старший геолог цеха испытания, мастер по сложным работам Аганской НРЭ (1971-94 гг.).

Награжден орденом и медалью СССР.

Витязь Леонтий Степанович

Родился 7 октября 1932 г. в д. Тихны Березовского района Брестской области.

Окончил Новочеркасский геологоразведочный техникум в 1957 г.

Бурильщик, мастер Сургутской НРЭ, бурильщик, старший инженер, начальник ПТО, зам. главного инженера Вахской НРЭ (1964-75 гг.); Нижневартовская РГТИ.

Награжден орденом СССР.

Войцехович Евгений Викторович

Родился 1 июля 1928 г. в селе Скобровка Пуховического района Минской области.

Окончил Киевский геологоразведочный техникум в 1952 г.

Бурильщик, Нарымская нефтеразведка (1952-59 гг.)

Буровой мастер, Охтеурская нефтеразведка (буровая Р-2 Ваховская) (1959-60 гг.).

В 1960 г. — буровой мастер Нижневартовской разведки. Усть-Балыкской ПГБ.

Высочинский Владимир Иванович

Родился 21 сентября 1947 года в г. Томари Сахалинской области.

Окончил Тюменский индустриальный институт в 1970 году.

Помощник бурильщика Ватинской КБ «Сургутбурнефти», бурильщик этой же конторы бурения (1970-71 гг.), инженер по бурению, старший инженер, старший технолог, начальник смены РИТС Мегионской НРЭ (1978-89 гг.); начальник ПТО Мегионской комплексной НГРЭ ОМНГГ, затем НГРЭ ОАО «СН-МНГГ» (1989 г. — по настоящее время).

Высочинский Иван Яковлевич

Родился 5 мая 1922 г. в хуторе Прыдки Даниловского района Волгоградской области.

Окончил Ухто-Печерский горно-нефтяной техникум НКВД СССР в 1941 году.

Инвалид Великой Отечественной войны, имеет боевые награды.

Техник буровой площадки Крутинского газопромысла «Ухтанефти» (1941 г.); заместитель председателя промартели (г. Новосибирск) (1945-46 гг.); техник по бурению Сахалиннефти (1946-48 гг.); техник по бурению, инженер по труду Запсибнефтегеологии (1949-52 гг.); начальник Омской, Большереченской, Тарской и Саргатской партии и нефтеразведок Запсибнефтегеологии (1952-59 гг.); начальник Пимского уачстка, Нижневартовской нефтеразведки, зам. начальника Усть-Балыкской ПГБ (1959-62 гг.); начальник ПО Сургутской НРЭ, начальник ПО треста «Обьнефтегазразведка» (1962-70 гг.); начальник ПО Мегионской НРЭ (1970-78 гг.); главный экономист ОМНГГ (1978-84 гг.).

Имеет два ордена и семь медалей СССР.

Гавриков Валентин Андреевич

Родился 23 мая 1943 года в п. Посьет Хасанского района Приморского края в семье офицера-пограничника Гаврикова Андрея Григорьевича; мать, Евгения Варламовна Конькова. В 1950-60 гг. учился в школе в городах Кагаул, Бельцы Молдавской СССР, Мукачево Закарпатской обл. УССР.

Окончил Львовский политехнический институт в 1965 г.

Геолог участка бурения Мегионской НРЭ (1966-67 гг.); старший инженер-геолог ГО, главный геолог, начальник Мегионской НРЭ (1967-76 гг.); главный геолог ПГО «Сургутнефтегазгеология» (1976-78 гг.); начальник, генеральный директор ПГО «Мегионнефтегазгеология» (1978-84 гг.); генеральный директор ПГО «Новосибирскнефтегазгеология» (1985-90 гг.).

Награжден орденами «Знак Почета» (1974 г.), Трудового Красного Знамени (1977 г.) и медалями.

Гаврикова Джемма Михайловна

Родилась 11 апреля 1946 года в г. Тюмени.

Окончила Тюменский индустриальный институт в 1969 г.

Техниг-геолог цеха бурения Мегионской НРЭ (1969-72 гг.); инженер-геолог ГО Мегионской НРЭ (1972-74 гг.); старший инженер-геолог ГО Мегионской НРЭ (1974-76 гг.); старший инженер-геолог ГО ПГО «Сургутнефтегазгеология» (1976-78 гг.); старший инженер-геолог ГО ПГО «Мегионнефтегазгеология» (1978-85 гг.).

Грин Яков Яковлевич

Родился в 1925 году.

Слесарь по буровому оборудованию, вышкомонтажник Мегионской НРЭ (1962-1995 гг.).

Имеет медаль СССР.

Гусев Юрий Григорьевич

Родился 01.08.41 г. в г. Казани.

Окончил Казанский университет в 1963 году.

Преподаватель Октябрьского нефтяного техникума (1963-66 гг.); техник-геолог, инженер-геолог, старший геолог Мегионс-

кой НРЭ (1966-70 гг.); горно-технический инспектор Туймазинской РГТИ (1971-72 гг.); старший инженер-геолог Туймазинской ГПК (1971-72 гг.); зав. дневным отделением Октябрьского техникума (1972-80 гг.), заместитель начальника Вахской НРЭ (1980-81 гг.).

Дудник Николай Леонтьевич

Родился 09.05.27 г. в с. Подгоровка Луганской области.

Участник Великой Отечественной войны.

До 1959 г. работал в Дергачевской НРЭ Новосибирского геологоуправления. Заместитель начальника Вахской НРЭ (1969-75 гг.); с 1975 г. — Ханты-Мансийский геофизический трест.

Имеет награды СССР.

Ермолаев Геннадий Дмитриевич

Родился в 1939 году в г. Баку.

Окончил Азербайджанский политехнический институт в 1969 году.

Рабочий трубно-инструментальной базы Азморнефтегазразведки (1958 г.); токарь авторемонтного завода «Азерсельхозтехники» (1961-62 гг.); слесарь, инженер цеха №8 в/ч 28097 (1964-71 гг.); вышкомонтажник Мегионской НРЭ (1971 г.); механик, старший инженер, начальник вышкомонтажного цеха Мегионской НРЭ (1971-77 гг.); начальник БПО Мегионской НРЭ (1977 г.); главный инженер Мегионской ВМК «Мегионнефтегазгеологии» (1977-81 гг.); директор Мегионской ВМК ОМНГГ (1981-84 гг.).

Жумчуг Юрий Иванович

Родился 12 ноября 1922 года в с. Картамыш Курганской области.

Окончил Азербайджанский индустриальный институт в 1950 году.

Участник Великой Отечественной войны, лейтенант-артиллерист.

Работал в Газлинской нефтеразведке.

1950-60 гг. — старший инженер Нижневартовской нефтеразведки.

1960 г. — начальник ПТО Сургутской НРЭ.

Имеет награды.

Карагодин Алексей Петрович

Родился в 1944 году в с. Натанеби Махарадзевского р-на Грузинской ССР.

Окончил Ивано-Франковский институт нефти и газа в 1968 году.

Подземный путевой рабочий вахты № 13 «Ростовугля» (1962-63 гг.), помощник бурильщика, бурильщик, инженер, ст. инженер, начальник ПТО, главный инженер Надымской НГРЭ, главный инженер Ямальской НГРЭ (1976 г.); начальник ПТО, главный инженер Тазовской НГРЭ (1976-79 гг.); главный инженер ПГО «Ямалнефтегазгеология» (1979-84 гг.); главный инженер ПГО (ОАО) «Мегионнефтегазгеология» (1984-98 гг.)

Имеет награды СССР.

Каталкин Степан Леонидович.

Родился 16 октября 1934 года в г. Колпашево Томской области.

Окончил Московский институт НХиГП в 1960 году.

Инженер по бурению ПТО Сургутской НРЭ (1960 г.); помощник бурильщика Сургутской НРЭ (1960-1961 г.г.); мастер по испытанию скважин Нижневартовской ПГБ (1961-62 г.г.); буровой мастер Мегионской НРЭ (1962-63 г.г.); начальник цеха испытания, заместитель главного инженера по технике безопасности, начальник ПТО Мегионской экспедиции (1963-66 г.г.); главный инженер МНРЭ (1966-67 г.г.), начальник МНРЭ (1967-70 г.г.), главный инженер МНРЭ (1970-72 г.г.); начальник партии по предупреждению и ликвидации аварий в глубоком бурении (1972-73 г.г.), начальник ПДС «Главтюменьгеологии» (1973-74 г.г.); главный инженер по глубокому бурению ТКГРЭ (1974); главный инженер Карской НГРЭ (1974-76 г.г.); зам. начальника ПТО ПГО «Обьнефтегазгеология» (1976-77 г.г.), главный диспетчер ПГЛ «Обьнефтегазгеология» (1977-78 г.г.), зам. генерального директора ПГО «Обьнефтегазгеология» (1978-80 г.г.); начальник Сургутской НРЭ.

Кваша Иван Филимонович

Родился в 1943 году.

Работать начал в семнадцать лет.

Помощник бурильщика Белокатайской конторы бурения (1964-69 гг.); помощник бурильщика Вахской НРЭ, слесарь этой же экспедиции (1969г. — н/в).

Награжден медалью СССР.

Козлов Виктор Николаевич

Родился 15 июня 1937 года в с. Овчинниково Косихинского района Алтайского края.

Окончил Уфимскии нефтяной институт в 1961 году.

Помощник бурильщика Усть-Балыкской ПГБ Сургутской НРЭ Тюменского ТГУ (1961 г.); инженер, старший инженер Сургутской НРЭ (1961-65 гг.); старший инженер ПТО, старший инженер техотдела ПГО «Мегионнефтегазгеология» (1981-85 гг.); главный технолог Восточно-Мегионской НГРЭ (1986-87 гг.); начальник РИТС-1 Новомолодежного УБР ПО «Нижневартовскнефтегаз» (1986-87 гг.); ведущий инженер группы крепления скважин Восточно-Мегионской НГРЭ, инженер-технолог 1-й категории Мегионской КНГРЭ (1987-93 гг.).

Рационализатор, изобретатель.

Избирался депутатом Сургутского поссовета (1964 г.).

Имеет отраслевые награды, ВДНХ, ВОИР. Ветеран труда.

После выхода на пенсию в 1993 году издал десять книг публицистики и стихов, в т.ч. две — стихи для детей; член Союза писателей России.

Козлова Галина Ивановна

Родилась в 1938 году в Перми.

Окончила Пермский госуниверситет в 1961 году.

Техник-вычислитель, инженер-геофизик Нарыкарской нефтеразведочной экспедиции (1961-63 гг.); инженер-интерпретатор Сургутской нефтеразведочной экспедиции (1963-65 гг.); геофизик опытно-методической партии ТКГРЭ (1965-67 гг.); геофизик партии оперативного геофизического анализа (1967-70 гг.); геофизик, старший геофизик института «ЗапСибНИГНИ» (1970-75гг.); инженер-геолог Вахской НРЭ (1975-81 гг.); геолог ГО Мегионской НРЭ (1981-85 гг.); старший геолог Мегионского ГЭ (1985-88 гг.; геолог Мегионского УБР (1988-96 гг.).

Принимала участие в открытии Ватинского, Северо-Покурского, Минчимкинского, Северо-Хохряковского и других месторождений нефти и газа. Ветеран труда ХМНО.

Кочнев Владимир Алексеевич

Родился в 1935 году в селе Кочневка на Южном Урале. Окончил геофизический факультет Свердловского горного института в 1958 году.

С 1958 по 1966 гг. принимал непосредственное участие в поисках нефтяных месторождений в Среднем Приобье на территории Томской и Тюменской областей, в частности, Ватинского, Мегионского, Охтеурского, Покурского и других. Работал оператором, интерпретатором и начальником сейсмопартии, выявивших структуры будущих месторождений.

С 1966 года В.А.Кочнев переключился на развитие методов обработки сейсмических данных на ЭВМ. Дважды в должности технического руководителя сейсмических работ по бывал в республике Куба.

В 1973 году Владимир Алексеевич защитил кандидатскую диссертацию и занялся научно-педагогической деятельностью: вел научные исследования, читал несколько спецкурсов, в частности, в Красноярском университете. Им опубликовано более 40 научных работ, в т.ч., в изд. «Наука» СО АН СССР вышла его монография «Адаптивные методы интерпретации сейсмических волн». Автор нескольких учебников для ВУЗов по спецкурсу.

С 1990 года доктор технических наук. Результаты его научных разработок эффективно внедряются в производство, удостаивались медалей ВДНХ; ныне работы ведутся по конкурсным проектам и по договорам с АО.

В 1995 г. в содтрудничестве с одной из Тюменских фирм занимается разработкой комплекса программ для обработки упругих колебаний, возбуждаемых буровым долотом в процессе бурения (при этом удается получать не только хорошие сейсмические разрезы, но и попутно определять координаты забоя).

Живет в городе Красноярске, работает ведущим научным сотрудником ВЦ СО АН РФ.

Ксенофронтов Юрий Иванович

Родился 18 января 1949 года в деревне Шегурча Альметьевского района ТАССР.

В 1966 г. окончил ПТУ в г. Акташ.

Машинист-тракторист Ваховской НРЭ с 08.08.69 г. по настоящее время.

Имеет награды.

Кузнецов Валерий Павлович

Родился в 1947 году в д. Кузнецово Голышманского района Тюменской области.

Окончил Новосибирский геологоразведочный техникум в 1976 г., высшую школу профдвижения им. Н.М. Шверника в 1982 году.

Токарь Тюменского судостроительного завода (1963-66 гг.); помощник бурильщика Мегионской НРЭ (1966-76 г.); председатель профкома МНРЭ (1976-78 гг.); председатель групкома ПГО «Мегионнефтегазгеология»; старший инженер ОТБПГО «Мегионефтегазгеология», начальник ОК, председатель профкома ОМНГГ (1978-88 гг.).

Липковский Евстигней Федорович

Родился в 1927 году.

Работать начал с семнадцати лет.

Сменный мастер Колпашевской буровой партии (1948-49 гг.); Максимоярской партии по бурению (1949-52 гг.); бурильщик Колпашевской ПГБ (1952-54 гг.); Нарымской нефтеразведки (1954-59 гг.); бурильщик, буровой мастер Нижневартовской нефтеразведки (1959-62 гг.); бурильщик, буровой мастер, мастер по испытанию скважин Мегионской НРЭ (1962-76 гг.); районный инженер Средне-Обского военизированного отряда (1976-80 гг.); начальник смены МЭИС (1980-82 гг.).

Имеет медаль СССР, медаль ВДНХ.

Логинов Иван Нестерович

Родился в 1938 году.

Трудовую деятельность начал в 1958 г.

Плотник Вахского стройучастка (1966-68 гг.); вышкомонтажник, слесарь по ремонту бурового оборудования Вахской НРЭ (НГРЭ) (1968-95 гг.).

Имеет медаль СССР.

Малыгин Семен Лукич

Родился в 1925 году.

Трудовую деятельность начал с пятнадцати лет, участник Великой Отечественной войны.

Помощник бурильщика Тюменской буровой партии, бурильщик Уватской, Туринской, Покровской нефтеразведок (1950-58 гг.); буровой мастер Приуральской экспедиции (1958-60 гг.); буровой мастер Шаимской, Мегионской НРЭ (1960-81 гг.). Участник открытия и разведки месторождений Приобья.

Имеет ордена и медали СССР, Герой Социалистического Труда.

Малышев Владимир Иванович

Родился в 1937 году.

Рабочий (1959-63 гг.); вышкомонтажник Усть-Балыкской НРЭ, Правдинской, Нижнеенисейской НРЭ (1963-70 гг.); электросварщик Тюменского мехзавода, Вахской НРЭ (1972 — наст. время).

Имеет награды.

Мартемьянов Зиновий Афанасьевич

Родился в 1929 году.

Дизелист Нарымской нефтеразведки, Мегионской НРЭ (1956-79 гг.); слесарь по ремонту бурового оборудования Мегионской ЦБПО ПГО «Мегионнефтегазгеологии» (1979-95 гг.). Участник открытия и разведки месторождений Приобья.

Награжден медалью СССР.

Морозов Алексей Куприянович

Родился в 1926 году.

Дизелист Нижневартовской нефтеразведки (1951-62 гг.); Мегионской НРЭ (1962-77 гг.); Мегионской вышкомонтажной конторы (1977-81 гг.).

Имеет медаль СССР.

Морозов Николай Михайлович

Родился в 1927 году.

Окончил Львовский политехнический институт в 1950 году.

Буровой мастер треста «Тюменнефтегазразведка» (1950-60гг.); начальник Тобольской, Нарыкарской нефтеразведок (1960 г.); главный инженер Тюменского геологоуправления (1960-65 гг.); начальник Вахской НРЭ (1965-69 гг.); управляющий трестом «Норильскнефтегазрзведка» (1969-71 гг.); начальник Сургутской НГРЭ (1971-76 гг.); генеральный директор ПГО «Обьнефтегазгеология» (1976-80 гг.); начальник Красноленинской НРЭ (1980-84 гг.); зав. лаборатории ЗапСибБурНИПИ (1984-95 гг.).

Имеет ордена и медали СССР.

Налобин Владимир Алексеевич

Родился в 1935 году.

Рабочий Тюменского судостроительного завода (1953-1962 гг.)

Слесарь Шухтунгорской ПГБ (1962-1966 гг.); помощник бурильщика, слесарь-турбинщик, слесарь по буровому оборудованию Вахской НРЭ (НГРЭ) (1966-1995 гг.)

Норкин Григорий Иванович

Родился в 1914 году, умер в 1980 году.

Буровой рабочий, помощник бурильщика, буровой мастер Нарымской нефтеразведки (1948-59 гг.); буровой мастер, мастер по сложным работам Мегионской НРЭ (1959-72 гг.). Первооткрыватель Мегионского, Самотлорского и других нефтяных месторождений Приобья...

Награжден орденами СССР.

Павлюченко Михаил Петрович

Родился в 1930 году.

Бурильщик Нарымской нефтеразведки (1953-59 гг.); бурильщик Нижневартовской ПГБ (1959-62 гг.); Мегионской, Восточно-Мегионской НРЭ (1962-88 гг.); комплектовщик Мегионской НРЭ (1988-94 гг.).

Награжден орденом Трудовой Славы II степени.

Палкин Феоктист Иванович

Родился в 1935 году.

Машинист крана Мегионской НРЭ, Мегионской ВМК, Мегионской ЭКБ (1962-90 гг.).

Имеет медаль СССР.

Пальянов Владимир Александрович

Родился в 1954 году в с. Ларьяк Нижневартовского района Тюменской области.

Окончил Тюменский индустриальный институт в 1976 году.

Помощник бурильщика, помощник бурового мастера, технолог РИТС, старший инженер БПО, исполняющий обязанности начальника РИТС Мегионской НРЭ (1976-80 гг.); главный инженер, начальник ПТО Восточно-Мегионской НРЭ, начальник смены ВМНРЭ (1980-89 гг.).

Пархамович Виктор Михайлович

Родился 22.07.27 г. в г. Тюмени.

Окончил Саратовский нефтяной техникум в 1963 году, Тюменский индустриальный институт в 1970 году.

Помощник бурильщика Березовской нефтеразведки (1954-56 гг.); слесарь Сартыньинской ГРП (1959-62 гг.); техник-геолог Игримской ПГБ (1962-63 гг.); мастер по исследованию скважин Полноватской ГРП (1963-64 гг.); мастер, старший инженер цеха испытания, старший инженер по бурению, начальник цеха бурения и испытания скважин Усть-Балыкской НРЭ (1964-69 гг.); главный инженер Мегионской НРЭ (1969-71 гг.); главный инженер, начальник Аганской НРЭ (1971-81гг.); генеральный директор ПГО «Сургутнефтегазгеология» (1981-1990 гг.).

Имеет ордена и медали СССР, отраслевые награды.

Перегудов Олег Михайлович

Родился в 1933 году 17 октября в г. Ташкенте.

Окончил Московский нефтяной институт в 1956 году.

Коллектор Юганской разведки (1956-60 гг.); инженер-геолог Охтеурской ПГБ Сургутской КГРЭ (1960-63 гг.); старший геолог Мегионской НРЭ (1963-79 гг.); начальник геологичес-

кого отдела Восточно-Мегионской НГРЭ (1979-85 гг.); старший геолог Мегионской НРЭ (1985-88 гг.). Принимал участие в открытии нефтяных месторождений Приобья.

Имеет медаль СССР, отраслевые награды.

Перегудова Валентина Николаевна

Родилась 27 ноября 1933 г. 27 ноября в г. Нижний Тагил.

Окончила Свердловский горный институт в 1957 году.

Техник по бурению Нарымской нефтеразведки (1957-58 гг.); инженер-химик Колпашевской КБ (1958 г.); лаборант Сургутской нефтеразведки (1958-60 гг.); коллектор Охтеурской ПГБ СКГРЭ (1960-61 гг.); нормировщик Мегионской НРЭ (1962-65гг.); старший инженер по труду и зарплате Мегионской НРЭ (1965-78 г.г.); начальник отдела труда и зарплаты ПГО «Мегионнефтегазгеология» (198-81 гг.); старший инженер ОТИЗ ОМНГГ (1981-83 гг.); начальник ОТИЗ Мегионской экспедиции по испытанию скважин (1983-89 гг.).

Имеет медаль СССР.

Печерин Владимир Петрович

Родился 02.08.48г. в д.Саратово Горьковского района Омской области. Отец Печерин Петр Ильич, 1929 года рождения, мастер пимокатного дела. Мать Печерина (Алгазина) Нина Аверьяновна, 1926 года рождения, домохозяйка.

В 1955 году пошел в школу, в 1966 г., после получения аттестата зрелости поступил по конкурсу в Тюменский индустриальный институт на факультет геологии нефти.

После окончания института в 1971 году работал на следующих должностях:

9.07.71 — 01.01.72 — техник-геолог МНРЭ
04.01.72 — 04.09.72 — геолог МНРЭ
04.09.72 — 25.09.74 — старший геолог РИТС
25.09.74 — 04.05.78 — старший геолог цеха бурения
04.05.78 — 26.08.78 — зам. начальник ГО ОМНГГ
26.08.78 — 26.06.80 — начальник ГО МНРЭ
26.06.80 — 01.12.89 — главный геолог
01.12.89 — главный геолог МНГРЭ

За успехи в работе неоднократно поощрялся.

Член КПСС с 20.01.76 г., избирался членом партийного бюро МНРЭ. Женат на Печериной (Доновой) Валентине Викторовне, имеет детей: сына Андрея, 1968 г.р. и дочь Елену, 1974 г.р.

Печерина Валентина Викторовна

Родилась 09.03.49г в д. Романовская Половинка Сургутского района Тюменской области. Образование среднее специальное: Тюменское медучилище, Саратовский геологоразведочный техникум.

Работала санитаркой в областной больнице, няней в д/с, медсестрой Мегионской участковой больницы, инженером УПТОИКа ОМНГГ, инженером ОТИЗ МЭИС. Живет в Мегионе.

Печерин Петр Ильич

Родился 10.07.29г. в д. Б-Озеро Горьковского района Омской области. Отец Печерин Илья Захарович 1908 г.р., погиб под Сталинградом в 42-м году. Мать Печерина (Павлова), 1906 г.р., колхозница, пенсионерка.

Образование семь классов.

Беспартийный, членом ВЛКСМ не значился.

Работать начал с 14 лет, в 43-м году, учеником в пимокатном цехе. Став мастером-пимокатом, до 1950 года работал по договорам с артелями.

С 1950 г. по 53-й служил в Советской Армии. После демобилизации, в 1954 г. по оргнабору завербовался на север в рыбтрест (проработав год до этого по специальности в пимокатном цехе г. Омска).

В сентябре 1959 года Петр Ильич перевелся в Шеркалинскую ПГБ Нарыкарской экспедиции, а в 1963 году — в Мегион, где работал прорабом, заместителем начальника МНРЭ, УПТОИКа, СУ «Геолстрой» (заместителем начальника Мегионской НРЭ в 1965-71; 1974-76 г.г.)

Перед выходом на пенсию Петр Ильич работал заместителем начальника Тюменского УПТОИКа.

В 1947 году Петр Ильич вступил в брак с Ниной Аверьяновной Алгазиной. В 1948 году у них родился сын Владимир, в 55-м — дочь Ирина. Дважды избирался депутатом Мегионского посссовета, а также депутатом Мегионского райсовета.

Награжден двумя медалями.
Живет в г. Тюмени, пенсионер.

Плотников Николай Николаевич

Родился в 1927 году.
Слесарь Мегионской НРЭ (1962-72 гг.); вышкомонтажник, слесарь по ремонту ДВС, слесарь по ремонту бурового оборудования Мегионской ВМК (1972-84 гг.).

Пузиков Василий Николаевич

Родился в 1940 году.
Механик-водитель Сургутской НРЭ, Мегионской НРЭ, Мегионской ВМК (1962-83 гг.); механик-водитель, слесарь Мегионского ДСУ (1983 — наст. время).
Имеет орден и медали СССР.

Романченко Юрий Иванович

Родился в 1940 году 20 июля в п. Нефтегорск Краснодарского края.
Окончил Грозненский нефтяной институт в 1965 году.
Помощник бурильщика КБ НПУ «Хадыженнефть» (1958-60 гг.); помощник бурильщика, бурильщик, старший инженер ПТО, старший инженер цеха бурения, исполняющий обязанности начальника ПТО, главного инженера, начальник цеха бурения Мегионской НРЭ (1965-70 гг.); начальник смены РИТС, зам. начальника РИТС, секретарь парткома Камышинского УБР (1970-75 гг.); начальник РИТС, главный инженер Мегионской НРЭ (1975-83 г.г.); главный диспетчер, заместитель генерального директора ОМНГГ (1983-86 гг.).
Принимал непосредственное участие в открытии Самотлорского, Аганского, Мало-Черногорского, Варь-Еганского и др. месторождений.

Синюткин Модест Федорович

Родился 17 июля 1931 года в селе Мало-Красноярское Зыряновского района Семипалатинской области, в семье служащих.

Окончил Саратовский университет им. Чернышевского в 1956 году.

Техник-геолог, инженер-геолог нефтеразведок Березовской КРБ, начальник геологического отдела Березовской НРЭ (1956-61 гг.); главный геолог Мегионской НРЭ (1962-67 гг.); главный геолог треста «Норильскнефтегазразведка» (1967-68 гг.); главный геолог треста «Обьнефтегазразведка» (1968-70 гг.); главный геологический консультант объединения «Нефть и газ» в ГДР (1970-74 гг.); старший геолог ППЗ Тюменской тематической экспедиции (1974-75 гг.); главный геолог Мегионской НРЭ (1975-78 гг.); главный геолог ПГО «Мегионнефтегазгеология» (1978-83 гг.), старший геолог ППЗ ГТГ.

Участвовал в открытии и разведке месторождений в Березовском, Норильском и Среднеобском нефтегазоносных районах, первооткрыватель Ватинского, Аганского, Самотлорского месторождений.

Награжден орденами и медалями, в т.ч. орденом Ленина.

Заслуженный геолог РСФСР.

Стерхов Спартак Викторович

Родился в с. Алымка Уватского района Тюменской области.

Окончил школу ФЗО (1951 г.); курсы бурильщиков при Черногорском ТУ (1961 г.); курсы буровых мастеров при ГПТУ №7 (1966 г.).

Вышкомонтажник Алымской нефтеразведки (1951-56 гг.); помощник бурильщика Щеркалинской ПГБ (1956-59 г.г.); бурильщик Красноленинской ПГБ (1959-63 гг.); буровой мастер (1963-68 гг.); буровой мастер Мегионской НРЭ (1968-70 гг.); служебная командировка в ГДР (1970-72 гг.); буровой мастер Мегионской НРЭ (1972-75 гг.); командир Мегионского военизированного отряда Тюменской ВГСЧ (1975-82 гг.).

Стюров Михаил Афанасьевич

Родился в 1944 году.

Окончил Октябрьский нефтяной техникум в 1964 году.

Помощник бурильщика, буровой мастер, мастер по сложным работам Мегионской НРЭ.

Участник открытия и разведки нефтяных месторождений.

Награжден орденом Трудовой Славы III степени, медалью СССР.

Темиров Амет Борисович.

Родился в 1924 году.

Окончил Ашхабадский нефтяной техникум в 1950 году.

Техник-геолог Нарымской нефтеразведки (1950-59 гг.); техник-геолог, инженер-геолог, мастер по опробованию скважин Сургутской, Мегионской НРЭ (1959-95 гг.).

Имеет орден и медали СССР.

Федоров Виктор Петрович

Виктор Петрович Федоров — бывший главный инженер Колпашевской геофизической экспедиции, затем — главный геофизик Сургутской комплексной геологоразведочной экспедиции; лауреат Сталинской премии I-й степени за савропольский газ, участник ВОВ, орденоносец.

В «сибирском поле» проработал с 1952 по 1965 год.

Руководимые им геофизические партии и отряды открыли и подготовили под разведочное и поисковое бурение большое количество структур в Среднем Приобье, ставших впоследствии известными на весь мир нефтяными месторождениями в том числе такие, как Мегионское, Усть-Балыкское, Мамонтовское, Самотлорское и др.

Одно из крупнейших месторождений — Федоровское — названо его именем.

Федькив Василий Михайлович

Родился 29 марта 1942 года в с. Добрыников Ивано-Франковской области.

Окончил Львовский политехнический институт в 1965 году.

Бетонщик на строительстве Карагандинской ГРЭС (1959-60 гг.); оператор, инженер-геолог, старший геолог Узеньской ГРЭ (1960-69 гг.); старший специалист по опробованию Камчатского ТГУ (1969-70 гг.); оператор, старший геолог Стрыйской КОРС (1970-79 гг.); старший геолог Мегионской, Восточно-Мегионской НРЭ, мастер, старший мастер по испытанию Восточно-Мегионской НГРЭ, Мегионской ЭИС (1979-89 гг.).

Филимонов Валерий Викторович

Родился 19 июня 1944 года в г. Чапаевске Куйбышевской области.

Окончил Куйбышевский политехнический институт в 1967 году.

Слесарь ГПЗ помощник бурильщика КРБ «Первомайнефти» (1968 г.); ассистент кафедры бурения Куйбышевского политехнического института (1968-71 гг.); помощник бурильщика, инженер по испытанию, инженер по бурению, начальник ПТО, и.о. главного инженера Вахской НРЭ (1971-75 гг.); старший инженер ЦНИЛ «Куйбышевнефти» (1975-76 гг.); начальник РИТС Мегионской НРЭ (1976-78 гг.).

Фирсова Татьяна Петровна.

Родилась 29 мая 1960 года в с. Мало-Нехвороща Полтавской области.

Окончила Полтавский нефтяной техникум в 1979 году.

Оператор-коллектор Мегионской НРЭ (1979-80 гг.); техник отдела главного технолога Восточно-Мегионской НГРЭ (1980-82 гг.); инженер-технолог этой же экспедиции (1982-89 гг.); администрация г. Мегиона (1988 — н/в).

Шутов Борис Алексеевич

Родился 7 ноября 1944 года в с. Белянинoво Мытищинского района Московской области.

Окончил Куйбышевский политехнический институт в 1967 году.

Слесарь-сборщик Средне-Волжского станкостроительного завода (1961-62 гг.); пом. оператора Мухаевского промысла Первомайнефти (1962-63 гг.); помощник бурильщика, бурмастер, старший инженер по бурению, начальник ПТО Вахской НРЭ (1968-72 гг.); начальник ПТО, начальник РИТС, ЦИТС, и.о. главного инженера МНРЭ (1972-77 гг.); начальник ЦИТС ОМНГГ (1978-79 гг.).

Щастный Валерий Викторович

Родился 25 августа 1931 года в г. Ялуторовске Тюменской области.

Окончил курсы бурильщиков и буровых мастеров (1966 г., Тюмень).

Бурильщик Казымской ПГБ (1960-66 гг.); бурильщик, буровой мастер Вахской НРЭ (1966-75 гг.); буровой мастер Карской экспедиции (1975-80 гг.).

Имеет медаль СССР.

Юрьев Владимир Трофимович

Родился в с. Воздвиженка Михайловского района Приморского края 25 января 1936 года.

Окончил Новокузнецкое РУ №1 (1955 г.); курсы при институте повышения квалификации Мингео СССР (1962 г.).

Кузнец Кузнецкого металлургического комбината (1955 г.); СА (1955-58 гг.); котельщик Бийского машзавода (1958-59 гг.); кузнец, слесарь, шофер, мастер Сургутской КГРЭ (1959-62 гг.); начальник перфораторного отряда Усть-Балыкской НРЭ (1962-64 гг.); председатель разведкома профсоюза Усть-Балыкской НРЭ (1964-66 гг.); начальник перфоотряда Усть-Балыкской НРЭ (1966-69 гг.); заместитель по кадрам и быту Мегионской НРЭ (1969-83 гг.); начальник ПТВС (1983-85 гг.).

Имеет орден и медали СССР. Избирался депутатом Мегионского поссовета.

Яцына Николай Емельянович

Родился 27 января 1950 г. в г. Малгобек ЧИАССР.

Окончил Саратовский геологоразведочный техникум в 1981 г.

Лаборант Мироновского НИИ (1967-68 гг.); оператор трубч. печей Киевского комбината стройиндустрии (1968-69 гг.); слесарь КИП Вознесенского ГПЗ (1969-70 гг.); слесарь КИП Ватинской КБ (1970 г.); слесарь КИП Мегионской НРЭ (1970-80 гг.); инженер, старший инженер-энергетик, старший инженер ОМТС Восточно-Мегионской НГРЭ (1980-89 гг.); механик МНГ (1989-97 гг.).

Имеет медаль СССР. Избирался депутатом Мегионского поссовета.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

ПРИКАЗ

по Охтеурскому участку глубокого бурения
Ново-Логинской нефтеразведки
с. Охтеурье №1 — 7 сентября 1958 г.

Сего числа прибыл на постоянное место работы и приступил к своим обязанностям.

Начальник Ново-Логинской
нефтеразведки Е.И. Хромов

Приложение №2

ПРИКАЗ

по Охтеурскому участку глубокого бурения
Ново-Логинской нефтеразведки
с. Охтеурье №2 — 7 сентября 1958 г.

В связи с прибытием на постоянное место работы приказываю:

§1
Хромовой Е.И. — нормировщику
Волчаниной Я.Я. — бухгалтеру приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58 г.
§2
Гайдовскому В.Я. — 4 разряд
Козловскому В.Л. — 4 разряд
Евтину М.Я. — 5 разряд, пом. дизелистам приступить с 07.09.58г. к своим обязанностям
§3
разнорабочим:
Крюковой В.М. — 3 разряд стр. сетки
Никифоровой Л.А. — — //-//-//-//-//
Бердюгиной Н.К. — — //-//-//-//-//
Филипповой Н.Г. — 3 разряд стр. сетки
Бобылевой А.Д. — — //-//-//-//
Тунгусовой Н.Л. — — //-//-//-// приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58 г.
§4
дизелистам:
Чернову И.П. — 6 разряд основной сетки
Бердюгину Г.С. — 6 — //-//-//-
Евсееву А.В. — 7 — //-//-//-
Белозерову А.А. — 5 — //-//-//-
Козловскому П.Л. — 6 — //-//-// — приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58 г.

§5
помощникам бурильщика:
Гуменному А.Р. — 5 разряд основной сетки
Брагину А.И. — 6 — //-//-//-
Лысенко И.Я. — 6 — //-//-// — приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58 г.
§6
буровым рабочим:
Ерахтину В.П. — 5 разряд основной сетки
Гайдовскому П. — 5 — //-//-//-
Тунгусову М.Н. — 5 — //-//-// — приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58 г.
§7
трактористам:
Глебову А.П. — 7 разряд основной сетки
Руппель А.Д. — 5 — //-//-//-
Вологодскому П.В. — 4 — //-//-// — приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58г.
Зенкову Б. — слесарю по трубопроводам 6 разряда основной сетки
Крюкову А. — токарю 6 разряда приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58г.
§8
плотникам:
Гребенникову И.П. — 4 разряд стр. сетки
Баранову А.Ф. — 5 — //-//-//-
Бушуеву А.В. — 4 — //-//-//-
Баранову Н.Ф. — 5 — //-//-//-
Аждову В.Ф. — 5 — //-//-//-
Козлову И.С. — 4 — //-//-//-
Хорошавину А.И. — 4 — //-//-//-
Королеву А.Т. — 5 — //-//-
Жадан Н. — 4 — //-//-//-
Хвостову — 4 — //-//-
Серьгину В.Т. — 4 — //-//-
Видякину Н.А. — 4 — //-//-
Бирюкову С.И. — 4 — //-//-
Чарушину С.А. — 5 — //-//-
приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58г.
§9
Чистоусову В.Д. — верховому рабочему, 5 разряд основной сетки
Федик Д.Г. — десятнику-строителю
Круницыну А.М. — столяру, 6 разряд стр. сетки
Старикову Ю.В. — рабочему, 3 разряд стр. сетки приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58г.
§10
Белозеровой А.И. — штукатуру, 5 разряд стр. сетки
Столетову И.Я. — исполняющему обязанности фельдшера, 5 разряд основной сетки
Николаенко И.А. — 6 разряд основной сетки приступить к исполнению своих обязанностей с 07.09.58г.
Начальник Ново-Логинской
нефтеразведки Е.И. Хромов

Приложение №3

ПРИКАЗ

по Охтеурскому участку глубокого бурения
Ново-Логинской нефтеразведки
с. Охтеурье №2 — 5 ноября 1958 г.

«О праздновании 41-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции»

... Празднование 41-й годовщины Великой октябрьской социалистической революции совпадает с подготовкой к 21-му съезду КПСС.

Коллектив Ново-Логинской нефтеразведки, включившись в социалистическое соревнование, досрочно выполнил годовую программу и приступил к обустройству новой Охтеурской разведки и тем самым вносит свою долю в общенародное дело...

Приказываю:

§1. За достигнутые высокие показатели в труде, за самоотверженный труд при обустройстве разведки объявить благодарность:

1.Аждову В.Ф — пилорамщику
2.Гайдовскому В.Я. — бригадиру
3.Евсееву А.В. — дизелисту
4.Гуменному А.Р. — помбуру
5. Криницыну А.М. — столяру
6. Руппель А.Д. — трактористу

§2. За достигнутые показатели в труде выплатить премии:

Айдову В.Ф. — 50 рублей
Евсееву А.В. — 75 рублей
Гайдовскому В.Я. — 50 рублей

Приветствую и поздравляю весь коллектив нефтеразведки с 41-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции и желаю еще больших успехов в строительстве коммунистического общества!

Да здравствует советский народ — народ-созидатель!

Начальник Ново-Логинской
нефтеразведки Е.И. Хромов

Приложение №4

ПРИКАЗ

по Охтеурскому участку глубокого бурения
Ново-Логинской нефтеразведки
п. Охтеурье №7 — 11октября 1958 г.

§1. Ковалеву Ю.А. (зачислен с 11.09.58г. дизелистом электростанции. В.К.) предоставить отпуск без содержания в связи с сочетанием в браке на 3 дня: 11.10.58, 13.10.58, 14.10.58

Начальник Ново-Логинской
нефтеразведки Е.И. Хромов

Приложение №5

ПРИКАЗ

по Охтеурскому участку глубокого бурения
Ново-Логинской нефтеразведки
п. Охтеурье №8 — 24 октября 1958 г.

§1. Чистоусову В.Д. предоставить отпуск без содержания в связи с сочетанием в браке на 3 дня: 24, 25 и 27 октября 1958г.

Начальник Ново-Логинской
нефтеразведки Е.И. Хромов

Приложение №6

Приказ №1

по Охтеурскому участку
Ново-Логинской нефтеразведки
с. Охтеурье — 5 ноября 1958г.

5 ноября 1958 года бригадир плотников (подчеркнуто мною, — В.К.) Бирюков Сергей Иванович не вышел на работу без всяких на то уважительных причин. Подобные невыходы на работу неединичны.

Кроме этого т. Бирюков С.И. неоднократно являлся на работу в нетрезвом виде, чем грубо нарушал правила внутреннего распорядка.

С целью недопущения подобного впредь —

§1

За допущенное неоднократное нарушение т. Бирюкова С.И. освободить от обязанностей бригадира и объявить строгий выговор с предупреждением, что при повторении нарушений он будет уволен без всяких на то предупреждений.

Начальник Ново-Логинской
нефтеразведки Е.И. Хромов

Приложение №7

Приказ №5

по Охтеурскому участку
Ново-Логинской нефтеразведки
с. Охтеурье — 24 ноября 1958г.

Начиная со дня высадки коллектива на новую площадь в с. Охтеурия (в тексте Охтеурия — В.К.) фельдшер Столетов И.Я. встал на неправильный путь, который требуется от каждого советского работника. Т. Столе-

тов И.Я. в период рабочего времени допускает пьянство, всевозможную болтовню, не входящую не в какие рамки поведения, как медицинского работника, так и гражданина. Неоднократные предупреждения со стороны руководства о его аморальном поведении, с его стороны игнорировались.

Приказываю:

Фельдшера, тов. Столетова строго предупредить.

Начальник Ново-Логинской
нефтеразведки Е.И. Хромов

Приложение №8.

Приказ №6 от 25 ноября 1958 г.

Сего числа работники пилорамы в составе тт. Евсеева, Ерахтина, Ковалева, Тумгусова окончили свой рабочий день в 16 час. 35 минут, т.е. раньше требуемого времени на 25 минут. Учитывая существующее законоположение о режиме рабочего времени, приказываю:

1.За окончание работы на 25 минут раньше требуемого времени бригадиру т. Еввсееву объявить выговор.

2.Считать день работы 25 ноября 1958 года как прогул всем вышеперечисленным лицам.

Начальник Ново-Логинской
нефтеразведки Е.И. Хромов

Приложение №9

Приказ №9 от 29 декабря 1958 г.

С 18 ноября рабочий Евтин М.Е., имея освобождение от работы в связи с воспалением седалищного нерва, нарушил предписание врача. Больному Евтину был предписан домашний режим. Последний, вопреки указаниям врача, занимался строительством тамбура в выделяемой ему квартире.

Приказываю:

...за нарушение предписания врача Евтину пособие по временной нетрудоспособности не выплачивать.

Начальник Ново-Логинской
нефтеразведки Е.И. Хромов

Приложение №10

Приказ №4 от 23 февраля 1959 г.

§1

Сего числа выбываю в служебную командировку в г.Новосибирск и Тарский район.

§2

Руководство работами на Охтеурском участке возлагаю на десятника Федика Д.Г.

Начальник Охтеурской
разведки Е.И. Хромов

Приложение №11

Приказ №11 от 3 января 1959 года.

С 1 декабря 1958 года по 8 декабря рабочий Стариков Ю.В. освобожден от работы в связи с вирусным гриппом, нарушил предписание врача. Больному Старикову был предписан постельный режим. Последний, вопреки указанию врача, ходил ежедневно в клуб на танцы.

Приказываю:

§1. В связи с нарушением предписания врача больничный лист Старикову Ю.В. не оплачивать.

Начальник Охтеурской
разведки Е.И. Хромов

Приложение №12

Приказ №14 от 17 сентября 1959 г.

В связи с затяжкой строительства поселка на территории буровой и монтажа буровой приказываю:

§1. До 20 сентября 1959 года переехать в поселок буровиков на временное жительство следующим рабочим: Гайдуковскому, Решетникову, Евсееву, Хорошавину, Жумажанову, Брагину. В противном случае эти квартиры будут переданы другим работникам...

И.о. начальника Охтеурской разведки Салимов

Приложение №13

Приказ №13 от 15 апреля 1959 года.

В связи с наступлением весны и сокращением ночи и подготовке к весеннему паудку (так в оригинале — В.К.), ремонта емкости и привести в порядок горючесмазочные материалы приказываю:

§1. Установить работу электростанции: вечером включать ежедневно свет в 8 часов вечера до 12 ночи. Утром с 8 часов утра до 5 часов вечера. Оставить 3-х дизелистов. Крюкова от дежурства на электростанции освободить, вменить ему ремонт всех механизмов и ремонт емкостей и ведение порядка на электростанции. Приказ объявить всему личному составу.

Начальник Охтеурской
разведки Е.И. Хромов

Приложение №14

ПРИКАЗ

по Охтеурской нефтеразведке
от 17 июля 1959 г.

.....

Создать комиссию по подсчету ущерба от наводнения в составе:

Волчанина Н.Я., бухгалтер, Козловских П.А., предцехкома, Орлова Т., рабочая.

Комиссии акты о результатах работы по ОРСу (с подтверждением врача о пригодности продуктов) и по товарно-материальным ценностям Ново-Логинской нефтеразведки...

Начальник Охтеурской разведки
Е.И. Хромов

Приложение №15

Приказ №11 от 13 августа 1959 г.

Сего числа выбываю в райцентр с. Ларьяк, своим заместителем оставляю Иглина В.П.

Начальник Охтеурской разведки Е.И.Хромов

Приложение №16

Приказ №10 от 11 августа 1959 г.

На основании решения №123 от 1 августа 1959 года Ларьякского Совета депутатов трудящихся приказываю:

§1. Назначить бурового мастера Иглина В.П. ответственным за пожарную безопасность в район строительства буровой Р-1 и в район строительства жилого поселка для рабочих буровой бригады...

Начальник Охтеурской разведки
Е.И. Хромов

Приложение №17

Приказ №18 от 26 сентября 1959 г.

В связи с заселением всего жилого городка с 1 октября 1958 года взимать со всех квартплату за электросвет с одной электролампочки и одной розетки по 5 рублей каждую.

Начальник Охтеурской разведки
Е.И. Хромов

Приложение №18.

ПРИКАЗ №25

по Охтеурской партии глубокого бурения
с. Охтеурье — 3 ноября 1959 г.

В связи с передачей Охтеурской разведки глубокого бурения в состав Сургутской комплексной геологоразведочной экспедиции Охтеурскую разведку глубокого бурения впредь именовать Охтеурской партией глубокого разведочного бурения.

Начальник Охтеурской ПГБ Е.И. Хромов

Приложение №19

ПРИКАЗ №36

по Охтеурской партии глубокого бурения
с. Охтеурье — 27 апреля 1960 г.

В связи с окончанием строителства и монтажа буровой приказываю:

§1. Организовать буровую бригаду в следующем составе:

1Халин А.А. — бурильщик, 8 разряд.

2.Жумажанов Н.У. — //-//-//-
3.Гуменный Н.Р. — //-//-// — 7 разряд
4.Лысенко И.Д. — //-//-//-//-//-//-//-
5.Рафиков А.А. — помощник бурильщика, 4 разряд
6.Гайдовский П.В. — //-//-// — 5 разряд
7.Пуговкин П.М. — //-//-//-// — 5 разряд
8.Брагин А.И. — //-//-// — 6 разряд
9.Кондинский Ю.В. — //-//-// — 5 разряд
10.костур Л.Н. — //-//-// — 4 разряд
11.Козлов Д.А. — //-//-// — 4 разряд
12.Петухов А.Н. — //-//-// — 4 разряд
13.Ерахтин В.П. — //-//-// 5 разряд
14.Козлов Ф.А. — //-//-// — 4 разряд
15. Новоселов С.В. — //-//-// — 4 разряд
16.Аблеев А.Г. — дизелист, 6 разряд
17. Бердюгин С.Г. — //-//-//-
18. Козловский П.Л. — //-//-//-
19.Рогулин Н.А. — //-//-//-
20.Степанов В.В. — //-//-//-
21.Иштеряков Т.М. — помощник дизелиста, 5 разряд
22.Козлов И.С. — //-//-//-
23.Гарбузов А.Г. — //-//-//-
24.Мантуликов М.Б. — слесарь, 6 разряд
25.Добари А.В. — старший кочегар, 7 разряд
26.Королев И.А. — старший дизелист, 7 разряд.

Начальник Охтеурской ПГБ Л.И. Кузютин

Приложение №20

Из приказа №141-К

с. Нижневартовское 28.11.58г.

§3
Матяш Марию Семеновну зачислить с 21 ноября 1958 года и направить на Мегионский участок бурения в качестве конюха-возчика с оплатой по 4 разряду хозяйственной сетки и выплатой полевого довольствия.

И.о. начальника нефтеразведки Семенов

Приложение №21

Приказ № 121

§1

Перепелюк-Кучарова Николая Егоровича, переводом из Ново-Логиновской нефтеразведки с 11 июля зачислить дизелистом 6 разряда буровой сетки с выплатой 40% полевого довольствия.

Начальник разведки Павлищев

Приложение №22

Приказ №122

с. Нижневартовское 3 июля 1959г.

В связи с временным прекращением работ на буровой №4 Нарымской площади и ликвидацией Нарымской нефтеразведки, приказываю

.....

§4

Норкина Г.И. — перевести буровым мастером Мегионского бурового участка с окладом 1900 рублей и выплатой 70% полевого довольствия.

Начальник разведки Павлищев

Приложение №23

Приказ №144

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ
с. Нижневартовское — 5 декабря 1958 г.

Коллектив Нижневартовской разведки, как и весь советский народ, готовится к тому, чтобы оказать достойную встречу XXI съезду КПСС. Но, несмотря на общие усилия всего коллектива, имеется ряд работников, которые занимаются пьянкой, являются на работу в нетрезвом виде,чем срывают намеченные мероприятия и мешают движению коллектива вперед. Так, 8 декабря рабочие мехцеха Хаустов, Сарапин П.В.и Михальков Н.И. явились на работу в нетрезвом виде и были отстранены механиком Сидоровым А.С. от работы.

На основании вышеизложенного приказываю:

§1

С машиниста цементировочного агрегата Хаустова А.Ф. снять два разряда сроком на один месяц.

§2
С дизелиста Сарапина П.Ф. снять один разряд сроком на один месяц.

§3
Капитан-механика Михалькова Н.И. перевести разнорабочим на пилораму по 4 разряду сроком на один месяц.

§4
Предупредить поименованных рабочих, что при повторении ими нарушений трудовой дисциплины к ним будут приняты более строгие меры воздействия.
Основание: докладная механика Сидорова и объяснительные

Зам. начальника Нижневартовской нефтеразведки Величко

Приложение № 24

Приказ №153

по Нижневартовской разведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 20 декабря 1958 г.

В целях строго соблюдения правил техники безопасности при перегоне тракторов С-80 по бездорожью приказываю:

§1
При перегоне тракторов через заболоченные участки, протоки и ручьи, где имеется местность заболоченная, кабину держать открытой. Нахождение в кабине посторонних людей при перегоне категорически запрещается. В особо опасных участках перегон производится следующим образом: Тракторист включает пониженную скорость при выключенной муфте сцепления, выходит из кабины и производит управление трактором при помощи вожжей, находясь на расстоянии 10-15 метров от трактора.
Остановка трактора по окончании перегона через опасные места производится натягиванием вожжами обоих фрикционов, тракторист через заднее окно выключает муфту сцепления и продолжает нормальное движение, соблюдая правила безопасности, предусмотренные выше.
§2
Для производства аварийных работ в случае затопления имет при тракторе специальный трос длиной не менее 50 метров

§3
Для обеспечения спасательных работ на случай затопления пробную пробивку дороги на Усть-Вахе осуществлять двумя тракторами С-80.

§4
С настоящим приказом ознакомить под расписку тт. Сидорчук Н. и Кошкарева А. Контроль возложить на механика разведки Сидорова А.С.

Копии приказа отправить на Мегионский буровой участок для руководства.

И.о. начальника Нижневартовской разведки Семенов

Приложение 25

Приказ №149

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 16 декабря 1958 г.

§1

Сего числа возвратился из с. Ларьяк после окончания работы X партийной конференции и приступил к исполнению своих обязанностей.

Зам. начальника Нижневартовской нефтеразведки Семенов

Приложение №26

Приказ №47

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 17 марта 1959 г.

...Сухушину Ивану Степановичу производить выплату северной надбавки 10% с 15 марта 1959 г.

Основание: трудовой договор от 15 марта 1958 г.

Начальник Нижневартовской нефтеразведки Павлищев

Приложение №27

Приказ №58

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 4 апреля 1959 г.

...Выплатить авторское вознаграждение за внедренные рационализаторские предложения...

§1

Максимову Л.Н. — в сумме 260 руб.

Сарапину П.Ф. — в сумме 50 руб.

Основание: протокол совета БРИЗа от 5.02-59 г.

Начальник Нижневартовской нефтеразведки Павлищев

Приложение №28

Приказ №157

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 22 декабря 1958г.

«О выявленных недостатках по магазину Мегионского бурового нефтеучастка»

Учитывая исключительно трудные жилищно-бытовые условия, связанные с удаленностью Мегионского бурового участка от ближайших крупных населенных пунктов, для обеспечения рабочих продуктами и товарами первой необходимости администрацией нефтеразведки в августе была принята на работу тов. Макарова Зинаида Ивановна, в обязанности которой вменялось производить доставку необходимых продуктов и промтоваров на буровой участок из магазина Рыбкоопа (д. Мегион) и магазина ОРСа нефтеразведки и их реализации среди рабочих.

Поскольку специального помещения под магазин на участке не было, продажа продуктов и промтоваров временно производилась на квартире тов. Макаровой, для чего ей была выделена отдельная квартира.

Никаких официальных сигналов на неудовлетворительное состояние торговли от тов. Макаровой за весь период ее работы в адрес администрации не поступало.

Однако в работе тов. Макаровой имелись отдельные отрицательные моменты.

Так, в октябре по неофициальному сообщению т. Макаровой, стало известно о недостаче 17 бутылок водки, которые якобы были похищены на квартире т. Макаровой.

Тогда же руководством нефтеразведки было обращено внимание и.о начальника Мегионского бурового участка т.Дудзинского Г.Т. на необходимость серьезного вмешательства в работу Макаровой З.И. во избежание неблагоприятных последствий. Однако ни со стороны администрации (т. Дудзинского Г.), ни со стороны профсоюзной организации (т. Герасимова) никаких мер по упорядочению работы магазина принято не было. В результате этого создалась благоприятная обстановка для бесконтрольной самодеятельности в работе т. Макаровой, вследствие чего оказались возможными случаи прямого хищения государственных ценностей.

Работе магазина т. Макарова за последнее время стала уделять очень мало внимания. Доставка продуктов из магазина ОРСа на буровой участок неоднократно производилась не лично т. Макаровой, а передоверялась другим лицам, не несущим материальной ответственности. Несмотря на неоднократные предупреждения о необходимости личного прибытия на базу нефтеразведки для проведения выверки подотчета перед завмагом Резиновой С.А., т.Макарова за период с 1 ноября по 20 декабря не сочла нужным прибыть на базу.

Подобная преступная халатность т. Макаровой привела к тому, что в результате проведенного зав. магазином т.Резиновой С.А. снятия остатков по состоянию на 22 декабря 1958 г. у т. Макаровой была выявлена

недостача в сумме 6 384 руб. 90 коп., включая сюда акты на списание продовольствия от порчи на сумму 673 руб. 50 коп.

Таким образом, факт недостачи выражается в сумме 5 711 руб. 40 коп.

На основании вышеизложенного приказываю:

§1

Учитывая установленную недостачу в сумме 5 711 руб. 40 коп., что явилось следствием преступной халатности, допущенной лично т. Макаровой З.И., и принимая во внимание уголовный характер недостачи, выразить т. Макаровой полное недоверие и немедленно отстранить от работы продавца в Мегионском буручастке. С 23 декабря перевести т. Макарову на на разные работы по 3 разряду хозсетки...

(Далее т. Макаровой предлагается погасить недостачу до 1 января 1959 г., иначе дело будет передано в следственные органы для привлечения к уголовной ответственности», и предусматриваются меры по недопущению подобного впредь).

И.о. начальника Нижневартовской разведки Семенов

Приложение №29

Приказ № 159

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 30 декабря 1958 г.

«Об отмене выплат полевого довольствия лицам, принятым на месте»

В связи с разъяснением Новосибирского ТГУ, во исполнение приказа Министра геологии и охраны недр СССР № 148 от 24. 3. 58 г., отменить выплату полевого довольствия Сухину Н.Н., дизелисту... (всего в списке 11 человек).

И.О. начальника Нижневартовской разведки Семенов

Приложение №30

Приказ №32

по Нижневартовской нефтеразведке НТГУ
с. Нижневартовское — 20 февраля 1959 г.

§1

Сего числа прибыл и приступил к исполнению обязанностей начальника Нижневартовской нефтеразведки.

§2

Кузютина Л.И. с 20 февраля 1959 г назначить начальником Мегионского бурового участка с окладом по штатному расписанию.

§3

Павлищеву С..М. зачислить в порядке перевода с 25 января 1959 г. в качестве коллектора с содержанием с 25 февраля 1959 г.

Основание: приказ по НТГУ от 13.2.59 г. №17-к.

Начальник Нижневартовской разведки Павлищев

Приложение №31

Приказ №2

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 5 января 1959 г.

«О фактах пьянки, допущенных и.о. завхоза т. Разинова А.В.»

Бурильщик тов. Разинов по приказу № 152 от 20 декабря 1958 года был назначен исполняющим обязанности завхоза. Однако за короткое время т. Разинов при исполнении обязанностей завхоза показал себя с явно отрицательной стороны и допустил ряд недостойных поступков, проявив недисциплинированность.

27 декабря 1958 г. т.Разинов в конце рабочего дня выехал на лошади нефтеразведки в село Нижне-Вартовск, где организовал пьянку вместе с бухгалтером т. Черноскутовым. В результате этой пьянки была поломана кошевка, а лошадь доставлена на базу только вечером.

30 декабря 1958 года утром т. Разинов отправился по производственным делам в деревню Мегион в нетрезвом виде, данное поручение ему полностью не выполнил. Так, например, счет за приобретение лошадей в колхозе имени Калинина оформлен не был, работа по трелевке леса и заморозке льда через протоку Мега проверена не была.

3 января 1959 года т. Разинов А.В. в рабочее время в три часа дня самовольно забрал выездного коня и вместе с кладовщиком т. Жаворонковым устроили пьянку в селе Н-Вартовске, продержав лошадь до десяти вечера. При этом лошадь была доставлена на конюшню детьми-учениками, поскольку тт. Разинов и Жаворонков сами этого не могли сделать, находясь в сильно пьяном состоянии.

4 января 1959 года т. Разинов появился в 11 часов утра и производительно трудиться не мог после устроенной пьянки.

Таким образом, за столь короткое время, всего за 12 дней, исполняющий обязанности завхоза т. Разинов допустил ряд нарушений трудовой дисциплины.

§1

И. о. Разинову А.В. объявить строгий выговор, снизить разряд с 8-го на 7-й. Предупредить, что будет освобожден от и.о. и строго наказан.

§2

Стоимость использования лошади 3/1-59г. в количестве одного конедня бухгалтерии удержать с тт. Разинова и Жаворонкова.

§3

Стоимость ремонта кошевки, поломанной в результате пьянки, удержать с тт. Разинова и Черноскутова.

Основание: докладная т. Ишметовой и объяснительная

И.о. начальника Нижневартовской разведки Семенов

Приложение №32

Приказ № 6

по Нижневартовской разведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 10 января 1959г.

9 числа 1959 года рабочая Петрова А.Ф. в рабочее время вошла в конюшню, где в это время конюх товарищ Ишметова давала корм лошадям. Не говоря ни слова, Петрова стала избивать Ишметову в конюшне, а затем на улице в присутствии рабочих. После этого Ишметова обратилась в больницу, где была освобождена от работы.

В наше время, когда отношения между людьми достигают совершенства, еще имеются факты хамского отношения к человеку на производстве, так и в быту.

Такие хулиганские действия недопустимы в коллективе нашей разведки и должны сурово осуждены общественностью. Товарищу Ишметовой предлагается передать дело о хулиганских действиях т. Петровой А.Ф. в народный суд.

Коллективу нефтеразведки строго осудить действия Петровой в товарищеском суде в пятидневный срок.

И.о. начальника Нижневартоьской разведки Семенов

Приложение №33

ПРИКАЗ № 16

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 21 января 1959 г.

«О недобросовестном исполнении производственного задания буровым мастером Дудзинским Г.Т.»

С целью прогона трактора С-80 от базы нефтеразведки до Мегионского буручастка начальником участка т. Смирновым А.Н. 14.1.-59 г. были направлены два человека (тт. Матяш и Манжура) во главе с буровым мастером Дудзинским Г.Т. Указанной группе было поручено тщательно проверить весь участок пути от базы буручастка до выхода к протоке «Рязанс-

кий Еган» с выбором места перехода через протоку Мега и Рязанку с обязательным провешиванием всего провешенного пути.

При перегоне тракторов 20.1-59 г. обнаружено, что дорога от Баграса до протоки Рязанки не провешена, место переезда через Рязанку не выбрано...

...Т. Дудзинский Г.Т. к поручению отнесся несерьезно и от сопровождения тракторов по проделанному им же самим пути уклонился, сославшись на справку об освобождении от работы.

В результате... трактора С-80 и С-100 бесполезно затратили два дня и пройти Рязанку не смогли.

§1

За недобросовестное отношение к исполнению производственного задания буровому мастеру т. Дудзинскому Г.Т. объявить выговор...

И.о. начальника Нижневартовской разведки Семенов

Приложение № 34

Приказ № 137

по Нижневартовской разведке
Новосибирского ТГУ
с.Нижневартовское — 25 июля 1959 г.

§2

Липковского Евстигнея Федоровича — зачислить с 5 июля с.г. в Мегионский участок бурения бурильщиком 8 разряда с оплатой по буровой сетке и выплатой полевого довольствия переводом из Нарымской разведки.

§6

Павлюченко Михаила Петровича — зачислить бурильщиком 7 разряда с оплатой по буровой сетке и выплатой полевого довольствия переводом из Нарымской разведки с 5 июля 1959 г.

§9

Тонких Николая Степановича, прибывшего из Нарымской разведки, зачислить на Ермаки старшим дизелистом по 7 разряду буровой сетки и выплатой 40% полевого довольствия.

Начальник Нижневартовской разведки Подшибякин

Приложение № 35

Приказ № 147

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ

§1
Хафизова Фаата Закиевича, прибывшего из Нарымской нефтеразведки, зачислить бурильщиком 8 разряда буровой сетки с выплатой полевого довольствия 40% на Ермаковский буровой участок.

Начальник Нижневартовской разведки Подшибякин

Приложение № 36

Приказ № 155

по Нижневартовской нефтеразведке НТГУ

§2
Горного инженера Жемчуг Ю.И. с 25 июля 1959 г. зачислить старшим инженером Нижневартовской нефтеразведки ... Бухгалтерии оплатить проезд от станции Бухара до места работы.
Основание: приказ № 88 от 30.7.59 г.

Начальник нефтеразведки Подшибякин

Приложение № 37

Приказ № 155

по Нижневартовской нефтеразведке
Новосибирского ТГУ
село Нижневартовское — 25 декабря 1958 г.

Несмотря на категорическое запрещение производить пробивку дороги через лес от базы нефтеразведки до протоки Рязанки без официального разрешения лесхоза, пробивка участка пути была осуществлена по указанию и при прямом участии механика т. Сидорова А.С. без оформления необходимых документов.

Вследствие грубого нарушения лесотехнических правил и порчи насаждений в запретной зоне Ларьякский лесхоз предъявил разведке штраф в сумме 1704 руб. 40 коп.

Принимая во внимание, что вышеназванное нарушение было допущено исключительно по вине механика Сидорова А.С., который невзирая на ранее сделанное предупреждение о производстве дороги только после официального разрешения лесхоза, сделал это самовольно, приказываю:

§1

За самовольную, без согласования с администрацией нефтеразведки, пробивку дороги через лес, в результате чего было допущено грубое нарушение лесотехнических правил и порча лесных насаждений в запретной зеленой зоне, механику Сидорову А.С. объявить выговор.

§2

Принесенный разведке ущерб, предъявленный Ларьякским леспромхозом, допущенное нарушение в сумме 1 704 руб. 40 коп. удержать полностью с т. Сидорова А.С. Бухгалтерии произвести удержание вышеуказанной суммы равными частями в течение 3.х месяцев.

С настоящим приказом ознакомить под роспись т. Сидорова А.С. Контроль оставляю за собой.

Основание: объяснительная записка т. Величко И.Г. от 18.12. 58 г. и акт Ларьякского лесхоза.

И.о. начальника Нижневартовской разведки Семенов

«Читал, в корне не согласен, т.к. не соответствует действительности»

26.12.58 г. Сидоров

Приложение № 38

Приказ № 502

по Главгеологии РСФСР — об организации ...
и Мегионской нефтеразведочной
экспедиции
г. Москва — 25 декабря 1961 г.

В связи с увеличением объемов работ в районах... и Мегионского нефтяного месторождения, а также необходимостью приближения материальной и технической баз к указанным пунктам приказываю:

Организовать на самостоятельном балансе в составе Тюменского геологоразведочного управления следующие хозрасчетные экспедиции:

...2. Мегионскую нефтеразведочную экспедицию в поселке Мегион Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа.

Заместитель начальника Главгеологии РСФСР В. Дмитриев

Приложение № 39

ПРИКАЗ
ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПРОИЗВОДСТВЕННОМУ
ГЕОЛОГИЧЕСКОМУ
КОМИТЕТУ РСФСР

№ 63 от 17 сентября 1964 г.

«Об организации в составе Тюменского территориального геологического управления Вахской нефтеразведочной экспедиции».

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Утвердить в составе Тюменского территориального геологического управления хозрасчетную на самостоятельном балансе Вахскую нефтеразведочную экспедицию глубокого бурения с местом базирования — поселок Ваховск на реке Вах, Нижне-Вартовского района Тюменской области.

2. В соответствии с показателями для отнесения к группам по оплате труда руководящих и инженерно-технических работников, утвержденными постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Президиума ВЦСПС от 10 июля 1959 года № 499/II-16, установить Вахской нефтегазоразведочной экспедиции глубокого бурения (учитывая, что бурение скважин осуществляется в геологически осложненных условиях) вторую группу по оплате труда руководящим и инженерно-техническим работникам.

Заместитель председателя комитета И. Евсеенко

Приложение № 40

Приказ № 15

по Министерству геологии СССР
«Об организации экспедиций в
Новосибирске и Тюмени»
г. Москва 15 — января 1948 г.

... В целях обеспечения нефтеразведочных работ в 1948 году приказываю организовать в составе Главнефтегеологии следующие нефтеразведочные экспедиции:

1. Центральную нефтеразведочную экспедицию в Западной Сибири с местонахождением в г. Новосибирске.

2. Подчинить Тюменскую нефтеразведочную экспедицию Центральной Западно-Сибирской нефтеразведочной экспедиции.

Министр геологии СССР И.Малышев

Приложение № 41

Приказ № 185

по Главгеологии РСФСР
«О преобразовании Тюменского
геологоразведочного треста
в Тюменское территориальное
геологическое управление
Главгеологии РСФСР»
г. Москва — 30 декабря 1957 г.

Учитывая, что в результате проведенной реорганизации геологической службы расширился круг функций и увеличились объемы Тюменского геологического треста, приказываю:

Преобразовать Тюменский геологический трест в Тюменское территориальное геологическое управление с местом базирования в г. Тюмени.

Возложить на Тюменское геологическое управление комплексное геологическое изучение территории Тюменской области с производством геологоразведочных работ на все виды полезных ископаемых.

Геологоразведочные работы производить на основе всемерного развития геологосъемочных и геологопоисковых работ в комплексе с геофизическими исследованиями, с широким внедрением прогрессивных методов, в частности, аэрогеологических, геохимических, гидрохимических и других.

Возложить исполнение обязанностей начальника Тюменского геологического управления на бывшего управляющего Тюменским геологоразведочным трестом т. Эрвье Юрия Георгиевича.

Тюменскому геологическому управлению проводить работу управления в тесной увязке с Советом народного хозяйства Тюменского административного района, имея в виду удовлетворение как перспективных, так и текущих нужд промышленности и строительства Тюменского экономического административного района.

Зам. начальника Главгеологии РСФСР Е. Дмитриев

Приложение № 42

Из отчетного доклада Ларьякского райкома КПСС XII районной партийной конференции — о работе геологических экспедиций.
с. Ларьяк — 24 декабря 1964 г.

В районе работают две нефтеразведки и одна сейсмическая партия. В отчетный период райком партии больше вникал в работу первичных парторганизаций разведок. На бюро райкома заслушивали отчет о работе Охтеурской нефтеразведки, отчет о первичной парторганизации Нижневартовской нефтеразведки, о неудовлетворительном ходе испытаний Баграсской скважины. Партийный актив чаще стал бывать в командировках у разведчиков.

В отчетном году организационно окрепли первичные партийные организации разведок. Коллектив Нижневартовской разведки при испытании

Баграсской скважины открыл нефть с суточным дебитом в одну тонну, что говорит о том, что недра нашего района богаты природными ископаемыми.Есть все предпосылки, что другие скважины дадут нефть, это имеет большое значение для развития производительных сил района.

Однако в работе разведок по-прежнему еще много серьезных недостатков. Райком партии освободил начальника Охтеурской нефтеразведки за безответственное отношение к порученному делу т. Хромова, который, по существу, самоустранился и в дела не вникал. В разведке были систематические аварии, дисциплина коллектива была крайне плохая, только за шесть месяцев простой принес убытка в полтора миллиона рублей. Была создана новая парторганизация, после решения бюро райкома парторганизация проделала некоторую работу, но следует признать, что недостатки и на сегодняшний день имеются. С планом пока разведка не справляется. За год допустили 7 аварий, в течение трех месяцев участок не может пробурить метров на Максимкинской скважине. Не лучше дело и в Нижневартовской разведке. Бюро райкома очень серьезно предупредило начальника разведки т. Высочинского. Первичная партийная организация досрочно освободила секретаря парторганизации Семенова за серьезные пробелы в организационно-партийной работе и плохое руководство мастерскими участками.

Товарищи Семенов и Высочинский больше отсиживались на центральном участке, в мастерские участки не выезжали. Невыполнение плана бурения, систематические аварии их не беспокоили. Только из-за плохого руководства мастерскими участками необоснованно затянулось на восемь месяцев испытание Баграсской скважины. На наш взгляд, руководители разведки тт. Высочинский, Жемчуг, Колтынаев сделали правильные выводы из решения бюро райкома партии — изменили стиль руководства, что положительно стало влиять на дела разведки. Хотелось бы, чтобы эти темпы, которые они взяли за последнине четыре месяца, не ослабли.

За серьезные недостатки в работе разведок не снимается ответственность и с Сургутской экспедиции (начальник т. Салманов). Механизмами и инструментами снабжали плохо, из-за чего были частые простои и аварии. Материально-техническая база разведок исключительно плохая. На наш взгляд, есть необходимость в Ларьякском районе создать самостоятельную экспедицию. Поэтому просим окружной комитет партии поставить перел Тюменским геологоуправлением вопрос об организации самостоятельной экспедиции в Нижневартовске.

Абазаров — начальник Мегионской нефтеразведочной экспедиции.

Приложение № 43

Радиограмма начальника Сургутской экспедиции Ф.К. Салманова и главного геолога Б.В. Савельева начальнику Тюменского геологического управления Ю.Г. Эрвье — об открытии Мегионского месторождения нефти.

Из Нижневартовска — 24 марта 1961 г.

(Скважину Мегионскую-1) 19 марта простреляли (в) интервале 2175-2178 метров. 20 (марта) понизили уровень на глубину 480 м.

21 в 13 часов дня после дополнительного тартания начался слабый перелив разгазированной технической воды, в 14 часов появилась нефть. Дебит нефти по записи в коллекторском журнале 21 марта составил 288 кубометров в сутки, т.е. одна бочка емкостью 200 литров заполнялась одну минуту. 23 устье оборудовано фонтанной арматурой, сделан 2-дюймовый отвод длиной около 90 метров от устья, на конце отвода установлен прибор, срабатывая, отделяет нефть и газ, воды нет... Салманов. Савельев.

Приложение № 44

Тюмень. Президиуму пленума промышленного обкома КПСС.

Нижневартовский партком, коллектив нефтеразведчиков, промысловиков Мегиона рад доложить пленуму о новой трудовой победе.

5 июля в 12 часов закончен налив баржи нефтью самого восточного месторождения нашей области. Судно отправлено на Омский нефтеперерабатывающий завод.

Разведчики, нефтепромысловики, воодушевленные решениями декабрьского и февральского Пленумов ЦК КПСС, будут бороться в первых рядах за досрочное выполнение заданий семилетки.

Получай, Родина, мегионскую нефть!

Исыпов — заместитель секретаря парткома Нижневартовского района.

Абазаров — начальник Мегионской нефтеразведочной экспедиции.

Арнапольский — заведующий нефтепромыслов.

Приложение № 45

РАДИОГРАММА

Главное Тюменское геологическое управление «Главтюменьгеология»

Тюмень — Ровнину

Р-120 Ватинскую только возбудили зпт готовмся исследованию тчк =характеру фонтанирования дебит не менее мегионской тчк

Главный геолог МНРЭ И.Ф. Синюткин

Приложение № 46

РАДИОГРАММА

Главное Тюменское геологическое управление «Главтюменьгеология»

Тюмень — Эрвье

На Р-1 после дострела всей мощности пласта интервала 1693-1736 м получен фонтан безводной нефти визуальным суточным дебитом ... более 1000 кубометров = Абазаров

Синюткин

22 июня 1965 г.

Приложение № 47

Некоторые памятные даты из истории освоения Нижневартовского нефтяного Приобья

1951-53 г.г. — строительство и бурение Ларьякской и Покурской опорных скважин (буровой мастер Лагути В.П., геолог Княгаицкая Е.П., Техник-геолог Темиров А.).

30 ноября 1957 г. образовано Тюменское территориальное геологическое управление (ТТГУ).

7 сентября 1958 г. в п. Охтеурье начал функционировать участок глубокого бурения Ново-Логинской нефтеразведки (начальник Хромов Е.И.)

1959 г. — образована Сургутская геологоразведочная экспедиция, которой затем были переданы Охтеурская и Нижневартовская ПГБ.

2 сентября начато строительство буровой мегионскими нефтеразведчиками (на этой скважине будет получен первый в Приобье фонтан нефти).

20 марта 1961 г. в Тюменской области открыто второе по счету (после Шаима) нефтяное месторождение — Мегионское (скважина-первооткрывательница Р-1, буровая бригада Г.И.Норкина).

Приложение № 47

СПИСОК МЕСТОРОЖДЕНИЙ, ОТКРЫТЫХ АНГРЭ С АВГУСТА 1962 ГОДА

№ п.п	Месторожде-ние	№ скв	Дата откры-тия	Буровая бригада мастера	Бригада по испытанию
1	Южно-Балык-ское	91	03. 64 г.	Попова А.М.	Дюбанова Ф.
2	Мамонтовское	240	03. 65 г.	Попова А.М.	Лушпая Н.Д.
3	Очимкорское	253	08. 65 г.	Храмова В.И.	Пархомовича
4	Ср-Балыкское	92	02. 65 г.	Храмова В.И.	Бондаренко
5	Лянторское	10	06. 66 г.	Мелик-Карамова	Бондаренко
6	Мало-Балык-ское	3	08. 66 г.	Зуденкова Н.П.	Колдаева А.
7	Тепловское	41	01. 67 г.	Мелик-Карамова	Бондаренко
8	Каркатеевское	31	02. 67 г.	Мелик-Карамова	Бондаренко
9	Покачевское	1	11. 70 г.	Халина А.А.	Бондаренко
10	Вать-Еганское	5	04. 71 г.	Голеца В.А.	Карпенко
11	Ай-Пимское	10	06. 71 г.	Халина А.А	Рыбко Л.Н.
12	Вэнгапуровское	36	07. 71 г.	Халина А.А.	Рыбко Л.Н.
13	Повховское	7	08. 72 г.	Халина А.А.	Кощукова С.
14	Яраймерское	1	11. 73 г.	Зуденкова Н.П.	Козмея В.В.
15	Нонг-Еганское	59	09. 74 г.	Зуденкова Н.П.	Бондаренко
16	Карамовское	78	07. 75 г.	Гробова Е.Ф.	Бондаренко
17	Коллективное	3	09. 75 г.	Яворского А.Я.	Яворского А.
18	Ю-Покачевское	76	09. 76 г.	Зуденкова Н.П.	Козмея В.В.
19	Ю-Пульпу-Ях-ское	53	12. 76 г.	Зуденкова Н.П.	Бондаренко
20	Ю-Ваганьпу-ровское	61	12. 76 г.	Гробова Е.Ф.	Бондаренко
21	Новогоднее	120	12. 76 г.	Яворского А.Я.	Яворского А.
22	Пульпуяхское	51	04. 77 г.	Гробова Е.Ф.	Козмея В.В.
23	Харучейское	220	79 г.	Зуденкова Н.П.	Жилина А.П.
24	Сев.-Пульпуях-ское	82	08. 78 г.	Камышина А.В.	Козмея В.В.
25	Муравленков-ское	201	10. 78 г.	Камышина А.В.	Козмея В.В.
26	Куррагаиское	10	02. 80 г.	Халина А.А.	Подьянова В.
27	Сев.-Покачев-ское	101	07. 80 г.	Халина А.А.	Завернина В.
28	З-Котухтинское	123	11. 81 г.	Сережкина М.Г.	Браташова
29	З-Варьеганское	180	01. 82 г.	Марталлера Ю.	Подьянова В.
30	Выинтойское	165	03. 82 г.	Сережкина М.Г.	Браташова
31	В-Сардаков-ское	100	06. 84 г.	Доценко Н.Н.	Бунькова С.
32	Шиборинское	210	06. 86 г.	Жилина А.П.	Пидяшева В.
33	Ю-Сардаков-ское	20	86 г.	Доценко Н.Н.	Ковчура Б.В.
34	З-Могутлор-ское	73	03. 86 г.	Букрина В.А.	Дудченко В.
35	Щучье	1	86 г.	Букрина В.А.	Туешина В.
36	З-Новогоднее	200	02. 87 г.	Попивнича И.Г.	Калашникова
37	В-Придорож-ное	76	10. 87 г.	Попивнича И.Г.	Миронова Н.

№ п.п	Месторожде-ние	№ скв	Дата откры-тия	Буровая бригада мастера	Бригада по испытанию
38	Валюнинское	212	06. 87 г.	Доценко Н.Н.	Пидяшева В.
39	Могутлорское	288	04. 87 г.	Букрина В.А.	Миронова Н.
40	З-Вэнгапякут-ское	201	11. 87 г.	Попивнича И.Г.	Калашникова
41	В-Котухтин-ское	50	12. 87 г.	Букрина В.А.	Букрина В.А.
42	Егурьяхское	8	02. 88 г.	Одинцова Г.	Ковчура Б.В.
43	Селивониковское	53	88 г.	Букрина В.А.	Букрина В.А.
44	Рославльское	11	88 г.	Одинцова Г.	Ковчура Б.А.
45	Ручьевское	4	88 г.	Попивнича И.Г.	Пичугова В.
46	Ю-Ярайнер-ское	54	88 г.	Гурьева В.	Пичугова В.
47	Егурьяхское	16	88 г.	Букрина В.А.	Ковчура Б.В.
48	Голевое	15	88 г.	Одинцова Г.	Ковчура Б.В.
49	В-Выинтойское	182	07. 89 г.	Букрина В.А.	Букрина В.А.
50	Чухлорское	20	09. 89 г.	Марталлера И.	Ковчура Б.В.
51	Усть-Котухт-ское	293	06. 90 г.	Букрина В.А.	Букрина В.А.
52	Стахановское	902	04. 90 г	Попивнича И.Г.	Пидяшева В.
53	Лимбаяхское	95	04. 91 г.	Доценко Н.Н.	Жилина А.П.
54	С-Стаханов-ское	920	05. 91 г.	Попивнича И.Г.	Наговицына
55	З-Вэнгапу-ровское	100	03. 92 г.	Одинцова Г.	Жилина А.П.
56	С-Вэнгапу-ровское	178	04. 93 г.	Одинцова Г.	Коротаева А.
57	Ю-Рославль-ское	21	12. 93 г.	Гурьева В.	Коротаева А.
58	Ю-Выинмой-ское				
59	Аномальные	95		Букрина В.А.	

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1951-53 г.г. — строительство и бурение Ларьякской и Покурской опорных скважин (буровой мастер Лагути В.П., геолог Княгаицкая Е.П., Техник-геолог Темиров А.).

30 ноября 1957 г. образовано Тюменское территориальное геологическое управление (ТТГУ).

7 сентября 1958 г. в п. Охтеурье начал функционировать участок глубокого бурения Ново-Логинской нефтеразведки (начальник Хромов Е.И.).

1959 г. — образована Сургутская геологоразведочная экспедиция, которой затем были переданы Охтеурская и Нижневартовская ПГБ.

2 сентября начато строительство буровой мегионскими нефтеразведчиками (на этой скважине будет получен первый в Приобье фонтан нефти).

20 марта 1961 г. в Тюменской области открыто второе по счету (после Шаима) нефтяное месторождение — Мегионское (скважина-первооткрывательница Р-1, буровая бригада Г.И.Норкина).

12 апреля 1964 г. Мегионская НРЭ открыла высокодебитное нефтяное месторождение — Ватинское, которое вскоре было введено в эксплуатацию.

30 января 1964 г. принято постановление Средне-Уральского совнархоза об организации в Мегионе конторы бурения.

5 июня 1964 г. от причала Баграса отошла первая баржа с мегионской нефтью, буксируемая пароходом «Ползунов», на Омский нефтеперерабатывающий завод. Право открытия задвижки было предоставлено Г.И.Норкину — первооткрывателю Мегионского месторождения.

25 марта 1965 г. Мегионская КБ забурила первую эксплуатационную скважину.

29 мая 1965 г. на Р-1 Самотлора получен фонтан (интервал 2123-2130).

31 марта 1966 г. вышел Указ о праздновании Дня геолога в первое воскресенье апреля (впервые праздновался 03.04.66 г.).

17 июня 1966 г. Главтюменьгеология награждена орденом Ленина.

9 июня 1968 г. Аганская НРЭ открыла крупнейшее нефтегазовое месторождение — Вэнгапуровское (суточный дебит на скважине Р-1 шесть млн кубометров).

15 апреля 1969 г. началась подача самотлорской нефти по 26-километровому трубопроводу от первой эксплуатационной скважины № 200 до центрального нефтесборного парка.

15-18 апреля 1969 г. прошла конференция по проблемам размещения производительных сил Тюменской области.

17 апреля 1969 г. — первое распределение выпускников Тюменского индустриального института (в т.ч., в нефтяное Приобье).

В ноябре 1970 г. Аганской НРЭ открыто крупнейшее нефтяное месторождение — Покачевское (бурила бригада Н. Мелик-Карамова, испытывала бригада В.Бондаренко).

30 марта 1971 г. Аганская НРЭ открыла по соседству с Покачевским крупное Вать-Еганское нефтяное месторождение (бурила и испытывала скважину-первооткрывательницу бригада мастера В.А.Ерохина).

27 марта 1971 г. Мегионская НРЭ открыла крупное нефтяное месторождение — Северно-Варьеганское.

11 февраля 1971 г. Мегионская НРЭ за досрочное выполнение заданий пятилетки, открытие и разведку крупнейшего Самотлорского месторождения нефти награждена орденом «Знак Почета».

8 августа 1972 г. Аганская НРЭ открыла Повховское месторождение нефти (бурила бригада А.А. Халина, испытывала — В.И. Бондаренко).

17 мая 1972 г. Ваховская НРЭ открыла крупное нефтяное месторождение — Хохряковское (бурила бригада В. Щастного, испытывала бригада А. Обозина).

В ноябре 1973 г. Аганская НРЭ открыла крупное месторождение — Ярайнерское (скважину-первооткрывательницу Р-1 бурила бригада В.А. Гольца, испытывала бригада Карпенко).

4 апреля 1974 г. Мегионская НРЭ открыла крупное нефтегазовое месторождение — Вань-Еганское.

8 сентября 1974 г. Аганская НРЭ открыла Нонг-Еганское нефтяное месторождение (бурила бригада А.А. Халина, испытывала скважину первооткрывательницу Р-59 бригада Л.Н. Рыбко).

18 февраля 1975 г. Мегионская НРЭ открыла крупное нефтяное месторождение — Тагринское.

В 1975 г. Ваховская экспедиция открыла Северо-Хохряковское нефтяное месторождение.

В июле 1975 г. Аганская НРЭ открыла Карамовское месторождение (бурила скважину-первооткрывательницу Р-78 бригада А.А. Халина, испытывала бригада Л.Н. Рыбко).

3 октября 1975 г. на Самотлоре добыто 200 миллионов тонн нефти (из 500 миллионов, добытых в Тюменской области).

3 мая 1976 г. Аганская НРЭ открыла Южно-Покачевское нефтяное месторождение (бурила бригада Н.П. Зуденкова, испытывала бригада В.В. Козмея).

31 декабря 1976 г. Аганская НРЭ открыла Новогоднее нефтяное месторождение (бурила и испытывала бригада А.Я. Яворского).

В апреле 1977 г. Аганская НРЭ в течение недели открыла два нефтяных месторождения: Пульпуяхское и Южно-Пульпуяхское

10 июня 1978 г. на нефтяных месторождениях Тюменской области добыт 1 миллиард тонн нефти со дня освоения региона (в т.ч. 524 миллиона — Самотлор).

25 октября 1978 г. Аганская НРЭ открыла Муравленковское месторождение нефти (скважину-первооткрывательницу Р-201 бурила бригада Камышина, испытывала бригада Казмея).

20 февраля 1979 г. в п. Новоаганск на временную ВВП приземлился самолет ИЛ-76.

27 ноября 1979 г. Мегионская НРЭ открыла Чумпасское нефтяное месторождение.

30 декабря 1979 г. Восточно-Мегионская НРЭ открыла Ершовское нефтяное месторождение (названо в честь-писателя-тоболяка П. Ершова).

12 июня 1979 г. на Самотлоре добыт 1 миллиард тонн нефти.

В феврале 1980 г. Аганской НРЭ открыто Куррагaнское месторождение.

25 июля 1980 г. п. Мегион присвоен статус города окружного подчинения.

В июле 1980 г. Аганская НРЭ открыла Северо-Покачевское нефтяное месторождение (бурила бригада А.А.Халина, испытывала — В.В. Завернина)

25 мая 1981 г. Мегионская НРЭ открыла Новопокурское нефтяное месторождение (скважину-первооткрывательницу Р-230 бурила бригада А.Ф. Балуева, испытывала — А.П. Лысенко).

9 декабря 1981 г. Мегионская НРЭ открыла нефтяное месторождение Нежданное (скважину бурила бригада М.А. Стюрова).

В ноябре 1981 г. Аганская НРЭ открыла Западно-Котухинское месторождение (бурила бригада М.Г. Сережкина, испытывала — А.В. Браташова).

2 апреля 1982 г. Мегионская НРЭ открыла Нивагальское месторождение.

В марте 1982 г. Аганская НРЭ открыла Выинтойское месторождение нефти (бурила бригада Сережкина, испытывала — Браташова).

4 ноября 1983 г. Мегионская НРЭ открыла Мало-Ключевское месторождение нефти (бурила скважину-первооткрывательницу Р-78 бригада Н. Геничева).

В июне 1984 г. Аганская НРЭ открыла Шиборинское месторождение нефти.

19 апреля 1985 г. Восточно-Мегионская НРЭ открыла Ай-Еганское месторождение нефти.

15 августа 1985 г. Лангепас и Радужный получили статус городов.

8 мая 1985 г. Мегионская НРЭ открыла Никольское месторождение нефти.

В 1986 г. Аганская НРЭ открыла З-Могутлорское и Щучье месторождения нефти (обе бурила бригада В.А. Букрина).

13 февраля 1986 г. Мегионская НРЭ открыла нефтяное месторождение им. 27-го съезда КПСС, вскоре переименованное в Куляминское.

18 мая 1986 г. Мегионская НРЭ открыла Кульеганское месторождение нефти.

31 декабря 1986 г. Мегионская НРЭ открыла Северо-Ореховское нефтяное месторождение.

В 1987 г. Аганская НРЭ открыла З-Новогоднее, В-Придорожное, Могутлорское, З-Вэнгапяткутинское, Егурьяхское нефтяные месторождения.

8 июня 1987 г. Мегионская НРЭ открыла Восточно-Еловое месторождение нефти.

В 1988 году Аганская НРЭ открыла Егурьяхское, Рославльское, Ю-Ярайнерское, Голевое месторождения нефти.

17 февраля 1988 г. Восточно-Мегионская НРЭ открыла Хохловское месторождение нефти.

14 апреля 1988 г. Мегионская НРЭ открыла Ледяное месторождение нефти.

14 апреля 1989 г. Мегионская НРЭ открыла нефтяное месторождение — Рямное.

В июле 1989 г. Аганская НРЭ открыла В-Выинтойское месторождение нефти (бурила и испытывала бригада В.А. Букрина).

В сентябре 1989 г. Аганская НРЭ открыла Чухлорское месторождение нефти (бурила бригада Марталлера, испытывала — Ковчура).

В 1990 г. Аганская НРЭ открыла Усть-Котухтинское и Стахановское месторождения нефти (бурили бригады В.А. Букрина и И Г. Попивнича, испытывали — В.А. Букрина и В.В. Пидяшева).

16 апреля — день рождения Юрия Георгиевича Эрвье (1909-91 гг.), создателя Тюменского геологоуправления.

1 апреля 1990 г. — дата ликвидации Главтюменьгеологии и создания концерна «Тюменьгеология».

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

МГ (СССР, РСФСР) — Министерство геологии.

ТГУ — Тюменское геологическое управление.

Главтюменьгеология — Главное производственное геологическое управление.

НРЭ (НГРЭ) — нефте(газо)разведочная экспедиция.

КГРЭ — комплексная геологоразведочная экспедиция.

ПГБ — партия глубокого бурения.

ЦНИЛ — центральная научно-исследовательская лаборатория.

ГРЭ — геологоразведочная экспедиция.

ПТО — производственно-технический отдел.

ПО — плановый отдел.

РИТС — районная инженерно-технологическая служба.

Центральная инженерно-технологическая служба.

НИИ — научно-исследовательский институт.

КИП — контрольно-измерительные приборы.

ОМТС (ОТС) — отдел материально-технического обеспечения.

ГО — геологический отдел.

ТУ — техническое училище.

ОМНГ (МНГ) — объединение «Мегионнефтегазгеология».

КБ — контора бурения.

ВГСЧ — военизированная газоспасательная часть.

ПТВС — предприятие теплопароводоснабжения.

ОАО МНГГ — открытое акционерное общество «Мегионнефтегазгеология».

НПУ — нефтепромысловое управление.

ДСУ — дорожно-строительное управление.

ВМК — вышкомонтажное управление.

ЭКБ (РКТБ, УПТОиК) — комплектовочная база (управление)

МНРЭ, ВМНРЭ, АНРЭ, ВНРЭ (Г) — Мегионская. Восточно-Мегионская, Аганская, Вахская нефтеразведочные (газо) экспедиции.

«ТГ» — многотиражная газета «Тюменский геолог».

Список использованной литературы

1. Разбудившие землю. Свердловск, 1965.
2. Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты, Свердловск, 1969
3. Нефть и газ Тюмени в документах (1902-1965). Свердловск, 1971.
4. Неменова Л. Главный геолог М., СР, 1975.
5. Ф.К. Салманов «Сибирь — судьба моя». М., МГ, 1988.
6. Профессионалы нефтегазовой отрасли. М., 1996.
7. Нижневартовский район. Страницы истории. Нижневартовск, 1998.
8. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших времен. Екатеринбург, 2000.
9. Азимут судьбы. Ханты-Мансийск, 2000.
10. Тюменская правда, 1962.
11. Тюменский комсомолец, 1962-1970 гг.
12. К победе коммунизма, 1962-1968 гг.
13. Ленинское знамя.
14. Тюменский геолог, 1964-1989 гг.
15. Мегионские новости, 1992-2002 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Разведчики 4
Из истории нефтеразведочных работ в Нижневартовском районе 5

У ИСТОКОВ ТЮМЕНСКОЙ НЕФТИ
Папа Юра 26
Патриарх сибирского «поля» 65
Багряный георгин 72
Халинские университеты 78
На Покурских профилях 92
Новый год у Самотлора 99
Поет морзянка 114

БАГРАС — НАЧАЛО ПУТИ
Метаморфозы 120
Мой путь начинался с Баграса... 123
Мы жили по соседству... 130
Неравнодушный человек 134
Он видел сущность керна и березы 141
Меджевскому — можно 146

ПОД СТАТЬ РАЗМАХУ ДЕЛ
Они были друг другу под стать 154
Глуби и выси, или талант быть лидером 161
День начинается с рассвета 170
Я многих бы хотела оживить 188
Косянюк из рода ковалей 196
Дорога на Харампур 200
Оттуда все — из детства... 207

КОЛЬЦА ЖИЗНИ **220**
Я сам такой... 220
Здесь «обретает сердце пищу» 228
Руки, которые без работы зябнут 235
Гусар 241
Кольца жизни 250
90-я параметрическая 254
Поплачем о друге, поплачем... 269
«Не зря ль вам «северные» платим?..» 275
Подконтрольный рейс 278
Саша. Внук незнакомки? 282
Вятские — ребята хваткие 288
Специальный приз 292

ОДНОВАХЧАНЕ **300**
Кочень с Верхней Тольки ... 300
В саду калина вызрела ... 303
Конец — всему делу венец ... 306
Семья «металлистов» ... 307
Мы все — одновахчане ... 309
Открытия — на долоте ... 311
Нам мало надо: возможность работать и зарабатывать ... 312
Каким он парнем был... ... 315
Валентин Кадеев из рода долгожителей ... 324
Тещино подворье ... 331
Мертвая хватка ... 334
Смена времен ... 341
Злые мощи ... 347
Староста ... 356
Атаманом артель крепка ... 356
Русская поговорка ... 356
Нешуточные игры ... 366
По кривой дорожке... ... 369
Рома-водовоз ... 377
Не жалей ... 380

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА **404**
На всю ступню ... 404
Мой друг и друг тайги — калмык ... 410
Романовна ... 414
Однажды и навсегда ... 418
Район и Людмила ... 424

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ **437**

ШУТКИ ИЗ КУЛЬТБУДКИ **463**
Жертва симпатии ... 464
Летные «наркоманы» ... 464
Воздушная подушка ... 464
«Питичка жю-жю» ... 466
О вреде бросания ... 467
Поделись с другом ... 468
«Пивная» надбавка ... 469
Швырки ... 470
Чайку — не желаете-с? ... 472
«Укысло» ... 473
«Свят-свят-свят»... ... 474
«Вас понял» ... 475

«А я приказываю!» 475
Ну и ножки... 475
Что за чертовщина? 476
Механик-словесник 476
Пропавшая печать 477
Подстраховка 478
Ближе к полю 480
Все-таки поймал! 480

ОТ «А» ДО «Я» 481
Абазаров Владимир Алексеевич 482
Абдуллин Зарафшан Каримович 482
Агапов Валерий Викторович. 482
Белоглазова Антонина Михайловна 483
Бендас Маргарита Николаевна 485
Бондаренко Геннадий Петрович 485
Витязь Леонтий Степанович 485
Войцехович Евгений Викторович 485
Высочинский Владимир Иванович 486
Высочинский Иван Яковлевич 486
Гавриков Валентин Андреевич 487
Гаврикова Джемма Михайловна 487
Грин Яков Яковлевич 487
Гусев Юрий Григорьевич 487
Дудник Николай Леонтьевич 488
Ермолаев Геннадий Дмитриевич 488
Жумчуг Юрий Иванович 488
Карагодин Алексей Петрович 489
Каталкин Степан Леонидович. 489
Кваша Иван Филимонович 489
Козлов Виктор Николаевич 490
Козлова Галина Ивановна 490
Кочнев Владимир Алексеевич 491
Ксенофонтов Юрий Иванович 492
Кузнецов Валерий Павлович 492
Липковский Евстигней Федорович 492
Логинов Иван Нестерович 492
Малыгин Семен Лукич 493
Малышев Владимир Иванович 493
Мартемьянов Зиновий Афанасьевич 493
Морозов Алексей Куприянович 493
Морозов Николай Михайлович 494
Налобин Владимир Алексеевич 494
Норкин Григорий Иванович 494

Павлюченко Михаил Петрович 494
Палкин Феоктист Иванович 495
Пальянов Владимир Александрович 495
Пархамович Виктор Михайлович 495
Перегудов Олег Михайлович 495
Перегудова Валентина Николаевна 496
Печерин Владимир Петрович 496
Печерина Валентина Викторовна 497
Печерин Петр Ильич 497
Плотников Николай Николаевич 498
Пузиков Василий Николаевич 498
Романченко Юрий Иванович 498
Синюткин Модест Федорович 498
Стерхов Спартак Викторович 499
Стюров Михаил Афанасьевич 499
Темиров Амет Борисович. 500
Федоров Виктор Петрович 500
Федькив Василий Михайлович 500
Филимонов Валерий Викторович 501
Фирсова Татьяна Петровна. 501
Шутов Борис Алексеевич 501
Щастный Валерий Викторович 501
Юрьев Владимир Трофимович 502
Яцына Николай Емельянович 502

ПРИЛОЖЕНИЯ **503**
Приложение №1 504
Приложение №2 504
Приложение №3 506
Приложение №4 506
Приложение №5 507
Приложение №6 507
Приложение №7 507
Приложение №8. 508
Приложение №9 508
Приложение №10 509
Приложение №11 509
Приложение №12 509
Приложение №13 510
Приложение №14 510
Приложение №15 510
Приложение №16 511
Приложение №17 511
Приложение №18. 511

Приложение №19 511
Приложение №20 512
Приложение №21 513
Приложение №22 513
Приложение №23 513
Приложение № 24 514
Приложение №26 515
Приложение №27 515
Приложение №28 516
Приложение №29 517
Приложение №30 517
Приложение №31 518
Приложение №32 519
Приложение №33 519
Приложение № 34 520
Приложение № 35 521
Приложение № 36 521
Приложение № 37 521
Приложение № 38 522
Приложение № 39 523
Приложение № 40 523
Приложение № 41 524
Приложение № 42 524
Приложение № 43 525
Приложение № 44 526
Приложение № 45 526
Приложение № 46 526
Приложение № 47 527
Приложение № 47 528
Памятные даты 530
Список использованной литературы 534

Издание осуществлено при финансовой поддержке
муниципального образования Нижневартовский район.

ВИКТОР КОЗЛОВ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Очерки истории разведочных работ на нефть и газ в
Нижневартовском районе в лицах

Корректор Н.Зайцева
Компьютерная верстка Я.Недвига, С.Яценко

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01.

Подписано в печать 14.03.03.
Бумага офсетная. Гарнитура Antigua. Формат 84x108 1/16.
Уч. печ. л. 56,7. Уч.-изд. л. 28,96. Тираж 1000. Заказ 1043.

Банк культурной информации.
620026, г.Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс: +7 (3432) 22-15-46.

Отпечатано в ОГУП «Каменск-Уральская типография»
623400, г. Каменск-Уральский, ул. Ленина, 3.

Ell nl.

Магнитогорская ЦБС
060127001